

АС-АЛАН

3(8) 2002

Фатиха суурасы. Биринчи суура.
[Къуранны] ачхан. Аль-Фатиха

Ағъузу -бил-ляһи минаш-шайтанир-раджим
Бисмилляһир-рахманир-рахим

1. Рахман эм рахим болгъан Аллаһыны аты бла
2. Хар махтау Аллаһхады –
бютеу Аламланы Месине,
3. Чеқсиз хатерлиги, джумшақлыгы болгъан
4. Қыямат Кюнню Пёресине!
5. Джангыз Сеннге қуллауқ этебиз
эмда умутчубуз джангыз Сенден:
6. Пюз джолгъа тюзет бизни,
7. Сени чамландыргъанла эмда
аджашханла баргъан джолгъа тюл,
Сен разылыгъынгы бергенле баргъан джолгъа.

Аминь.

Көчүргөн Лайпанланы Билал

«Не совершайте насилия над другими и не допускайте насилия над собой»

Пророк Мухаммед

АС-АЛАН

№3(8)

Ежеквартальный массовый журнал, освещающий историю и
сегодняшнюю жизнь карачаево-балкарского и других народов
Российской Федерации

Издается с 17 ноября 1998 года на карачаево-балкарском,
русском, английском, турецком, арабском, немецком,
французском языках.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Книжное издательство «Мир дому твоему»

Главный редактор:

Билал Лайпанов

Зам. главного редактора:

Улданай Бахтикиреева

Редакционная коллегия:

Алий Тоторкулов, Марьям Яндиева, Аслан Атабиев,

Расул Джалпыуев, Энвер Токаев, Hacı-Murat Hubey

Общественный совет:

Дахир Семенов, Рамазан Джуккаев, Нюр-Магомед Лайпанов,
Азрет-Али Кечеруков, Борис Батчаев, Борис Коржмазов, Abdullah

Yücesan, Atilla Şimşek, Бахаутдин Этезов, Борис Лайпанов,

Адам Мальсагов, Yaşar Kalafat, Радес Кулиев, Надир Бекиров,

Юлий Костинский, Mustafa Dommaıcı, Алан Лайпанов

"МИР ДОМУ ТВОЕМУ"

Москва

2002

ББК 84Р7

АІ

**АІ АС-АЛАН №3(8): Журнал.-М.:
Мир дому твоему, 2002. 576 с., илл.**

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов ответственность несут авторы. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Перепечатка материалов (фото и текстов) без разрешения редакции запрещена.

Тел. для справок: (095) 177-99-20,

E-mail: bilallaypan@mtu-net.ru

Почтовый адрес: 109518, Москва,

ул.Грайвороновская, 21-110

ББК 84Р7

АІ

ISBN 5-87553-037-5

© "Мир дому твоему", 2002 г.

© "Ас-Алан", 2002 г.

**Главному редактору журнала «Ас-Алан»
Билалу Лайпанову
Читателям журнала «Ас-Алан»**

Рад был узнать, что журнал регулярно выходит.

Наши народы сейчас переживают период духовного возрождения, которому должно помочь слово писателей, ученых, журналистов. Слово, написанное не только на «злобу дня», но и не забывающее злобу прошедшего века. И это – способ выразить надежду, что наступающий будет для наших народов, наконец-то, добрым. У нас есть что сказать себе и миру.

Желаю журналу хороших авторов и внимательных читателей. Сейчас заканчиваю книгу «Тюрки в доистории», надеюсь рассказать о ней в «Ас-Алане».

**Крепко жму руку,
Ваш Олжас Сулейменов**

Париж, 5 сентября 2002г.

От редакции журнала «Ас-Алан»:

в этом номере нашего журнала мы публикуем целиком книгу Олжаса Сулейменова «Тюрки в доистории», любезно предоставленную нам автором.

**ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ
ЖУРНАЛА "АС - АЛАН"**

Б. ЛАЙПАНОВУ

Дорогой Билал!

В это трудное время, когда духовность как основа человеческого бытия, почти во всем мире подвергается уничтожению и отодвигается на задний план, желаю читателям вашего журнала высокого полета на небе духовности. Направляю вам полный текст нашего диалога с Ч.Айтматовым, посвященного одному из актуальных тем современной глобальной проблемы — "Опасный фетиш Чингисхана".

С уважением,

**Мухтар ШАХАНОВ,
Народный поэт
Казахстана
и Кыргызстана**

3 сентября 2002 г.

Предлагаем Вашему вниманию диалог-размышление о некоторых актуальных вопросах истории и современности, роли литературы в формировании подлинного историзма мышления, в нравственно-философском осмыслении уроков прошлого Чингиза Айтматова и Мухтара Шаханова, удостоенных в Турции по итогам 2001 года премий "Лучший писатель мира" и "Лучший поэт мира" из тюркоязычных стран. «Ас-Алан»

**Чингиз АЙТМАТОВ
Мухтар ШАХАНОВ**

ОПАСНЫЙ ФЕТИШ ЧИНГИСХАНА

Шаханов: В последние годы в Монголии, Китае, в ряде регионов Российской Федерации и странах Центральной Азии, особенно в Казахстане, получил широкое распространение безрассудный фетишизм личности Чингисхана. Очередному пробуждению интереса к этой исторической личности, несомненно, оказавшей огромное влияние на ход евразийской цивилизации, в определенной мере способствовало включение Чингисхана Всемирным информационным центром в число 10-ти выдающихся людей тысячелетия. Были проведены разные исследования, изданы книги, опубликованы многочисленные статьи и, в основном, только в положительном плане.

Так, в странах, этно-исторически связанных с Монгольской империей, чтобы поднять дух нации, свой имидж и престиж в глазах международного сообщества, начали активно искать общие родственные родоплеменные корни, муссировать разговоры, что именно их земля была прародиной могущественного Чингисхана, а они – потомки Великой империи.

Вот в такой момент вышел в свет мой поэтический роман "Космоформула карающей памяти" (Тайна, унесенная Чингисханом). Тем не менее, я никак не предполагал, что поддержанный в предисловии Вами и другими известными учеными и историками, он станет предметом столь большого спора, аналогии которому до сей поры не было в истории и литературе центральноазиатских стран. К дискуссии подключились около 25 казахстанских газет и журналов, не

считая радио и телевидения. Некоторые из оппонентов открыто обвинили меня в создании отрицательного образа Чингисхана как злого и кровожадного человека. Другая сторона аргументированно указывает на несомненную антигуманность его кровавых деяний и дает им объективную нравственно-историческую оценку. Поклонники Чингисхана оскорблены тем, что я якобы предал дух «великого предка казахов», дабы понравиться Западу. Хотя обвинения эти надуманны, лишены разумной основы и не стоят серьезного обсуждения, но весь разговор обрел большую общественную значимость. Ученые и писатели разделились на две противоположные группы, отразив таким образом состояние и уровень научной, художественной мысли, мировоззренческие позиции нашей интеллигенции. Просто смешно и печально от того, что полемика разгорелась не по концептуальным проблемам и идеям произведения, а вокруг Чингисхана и его места в истории, что вовсе не было для меня самоцелью. В своем романе я хотел показать, что 97 процентов людей (возможно, и больше, дай бог мне ошибиться), имеют стадное мышление и склонны к бездумному подражанию по принципу «как они, так и я», потому всегда представляют потенциальную опасность. Только оставшиеся три процента мыслят и действуют по своему усмотрению. Но опаснее всего именно те 97 процентов подражателей, которых легко ввести в заблуждение всеобещающими псевдореальными идеями и направить куда угодно. Тираны всегда ставку делали именно на них... Я попытался на примере злого гения Чингисхана рассмотреть, как правители-тираны властвовали раньше и как теперь управляют толпой подражателей... По этому поводу можно было прийти к очень интересным философским, социальным и политическим выводам, которые, полагаю, необходимы современному обществу.

Сейчас появилось множество публикаций разного формата, открыто возвеличивающих личность и деяния тирана. К примеру, весьма объемная книга под названием "История Чингисхана" казахстанского автора Калибека Даниярова с посвящением десятилетию государственного суверенитета и независимости Казахстана, в которой он безапелляционно и с огромной гордостью утверждает, что могущественный полководец был по этническому происхождению не только тюрком, но и казахом, более того – основателем первого казахского государства. И хотя это "творение" представляет собой весьма сомнительное и малограмотное исследование, к сожалению, оно покупается нарасхват. А другой "исследователь" Хамза Коктанди посвятил "своему дальнему предку" Чингисхану и эпохе его завоеваний труд в 52 печатных листа и буквально всем заморочил голову "сенсацией" о том, что нашел могилу правителя... на территории

Южно-Казахстанской области. Без всяких разумных оснований и аргументации он назвал могилу Узун-ата захоронением Чингисхана, куда тут же бросились кладоискатели, чтобы тайно овладеть богатствами императора. Подобная глупость очевидна, и не стоило бы обращать на нее внимание, но разные газеты и телевидение, подхватив, теперь периодически возвращаются к ней.

Айтматов: Да, при всей поверхностности затеянной полемики ситуация обретает весьма серьезную и нежелательную социально-политическую окраску.

В настоящее время евразийский континент переживает трудные процессы возрождения самосознания. В конце минувшего столетия здесь произошли небывалые судьбоносные процессы: появились нередко доселе неизвестные миру государства, которые, неожиданно обретя суверенитет, оказались перед необходимостью выработки новой политики и идеологии с учетом своих интересов и современных реалий. Потребность обращения к национальной истории, к своим истокам в этот первоначальный период становления государственности, несомненно, правомерна, ведь история этносов, населяющих Евразию, действительно уходит корнями в далекое прошлое.

И сейчас определенные круги в этих странах через укрепление веры в великое прошлое своего народа, вызывая к чувствам национальной гордости, стремятся повысить его самоуважение и убежденность в достойном будущем. К сожалению, они избрали в этих целях идеалом для всенародного поклонения действительно неординарные исторические личности, но антигуманного, демонического склада.

К примеру, недавно Монголия пышно и торжественно отметила 840-летие основателя единого монгольского государства Чингисхана. Из печати известно, что главной государственной наградой был учрежден новый орден – орден Чингисхана, которым за особые заслуги награждаются не только граждане Монголии. Празднество было отмечено закладкой в центре Улан-Батора первого камня в фундамент мемориального комплекса с 20-метровой скульптурой Чингисхана и изваяниями девяти его военачальников, предварительной стоимостью в 19 миллионов долларов, весьма обременительной для бюджета любой небольшой страны. В конце концов, дело не в финансовых тратах, на благое дело можно потратить и больше, но поражает сам настрой на возвеличивание кровавого покорителя, повинного в смерти миллионов людей на огромном евразийском пространстве.

С другой стороны, подобное пристрастное отношение как-то можно понять, ведь Чингисхан почитается как великий отец монгольской нации, его имя используется для консолидации

монгольского народа, пробуждения патриотических чувств и в угоду этому нет возможности объективно и здраво оценить на его личность и злые деяния. Нужны еще десятки, сотни лет, чтобы общественное сознание в Монголии изменилось, пройдя через чистилище нравственного самоосмысления и самопокаяния. Другое дело – страны, которые пусть в далеком историческом прошлом, но непосредственно и жестоко пострадали от варварских нашествий полчищ Чингисхана. Утратив историческую память, сегодня они претендуют на родственное происхождение с завоевателем, считая его своим прямым предком. Подобные притязания, оспаривающие приоритет у монголов, имеют место в Китае, в России (так, академик А.Т. Фоменко доказывает русско-славянскую принадлежность Чингисхана, а народы Тувы, Бурятии и другие – только свою), даже в Японии он считается... японским самураем, который в силу некоторых обстоятельств был вынужден перебраться с островов в монгольские степи. Не отстали и в Казахстане, где так много черных следов кровавого нашествия тирана. Как стал возможным этот абсурд?

Шаханов: Если говорить по данному вопросу применительно к Казахстану, то здесь необходимо обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, чингизиды, потомки Чингисхана, правили здесь многие века и это было основательно закреплено в государственной системе Казахского ханства. Власть монгольской династии была освящена происхождением от Чингисхана, и, естественно, потомки высоко чтили своего предка. Поскольку его почитали верховные правители, то и подвластное им тюркское население восприняло культ Чингисхана, хотя их собственные предки в XIII веке стали жертвами монгольских завоевателей. По данному поводу Президент Казахстана Н.Назарбаев в своей книге "В потоке истории" отмечает: "Дети чингизидов по праву рождения приобретали титул султана и права, потомственно принадлежавшие этой социальной группе, как-то: монопольное право на ханский трон, не несли никаких, кроме военных, повинностей, были избавлены от телесного наказания и суда биев. Каждый чингизид, независимо от того, к какой именно династии потомков Чингисхана он относился, мог претендовать на ханский титул в любом месте, где в какой-то мере сохранились традиции монгольской империи. ...Чингизиды как часть истории народа в течение веков завоевали у простых людей не только ненависть, но и популярность и поклонение". В свое время чингизид по происхождению, выдающийся ученый Ч.Валиханов в "Записках о киргизах" писал с иронией: "К белой кости принадлежат нойоны и зайсаны (у калмыков) и султаны – потомки Чингис-хана (у киргизов), (*казахи тогда тоже назывались киргизами – М.Ш.*); по мнению народа, они происходят от солнечного

света и, следовательно, благодаря их абсолютной сверхъестественности, божественному происхождению, пользуются властью и уважением".

Правда, чингизиды со временем ассимилировались с местным населением, приняли его веру, традиции, обычаи и особенности менталитета, забыв свой язык и культуру. Они, хотя постепенно и превратились в этнических казахов, но всегда помнили о своих чингизидовских корнях и гордились этим.

Во-вторых, Чингисхан после покорения завоеванных земель в каждом значительном населенном пункте оставлял своих представителей для сбора податей и решения военно-административных задач, которых называли «торе», то есть начальник. Их потомки также в процессе эволюционной ассимиляции стали этническими казахами, образовав свое генеалогическое древо, и вместе с прямыми ханскими потомками также с гордостью хранят память о своих предках.

И, в-третьих, в последние годы, в период становления независимости Казахстана, в республику прибыло огромное количество репатриантов-казахов из Монголии, в большинстве своем воспитанных в духе идолопоклонничества Чингисхану. Среди них немало ученых-историков и писателей, посвятивших свои труды культовому возвышению личности монгольского властителя.

Конечно, было бы необъективно бросать тень на всех представителей этих родов, наших соотечественников, многие из них внесли и продолжают вносить немалый вклад в развитие казахской нации. Но отдельные личности, группируясь, создают весьма нездоровую атмосферу в нашем обществе.

Недавно один из известных писателей, главный редактор литературного журнала "Жулдыз", секретарь правления Союза писателей Казахстана Мухтар Магауин опубликовал ошеломляющую статью под названием "Добрый свет Чингисхана", в которой называет монгольского тирана "вечной гордостью" казахов. Он, опускаясь до смешного, считает, что миссия Чингисхана по отношению к Казахстану и, в частности, к Отрару была освободительной, а не завоевательной. Меня же он осуждает за создание отрицательного образа Чингисхана, по его мнению, так я предал собственный народ "в угоду интересам Иоанна, Джона и Ивана", и Вы по такому же обвинению тоже попали к нему в немилость.

Во время XII съезда писателей Казахстана ко мне подошел один из критиков, казах родом из Монголии, и признался, что он высоко ценил мое творчество, но ему пришлось пересмотреть свое отношение ко мне из-за Чингисхана. "Неужели Вы не понимаете, – сказал он, – что он наш дальний предок. Вы оскорбляете и унижаете достоинство собственного народа". На это я ему ответил: "Во-первых, то, что

Чингисхан – предок казахов, это неверно. Так, доктор исторических наук Беимбет Ермуханов, ссылаясь на Рашид ад-Дина, писал, что Чингисхан по отцовской линии происходит от князей-борджигинов, означающих зеленоглазые. Ермуханов полагает, что никакого основания считать их племенами тюркского и казахского народов нет. Все прочие разговоры вокруг этого считаются заблуждением. Подобного мнения придерживаются и другие ученые. (Хотя одному Богу известно, кто был отцом Чингисхана: Есугей-багатур или меркит Чиледу, невестой которого была отбитая Есугеем его мать Оэлун.) Во-вторых, даже если допустить родственность общих корней, дает ли это нам моральное право простить кровавые завоевания Чингисхана? И если мы позволим появлению такого прецедента, это может самым катастрофическим образом отразиться на нашем мировоззрении".

Айтматов: Да, вижу, это весьма нелегкая проблема. В истории немало грустных примеров, когда не самые безупречные исторические фигуры и зачастую завоеватели, тираны и деспоты, принесшие смерть и страдания миллионам людей, совершив преступления против человечества во вселенском масштабе, впоследствии были возведены на пьедестал славы, в основании которого лежит бездумное, слепое идолопоклонство. Ведь до сих пор бытует древняя монгольская легенда о будущем воскресении великого правителя. Хотя она и наивна, но вместе с тем глубоко символична для современного мира, поскольку наш век продолжает порождать новых властолюбивых, с узурпаторскими аппетитами на чужие земли чингисханов, наполеонов, гитлеров. Важно отречь людей от фанатичной веры в них, нужна большая и кропотливая работа по духовно-нравственному очищению общества и человека. От этого зависит, взвоется ли вновь над головами миллионов плеть властителя, стремящегося править миром, или все-таки народы сумеют прервать череду появления кровожадных покорителей. Желание же некоторых руководителей постсоветских республик как можно быстрее осуществить политико-правовое оформление суверенитета и независимости своих государств, способствовало возникновению различных псевдоисторических учений, в том числе и незаслуженному возвеличиванию отдельных относительно ярких исторических деятелей, но, увы, тиранического склада, до национальных героев. Еще Зигмунд Фрейд в начале XX века подразделял психическую деятельность человека на созидательную и разрушительную. Первую он называл Эросом, а вторую – Танатосом. Они всегда находились в противостоянии друг к другу и стремились психологически повлиять на сознание человека с тем, чтобы заставить его подчиниться своим установкам и совершить те или иные поступки. Да, Чингисхану действительно было чуждо такое понятие, как "добро",

его кровавые деяния не вписываются даже в нормы своего грозного и "жестоккого века". Сегодня некоторые невежественные ученые пытаются убедить, что потрясатель Вселенной, уничтожая на своем пути сотни и тысячи поселений, убивая миллионы людей, якобы действовал сообразно законам выживания, не пытаясь покорить оседлое население, лишь стремясь установить надежные границы, обеспечивающие безопасность его собственной страны от нападений сильных и безжалостных врагов. И если допустить эти утверждения как правомерные, то следует отметить, что для выживания малочисленных монголов было достаточно преодолеть междоусобные распри внутри племен и с народами соседних сопредельных территорий, а не совершать кровавые военные походы в тысячи километров с востока на запад по евразийскому континенту, завещая потомкам дойти до Последнего моря. И мне совершенно непонятна позиция отдельных писателей и ученых Казахстана, подвергающих сомнению и стремящихся низложить гуманистические воззрения современной цивилизации, в угоду сомнительным узкокорыстным родоплеменным интересам, не понимая, что всеобщее покаяние за преступления бывших тиранов, подобно Германии, способно намного быстрее оздоровить общество, очистить нравственную совесть каждого человека. Поэтому совершенно абсурдно умышленно надевать на тиранов и злых гениев маску добродетельности, вводя тем самым в заблуждение общественное сознание, тогда придется кардинально поменять все существующие общечеловеческие ценности. И в этой связи, тысячу раз прав Пифагор, который когда-то изрек такую замечательную мысль: "Строго накажи твое дитя, виновное в убийстве насекомого: с этого начинается человекоубийство".

Шаханов: Поражает то, что поклонники Чингисхана выдвигают идею оправдания и идеализации тирана, представляя его как миротворца, создателя централизованного государства и великого благодетеля тюркских народов. Однако Монгольская империя, простиравшаяся на 4/5 Старого Света, была создана Чингисханом силой грозного оружия, путем насильственного покорения народов и управлялась его могущественной властью, но за короткое время после смерти кагана распалась на 76 орд и ханств, раздираемых междоусобными раздорами. Так что все эти измышления не соответствуют общеизвестным фактам и свидетельствам, изложенным в серьезной научной и художественной исторической литературе. Также они утверждают, что в советское время о Чингисхане писали только с отрицательной стороны как о диком восточном варваре, злом тиране-поработителе и ныне следует восстановить историческую справедливость. Даже в противовес бывлой идеологизированной

традиции, изображавшей Чингисхана жестоким завоевателем, приукрашивать его облик нет реальных оснований. Еще раз оппонируя этим лжепатриотам, хочу привести только один пример из книги "100 великих диктаторов", выпущенной московским издательством "Вече": "Последним из крупных городов Средней Азии, чье население оказало героическое сопротивление монгольским войскам, был Мерв. Он был взят в 1221 году. В течение четырех суток жители должны были оставить свой город. Монголы выбрали среди них 400 ремесленников и некоторое количество детей, чтобы сделать из них рабов. Остальные были казнены, для этого их распределили по всем воинским частям: каждый воин, принимавший участие в осаде, должен был зарубить мечом от 300 до 400 человек! В окрестностях города десятки тысяч крестьян спрятались в глубине пещер, пытаясь спастись от гигантской бойни, устроенной монголами. Ибн-аль-Асир говорит о 700 000 убитых, в то время как Джувейни, превосходя его в этом страшном подсчете, сообщает, что некий Из ад-Дин Нассаба в сопровождении нескольких других провел тринадцать дней и тринадцать ночей, считая людей, убитых в городе. Учитывая только тех, чьи тела были в самом деле найдены, и, не считая тех, кто был убит в гротах и пещерах, в деревнях и в пустынных местах, насчитали более 1,3 миллиона убитых".

Айтматов: Это всего один из известных устрашающих фактов о кровавых деяниях тирана, а сколько тому подобных еще история не донесла до нас. Академик В.Бартольд в сочинении "Туркестан в эпоху монгольского нашествия" (т. 1) приводит свидетельство побывавших в Китае, в ставке Чингисхана, послов хорезмского шаха о том, что "везде были видны следы опустошения; кости убитых составляли целые горы; почва стала рыхлой от человеческого жира, гниение трупов вызвало болезни, от которых погибли и некоторые члены делегации. У ворот Пекина лежала огромная куча костей; послам рассказали, что при взятии города 60 000 девиц бросились со стен, чтобы не попасть в руки монголов и не быть подвергнутыми их гнусным и жестоким издевательствам".

А во время похода на татар для возмездия за убийство отца Есугей-багатура, грозный хан приказал полностью истребить всех, "сделать кормом для монгольских мечей". Кого убили на поле боя, кого – взяв в плен. Не оставили в живых ни женщин, ни стариков; убивали даже детей, меряя их по оси тележного колеса: кто выше – тому смерть, а кто ниже – рабство.

Шаханов: И опять, невзирая на реальные исторические факты, некоторые лжеученые, с целью обелить Чингисхана пишут, что по отношению к покоренным народам он исповедовал принцип веротерпимости, якобы уважал ислам, не трогал мечети и не глумился

над верующими. Все это не соответствует истине и примеров против этого изрядное количество. Так, персидские хроники указывают, что после взятия монголами Бухары ее разграбление было чудовищным святотатством. Они свидетельствуют, что монгольские всадники оскверняли святы места, мечети, выбрасывали в нечистоты священные книги Корана, тем самым проявляли неслыханное презрение к побежденным, их религии и культуре. Сотни горожан покончили собой, мужчины убивали своих жен, дабы избежать глумления над ними врагов. Кады Садр-ад-дин, имам Рах-ад-дин и другие высокопоставленные лица Бухары также наложили на себя руки. А в ходе осады Ургенча были убиты великий ученый, просветитель Нажмаддин Кубра и другие.

Вот еще одно историческое свидетельство. Лаврентьевская летопись: "В 1237 год пришли из восточных стран на Рязанскую землю безбожные татары, и начали завоевывать Рязанскую землю, и пленили её до Пронска, и взяли все Рязанское княжество, и сожгли город, и князя их убили. А пленников одних распинали, других расстреливали стрелами, а иным связывали сзади руки. Много святых церквей предали они огню, и монастыри сожгли, и села, и взяли отовсюду немалую добычу. Взяли Суздаль, разграбили церковь святой Богородицы, и двор княжеский огнем сожгли, и монастырь святого Дмитрия сожгли, а другие разграбили. Старых монахов, и монахинь, и попов, и слепых, и хромых, и горбатых, и больных, и всех людей убили, а юных монахов, и монахинь, и попов, и попадей, и дьяков, и жен их, и дочерей, и сыновей – всех увели в станы свои".

На всем своем пути и Чингисхан, и его потомки-последователи одинаково безжалостно уничтожали буддистские пагоды и христианские церкви, половецкие святилища и мусульманские мечети.

Через два года после разгрома русских войск на реке Калке, войска Чингисхана в течение полутора лет полностью истребили государство тангутов Си-Ся. Были разграблены и сожжены все города, обращены в развалины и руины храмы, дворцы и библиотеки, где хранились самые бесценные духовные реликвии тангутского народа. Коварно пообещав сохранить жизнь тангутскому царю и его подданным взамен на сдачу столицы, Чингисхан уже на предсмертном одре отдал приказ вырезать всех во главе с правителем, не щадя ни старых, ни малых. Через несколько дней каган умер. Его посмертная воля была исполнена в точности. Так, испив кровавую чашу до дна, закончил тиран свой жизненный путь.

Еще одним поводом для возвеличивания кагана стал свод законов монгольской империи, так называемая "Великая Яса", фрагменты которой периодически появляются на страницах

казахстанских газет и журналов и некоторыми равнодушными поклонниками преподносятся как "умные заветы и мудрые слова назиданий" Чингисхана, оставленные грядущим поколениям.

Хотя полной копии "Ясы" не сохранилось, но о ее содержании вполне можно судить по имеющимся свидетельствам в разных редакциях средневековых восточных авторов Джувейни, Рашид-ад-Дина, Макризи, Аб-уль-Фараджа и др., которые выборочно цитируются в зависимости от желания авторов показать Чингисхана с лучшей стороны.

Айтматов: Что же собой представляет "Яса"? Это жесточайший императорский закон, имеющий главной целью поддержание порядка и дисциплины в государстве, созданном путем войны. "Инерция войны", отмечал Б.Я.Владимирцов, с его созданием не только не ослабла, напротив – нарастала. Л.Н.Гумилев, знаток истории Великой степи, писал: "Чингис-хан, закалившийся сам в горниле войны, культивировал – и это хорошо видно из его поучений-биликов – идеал воина-завоевателя, смысл жизни – которого в том, чтобы вооруженной рукой добиться славы, власти и благополучия, насладиться гибелью и позором врага, надругаться над его женами и детьми. Успешные войны с соседями являлись цементирующим фактором существования монгольского государства". Управлению подчиненных силой оружия народов и служила "Яса", утверждавшаяся с непреклонной жестокостью. О чем бы речь ни шла: об убийстве ли, супружеской неверности, о краже, скупке краденого, сокрытии беглого раба, невозвращения утерянного кем-то оружия, невозвращения долга, отказе путнику в воде или пище – кара была одна – смерть. В некоторых случаях не только сам преступник, но и его жена, и дети подлежали наказанию. Кроме того "Яса" содержала некоторые предписания бытового плана, типа: кому бы то ни было воспрещается есть в присутствии другого, не разделяя с ним пищу. В общей трапезе ни один не должен есть более другого. (?)

Происходя из народа, не имевшего в то время своей письменности и стоявшего на самой низкой ступени культуры, Чингисхан был лишен всякого образования. Естественно, что круг идей его был очень ограничен. Приписываемые ему изречения – это отнюдь не философские воззрения мыслителя-мудреца, а свод карательных законов, направленных на утверждение ханской власти путем безжалостного подавления и уничтожения, в них нет признаков широкого государственного мышления, тем более понимания идеи о благе народа.

Шаханов: В подтверждение я могу привести некоторые фрагменты Ясы из лежащей передо мной книги известного ученого-

чингисхановеда Эренжена Хара-Давана "Чингисхан как полководец и его наследие":

"Если вы добровольно сдадитесь, то вы найдете хорошее обращение и покой, но если вы сопротивляетесь - что с нашей стороны можем мы знать? Вечный Бог знает, что случится с вами"

"Тот, кто мочится в воду или на пепел также предается смерти".

"Кто возьмет товар и обанкротится, потом опять возьмет товар и опять обанкротится, потом опять возьмет товар и опять обанкротится, того предать смерти после третьего раза".

"Кто найдет бежавшего раба или убежавшего пленника и не возвратит его тому, у кого он был в руках, подвергается смерти".

"Когда хотят есть животное, должно связать ему ноги, распороть брюхо и сжать рукой сердце, пока животное умрет и тогда можно есть мясо его; но если кто зарежет животное, как режут мусульмане, того зарезать самого".

"Он (Чингисхан) предписал им представлять в начале каждого года всех своих дочерей султану (хану), чтобы он выбрал для себя и для своих детей".

"От убийства (казни за преступление) можно отпущиться пенею, заплатив за мусульманина сорок золотых монет (балыш), а за китайца рассчитывались одним ослом".

"Он (Чингисхан) запретил им (монголам) есть что-либо в присутствии другого, не приглашая его разделить пищу; он запретил любому человеку есть больше, чем его товарищи"

"Человека, подавившегося пищей, протаскивать под ставкой и немедленно убивать, равным образом предавать смерти, кто ступил ногой на порог ставки воеводы".

Как видно из этих уложений, в "Ясе" меньше всего можно предполагать какую-либо мудрость и глубину, человеческое милосердие и гуманность, напротив она есть еще одно убедительное свидетельство тиранской сущности воинственного предводителя монгольского войска, посвятившего свою жизнь завоевательным войнам ради добычи и славы ценою жизни миллионов людей.

Айтматов: В твоём родном Отраре, родившем великого философа человечества Абу-Насыра аль-Фараби, названного вторым Аристотелем мира, была самая большая библиотека после Александрийской. Будучи в этом крае, я слышал рассказы аксакалов, что значительная ее часть была спрятана в тайном подземелье и не попала в руки варваров.

Шаханов: Да, это были ценнейшие рукописи выдающихся философов, мыслителей и ученых с древнейших времен и в своем

большинстве в единственном экземпляре, которые, наверняка, помогли бы обогатить нашу духовность и культуру. Но, к сожалению, поиски этой библиотеки пока не дали результатов. Правда, под патронажем премьер-министра Казахстана И.Тасмагамбетова в Отраре и Астане заложены основы для воссоздания Отрарской библиотеки. Хотя она сегодня представлена только символически, но это хорошее начало. Многие издательства Казахстана в серии "Отрарской библиотеки" начали выпускать произведения молодых и именитых авторов.

Айтматов: В отрарской истории времен нашествия монголов до сих пор много белых пятен. Но источники едины в том, что жители Отрара в течение шести месяцев героически защищали свой город, а Каир-хан показал высокую отвагу, до последнего бесстрашно сражаясь с врагом. По приказу Чингисхана правитель Отрара был взят живым, после пленения его привели в Кок-Сарай и подвергли жестокой казни, залив рот и уши расплавленным серебром. На мой взгляд, Каир-хан имеет полное право быть вписанным в отечественную историю как национальный герой. Но мне кажется, в этом вопросе до сих пор проявляется некая нерешительность из-за утвердившегося в традиционной историографии мнения, что Каир-хан уничтожил торговый караван из 500 верблюдов с 450 купцами, посланный Чингисханом в дар правителю Хорезма Мухаммедшаху, и тем самым дал повод для ужасающе беспощадного вторжения монгольских полчищ в Среднюю Азию.

Шаханов: Чтобы глубже вникнуть в суть этого факта, очень важно помнить, что сильнейшей стороной монгольской армии была хорошо организованная разведка. Чингисхан имел разветвленную сеть лазутчиков и шпионов, которые весьма оперативно и достоверно докладывали о состоянии и сосредоточении войск противника. Причем, вербовка происходила и в стане предполагаемого врага, своим предательством они способствовали победе и успеху монгольского оружия. Чингисхан же едва ли вознаграждал и возвышал перебежчиков, лишь коварно используя для достижения своих военных целей.

После похода на Китай Чингисхан устремил свой взор на Хорезм. С тайной целью он направил хорезмшаху своих послов, которые передали, что Чингисхан, владыка Востока, слышал о могуществе, славе и победах владыки Запада и готов считать его "наравне с самым дорогим из своих сыновей", т.е. вассалом, и заодно выразил надежду, что Мухаммеду должно быть известно о победах кагана в Китае, попросту припугнул его. Позже Чингисхан отправил в дар хорезмшаху богатый караван из 500 верблюдов с золотом, серебром, китайскими шелками, собольими и иными мехами, сопровождаемый 450 купцами, который был полностью уничтожен в Отраре. И на сей счет имеются

весьма противоречивые версии историков. К примеру, арабский историк Ибн-аль-Асир свидетельствует: "Пришли они (купцы) в один из тюркских городов, называемый Оттаром и составлявший крайнее владение хорезмшаха, у которого там был наместник. Когда к нему прибыл этот татарский отряд, то он (наместник) послал к хорезмшаху уведомить его об их прибытии и сообщить ему об имуществе, которое было при них. Хорезмшах прислал ему приказание убить их, отобрать имущество, находящееся при них и прислать его к нему. Он (наместник) убил их и отослал что при них было, а вещей было много. Когда присланное прибыло к хорезмшаху, то он разделил его между купцами Бухары и Самарканда и взял с них стоимость его (розданного товара)". По мнению Нисави, хорезмшах приказал только задержать купцов, а Каир-хан, обвинив в шпионаже, принял самоличное решение убить их. И все последующие ученые-историки, по-своему интерпретируя эти свидетельства и не учитывая другие, продолжают приписывать гибель каравана Каир-хану.

Недавно, в московском издательстве "Прогресс" вышел в свет объемный труд академика Рустана Рахманалиева "Империя тюрков". Эта книга своей аргументированной логикой, объективностью и выводами, в основе которых лежит вдумчивый анализ первоисточников и иных документов, должен занять достойное место среди научных исторических исследований. Р.Рахманалиев, ссылаясь на доклад военного историка, генерал-лейтенанта, профессора М.И.Иванина, сделанный в 1842 г. в Генеральном штабе российской армии на тему: "О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане" (был издан только через 33 года в Санкт-Петербурге для соответствующих органов в количестве 300 экземпляров и хранился в строгой секретности) пишет, что во вновь обнаруженной дополнительной части этого доклада приводится совершенно иная трактовка оттарских событий. По мнению М.И.Иванина, уничтожение каравана было хорошо продуманным провокационным ходом самого Чингисхана с целью развязывания войны с Мухаммед-шахом Хорезмским. "Что касается жестоких мер, предпринятых по отношению к дипломатической миссии Чингисхана, то действительно при въезде в Оттар через пограничный форпост весь имеющийся товар "стражниками крепости" был конфискован, а проявивших неповиновение, в том числе и посла Чингисхана, подвергли уничтожению. Эта коварная и жестокая расправа с караваном была запланирована и исполнена военной разведкой Чингисхана. Правитель Оттара Каир-хан не совершал этого преступления. Летописцы характеризуют Каир-хана как яркую, неординарную личность, способную зажечь собственным патриотизмом народ".

А ученый Муртаза Булутай, прекрасно владеющий десятью иностранными языками и проведший значительную часть своих исследований в крупнейших архивах Европы и Азии, обнаружил в Исламской энциклопедии, изданной в Турции, новые факты относительно Каир-хана. Энциклопедия отмечает, что неизвестный автор еще в 1240 году подтвердил, что убийство купцов было совершено не Каир-ханом. Известный путешественник Ибн-Батутта, вернувшийся в Отрар через 100 лет после тех трагических событий, в 3 томе своих трудов пишет, что подобную версию он слышал из уст местных жителей. Это подтверждается и ныне живущей в Отраре легендой о том, что в гибели каравана послов Чингисхана вины Каир-хана нет.

Каждый исследователь имеет право критически относиться к тем или иным, пусть даже устоявшимся концепциям и выдвигать собственные суждения. Главное в том, чтобы новая точка зрения, основанная на научных изысканиях, была убедительнее прежней, тем более, если мнение ученого не противоречит строго установленным фактам. К тому же с течением времени выясняется, что при вдумчивой проверке выводов и аргументов, некоторые из уже ставших привычными, вызывают сомнение или попросту устаревают. Оставшиеся без должного внимания и ранее неиспользованные отечественной наукой исторические материалы говорят в пользу новой трактовки отрарских событий многовековой давности.

Айтматов: Да, это вполне соответствует логике жестокого монгольского поработителя. Для любого правителя на месте Каир-хана было бы безумием открыто бросить такой вызов тирану-завоевателю и обречь свой народ на погибель. Наоборот, все факты говорят о том, что Чингисхан, использовавший в своей военной тактике шпионов-разведчиков, мог сам коварно и вероломно руками своих же людей истребить посланный караван, чтобы развязать войну против Хорезма и, обвинив в этом Мухаммед-шаха или его отрарского наместника Каир-хана, оправдать свое нашествие в глазах мусульманского мира. И эта точка зрения, на мой взгляд, более правдоподобна. Таким образом мы можем восстановить историческую справедливость. Применительно к Европе, где с древних времен была хорошо развита архивная документалистика, этого не случилось бы, а в истории кочевников подобные казусы случаются очень часто.

Шаханов: Ко всему вызывает недоумение то, что наши отдельные борзописцы, несмотря на все зафиксированные историей факты кровавого покорения Чингисханом азиатского региона, умудряются представить его вдохновителем и организатором национально-освободительной борьбы на земле тюрков. Конечно,

история строится на причинно-следственных связях, но при этом нельзя забывать главную, именно завоевательную суть чингисхановых походов и делать свои эмоциональные выводы и догадки на отдельных исторических штрихах. Недавно с трибуны XII съезда писателей Казахстана я обратился к Институту истории и этнологии имени Ч.Валиханова со следующими вопросами:

1. Если Чингисхан в своих походах сравнивал с землей более 900 городов, из них 26 на территории современного Казахстана, загубил бесчисленное количество человеческих душ, уничтожил в Отраре бесценные памятники истории и культуры, и в результате с лица земли исчезла веками создававшаяся цивилизация, то само собой напрашивается вопрос: как можно определить деяния Чингисхана – как разрушительную захватническую войну или же как национально-освободительное движение?

2. Будь это сегодня, Чингисхан только за убийство своего родного брата Бектера мог попасть в тюрьму. А с гуманистических позиций как стоит назвать тирана, уничтожившего миллионы людей: злым или добродетельным человеком?

Конечно, смешно, эти вопросы сформулированы на уровень ученика-пятиклассника, но обстоятельства заставили адресовать их именно в таком виде серьезному научно-исследовательскому учреждению, и я сомневаюсь, что смогу получить объективные и научно обоснованные ответы.

Айтматов: К великому сожалению, в наше время в разных странах возрождается культ насилия, зловещие тираны прошлого возводятся на пьедестал величия, их имена открыто восславляются и превозносятся до высоты национальных героев, исторической гордости народов, в их честь воздвигаются памятники и целые музеи. Это крайне опасная, не менее разрушительная тенденция, причем, широко тиражируемая печатными и электронными СМИ. По телевидению дено и ночью демонстрируются фильмы о зверских убийствах, страшных садистских преступлениях человекопотрошителей. Наблюдается всемерное насаждение грубой силы, пропаганда организаций фашистского и иного экстремистского толка. Именно такие обстоятельства, по моему мнению, способствовали возникновению в России движения фашиствующих молодчиков-скинхедов, а также позволили во Франции Ле Пену, лидеру ультраправых, победить в первом и выйти во второй тур президентских выборов. Эти и другие примеры, имеющие место в разных уголках нашей планеты серьезно тревожат мировую общественность. И если сегодня мы не дадим должного отпора, то человеконенавистническая

идеология вполне объективно может востребовать новых тиранов и злых гениев, способных уничтожить на земле разумное.

Шаханов: Вся проблема кроется в безрассудстве пропагандистских акций, которые разрушают дух и разум людей, вводят их в трагическое заблуждение. Ведь не только у нас, в Казахстане, имеются рестораны, кафе, ночные клубы, носящие имя Чингисхана, выпускаются товары народного потребления с чингисхановской символикой. Кстати, наш с Вами общий друг Фридрих Хитцер был крайне удивлен, купив в Алматы пачку сигарет со следующим текстом на казахском и русском языках: "Эти уникальные сигареты высшего качества, обладающие превосходным вкусом, сделаны из элитных сортов табака для свободных и гордых людей, живущих в Казахстане – потомков Великой империи Чингисхана, простиравшейся от Черного моря до Тихого океана". Сигареты выпускаются фирмой, расположенной в областном центре древней отарской земли (!), обращенной когда-то полчищами Чингисхана в пепел и прах. Когда я в газетной публикации обратил внимание на данный и ему подобные факты, то отклика со стороны руководителей соответствующих инстанций так и не последовало. В какой-то степени это один из признаков духовной деградации нашего общества.

Айтматов: Здесь очень важно, чтобы мы на пороге нового тысячелетия серьезно задумались касательно добра и зла, осознали необходимость нравственной оценки места и роли некоторых исторических личностей. Неспроста, нас обоих затронула проблема тирании. В этом плане мне глубоко импонирует главный философско-художественный лейтмотив твоего романа – призыв к обузданию культа силы, злой личности, к нравственному самоочищению народов, которые породили тирана, пренебрегшего чужой болью; и пока они не поднимутся на должную высоту нравственного самосознания, не принесут покаяние за былые грехи перед другими, будут опасны.

Такая философско-нравственная позиция, идея покаяния "перед Богом и людьми за ошибки далекого и близкого прошлого" и духовного очищения папы римского Иоанна Павла II, а также решение германского бундестага о выплате денежных компенсаций бывшим узникам концлагерей Бухенвальд, Дахау, Аусшвенц, Освенциум и других вполне заслуживают всеобщего одобрения и поддержки. Это, безусловно, и повод для раздумий, и большой урок, и высокогуманный пример для многих народов, которые до сих пор кровавые преступления некоторых своих предков против человечества принимают за подвиг. Каждый народ, каждое государство, каждый человек должны пересмотреть свою историю с подлинно гуманистических позиций. Но меня часто в большой политике беспокоит наличие таких моментов,

когда для решения самых простых, мало-мальски значимых проблем у политиков не хватает мудрости. Каково твое суждение на этот счет?

Шаханов: Хочу ответить на это цитированием небольшого отрывка из раздела "Великие и средние" из "Космоформулы карающей памяти":

*Ныне у власти
Зачастую –
Люди среднего ума,
Среднего полета,
Ибо срединная политика
Всегда приспособленческая,
Конъюнктурная и живучая,
Лукаво отвергающая
Высокую духовность.*

*Эти посредственности,
До тонкости изучившие
Лабиринты власти,
Никогда не позволят
Видеть рядом с собой
Более разумных,
Мудро высокопорядочных
И великих личностей,
Дабы не бросить
Тень на себя...
Мне кажется,
Это надолго,
Возможно, на века.*

*Таковы превратности жизни:
Чем человек бездуховнее,
Тем наглее
И смелее он.*

*Смотри,
Смотри,
Кто поднимается на сцену? –
В основном, люди
Среднего полета
И думающие
Только животами.*

Самое главное, помочь человеку освободиться от злого умысла: "кто поможет ему в этом, тот поможет человечеству".

И я рад за своего друга, первого монгольского космонавта Гуррагчу, который на встрече с моими земляками в районном центре Отрара нашел в себе нравственное мужество попросить у собравшихся прощение за зло, совершенное когда-то его предками против отرارцев. Хотя как человек он не причастен к той страшной трагедии, это воистину подлинный поступок нравственного самоочищения. И пока есть такие люди и будут рождаться их достойные последователи, остается надежда, что не все еще потеряно.

К вопросам:
о роли интеллектуала
в современном обществе
и
функции художественного образа
в историческом процессе.

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Огромную благодарность выражаю журналу «АС- АЛАН» за возможность представить на его страницах точки зрения некоторых исследователей и изложить свой взгляд на творчество писателей Центральной Азии, и, в первую очередь, наших современников, которые мне близки, перед которыми преклоняюсь. Каждый из представленных, говоря, словами моего знаменитого соплеменника ОЛЖАСА Сулейменова: та «капля, по которой узнают вкус океана» (так он характеризовал великого ЧОКАНА Валиханова).

*С благодарностью и уважением,
Улданай Бахтикиреева¹*

Как вывело ЮНЕСКО, Чингиз Айтматов - один из наиболее охотно читаемых и охотно издаваемых писателей планеты. Его произведения издавались в нашей стране и за рубежом: Европе, Азии, Америке, Африке, Австралии. Повести и романы писателя переведены более чем на 165 языков мира, более 830 раз изданы общим тиражом свыше 67,2 млн. экземпляров. В 1999 году ЮНЕСКО приняло решение отметить юбилей писателя проведением в Парижской штаб-квартире

¹ *Улданай Бахтикиреева родилась в Оренбургской области. Национальность - казашка. Выпускница Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (ныне - РУДН). Филолог. Переводчик с английского языка. Кандидат филологических наук. Диссертация была посвящена художественным функциям лексики с национально-культурным компонентом семантики в художественной прозе Чингиза Айтматова. Доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, докторант филологического факультета РУДН. Занимается творчеством писателей Центральной Азии.*

специального коллоквиума.

Важным показателем процесса восприятия творчества Ч.Айтматова явилось обращение к изучению творчества писателя представителей университетского литературоведения. С 1970-х годов творчество писателя - предмет диссертационного исследования в Парижском Институте восточных языков, практического применения в лекционных курсах по литературе и дипломных исследованиях в Провансальском и IV Парижском университетах Франции, а также университетах Германии, Чехословакии, Америки. В России находится 30 диссертаций /из них 2 докторские /, защищенных в республиках бывшего Союза, в России (в Московских ВУЗах - 13, ЛГУ и др./Прим.: сведения на 1995 год).

В знак признания вклада в развитие мировой литературы Чингиз Айтматов избран членом Европейской Академии наук, искусств и литературы в Париже, Всемирной Академии наук и искусств, с центром в Стокгольме. Академик Национальной Академии Наук Кыргызской Республики, Герой Социалистического Труда, Лауреат Ленинской премии, Лауреат трех Государственных премий, Лауреат Австрийской Государственной премии в области литературы (которая была вручена в 1994 году и является беспрецедентным случаем для зарубежного автора), Лауреат Сицилийской премии «Золотая пальма». В 1999 году Международная Академия Наук, Образования, Промышленности и Искусств в Калифорнии присудила высшую награду Академии - Золотую медаль имени Эйнштейна «За выдающиеся достижения». В 1999 году по инициативе народного поэта Казахстана и Кыргызстана, Чрезвычайного и Полномочного Посла Казахстана в Кыргызстане Мухтара Шаханова ЮНЕСКО отметило юбилей выдающегося писателя современности. Чингиз Айтматов - Президент Иссык-Кульского Форума с центром в Бишкеке и Ассамблеи Культур Народов Центральной Азии с центром в Ташкенте. С 1990 года Айтматов возглавлял сначала Посольство СССР в Великом герцогстве Люксембург. В постсоветскую пору переехал в Брюссель уже в качестве посла Кыргызской Республики в трех странах: Бельгии, Люксембурге и Нидерландах, а в настоящее время и во Франции. Ч.Айтматов - представитель ЕС и НАТО, депутат Парламента Кыргызской Республики. В мае 2001 года Чингизу Айтматову было присвоено звание: «Лучший писатель тюркоязычного мира». Радостным моментом в жизни московского студенчества было события избрания его Почетным Доктора Российского Университета дружбы народов - этого уникального вуза мира. И это далеко не весь список почетных титулов и званий писателя.

Свою статью Чингиз Айтматов, посвященную великому Мухтару Ауэзову (два тома, которого включены в уникальное издание XX века, в двухсотпятидесяти томное издание Библиотеки Всемирной Литературы, в которой, в свою очередь, собраны шедевры художественной мысли человечества всех времен - от первых письменных источников, от глиняных табличек Шумера, от папируса древнего Египта, от клинописи Вавилона и Аккады, шедевры, дошедшие к нам через строжайшую селекцию тысячелетий, через все века и эпохи, через все культуры и цивилизации) начинал так:

«С годами приходится убеждаться - неукоснительная для всего сущего на свете формула бытия - все течет, все изменяется - действительна и по отношению к тем, чьи имена остались жить в памяти потомков. И для них время течет, разумеется, отраженно - в нашем сознании, и для них история продолжается.

Я говорю это в том смысле, что фактор времени обладает одним поразительным свойством, подчас нелицеприятным, но всегда неизменным и в высшей степени обязательным - ставить все на свои места, вносить коррективы в минувшую историю, в предания, в некогда модные увлечения, в официальные и частные мнения, оценки, касающиеся тех или иных событий.

Особенно в литературе, в искусстве, в судьбах писателей и произведений эта закономерность времени выступает со всей неизбежной последовательностью и строгостью. Ибо суд потомков заключает в себе новую ступень духовного опыта поколений, потребность новых критериев и оценок, необходимых для осмысления новых проблем развития. Сила эта и есть та историческая объективность, которую в обывденной жизни мы называем справедливостью.

Отсюда происходит иной раз те неожиданности, когда, то, что казалось горой, некоторое время спустя, может оказаться равниной. И эту горькую истину приходится понимать. Случается и наоборот, потомки вдруг совершают открытие - открывают для себя ранее не признанный не замеченный или не понятый при жизни крупный оригинальный талант. Да, и такое бывает, редко, но бывает. Чаще всего время вносит иные поправки - некогда вознесенная, восхваленная, осыпанная всеми почестями величина начинает сжиматься, как шар, из которого постепенно убывает воздух ...» (Айтматов Ч., Слово об Ауэзове. 1978, С.246).

Казалось бы, все сказано этими словами писателя о том, о чем хотелось поведать мне читателям журнала «Ас Алан». Но: «...Как караванщик, издали идущий к роднику, чтоб жажду утолить, к Вам пришла я, Певец прославленный Чингиз - агай, сказать слова приветя.

Не осудите. Не удивляйтесь смелости моей, Чингиз-агай, отважилась я к Вам явиться с песней с таким же трепетом и тайным страхом, как ученик перед Учителем своим великим.

Ко встрече этой я готовилась с волнением. И это выступление посвящаю Вам, Учителю.

Не осудите Вы меня, присутствующие здесь, за столь высокий и восточный слог. Заимствовала его из песни Бегимай, из первого романа.

Как трудно было выбрать, что сказать. Сказать хотелось много, но исчерпать, объять сегодня все не в силах каждый из присутствующих здесь.... Этими словами начал автор этой статьи свое выступление на Симпозиуме в штаб-квартире ЮНЕСКО, посвященного юбилею писателя в марте 1999 года.

Свою статью в этом журнале пишу, глубоко осознавая, что выбрать для читателей журнала нужно главное, основное. Все сразу - невозможно.

К вопросам:
**о роли интеллектуала
в современном обществе
и
функции художественного образа
в историческом процессе.**

Наша жизнь целиком зависит от случайностей, и все они предопределены? Жизнь полностью предопределена, но так, что в ней всегда есть место случайностям? - Понять это невозможно, но можно почувствовать, что все-таки все, везде, всегда связано со всем.

Случайно ль иль было предопределено спустя 4 десятка лет, в Париже, где тридцатилетнего Айтматова восторженно приветствовал эмоциональный Луи Арагон (*«... вот здесь, в этом горделивом Париже, Париже Вийона, Гюго и Бодлера, Париже королей и революций, многовековом Париже художников, где каждый камень - напоминание о какой-нибудь истории или легенде, в городе, где столько любящих, что, если задумаешь их назвать получится как в песенке: «Не знаю с чего начать ...». В этом Париже, который все перевидел, все перечитал, все испытал не стало вдруг ни «Вертера», ни «Береники», ни «Антония и Клеопатры», ни «Манон Леско», ни «Воспитания чувств», ни «Доменики» - все потому, что я прочел «Джамшию», не стало для меня, и Ромео и Джульетты, Паоло и Франчески, Эрнани и доньи Соль... ибо летом третьего года войны, августовской ночью 1943 года, где-то в долине Куркуреу я встретил Данияра и Джамшию, с их груженными бричками и мальчика Сеита, который рассказывает историю этих молодых людей»*), общественность со всех континентов чествовала семидесятилетнего Айтматова - персонифицированного носителя синтеза Востока и Запада?

Академик Нечкина М.В. в своей книге «Функция художественного образа в историческом процессе» писала: «... надо признать, что Николай I имел некоторое представление о функции художественного образа в историческом процессе (о Пушкине, о декабристах). Надо признать, что и наши государственные мужи в стремлении сохранить «одноцветный, несокрушимый монолит всех народов тоже имели такое представление: выдворяя из «монолита» неугодных, в первую очередь, писателей и художников, они сохраняли тех, которые, говоря правду «до самой головешки» (Залыгин С.), принадлежали к какому-либо народу, входящих в этот монолит. Свой университет прошел и Чингиз Айтматов. Его отца - слушателя Института Красной профессуры в Москве, расстреляли в 1937 году. В проникновенном посвящении к «Материнскому полю» он писал: «Отец,

я не знаю, где ты похоронен. Посвящаю тебе, Торекулу Айтматову. Мама, ты вырастила нас четверых, посвящаю тебе, Нагиме Айтматовой». И только в 1994 году в Киргизии среди других нашли останки отца писателя.

Они великие вершители судеб, не видели в них угрозы или опасности из-за их молчаливого согласия сидеть с ними рядом и «заседать в Президиумах» (В.Войнович), из-за того, что «не брезгают государственными занятиями наверху (Г.Гачев). Как часто у нас любят обвинять человека и вешать на него ярлыки. Забывают более многочисленные нации, что лучшие представители из малочисленных обязаны быть ходатаем за свой народ у первых. Если не они, то кто?

«Людам не достает власти, но тоталитарное государство имеет власть для того, чтобы насильно подчинить контролю морали - их особой морали - произведение интеллекта, и в первую очередь, искусство и поэзию. В таком случае, как нам показал режим Гитлера и Сталина, творческие силы становятся ответственными перед государством и послушным Государству; художник и писатель имеет главное моральное обязательство перед политикой; равным образом они должны приспособиться к эстетическим принципам, как их формирует Государство, выдающее себя за выразителя и защитника интересов народа. Государство уже не изгоняет Гомера, как наивно декретировал Платон. Оно пробует приручить его». (Маритен М., 1991).

Но приручило ли оно Айтматова? Думается, и его произведения доказывают - нет. Вменять в вину писателю «злодейство, безвкусице, пошлость», как это сделал В.Войнович, - едва ли умно. Это вопрос сложный, который приводит к журавлиному косяку вопросительных знаков: Искусство для искусства? Искусство для народа? Дьявол или святой - художник? Или то и другое вместе?

«Дьявол может делать много вещей. Но дьявол не может творить поэзию. Он может испортить поэта, но он не может создать поэта. Среди всех козней, которые он строил для искушения святого Антония, дьявол, по свидетельству святого, нередко выл, но никогда не было слышно, чтобы он пел» (Ф.Томпсен, 1991).

Айтматов поет песни грустные, в его произведениях мало юмора. «Не соглашаясь - примиряться» - это гачевское определение Едигея, очень применимо к самому писателю, который в полной мере изведаль боль безотцовщины, боль которую чувствует сын «врага народа». Он в детстве мечтал стать разведчиком, поймать шпиона и погибнуть, чтобы доказать таким образом невиновность своего отца перед Советской властью (Ч.Айтматов, 1978).

Подобно Пастернаку, предлагавшему Сталину располагать его жизнью, но, тем не менее, категорически утверждавшего себя не вправе «быть судьей в жизни и смерти других людей», продолжавшего быть самим собой в своих творениях, жизнью Айтматова - человека располагала партия, но не располагала жизнью Айтматова - писателя. Писатель не изменил себе.

Роман «Доктор Живаго» Пастернак писал в то время, когда литература задыхалась во лжи. Романы «Буранный полустанок» и «Плаха» Айтматов пишет, когда «стало легче говорить правду», но не все могли «говорить до самой головешечки». Судилище невежественных чинуш от литературы продолжается.

Борис Пастернак говорил, что «главной бедой, корнем будущего зла была утрата веры в цену собственного мнения. Вообразили, что время, когда следовали внушения нравственного чутья, миновало, что теперь надо петь с общего голоса и жить чужими, всем навязанными представлениями. Стало расти владычество фразы».

Писатель Айтматов не попадает в число подпевал. Не терял он собственного мнения, не пел с общего голоса. Об этом ярко свидетельствуют высказывания отечественных ученых, исследователей, критиков. О том, что Айтматов в своих произведениях в совершенстве владеет искусством отражения правды жизни во всей полноте и сложности, противоречиях и тайнах, писали многие исследователи за рубежом, в частности, в своей книге «Национальный колорит и билингвизм в творчестве Чингиза Айтматова» американский литературовед С.Соучек.

Американские критики Г.Смит, Л.Грулев, М.Гинзбург, равно как и английские: Р.Хинли, В.Уэбб, Д.Браун, Т. и Дж.Фейферы противопоставляют творчество Айтматова, как и творчество ряда других писателей советского периода, основной направленности развития советской литературы, выводя ее за пределы социалистического реализма.

Известные взгляды критиков, писавших о догматизме, социальной и политической ангажированности советской литературы: М.Гинзбург, о правде, выходящей за пределы политики; С.Шоу и др. созвучны мнению Р.Хинли и Л.Грулева, отмечавшим, что талантливые писатели, в том числе, и Чингиз Айтматов, руководствуются субъективными симпатиями и антипатиями, стоят вне политики и идеологии. С.Залыгин, ссылаясь на беседу с Твардовским, крестным отцом Айтматова в литературе, благославившим его по-новомирски на трудное служение правде, сказал об Айтматове: « ... писать после Сталина правду не так уж трудно, но трудно по-прежнему, всегда трудно говорить всю правду до «головешечки». Удастся ли это

Айтматову? Всегда удавалось? В главных вещах и в главном - да. Что не напрямую, то через притчу, через миф, но именно стремление выхватить из раскаленной реальности самую - самую «головешечку».

Путь этот прошел Айтматов. Дар писательский от природы. Гражданином стать - надо иметь характер. Гражданские чувства, распространенные на свой народ - чьим ходатаем он будет всю жизнь - на судьбы всей страны и всего человечества - к этому шел Айтматов через всю свою жизнь, по ступеням своих рассказов и повестей, романов.

Много высказываний в печати и кулуарах было повсюду по поводу «правды Айтматова». Суть их сводилась к недоумению: что ему заранее разрешают на запретные темы писать? Не дожидаясь, когда начнут все, поняв истину, пишет сам. И могут быть открытия, и неудачи, о которых справедливо заметила Латынина А.: «Неудачи - привилегия больших писателей. У плохих удач не бывает». Беляева Л.: «Айтматов останется от нашего века». Гачев Г.: «Айтматов - не Томас Манн и не Булгаков. Он не пишет стилизацию, у него другие задачи. Гибкое следование языка за художественно философской мыслью. Чингиз Айтматов - писатель Евразии, его Киргизия - мировой перекресток народов и культурных влияний. Народ - горцы, народ - кочевник, народ - земледелец сходятся тут. ... Все традиции сказываются в Айтматове. Не только для читателя, но и для историка мировой культуры творчество Айтматова - любопытный универсальный духовный феномен».

Некоторые критики, литературоведы, писатели обвиняли писателя в «псевдоглубокомыслии и псевдопоисках» (В.Войнович, 1983 г., В. Тучков, 1999 и др.).

Алесь Адамович: 1988: «... Не из тех, что жили и писали в позе «чего изволите». ...Много пришлось преодолевать, чтобы завоевать право говорить ту правду, которая неудержимым потоком катит по эпическим руслам - романам Айтматова».

«Не жизнь проходит, а мы проходим», - сказал мудрец. Но человек живет не только в абсолютном времени, но и в относительном: в веках, благодаря той «исторической объективности», о которой говорит Айтматов. Безусловно, время все расставляет на свои места, невзирая на «модные увлечения», веления цензоров литературы или жизни, «официальные и частные мнения, оценки, касающиеся тех или иных личностей».

Это непостижимый дар: выражая в своем творчестве вечное, общечеловеческое, выразить при этом себя и свое время. Притом не то "время", которое повседневно утекает у нас промеж пальцев. А то

"Время", которое, будучи скрыто от простых обывателей, живущих, не подымая головы, открывается Художнику в неповторимом мироощущении. И остается навсегда в понятиях: "время пирамид", "век Рубенса", "эпоха Рембрандта", "русско - пушкинский период" и т. д. А потом, в уже застывшем виде, под пером искусствоведов, литературоведов превращается в абстракции: "готика", "классицизм" и т. д.

Современника нам порой понять трудней, чем Пушкина или Лермонтова. Но мы в состоянии понять, что Айтматов показал правоту своего понимания, так как не показал ее никто другой. Его произведения показывают жизнь; предоставляют полную свободу обдумывать жизнь самому - спорить, доказывать, возвращаться к вопросу и думать вновь. Повести и романы писателя несут в себе как грибоедовское «Горе от ума» «самый факт нарастания личностного», которое оказывается проявлением предпосылок не семейного, а личного. И с этой точки зрения грибоедовское творение отразило всемирно-исторический процесс и художественно отобразило это историческое явление в его своеобразной форме, имевшее место в России. Айтматовские же отобразили это явление, повествуя о жизни и о мироощущении киргизов, вскрывая процесс нарастания личностного в его многообразии и глубине, происходившего в Центральной Азии, в середине 20 века посредством русского языка.

Объективно существует целый комплекс политических, этнографических и эстетических проблем, которые несет в себе Айтматов. Слияние культур в художественном творчестве прозаика можно рассматривать: как способ обновления традиций многовековой русской литературы на почве мифов и легенд (и шире - национального мышления киргизов) и как опыт, как попытку литературы киргизской, вобравшей в себя опыт развитой, тысячелетней, стать фактом и явлением мировой.

Некоторые критики справедливо называют Ч.Айтматова «Одиссеем». В конце прошлого века, а с высоты истории цивилизации, культуры человечества, вчера, В.В.Радлов считал Киргизию патриархальным образцом, счастливо уцелевшим, как будто, преднамеренно, чтобы решать насущные проблемы эстетики. Судя по Радлову, Киргизия переживала догомеровский или гомеровский период. Может быть, Киргизия имела бы свой путь эпической античности, если бы она развивалась естественно, без воздействия извне. Но история киргизов была, как известно, отличной от истории и положения греков. Киргизы имели высокоразвитых соседей, культура и литература, которой не могла не иметь воздействия на киргизскую. Цивилизация вовлекала в свою орбиту и Киргизию, ставила перед ней выбор - куда

идти дальше?

По дороге, ведущей в мусульманское средневековье - киргизы не пошли, хотя «просвещение» мусульманского Востока наступало на народность. Оно разъединяло Русь и Степь, разобщая их, противопоставляя, очень умело успевало их на расстоянии уподоблять, но слишком дорогой ценой - ценой исчезновения народности.

Народность обнаруживалась тогда, когда стала исчезать. Чокан Валиханов - великий просветитель Азии - потому призывал сберечь свою народную словесность, ту основу, из которой впоследствии могла бы возникнуть национальная культура. «Мусульманство, - писал Валиханов, - пока не ввелось в нашу плоть и кровь. Оно грозит нам разъединением народа в будущем. Между киргизами еще много таких, которые не знают и имени Магомеда, и наши шаманы во многих местах степи еще не утратили своего значения. У нас в степи теперь период двоеверия, как было на Руси во времена преподобного Нестора.

... Вообще киргизскому народу предстоит гибельная перспектива достигнуть европейской цивилизации не иначе, как пройдя через татарский период, как русские через период византийский». Эпоха Возрождения в Европе прошла под знаком воссоздания культуры древних греков. Древнегреческая классическая античность была маяком для многих современных развитых культур, и в том числе для русской. Потому и роль, и место маленького, но универсального развитого греческого народа в истории признается уникальной. «В спасенных при падении Византии рукописях, в вырытых из развалин Рима античных статуях пред изумленным Западом предстал новый мир - греческая древность... . . . Рамки старого orbis terrarum были разбиты, только теперь собственно была открыта земля...» - писали К.Маркс и Ф.Энгельс.

Земля была открыта, но не вся. Долгое время Киргизию не знали. Какие-то приблизительные представления по Риттеру и Гумбольдту в России и Европе уже имели. Для мира открыл terra incognita Чокан Валиханов. Благодаря Ч.Валиханову, в «мечтах которого было совместить европейское просвещение и сохранить народность», границы Азии стирались. Один из наиболее приемлемых путей взаимодействия культур Степи и Поля уже был опробован.

Но художественно воплотить идею общности честь выпала Айтматову. «Потомок киргизских ханов и одновременно офицер русской армии» Ч.Валиханов не успел. Друг и наставник Чокана Ф.М.Достоевский писал в письме в 1856 г. о необходимости написать свои записки о степном быте, веря в то, что сам степняк должен написать об этом лучше: «... Не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал России, и в то же время служить своей родине, просвещенным ходатайством за нее у

русских... Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданиями о судьбе вашей, мой дорогой Валихан. Я так вас люблю, что мечтал о вас и о судьбе вашей по целым дням».

Валиханов, от которого ожидали великих и важных откровений о судьбе тюркских народов, не дожив до 30-летнего возраста, умер от чахотки. С болью писал о нем Г.Н.Потанин: «Число инородцев, вышедших из среды некультурных рас и получивших образование в русской школе, к стыду русского просвещения, очень невелико. К числу этих редких исключений принадлежит Чокан Валиханов, первый во времени киргиз, вставивший свое имя в список русских писателей. ... Он был слишком европеец, более европеец, чем многие русские, и потому уже никогда не смог сбросить с себя наложенную на него печать европейской духовной культуры и превратиться в номада. Эта привязанность к Европе не отрывала его от народа, напротив, европейский дух, в котором он воспитался, обязывал его смотреть на себя как на слугу своего киргизского народа»...

Благодаря Чокану, один из наиболее приемлемых путей взаимодействия культур Степи и Поля уже был опробован.

Великая честь, через сто лет, выпала Айтматову. Спустя сто лет путь, оказавшийся действенным и единственным в сближении Востока и Запада, был открыт: путь из Киргизии в Россию через посредство двуязычия. Изустные предания: легенды и мифы - мироощущение киргизов - стали известны Западу.

Из истории литературы известно как на княжества распалась «империя» унифицированной византийской литературы от Белого моря до Адриатического. Как русская литература впервые обрела свое национальное обличие. Первый и истинно народный гений не слишком преувеличивал, когда писал: «...Старинные наши архивы и вивлиофики, кроме летописей, не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей. Несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и Слово о Полку Игореве возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности».

Самые великие стояли в каждой точке своего развития перед определенным порогом понимания, перешагнуть через который по своему произволу не в силах. Есть некая закономерность в том, перед каким именно порогом останавливаются. Как эмбрион, прежде чем стать младенцем, повторяет в своем развитии все стадии развития животного мира в целом, так и духовное наше существо, развиваясь, повторяет одну за другой стадии, которые уже прошло то общество, к которому оно принадлежит. Классицист Сумароков при всей своей гениальности не мог сделаться ни романтиком, ни даже сентименталистом. Но вот сентименталисты Карамзин и Муравьев

прошли через отчетливо классицистский тренинг, хотя в романтиков так и не превратились. А уже Пушкин не мог не побывать и тем, и другим, и третьим, прежде чем пришел к реализму.

Гомер и Гете, Байрон и Шекспир ... и «пустыня древней словесности», действительно, было от чего прийти в уныние. И, чтобы стать на один уровень с великими, рождается отчаянно смелая мысль: учиться, учитывая опыт развитой классики народов, идти дальше. Отсюда у раннего Пушкина уроки гениального срастания с Гомером, Гете, Байроном, Шекспиром. Он встал на один уровень с великими, и создал в мировой литературе период, который И. Киреевский назвал русско-пушкинским. Пушкин открыто говоря о «ничтожестве русской литературы», предельно точно, как и всегда, указывал на тот единственный источник, который способен оживить полумертвую книжную словесность - изустное предание. «... Словесность наша, явившаяся без предков и родословной, должна была беспрестанно, - говорил он, - поновляться изустным преданием, чтобы стать истинно народной. Отдавая должное своим великим предшественникам Державину и Ломоносову, Пушкин сетовал в известном разборе «Слова о Полку Игореве» на то, что «Державин не знал и русского языка, не только языка «Песни ...», что ломоносовские оды писаны на русском языке с примесью некоторых выражений, взятых им из Библии, которая лежала перед ним».

Писатель Айтматов стал на один уровень с великими и в своем творчестве свел три века: век девятнадцатый, минувший и актуальные проблемы нынешнего. Можно определенно утверждать, что Айтматов учился. Невозможно не сравнивать айтматовскую «Джамилю» с шолоховским рассказом «Двухмужняя», а образ Джамили еще и с Аксиньей из «Тихого Дона». Мысленно сравнивая Джамилю и Аксинью, в памяти возникает шолоховское: «Не лазоревым алым цветом, а собачьей бесилой, дурнопьяном придорожным цветет поздняя бабья любовь. С лугового покоса переродилась Аксинья. Будто кто отметину сделал на ее лице, тавро выжег. Бабы при встрече с ней ехидно ощерялись, качали головами вслед, девки завидовали, а она гордо и высоко несла свою счастливую, но срамную голову».

Многие критики в «Джамиле» видят большую близость Айтматова молодому Горькому. Отмечают общее внутри и вне, и в пафосе и в стиле. Образ иноходца Гульсары, сравнивая с образом толстовского Холстомера и чеховской кобылкой, исследователи видят общее - Айтматов идет дорогой начатой Пушкиным («Конь», «Песня о вешем Олеге») и продолженной великим Толстым.

В «Белом пароходе» сходство с манерой Платонова, который умел стилистически соединять два жанра: сказочным и реалистическим.

Это отмечал и Залыгин С. и Преображенский Ю., который считает, что герои «Бурного полустанка» напоминают платоновских «сокровенных людей».

Повесть «Пегий пес бегущий краем моря» сравнивают с романом - сказкой, как «Осударева дорога» Пришвина, тип нового повествования - принципиально новый жанр, как в «Мастере и Маргарите» Булгакова М. и т.д.

Благодаря художественным образам Айтматова, который отразил актуальную культуру народов кочевой Азии не только второй половины XX века, а унес нас далеко вглубь истории и вынес, как на крыльях, своим опережающим мир сознанием художника к космической теме, цветущая, прогрессивная Европа увидела старушку Азию, и рассмотрела в ней энергичную и дерзкую красавицу.

Возникновение и стремительный взлет русской литературы в XIX веке не парадокс, не исключение из правил, а пример того, как фольклор в критический момент самосознания народа становится почвой для истинно народной литературы.

В эпоху высшего развития в девятнадцатом столетии классическая русская литература вовлекла в свою культурную орбиту «дикие» народы. Но настало время, когда эти народы должны были уже сами идти к вершинам русской классики. Европейец (например, Н.Бичурин) со своими магометанскими рассказами был уже анахронизмом - в сравнении с исповедью «инородца», без восторгов рассказывающего о себе. Это понимал великий Пушкин, написавший в свое время послесловие к «Долине Ажитугай» Казы Гирея и Ф.М. Достоевский, не сочинявший свои «Киргизские мотивы», а настоятельно советовавший писать Валиханову.

Наступило другое время, нужны были писатели других возможностей. Тишина степи уступила цивилизации. За Чоканом пришел Чингиз, который уже никогда «не сможет сбросить с себя наложенную на себя печать европейской духовной культуры и превратиться в номада».

Прославленный автор двухтомного романа «Путь Абая» Мухтар Ауэзов после «Джамили» напутствовал молодого Айтматова: «... хочется думать, что Чингиза Айтматова и дальше будет сопровождать успех в жанре рассказа, новеллы, маленькой повести, чем, может быть, восполнится весьма существенный пробел художественной прозы наших среднеазиатских литератур, где авторы - и молодые, и немолодые - стараются главным образом отдать свои силы широким полотнам - романам. Высокоценные малые формы художественной прозы в киргизской, да и всей среднеазиатской прозе оставляют желать еще много по качеству и значению.

Чувство формы, освоение закономерностей малой прозы - качества, которыми должны овладевать многие наши писатели. Особенно это важно подчеркнуть в связи с отрядными успехами Ч.Айтматова. От всей души желаю ему доброго пути!» (Литературная газета, 23 окт. 1958).

Освоив закономерности «малой прозы» Чингиз Айтматов перешел к «широким полотнам». Первый роман «Буранный полустанок» или «И дольше века длится день» до сих пор остается сложным произведением, острым, «написанным действительно кровью сердца», породившим самые различные, во многом несовпадающие мнения. *«Полнота творческой зрелости Чингиза Айтматова нашла выражение в романе» (Преображенский С.Ю., 1984). «Очень точная вещь - роман этот! Построен почти с математическим расчетом масс, так что достигается равновесие перемежающихся сцен ...» (Гачев Г.Д., 1989). «Появление романа - заметное явление современного литературного процесса ...» (Левченко В., 1983). «Произведение, которое, как представляется, лучше других позволяет судить о советской литературе указанного периода (советская литература 70-х), является роман ... Появившийся на рубеже двух десятилетий (в 1980) роман этот принадлежал тому и другому периоду, закрепляя их связь в литературном процессе, утверждая мысль о поступательном характере развития литературы» (Карпов А.С., 1987).*

Однако, по-разному воспринимая и давая свою оценку, не все исследователи были привлечены новым в писателе, нередко эти новации настораживали, возмущали читателя. Но почти все исследователи и читатели едины были в оценке Буранного Едигея. «Крепко стоящий на земле Буранный Едигей поднимается до постижения «сокровенности своей человеческой», дерзко утверждает не просто возможность, но необходимость для человека «возомнить себя втайне богом, ратуящим за всех». Только так сможет он, человек, выполнить, предназначенное ему природой» (Карпов А.С., 1987).

Едигей покориł читателей мужеством жить, мудростью «не соглашаясь - примиряться». И всем своим существом доказал Едигей свою любовь к женщине: «И плыла Земля, омываемая вышними ветрами...Плыла и несла в тот час на себе человека, коленопреклоненного на снегу. Ни один король, ни один император не плакал так от утраты своего государства и власти как сделал то Буранный Едигей в день разлуки с любимой женщиной. И плыла Земля...». Перечитывая «Буранный полустанок» думается, что это сам Чингиз Айтматов скорбит о смерти женщины, навсегда занявшей место в его сердце. Божественная Бюбюсара Бейшеналиева - восходящая звезда Киргизского балета, повстречавшаяся Айтматову, когда он был

уже зрелым и всемирно известным писателем. Ему было около сорока. Зрелый возраст и коммунистические времена... Эти два великих человека пронесли свою земную любовь также величественно, как и подобает таким людям. Необыкновенная красавица и умнейшая женщина - воистину эти качества редки. Бюбюсара тяжело и долго болела после падения на репетиции. Рак груди. Долгими и тоскливыми часами кружил Айтматов вокруг больницы в Москве. Когда каждое движение стало Бюбюсаре приносить мучительную боль, ее перевезли в Бишкек. И даже там, уже тяжело и безнадежно больная женщина улыбалась своему Ачину. Так назвала его она. Так его никто не называл больше, да и не имеет права. Она не стала его женой, понимая, что тогда семейному человеку, известному писателю и общественному деятелю может принести развод. Она берегла его. Она бережет его и сейчас.

Чингиз Айтматов велик в своих творениях и велик в своей любви к этой удивительной женщине. Прощание с Бюбюсарой происходило в зале, где присутствовали все, начиная с первого секретаря партии республики. Чингиз не скрывал своего горя, опухших глаз, слез. Он плакал. Кто-то из первых лиц сказал: «Да уберите же его». Он не ушел. Он прощался, как мог прощаться с любимой женщиной Чингиз Айтматов. «... И плыла Земля... И несла в этот час человека коленопреклоненного... Ни один король, ни один император» не плакал так, как в тот день Чингиз...

Позже Айтматов в «Тавре Кассандры» дает еще одну глубокую зарисовку, описывая своего героя, плывущего на теплоходе. Боль, тоска, бессилие перед утратой, одиночество в боли и тоске ... Это то, что выпадает многим людям, глубоко думающим и чувствующим, опережающие сознанием обычную ...

В Бишкеке поставлен памятник на двоих - один: великолепной Бюбюсаре Бейшеналиевой и великому Чингизу Айтматову. И даже тут видим, что с одной стороны в глубокой задумчивости стоит Чингиз, с другой, устремясь ввысь, Бюбюсара. Все, как в жизни...

Затем появились романы «Плаха», «Тавро Кассандры» - дискуссии вокруг которых продолжаются. Существуют разные мнения. Однако представляется справедливым утверждать, что в творчестве этого Художника воплотились итоги XIX века, минувшего, а также актуальные проблемы нынешнего века во всех интересующих эстетических отношениях: в содержании, в художественном методе, в интонации. Обнаружить это очень легко. При гармоничном слиянии культур в творчестве писателя и содержание (тема), и метод, и интонация его творчества очерчены предельно четко и смело.

Образы айтматовских героев стали принимать активнейшее участие в «движении умов», заметно расширяя жизненный опыт

человека. Опыт в особой форме: богатейшим накоплением познавательного, эмоционального и этического опыта, который в свою очередь создает связь поколений. Новая эпоха вступила в сознание людей «Джамилей», «Прощай, Гульсары», «Буранным полустанком» и т.д. Айтматов стал любимым писателем многих людей, а образы Джамили, Дюйшена, Алтынай, Танабая, Едигея, манкурта, Акбары и др. работали в истории потому, что были угаданы автором в жизни, взяты из нее и отразили реальные потребности. Таким образом, художник Айтматов верно отражая жизнь, воздействует на действительность. Справедливым будет утверждение, что *без функции айтматовских художественных образов в историческом процессе уже нельзя восстановить реальную историю нескольких поколений человечества*. Причина этого кроется в правде писателя.

Айтматов, говоря словами Залыгина, смог сказать правду, в то время, когда можно было говорить, но не всю, и образы его героев смогли донести всю правду «до головешечки». Писатель, не писавший в позе «чего изволите», и мог явить миру правдивые и талантливые художественные образы и этим собрать единомышленников. Художественные образы, показывающие личность, отрывают нас от старого, мы вместе с художником воспеваем личность и утверждаем жизнь. Мы наполняем себя уверенностью в правоте своего мироощущения и, если хотите, в правоте, совершаемого нами, ежедневного подвига. Ведь почти в любое время в нашей бывшей стране «кроме желания выжить, было еще мужество - жить». И, конечно, это не все. Но в этом - большая сила самоутверждения. Неоценимая помощь прожить жизнь осознанно и достойно.

Справедливость своих убеждений, мыслей, понимания жизни айтматовского и нашего поколения доказывали множеством логических рассуждений, но чуть слышно «на кухнях», включив радио. Айтматовские произведения не только доказывали, но показывали жизнь, и предоставлял нам, читателям, возможность самим думать и вводить логику доказательств - спорить, доказывать, возвращаться к вопросу, думать вновь. Одним словом, повести и романы писателя принимали активное участие в происходящем движении умов, потому что Айтматову удалось возродить в читателе отражение богатой и щедрой действительности через отбор конкретных признаков и обобщенных понятий, воссоздающий в нашем сознании богатое целое. Он знает тайну этого отбора, который за собой просто влечет все. Тайна в том, что при всех условиях любой вариант образа пребывает в его власти художника, вызывается им и остается айтматовским. В симфонии полнокровного образа тысячи звуков, отражающих подлинность жизни. И целый мир собственного опыта, читательских представлений и чувств - в точном русле айтматовского образа - поднят,

вызван к жизни в читателе. Встретились ли мы хотя бы раз со словом «личность» в описании Айтматовым образов своих героев? - Нет. Но они содержит в своем составе это бесспорное и обязательное определение. Оно вызвано волей писателя в представлении читателя. Но оно не упомянуто! И нет критика, который бы оспорил это. Где-то в Центральной Азии, в далекой степи шло нарастание личностного.

Среда высоких мыслей о положении родины, о течении мировой истории, о развитии социального, политического строя и культуры человечества была питательной средой идей, окружавших замысел повестей и романов Айтматова. Особое историческое качество произведений этого художника состоит в том, что они отражают историческое явление на огромной территории, занимавшую шестую часть суши, бывшего СССР и в связке с космосом и всей природой выходит на общемировой уровень. Особое актуальное значение творчества Чингиза Айтматова состоит в том, что оно дает возможность предвидеть как будет выглядеть цивилизация и культура будущего, поскольку все его творчество исходит из того глубокого взаимовлияния, взаимопроникновения культур, который протекал в рамках Руси и Поля и православно-мусульманского пространства бывшего СССР. Произведения писателя предоставляют возможность учитывать внутреннее основание и причины современных интеграционных тенденций, особенно в сфере культуры, которые не знали и не знают ни политических, ни экономических, ни национальных государств. Изоляция в самодостаточности своей культуры всегда приводит к слишком высокой стоимости своих же духовных стандартов. На творчестве Айтматова можно четко проследить, что культурное взаимодействие чаще всего ведет к интересным новшествам в рамках мировой культуры и позволяет говорить о взаимообогащении национальных традиций на уровне проблем общемировой значимости, в рамках современной гуманистической литературы.

Творчество Айтматова всегда захватывало мирового читателя феноменом художественного мастерства писателя билингва, масштабностью, прозорливостью мыслей и чувств в его Слове о народе. Потому интерес к айтматовскому творчеству велик, благодаря таящейся в нем идее планетарной всеобщности. В обширной исследовательской литературе, посвященной творчеству Ч.Айтматова есть глубокое проникновение в суть художественных поисков и открытий писателя, безукоризненные научно-аргументированные выводы, есть, безусловно, и суждения поверхностные, а также тенденциозные высказывания, порой грубые и не терпящие возражений.

Причины интереса к творчеству Айтматова во всех странах предопределяются главным образом, такой особенностью его художественного метода, как тяготение к социально-философскому осмыслению действительности, гуманистической направленностью поэтического мышления, умения в локальном, национально-определенном воссоздать всеобщее, углубленным психологизмом, художественным мастерством. В удивлении исследователей, писателей многих стран мира скрывается не один восторг бессильной изощренности перед всеильной, дикой красотой; есть искреннее и изумленное открытие духовного родства себе подобных; родства такого можно было не стыдиться и в Париже, и даже преисполниться новой надеждой в великую разумность развивающегося человечества. Опуская высказывания критиков: Ролана Пьера, Андре Стиля, Анни Бриер, Николя Занда, Клода Прево, Жана Спагаро и многих, многих др., выводы которых в отношении творчества Ч.Айтматова трудно переоценить, приведем восторженные слова Луи Арагона о первой повести писателя "Джамиля" в 1958 году: "...каким образом где-то в Средней Азии, в начале второй половины XX века, молодой человек мог написать повесть, которая клянусь вам, является самой прекрасной на свете повестью о любви..." (Л.Арагон. 1959, №7, с.40).

Мы вошли в новую эру - эру Водолея. А это - осуществление многочисленных социальных программ, коллективные акции, расцвет общественных и международных организаций, совместные мировые проекты, космические исследования. Глобальные проекты по изменению условий существования и всего жизненного уклада. Развитие естественных наук, и техники, и пр., пр. Все это, разумеется, может иметь место, если человечество будет эволюционировать, прогрессировать, а не регрессировать далее весь следующий цикл. Об этом нам, читателям, говорит Художник - Учитель - Айтматов.

Год 2000-ый остался в истории как круглая дата, как точка отсчета наших подвигов, надежд и заблуждений. Как миг зарождения новых процессов, идей, идеалов. Как пройденный Рубикон, разрубленный Гордиев узел, преодоленная река мертвых Стикс.

Да здравствует Конец Света и пусть всегда будет начало! Но только Художник проснулся в первый день Нового Света раньше всех. Он завернулся в свои одежды и неторопливо двинулся в путь. Он ничего не ведает, но он Вещий. Он ничего не знает и знает все. Он идет встречать восход Солнца, но на мгновение раньше, чем мы.

Опыт рефлексии над творческим сознанием XX века прошел и художник не может избавиться от чреватого опасностями и срывами учительного места и остается одним из первейших моральных деятелей своей эпохи.

ВСТРЕЧИ С ЧИНГИЗОМ АЙТМАТОВЫМ

Летом 2002 года, в дни 24 Международного кинофестиваля, Чингиз Айтматов, будучи председателем большого жюри, был очень занят. Тем не менее, великий писатель нашел возможность встретиться с представителями карачаево-балкарской диаспоры г. Москвы – директором книжного издательства «Мир дому твоему», главным редактором журнала «Ас-Алан», сопредседателем демократической организации «Джамагъат», почетным доктором КЧГПУ **Билалом Лайпановым**, кандидатом экономических наук, заместителем начальника инспекции Счетной палаты РФ, вице-президентом Федерации каратэ-до Сито-рю России **Асланом Атабиевым**, генеральным директором АООТ «Завод Красная Пресня» **Дахиром Семеновым** и юристом **Шамилем Саркитовым**.

Чингиз Турекулович удивил всех не только глубокой мудростью философа-мыслителя, широтой знаний и интересов, но и детским восприятием мира, любопытством, любознательностью. Он вместе с Дахиром Семеновым обошел завод, познакомился с производством станков, задавал вопросы и внимательно слушал. Со стороны казалось, что два специалиста обсуждают производственные проблемы.

С Асланом Атабиевым Айтматов компетентно обсуждал состояние российской и мировой экономики.

С поэтом Билалом Лайпановым классик мировой литературы говорил о культуре, о падении нравов и роли литературы в обществе.

Аслан Атабиев от имени карачаево-балкарских художников подарил Чингизу Айтматову хорошо известную искусствоведам картину «Облака воспоминаний» - прекрасное творение художников Халимы Атабиевой и Абдурахмана Занибекова – членов IFA UNESCO.

В следующем номере журнала «Ас-Алан» участники бесед с Чингизом Айтматовым более подробно расскажут о своих впечатлениях. В этом же номере мы даем несколько снимков, запечатлевших великого писателя в непринужденной обстановке, будь то на территории московского завода или на его даче в Перedelкино.

Чингиз Айтматов и Дахир Семенов, генеральный директор АООТ «Завод «Красная Пресня», председатель правления книжного издательства «Мир дому твоему».

слева направо: Аслан Атабиев, Мария Урматовна (супруга Чингиза Айтматова), Билал Лайпанов и Чингиз Айтматов

Айка (внучка Айтматова), Аслан Атабиев, Чингиз Айтматов и Билал Лайпанов

Чингиз Айтматов и Аслан Атабиев. Перед картиной «Облака воспоминаний» Тимур – правнук Айтматова и внук балкарского журналиста и альпиниста Владимира Лукьяева

Билал Лайпанов, Чингиз Айтматов, Аслан Атабиев

Чингиз Айтматов и Аслан Атабиев у картины балкарских мастеров кисти Халимы Атабиевой и Абдурахмана Занибекова «Облака воспоминаний»

Маленький Тимур самый большой ценитель художественного шедевра

Рамазан Джуккаев

Есть люди, которых на трибунах не увидишь; они не гоняются за славой; они не на виду. Они, оставаясь в тени, молча, упорно, убежденно делают свое дело. Именно благодаря таким людям победоносно совершаются революции, обретают силу и размах национальные движения, максимально приближая нас к свободе и независимости, к истине и справедливости.

Таким человеком в деле реабилитации репрессированных народов был и остается Рамазан Джуккаев. Не все знают, что он один из тех, кто убрал позорный памятник в Теберде, который был установлен нашими недругами, чтобы очернить карачаевцев. Он один из тех, кто привез и установил в Карачаевске глыбу, где написано, что здесь будет установлен памятник жертвам политических репрессий.

И если бы не такие люди, как Рамазан, ни одна делегация не смогла бы выехать в Москву с требованием восстановления государственности карачаевского народа, уничтоженного сталинско-бериевско-сусловским режимом.

Заслуга Рамазана в нашем национальном движении и его успехах так велика, что даже стыдно, что до сих пор об этом не говорили.

«Вожди» предавали наше движение, шли на сделку с властями и со своей совестью, но Рамазан был и остается таким, каким был - простым, оптимистичным, мужественным, верным общенациональной идее и реабилитационному делу.

Ведь не зря к нему, как к последней надежде, обратились верующие города Карачаевска с просьбой возглавить строительство соборной мечети. Безусловно, они знали его и как первоклассного строителя, но решающую роль сыграла безупречная репутация личности Рамазана - его доброта, честность, патриотизм. Учили, конечно, и то, что он сын Мухаммад хаджи, бесконечно преданного делу Ислама и готового вложить последнее в строительство храма. И с каждым днем здание мечети подымается, возвышается, приближается к Небу, обретая черты божественного величия. Кто въезжает в г. Карачаевск сразу же видит его. Храм стоит, как бы охраняя город от темных сил и призывая людей к вечным нравственным ценностям.

Сколько светских школ, учебных заведений было построено Рамазаном Джуккаевым по всей Карачаево-Черкесии...

Он понимает и твердит везде и всегда, что только учебой, наукой, знаниями, мы можем занять достойное место в современном мире. Потому, наверное, он сумел дать высшее образование своим детям. Его дочери Зухра и Мадина с отличием окончили технологический институт в г. Черкесске.

Но только знания, одухотворенные верой, дают свет. Только те дороги истинны, которые ведут к Храму.

Потому Рамазан так одержим идеей возведения соборной мечети. Человек, который строил прекрасные школы, Человек, который боролся и продолжает бороться за восстановление государственности родного народа, за его доброе имя, за его достойную жизнь, Человек, который думает о завтрашнем дне, пришел к выводу: *Все пути должны вести к Храму и все пути должны исходить из него.*

С этой верой он продолжает строить Соборную Мечеть в городе Карачаевске. И все, кто помогают ему, помогают себе: ВЕРА - НАШЕ СПАСЕНИЕ.

«Ас-Алан»

На фото: семья Джуккаевых - Рамазан, Зухра, Мадина, Замира.

Мечеть, строительство которой возглавил Рамазан Джуккаев

Имам Семенланы Адам хаджи (слева) и Рамазан Джуккаев

Моя Ингушетия

Для того, чтобы понять, почему мы так рады своей Республике, надо провести сравнительный анализ: а) что мы имели и как развивались до 1934 г., когда была своя автономия; б) что мы имели и как развивались с 1934 г. по 1992 г., потеряв свою государственность и став частью Чечено-Ингушской Республики; в) и что создали с 1992 г. по настоящее время - за то короткое время восстановления-образования Республики Ингушетия.

За время пребывания ингушей в составе Чечено-Ингушской Республики с 1934 по 1992 гг. на территории Ингушетии было построено только два предприятия: электроинструментальный завод и трикотажная фабрика в Назрани. А что построено с 1992г., за 10 лет существования Республики Ингушетия?

1. Это столица Ингушетии – новый город Магас, с президентским дворцом, зданиями правительства и парламента, университетским корпусом и жилыми домами;
2. В г. Назрани построены швейная фабрика, первоклассная гостиница, лицей, телевидение, типография;
3. В г. Малгобеке построены кондитерская фабрика, домостроительный комбинат;
4. В станице Орджоникидзевской - мебельная фабрика, аэропорт;
5. В станице Нестеровской - кирпичный завод, дом отдыха;
6. В районном центре Арамхи построен курортный лечебный центр;
7. В с. Сурхахи функционирует кадетский корпус. За 10 лет в Ингушетии построено более 20 школ.

За указанный период рождаемость у нас увеличилась и занимает 1-е место в РФ. Средняя семья состоит из 6-8 человек. Эти показатели говорят сами за себя.

Но есть один показатель, который не поддается обычным измерениям. Это уровень самосознания, национальной гордости ингушей, которые готовы умереть за свой флаг, гимн, герб - за свое маленькое государство. И ингуши никогда не откажутся от своей государственности, к ней они шли в течение многих десятилетий.

¹ *Евлоев Магомет Хамзатович, 1943 года рождения. Уроженец села Насыр-Корт. Имеет высшее образование. 26 лет работал в колхозе в Сунженском районе. С женой Ханифой поставил на ноги большую семью, которая состоит из 4 сыновей и 3 дочерей. Все имеют высшее образование.

Ингуши оторвались от Чечни не только потому, что их пути разошлись: ингуши хотели остаться в составе Российской Федерации, а чеченцы хотели создать свое независимое государство. Этот момент тоже имеет место, но только как катализатор событий. Ингуши всегда хотели иметь свой дом. Да, чеченцы наши братья по крови, духу, менталитету, культуре. Но, дети, повзрослев, не могут жить вместе. У каждого свой ум, своя голова. У каждого должен быть свой дом.

И хорошо, что генерал Дудаев с пониманием отнесся к этой проблеме. Мы расстались, чтобы никогда не расстаться. И годы трагических испытаний мы выдержали достойно. Это подтвердит любой беженец из Чечни.

Когда я думаю о судьбе других национальных республик, в голову приходит мысль: а что мешает им перенять наш опыт? Насколько я знаю, напряженность в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии исходит от того, что кабардинцев и балкарцев, карачаевцев и черкесов загнали в общежития, в неестественные формы совместного проживания. Как они - кабардинцы и балкарцы, разные по языку и менталитету - могут жить вместе, если мы, ингуши, не смогли жить вместе с единокровными братьями? На острое национальное соперничество обречены также карачаевцы и черкесы в КЧР. Это привело к разделению КЧАО на две автономные области в 1926 году, но кто-то в 1957 году их опять объединил, не спрашивая их согласие и волю. Плоды таких объединений все острее дают о себе знать. Российское государство должно исправить свои ошибки в этом вопросе и прислушаться воле народов, и не накладывать бесконечные моратории на Закон «О реабилитации репрессированных народов», принятый еще в 1991 году. В конце концов, если объединить, то надо было объединить балкарцев и карачаевцев – ведь это единый народ, разделенный надвое имперским мечом. Такое решение было бы исправлением исторической несправедливости, логично, мудро и гуманно, в соответствии с велением времени и демократии. Можно и не объединить, но в любом случае решающее слово должно остаться за народом и Законом. А воля репрессированных народов известна. Известен и Закон «О реабилитации репрессированных народов». Российское государство должно реабилитировать себя не только словесно осудив геноцид и государственный терроризм, совершенный над народами, а покайсявшись и претворив в жизнь Закон «О реабилитации репрессированных народов». В противном случае это будет игра в демократию и обманом мирового сообщества. А народы как должны относиться к своему родному государству, которое не возвращает репрессированным то, что у них было отнято тоталитарным режимом? Если родное государство не хочет или не может быть гарантом исполнения самим же принятых законов, а глас народа

остается гласом вопиющего в пустыне, то нетрудно угадать, что нас ждет впереди. Без полной, всесторонней, окончательной реабилитации репрессированных народов не может быть стабильности и покоя, мира и согласия на Кавказе. Без решения национального вопроса у Российской Федерации нет будущего.

Мое мнение такое: Кабарда, Балкария, Карачай, Черкесия должны стать отдельными образованиями. Современное российское государство должно освободиться от традиционного имперского мышления, когда национальные образования делились на ранги, а народы на надежных и ненадежных. Государство не имеет право делить общество по религиозному или иному признаку и натравливать их друг на друга. Государство не имеет право делить Вооруженные Силы на «казачьи» или «туземные» части. Единое государство, единая Армия, единый равноправный подход ко всем. Если хотим жить в одном государстве, надо жить по единым законам. Если не хотим, то об этом тоже надо сказать вслух, внятно, честно и аргументированно. Чтобы все поняли, что к чему. А то без нашего ведома, не дай Бог, возьмут и развалят и Россию, как СССР.

**Александр Невский –
правнук половецкого (кипчакского) хана Котяна.**
(окончание, начало в №1(4) и №2(5) 2001г.)

Нами проведено исследование по вопросу выяснения подробностей брака, семейной жизни и судьбы потомков Мстислава Удалого и дочери половецкого хана Котяна. В результате этого установлено, что брак имел место, и от него были дети, внуки, правнуки..., сыгравшие большую роль в становлении и развитии Руси. Цитирую Хмырова М.Д.: “Мстиславъ Мстиславичъ, прозваніем Удалый, князь новгородскій и галицкій, сынъ Мстислава Ростиславича Храброго, кн. новгородскаго, от брака съ дочерью Гльба Ростиславича, кн. рязанскаго, неизвестной по имени ... был женат на дочери Котяка или Котяна, хана половецкаго, неизвѣстной по имени, и имель отъ нея, кромъ сына, Василия, трехъ дочерей: Анну, за кн. Данилом галицким (см. № 67), Ростиславу за вел. кн. Ярославомъ II Всеволодовичем (см. № 199), и Елену, за Андреемъ, королевичемъ венгерскимъ.” (25, с.60-61). Другой источник сообщает, что Мстислав Мстиславич Удалой - удельный князь трипольский (1193 г.), удельный князь торчесский (1203 г.), удельный князь торопецкий (1209 г.), князь новгородский (1210-1215 гг.; 1216-1218 гг.), удельный князь галицкий (1219-1227 гг.) был в браке с дочерью хана половецкого Котяна с предполагаемым именем Мария; является отцом Василия - княжича новгородского, Ростиславы-Феодосии, Анны и Елены (или Марии). (15, с.222-223). Этот же источник дает лишь некоторые сведения о жене Мстислава: “Мария ... - дочь Котяна, хана половецкого. В браке с Мстиславом Мстиславичем Удалым, кн. новгородск. Мать Ростиславы-Феодосии, Василия, Анны и Елены (или Марии)» (15, с.210). Следовательно, Ростислава-Феодосия - дочь Мстислава Удалого и половчанки Марии - дочери хана Котяна.

Таким образом, нами доказано впервые то, что Ростислава-Феодосия, в иночестве Евфросиния, являлась внучкой половецкого хана Котяна и была женой Ярослава II Всеволодовича, а также матерью их 9 сыновей и 2 дочерей, в том числе - Александра Невского.

До сих пор сей факт в русской, советской и современной истории не был известен или просто замалчивался. Считалось, что мать Александра Невского и других детей Ярослава была дочерью русского князя Мстислава Удалого, из чего следовало, что дети их - “чисто” русские. В то же время, всем ученым и исследователям было известно о том, что Мстислав Удалой был зятем половецкого хана Котяна, о чем сказано выше. Но никто из них не знал, или не хотел знать об этом. Ведь столько написано об Александре Невском, его братьях и сестрах,

столько ученых занималось проблемой происхождения его матери, в том числе и те, на чьи труды мы ссылаемся в настоящей работе. Из чего следует, что в начале Ростислава-Феодосия признавалась дочерью Мстислава Удалого, затем рязанского князя Игоря Глебовича и т.п. Однако суть дела оставалась одна.

Вполне логично возникает вопрос: а может быть действительно знали, но не хотели говорить об этом? Ведь дети от этого брака настолько известны, особенно Александр Невский и его потомство. Тем более, что Александр Невский является национальным героем Руси, недаром его прозвали “Святым” и “Великим”. Его биография известна каждому еще со школьной скамьи; его имя является олицетворением идеала русского патриотизма. И вдруг - он внук половецкого хана!?

Вполне возможно, что Баумгартен Н.А. и некоторые другие ученые и исследователи выполняли заказ “сверху”: Александр Невский должен быть русским героем! Так и было до сих пор. Но приведенные факты поставили все на свои места. И в этом нет ничего унижительного и оскорбительного. Наоборот, мы должны гордиться этим и впредь быть более объективными.

Перейдем опять к изложению фактов по детям Мстислава Удалого и Марии - дочери половецкого хана Котьяна, которых значится четверо, из них 1 - сын. Между тем, в работе Экземплярского А.В. дважды говорится еще об одном их сыне - о некоем Юрии: “...просили в 1232 г., князем к себе Ярославова сына Федора. В этом Ярослав отказал, и предложил им в князя сына Мстислава Удалого, Юрия, которого псковичи приняли с радостью” (29, с.283), и далее : “В 1232 г. псковичи помирились с Ярославом и взяли от него в князя к себе сына Мстислава Мстиславича Удалого Юрия Мстиславича” (29, с.396). У других исследователей, занимающихся вопросами истории и генеалогии Юрий нигде не значится. Однако, Экземплярский А.В. - очень серьезный и скрупулезный ученый, чтобы приводить такие данные голословно. В связи с этим, можно предположить, что у Мстислава и Марии было 5 детей, в том числе 2 сына.

Более подробно о Мстиславе Удалом и его родителях, половецком хане Котьяне, Всеволоде Юрьевиче - Большое Гнездо, причинах браков Мстислава с Марией, Ярослава - с Феодосией, Даниила Романовича - с Анной, о судьбах их детей мы расскажем в следующих публикациях.

Продолжим наше исследование в отношении Ярослава и Феодосии. О его родителях в общих чертах нами сказано выше. К этому добавим, что отец Ярослава - Всеволод Юрьевич Большое Гнездо являлся сыном Юрия Владимировича Долгорукова, который, в свою очередь, был сыном Владимира Мономаха.

Источник сообщает, что великий князь Ярослав II Всеволодович, в святом крещении Федор, родился в г. Владимире на Клязьме 8 февраля 1191 г. Краткая хронология основных этапов его жизни: постриги (обряд посажения “на-конь”) был осуществлен в 1194 г.; 10 августа 1201 г. - стал князем Переяславля-южного (Полтавской губер.); зимой 1204 г. - ходил на половцев; в 1206 г. - “выгнан” из Южной Руси Всеволодом Чермным - князем Черниговским; в 1207 г. - был с отцом при взятии Пронска; в 1208 г. - прислан княжить “на Рязань”; в 1212 г. - после смерти отца был на стороне Юрия (впоследствии Великого князя Юрия II) в междоусобных войнах старших братьев; в 1215 г. - призванный новгородцами, теснил их из Торжка; возбудил против себя и Юрия войну с новгородцами под предводительством Мстислава Удалого, и вместе с Юрием был разбит ими 21 апреля 1216 г. в битве на Липицком поле; в 1219 г. - не пропускал сборщиков дани новгородской через Бело-озеро и тем произвел мятеж в Новгороде; в 1222 г. - снова призван новгородцами; в 1223 г. - бесполезно нападал с ними на Феллинскую область Ливонии и безуспешно в течение месяца пытался взять Колывань (Ревель); в 1224 г. - совместно с великим князем Юрием III воевал против Новгорода; в 1225 г. - в третий раз призван новгородцами; в 1226-1227 гг. с ними разбил литовцев около Усвята, завоевал северную часть Финляндии и без всякого насилия крестил диких корелян; в 1228 г. - отвергнутый Псковом, старался вооружить против него Новгород, что ему не удалось, после чего “с досадой” без сыновей своих, оставленных им в Новгороде, уехал в свой Переяславль-Залесский; в 1229 г. - овладел Волоколамском, поссорил племянников с великим князем Юрием II; в 1230 г. - в четвертый раз призван новгородцами, но вторично оставив у них сыновей Федора и Александра, через две недели уехал к себе в Переяславль; в 1231 г. - воевал в калужских владениях князя Михаила Черниговского (впоследствии святого), уличенного “в криводушии” перед великим князем Юрием II; в 1236 г. - сблизился с князем Даниилом Галицким и стал княжить там в Киеве; в 1238 г. - после смерти своего брата, великого князя Юрия II, убитого татарами на р.Сити, возвратился из Киева и стал князем Владимирским; в 1239 г. - лично ходил на литовцев, нападавших на Смоленскую область и освободил от них Смоленск; в 1243 г. - поехал в Золотую Орду и был принят “ласково” ханом Батыем; в 1246 г. - поехал в Золотую Орду вторично, а оттуда в Каракорум.(25, с.83-84).

“Отпуская русских князей в их земли, Батый обыкновенно удерживал у себя кого-либо из их родственников в виде заложников, - пишет по поводу отношений русских князей с завоевателями Иловайский Д. - Но так как он сам считался только наместником великого хана, то некоторых подчиненных владетелей отправлял от

себя в главную Орду на поклон к великому хану. Первым из русских князей был отправлен к Гаюку один из сыновей Ярослава, по имени Константин. Но Гаюк, по-видимому, не удовольствовался тем, и, отпустив сына, потребовал к себе отца. Великий князь вторично, с братьями и племянниками, должен был явиться к Батыю. Сей последний некоторых князей послал еще на поклон в другую Орду, к своему сыну Сартаку, а самого Ярослава отправил в Каракорум к Гаюку.

В сопровождении многих бояр и слуг, великий князь предпринял это трудное путешествие по азиатским бесприютным пустыням. При переходе по безводным степям туркестанским он потерял часть своих бояр и слуг, умерших от жажды. В главной орде Ярославу, подобно другим владетелям и послам, пришлось долго жить, пока происходил великий курилтай, занимавшийся избранием хана. Там он терпел много унижения и нужды. По словам Карпини, приставленные к нему и к другим вассальным владетелям татары обращались с ними высокомерно и сажали их ниже себя; впрочем, великому князю русскому оказывали некоторое предпочтение перед другими. Наконец, после возведения на престол Гаюка Ярослав был отпущен домой. Но тут настала его кончина (1246 г.). Карпини сообщает слух, что его отравила бывшая правительница татарского царства Туракина, мать Гаюка. Она позвала его к себе, и, как бы оказывая ему честь, потчевала из своих рук; а возвратясь в ставку, он тотчас занемог и скончался на седьмой день. Ханша будто сделала это для того, чтобы совершенно завладеть русской землею. Такой слух считался не совсем достоверным, потому что татары ничего не выиграли от смерти Ярослава. Но он не противоречит событиям. В обычае монгольских ханов было при завоевании какой-либо земли, возможно более истребить в ней народу, чтобы ее обессилить, а также истребить тех правителей, которые даже при изъявлении покорности считались почему-либо опасными для татарского владычества. Русские летописи подтверждают известие об отраве, прибавляя, что великий князь был оклеветан перед ханом каким-то изменником Федором Яруновичем". (12, с.542-543). Эту версию поддерживает Соловьев С.М., который добавляет к тому, что " ... но трудно предположить, чтоб Ярунович действовал здесь лично от себя и для себя; гораздо легче подумать, что смерть Ярослава в Орде была явлением, одинаким со смертью других князей русских там же, была следствием наговора родичей, следствием родовых княжеских усобиц" (23, с.172-173). Экземплярский А.В. со ссылкой на Соловьева С.М. сообщает, что интрига против Ярослава велась, вероятно, Константиновичами Ростовскими (из собственно Константиновичей в живых оставался только Владимир углицкий, который принимал участие в последней

поездке Ярослава в Орду; когда не удалось оклеветать Ярослава перед ханом, прибегли к ханше, о чем хан и не знал (История отн. между русск. кн. Рюр. дома, с. 262-263). Здесь же со ссылкой на Тверскую летопись приводится год смерти Ярослава под 1247 г., а в - Троицкой - под 1248 г (28, с.18, примеч. 40). У Хмырова М.Д. смерть его датируется 30 сентября 1246 г. (25, с.84), что совпадает с данными Когана В.М. (15, с.265)

По данным Хмырова М.Д., тело его погребено во Владимирском Успенском соборе и в древних рукописных святцах он именуется святым (25, с.84).

О начале его княжения сообщается в продолжении к Лаврентьевской летописи: "Посла благоверный и христолюбивый князь великий Всеволодь Гюргевичъ, внук Володимира Мономаха, сына своего Ярослава въ Переяславль въ Русьскый княжить, на столъ прадеда и деда своего, мѣсяца в 3 день, на память святыхъ отецъ Долмата, Фауста и Исакия, тогда сущю великому князю въ Переяславли съ детьми свими Константиномъ и Юргемъ" (3, с. 175, под 6709 годом).

Нелегкое время выпало Ярославу Всеволодовичу после захвата Руси монголо-татарами. Вот что говорит об этом Карамзин Н.М.: "Ярослав приехал господствовать над развалинами и руинами. В таких обстоятельствах государь чувствительный мог бы возненавидеть власть; но сей князь хотел славиться деятельностью ума и твердостью души, а не мягкосердечием.

Надлежало собрать людей рассеянных, воздвигнуть города и села из пепла - одним словом, совершенно обновить государство. Еще на дорогах и улицах в обгорелых церквях и домах лежало бесчисленное множество мертвых тел: Ярослав велел немедленно погребать их, чтобы отвратить заразу и скрыть столь ужасные для живых предметы; ободрял народ, ревностно занимался делами гражданскими и приобретал любовь общую правосудием. Восстановив тишину и благоустройство Великий князь отдал Суздаль брату Святославу, а Стародуб Иоанну. Народ, по счастливому обыкновению человеческого сердца, забыл свое горе; радовался новому спокойствию и порядку..." (13, с.274). Далее он же характеризует: "Ярослав, в юности жестокий и непримиримый от честолюбия, украшался и важными достоинствами как мы видели: благоразумием деятельным и бодростью в государственных несчастиях, быв возобновителем разрушенного Великого княжения; гибкостью и превосходством ума своего снискал почтение варваров, Батыя и Гаюка, но не заслужил ревностной похвалы наших летописцев, ибо не раздавал имения церквям и монахам, отличаясь, может быть, верою просвещенною, а не суесвятством." (13, с.283).

Ростислава-Феодосия прожила в браке с Ярославом около 25 лет, с учетом времени размолвки после Липицкой битвы, когда отец -

Мстислав Удалой, увез ее от Ярослава, разгневавшись на него, о чем сказано выше. Естественно, что она всегда была рядом с ним, делила с ним радости и невзгоды, рожала, растила и воспитывала детей. Куда муж - туда и она. Вот что сообщают нам об этом летописи: по воскресенскому списку: "... князь Ярославъ Всеволодовичъ иде изъ Новагорода в Переяславль и со княгинею, а в Новгородъ оставил два сына, князи Федора и Александра..." (1, с. 134, под 6736 годом); новгородская первая старшего и младшего изводов: "Поиде князь Ярославъ съ княгинею и съ дѣтьми Переслалю (5, с. 61, под 6731 годом), "Въ то же лето, тои же зимы выиде князь Олександр из Новагорода къ отцу в Переяславль съ матерью и съ женой и со всѣмъ двором своимъ" (5, с.78, под 6748 годом).

Брак дочери половецкого хана Котяна Марии и Мстислава Удалого, а также их дочери Ростиславы-Феодосии с Ярославом Всеволодовичем относятся к династийным бракам.

У Котяна имелась большая, по тем временам, военная сила, а Мстислав, как известно, часто воевал и нуждался в ней. В то время оба они являлись одними из самых влиятельных предводителей: первый - у половцев, второй - у русских. По рангу они примерно соответствовали друг другу, поэтому брак состоялся, как обоюдовыгодный. Видимо, Котян не выдал бы свою дочь за более слабого русского князя, а Мстислав, в свою очередь, не женился бы на дочери "захудалого" половецкого хана. Тем более, что в этот период половцы и русские чаще выступали как союзники, в связи с чем союз русского князя с половецким ханом и, наоборот, был явлением вполне нормальным и менее предосудительным, чем союз с поляками, немцами или венграми. Смешанные русско-половецкие браки были заурядным явлением, и русский народ недаром называл половцев "сватами". И, можно отметить, что этот брак оправдал надежды обоих: Котян не раз приходил на помощь Мстиславу, о чем имеются конкретные сведения в русских летописях и в других источниках, а Мстислав - Котяну (вспомним хотя бы период после первого монголо-татарского нашествия и битву при р. Калке). О влиянии хана Котяна можно судить и потому, что другая его внучка была женой знаменитого русского князя, а затем короля галицкого Даниила Романовича, на дочке которого был женат родной брат Александра Невского - Андрей, о чем сказано выше. Третья внучка являлась женой венгерского королевича Андрея. Кроме того, после переселения хана со своей ордой в Венгрию, родная дочь его, в крещении Елизавета, вышла замуж за наследника престола Стефана V, ставшего впоследствии королем Венгрии, от брака с которым родился сын Ладислав, также ставший впоследствии венгерским королем..

Попытаемся установить примерное количество людей у хана Котяна. По данным Плетневой С.А. одна орда состояла примерно из 40 тыс. человек. (20, с.114). На уход одной орды и такого же количества людей хана Котяна, переселившихся в Венгрию, указывает Голубовский П.В.(4), Гумилев Л.Н. (10, с.511) и другие исследователи. Между тем, другой источник, ссылаясь на очевидца событий Рогерия, свидетельствует: "Рогерий, описывающий приход половцев под предводительством Кутена (Котяна) в королевство Венгрию в 1239 г., воспроизвел устную традицию о их численности: половцев, " как говорили (!), было около сорока тысяч, не считая их семей, домашних". Таким образом, общность хана Котяна составила сорок тысяч семей и столько же, видимо, было половецких воинов".(18, с.94-95).

Следовательно не удалось пока установить точную однозначную численность орды половцев, переселившихся в Венгрию во главе с ханом Котяном. Мы считаем более объективными данные последнего источника, так как Рогерий жил в это время и являлся очевидцем событий, что позволяет сделать предположение о большей достоверности информации; тогда как предыдущие приводят примерную цифру, полученную путем приблизительного теоретического подсчета, или сообщают непроверенные неточные сведения авторов, не вникавших глубоко в суть этой проблемы. Таким образом, можно сделать вывод, что количество только воинов в одной половецкой орде у хана Котяна составляло примерно 40 тысяч человек.

Имеются факты о наличии нескольких орд у хана Котяна. Об этом пишет также Плетнева С.А.: «Что касается центральных русских земель, то последний раз половцы подходили к стенам Киева вместе с князем Изяславом в 1234 г.. Военная активность половцев, осмелившихся приводить свои полки к самому Киеву, родство Котяна с Мстиславом, взявшем замуж его дочь, а также весьма почтительное обращение к хану Котяну Даниила свидетельствуют, по-видимому, о том, что Котян был главой нескольких орд, очевидно составлявших западное объединение». Она же отмечает, что он упоминается в различных летописях и позднее, причем в качестве влиятельного и сильного в военном отношении хана.(20, с.175).

На основании изложенных данных, можно сделать еще один вывод, о том, что до Батыева нашествия у хана Котяна было несколько орд и он являлся «главным ханом кипчаков» (12, с.516); а с учетом того, что у каждого воина было, как минимум 5 - 6 членов семьи, можно исходя из минимального – 3 орды, сделать несложный арифметический подсчет количества его подданных: 40.000 человек множим на 3, а результат – на 5. Получаем 600.000 человек. По тем временам такого количества не было ни у одного кипчацкого хана. А если исходить из того, что было 4 орды, или 5 орд, так как понятие «...несколько орд»,

допускает это; а число членов семьи взять по-максимуму, то опять таки, произведя аналогичные расчеты, эта цифра значительно увеличится.

Аналогично можно осуществить подсчет количества воинов и людей, переселившихся с одной ордой хана Котьяна в Венгрию: 40 тысяч (воинов) множим на 5 человек (в каждой семье воина), в результате чего получаем – 200 тысяч человек.

Несомненно, что в организации борьбы кипчаков за свою независимость во время Батыева нашествия большую роль сыграл хан Котьян на правах "старейшего между ханами", а затем и в качестве «главного хана кипчаков (половцев)». Так, источник сообщает, что "...татары предприняли разведочный поход вглубь Камской Болгарии и зимовали в ней где-то не доходя Великого города. Половцы со своей стороны, по-видимому, пользовались обстоятельствами для того, чтобы оружием отстаивать свою независимость. По крайней мере, их главный хан Котьян впоследствии, когда искал убежище в Угрии, говорил угорскому королю, что он два раза разбил татар".(12, с.516). Видимо, в этих и других битвах с жестокими завоевателями были потеряны остальные подчинявшиеся ему орды кипчаков.

«Видимо это был недюжинный человек по тем временам» – отзывается о хане Котьяне Голубовский П.В. (9, с.228).

Теперь становятся понятными и ясными причины вышеприведенных фактов о брачных связях половецкого хана Котьяна с русскими князьями и венгерскими королями: их привлекала не красота и обаяние его дочерей, а значительная, по тем временам, военная сила.

Нельзя назвать случайным и брак Ростиславы-Феодосии с Ярославом. Он состоялся, примерно, по аналогичным мотивам, но отличался тем, что Феодосия была внучкой хана Котьяна и дочерью Мстислава Удалого. Русские князья знали, что надо иметь дружбу со степью и они могут всегда прийти на помощь к родственникам. Пархоменко В.А. отмечает по этому поводу, что "Даже прославленный "добрый страдалец за русскую землю" Владимир Мономах женил двоих своих сыновей -Юрия в 1107 году и Андрея в 1117 году на половчанках. Тут уж не приходится говорить о каком-то расовом или культурном антагонизме. Очевидно, высшие общественные классы и Руси и половцев имели кое-что общее, какими-то общими интересами друг к другу притягивались" (19, с.391). Ведь русские князья часто враждовали и воевали друг с другом.

Даже отец Александра Невского погиб именно из-за этого: в честном бою не удавалось это сделать, так нашли другой способ убийства уже в самом сердце империи чингизидов.

Многое зависело от отношений с половцами, которых русские князья практически постоянно привлекали в качестве военной силы при неурядицах между собой. Сами половцы, также периодически, но

теперь значительно реже, чем ранее, самостоятельно совершали набеги на русские земли. Итак, брак с половцами был выгоден, ибо они были ближайшими соседями, имели военную силу и т.п.

Понимал это и отец Ярослава Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, женивший сына в начале на дочери самого могущественного тогда половецкого хана Юрия Кончаковича, а затем - на внучке хана Котяна, который после смерти последнего стал «главным ханом кипчаков», о чем сказано выше. С одной стороны - союз с половцами Котяна, с другой - с наиболее авторитетным русским князем – Мстиславом Удалым. тем более, что княжил он и в Новгороде.

О неурядицах с половцами источники не сообщают, а - с последними имеются следующие данные: “Вскоре после похода на Рязань (в 1209 г.) Мстислав Мстиславич захватил Торжок и предложил себя в князья Новгороду. Всеволоду это сильно не понравилось, и он в том же 1209 г. выслал к Торжку против Мстислава старших сыновей своих. Константина, Юрия и Ярослава, - но дело это кончилось примирением сторон”. (29, с. 9-10). Далее тот же автор продолжает: “... Но уже в следующем 1209 г. новгородцы приняли к себе Мстислава Мстиславича Удалого, которого заменил в 1215 г. Ярослав Всеволодович переяславский.” (29, с.330). И, наконец: “В 1214 г. новгородцы, у которых не было тогда князя, отправили в Переяславль послов просить Ярослава в Новгород на княжение. Перед тем в Новгороде сидел кн. Мстислав Мстиславич Удалой; он по своей воле вышел из Новгорода в южную Русь, сказав на прощание новгородцам, что они “вольны в князьях”. В 1215 г. Ярослав пришел в Новгород ...” (29, с.10).

Из изложенного логично предположить, что пути Мстислава и Ярослава пересекались не раз, но все кончалось мирно, и даже Мстислав выдал дочь свою за него, но затем, как видно, ушел из Новгорода на юг. Вероятно, что одной из главных причин его ухода связан с тем, чтобы устроить будущее своей дочери, оставив, в связи с этим, Новгородский стол зятю Ярославу, с которым у него сложились непростые отношения.

Однако, после начала княжения Ярослава в Новгороде, возник серьезный политический конфликт, закончившийся упомянутой Липицкой битвой и уводом Мстиславом своей дочери Феодосии от Ярослава, которая вернулась затем к супругу, и они в дальнейшем жили неразлучно до последних своих дней. Видимо, помогала она ему во многом, так как в тюркском обществе женщина пользовалась широкими правами, активно участвовала в управлении племенем и государством. Конечно, она была дочерью русского князя и внучкой половецкого хана, но какие-то черты характера тюркской женщины, несомненно, в ней сохранились от предков.

Вместе с супругом радовалась она восстановлению княжества от последствий монголо-татарского нашествия, сильно переживала за него во время поездок в Золотую Орду...

Но основной задачей Феодосии, как любой матери, было вырастить и воспитать сыновей и дочерей. Поскольку мать ее была половчанкой, дочерью знаменитого хана, то это, несомненно, наложило на себя отпечаток на саму Феодосию, а через нее - и на детей.

Мать Феодосии до замужества жила со своими родителями среди половцев, где впитала в себя любовь к родным и близким, бескрайним степям, половецкому образу жизни, его культуре, песням, легендам, сказкам и т.п. Все это Феодосии привили ее близкие, особенно мать, которая была женой знаменитого русского князя. Естественно, что она не могла и не хотела перечеркнуть и забыть свою жизнь, а наоборот старалась все передать своим детям, в том числе и Феодосии. Тем более, что "Половецкие ханши приходили на Русь со своими придворными; княжескими придворными и дружинниками за полтора века русско-половецких отношений тоже часто становились люди смешанного происхождения. Такая этническая ситуация была благоприятной для культурного русско-половецкого обмена в княжеской и придворной среде, в частности, для эпических взаимодействий". (21, с.252, прим. 23). А Сулейманов О.О. приводит такие данные: "Громадные свиты половецких невест, состоящие "из сотен воинов с семьями", становились частью смешанного населения Киевской Руси". (24, с.182). Конечно, эти сведения требуют дальнейшего изучения, однако факт наличия немалого числа членов свиты невесты, остававшихся жить вместе с нею, имел место.

Конечно же, и хан Котян отправил к Мстиславу не только одну дочь. С нею было немало соплеменников, которые вместе с нею воспитали детей Марии.

В свою очередь, Феодосия, получившая воспитание в отчем доме, старалась передать это своим детям. Видимо, она старалась передать им свою любовь к половцам, к деду - тогда уже "старейшему," а затем и "главному" хану половцев (кипчаков), матери и другим родственникам. В этом, видимо, ей помогали и другие половцы, пришедшие с ними, со свитой со времени брачной церемонии Феодосии и Ярослава.

Кроме того, среди предков у них было 24 ближайших родственника, имевших в своем этногенезе половецкий компонент. Это потомки: Всеволода I Ярославича от 2-го брака с половецкой княжной неизвестной по имени; Юрия Владимировича Долгорукова - от 1-го брака с Анной - дочерью половецкого хана Аэпы; Андрея Владимировича Доброго - от брака с внучкой половецкого хана

Тугорхана. Это также, несомненно, имело определенное воспитательное значение.

Вполне вероятно, что хан Котян, его супруга, сыновья и дочери навещали семью дочери и внушки, ставшими русскими княгинями. Возможны и ответные визиты с их стороны в степь к своим сородичам. Дети Феодосии, в том числе и Александр Невский, не могли быть в стороне и не знать о своих предках по материнской линии, тем более, что Котян был наиболее известным половецким ханом того периода, совершившим немало ратных и других подвигов, за что его и прозвали “знаменитым”. Старшие дети Феодосии и Ярослава были современниками второго нашествия монголо-татарских полчищ, знали, а может быть, и встречались с ним во время его борьбы против завоевателей. Знали они и то, что монголо-татары изгнали хана Котяна со своих мест, и он ушел в Венгрию со своей ордой, где погиб сам, а также вся его семья: жена, сыновья, дочери, кроме Елизаветы, вышедшей замуж за венгерского королевича и впоследствии ставшая женой, а затем матерью короля Венгрии...

Воочию почувствовали дети Феодосии и Ярослава силу и жестокость завоевателей на земле Русской. Пережили смерть отца, ездившего “на поклон” в Золотую Орду и в Каракорум. Немало из-за них натерпелась и Феодосия: ее отец, мать, хан Котян и его семья, муж - Ярослав, сын Федор - умерли, постоянный страх и унижение перед татарами, необходимость платить им дань и т.п. подтачивали силы.

Все это видели дети. В них также росла ненависть к завоевателям. Благоразумный Александр понимал, что сейчас они сильнее, а потому надо стараться смириться с игом.. Андрей же, как “... Многие с нетерпением сносили постыдное иго. К числу их принадлежал и Андрей Ярославич (12, с.551); он “... положил, что лучше отказаться, нежели сидеть данником Батыевым...” (14, с.31).

Словом, все они понимали, что монголо-татары нарушили независимую жизнь русских и половцев.

Несомненно, что в становлении характеров детей Феодосии и Ярослава не могли не закладываться любовь к половцам и к сородичам по материнской линии. Кроме того, эти факторы были переданы им генетически.

О смерти Феодосии говорят летописи: Новгородская первая старшего и младшего изводов: “Преставися княгыня Ярославля, постригшиися у святаго Георгия в Манастири: ту же и положена бысть, сторонь сына своего Федора, мѣсяца мая въ 4, на память святыхъ Ирины, наречена бысть имя ея Ефосинья” (5, с. 79, под 6752 годом). Аналогичная запись имеется и в Новгородской первой летописи (6, с. 54, под 6752 годом). Экземплярский А.В. по этому поводу сообщает более подробные сведения: “Въ Новгородскомъ Юрьевскомъ

монастырь, въ надгробной надписи значится: “Лѣта 6749 (вмѣсто 6752) мая въ 4, в Великомъ Новѣгородѣ почи... Феодосія... супружница вел. кн. Ярослава Всеволодовича...” Между тѣмъ Карамзину было доставлено владимѣрскимъ губернаторомъ описаніе владимѣрскихъ княжескихъ гробовъ, по которому Феодосія съ сыномъ Федоромъ покоятся во Владимѣрской Георгіевской церкви (IV, прим. 39). Действительно, въ Георгіевской церкви во Владимѣрь, построенной Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 г. ..., есть две гробницы: одна на правой сторонѣ, другая - на лѣвой. На правой гробницѣ надпись: “На семь мѣсть положены мощи Благовѣрнаго Великаго князя Феодора Ярославича, сына Великія княгини Феодосіи, и брата св. Благовѣрнаго Великаго князя Александра Невскаго”. На второй гробницѣ (см. выше по тексту - К.С.); преставися в Великомъ Новѣгородѣ; честное же тѣло ея положено въ преименитомъ градѣ Владимѣрѣ въ пресвловущей обители святаго Великомученика Георгія обѣ едину сторону сына ея, Благовѣрнаго Великаго князя Феодора на семь мѣсть; супругъ же ея Благовѣрный Великій князь Ярославъ Всеволодовичъ Владимѣрскій нужно преставися въ иноплемennыхъ земляхъ, въ Хановой Ордѣ въ 6754 (1246) году мѣсяца сѣнтября въ 30 день; честное же тѣло его положено бысть в преименитомъ градѣ Владимѣрѣ въ соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы Владимѣрская Златоверхія на южной сторонѣ въ придѣлѣ св. Великомученика Георгія. Обитель сія создана въ лѣто 6661 (1153) Великимъ княземъ Долгоруковымъ.” Лѣтописи не говорятъ, гдѣ она умерла, - исключая Ник., по которой она умерла въ Новгородѣ, - а говорятъ только, что постриглась в Георгіевскомъ монастырь, и, всего вѣроятнѣе, она погребена во Владимѣрскомъ Георгіевскомъ монастырѣ, хотя умерла и въ Новгородѣ. Что же касается того, что какъ в Новгородскомъ, такъ и во Владимѣрскомъ Георгіевскомъ храмахъ есть гробницы однихъ и тѣхъ же лицъ, то это, кажется, естественное желаніе какъ новгородцевъ, такъ и владимѣрцевъ - считать принадлежащимъ къ тому или другому городу прахъ такихъ лицъ, какъ мать и братъ Александра Невскаго; притомъ же позднѣйшіе составители вышеприведенныхъ надписей могли невѣрно понять и объяснить лѣтописныя извѣстія: они знаютъ, что Феодосія умерла въ Новгородѣ и похоронена у св. Георгія, а Георгіевскихъ церквей въ Новгородѣ не одна и притомъ некоторыя изъ нихъ болѣе извѣстны, чѣмъ владимѣрская, почему и рѣшили, что Феодосія погребена въ Новгородѣ (Надписи владимѣрскія приведены въ “Церковно-истор. описаніи владим. достопамятностей”. Соч. Магистра Іеромонаха Іоасафа Влад. 1857” (28, с.18-19, примеч. 42).

Поскольку в надгробныхъ надписяхъ в Новгородѣ и Владимѣрѣ имеются одинаковыя даты смерти Феодосіи под 6749 годомъ, вместо ранее принимавшихся - под 6752 годомъ, мы склонны верить в надписи

на гробницах, нежели летописцам, которые могли осуществить неправильную запись, что вызвало, в свою очередь, неточности в указании смерти Феодосии со стороны других исследователей. Следовательно, она умерла не в 1244 году, а в 1241 году. Что касается места захоронения, то мы склонны принять Новгород, так как здесь долгое время жили ее родители и сама она со своей семьей.

Таким образом, закончилась жизнь Феодосии и Ярослава, давшим жизнь 11 детям, о которых мы расскажем Вам в дальнейшем. Сейчас хотелось вкратце описать их родословные, а также - роль и значение.

У Александра Невского от брака с княжной Полоцкой - Александрой Брячиславовной было пять сыновей и одна дочь: Василий - князь новгородский, Дмитрий - великий князь Владимирский, Андрей - удельный князь городецкий, Даниил - удельный князь московский. (15, с.117). Сын Александра, Даниил, положил начало "Дому великих князей московских", которого наследовали: Иван Калита, Семен Гордый, Иван Красный, Дмитрий Донской, Василий I, Василий II Темный, Иван III, Василий III, Иван IV Грозный и Федор I.

У брата Александра Невского, Андрея - Великого князя Владимирского от брака с Устиньей Данииловной - дочерью Даниила Романовича - короля Галицкого, было три сына: Юрий, Василий и Михаил - князь суздальский (15, с.128).

У Константина - удельного князя галицко-дмитровского от брака с неизвестной - 2 сына: Давыд - удельный князь галицко-дмитровский и Василий - князь галицкий (15, с.207).

У Ярослава - удельного князя тверского от брака с Ксенией - дочерью Юрия Михайловича - боярина Новгородского, было 3 сына: Михаил Старший - княжич тверской, Святослав и Михаил II - удельный князь Тверской и две дочери, неизвестные по именам. (15, с.266-267). От Ярослава III Ярославича ведет свое начало "Дом владетельных князей Тверских", которому наследовали Михаил II, его сыновья, внуки и т.д.

У старшего брата Федора - князя новгородского (15, с.254), Михаила - великого князя Владимирского (15, с.220) и Василия - удельного князя Костромского и великого князя Владимирского детей не было.

На основании имеющихся данных, нами впервые составлено родословное древо, куда вошли 333 потомка Александра Невского по мужской и женской линиям, а также его предки: 10 - прямых по мужской линии и 28 - ближайших родственников, из которых 24 - имеют в этногенезе половецкий компонент по женской линии.

Как известно потомки и предки Александра Невского - правнука половецкого хана Котяна по линии матери, являлись великими и удельными князьями, просто князьями, а также

безудельными князьями. Все они вместе на протяжении нескольких веков правления династии Рюриковичей в разное время и в разной форме внесли свой определенный вклад в становление Руси: они являлись правителями на своих территориях, с оружием в руках и другими методами защищали свою землю, вершили судьбы подвластных им людей, устанавливали законы, нормы и правила общественного устройства, передавая свою власть по наследству из поколения в поколение... В числе наиболее выдающихся на разных этапах российской истории потомков и предков Александра Невского, внесших более весомый вклад в историю Отечества, выделяются такие общепризнанные личности, как Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Иван Калита, Дмитрий Донской, Василий I, Василий II, Иван III, Иван IV и другие.

В соответствии с вышеуказанным можно сделать вывод, что брак великого князя Ярослава II Всеволодовича и Ростиславы-Феодосии - внушки половецкого хана Котяна дал России таких детей, которые заложили основы русского государства. О конкретном их вкладе будет сообщено в очередной публикации.

Обратимся опять к истории, к монголо-татарскому нашествию, которое перекроило этническую карту Европы и Азии. Особенно трудно пришлось половцам, одна часть которых погибла в борьбе за свою независимость, вторая – вынуждена была переселиться на Русь, в Венгрию, Польшу, Литву и другие страны; третья – осталась жить в степи, составив большую часть населения Золотой Орды; четвертая – бежала в горы Северного Кавказа...

Не вдаваясь в подробности происхождения, однозначно установлено, что последние явились одним из компонентов в процессе этногенеза балкарского, карачаевского народов.

Первой волной ухода половцев (кипчаков) в горы было время вторжения монголо-татар на Северный Кавказ во главе с Джэбз-найоном и Субедэй-багатуром в 1223 г., о чем сообщают древние источники. Кроме того, известно, что уход кипчаков в горы имел место и в дальнейшем. Этот процесс мог происходить во время других походов монголо-татар, а также в золотоордынский период, когда хан Батый приказал уничтожить кипчакскую знать, чтобы самим замесить их ханов и управлять подвластным населением. При монголах началось обезглавление степного народа - уничтожение аристократии, а также его истории, культуры и т.п. Вот, что об этом говорит Плетнева С.А.: "Не прекращавшиеся волнения в степях, мешавшие монголам наладить собственную экономическую базу (планомерное кочевание) и создававшие постоянную опасность в уже как будто завоеванном тылу, привели к тому, что монголы решили уничтожить всю половецкую

аристократию. Это очевидно методично и целенаправленно и было сделано". (20, с.179).

Таким образом, монголо – татары делали все возможное для того, чтобы уничтожить половецкую знать и самим управлять населением. Известно, что многие половецкие ханы были взяты в плен и над ними изощренно издевались завоеватели, другие – были убиты... Третьи, как сказано, бежали...

В числе бежавших в горы оказался один мужчина из ханского рода Котян. Возможно, что уход его на Кавказ, в горы Чегемского ущелья, связан и с борьбой за ханскую власть. Ведь хан Котян был немолодым, у него, вероятно, были враги и соперники, а институт избрания хана у кипчаков, как отмечает в своем произведении Голубовский П.В., предполагает избрание нового хана именно "из этого рода, с обязательным условием, чтобы избранный хан приходился покойному князю двоюродным братом или двоюродным племянником. И чем больше семей было в роду, тем больше - претендентов". (9). А это могло вызвать борьбу между ними, которая закончилась уходом одного из них в предгорья Северного Кавказа, куда в это время нагрянули монголо-татары., а оттуда – в Чегемское ущелье... А может, он был в набеге в этих местах, охотился, или искал себе невесту...?

Словом, один из потомков ханского рода Котяна, вынужден был искать спасения своей жизни в горах Северного Кавказа, в Чегемском ущелье.

Старейшины рода балкарцев Кётенчиевых, и - кабардинцев Катанчиевых, которые произошли от балкарца Кетенчиева Якуба Пашаевича, переселившегося примерно 150 лет назад из Чегемского ущелья в село Заюково, а затем – Кызбурун-I, считают, что эта фамилия ведет свое происхождение от ханского рода Котян. Сама фамилия и имя Котян, упоминаемые в древнерусских источниках, Кутен - в европейских, являются искаженным от тюркского слова "Кётен", ибо слова "Котян" или "Кутен" у них просто не существует. "Кётен, кетенли" - переводится с тюркского как "спесивый, чрезмерно гордый, высокомерный, заносчивый".

Это так похоже на знаменитого хана, возглавлявшего воинственных половцев!

Существует предание в роду о том, что наши родственники проживают в Венгрии. Этот факт подтвердил выдающийся балкарский поэт, народный поэт Кабардино-Балкарии, лауреат Ленинской премии, Государственных премий СССР и РСФСР имени А.М. Горького, заслуженный деятель культуры Армении Кайсын Шуваевич Кулиев, поведавший Кетенчивым, о том, что, примерно 20 лет назад, находясь в творческой командировке в Венгрии (или в Болгарии), встретился там с потомками ханского рода Котян (Кетен, Кутен), которые знают от

предков об уходе одного мужчины из их рода на Кавказ во время монголо-татарского нашествия. Сохранилась легенда, свидетельствующая о значимости рода, когда во время разразившейся среди карачаевцев эпидемии, главный князь, взял с собой несколько наиболее знатных родов, в том числе и Кётенчиевых, чтобы спасти их от болезни и исчезновения. У балкарцев и карачаевцев эта фамилия считается знатного рода.

Мнения о ханском происхождении Кётенчиевых придерживался и известный венгерский ученый-историк, кипчак по происхождению, Конгуров (возможна неточность фамилии), побывавший в Кабардино-Балкарии примерно в 1985г. с целью исследования этногенеза балкарцев и карачаевцев для определения их сходства с венграми.

Сохранились в памяти Кетенчиевых и Катанчиевых, жителей Чегемского и Баксанского ущелий различные легенды и предания, которые в определенной степени подчеркивают врожденное благородное достоинство, знатность, находчивость, остроумность и порядочность членов этого рода.

Из результатов проведенного мною исследования можно сделать следующие выводы, которые ранее не приводились другими учеными по данной проблеме:

1. Наличие дополнительных аргументов, свидетельствующих о том, что Ростислава-Феодосия - дочь князя Мстислава Удалого.
2. Ростислава-Феодосия - внучка половецкого хана Котяна – жена великого князя Ярослава II Всеволодовича, а также мать всех их детей, в том числе Александра Невского.
3. Количество детей у Ростиславы-Феодосии и великого князя Ярослава II Всеволодовича: 9 сыновей и 2 дочери.
4. На основании имеющихся данных, нами впервые составлено родословное древо, куда вошли 333 потомка Александра Невского по мужской и женской линиям, а также его предки: 10 - прямых по мужской линии и 28 - ближайших родственников, из которых 24 – имеют в этногенезе половецкий компонент по женской линии.
5. Юрий - сын князя Мстислава Удалого.
6. Более полная детализация причин гибели великого князя Ярослава II Всеволодовича.
7. Причины браков князя Мстислава Удалого на дочери и - великого князя Ярослава II Всеволодовича - на внучке половецкого хана Котяна.
8. Причины браков русских князей и венгерских королей на дочерях хана Котяна.
9. Количество воинов и людей в орде хана Котяна до Батыева нашествия и при переселении в Венгрию.
10. Хан Котян – главный хан кипчаков в период со времени гибели половецкого хана Юрия Кончаковича - до и во время Батыева нашествия.
11. Одна из главных причин ухода князя Мстислава Удалого из Новгорода в Южную Русь.
12. Генетическая передача Ростиславой-Феодосией в этногенез своих детей и их потомков половецкого компонента, в том числе Александру Невскому, потомки которого заложили основы русского централизованного государства.
13. Воспитание Ростиславой-Феодосией своих детей в духе любви к половцам с учетом ее происхождения от ханского рода Котян.
14. Кроме того, среди предков у них было 24 ближайших родственника, имевших в своем этногенезе половецкий компонент. Это потомки: Всеволода I Ярославича от 2-го брака с половецкой княжной неизвестной по имени; Юрия

Владимировича Долгорукова – от 1-го брака с Анной – дочерью половецкого хана Аэпы; Андрея Владимировича Доброго – от брака с внучкой половецкого хана Тугорхана. Это также, несомненно, имело определенное воспитательное значение.

15. Место захоронения Ростиславы-Феодосии и ее сына Федора.
16. Кетенчиевы и Катанчиевы – потомки половецкого ханского рода Котян, предок которых в период монголо-татарского нашествия, или в золотоордынский период, бежал на Северный Кавказ в горы Чегемского ущелья, находящегося ныне на территории Кабардино-Балкарской Республики.
17. Жена князя Мстислава Удалого (предположительно Мария), их дочь Ростислава-Феодосия и потомки от ее брака с великим князем Ярославом II Всеволодовичем, Кетенчиевы и Катанчиевы имеют общие корни происхождения от древнего кипчакского (половецкого) ханского рода Котян (по-тюркски – Кетен).

Литература:

1. Летопись по воскресенскому списку//ПСРЛ, т. 7, СПб., 1846.
2. Лаврентьевская летопись// ПСРЛ, т. I. М., 1962.
3. Лаврентіевская и Троицкая льтописи//ПСРЛ, т. I, СПб., 1846.
4. Ипатьевская летопись// ПСРЛ, т.II, СПб., 1843.
5. Новгородскія и Псковскія льтописи// ПСРЛ. т.4, СПб., 1848.
6. Новгородскія льтописи// ПСРЛ. т.III. СПб.,1841.
7. Головин Н. Родословная роспись потомков Великого князя Рюрика. М., 1851.
8. Голубовский П.В. Половцы в Венгрии. //Університетскіе известія//, 1889., Кієвъ, N 12.
9. Голубовский П.В. Печенеги, тюрки и половцы до нашествия татар.(История южнорусских степей XI – XIII веков).1884., Кієвъ..
10. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.,1993.
11. Гуркин С.В. К вопросу о русско-половецких матримониальных связях// Донская археология. Ростов-на-Дону, РГУ, № 3-4.
12. Иловайский Д. Становление Руси. М., 1996.
13. Карамзин Н.М. Предания веков. М., 1988.
14. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений. т.4. Петроград.
15. Коган В.М. История дома Рюриковичей. СПб., 1993.
16. Кучкин В.А. К биографии Александра Невского// Древнейшие государств на территории СССР. 1985. М., 1986.
17. Кучкин В.А. Александр Невский - государственный деятель и полководец средневековой Руси//Отечественная история. М., Наука, 1996, № 5.
18. Мургулия М.П., Шушарин В.П. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII-XIII веках. М., 1998.
19. Пархоменко В.А. Следы половецкого эпоса в летописях// Проблемы источниковедения. М.-Л., 1940, т.III.
20. Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.
21. Робинсон Н.А. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI-XIII в.в. М., 1980.
22. Родословная царствующего дома въ Россіи отъ Рюрика до нынѣ благополучно царствующего императора Александра II Николаевича. М., 1874.

23. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн.2. т.3-4. М., 1993.
24. *Сулейменов О.О.* Аз и Я. Алма-Ата, 1975.
25. *Хмыров М.Д.* Алфавитно-справочный перечень государей русских и замѣчательнѣйшихъ особъ ихъ крови. СПб., 1870.
26. *Хмыров М.Д.* Алфавитно-справочный перечень удельныхъ князей русскихъ. СПб., 1871, кн.1.
27. *Хмыров М.Д.* Первое нашествие татар на Россию в 1224 г. СПб., 1871.
28. *Экземлярский А.В.* Владетельные князья Белозерские. Ярославль. 1888.
29. *Экземлярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889.

С этого номера журнала начинаем публикацию трудов Ислама Карачайлы и воспоминания о нем, любезно представленных нам Рашидом Лайпановым.

«Ас-Алан»

Ефим Кабаченко

Ислам Карачайлы

Карачайлы - псевдоним Хубиева Ислама Абдул-Керимовича, карачаевского писателя-публициста и этнографа.

Ислама Карачайлы я знал лично, много раз встречался с ним в Пятигорске, Ставрополе и Ростове-на-Дону. Слышал я его рассказы о Кавказе и горцах. Сохранились некоторые записи. Вспоминая теперь минувшие годы и памятные встречи, живо представляешь себе личность этого пытливого, ищущего, поражавшего всех нас осведомленностью и начитанностью человека. Ислам Карачайлы в совершенстве владел русским, арабским, карачаевским и латинским языками. Писал преимущественно на русском языке.

Проницательные глаза этого подвижного горца, постоянно излучавшего улыбку, сразу располагали собеседника к открытому и задущевному разговору.

Увлеченный разнообразной культурной деятельностью, он немало внимания уделял научно-исследовательской и журналистской работе. К нему в полной мере относится изречение принадлежащее писателю Морису Хьюллет¹, гласящее, что: "журналист не становится хуже, если всеми силами старается быть не только журналистом».

Творческий и литературный путь Ислама Карачайлы начинается в Ставрополе-на-Кавказе, где он учился в мужской гимназии и уже в начале 1918 года принимал участие в выпуске печатных изданий, выступая со статьями в газете "Путь юношества". Входя в состав редакционной коллегии, он готовит ряд публицистических выступлений, включая и статью "Жизненные знания".

В упомянутой статье говорится: "Дайте уменье, дайте знания, пригодные для жизни! Вот вопль, который несется уже несколько лет от воспитанников наших средних школ. ...Ведь узнать – значит полюбить".

«Ведь совестно,- говорится в той же статье,- живя на Кавказе, не знать свой редкий, чудесный край, смотреть который приезжают за тысячи верст.

¹ Морис Хьюллет - английский писатель

Из ... педагогов никто не удосужился написать такую книгу о Кавказе, которую можно было бы читать с удовольствием и без принуждения.

До сих пор все имеющиеся руководства и учебники до того устарели, сухи, неинтересны, что читать их - с тоски зеленой пропадешь.

... Почему не взять бы произведения наших величайших поэтов: Пушкина и Лермонтова; наших писателей: Горького, Немировича-Данченко...».

Резюмируя свои раздумья, Ислам Карачайлы, выступавший в ту пору под псевдонимом И. де-Рок Казбеков, пишет:

"В заключение лишь скажу, что истинным гражданином является лишь тот, кто знает нужды своего народа, а нужды эти нельзя знать, не познакомившись с его жизнью и запросами".

При Советской власти по-настоящему развернулись способности Ислама Карачайлы ученого и журналиста. Он редактирует газету "Горская жизнь" - орган Карачаево-Черкесского обкома ВКП(б), а также - "Таулу Джашау", издававшиеся на русском и карачаевском языках. Молодой горец активно и плодотворно работает в пятигорской газете "Терек" и в ростовском "Советском Юге". Его перу принадлежит ряд рассказов, очерков, статей и литературно-критических работ, посвященных А. Пушкину, Льву Толстому, М. Лермонтову, М. Горькому, Коста Хетагурову, Демьяну Бедному, В. Маяковскому и Мариэтте Шагинян². Его произведения печатались в газетах "Терек", "Советский Юг" и журналах "Лава", "Советский Северный Кавказ", "Революция и горец".

В журнале "Революция и горец", издававшемся в Ростове-на-Дону, Ислам Карачайлы был не только автором статей, но и являлся членом редколлегии, соредактором и ответственным секретарем редакции.

Что характерно для Ислама Карачайлы, как литератора и публициста?

Прежде всего его отличает широта диапазона, широта интернациональных взглядов. Это главное в линии поведения партийного литератора и журналиста. Скромность, неутомимость в поисках и трудолюбие отмечали те, кто знаком был с этим писателем. Он выступал против расхитителей социалистической собственности и любителей легкой наживы. В цикле выступлений, печатавшихся на страницах "Терек", одно из них называлось метко и выразительно - "Саранча".

² И. Карачайлы. *Быт горских народов Юго-Востока. Изд-во "Советский Юг", Ростов-на-Дону, 1924, стр. 36, тираж 1500 экз.*

"Я говорю, - писал он, - о массе "аульных начальников", привольно живущих по аулам и творящим там суд и расправу...

Колоссальное зло приносится ими и государству и населению. Помимо того, что они способствуют... разорению государства, они подрывают доверие к Советской власти".

Он восстает против тех, кто теряет чувство меры и перестает отличать, где свое личное, а где народное добро. Силой печатного слова разит замешанных в "Расхищении народного достояния".

Ислам Карачайлы был верным партийному долгу человеком; бойцом, отстаивавшим интересы нового общественного строя. Правда, сказанная в глаза, - вот его гражданская позиция. Публицист указывает точный адрес: "Мало-Карачаевский округ. Нельзя мириться "... с существованием такого неслыханного множества "уночу", - начальствующих и распоряжающихся, примазавшихся к Советской власти и работающих под ее флагом... На такое явление, - писал он, - ... нужно обратить сугубое внимание".

В дни юбилея газеты "Терек" Ислам Карачайлы, работавший тогда в Ростове, направил в Пятигорск телеграмму:

"Мне особенно приятно вспомнить "Терек" и приветствовать его не только потому, что, даже находясь вдали от Вас, считаю себя членом Вашей семьи, но, главным образом, потому, что его страницы всегда были гостеприимно открыты для освещения многообразных нужд, для защиты интереса наиболее забытых, наиболее темных и отсталых из соседей терчан - трудящихся масс Черкесии и Карачая.

Помня то теплое, дружеское и внимательное отношение, которое я всегда встречал со стороны рабочих типографии, работников конторы и редакции и, высоко ценя эти отношения, не ко мне персонально, а ко всем трудящимся Карачая и Черкесии, к горской бедноте и крестьянству, - шлю Вам всем вместе и каждому в отдельности горячие пожелания сил, бодрости и энергии для дальнейших успехов, достижений и побед, дальнейшего служения рабочему классу и крестьянству, а газете - идейного процветания и многотысячного тиража".

Еще в гимназических годы на заре возникновения Советской власти в Ставрополе Ислам Карачайлы связал свою судьбу с теми, кто шел с большевиками. Недавно в Ленинграде пишущему эти строки удалось обнаружить отдельные экземпляры газеты "Путь юношества". Несколько номеров этого издания вышло в Ставрополе. В состав редакции входил Ислам Карачайлы, как учащийся среднего учебного заведения. Но как только обнаружилось, что страницы «Пути юношества» пытаются использовать чуждые элементы, а требования горского кружка были ущемлены, Ислам Хубиев порывает всякую связь

и сотрудничество в этом печатном органе. В его опубликованном письме сформулированы мотивы:

«... я не считаю возможным работать в "Пути юношества», официозе ... который составлен из лиц, проникнутых, если не духом черносотенства, то во всяком случае, вообще реакционным духом, и прошу считать меня выбывшим из состава коллегии "Путь юношества". Это письмо помечено датой последнего номера этой газеты (4 марта 1918 года).

Важно подчеркнуть, что в юношеском печатном издании Ислам Карачайлы был настолько влиятельной фигурой, что с его уходом газета перестала выходить вообще. Председатель редакционного комитета вынужден был признать: «видя полный развал в редакционном комитете, члены которого, за малым исключением, совсем не участвуют в его работах и, лишившись последнего из активных работников в лице И. Хубиева вынужден прекратить издание последующих номеров газеты...»

В разных периодических изданиях Ислам Карачайлы выступает по важнейшим вопросам, популяризируя программу и задачу партии. Им написаны статьи: "Ленин и самоопределение народностей", «Ленин и угнетенные народы Востока», «Горцы и родной язык», «Очерки о Дагестане», «Быт горцев», «Адат и шариат», «Алфавит революции» и др.

На страницах газеты "Советский Юг" в январе 1924 года (№8) он, говоря о необходимости роста культуры и воспитания нового человека, отмечает:

"Мы отлично знаем, что старый горский обычай - везде и всюду выдвигает старшего по возрасту, не считаясь ни с его способностями, ни с его наклонностями - чреват был для горцев прямо-таки губительными последствиями. Зачем нам, говоря конкретно, поддерживать такой и подобные обычаи, вред которых нам так очевиден? "

Далее автор отмечает:

"Старинные обычаи, адаты, традиции самим фактом своего постепенного умирания доказали свое нежизненность, законность своей гибели.

В самые трагические моменты истории горских народов они оказались не способными сплотить всех горцев...

В наше время... социалистической революции смешно жалеть об отмирании обычаев времен феодального, а в отношении некоторых народов, даже более отдаленного периода.

Мы утверждаем: горцам нужны вместо умирающих, а частью уже умерших бытовых культов иные общественные устои, более жизнеспособные, более прочные и обеспечивающие наше дальнейшее развитие. Необходимо, чтобы они содействовали завершению нашего не

только физического освобождения от цепей рабства и зависимости, но и идеологического освобождения от пережитков прошлого, от пожеланий своей карачаевской, чеченской, осетинской и иных отдельных колоколен.

Эти пожелания несет с собою пролетариат, руководимый Коммунистической партией.

И первая задача для всякого сознательного горца заключается в укреплении, поддержании, доверии, содействии и активной помощи...советской власти, Коммунистической Партии при проведении ими своих мероприятий".

Все это звучит убедительно, весомо и весьма современно. И в наше время распространение и утверждение в быту новой обрядности, новых обычаев, искоренение пережитков прошлого продолжает оставаться важным звеном идеологической работы.

Ислам Карачайлы не ограничивал свою творческую деятельность рамками областного масштаба. Он наряду с другими участвует в работе первого тюркологического съезда в Баку и на учредительном съезде горской республики, ведет литературоведческую и исследовательскую работу как научный сотрудник Северо-Кавказского Горского института истории, языка и литературы (Ростов-на-Дону и Ново-Пятигорск).

Тематика исследований и статей И. Карачайлы довольно разнообразна. В печати опубликовано около двухсот его статей, очерков и рассказов.

К сожалению, творчество этого писателя-публициста во многом забыто. А ведь все то, что выдержало испытание временем, безусловно заслуживает внимания и поддержки, потому что - это живая история карачаевского народа.

Одной из замечательных черт Ислама Карачайлы являлась постоянная забота о творческой молодежи. Он горячо пропагандировал и отстаивал все то, что касалось вопросов выдвижения и роста талантливой молодежи. В очерке посвященном этой теме и опубликованном на страницах "Советского Юга" 1924, №52, 2 марта), Ислам Карачайлы рассматривает важные шаги "К возрождению горских народностей:

"На этих днях состоялось торжественное открытие горского отделения рабфака донского государственного университета.

... Благодаря Советской власти и ее строю, мы становимся друг к другу все ближе и ближе и узнаем оди других, начинаем понимать общие интересы трудящихся.. Разве недостаточно одного этого акта, чтобы быть горцам безгранично признательными Советской власти, если бы даже она больше ничего другого не сделала для горцев?

Горцы, все мыслящие и честные трудовые горцы, особенно молодежь, это отлично понимают и высоко ценят".

Писатель, размышляя о будущем, вспоминал прошлое. Он напоминал:

«...Было время, когда все студенты-горцы знали друг друга наперечет по пальцам. Это объяснялось их малочисленностью. Это время... прошло, как тяжкий сон. Теперь ни этому времени, ни всему тому, что его характеризовало, нет возврата.

...Солнце свободы и новой жизни взошло для горцев и, конечно, никто из них теперь не захочет новое свое положение променять на судьбу, напоминающую о прошлом, о цепях и унижениях.

...Хочется верить, что вернувшись из крупных центров советской культуры к себе в родные горы и аулы, молодые революционные резервы Дагестана, Чечено-Ингушетии, Карачая, Балкарии и др. зажгут неугасимый свет знания и свободы.

Мы верим в наши молодые красные резервы».

Писатель-коммунист пристально следит за тем, как изображается жизнь горцев на страницах книг, в пьесах и в кинофильмах.

В рецензии-отзыве на пьесу известного писателя Алексея Павловича Библика "Века отстают" Ислам Карачайлы видит главное и одобряет ее, как кавказовед и находит, что пьеса "... говорит о большом, добросовестном труде, который положил автор на изучение современной действительности в горной Осетии. Этот труд не пропал даром. В пьесе показаны все противоречия, которыми были богаты еще не так давно горные области, а особенно их горные районы. У Библика, - отмечает Ислам Карачайлы, - ярко показана борьба между старым и новым, показана победа советского революционного над старыми традициями, над архаическими адатами.

... Впервые в нашей литературе, а тем более в драматургии, в этой пьесе показывается среди ряда других персонажей, достойных внимания, горянка-партийка, у которой не осталось от плохого "нацменовского" (обидчивость, спекуляция на нацменовском происхождении, выпячивании и подчеркивании прошлого угнетения и т.п.), от чего медленно освобождаются иные нацменовские работники.

Все это, - отмечает рецензент, - дает основание пожелать, чтобы пьеса была показана на сцене".

У Ислама Карачайлы, человека загруженного редакторской работой, находилось время, чтобы написать краткую литературную заметку "Несколько слов о Камбиеве - герое пьесы "Страх" - драматурга Александра Афиногенова. Пьесы, поставленной Ленинградским театром драмы, МХАТ и отражающей острые классовые столкновения в науке, идейное перевоспитание старых и формирование новых кадров молодых ученых.

Если в отдельных случаях, например, в оценке некоторых произведений Л.Н. Толстого и А.С. Пушкина, тогда молодой

исследователь И. Карачайлы и допустил некоторые опрометчивые суждения, то в разработках на литературные темы "М.Ю. Лермонтов и Горцы" он судит верно и глубоко: « И горцы, - пишет он - черпали до сих пор много полезного и будут черпать еще больше из оставленного великим поэтом культурного и духовного наследства, воздадут Лермонтову дань глубокого уважения, любви и признательности».

Дань уважения народов Карачаево-Черкесии отдает Ислам Карачайлы великому сыну осетинского народа в статье «Коста Хетагуров и горцы» и многим другим писателям, тем, кто следовал заветам Горького.

Жизнь Ислама Карачайлы оборвалась рано - на 48-м году. Но и то, то, что он успел сделать для горских народов Кавказа, достойно уважения. Творчество талантливого сына карачаевского народа заслуживает самого серьезного внимания и оно должно быть собрано и издано отдельной книгой. В этюдах, очерках, статьях и литературных заметках писателя глазами очевидца запечатлены приметы времени, отражены пути развития национальной культуры и революционные преобразования в городах и аулах.

*Литературно-художественный альманах Ставропольского
краевого отделения Союза писателей РСФСР "Ставрополь",
№4, 1966 г., г. Ставрополь, стр. 61-63.*

ИСЛАМ КАРАЧАЙЛЫ (ХУБИЕВ) - "ВЕСТНИК КАРАЧАЯ"

Исламу Абул-Керимовичу (Карачайлы) в 1996г. исполнилось бы 100 лет, но неуловимая игра судьбы даровала ему "пушкинские лета", явившимися по сути, "хождением по мукам". Ислам вырос в образованной семье из старинного карачаевского аула Карт-Джурт; рано приобщился к книжной культуре и с юношеских лет, как никто другой из сверстников, "вооружился" мощью печатного слова. Недаром ему были адресованы в начале 1922 года дружеские слова шаржа: "Корреспонденту нужно жало, а друг Ислам таков: взамен кинжала проткнет пером!" (Газета "Советский юг", 1924, № 2). Тогда же было пророчески замечено, что горцы ждут своих истинных просветителей, ибо "ни одно зерно, брошенное на горскую почву, не пропадает бесследно, оно должно дать обильные всходы" (там же).

Являясь в одно и то же время корреспондентом ряда северокавказских периодических изданий ("Терек", "Советский юг", «Горская жизнь», «Таулу джашау» и т.д.), Ислам Карачайлы развернул кипучую деятельность журналиста, рядом с которым трудно поставить кого-либо во всем Северокавказском регионе. "Живя в горской среде и будучи с ней кровно связанным, мы давно заметили необыкновенную любовь горца к книге, журналу, к газете, к печатному и устному слову, необыкновенную тягу к знанию, безотчетное стремление бороться за лучшее, жить осмысленной человеческой жизнью", - таково было кредо жизненного пути Ислама Карачайлы, хотя он и адресует эти слова своим сверстникам, выходцам "из горных теснин".

В настоящем фрагментарном сообщении о феномене Ислама Хубиева акцентируется внимание на серии материалов, помещенных в краевой газете "Терек" за 1922 год, выходившей в г. Пятигорске. Статьи и заметки Ислама Карачайлы выделяются своей многоплановостью и злободневностью и на сегодняшний день представляют скрупулезную хронику общественно-политической, культурной и хозяйственно-бытовой жизни Карачая. Хроникальный материал подается из номера в номер под рубрикой: "Вести из Карачая", "По Карачаю", "Голос Карачая". К сожалению, до сих пор эти материалы продолжают оставаться невостребованными. Широкая информативность и фактологичность, глубокая осмысленность проблемы и объективность оценки действительности в "вестях" Ислама поразительны.

В них, как в зеркале, отражена атмосфера первых съездов Карачая и Черкесии, историческая судьба горских селений, их экономическая разруха и заброшенность, трудолюбие и мужество.

Благодаря таланту Карачайлы увековечены имена первых горских педагогов-подвижников Ильяса Байрамукова, Хызыра и Саида Халиловых, Тохтара Биджиева, Наны Токова, Хамзата Голаева. Сведения о гимназиях (Баталпашинске и Зеленчуке), высших начальных училищах (Учкулане, Георгиевско.-Осетинском), о первых шагах женского образования, о строительстве железнодорожной ветки в Карачай и многое другое мы черпаем из его публикаций.

Литературное и журналистское творчество талантливейшего публициста Ислама Абдул-Керимовича должно стать серьезным объектом для дальнейшего исследования.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИСЛАМЕ КАРАЧАЙЛЫ (ИСЛАМЕ ХУБИЕВЕ)

С Хубиевым Исламом я познакомился 29 декабря 1937 года в Черкесской тюрьме усиленного режима (ТУР).

Правда, обстановка была исключительно неподходящая для поддержания этого знакомства: суровый тюремный режим, исключительно тяжелые условия и смутное предчувствие трагического конца угнетающе действовало на всех нас, предназначенных к моральному и физическому уничтожению. Поэтому беседы наши были не всегда продолжительны. Вероятно, большую часть времени мы проводили молча, углубившись в воспоминания о прошлом или же стараясь путем всевозможных логических рассуждений предугадать свое будущее.

Первые дни я держался вместе со своими усть-джегутинскими товарищами, но после массового расстрела 3-4 января 1938 года, когда из нашей усть-джегутинской группы остался один я, я перешел к Исламу. Спал рядом с ним. Вместе с ним получал скудное тюремное питание. И пробыл вместе с ним (как мне кажется) до 18 апреля 1938 года. Время и тяжёлые переживания многое изгладили из моей памяти. Даже точное время и обстоятельство нашего расставания я уже не припомню, но кажется мне, что расстался я с ним 18 апреля 1938 года, когда меня отправили в Коми АССР.

Помню хорошо, что мы, вероятно, каждый день договаривались с ним, что, в случае, если один из нас каким-либо чудом вырвется на свободу когда-нибудь, чтобы рассказал семье другого о нашей тюремной жизни, передал привет.

Много времени прошло с тех пор, многое забылось безвозвратно. Но что я, вероятно, никогда не забуду в облике этого дорогого для меня человека, так это его скромность, честность, высокая культура и трезвая непобедимая логика суждений. В своих рассуждениях он был чужд какой бы то ни было предвзятости, субъективизма. Мне особенно запомнились его слова относительно массовых репрессий 1937 года:

"Всякое изменение общественной формации не проходит гладко, без усилий, без жертв. И не обидно, что мы, а также много других, приносятся в жертву новому лучшему будущему: героическое требует жертв. Обидно лишь то, что эти жертвы не вызываются никакой необходимостью. Кроме вреда они ничего не приносят. Такие жертвы подрывают моральные устои нашего государства, вызывают

недовольство широких масс народа, озлобляют народ против такой бесчеловечной политики массового уничтожения невинных людей, лучших кадров; подрывают авторитет нашего государства на международной арене, обессиливают его, в конечном счете, наносят огромный, едва ли поправимый вред нашему государству". Может быть, кое-какие слова были сказаны несколько иначе, в другой последовательности, но в подавляющей своей части всё говорилось Исламом Хубиевым неоднократно так.

Сейчас, когда скоро исполнится 26 лет со времени моей первой встречи с Исламом, я решил восстановить в памяти отрывки из воспоминаний об этом замечательном человеке. Буду рад, если кое-какие сведения из моих воспоминаний смогут пролить свет на темные стороны биографии одного из виднейших карачаевских просветителей Хубиева Ислама: ведь я единственный живой свидетель последних дней его жизни. Вспоминая о нем, я тем самым чту его светлую память.

Шахта №6, школа №23.

4 ноября 1963

Данная статья была подготовлена к публикации весной 2002 года, накануне выборов Президента Республики Ингушетия. Ценность данной работы связана с большим количеством документов, по-новому освещающих страницы новейшей истории Ингушетии. Многие из этих документов публикуются впервые.

«Ас-Алан»

Марьям Яндиева
Председатель Ингушского «Мемориала»

**«Между Сциллой и Харибдой»,
или первые альтернативные выборы
президента Ингушетии**

*«Мы, дети страшных лет России,
Забить не в силах ничего...»*

А. Блок

Безусловно, в драматической череде событий наступившего века есть своя неумолимая логика, так называемый «рок событий» (или исторический рок, как угодно...). А именно: приход к политической власти в «демРоссии» полковника госбезопасности в ситуации самой кровавой и оголтелой по своим военным преступлениям и преступлениям против человечности второй чеченской бойни; нарезка семи генерал-губернаторств с невнятными полномочиями; «равноудаление» верховной власти от так называемых олигархов; правовой и криминальный беспредел во всей России; волевое вмешательство Кремля (т.е. Путина) в деятельность СМИ и закрытие телеканалов; давление большой администрации (т.е. Путина) на региональные выборы и т.д.

В нашем ингушском политическом и общественном пространстве последнее время характеризуется дальнейшим усугублением кризиса в Пригородной проблематике (всегда болезненной для ингушской общественности); явно наметившейся реализацией катастрофической модели развития ситуации с беженцами из Чечни, находящимися с 1999 года в Ингушетии (т.е. в прямом смысле приглашением на казнь 162-х тысяч чеченцев путем их выдворения за

** «Сцилла и Харибда в греческой мифологии два чудовища, жившие по обеим сторонам узкого пролива и губившие проплывающих между ними мореходов. Находиться между Сциллой и Харибдой означает подвергаться одновременной опасности с разных сторон». БЭС, М., 1998, с.1169.*

пределы Ингушетии); шокирующей и до сих пор не понятой бедным обывателем отставкой первого Президента Р. Аушева и последовавшей за этим экстраординарным событием череде драм, восходящих как до трагедии (внезапная и таинственная смерть первого - по своему реальному влиянию - неформала Ингушетии эпохи Аушева Б. Коригова), так и снижающихся до фарса: повыскакивавшие, как черти из застоявшейся бутылки, более тридцати претендентов на самое вожаемое в Ингушетии кресло - президентское.

Логика состоит в том, что вся политическая, экономическая, общественная и прочая жизнедеятельность России (центральной и особенно региональной) «освещена» двумя как бы вечными для этой несчастливой страны «светилами» - МВД и ФСБ («ментами и энкаведе», как говорит перманентно «освещаемый» электорат).

... Для тех, кто помнит 70-е годы теперь уже прошедшего XX века, аналогия сегодняшнего времени с тем, тридцатилетней давности периодом советской власти, просто устрашающая.

После разгрома советскими танками восстания в Чехословакии (1968 г.) внутри СССР началось усиление подавления инакомыслия с особым усердием со стороны карающих органов и политического сыска. За чтение не тех книг, за распространение их, переводы не тех авторов, за несанкционированные связи с иностранцами и т.д. активно сажали в тюрьмы, психбольницы, выгоняли с работы, из вузов; вербовали и всячески морально растлевали во всех социальных прослойках и группах - от студкомов до Президиума Академии наук.

В тогдашней Чечено-Ингушетии органы госбезопасности вышли на оперативный простор целыми полками после гражданского противостояния ингушей в январе 1973 года - самой главной (и до сих пор неисследованной) массовой политической манифестации на всем уныло однообразном в своей летаргии пространстве брежневского СССР.

После разгона мирной «красной Ингушетии» в лице участников трехдневного митинга на площади Ленина в Грозном, требовавших восстановления незаконно попраных «ленинских норм в национальной политике», репрессии КГБ смерчем обрушились на тысячи и тысячи прямых и косвенных участников этого легендарного митинга, на всех сочувствующих и находящихся с сочувствующими в тех или иных взаимоотношениях.

Все предприятия, учреждения, партийно-хозяйственные, комсомольские органы и, безусловно, учебные заведения ЧИАССР по линии КГБ получили прямые инструкции и распоряжения по административной, уголовной, моральной и прочий «нейтрализации» участников и сочувствующих январскому митингу. В Грозном и во всех районах спецслужбы развили тогда бешеную деятельность. Косяком

пошли увольнения, аресты, отчисления, вербовки и что самое страшное - ломки тысяч человеческих судеб. В тогдашнем Чечено-Ингушском госуниверситете это время было отравлено доношением, страхом, недоверием, тотальным стукачеством и т.д. Кстати, новоположенный ингушский генерал-майор ФСБ (единственный!!!) как раз в эти проклятые семидесятые учился на заочном истфаке ЧИГУ....

Для ингушей (потому что посмели в самый расцвет коммунистического застоя в СССР выступить с требованиями вернуть родину, захваченную в 1944 году) это время усиленной и подлой обработки со стороны всех подразделений госбезопасности бациллами страха, «социального рака и СПИДа». Некое морально-этическое и нравственное перерождение, снижение духовного сопротивления (которое было сильнейшим иммунитетом в депортации), начавшись тогда, в семидесятые, сегодня как бы материализовалось в виде какой-то липкой и гадкой паутины, тихонько накрывающей ингушское общество сверху донизу.

В депортации ингушскому народу была присуща внутренняя свобода от Государства, которое их уничтожало. Весь народ, его дух, воля были нацелены на выживание, но не любой ценой, - а достойное выживание. Это означало прежде всего внутреннее духовное системоборчество, не допускавшее отождествления с государственной официальной безбожной машиной и ее идеологией. Ингуши в сталинской ссылке, работая в основном шоферами, а не клерками, были свободны духом, потому что в своем подавляющем большинстве не участвовали в созидании и укреплении сталинской тюрьмы под названием Советский Союз.

Ингуши до депортации и некоторое время после никак не составлялись (чеченцы тоже) в качестве государственного советского народа. Ингуши (как и чеченцы) умудрились весь классический советский период быть относительно самодостаточными экономическими субъектами, не зависящими напрямую от зарплаты или пособия, получаемого из собес. Они сами добывали на просторах одной шестой земного шара свой «корм», не ожидая каждого 1-го и 15-го числа (аванса и получки), как все остальные полукрепостные совки СССР.

Именно в 70-е годы советская власть и госбезопасность после известных событий в мире и в ЧИАССР активизировали процесс выпестовывания «нового ингуша», главным образом - в так называемом истеблишменте, в подготовке управленческой и политической «элиты». Поглаживая и прикармливая, способствуя успешным карьерам одних ингушей, рожденных в 50-х годах, затаптывая и устраняя «непокорных и буйных» из той же генерации, власть и органы к началу 90-х сотворили эдакого «квазингуша» - несамостоятельного,

безынициативного, невежественного и абсолютно управляемого демагога. Эти квазингуши особенно ярко материализовались в целые тучи и тучки чиновников, клерков и говорунов-«патриотов» всех мастей в период образования нашей Республики.

В Чечено-Ингушетии эти ребята (комсомольские, партийные и хозяйственные активисты) особенно не дрыгали лапками, пребывая в анабиозе периферийного прозябания и занимая третьи и четвертые позиции во всех структурах национальной советской автономии под названием ЧИАССР.

К счастью, лицо каждого народа определяют не квазилюди, а все-таки трудовые граждане, сами себя кормящие, на себя надеющиеся под всевидящим оком Аллаха. Но ингушей, как и всю Россию, в конце XX века построили в очереди за гум- и соцпомощью не по причине их неготовности к рыночной стихии, бездеятельности, безволия и беспробудного пьянства (как в основной России), а по причине целенаправленных, спланированных военных (преступных) кампаний, явившихся продолжением государственной политики постсоветской России - правопреемницы СССР.

Этногеополитические потрясения на Северном Кавказе, начавшись с этнической чистки ингушей в Пригородном районе Северной Осетии в 1992 году, завершатся лет через 10-15 сотворением абсолютно нового геополитического ландшафта с иным государственно-политическим устройством, прямо противоположным административно-имперской вертикали нынешней системы управления России. Навряд ли в том, будущем кавказском пространстве, будет ЮФО, в который сегодня «вошли» республики-марионетки (в том числе и РИ) и республики-фантомы (Чечня), построенные по лояльности и геополитической целесообразности интересам империи. Наша общенациональная задача - достойно пройти эти 10-15 лет, обещающих быть уже не столь трагическими, как 90-е годы XX века, но все же драматичными. Первый этап - десятилетие с 1992 года - нами уже пройден.

Приговоренные к частичному уничтожению и тотальному рассеянию, мы, ингуши, оказались «счастливчиками» в сравнении с назначенными в абсолютные смертники чеченцами. Главные и самые буйные мятежники в имперской тюрьме, они, безусловно, уже раскачали общую темницу, так и не дождавшись помощи ниоткуда. Божеский суд и суд Истории еще впереди, и всем, пережившим апокалипсис 90-х, на нем воздастся «по винам их и заслугам».

Следующему поколению ингушей будет чрезвычайно важно понять и принять сегодняшнее поведение и позицию своих отцов, не по своей воле очутившихся в кровавой мясорубке агонизирующей империи. Трагическое соседство с Чечней и чеченцами всегда будет

определять нашу национальную и историческую судьбу, а потому мы не имели и не имеем ни малейшего права на ошибку...

* * *

Предварительный анализ динамичнейшего десятилетия (1992-2002 гг.) в ингушской новейшей истории предполагает лишь обозначение каких-то главных проблем и векторов развития нашей государственности. Большой системный анализ еще впереди.

Зажатые в плотные тиски после своего беспрецедентного вызова коммунистической власти в 1973 году, ингуши подошли к перестройке с одной единственно претензией, оформленной в разного рода документах в качестве общенациональной идеи - возвращение своих этнических территорий под юрисдикцию Ингушетии, бывшей на тот момент составной частью Чечено-Ингушетии (т.е. под юрисдикцию ЧИАССР).

Долгое нахождение ингушей в советской псевдоцивилизации не размыло их органичного чувства почвы, «магнитного притяжения» к матери-родине не только в фольклорно-эпическом, а в прямом биологическом смысле. Идея собственной государственности и республики не была к концу 80-х годов обозначена столь четко, как идея законного возвращения своих земель. То есть она не была вербализована как общенациональная и приоритетная.

Идея Республики была несколько блеклой рядом с абсолютным общенациональным приоритетом - возвращением Пригородного района под ингушскую юрисдикцию. Условно говоря, проект «Ингушская Республика» реально материализовался только 15 сентября 1991 года после одностороннего демарша чеченских пассионариев из ОКЧН, возвестивших 1 сентября 1991 года Постановлением о своей полной независимости и выходе из РСФСР.

Искренний советский учитель истории и депутат Хамзат Фаргиев, впервые пламенно проартикулировавший в мае 1989 года на заседании Верховного Совета проблематику Пригородного района и правобережья Терека в г. Владикавказе, насколько помнится, в качестве самого главного и сокровенного чаяния ингушей обозначил проблему возврата ингушскому народу аннексированных тираном Сталиным этнических территорий.

Пришедшие в перестройку с иными - более фундаментальными - претензиями наши соседи по автономии нарушили и обрушили планы как соседей, так и кремлевских хозяев огромного советского коммунала.

Конкретный политический документ под названием «Декларация съезда народных депутатов Советов всех уровней Ингушетии об образовании Ингушской Республики в составе РСФСР» -

драматический, и как бы «догоняющий» акт за стремительно уходящим поездом истории. Декларация лишь документально запечатлела «ингушское одиночество», длившееся год, - до исторического (для выпавших из всех конституций ингушей) Закона РФ от 4 июня 1992 года за № 2927-1 «Об образовании Ингушской Республики в составе РФ». Последовавшие после этого, главного, еще четыре федеральных документа* к концу 1992 года статус-кво закрепили новый ингушский субъект в РФ. С 1921 года ингушскому народу в пятый раз** (!) Кремль «дал» государственность (именно так). При этом целых тринадцать лет - с 1944 по 1957 годы ингушей и их суррогатной государственности вообще де-факто и де-юре не существовало!!! Как и другие «наказанные народы», они были в сталинской империи народом-фантомом.

С 1992 года милостиво декретированная на существование (назла самостийной и непокорной Ичкерии) Республика Ингушетия должна была воплощать некое политическое и экономическое ноу-хау ельцинской «национальной политики». Не ввязавшийся в октябре-

* *Постановление ВС РФ «О порядке введения в действие закона РФ «Об образовании Ингушской Республики в составе РФ» от 4 июня 1992 г. № 2928-1; Постановление Президиума ВС РФ «О реализации Закона РФ «Об образовании Ингушской Республики в составе РФ» от 26 октября 1992 г. №3753-1; Постановление Съезда народных депутатов РФ «О Законе РФ «Об образовании Ингушской Республики в составе РФ» от 10 декабря 1992 г. № 4070-1; Закон РФ «О внесении изменений в статью 71 Конституции (Основного Закона) РФ - России» от 10 декабря 1992 г. № 4071-1.*

** 1) *Постановление ВЦИК «Об автономной Горской Социалистической Советской республике» от 20 января 1921 года;* 2) *Постановление ВЦИК «Об упразднении автономной Горской Советской Социалистической республики и расчленении ее по национальному признаку на две автономные области - Северную Осетию и Ингушетию, на автономную административную единицу - Сунженский Округ с правами губернского исполнительного комитета и выделении г. Владикавказа в самостоятельную административную единицу» от 7 июля 1924 года;* 3) *Постановление Президиума ВЦИК «Об образовании объединенной Чечено-Ингушской автономной области» от 15 января 1934 года;* 4) *Указ Президиума ВС СССР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР» от 9 января 1957 года;* 5) *Закон РФ «Об образовании Ингушской Республики в составе РФ» от 4 июня 1992 года. «Об образовании Ингушской Республики в составе РФ» от 4 июня 1992 года.*

ноябре 1992 года в бойню, устроенную ингушам в Северной Осетии, генерал Дудаев грамотно оттянул чеченскую казнь на два года, но как бы «надоумил» кремлевских стратегов послать к послушным (но все-таки нелюбимым) ингушам на должность Президента тоже генерала - Р. Аушева.

Согласно присяге и будучи в боевой командировке на этнической родине, последний должен был обеспечивать безопасность границ империи со стороны Чечни и квалифицированно «гасить» любые акции возмездия ингушей, униженных и оскорбленных этнической чисткой в Пригородном районе. Для них боевой генерал в это страшное время явился абсолютным воплощением надежды. Он стал надеждой как ингушей-аутсайдеров из Чечни, так и ингушей-маргиналов из Северной Осетии. Ингушам, условно говоря, Назрановского и близлежащих районов пришлось присоединиться к двум первым группам.

Час беды (этническая чистка в Северной Осетии) и момент истины (появление Республики) находились друг от друга на микроскопическом с точки зрения исторического времени отрезке. Поэтому харизма Аушева - война-защитника и отца-предводителя - была тогда безусловной.

Аушев сумел перенаправить народную энергию гнева в русло созидательного выживания. Для одной части народа стратегия выживания заключалась в каждодневной, удручающей битве за пособия, компенсации, гумпомощь и т.д. Для других - в сохранении статус-кво в ситуации почти поголовной безработицы и отсутствия реального производства. Небольшая социальная группа ингушского «истеблишмента» (условного, потому что после Аушева это будут другие люди), в основном состоящая из старых и новых ингушских "джентльменов удачи" - феномен, заслуживающий особого осмысления и анализа.

У всех этих групп Аушев имел почти иррациональный авторитет именно по причине своей харизматичности. Став общенациональным лидером в роли Президента, генерал Аушев, войдя в историческую суть проблемы Пригородного района и понимая ее стратегическую связь с чеченской проблематикой в постсоветской империи, увидел в близкой оптике катастрофический тупик в решении самой болезненной ингушской проблемы. Он бился, как мог, и мы обязаны воздать ему должное за это. Навряд ли следующий Президент Ингушетии способен будет разрешить Пригородную проблему, разве что разного рода федеральных документов будет много больше, чем теперешних 187-ми наименований...

Р. Аушев трезво и реалистично сосредоточился на том, что было под силу (а ближнему кругу обслуживающих проект олигархов

«по интересу»): на экономическом проекте «Ингушетия молодая», который по существу стал политическим. Потому что по-стахановски динамичные новостройки, прокладки невиданных ранее дорог, водоводов, а самое главное - возведение в чистом поле города солнца (который империя разрешила строить, чтобы навсегда, как ей кажется, отогнать ингушей от вечно вожаемого Буро) - это не столько народно-хозяйственная, сколько политическая материя.

Но главная - историческая - заслуга первого Президента Ингушетии генерала Р. Аушева состоит в том, что он в час общекавказской беды конца XX века выбрал и реализовал единственно верную с точки зрения нынешней, а главное для нас, ингушей, - будущей истории Кавказа политическую стратегию в чеченской проблематике. В этой будущей (и теперь уже навсегда доблестной для нас в отличие от всех наших соседей) истории Кавказа роль Ингушетии и всех ингушей, благодаря личному мужеству и политической прозорливости Р. Аушева, будет позитивной и выдающейся. Это хорошо поняли политики и общественные деятели Запада, которые с 1994 года с уважением и восхищением вели с ним диалог как с лидером международного масштаба. Будем всегда благодарны генералу Аушеву за это!

Уже давно мудро сказано, что действовать - значит оставаться один на один с историей, или судьбой. Наш «рыцарь-деспот», первый Президент, последним своим действием (добровольной отставкой) остался наедине со своей, безусловно, незаурядной судьбой....

Он, оставив после себя в естественном паническом замешательстве не только управленцев и обывателей, но самое главное и трагическое - паралич воли. Последние месяцы нового года явственно показали концептуальную пустоту ингушской власти как таковой. Существование архисложных проблем (общественно-политических, экономических, культурных) не подменяет собой «тело» власти. Власть - это так называемые элиты: политическая, финансовая (промышленная или производственная), культурная и менеджерская (т.е. управленческая бюрократия). Первая (политическая) является организующей, определяющей и выбирающей государственные стратегические концепты и цели. Эта группа вершителей судеб нации опирается на мировоззренческий интеллектуальный фундамент, сформированный культурной элитой (религиозными деятелями, ученой и творческой интеллигенцией и т.д.). Крупные предприниматели и финансисты, составляющие элиту финансовую, обеспечивают государственные стратегии деньгами и техникой. Тактическое функционирование в

каждодневной жизни этих стратегий обеспечивает элита менеджеров (см. начальный курс политологии).

В нашей ингушской действительности почти целое десятилетие все «элиты» физически и идеологически воплощал в себе Р. Аушев и очень маленькая группа («страшно далекая от народа») ингушских «олигархов», вернее «олигарха».

Никто, кроме этой небольшой касты реальных хозяев Ингушетии (по существу представителей трёх фамилий), не участвовал ни в выработках стратегических концептов, ни в реализации схем развития, ни тем более в сложных маршрутах финансовых потоков. Все население Ингушетии, включая размножившуюся армию чиновников (не ставших профессиональной элитой менеджеров), в той или иной степени были статистами яркого и величественного представления на сцене жизни исторической драмы «Ингушетия молодая», главным действующим лицом которой был ингушский Пётр - Руслан.

Сильно заниженный в последние десять-пятнадцать лет образовательный, идейный и моральный уровень народа никак не способствовал выходу из исторического подполья, куда мы были загнаны советской империей и из которого в годы «перестройки» просто объективно не смогли выскочить по причине обрушившихся геополитических потрясений. По этой причине вместо зарождения общенациональной идеи у ингушей наметился (к счастью, только наметился) ментальный сдвиг, т.е. изменение представлений о ценностях.

К сожалению, мы осмысливаем и оцениваем нашу государственность лишь на эмоциональном уровне, а не на мировоззренческом. Привыкшие за эти годы к приспособленчеству как единственному способу выживания, к оперированию на всех уровнях полуправдой, оправдывающей полупредательство, к спасительным компромиссам, к неуважению к нормам и законам (что способствует созданию атмосферы циничной лжи во всех сферах жизни - частной и общественной), мы потеряли чувство ответственности, высокие душевные порывы и научились ненавидеть и вытапывать лучших среди нас. Наше общество и наш истеблишмент представляет собой бессмысленное броуновское движение идейно и социально дезориентированных, недисциплинированных и не спаянных единой созидательной энергией людей.

Поэтому мы и застыли, парализованные экстравагантным политическим курпетом Аушева. Но ведь главные проблемы так внезапно рухнувшей власти (политические и экономические ошибки, злоупотребление властью, нехватка общей культуры и масштаба мышления) не являются как бы презумпцией невинности всей нации. Ведь если каждый человек (так называемый простой ингуш) не

перестроит свой собственный морально-этический облик - никакие политические, экономические реформы и прекрасные законы ничего не изменят. Национальная политика - только внешнее проявление либо могучего, либо деформированного национального духа. Если этот дух подчинен строгой дисциплине и высоким ценностям во всех измерениях жизни, ему по силам любые политические бури. А у нас сейчас возможна буря

Я убеждена, что мы все, ингуши, в этот новый час истины должны поставить перед собой следующие вопросы и даже попытаться на них ответить:

- в чем состоит наше национальное достоинство?
- есть ли у нас национальная воля?
- способны ли мы на национальное самопожертвование?
- что есть наша национальная созидательная сила, и что мы все вместе создаем?

Корпорация «Коллективный Аушев», которая осуществляла и контролировала (и пока контролирует) реальную власть в Ингушетии, безусловно, этими вопросами не была удручена. В «славбиновских» проектах и программах национальная судьба и национальные интересы не учитываются и не предусматриваются просто по определению. Сценарии развития Ингушетии и ингушей в планах Корпорации не имеют отношения к ценностному национальному развитию, а только являются региональной реализацией типовой российской модели в постсоветской ельцинской России национального «социально-экономического чуда» (вспомним «чудо» калмыка Илюмжинова, «чудо» «чукчи» Абрамовича и т.д.).

* * *

Мы видим четко прорисованные три парадигмы развития Ингушетии после Аушева, персонализированные в трех грандах предвыборья. Первая, условно, - кланово-олигархическое «АОЗ-Ингушетия» во главе с генералом милиции, вторая - «Ингушский филиал ЮФО» во главе с генералом госбезопасности, третья (или первая, очередность в данном случае неважна) - «Ингушетия молодая, ч. II» (рутинная, черно-белая, хозяйственно-экономическая пахота без цветовых пафосных эффектов ч. I-ой, аушевской).

Наш «главный олигарх» через брата-генерала будет продолжать славное дело Корпорации по-прежнему для своих нужд и нужд узкого круга приближенных. «Главный олигарх» через своих ставленников, а главное через самого первого по рангу и чину в РИ ставленника все годы «самостийной» Ингушетии управлял экономикой и обществом в своих интересах и не испытывает в настоящее время ни малейшей нужды отказаться от этого. Бросая в распластанный где-то внизу (из

Мальты, Кипра, даже с Кутузовского проспекта это действительно видится низом) электорат жертвенные пряники в виде красивенько-китчевых домиков-лицеев, домиков-гимназий, домиков-фабричек и т.д., «олигарх» сотоварищи используют общенациональное достояние по своему личному усмотрению. Имея свои «мохнатенькие лапы» в аппарате правительства, администрации Президента РФ, в Думе и т.д., «капитан ингушской экономики» (для разнообразия так тоже можно называть нашего «олигарха»), сумел весьма успешно из Ингушетии сделать натуральный заповедник централизованного хозяйства (ибо на территории РИ эффективно действуют лишь кланово-бюрократические отношения между субъектами власти и экономики).

Общеизвестно, что, оказавшись в нужное время и нужный час рядом с нашим Петром-Русланом (1993 год, Москва), «олигарх» толково примкнул к властной голове и быстренько сотворил общую систему «экономического пищеварения». Получив все ресурсы, льготы, кредиты (долг по которым составил уже 22 млрд. руб.), Корпорация успешного «олигарха» не создала и не создаст никогда ситуацию подлинного экономического развития как такового. Этого просто не нужно! О каких же серьезных инвестициях в Ингушетию извне тогда вообще может идти речь?! ...

Будучи второй головой при прошлой власти, «олигарх» естественно стремится остаться в этом качестве и при новой власти (тем более что это действительно единокровная голова родного брата). А это значит, что мы, общество и народ, станем еще более далеки от власти, которая по своему усмотрению будет расплачиваться с федеральной казной по астрономическому долгу. Должниками-то к десятилетию Республики к своему ужасу и удивлению стали вроде как все граждане Ингушетии, периодически облагодетельствованные «красивенькими пряниками» из красно-белого кирпича (кстати, любимые цвета «Ингушетии молодой»), но не дождавшиеся реальных рабочих мест для всех, развития реального среднего бизнеса, реального интеллектуального и социального развития. Где качественные социальные и образовательные программы, демократично охватывающие все слои Ингушетии и обеспечивающие им достойную профессиональную, общественную и индивидуальную жизнедеятельность?...

Далеко идущие финансово-экономические (прямо скажем, в совсем иные параллели и широты) личные интересы, не стыкующиеся с общенациональными, в конце концов, приводят либо к дефолту, либо к внешнему управлению. Это относится не только к крупному производственно-промышленному объекту или к сырьедобывающему гиганту. А и к несостоятельным национально-территориальным образованиям тоже...

Ингушский гражданин сегодня просто обязан повысить чувство национального самосознания и самосохранения на порядок, выйти из растерянности и замешательства (речь не о челяди и приближенных к Корпорации «Славбина», связанных корпоративно-родственными и прочими интересами). Это необходимо сделать, чтобы не стать через несколько лет представителем населения «одной криминально коррумпированной банановой республики», всё руководство которой проходит по спискам Интерпола....

* * *

У Монтескье есть прекрасные слова: «Хорошо быть правдивым во всем, даже в том, что касается родины. Каждый гражданин обязан, если нужно, умереть за свою родину, но никого нельзя обязать лгать во имя родины».

Во имя родины лгут давно, иногда очень профессионально. А когда еще сознательно и целенаправленно, то эту деятельность можно назвать даже преступлением против своего национального будущего. Потому что, если мы забываем или фальсифицируем свое прошлое, мы обрекаем себя, потомков пережить его снова.

О роли партии в жизни каждого народа было написано неимоверное количество работ, статей, диссертаций и т.д. О роли органов госбезопасности в истреблении народов, увы, до диссертаций еще очень далеко. Но предпринять попытку первичного беглого анализа деятельности организации, сокрытой в зловещих аббревиатурах - ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ-ФСК-ФСБ, в новейшей истории Ингушетии в свете текущих предвыборных страстей мы просто обязаны.

Обязаны, потому что «теперь мы знаем, как это было, и поэтому несем за это ответственность, все мы, независимо от возраста, ... от меры личной удаленности каждого из нас от тех дней.... Мы слишком долго утешали свою совесть неведением, не зная тех преступлений, которые творились именем закона в советских судах и без всякого закона в тюремных изоляторах, психиатрических больницах карательного назначения, при обысках и допросах, провокациях и доносах. Мы не были сопричастны к государственным тайнам, оформленных в виде закрытых протоколов, не подлежащих публикации приложений к официальным указам, и нам долго казалось, что незнание освобождает нас от ответственности за то, что творилось не нами, без нашего согласия и не на наших глазах. Публикации подлинных исторических документов... освобождают нас от презумпции неосведомленности»... (С. Червонная «Мустафа Джемилев против Империи зла»// «АС-Алан», 2001, №2(5), сс.14 -15). Эти прекрасные и честные слова абсолютно приложимы и к нашим все пополняющимся

знаниям собственной национальной истории, которая последние восемьдесят лет развивается исключительно под мрачным знаком большого Террора органов госбезопасности.

...После «употребления» ингушей в деле установления Советской власти на Северном Кавказе Кремль приступил вначале к политике индивидуального террора в отношении тех, кто не поддавался советизации^{*}.

С 1924 года партия начала закручивать гайки в мусульманских республиках. Были созданы отряды ЧОН (части особого назначения), выполнявшие карательно-полицейские функции под руководством ГПУ и партии. «В национальных областях и республиках проводятся операции по «укреплению органов власти», в ходе которых коммунистические активисты и сотрудники ГПУ при поддержке военных частей и отрядов ЧОН разгоняли избранные населением Советы, заменяя их ревкомами (революционными комитетами) из фанатичных большевиков и советских чиновников. В июне 1924 года Юго-Восточное бюро ЦК РКП (б) утвердило специальные «тройки» для внесудебной борьбы с «контрреволюцией» (Т.Музаев. «Операция по разоружению Чечни.»// «Вайнах», 1997, №3-4, с.25).

Первые аресты видных деятелей духовенства, начавшиеся на всем Северном Кавказе в 1924 году, вызвали массовые волнения и соответственно ответные репрессии. Сначала в Чечне, а 11 сентября 1925 года и в Ингушетии началось массовое разоружение населения. Операции по разоружению проводили войска ОГПУ, милиция, кавалерийская бригада и пехотный полк.

Можно сказать, что в эти годы Кремль перестал заигрывать с ингушами и перешел к репрессивным методам подавления любых протестов. Но жестокий характер репрессии приняли в годы коллективизации.

Бандотдел ОГПУ Горской Автономной Республики находился во Владикавказе и оперативную работу вел в отношении только бывших или настоящих (не придуманных в собственных донесениях и отчетах) врагов советской власти. Бывший в этом учреждении заместителем по оперативной работе Э. Чабиев вспоминал впоследствии, что Советская власть и ГПУ в то время вели «эластичную и гибкую тактику». Время

^{*} Например, легендарный Созерко Мальсагов, создавший первое документально-историческое повествование «о карательных действиях советской власти на Кавказе» под названием «Адский остров». Книга-предупреждение, книга-пророчество, которая впервые раскрыла идеологию, структуру и механизмы коммунистической системы убийства собственных граждан. - М.Я.

«развернутого наступления социализма по всему фронту» наступило позже, в период коллективизации.

Коллективизация открыла эру массовых чисток и репрессий, закономерно приведших в 1937 году к политике тотального террора. Коллективизацию и сопутствующее ей раскулачивание (т.е. физическое уничтожение, депортации «кулаков» в Сибирь, репрессии против членов семьи раскулаченных и т.д.) осуществляли уполномоченные ОГПУ.

В феврале 1930 года на основании директивы Правительства и Приказа ОГПУ за № 44/21 было намечено произвести «массовые переселения наиболее богатых кулаков... и их семейств в отдаленные северные районы СССР с конфискацией их имущества». По этому приказу на Урал и в Казахстан выселили 5000 «кулаков»-вайнахов.

В 1932 году на Северный Кавказ (и некоторые другие регионы) были командированы чрезвычайные комиссии в составе Кагановича, Ягоды и др. Постановлениями этих комиссий репрессиям подвергались руководители и члены колхозов, не выполнившие нормы хлебозаготовок.

В Ингушетии (как и везде на Кавказе) именно ГПУ руководило и практически осуществляло операции по «ликвидации кулацко-контрреволюционных элементов и мулльско-националистических идеологов».

Так называемые чистки в рядах партии в конце 20-х начале 30-х годов были направлены на непосредственное устранение из руководства нацавтономиями (в Ингушетии, как и в других автономиях) руководителей-националов. Поэтому «вычистили» Иналука Мальсагова и Идриса Зязикова (первый был председателем Ингушского Исполкома, второй - секретарем Ингушского обкома ВКП (б).

Тогда же (1929-30 годы) были «вычищены» руководители окружных милиций. Например, Халмурза Хашиев - начальник Галашкинской окружной милиции и друг И. Зязикова - был арестован в 1930 году, а в 1937 году после повторного ареста расстрелян. И. Зязиков, с которым Хашиева арестовали в первый раз, повторно был арестован в 1932 году и умер в тюрьме Грозного в 1938 году.

...В 1929 году вместо И. Зязикова Ингушский обком возглавил один из комкровопийцев - «товарищ Черноглаз» Только за пять месяцев его опричнины в Ингушетии без суда и следствия - решением коллегии ГПУ - было расстреляно 26 человек, 430 человек сосланы в Сибирь. Ужесточение репрессий в отношении ингушских мулл и руководителей различных сект было настолько лютым, что бюро Северо-Кавказского крайкома партии, заслушав вопрос о закрытии мечетей приняло специальное решение о «перекосе в деле партии». Но это не вернуло человеческие жизни и не восстановило переломанные судьбы...

А. Авторханов писал об этом периоде в политической истории Ингушетии в своем классическом исследовании о народовубийстве в СССР следующее: «Репрессии в деревне приняли масштаб и формы, ранее неслыханные. Черноглаз начал с того, что открыл, прежде всего, поход на религию и развернул борьбу против «реакционного духовенства» (А. Уралов (Авторханов). Убийство чечено-ингушского народа. Народоубийство в СССР. М., 1991 г.).

Во Владикавказе (общей столице Осетии и Ингушетии) Черноглаз объявил об учреждении «областного Союза безбожников Ингушетии». Пост почетного председателя этого «Союза» Черноглаз принял на себя и в областной газете «Сердало» на ингушском языке дал директивы развернуть широкую кампанию по вербовке ингушей в этот «Союз безбожников».

Вот когда ГЭБз (тогда ГПУ) разгулялось впервые: ингушей-мулл вызвали в ГПУ и требовали провокационных подписей под немыслимыми в своем идиотизме воззваниями о поголовном вступлении всех ингушей в «Союз безбожников» и об отказе религиозной службы вообще как «антинародной и реакционной деятельности». Как писал А. Авторханов, «только единицы поддавались этой провокации (тогда это были только единицы!!! - М.Я.), но и те, возвращаясь из Владикавказа, в ауле объясняли своим землякам, что все это провокация и что они подписались, чтобы избежать расстрела или пожизненной ссылки» (подчеркнуто мной. - М. Я.).

Летом и осенью 1930 года ГПУ развязало настоящий террор, даже опережая коллег в других регионах СССР. Начальник Назрановского районного ГПУ Иванов летом в Экажево учинил типично гэбистскую вакханалию, потребовав у сельского Совета и муллы здание мечети под зернохранилище, а также полного отказа от отправления службы в ней. Естественно, что эта провокация не осталась без ответной реакции - Иванов был убит Х. Ужаховым. «За это убийство было расстреляно пять человек (Ужахов и мулла в том числе) и до трех десятков ингушей было сослано в Сибирь как участников контрреволюционной кулацкой банды» (А. Авторханов).

После этого трагического события юная советская госбезопасность начала осуществление практики «антисоветских заговоров» в Ингушетии и их «доблестного разоблачения». Осенью 1930 года была разработана и осуществлена масштабная чекистская операция под названием «Разоблачение японского плана освобождения Ингушетии» (ни больше, ни меньше!).

ГПУ разработало и осуществило внедрение в среду жителей Долаково, Назрани, Базоркино, Галашек своего агента - «представителя Японии» - с целью выявления и последующего физического уничтожения влиятельнейших религиозных авторитетов и антисоветски

настроенных ингушей. Конспиративные совещания, обсуждение «помощи Японии Ингушетии против коммунистической безбожной власти» (подкрепленные раздачей оружия и денег заведомым ингушским антисоветчикам, уже хлебнувшим советских благ), завершились тотальным наводнением всей Ингушетии спецподразделениями ГПУ и повальными репрессиями. «...в одни и те же сутки были произведены массовые аресты почти во всех крупных аулах. При этом был арестован весь «японский штаб» заговорщиков, у членов которого легко выкопали зарытое ими оружие и погоны как «вещественное доказательство». На воле остался помощник «японского представителя» Раджат Евлоев и сам «японец», оказавшийся монголом из среднеазиатского ОГПУ, 21 человек расстрелянных, до 400 человек сосланных без суда и следствия (решением коллегии ГПУ) - результат для ингушей этой очередной провокации ГПУ. Зато почти все лица начальствующего состава Владикавказского объединенного отдела ОГПУ были награждены высшими советскими орденами за выполнение специального задания Советского правительства. В числе награжденных был один из ингушских агентов ГПУ».* (А. Авторханов).

После этой «успешной чекистской операции» были арестованы ингушские религиозные авторитеты из представителей сект Кунта-Хаджи, Батал-Хаджи и Дени Арсанова.

Летом 1936 года «доблестно» завершилось еще одно дело чекистов - так называемое «Сурхохинское дело». ГПУ начало вести с 1931 года дело «по разоблачению последователей контрреволюционных сект Кунта-Хаджи и Батал-Хаджи». Битва ГПУ с ингушскими сектантами была запечатлена в газетах того времени, публиковавших материалы процесса и как в зеркале отражавших типичную картину очередного преступления государства руками чекистов: «В школу проникли сыновья шейха Белхароева. Детей они воспитывали против Советской власти. В мечети регулярно собирались остатки из секты Батал-Хаджи и секты Кунта-Хаджи. Мало того, муллы и остатки секты Батал-Хаджи и секта Кунта-Хаджи открыто вели агитацию против советской власти, открыто собирали для этой цели собрания, ... умышленно препятствовали переходу колхозов аула на устав сельскохозяйственной артели, сохраняя устав ТОЗов - товариществ по совместной обработке земли. За 1935 год хищнически убито 184 голов разного скота, а за все время хозяйничанья контрреволюционной группы количество поголовья лошадей в колхозах аула уменьшилось на 549 голов...» и т.д.

* *Невольная аналогия напрашивается сама собой: новоположенный генерал ФСБ имеет две высшие награды за спецзадания....-М.Я.*

Это дело «ингушских религиозных сектантов - вредителей» завершилось осуждением на длительные сроки семнадцати человек, из которых никто не вернулся живым....

Типично гзбистское изобретение по оправданию террора на Северном Кавказе и в Ингушетии 30-х годов в частности - «заговоры против Советской власти» - во всех сводках чекистов постепенно подготавливали почву для депортации 1944 года.

Бдительные и преданные делу партии чекисты ежедневно раскрывали «заговоры» вайнахов против родной им (чекистам) Советской власти и своими преступными провокациями «сознательно толкали на вооруженное выступление против нее. Это входило в карьеристские расчеты чекистов. Мы категорически утверждаем, что при всем том, что Советская власть отказалась, в конце концов, от многих своих «суверенных» принципов по национальному вопросу и при всей строгости советских законов и жестокости их применения чеченцы и ингуши примирились бы со своей судьбой, если бы не вся эта преднамеренная, порою чудовищная система провокации НКВД» (А. Авторханов) (подчеркнуто мной. - М.Я.).

Чистки, перешедшие в массовый террор в Ингушетии, привели к арестам, ссылкам, расстрелам как партийно-хозяйственного актива, так и простых ингушей. По сводкам, составленным НКВД, летом и осенью 1937 года в г. Грозном и по всем селам был «изъят антисоветский ингушский элемент»: Али Горчханов, Сосламбек Куркиев, Арсамак Мальсагов, К.Ужахов, Гамид Гойгов, Магомед Ханиев, М. Альтемиров, Дошлако Мальсагов, Султан Плиев, Ахмед Азиев, Муса Веджижев, Ирисхан Куриев, Гамурзиев и др.

По опубликованным в 1990 году неполным спискам репрессированных в Чечено-Ингушетии с 30-х годов ингушей - 507 человек (это только выявленные и официально задокументированные персональные дела). Последовавшие с 1991 года события остановили работу в архивах МВД СССР по выявлению и дальнейшей публикации списков жертв репрессий).

Вот типично энкаведистский образец из каннибальской картотеки учета жертв: «Беков Юсуп Ичихаджиевич, 1879 года рождения, уроженец с. Экажево, беспартийный, председатель колхоза «Красноармеец», проживал в с. Экажево, расстрелян»....

Кстати, в тогдашнем НКВД Чечено-Ингушетии личный состав был около четырехсот человек, из них лишь два ингуша - Султан Албагачиев (Газдиев) и Идрис Алиев (сейчас, к сожалению, «профессионалов плаща и кинжала» значительно больше....).

... В 1938 году упомянутый Идрис Алиев прямо на улице г. Грозного подошел к моей маме, 18-летней девушке-студентке нефтяного института, вышедшей из кофейной на Проспекте Революции

со своей подругой Гулей, и попросил проехать с ним по срочному делу. В «эмочке» он привез ее в здание НКВД на берегу Сунжи и сопроводил в кабинет к тогдашнему зам. наркома НКВД Никольскому, который до позднего вечера «обрабатывал» дочь врага Советской власти Созерко Мальсагова для сотрудничества с органами. Маму выпустили из этого ада с посиневшими ногтями и сказали, что пригласят еще раз (к счастью, второго раза не было, т.к. Никольский был расстрелян в очередной кампании самоочистки органов). Ингуш Идрис Алиев, бывший в звании подполковника НКВД, позже оправдывался перед родным дядей мамы - Султаном Измаиловым, - говоря, что его заставили

* * *

23 февраля 1944 года было выселено 134178 ингушей (ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д.900. Л.179). В данном преступлении по линии госбезопасности участвовали 19000 оперативных работников НКВД-НКГБ и СМЕРШ, 96073 офицеров и бойцов войск НКВД, стянутых со всех областей СССР.

Эта «чекистсково-войсковая операция со спецконтинентом» была проведена под руководством генерального комиссара госбезопасности Л. Берия, комиссара госбезопасности II ранга Б.Кобулова, комиссара госбезопасности II ранга И. Серова, генерал-полковника А. Аполлонова, комиссара госбезопасности I ранга В. Меркулова, генерал-майора И. Пияшева, комиссара госбезопасности II ранга Е. Глушко, генерал-лейтенанта Н. Стаханова.

Интересно, что «Предложения по вопросу сосредоточения войск НКВД»^{*} А. Аполлонов (зам. наркома внутр. дел по войскам) представил Л. Берия для утверждения еще 13 декабря 1943 года. При этом первая очередь войск - 37125 человек - прибыла в ЧИАССР 25 декабря 1943 года. Половина из них уже имела опыт карательных акций при выселении карачаевцев. Эти части НКВД под видом

* «1. В соответствии с Вашими указаниями для выполнения спецзадания НКВД СССР из состава войск НКВД выделены следующие войсковые части и подразделения. Внутренние войска НКВД СССР - 60338 человек, Военно-учебные заведения войск НКВД - 7500 человек, Войска НКВД СССР по охране была Действующей Красной Армии - 10468 человек, Пограничные войска НКВД СССР - 7557 человек, Конвойные войска НКВД СССР - 3460 человек, Войска НКВД СССР по охране железных дорог - 5000 человек. Войска НКВД СССР по охране особо важных предприятий промышленности - 1750 человек. Всего - 96073 человек....» (РГВА.Ф. 38650. Оп. 1. Д.607. л.37-41).

предстоящих учений Северо-Кавказского военного округа скрытно провели необходимые подготовительные мероприятия.

Всю ЧИАССР разделили на 4 оперативных сектора, в каждом из которых старшим оперативным начальником был офицер госбезопасности. Владикавказ стал центром первого сектора. В него вошли Пригородный, Назрановский, Сунженский, Ачалукский, Пседахский и Малгобекский районы. Здесь проживало 18% общего числа выселяемых на территории ЧИАССР. Начальником был назначен Кобулов.

Опасаясь возможных выступлений, руководство спецоперации подготовило вооруженные войсковые резервы. В их состав входили артиллерийские и минометные батареи, мотопехотная техника, горнострелковые и другие подразделения.

«31 января 1944 года судьба чечено-ингушского народа была решена. Согласно постановлению ГКО №5073 они подлежали депортации в Казахскую и Киргизскую ССР. 21 февраля Берия издал приказ № 00193 о переселении... 22 февраля завершилась работа по подготовке командно-оперативного состава к проведению спецоперации. К указанному сроку были сформированы оперативно-войсковые группы, в каждую из которых входили один оперработник и два бойца НКВД. Такие группы должны были одновременно выселять 4 семьи. Для проведения арестов ... антисоветски настроенных элементов выделялись специальные опергруппы, из расчета одна группа на 2 человека, подлежащих аресту». (Документы о проведении спецоперации по депортации народов ЧИ АССР. 1943-1944 гг. // «Исторический архив», 2000, №3, с. 68.).

Вместе с чеченцами ингушей выселяли 23 февраля 1944 года, согласно инструкции, в эшелонах смерти Конвойного Управления НКВД:

«Для сопровождения эшелонов со спецпереселенцами Конвойным Управлением НКВД СССР выделяется на каждый эшелон взвод бойцов конвойных войск (36-40 человек).

...Конвойные войска сопровождают спецпереселенцев вплоть до мест их расселения.

...Комендант расставляет конвой в голове и хвосте эшелона с таким расчетом, чтобы исключить возможность групповых побегов и успешно отразить возможные попытки бандитских элементов напасть на поезд.

...В каждый двухосный вагон производить посадку не менее 240 человек спецконтингента. При необходимости организуется в одном из багажных вагонов карцер для лиц, нарушающих порядок передвижения.

...Комендант эшелона принимает спецконтингент от оперативного состава, согласно посемейных карточек, составленных на главу семьи.

...Организация питания переселяемых в пути следования производится комендантом эшелона в установленных пунктах. Оплата за питание производится комендантом эшелона. Денежные средства на питание комендант поезда получает от представителя НКВД СССР. Выдача переселенцам на руки денег запрещается, кроме как на приобретение детям молока.

...Для медицинского обслуживания переселяемых органами Наркомздрава выделяется один врач и две медсестры... Врач обязан иметь при себе необходимое количество медикаментов. В каждом вагоне из числа спецпереселенцев назначается старший вагона, на обязанности которого лежит ответственность за порядок в вагоне, учет и проверка не реже раза в сутки всех размещаемых в вагоне (побег, смерть и т.д.) старший немедленно обязан доложить коменданту эшелона.

...На каждые 8-10 вагонов из числа сержантов конвоя назначается старший, на обязанности которого лежит наблюдение за поведением переселенцев этой группы вагонов.

...На каждый эшелон для агентурно-оперативного обслуживания переселяемых в пути следования выделяется один оперработник НКВД или НКГБ. Оперработник обязан установить связь с агентурой и осведомлением из числа спецконтингента и информировать коменданта эшелона для принятия мер против попыток выселяемых к антисоветским действиям и организованному побегу» («Операция «Чечевица». // журнал «Служба безопасности - новости разведки и контрразведки». 1996, № 1-2, сс. 15-16).

В местах ссылки ежемесячно каждый ингуш, начиная с 12-летнего возраста, являлся в комендатуру и подтверждал подписью, что он еще живой. Эти спецкомендатуры НКВД обладали абсолютной властью, осуществляя насилие, произвол и расправы над любым ингушом по своему усмотрению.

В отношении каждого ингуша устанавливался режим и административный надзор в соответствии с Приказом НКВД СССР за №00246 от 8 марта и № 001445 от 7 декабря 1945 г. В 1948 году Президиум Верховного Совета СССР законодательно ужесточив положение всех ингушей, по существу сделал карательные органы рабовладельцами. Так называемые особые совещания при МВД СССР могли и приговаривали любого ингуша к 25-ти годам каторжных работ за самовольные выходы за пределы места жительства без разрешения паханов-спецкомендантов. Жизнь вне закона была абсолютной нормой для ингуша-депортанта в течение 13-ти лет! Вся эта расчеловеченная

система подавления обрушивалась и на другие депортированные с ингушами народы.

НКВД, позже МВД СССР действовали очень жестоко и очень эффективно. Общее количество спецкомендатур составляло 2679, и каждая «обслуживала» до 1000 человек «спецконтингента». ...

На учете органов МГБ по всем республикам, краям и областям СССР депортированные и поставленные на спецучет ингуши состояли:

В Казахстане:

18247 семей; 78497 человек; взрослых - 44689 человек; детей до 16 лет - 33808 человек; в розыске - 19 человек, в местах лишения свободы - 2328 человек, всего на учете - 80844 человека.

В Киргизии:

619 семей, 2278 человек; взрослых - 1428 человек; детей до 16 лет - 854 человека; в розыске - 1 человек; в местах лишения свободы - 55 человек; всего на учете - 2334 человек.

В Таджикистане:

4 семьи, 14 человек; взрослых - 13 человек; детей до 16 лет - 1 человек; в местах лишения свободы - 1 человек; всего на учете - 15 человек.

В Узбекистане:

29 семей, 159 человек; взрослых - 106 человек; детей до 16 лет - 53 человека, в розыске - 1 человек; в местах лишения свободы - 7 человек; всего на учете - 167 человек.

В Якутии:

5 семей, 9 человек; взрослых - 5 человек; детей до 16 лет - 3 человека, в местах лишения свободы - 1 человек, всего на учете - 10 человек.

На Алтае:

2 семьи, 2 человека; взрослых - 2 человека, всего на учете - 2 человека.

В Красноярском крае:

3 человека, взрослых - 3 человека, всего на учете - 3 человека.

В Хабаровском крае:

2 семьи, 14 человек; взрослых - 12 человек; детей до 16 лет - 2 человека; в местах лишения свободы - 1 человек, всего на учете - 15 человек.

В Амурской области:

1 человек, взрослых - 1 человек, всего на учете - 1 человек.

В Горьковской области:

1 человек, взрослых - 1 человек; на учете - 1 человек.

В Иркутской области:

4 семьи, 72 человека; взрослых - 70 человек; детей до 16 лет - 2 человека; в местах лишения свободы - 3 человека, всего на учете - 75 человек.

В Кемеровской области:

2 семьи, 14 человек; взрослых - 13 человек; детей до 16 лет - 1 человек; всего на учете - 14 человек.

В Молотовской области:

2 человека, взрослых - 2 человека, всего на учете - 2 человека.

В Новосибирской области:

2 человека, взрослых - 2 человека, всего на учете - 2 человека.

В Тюменской области:

1 семья, 1 человек, 1 взрослый на учете - 1 человек.

В Челябинской области:

1 человек, взрослых - 1 человек, всего на учете - 1 человек.

В Читинской области:

1 человек, 1 взрослый, всего на учете - 1 человек.

На Дальнем Севере:

15 человек, взрослых - 15 человек, всего на учете - 15 человек.

В ИТЛ и спецстройках МВД:

4 семьи; 14 человек, взрослых - 11 человек, детей до 16 лет - 3 человека, в местах лишения свободы - 1 человек, всего на учете - 15 человек. «Сведения о количестве спецпереселенцев, ссыльно-поселенцев, ссыльных и высланных на 1 января 1953 года. «ЦГА ОР СССР. Ф.9479. Оп. 1. Д.641. лл. 22-68).

Таким образом, в январе 1953 года, согласно официальным документам, ингушей осталось 83518 человек от 134178 человек, выселенных в феврале 1944 года!!! (подчеркнуто мной. - М.Я.).

* * *

Приведенные выше официальные документы считаю необходимым подкрепить личными свидетельствами ингушей, переживших ад депортации. В этих самых главных для нас и наших потомков типичных рассказах о пережитом четко высвечена зловещая роль НКВД на всех этапах преступления власти против ингушского народа в 1944 году.

1. Свидетельствует Мякиев Дауд-Хаджи Довтмурзиевич, 1908 года рождения, житель с. Галашки:

«В феврале 1944 года перед нашим выселением у нас в Галашкинском районе начались аресты. Войска НКВД, как я узнал позже, проводили предварительные аресты тех лиц, кто в момент выселения мог оказать сопротивление.

18 февраля 1944 года я был арестован без всякой причины. Две недели находился под арестом в селе Мужичи, год провел в тюрьме

Грозного. Сажали очень многих. Тюрьма была переполнена. Вместе со мной сидели Костоев Биронк Торкоевич, Гайтукиев Али Идалбиевич, Гайтукиев Магомед Иналович, Гайтукиев Хадис, Хашиев Ибрагим Дотмурзиевич, Мерешков Татре и многие другие.

Так как к нам в тюрьму попадали все новые и новые люди, оставшиеся по разным причинам невыселенными, мы узнавали многое из того, что творилось в наших горах.

...Было это в горном селе Малара. Отец большой семьи Бочалов Абукар Хуниевич с сыном семи лет остались не выселенными. Явившись в НКВД Грузии и получив пропуск на выезд в Казахстан, Бочалов с сыном (единственным мальчиком в этой семье) пришли в свой дом, видимо, чтобы взять кое-какие вещи в дорогу. В это время в село приехали шесть человек верховых из гзбистов. Они вошли в дом, где находились Бочалов с сыном. Через некоторое время они вышли из дома и стали привязывать к одной из лошадей что-то завернутое в бурку. ...

За всем происходящим с противоположного берега Ассы, скрываясь на горе, поросшей лесом, наблюдали Ахмед и Солтамурад Хучбаровы и Ичиев Хадис Яхъевич. Заподозрив неладное, народные мстители бросились в погоню ...

Завернутыми в бурку оказались головы Бочалова Абукара и его сына. Народные мстители, расправившись с карателями, приложили отрезанные головы к телам и похоронили убитых по мусульманскому обычаю. Тело мальчика было сплошь исколото штыками. Я знаю это место и могу его показать.

...В селе Цори в доме моего родного дяди Мякиева Али во время выселения уничтожили многих стариков. Их собрали по дороге, когда люди пешком спускались с гор, заперли, а затем расстреляли из пулеметов. Дом с убитыми и ранеными подожгли. Среди погибших были: Оздоев Яхъя - глубокий старик, Оздоев Тоазо и его сын Къахъарма, сын Магомеда из Гули, фамилию не помню, и многие другие...»

2. Свидетельствует Гатиев Рукман Умархаджиевич, 1912 года рождения, житель села Галашки:

«Во время нашего выселения в горном селе Таргим было сожжено несколько десятков человек, в основном глубоких стариков, больных - так называемых «нетранспортабельных». Среди них были жена моего дяди Оздоева Шаши, Пугоева Байгъаз Тепсиевна, Усман, сын Мочи, фамилию не помню.

Старики кричали, звали на помощь. ... Все они сгорели, запертые в башне.

В феврале 1944 года в тюремную камеру, где я сидел с другими заключенными, принесли три отрезанные человеческие головы на

опознание. Помню, один из заключенных, увидев голову с золотыми зубами, крикнул: «Это же Хасан!»

Наша тюрьма стояла на высоком берегу Сунжи. Каждый вечер к обрыву подходили полные фургоны с трупами, их сбрасывали в реку....».

3. Свидетельствуют братья Зангиев Мажит Туриевич, 1926 года рождения и Зангиев Саварбек Туриевич, 1928 года рождения, жители станицы Орджоникидзевской:

«В день нашего выселения были уничтожены многие наши старики. От села Пялинг Боков Эльберд нес на себе свою больную мать Дои. В селе Хамхи мать у него отобрали солдаты. В Таргеме Бокову Дои, Шадиева Мочи, Хашиеву Боаги Овларговну, Ичиеву Боаги и других сожгли. И еще запомнился такой случай. Мать несла на себе двоих детей. Идти по горной дороге было тяжело. Один из конвоиров подошел к ней и попросил отдать детей ему. Мать согласилась, думая, что он хочет помочь ей. Конвоир бросил детей в пропасть. Обезумевшая мать бросилась следом за ними...»

4. Свидетельствует Пятимат Арчакова:

«Я помню хорошо день высылки. Нас выселяли из города Орджоникидзе. Жили мы тогда на улице Неведомского, дом №9. Солдаты не разрешали нам ничего брать. Из рук вырывали чемоданы, посуду, продукты, постель. Моему ребенку был всего месяц. Не дали взять даже люльку. ...

... До выселения, примерно за полгода, вернулся с фронта инвалидом войны Магомед Исакович Арчаков. Везли нас в Казахстан, а тогда мы не знали, куда везут. Магомед был старшим в нашем вагоне, получал продукты. Точно не помню, где это было. Кажется, говорили: Сальские степи. Это под Ростовом. Магомед вместе с двоюродным братом Хамидом Арчаковым пошел получать хлеб недалеко от нашего вагона, все было видно через щели и в окно. Солдаты потребовали расписаться, якобы за хлеб и уйти без хлеба, а ведь в вагоне ждали этого хлеба сотни голодных ртов ... Поднялся шум, крик, гам, стрельба. Наши увидели, как солдаты убили Магомеда и унесли. Люди начали кричать, бить кулаками в стены вагона, а выйти нельзя было. Солдаты дали очередь автоматами поверх окон, продырявив всю крышу и стену. От испуга люди замолчали. Хамид тоже не вернулся - ни тогда, ни потом. Видно, солдаты убили и его.

В день умирало по несколько человек, вымирили целыми семьями....

Нас привезли на станцию Киялы. Там жили-голодали около полугода. Потом муж тайком перебрался в Алма-Ату, позднее я переехала к нему с детьми ... ».

5. Свидетельствует Гандалоева-Аушева З.И.:

«...Зная, что солдаты снимают больных с поезда, я все время прятала его. ... В этой страшной духоте и тесноте даже здоровые взрослые люди заболевали и умирали. А что говорить о детях? Ребенка необходимо было вымыть. Для этого нужна была теплая вода, но где ее взять. К счастью, на одной из станций наш вагон остановился рядом с горячей водой. Муж побежал туда с посудой за водой. Солдаты схватили и повели его. Я плакала, плакали его престарелые родители. Плакали люди, глядя, как я убиваюсь. Бригадиром у нас в вагоне был Орцханов Али. Он уговорил солдат, чтобы они пожалели мужа, пожалели меня, больных стариков, чтобы не убивали его. Убить они его не убили, но посадили в вагон-ледник. По просьбе Али один солдат на второй день отпустил его, полуомерзшего, полуживого.

...В тот день, когда это случилось, солдаты пытались отнять у меня ребенка. Я не отдавала, и они потащили меня вместе с ребенком в какое-то помещение. Там была целая гора трупов и живых, вернее полуживых людей. Я чуть в обморок не упала, видя все это. Солдаты кричали: «Брось ребенка, он все равно умрет, иначе мы убьем тебя». Какая мать могла бросить еще живого своего ребенка?! Думаю - никакая. Видя мое состояние, один солдат пошел и привел какую-то женщину. Не знаю, кто она была: врач, медсестра или служитель этого морга-хранилища. Она подала мне градусник: поставь мол, проверим температуру ребенка. Мальчик горел, конечно, нельзя было измерить его температуру, поэтому я под халатом держала этот градусник в своей руке, пока его не потребовала женщина. Она взяла градусник, посмотрела, взглянула на меня и все поняла. Видно, и в ней в этот момент заговорили чувства женщины, матери. Она сказала: "Мальчик не так болен, можно отпустить эту женщину». Меня отпустили. С этого дня я постоянно молюсь за эту женщину, хотя мальчик мой все-таки умер в пути, я вынуждена была его выбросить. ...

Нас привезли в г. Ермак Павлодарской области. В первые месяцы смерть здесь косила людей беспощадно. Умирали десятками: от холода, голода, болезней. Здесь умерли еще два моих ребенка, две девочки - Лиза и Рукият. Свекор, Гандалоев Хасан Алиевич, сам больной, голодный, не мог смотреть на молящие о хлебе, молоке детские глазки, пошел искать съедобное. В нескольких метрах от дома его застала пурга, ветер прибил его к забору и, когда через несколько дней я нашла его, он так и стоял, мертвый, прибитый к этому забору. ...

Людей некому было хоронить, да и нельзя было их хоронить: земля была мерзлая, их закапывали в снег, а там их съедали звери, собаки ...».

В сталинской депортации погибло около 60000 ингушей. ...

Дяла ках I етама болба царна массанега!

В горах Ингушетии (Чечни) Советской власти еще с 20-х годов сопротивлялись несколько сот человек, которые в документах НКВД (Например «Доклад о результатах деятельности 141-го стрелкового полка ВВ НКВД на территории ЧИАССР за период с 25 октября 1941 года по 1 июня 1943 года») дифференцировались по следующим группам: «бандиты», «повстанцы», «бандповстанцы», «дезертиры», «бандпособники» и «мародеры». Этот 141-ый стрелковый полк НКВД за указанное в вышеупомянутом «Докладе» время якобы ликвидировали 973 человека, которые воевали в родных горах с враждебной им властью.

После 1944 года сопротивление было весьма эффективным, и сегодня мы можем говорить о нескольких выдающихся лидерах сопротивления из числа ингушей и чеченцев, с которыми Советская власть в лице чекистов вела непримиримую борьбу вплоть до 70-х годов XX века.

Первым среди ингушских повстанцев были легендарный Ахмед Хучбаров. К нему применима общая характеристика генезиса так называемого бандитизма вайнахов, которую в свое время дал А. Авторханов: «НКВД создает «бандитов». Совершенно смело можно утверждать, что ни в одном из уголков Советского Союза, ни в одной из автономных советских республик НКВД не вел политики сознательной провокации народа против власти в таких гнусных формах, как на Северном Кавказе, и особенно в Чечено-Ингушетии. При этом во главе Чечено-Ингушского отделения всесоюзного ГПУ-НКВД назначались люди на редкость бездарные, на подбор безнравственные и, как все чекисты, бесчеловечные. ... Все они были людьми, назначенными из Москвы, и знали о народе, судьбу которого они должны решить, только то, что написано в «справочниках» и «руководствах» царских властей о горцах. Полное невежество в знании психологии, традиций и истории народа дополнялось аморальными личными и просто преступными качествами самих московских шефов Чечено-Ингушского ГПУ (Дейч, Абуляян, Павлов, Крафт, Раев, Дементьев, Иванов, Рязанов). Получить побольше орденов - такова была нескрываемая цель каждого нового шефа Чечено-Ингушского НКВД. Поэтому эти шефы были заинтересованы не в «умиротворении Чечено-Ингушетии, а в продолжение войны чечено-ингушского народа против Советской власти». (подчеркнуто мной. - М.Я.).

Жестокости коллективизации, репрессии 30-х годов, антирелигиозная война с народом - эта политика государственного террора совершенно естественно приводила многих вайнахов на путь сознательной войны с Советской властью: «Вполне понятно, конечно, что чеченцы и ингуши, постоянно, методически и прямо-таки

провокационно истребляемые Советской властью, глубоко презирали эту власть, но активно выступал против этой власти все-таки не весь народ, а только часть его». (А. Авторханов. Подчеркнуто мной. - М.Я.).

Ахмед Хучбаров с 1929 года встал на путь сопротивления против тирании Советской власти. Не смирившись с раскулачиванием в собственной семье и ее драматическими последствиями в личной жизни, А. Хучбаров после депортации своего народа (и даже чуть раньше) до 1955 года осуществлял с небольшой группой товарищей по оружию масштабное и беспрецедентное по результатам антисоветское (античекистское) сопротивление в горах Кавказа.

Тотальное уничтожение оставшихся в горах ингушей, их жилищ, культовых и культурных памятников, истребление всего, что так или иначе было связано с памятью о народе на Кавказе, - задача, которую Советская власть поставила перед «доблестными чекистами» после депортации.

«В день выселения многие ингуши, учитывая опыт предыдущих карательных операций, скрывались в лесах, надеясь отсидеться до ухода карателей. Другие находились на отдаленных хуторах, где держали скот. Некоторые издали наблюдали за выселением, не понимая, что происходит. Есть своя Хатынь, и не одна, а даже три у ингушей. В отдаленных горных аулах Гули, Цори, Таргим были сожжены так называемые «нетранспортабельные» - старики, женщины, больные, дети, т.е. те, кто из-за обильного снегопада не мог самостоятельно спуститься с гор.... В горах везде стояли посты из солдат НКВД. У убитых для доклада начальству отрезали головы. ...Каратели взрывали наши средневековые башни, святилища. Во многих местах на привязи лежал мертвый скот. В местах предполагаемого нахождения беглецов разбрасывали отравленные продукты.

На тропинках и дорогах часто слышны были взрывы мин, на которых подрывались беглецы. Много гибло и зверей. На минах подрывались даже осторожные звери, как лисицы. Дни и ночи в горах гремели выстрелы. Каратели из войск НКВД убивали женщин, детей, стариков, живших в труднодоступных местах. Никто не хоронил их. Их ели звери, клевали птицы.

Все акты вандализма, бессмысленных убийств мирного населения, поджоги и разрушения возбудили в сердцах людей, обреченных на гибель, жажду мщения палачам. Начинают возникать партизанские отряды, которые, зачастую объединяя свои усилия, нападают на карателей из войск НКВД.

В горах Чечни, Ингушетии, Грузии, Дагестана и Осетии начинается национально-освободительная война вайнахов против сталинского режима.

Многочисленные партизанские отряды Иби Алхастова, Хасана Исраилова-Терлоева, Хасу Магомадова, Абумуслима Дидиева нападают на карательные отряды НКВД, уничтожают работников госбезопасности, представителей местных администраций на оккупированных территориях, всякого рода активистов, доносчиков, «отрядников».

Одним из наиболее организованных, державшим в страхе более 10 лет всеильные органы НКВД-НКГБ был отряд под предводительством Ахмеда Сосиевича Хучбарова». (С. Хамчиев «Ахмед Хучбаров - народный мститель». В кн.: «Возвращение к истокам. История Ингушетии в лицах и фактах». Саратов, 2000, сс. 208-209).

С 1944 по 1955 годы А. Хучбаров и его отряд провели около 30 успешных операций против оперативных групп НКВД и НКГБ, уничтожив до сотни карателей-чекистов. Эти оперативные группы, согласно архивным документам, занимались ликвидацией «уклонившегося от переселения спецконтингента» и «бандитов» - повстанцев с марта 1944 года.

Начальник УНКВД по Грозненской области комиссар госбезопасности Дроздов 9 мая 1944 года составил «Справку о результатах мероприятий по ликвидации бандитизма с 1 марта по 1 мая 1944 года», в которой среди прочего сказано: «После выселения чеченцев и ингушей, приказом товарища Л.П. Берия были созданы оперативные группы, перед которыми поставлены задачи ликвидировать остатки бандитов и изъять уклонившийся, от переселения спецконтингент... По территории бывшей ЧИАССР... с 1 марта по 1 мая итоги оперативных групп характеризуются следующими данными:

1. Убито бандитов - 56.
2. Арестовано бандитов - 40 ...
3. В результате агентурно-оперативных мероприятий добровольно явилось 12 бандитов...
4. Изъято спецконтингента - 815 человек...

Подавляющее большинство из них - мужчины, скрывавшиеся от переселения, во время проводимой операции...».

Не желавший «изыматься спецконтингент» уничтожался, о чем поведал опубликованный на заре перестройки единственный гэбистский «беллетризованный» источник по А.Хучбарову. («Щит - надежный, меч - острый, Чекисты на страже завоеваний Великого Октября». Под ред. генерал-полковника А.Н. Инаури. Тбилиси, 1985г.). Из этого источника ясно, что А. Хучбаров был идейным и убежденным врагом Советской власти и чекизма как принципа и формы функционирования Советов. А. Хучбаров был выдающимся народным мстителем и идейным врагом

чекистской власти в самый осатанелый период сталинского террора! Вероятно поэтому, даже через пятьдесят лет после его смерти, КГБ-ФСБ не подпускает к тайне «чекистского спецмероприятия» по физическому устранению великого ингушского борца с тиранией коммунистической власти: «ФСБ РФ Управление регистрации и архивных фондов. 6.03.2001. №10/А-1029.

... Сообщаем, что Хучбаров Ахмад Осаевич (!), 1908 года рождения, уроженец х. Гули Галашкинского района Чечено-Ингушетии, арестован органами КГБ при СМ Грузинской СССР 14 января 1955 года и по приговору военного трибунала Закавказского военного округа от 17 декабря 1955 года, на основании ст. 58-8 (террористическая деятельность) и ст. 58-9 (диверсионная деятельность) УК ГСССР осужден к расстрелу. Сведений о месте хранения архивного следственного дела в отношении Хучбарова А.О. в ФСБ и МВД России не имеется...».

Может быть, генерал М. Зязиков поможет ингушским историкам-исследователям и ингушам-неисследователям добраться до следственного дела выдающегося сына Ингушетии Ахмеда Хучбарова, чтобы благодарные потомки подробно знали о доблести своего национального героя и аморальности режима, с которым он боролся. Генерал М. Зязиков также может активно поспособствовать установлению памятника этому великому борцу - ингушскому символу победы над коммунистическим террором XX века - в селе Гули Галашкинского района Ингушетии и в других населенных пунктах ЮФО. ...

* * *

Ингуши в депортации (вместе с чеченцами и карачаевцами) дольше других «наказанных» народов находились под подозрением у власти.

Освобожденные от полицейского контроля в 1955 году, но до 1957 года лишенные права возвращения на родину, они (как и чеченцы) стали злейшими врагами «главного полицейского» - министра МВД СССР Дудорова. Тридцать шесть оперативных заслонов на железнодорожных станциях было выставлено в 1957 году, чтобы вайнахи не столь стремительно, как хотелось бы «простившей» их Советской власти, возвращались на родину.

В результате массовых спецмероприятий «работниками МВД было снято с поездов и самолетов около 5000 человек чечено-ингушской национальности, которые переселялись в Грозненскую область и Северо-Осетинскую АССР. С задержанными была проведена соответствующая разъяснительная работа. Им было указано, что они не имеют права самовольно возвращаться к прежнему месту жительства и

что, в соответствии с решением Советского правительства, они будут в организованном порядке в течение ближайших 2-х - 3-х лет, начиная с весны 1957 года, переселены на территорию вновь образованной Чечено-Ингушской АССР. ...» Письмо подписано министром МВД СССР Дудоровым (ЦХСД. Ф.5. Р.4732. Оп. 32. Д.80. Л.1).

Перечень этих оперативных заслонов занимает целую страницу в приведенном выше документе: так Советская власть пыталась повернуть вспять эту могучую ингушскую стихию. ...

Активно противодействовали возвращению вайнахов (что зафиксировано в документах ЦК КПСС) гэбисты разных рангов, составлявшие обоснования невозможности возвращения депортированных - от инструктора Отдела административных органов ЦК КПСС до старшего оперуполномоченного спецотдела МВД СССР (например, характернейший документ «О положении населения чеченской и ингушской национальностей» от 1957 года, составленный 14-тью ответработниками ЦК, Верховного Совета, МВД СССР).

Постоянные доносы в ЦК в 1957 году тогдашнего председателя КГБ Серова (хранящиеся в «Особой папке») о «политической обстановке в некоторых районах Северной Осетии» провокационно были направлены на срыв возвращения: «... сложившаяся в Пригородном районе Северо-Осетинской АССР обстановка продолжает обостряться и может привести к крайне нежелательным последствиям. ...» и т.д.

Карательные органы, несмотря на политическое решение о репатриации, продолжали свою репрессивную политику и сумели задержать репатриацию на некоторое время. Тайная полиция постоянно инспирировала «русские бунты» против вайнахов в конце 50-х - начале 60-х годов как на Кавказе (августовские антивайнахские события в Грозном в 1958 году), так и в Казахстане (июльский антиингушский погром в Джетыгаре в 1960 году).

Количество ингушей, погибших в то время в бесконечных драках никем не подсчитано. ... А ведь это тоже жертвы депортации, ибо нежелательное для власти (но вынужденное в наступившую после сталинщины «хрущевскую оттепель») возвращение на свою землю, в свои дома репрессированных ингушей было еще одной войной тоталитарного государства с народом.

* * *

После выселения госбезопасность мрачной тенью нависала почти над каждым ингушом, но особо пристально отслеживала и нейтрализовала, увеча социально, морально и психически лучших представителей народа. Снайперски точно вычисляя среди многих наиболее одаренных, совестливых и патриотично настроенных молодых

людей, КГБ изощренно калечил судьбы мыслящим протестантам. Например, Али Хашагульгов.

... Это была крупная победа тогдашнего управления по борьбе с идеологическими диверсиями КГБ ЧИАССР и лично подполковника Плёсова, искусно, «по-отечески» «тепло» и «задушевно» ломавшего на допросах двадцатилетнего юношу: «Может, придет время, когда я буду сидеть на твоём месте, а ты на моём. ... У меня сын твоих годов. Анашист. Лучше бы он был на твоём месте. Тебе крупно повезло, ты поедешь к умным, честным людям ... А мой сын ...» («Из разряда особо опасных» // «Комсомольское племя», Грозный, 1990, 20 декабря, с.6).

Али Хашагульгов действительно поехал в Мордовский политех, где «мотал срок» с Андреем Синявским, Юлием Даниелем, Янисом Петерсом и другими, ставшими, кто раньше, кто позже профессорами Сорбонны, парламентариями независимой Латвии и т.д. А сын подполковника КГБ Плёсова, как и сын другого подполковника Дятлова (участвовавшего и раненого в ногу в карательной операции КГБ в 1977 году по уничтожению последнего великого абрека Хасухи Магомадова, друга по оружию Ахмеда Хучбарова), стали банальными грозненскими пьяницами и раздолбаями (подполковники в 60-70-е годы жили в одном большом престижном дворе по Проспекту Революции и Проспекту Победы убитого города Грозного...). Вот только время отсидки на нарах для плёсовых сотоварищи при жизни Али Хашагульгова так и не наступило. ...

А в 1963 году Плёсов и К° осудили студента 3-го курса историко-филологического факультета ЧИГПИ Али Хашагульгова по ст. 70, ч. I и ст. 196, ч. III УК РСФСР - «Антисоветская агитация и пропаганда». Стихи не о советской родине и не о родимой партии, а также слишком смелое для ингуша написание рефератов о трагедии репрессированных Сталиным народами стали главной причиной замуровывания Хашагульгова на четыре года в 7-ой лагерь для политических заключенных в Мордовии.

Все годы после освобождения в 1967 году, вплоть до перестройки, ГэБэ преследовала и портила жизнь выдающемуся ингушскому поэту и художнику, всячески выталкивая его из социума в аутсайдеры. Работа дворником, сторожем, жизнь под вечным, круглосуточным присмотром сексотов и осведомителей не способствовали полноценному и благополучному творческому и человеческому существованию.

Изъятый и пропавший в ненасытном чреве КГБ личный архив Хашагульгова до сих пор, увы, не имеет перспектив быть возвращенным семье замордованного поэта, а также всему ингушскому

народу^{*}. Последний (народ, т.е.) поставлен через десять лет после официальной кончины Советской власти перед неестественным по своей исторической сути и ужасающим с точки зрения национального достоинства выбором: избрать или не избрать в «Отцы нации» представителя палаческого органа, главной функцией которого являлось и является подавление и уничтожение лучшего!... (подчеркнуто мной - М.Я.).

...В качестве неутешительного итога можно сказать, что выдающегося национального поэта Ингушетии А. Хашагульгова в 60-е - 80-е годы творчески затравила и в конце концов физически уничтожила (он рано умер) именно система чекизма, из которой ни он сам, ни его народ до сих пор не смогли вырваться на свободу...

* * *

В начале 90-х годов, в преддверии самых страшных событий на Северном Кавказе, для Совета Безопасности РФ был подготовлен Доклад о современной этнополитической ситуации на Северном Кавказе, где, среди прочего, были приведены возможные модели национальной политики и федеральная программа «Северный Кавказ» с десятью конкретными пунктами. Десятый пункт этой большой федеральной программы назывался «Безопасность». Его разрабатывали Совет Безопасности РФ, Госкомнац (тогдашнее название почившего Министерства по делам национальностей и региональной политике), МО, МВД, МБ (ныне ФСБ), ГКЧС (ныне МЧС).

Десять пунктов этого документа, декларируя позитивные меры, имели абсолютно карательно-полицейский характер:

- 1.«Срочно доукомплектовать Северокавказский военный округ войсковыми соединениями из ближнего и дальнего зарубежья.
- 2.Образовать территориальный округ войсковыми соединениями из ближнего и дальнего зарубежья.
- 3.В составе упомянутого круга подготовить и обучить специальные подразделения миротворческих сил по предотвращению и локализации межнациональных конфликтов.
4. До стабилизации обстановки вывести за пределы Северокавказского региона все виды оружия массового поражения и боеприпасы к ним.

** Еще одно предложение к ингушу-генералу ФСБ М. Зязикову: конкретно помочь Ингушскому «Мемориалу», семье и всем почитателям поэзии Али Хашагульгова в деле возвращения личного архива, конфискованного сотрудниками КГБ ЧИАССР 4 июня 1963 года в комнате № 13 общежития ЧИГПУ в г. Грозном. - М. Яндиева.*

5. Создать полноценную государственную границу и таможенную службу.
6. Разработать конкретные меры борьбы с межрегиональной организованной преступностью, контрабандой оружием, наркотиками, раскрытия других особо опасных преступлений, способных криминализировать структуры государственного управления и подорвать устои законной власти.
7. Разработать план мероприятий и иметь в резерве достаточные силы и средства для нейтрализации возможной активности в России (за пределами Северного Кавказа) экстремистских элементов из Северокавказской диаспоры.
8. Усилить охрану стратегических особо важных и военных объектов, учреждений в Северокавказском регионе.
9. Вместе с реализацией проверки паспортного режима в регионе провести изъятие оружия у населения.
10. Обеспечить строгое выполнение Указа Президента РФ «О мерах по защите конституционного строя РФ».

Главным объектом действия пунктов этой программы, безусловно, являлась Чечня, а Ингушетия рассматривалась как главный подход, плацдарм по подготовке и апробации методов и мероприятий по борьбе с мятежной республикой.

Огромное количество документов и материалов четко свидетельствуют, что Президент страны Ельцин, тогдашний Верховный Совет знали обо всем, что происходит на Северном Кавказе, в частности в Пригородном районе Северной Осетии. Именно поэтому 19 апреля 1991 года там было введено чрезвычайное положение, осуществлявшееся силами и средствами всех родов войск регулярной армии, а также внутренними войсками МВД России.

В официальных документах, справках о событиях в Пригородном районе явствует, что федеральные органы способствовали созданию и вооружению незаконных вооруженных формирований Северной Осетии - народного ополчения и гвардии.

Бронетехника, оружие передавалась через Министерство обороны, МВД России под предлогом обеспечения так называемого миротворческого батальона в Южной Осетии и полков патрульно-постовой службы в Северной Осетии.

В Справке "Об обстоятельствах возникновения осетино-ингушского вооруженного конфликта, его развития и роли в нем

федеральных органов власти и управления" прямо говорится о сознательных усилиях центра по милитаризации Осетии. Захват оружия с военных складов, закупка бронетехники целыми колхозами было нормальной практикой в субъекте РФ - Северной Осетии - накануне трагедии в Пригородном районе.

В Постановлениях Совета Министров Северной Осетии (№ 17 от 18.01.90, № 42 от 12.05.92) сказано о том, что в милицию было дополнительно принято 610 штатных сотрудников, в том числе 445 милиционеров патрульно-постовой службы, 165 участковых инспекторов, получены из Москвы 71 автомобиль, 6 мотоциклов, 6 видеомагнитофонов, МВД Осетии пополнило свое вооружение на сумму 1303,5 тысяч рублей. Предприятиям, организациям, колхозам и совхозам предлагалось создавать добровольные дружины по охране правопорядка и на государственном уровне решались вопросы их снабжения стрелковым оружием, средствами связи.

С июня 1991 года по ноябрь 1992 года с ведома всех специальных ведомств федерального уровня была осуществлена передача в Северную Осетию по линии МВД: 21 БРДМ-2 с приборами ночного видения, радиостанциями и фильтровентиляционными установками (причем, это военная разведывательная колесная техника передавалась под управление сельского хозяйства Пригородного района); - 14 "Камазов" с боеприпасами и 14 единиц стрелкового оружия (был инсценирован захват неизвестным центральной артиллерийской базы во Владикавказе. Руководил этой операцией председатель совета министров Южной Осетии Олег Тезиев(?!); эшелон с 24 единицами БТР-80 с полным вооружением; в один день (4 ноября 1992 г.) 1 БРДМ, 185-мм пушка, 2 пушки БМП, 307 автоматов, 788 пистолетов, 15 пулеметов, 93 карабина и боеприпасы.

В общей сложности перед бойней ингушей в Пригородном районе МВД Северной Осетии располагало 1085 автоматами, 304 автоматическими пистолетами Стечкина, 113 противотанковыми гранатометами СПГ-9, 11-тью зенитными установками, 68-ью крупнокалиберными пулеметами, 36 бронетранспортерами, 1016 гранатами, 826 автоматами, 53 единицами БТР-80, 4 единицами БМП, а также зенитными установками ЗУ-23 и 36-ью зенитными установками

** Данный документ, как и другие официальные документы, опубликован в Докладе Ингушского «Мемориала» «О массовых нарушениях прав граждан ингушской национальности в РФ. 1992-1995 гг.» 1996 г.*

"Шилка". Этой техникой и вооружением федеральный центр снабдил национальную гвардию и народное ополчение Северной Осетии в мирное время!

Таким образом, можно говорить о том, что именно федеральный центр (в лице министерства обороны, МВД, ФСБ, Миннаца, Совета Безопасности с санкции верховного главнокомандующего) был инициатором и пособником на всех этапах бойни ингушей в Пригородном районе, которую в официальных документах, СМИ и т.д. с тех пор "корректно" называют "осетино-ингушский конфликт". (Здесь и выше подчеркнуто мной. - М.Я.).

Из официальных документов явствует, что высшее руководство страны, МО, МВД и ФСБ в лице конкретных людей находились в Северной Осетии и непосредственно влияли на происходящее в октябре-ноябре 1992 года в Пригородном районе: «В штабе корпуса находились командир корпуса Шелудько*, его начальник штаба Скобелев, заместитель командующего СКВО Дудьев. К этому времени во Владикавказ прибыл командующий внутренними войсками МВД России генерал-полковник Саввин В.Н.... Хижа и распорядился выдать порядка 600 автоматов ... Военные также склонялись к тому, чтобы выдать МВД СССР какую-то часть оружия... Решено было, что оружие по накладной выдадут МВД Осетии, а те в свою очередь развезут по военкоматам кому-то из МВД, из резерва корпуса. ... Числа 1-2 ноября было письменное обращение генерал-полковника Саввина В.Н. на имя Хижи Г.С. с просьбой о выдаче боеприпасов для нужд МВД СО СССР. Я отдал распоряжение командиру армейского корпуса генералу Шелудько Н.А. ... Постепенно мы стали заменять подразделения республиканской гвардии, народного ополчения, ОМОНа МВД СО СССР войсковыми подразделениями». (Из материалов следствия Генеральной прокуратуры РФ. Допрос Шойгу С.К.);

«Помню еще, что там же был заместитель министра безопасности России генерал-лейтенант Сафонов А.Е. ... Гайдар санкционировал это дело... Все собрались в штабе корпуса, туда прибыли и Грачев, Ерин, Баранников». ... (Из допроса генерал-полковника Филатова Г.В.).

* Шелудько Н.А. - генерал-майор, командир 42-го армейского корпуса, дислоцированного во Владикавказе. - М.Я.

Из тех же документов абсолютно четко просматривается активное участие и решающая роль всех подразделений МВД и ГБ в организации и проведении этнической чистки ингушей 1992 года:

«Частенько ... информацию подбрасывало местное МВД, временами МБ... Военные или сотрудники министерства безопасности докладывают: откуда-то идут ингушские танки ..., там действуют БТРы, там-то у ингушей находится орудия, необходимо было срочно принимать решение. Значительная часть подобной информации не соответствовала действительности»... (Из допроса Шойгу С.К.);

«...Помню еще министров внутренних дел СО ССР Кантемирова Г.М. и министра безопасности СО ССР Бзаева Ю.И. ... там же был зам. министра безопасности России ... Сафонов А.Е. ... Бзаев Ю.И. рассказал, что якобы ими захвачен ингуш-боевик, который прибыл сюда из Костромы ... Его разместили в каком-то ущелье, 30-31 октября они захватили несколько девочек-осетинок и начали их насиловать(?) ...» (Из допроса Филатова Г.Н.);

«Информация поступала со ссылкой на МВД СО ССР об осложнении обстановки, скопление сил, об оказании помощи Ингушетии вооружением со стороны Чечни. Но когда удавалось проверять эту информацию из МВД СО, то оказывалось ... она не соответствует действительности. ... Я несколько раз направлял на разведку вертолеты. Вели разведку и армейскими силами. Бронеобъектов, каких-то групп не было...То есть, по сути шел большой поток дезинформации, который только нагнетал обстановку. Эта несоответствующая действительности информация исходила в основном от МВД СО ССР... Предложение «о чистке» исходило от МВД и МБ Северо-Осетинской ССР... ... С прибытием в регион министра обороны Грачева П.С., министра безопасности Баранникова В.П. и министра внутренних дел Ерина В.Ф. ... приняли решение выдвинуть силы вперед, внутренними войсками очистить Назрань ... В отношении осетинской стороны такие задачи не ставились ...» (Из допроса тогдашнего командующего внутренними войсками МВД РФ, генерала Саввина В.Н.) *Подчеркнуто мной.* - М.Я.

Безусловно, федеральный центр осенью 1992 года пытался силовым образом решить проблему мятежной Чечни, будучи абсолютно уверенным в том, что Дудаев ввяжется в ситуацию в Пригородном районе:

«В Москве 31 октября 1992 года происходило заседание Совета Безопасности РФ, на котором обсуждались срочные меры по урегулированию конфликта на территории Северо-Осетинской ССР и

Ингушской Республики... Несмотря на то, что конфликт развивался между осетинской и ингушской сторонами, говорилось, что эскалация вооруженного конфликта ожидается не со стороны ингушей (их вооружение не представляет большой угрозы, и об этом хорошо осведомлены в СБ. (подчеркнуто мной. - М.Я.).

Если же Совет Безопасности определил главным источником опасности в регионе Чечню, то тогда российские войска сразу надо было вводить в полосу между Чечней и Ингушетией, а не развязывать боевые действия в Пригородном районе. На заседании Совета Безопасности речь шла преимущественно о Чечне как о незаконно появившемся образовании на территории РФ, при этом Чечня обвинялась в ущемлении прав ингушского народа. И поэтому решение вопроса с Чечней переносилось в военную плоскость. Отсюда становится понятным странное поведение вице-премьера Г.Хижи во Владикавказе, а именно занятие им односторонней проосетинской позиции, и отказ от переговоров с ингушской стороной было предопределено логикой принятого решения на Совете Безопасности в Москве. Необходимо было спровоцировать военное выступление Чечни на помощь Ингушетии. Поэтому в рассмотрении осетино-ингушского конфликта постоянно и нелогично с точки зрения самого осетино-ингушского конфликта говорится о Чечне. Она рассматривается как главная угроза безопасности РФ. После этого становятся понятными все последующие действия политического и военного руководства в районе конфликта». (Из «Заключения независимых военных экспертов, общественных организаций о подготовке и ходе осетино-ингушского конфликта на территории РФ. Январь 1993 г.»). *Подчеркнуто мной. - М.Я.*

Формальным поводом для этнической чистки ингушей в Северной Осетии явились их законные притязания на возвращение под ингушскую юрисдикцию исконных этнических территорий, так и не возвращенных народу после сталинской депортации 1944 -1957 годов.

Возвращение ингушам отнятых земель в начальный период перестройки законодательно было оформлено Законом «О реабилитации репрессированных народов», в котором пункты 3-ий и 6-ой подразумевали территориальную реабилитацию всем депортированным народам (Закон был принят 26 апреля 1991 года).

Изменение региональной ситуации осенью 1991 года, когда Чечня объявила свою независимость, как бы нарушило все намерения федерального Центра, и ингуши стали заложниками нового политико-

военного, экономического, территориального и правового расклада на карте Северного Кавказа.

События октября-ноября 1992 года в Пригородном районе и г.Владикавказе Северной Осетии стали прелюдией к чеченской трагедии. В боевых действиях против ингушей участвовали подразделения российской регулярной армии и карательные войска: дивизия «Дон» - 8 тысяч человек; два военных училища г.Владикавказ - 1.5 тысяч человек; гарнизон г.Владикавказ - 10 тысяч человек; два полка ВДВ (Псковская дивизия); спецназ - 3 тысячи человек; бронетанковая бригада «ИР» из Южной Осетии под командованием Олега Тезиева - 6 тысяч человек; осетинская гвардия - 3 тысячи человек; ОМОН МВД Северной Осетии - 4.5 тысяч человек; ополчение Северной Осетии - 20 тысяч человек; два казачьих полка - 4 тысячи человек.

68 тысяч военных людей изгнали из своих домов и квартир 65 тысяч граждан ингушской национальности, убили в ходе боевых действий 474 человека, ранили более 500 человек, в организованных заранее концлагерях и тюрьмах незаконному лишению свободы в качестве заложников подвергли около 800 ингушей. Среди них: 27 женщин, 9 детей в возрасте до 1 года, 22 человека - в возрасте от 1 года до 18 лет; 8 человек - от 18 до 20 лет; 211 человек - от 20 до 60 лет; 31 человек - в возрасте от 60 до 100 лет. Десятки людей были сожжены в собственных домах, огородах, на сельских улицах, в автотранспорте. Насильно увезены в заложники 200 человек, судьба которых неизвестна до сих пор. 13 из 16 ингушских сел в Пригородном районе разорены и полностью до сих пор не восстановлены.

В 1992 году против ингушей - жителей Пригородного района и г.Владикавказ, являющихся гражданами России, были совершены следующие преступления (повторенные через несколько лет в Чечне):

1. Массовые убийства из всех видов оружия с воздуха и земли;
2. Насильственные лишения свободы путем изоляции в концентрационные лагеря и помещения, приспособленные под массовое содержание;
3. Взятие в заложники;
4. Лишение имущества;
5. Поражение в гражданских правах.

Мы со всей очевидностью можем говорить о государственных и военных преступлениях против собственных граждан, нарушающих положения более 15-ти международных документов.

На сегодняшний день (по прошествии десяти лет после геноцида ингушей в Пригородном районе Северной Осетии в 1992 году, а также после двух беспрецедентных чеченских боен 1994-1996 и 1999-го годов) можно с уверенностью сказать, что главные пункты программы «Северный Кавказ» оказались выполненными и продолжают выполняться. Слово «безопасность» трактуется при этом весьма специфично. И эта специфичность оборачивается прямой угрозой жизнедеятельности десяткам тысяч граждан, для многих важных начинаний в политической, экономической и гуманитарных сферах в этом истерзанном регионе.

Боевые действия, систематические вооруженные столкновения, непрекращающиеся взрывы, поджоги домов, целенаправленные убийства мирных граждан, постоянные нарушения конституционных прав в самой Ингушетии и в сопредельных территориях продолжают уже много лет, переходя из открытой формы в скрытую. Первый этап этого санкционированного федеральным центром народовбивства начался в октябре-ноябре 1992 года в Пригородном районе Северной Осетии.

Второй этап «созидания» ингушской безопасности со стороны российского государства ведет свой отсчет после фактического образования Республики Ингушетия. Этот этап характеризуется тем, что 65 тысяч беженцев из Пригородного района и Владикавказа потоком хлынули в Ингушетию, и начался мучительный, затяжной на годы так называемый процесс «возвращения насильственно изгнанных ингушей в места их прежнего проживания». На сегодняшний день в места своего прежнего проживания реально вернулись лишь 9 тысяч человек, все остальные разъехались по России и странам СНГ, 27 тысяч ингушей из Пригородного района живут в Республике Ингушетия, имея статус беженцев (к этому числу прибавились десятки тысяч беженцев из Чеченской Республики).

За годы, прошедшие после этнической чистки ингушей, федеральные органы государственной власти издали около 200 документов, направленных на «восстановление конституционных прав граждан Российской Федерации», предусматривающих возвращение ингушей в места их прежнего проживания, восстановление их разрушенного жилья и т.д.

Мероприятия, воплощенные в этих документах (по безусловному возвращению насильственно изгнанных ингушей в Пригородный район и г.Владикавказ), увы, в реальной практике не

реализуются. Более того, статистика правонарушений по отношению к ингушам-изгнанникам весьма удручающая. С 1993 года по сей день (время так называемого «поэтапного возвращения ингушских беженцев в места их прежнего проживания») убито 56 мирных граждан-ингушей, ранено 146 человек, захвачено в заложники 30 человек, разрушено более 450 домовладений, задержано 45 граждан по ложным обвинениям, избиений граждан сотрудниками правоохранительных органов РСО-А - 14 раз, обстреляно домовладений - 95 раз, взорвано домовладений - 21 раз, поджогов домовладений и временного жилья - 294; противодействий похоронным процессиям - 6 раз; нападений на колонны с беженцами и их блокада - 35 раз; других преступлений - 28 раз. Это происходит в ситуации присутствия в Пригородном районе подразделений федеральных войск, сил МВД Российской Федерации и Северной Осетии, которые де-юре обязаны гарантировать безопасность процесса возвращения ингушей в места прежнего проживания. Де-факто силовики обеспечивают конституционные нарушения в отношении ингушских граждан РФ. Невыполнение верховной властью собственных обязательств (зафиксированных в море документов различного уровня) говорит лишь об одном: федеральный центр реально не желает разрешить проблему ингушей. Потому что нет политической воли. (подчеркнуто мной. - М.Я.).

А кто же тогда в этой стране ответит за насильственную смерть 550-ти человек ингушской национальности, с 1992 года убитых и изувеченных в так называемое мирное время на территории субъекта РФ?!

Этот страшный по своей сути вопрос порождает следующий. Неужели сегодня у какой-то части ингушских граждан, собирающихся выбирать себе нового Президента, есть иллюзии относительно того, что федеральные коллеги наших двух претендентов - генералов МВД и ФСБ Х.Гучериева и М. Зязикова - помогут найти конкретные ответы на эти самые болезненные вопросы всех ингушей и поспособствуют торжеству закона и справедливости?! (подчеркнуто мной. - М.Я.).

* * *

Трагическая история дореволюционных, советских и постсоветских депортаций ингушей с их этнических территорий выявляет самое главное в геополитической стратегии России на Северном Кавказе: ингуши (потому что мусульмане, родственные чеченцам, а потому как бы а-приори нелюбимые и «нелюбимые» в

«семье народов») не должны даже во сне претендовать на близость к главному стратегическому для России проходу в Закавказье.

Исходя из этого, проблема ингушей не будет разрешена при существующем «федеративном» устройстве государства, по существу являющегося унитарным. И мы видим здесь две причины:

1. Московский центр не желает принципиально решить политическую проблему восстановления исторической справедливости по отношению к репрессированному ингушскому народу (как и других народов). При этом используется тактика смены репрессий. То явных и открытых: этническая чистка 1992 года; то скрытых: откровенно издевательский процесс так называемого возвращения насильственно изгнанных ингушей в Пригородный район и Владикавказ, периодические нападки, ревизии, моратории в отношении Закона «О реабилитации репрессированных народов» и, наконец, неутверждение в Государственной Думе Проекта Федерального закона «О реабилитации ингушского народа», внесенного Парламентом Ингушетии.

2. Центр не хочет взять на себя вину за содеянное с ингушами - гражданами РФ - в Пригородном районе, решение статуса которого и есть главная и конечная цель ингушей всех поколений. Что абсолютно не согласуется и не укладывается в российскую геополитическую стратегию на Северном Кавказе, формировавшуюся все годы советской власти и пролонгированную «демократическим» режимом в завтрашний день.

* * *

Осмысление этих наиглавнейших геополитических проблем, связанных с Ингушетией и ингушами, закономерно приводит к ключевой проблеме сегодняшнего Кавказа в целом - Чечне, стремительно изменяющей весь геополитический ландшафт региона.

Не берясь говорить об этом подробно в рамках данной статьи, считаю уместным остановиться на таком аспекте этой проблемы, как границы и система безопасности границ Республики Ингушетия.

Современное уничтожение Чечни вовлекает ингушей в такую политику и практику федерального центра, при которой они и их Республика являются не субъектом РФ, а объектом давления этого центра.

Именно из-за Чечни (которая, повторяем, из Москвы видится как единое с Ингушетией пространство) Республика Ингушетия по существу заблокирована колючей проволокой на административной

границе с Осетией и Кабардино-Балкарией. Можно сказать, что граница РФ с Чечней фактически очерчена на Черменском круге (современное «узаконенное» приграничье Ингушетии и Осетии). Ингушетию тем самым как бы выставляют за пределы РФ. Приводимый ниже документ подтверждает сказанное: «В соответствии с решением № 1 от 26 февраля 1997 г. оперативного штаба МВД России по обеспечению правопорядка и безопасности на административной границе с Чеченской Республикой, подписанного заместителем Председателя Правительства РФ, министром внутренних дел А. С. Куликовым, проводятся работы по дооборудованию КПП, вокруг которых, а также вдоль линии разграничения определяется запретная зона, устанавливаются проволоочные заграждения с установкой предупреждающих знаков, обеспечивается круговая оборона КПП на случай обострения обстановки (земляные работы - рвы и насыпи, фортификационные сооружения - заградительные стены из железобетонных блоков, наблюдательные вышки и пр.). Этим же решением на КПП-3 (Черменский круг) оборудуется КПП - пункт Государственного таможенного комитета РФ с соответствующим техническим оборудованием». (Разъяснение А.А.Ковалева, тогдашнего полномочного представителя РФ в Республики Ингушетия и Северная Осетия в СМИ).

К этому следует добавить еще одно: к ингушам (с начала уничтожения Чечни) относятся в РФ как к нелояльным иностранцам. Например, нормой стала практика в российских аэропортах проверять специальным досмотром все рейсы из Ингушетии. Страшно унижительно проходить специальный и таможенный контроль через компьютер в специальных отсеках, отгороженных от других граждан России и т.д. Через подобные унижение каждый день проходят пассажиры рейса «Москва-Ингушетия», «Ингушетия-Москва».

Ингуши, проживающие в Москве и других городах России, ежедневно испытывают на себе жесточайшие дискриминационные действия со стороны правоохранительных органов. Ингушский «Мемориал» фиксирует случаи незаконных задержаний, вторжений в квартиры и студенческие общежития, оскорблений человеческого национального и религиозного достоинства, избиений и т.д. Все апелляции в соответствующие инстанции остаются без должного юридического и правового решения. К сожалению, невозможно начать и провести ни один судебный процесс, потому что правоохранительные органы, прокуратуры (в частности в Москве) весь имеющийся у них арсенал мер и средств употребляют на то, чтобы пострадавшие не

захотели даже помышлять о каком-либо справедливом решении по отношению к ним.

Установление таможенных КПП, тотальные проверки граждан выезжающих и въезжающих в Ингушетию, постоянное дислоцирование в приграничья 58 армии, Северокавказского округа внутренних войск МВД (помимо Северо-Кавказского военного округа МО), оперативного штаба МВД по Северному Кавказу, временной оперативной группировки на Северном Кавказе, частей специального назначения и т.д. говорят о следующем: не нужно обольщаться стройками и некими экономическими успехами в субъекте РФ - Республике Ингушетия. Это лишь фасад, хотя и подпертый немалыми средствами из российского же бюджета.

Мы собрали не один том свидетельств и документов за последние десять лет государственного террора в отношении ингушей, так и не дождавшихся торжества демократии и гражданского общества. Я убеждена, что текстуальное воспроизведение самых типичных подлинных свидетельств человеческих страданий, с которыми «демократический» режим заставляет нас смириться, как с обыденщиной, должно заставить задуматься всех и каждого: Должны ли мы жить бесчувственными роботами, запрограммированными на перманентное выживание, или, стиснув зубы, вспомнить о своем человеческом и национальном достоинстве?!...

С 1992 года по сей день нас карают и калечат физически и морально даже более изощренно, чем раньше: нас подталкивают к невозможному для нашего достоинства смирению обреченных ...

Свидетельство КОТИЕВОЙ Л.М.:

«С 30/X на 31/X.92 года были слышны в п. Южный и вокруг этого поселка выстрелы.

Отец был в Тюмени. 7 ноября он возвращался поездом домой, и в г. Моздоке его забрали осетины в заложники. Отобрали у него 27 тысяч денег, избили его и продержали 1 неделю, путем обмена вернули домой.

1 ноября война пришла в село; женщины, старики и дети стали уходить в горы. Нас было человек до 100. Дорога через Столовую гору была не под силу, решили вернуться домой. На обратном пути, выбившись из сил и заблудившись, решили дождаться рассвета. Ночью пошел снег, стало очень холодно, от холода и голода одна из близнецов (двойня-девочки, возраст 7 месяцев) умерла. Ее похоронили в снегу, закрыв целлофаном. Дальнейший путь оказался тупиковым, пришлось вернуться к месту захоронения, решили откопать ребенка и похоронить в первом селе, к которому выйдем. К счастью и удивлению, ребенок своим дыханием отогрелся и ожил. Случайно выбрались к селу Терк, оттуда нас на грузовой машине довели до Джейраха. На исходе были вторые сутки без еды, в холоде дети стали пухнуть. В Джейрахе после четырех суток, отогревшись, решили идти через с. Алхасты в г. Назрань. Таким образом добрались до г. Назрани. В настоящее время все дети живы, девочки-двойняшки хотя еще слабы...»

Свидетельство ДУДАРОВА А. М.:

«Я, Дударов Адам Магометович, находившийся до первого ноября 1992 года в Калужской области, приехав в отпуск на Родину, стал свидетелем тяжелейших событий.

Второго ноября мой дядя, брат матери, Барахоев Магомет Хусейнович, проживавший в Пригородном районе, с. Куртат, был убит снайперской пулей у своего дома. Был убит просто за то, что хотел защитить свой очаг. Его труп чудом удалось вывести в с. Кантышево, где и похоронили с моими родителями. Эта утрата была невыносимой не только для нас, племянников, а больше всего для его сестер, детей, жены. Но стала еще нестерпимей, когда услышали, что убит и второй мой дядя, брат Магомед Хусейновича, Ибрагим Барахоев, проживавший в селе Джарах.

Горечи не было предела, тем более невозможно было поехать и уточнить эти сведения и, если это правда, вывезти труп оттуда. С 5 ноября из г. Назрани выезжали колонны для поисков трупов ингушей в Пригородном районе.

Каждый день маршруты выделялись в разные села Пригородного района.

Шестого ноября я с колонной, которую сопровождали российские солдаты, добрался до с. Джараха, где нашел лишь пепел от собственного дома дяди Ибрагима, а соседи-осетины лишь подтвердили, что труп Ибрагима лежал возле своего дома, но теперешнего местонахождения не решились назвать. Видно было - боялись. Искал еще несколько дней, выезжал с колоннами в разные села, но поиски были тщетны.

Четырнадцатого ноября наша колонна, следовавшая в п. Южный за трупами и сопровождаемая российскими БТРами, была захвачена в плен осетинскими бандформированиями, не доезжая до поселка. Осетины, конечно, были хорошо вооружены и без труда захватили российские БТРы, обыскали всех нас, невооруженных (среди нас были и старики, женщины, ехавшие для опознания своих родственников). Затем нас вывезли во Владикавказ и заперли в здании ДОСААФ. Мы стали заложниками. Начался второй обыск, при котором отнимали у нас и документы, и деньги, и кое-какие вещи. У меня были отняты водительские удостоверения, кожаная куртка, наручные часы, 6 тыс. рублей. Отношение осетин к заложникам было ужасным. Ежедневно, в день по несколько раз повторялись эти обыски, где отнималось все, что считалось для них годным или ценным. Кормили можно сказать хуже, чем в фашистских концлагерях: на пять заложников одна буханка хлеба на 2 дня. Спали на бетонном полу без всякой подстилки, потому что у нас было отнята даже верхняя одежда. Многие стали болеть, один даже сильно ослабел, так как попал в плен сразу же после лечения. До десяти часов вечера каждый день было более-менее тихо у нас. Но после подвыпившие осетины заходили не столько с целью обыскать нас, сколько найти малейший повод (этим могло оказаться и непонравившийся им взгляд ингуша) для своего

зверского удовлетворения. Найдя таким образом провинившегося, они выводили и, зверски избив, закидывали обратно. В помещении нас было 120 ингушей, в том числе 97 из нашей колонны. Такой участи подвергались ежедневно почти все.

Пятнадцатого ноября осетинские бандиты выделили одного из нас—Итазова Умарбека, сказали, что с ним у них особые счеты, вывели, и больше мы его не видели. (23 декабря труп Итазова Умарбека с перерезанным горлом был найден в одном морге г. Владикавказа).

Семнадцатого ноября, благодаря усилиям российского депутата Евтушенко, была организована группа российских следователей, которая решила заняться нами. Они начали нас допрашивать, чтобы уточнить цели нашего приезда. Я был в числе 27-ми, которых первыми допросили, оправдали и вывезли в г. Назрань в сопровождении мужественного депутата Евтушенко.

Наши поиски на этом не могли остановиться, искали еще месяц. Но потом перестали выезжать колонны в Пригородный район для поисков своих родственников. Через 5 месяцев усилиями российских следователей были найдены одиннадцать трупов в овраге близ г. Владикавказа. Среди них оказался труп дяди Барахоева Ибрагима Х. Он был опознан в г. Назрани, куда их привезли. Второго дядю тоже похоронили.

Этого кошмара осени 1992 года никогда мне не забыть. Не забыть этого и детям, и женам. У Ибрагима осталось шестеро малых детей, а у Магомед — четверо. Не забыть, конечно, и их сестрам, лишившимся своих обоих братьев (больше у них не было).

Есть очевидцы убийства Ибрагима, известны точно имена убийц, но они до сих пор остаются на свободе безнаказанными. Рано или поздно, их ждет расправа. Это лишь вопрос времени. Кару они понесут».

Свидетельство НАЛЬГИЕВОЙ Р.:

«Я, Нальгиева Радимхан, как и многие узники подвала мединститута, даю свидетельские показания по поводу бесчинств, которые там творили осетинские головорезы. 4 ноября 1992 г., потеряв сестру, которую задавил российский танк, нас забрали в заложники. Мы перенесли все унижения, которые только могли еще позволить нелюди. По прибытию в подвале нас тщательно обыскали, вплоть до нижнего белья, забрали все золото, деньги, хорошую одежду. Со мной были дети убитой моей сестры и единственный мой 12-тилетний сын. Мальчика моего избивали, хотели изолировать в соседнее помещение, где находились мужчины, дети. Стоя на коленях, умоляла оставить сына с собой. Выговаривали нам все, что могли, несмотря на то, что мы — женщины. Заходили среди ночи и забирали девушек от 16 до 20 лет,

якобы, на обмен. Некоторых к утру возвращали. Есть нам ничего не давали, кроме воды и хлеба, и то не всем. Через несколько дней нас обменяли и переправили в с. Джейрах. Откуда по горным тропам голодные, разутые и раздетые, мы проделали 12-часовой путь, пока не спустились на равнину. Дети все, конечно, переболели, в их детской памяти незабываемый отпечаток оставят дни, проведенные в осетинском концлагере».

Свидетельство ТОЧИЕВА Б.Х.:

«Проживаю я в станице Слепцовская. 29 января 1995 г. я поехал в станицу Ассиновскую, чтобы забрать автомобиль, который забрали в Слепцовской внутренние войска России, со мной также был начальник УФСК Сунженского района Ингушетии Чербижев Микаил. В центре станицы Ассиновской нас задержали служащие внутренних войск МВД России, на первом и втором посту нас пропустили, а вот на третьем начали обыскивать. У меня в кармане было с собой 1600 долларов США и 935 тысяч рублей. Увидев эти деньги, сотрудник, проверявший меня, сказал другому: "Командир, у нас проблемы", - после чего они сбили меня с ног, ударили прикладом автомата в затылок, завязали глаза. Хотя перед этим они видели мое удостоверение старшего лейтенанта милиции МВД России. Все они были в нетрезвом состоянии. Потом посадили нас в автомашину "Урал" с желтой кабиной, и этой же машиной сознательно наехали на наш автомобиль "Волга", и повезли нас в неизвестном направлении. По пути водитель крикнул: "Куда ехать?" На что один из сидевших в кузове ответил ему: "Вези к оврагу". После чего машина подъехала к оврагу, и двух человек, которые были там, в машине, расстреляли. Всего в машине было восемь человек, один из них был тяжело ранен. Они всячески издевались и избивали всех задержанных, в том числе и меня. Били они прикладами и резиновыми палками по голове. После этого нас повезли к вертолету российских войск. В вертолете с меня сняли кожаную куртку желтого цвета и норковую шапку серого цвета. Когда прилетели в город Моздок, меня скинули с вертолета примерно с 5 (пяти) метровой высоты, где при падении я сломал руку в четырех местах и разбил себе внутренности. Потом до автозака "Газ-66", избивали также чем попало. На автозаке привезли нас в так называемую "вагон-зак тюрьму", где меня посадили отдельно в камеру вагона. В тюрьме нас никто не трогал, не избивал, относились гуманно. По счастливой случайности я встретил знакомого офицера российских войск, дислоцируемых в городе Моздоке. Фамилию и звание этого офицера я говорить не хочу, так как его могут преследовать свои же офицеры, то есть его руководство. Он меня и отпустил, предупредив, что я нахожусь на территории Северной Осетии и чтобы я был осторожен. После чего я прошел от Моздока до станицы

Вознесенской пешком, около 20-25 километров, находясь в тяжелом состоянии. Со станицы Вознесенской люди привезли меня домой. В Назрановской Центральной Республиканской больнице была проведена судебно-медицинская экспертиза о наличии у меня телесных повреждений, где все телесные повреждения письменно зафиксированы. ...

... Еще в станице Ассиновской, когда мы сидели в автомобиле "Урал", с улицы раздался крик: "Мужчина в военной форме - выходи!". Мой товарищ (Чербижев) вышел, раздалось несколько выстрелов; а на мой вопрос: "Что вы сделали с моим товарищем", - мне ответили: "Расстреляли козла". И машина уехала, но с его слов в этот же вечер в 17.00 его освободил знакомый офицер пограничных войск в станице Ассиновской на базе, а база находится в бывшем детском саду станицы Ассиновская, я имею в виду базу российских войск. ...

... Документы у меня были изъяты в тот день, и до сих пор никем не возвращены, удостоверение личности работника милиции, офицерский жетон-номер, загранпаспорт, технический паспорт на автомобиль "Волга", принадлежавший мне, водительское удостоверение, папка с документацией работника ГАИ, из автомашины забрали кассеты с оперативной информацией.»

Свидетельство МУТАЛИЕВА А.И. (жил в Грозном, городок Маяковского, д.70, кв.42):

«Жил в Грозном, семью отправил 19 декабря в город Назрань. Остались с братом. Жили в подвале. 20 декабря брат увез отца. Брат приехал снова. Из Грозного ездили автобусы до Моздока. Решили уехать с вещами в Назрань. 27 января 1995 года выехали автобусом. Через пять километров за городом остановил пост ОМОНа. Офицер зашел в автобус и попросил молодых людей (мужчин) выйти. Тут же обыск, с матом, оскорблениями. В 30 метрах стоял грузовик с будкой. Повели туда с вещами (4 чемодана и сумка). Вещи не взяли. Сказали, что мы - мародеры. В машине уже сидели 5 человек, которые ночевали в машине, обобранные без объяснений. На наших глазах носили ящики с алкоголем. Спирт, который был у нас, тоже забрали (1 бутылка).

В 2 часа дня в машину, где находились уже 33 человека, сели пьяный офицер и солдат. Возле машины стояли два БТРа. Офицер сказал: "Там расстрелять, в Знаменке". Поехали. Через 200 метров машина начала вилять (водитель был пьяный) и перевернулась. Мы с братом остались сверху. Ждали выстрелов. Среди нас было 3-е ингушей (один был Гандалов Магомед, живший в г. Малгобеке, ул. Толстого, 3/52). Остальные были чеченцы. Если бы кто-то выскочил, то в нас стали бы стрелять. Солдаты охраны были испуганы. Было много раненых. Выбили люк, вывели на снег, уложили на землю. Было много раненых. Военные перевязали. Тех, у кого были переломы, отправляли в 15-ый молсовхоз, в больницу. С матом, в колонне по 3, погнали

обратно. В одном овраге заставили сесть. 4 часа сидели в яме. Солдаты были из разных родов войск. Один даже принес хлеб и тушенку. Другие наоборот. Немного успокоились. В 4 часа дня вывели на дорогу и связали руки канатом. Получились 2 шеренги со связанными руками и между собой. С матом погнали к машине "УРАЛ", куда мы сами не смогли залезть. Нас заташили туда. 25 человек. Предупредили, чтобы мы не двигались.

Приехали на пост Долинский. Потом еще немного. Открыли тент, увидели 2 вертолета. Нам дали есть и связанными кинули в вертолет. Всех 25 человек. В вертолете началось самое страшное. Уложили на пол, матерились, били, угрожали. Взлетели, голову поднимать было нельзя. Ходили и прыгали солдаты прямо по нам. По моим рукам шарили, искали часы, ударили в висок. Стали всех грабить, обшаривая карманы. У меня отобрали 100 тыс.рублей. Через 40 минут вертолет сел. Я думал, что в Моздоке. Очень боялись, что отдадут осетинам. Встретили такими словами: "Привезли пленных боевиков". 30 человек Внутренних Войск. Все высокие и крепкого телосложения. Впоследствии, они признались, что были контрактниками (Запорожье, Волгоград. Самара). Нас выгрузили, били на земле прикладами, ногами. Меня уволокли в сторону, били 6 человек, стараясь попасть по лицу, около 5 минут. Каждого из нас били не меньше пяти человек. Подогнали "воронок". Тех, кто терял сознание, приводили в себя. Перед машиной меня снова били ногами. Закинули в "воронок" более 20 человек. Наши лица было трудно узнать. Повезли. В "воронке" оказывали психологическое давление. Везли 15-20 минут. Подогнали машину прямо вплотную к вагону, опять побили и загнали в плацкартный вагон. В купе нас напихали 23 человека. Руки онемели, развязались сами. По одному стали выводить в другое купе и раздевали там догола. Освещая мощным фонарем, искали мозоли на руках и плечах (от автомата). Спрашивали: "Где воевали?". Опять рассовали по купе. Нас стало 12 человек в купе. Дали сухари и воды в бутылках от сока.

Солдаты в охране были разные: жестокие и не очень. Никто не спал. В 8 часов повели в туалет. Солдаты ВВ все в масках, друг друга по именам не называли. Вели в туалет, как зеков, под конвоем, бегом, с руками за спиной. Если кто-то не нравился стоящему у туалета солдату, тот бил. Унизительно спрашивали: "По какой нужде?". Давали 10 секунд. Обратно в купе тоже бегом. Если замешкаешься, то бьют дубинками. Если в туалете в баке не возьмешь воды, то оставишь без воды тех, кто в купе.

За все время, с 27 по 31 января, нам дали по банке рисовой каши с мясом на двоих (250 г). Очень хотели накормить свининой, но ее не оказалось. В основном, были сухари, которыми нас кормили все эти

дни. На второй день появились следователи (5 человек). По фамилии вызывали. Допрос: самые неожиданные вопросы о том, где воевал, где находятся массовые захоронения, где командиры. На побои не обращали внимания. Допрашивали каждый день новые следователи. То, что записывали, иногда давали читать, иногда - нет. Вверху листа было написано "Объяснение" (не протокол), "Число, Моздок, ГУВД"- стояло внизу листа. Во время допроса даже предлагали воды, закурить. Спрашивали: "Сколько за тебя могут дать денег твои родные?". "Пусть твои родные купят у Дудаева русского и на тебя обменяют". Сказали, что будут держать до выяснения личности. На третий день стали мягче разговаривать, стали снимать маски. Стали даже разговаривать. 30 января после обеда отпустили двоих. Мест было 6 на 12 человек. 31 января в 11 часов стали вызывать по фамилии. Через решетку в окне отдавали изъятые. Заставляли подписывать бумагу, что не имеем претензий. Выдали справку номер 34. Выпускали под роспись. Гандалоев вышел раньше. Осталось 3-ое. Выпустили во 2-м часу. Вернули то, что забрали в вагоне. Вывели из вагона, мы не знали где, но было много угля, дрова, забор, вроде базы. Недалеко от автостанции это было. Женщины какие-то нам подсказали. Перешли железную дорогу направо и вышли на автобусную остановку. ...»

Документ:*

Справка № 34

Дана - Муталиев Амерхан Исраилович, 1965 г.р., уроженцу г. Грозного, проживающему - г. Грозный, Маяковского 70-42, в том, что он с 27.01.95 по 31.01.95 содержался в фильтрационном пункте г. Моздока для установления личности и в настоящее время следует к месту постоянного жительства - Назранский р-он, село Экажево.

(Справка действительна в течение семи суток) начальник фильтрационного пункта г. Моздока подполковник милиции В.Н. Самарин. 31 января 1995 г.

Печать: комендатура Республика Северная Осетия
Временная администрация Моздокский район.

Свидетельство Дахкильговой Л.Х.:

* Подлинник документа находится в архиве Ингушского «Мемориала» - М.Я.

«В г.Москву я с мужем Т.Дахкильговым (1967 г.р.) приехала в феврале 1995 года из г.Грозного, так как там оставаться было нельзя из-за продолжающихся военных действий.

В 1996 году мы оба устроились на работу на московскую фабрику "Красный суконщик"; я - контролером ОТК, Тимур - красильщиком волокна в красильном цехе. В этот цех он пошел работать, так как зарплата там выше, чем в других цехах фабрики в связи с вредным для здоровья технологическим процессом. (Работа с различными красителями и кислотами с вредными испарениями, муж получает за эту работу 1100-1700 рублей в месяц).

Как рабочим фабрики нам предоставили для жилья комнату в ведомственном общежитии "Красного суконщика".

Зарегистрировались мы на квартире моего родного брата - Саутиева Бекмарза Хамитовича (1961 г.р.) - и много времени проводили в его семье, так как в общежитии фабрики нет горячей воды и других удобств. Что создавало большие проблемы: у нас двое детей - пяти и двух с половиной лет.

После первого взрыва жилого дома в Москве на улице Гурьянова 10 сентября с.г. на квартиру моего брата - Саутиева Бекмарза Хамитовича, проживающего в г.Москве с 1979 г., пришли с проверкой паспортного режима сотрудники местного отделения милиции Северное Бутово.

На следующий день, 11 сентября, позвонили из отделения милиции и предложили Саутиеву Б.Х. и Дахкильгову Т.Б. прийти в отделение. После прихода в отделение у них с рук были сняты отпечатки пальцев, обоим сняли также в профиль и в анфас на фотопленку.

13 сентября Тимур был на работе с 7.00 до 15.30. В 16.30. в общежитие, в нашу комнату, прибыли сотрудники отделения милиции Северное Бутово и попросили проехать с ними в отделение "для беседы". После чего в отделении его задержали. Меня в момент задержания дома не было. Узнав о происшедшем, я выехала в отделение милиции в Северное Бутово. Туда же через некоторое время пришел мой брат - Саутиев Б.Х.

Моего мужа допрашивали в кабинете 305 отделения. О чем идет разговор и в чем его подозревают, мы не знали: никто из сотрудников отделения не давал никаких разъяснений. Говорили, что у него на руках обнаружены следы химикатов. Мы объяснили, что Тимур работает в красильном цеху.

Примерно в 23.00. с экспертом из отделения милиции мы вернулись в общежитие, где были взяты какие-то пробы с ручек дверей комнаты и холодильника.

13-го же сентября в момент, когда я со своим братом Саутиевым находилась в отделении милиции, на его квартиру прибыла группа лиц в гражданской одежде и, не представляясь, произвела обыск с использованием служебной собаки. Произведенный ими обыск не выявил каких-либо взрывчатых веществ, оружия, боеприпасов, наркотических и прочих средств. 14-го сентября я была на приеме у начальника РОВД Северное Бутово. Он меня успокоил, сказав, что во всем разберутся и через три дня мой муж будет дома с детьми. А пока я имею право передать передачу. Когда я с передачей подошла к дежурному отделения, последний мне грубо ответил, что он занят и ему некогда говорить со мной. Я спросила: "Сколько мне ждать?". Он ответил: "Вам надо, вы и ждите". Я стала просить все-таки передать продукты моему мужу, так как он находится в отделении второй день без еды и т.д. Мне ответили, что ничего страшного, если не поест. Дежурный заставил меня искать следователя, чтобы я получила разрешение на передачу продуктов. Когда разрешение было получено, я вновь пришла к дежурному. Он спросил меня фамилию задержанного. Я назвала фамилию мужа: "Дахкильгов". "Это который чечен?" Я ответила: "Нет, который - ингуш". "Будешь много выступать, поедешь на историческую родину".

16 сентября я с детьми находилась на квартире своего брата Б.Саутиева. Примерно в 22.30. в квартиру ворвались 11 человек в штатском, вооруженных огнестрельным оружием, представившихся сотрудниками ФСБ. Сразу же надели наручники на Б.Саутиева и стали производить обыск в квартире. Когда мы заявили, что необходимо пригласить понятых, нам ответили, что у них есть свои понятые. Во время обыска у одного из сотрудников зазвонил мобильный телефон, он уточнил мою фамилию и ответил в трубку: "Она здесь". После безрезультатного обыска в комнатах и на кухне один из сотрудников ФСБ стал с супругой Саутиева - Назией - обыскивать ванную комнату. В какой-то момент, попросив Саутиеву выйти из ванной по причине тесноты, у сотрудника ФСБ оказался в руках пистолет, завернутый в целлофановый пакет. Он сказал: "Вот, я его нашел!". Саутиева тут же закричала: "Что вы делаете, как вам не стыдно?!". Тут же поднялся крик обыскивающих: они стали оскорблять Саутиеву. Особенно усердствовал старший в этой группе, пожилой седой мужчина в светлом плаще. Он прикрикнул на нее: "Ты, сука, чего раскудахталась, закрой

рот б...дь". Этот человек позже давал в телесюжете интервью, стоя спиной к камере. После этого обыска пропал паспорт Н.Саутиевой.

Я все это время стояла в прихожей с двумя сотрудниками ФСБ, которые не позволяли мне подойти ближе к ванной. Я повернулась в сторону к комнате, в которой находился мой брат, и сообщила ему, что нам подбросили пистолет. Сотрудники ФСБ накинулись на меня с теми же словами и оскорблениями, которые раньше говорили Нази. Когда я сказала, что нас хорошо знают наши соседи и никто им не поверит, они говорили: "Да вас бабки в клочья разорвут как только вы выйдете на улицу".

Сотрудник, подбросивший пистолет, попытался завернуть его в мой носовой платок. Я стала возмущаться, и он вынужден был завернуть его в кусок марли, взятой в кухне Саутиевых.

Около 1 часа ночи меня и моего брата Б.Саутиева вывели из квартиры, заявив, что везут в следственный изолятор в Лефортово. Во дворе на глазах у соседей по дому произвели обыск в автомашине моего брата, не давший никакого результата. После обыска в автомашине нас повезли в район Южное Бутово, где находится принадлежащий моему брату магазин "Мясная лавка", весь последний год закрытый. Ранее, 13 сентября, помещение магазина в связи с указанием властей о проверке всех пустующих помещений по заявлению Б.Саутиева было проверено сотрудниками местного отделения милиции. Сотрудники ФСБ вторично произвели обыск в помещении магазина и, ничего противозаконного не обнаружив, опечатали его. Во время обыска один из сотрудников ФСБ, став ко мне лицом, демонстративно помочился. Двое сотрудников ФСБ, производивших обыск в магазине, вынесли из него напольный вентилятор импортного производства. После обыска в магазине вместо Лефортово нас привезли в отделение милиции в Северное Бутово, где держали в дежурной части в коридоре, поставив лицом к стенке. Через какое-то время я услышала голос своего мужа и оглянулась. Его повели в один из кабинетов, и больше я его не видела.

Примерно через час Б.Саутиева завели в кабинет на допрос. Я осталась на месте. Все время рядом с нами находились двое граждан в штатском из тех 11-ти человек, которые проводили обыск в квартире моего брата. Когда я осталась одна, было около 4 часов ночи. Эти двое стали меня оскорблять, говорили разные нецензурные слова, в том числе: "Тебя е... размазать тебя надо, сука". Я возмущалась, говорила, что я беременна, но это их не останавливало. Там же я узнала, что в Петербурге взорван еще один дом. Охранники обвиняли в этом меня, говорили: "Вы еще один дом взорвали?!..." Уже под утро ко мне пришла женщина-

следователь, допрашивавшая моего брата. Мне вернули мой паспорт и сказали, что я могу идти домой. Я сказала ей, что боюсь, как бы меня не убили по дороге.»

.....

19 июля 2001 года
Москва, Кремль
Президенту России В. В. Путину

Уважаемый Владимир Владимирович!

7 июля 2001 года на территории Джейрахско-Ассинского государственного и природного музея-заповедника военнослужащие 58-ой армии проводили учения, повлекшие за собой разрушения памятников архитектуры раннего ингушского средневековья.

Указом Президента Российской Федерации музей-заповедник внесен в Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения. (Указ № 176 от 20 февраля 1995 года).

В результате обстрелов боевых вертолетов ракетами снесен наиболее сохранившийся древний надземный склеп Некрополя.

Земляные работы (выкопанные траншеи, окопы, рытье котлованов под укрытие бронетехники), снятие верхнего дернового слоя в непосредственной близости к храму "Тхаба-Ерды" (памятник IX-XII вв. н.э.) способствовали оползневым процессам и смещению почвы. Что и привело к новым разрушениям исторических объектов заповедника.

Перед лицевой стеной уникального храма оборудовано стрельбище, задником которого является фронтальная стена "Тхаба-Ерды". Расстояние между мишенями и храмом не превышает 80-100 метров.

По указанию полковника Макаревича, который руководил учениями, камни разобраных древних построек использованы для выкладывания агрессивных надписей: "Мы служили и будем служить на Кавказе", "Если не мы, то - кто?..."

Кроме того, камни использованы для построек дотов и дзотов на всей территории заповедника.

Военнослужащие 58-ой армии, ничтоже сумняшеся, у стен храма сделали открытый нужник.

Последовавшие после актов вандализма в горной Ингушетии заявления руководства 58-ой армии не соответствуют действительности и опровергаются многочисленными свидетельствами очевидцев.

Мы обращаемся к Вам как гаранту Конституции, призванному обеспечивать права на сохранность уникального исторического материального наследия народов Российской Федерации.

Исторические памятники раннего ингушского средневековья являются сокровищем всего цивилизованного человечества, а поэтому варвары в военной форме, прикрываясь лживыми и некомпетентными

отговорками, дезинформируя общественность и руководство страны, дискредитируют имидж России.

Просим Вас, уважаемый Владимир Владимирович, тщательнейшим образом лично разобраться в этом преступлении и принять соответствующие меры.

Представители творческих и общественных Союзов Ингушетии: Дауд Оздоев, Марьям Яндиева, Руслан Наурбиев и др.

«Разножанровые», но вопиющие по своему содержанию приведенные выше источники - часть ингушской истории «демократической» фазы развития России конца XX - начала XXI веков. И нам неприлично отмежевываться от этого кошмара, оправдываясь тем, что ничего не могли, не влияли на события и т.д. ... Мы все жили в это время, когда убивали, калечили, насиловали других ингушей и ингушек!!!

Не случившаяся и несбывшаяся жизнь нескольких поколений ингушей - вина государства и конкретных исполнителей воли этого преступного государства, в котором нам исторически предначертано было жить. Но если нашим отцам и дедам тотально, поголовно было опасно сопротивляться, высовываться, и т.д., то нам, сегодняшним, в основной своей массе физическое истребление уже не грозит (что могли с нами сделать, - сделали в 1992 году, кроме того, Совет Европы теперь знает о нас...). А потому, как мы можем сегодня, в XXI веке, не избрать путь свободы от карательной системы, абсолютно конкретно воплощенной в двух ведомствах: МВД и ГБ (ныне называемом ФСБ)?

К этим двум «конторам» весь ингушский народ имеет полное демократическое право сегодня предъявить общенациональный иск за геноцид 1944-го и 1992-го годов. А отнюдь не привечать в качестве Президентов представителей этих «контор», пусть даже и этнических ингушей.

Что мешает нам, сегодняшним ингушам (осведомленным и в отличие от наших несчастных отцов хоть как-то узнавшим мир вне Кавказа и России), без липкого страха и ущербного сознания своей как бы вторичности (внушенной старой и новой имперской идеологией) спокойно и вполне законно выбрать достойный и единственно (в данной действительно альтернативной ситуации) перспективный с точки зрения будущей национальной истории путь?! (подчеркнуто мной. - М.Я.).

Я уверена, - ничто не мешает. Даже путанные, уже не совсем адекватные действия нашего первого Президента - общевойскового генерала (кстати, любой последующий генерал все равно будет вторичен по определению, это просто будет дурным вкусом), пытающегося в драматической для него ситуации остаться влиятельной фигурой.

Даже внешне эффектные и самоуверенные (подкрепленные солидными финансовыми потоками) публичные и кулуарные (по домам, похоронам, свадьбам, базарам) акции «олигарха» старой «волны», подпирającego милицейского брата-генерала.

Даже весь мощный «чекистсковоысковой» ресурс, призванный обеспечить прохождение в «отцы» ингушского народа генерала госбезопасности. Телекартинки с благословением «старшего

кремлевского брата» - коллеги «по цеху» вкупе с вызывающими кульбитами предполагающегося «первого нового олигарха» (если чекистский генерал станет Президентом), работающего в ЮФО инспектором (в свое время отлученного от кормушки «Ингушетии молодой», а потому насмерть обиженного) - все это не должно вводить ингушского гражданина в заблуждение.

Его (гражданина) не должно дезориентировать даже шокирующее по своей очевидности поведение главного муллы Ингушетии, словно мобилизованного благостно освятить стремительное пришествие чекистского «мессии» (перенос праздничного дня в мусульманском календаре ради сопровождения и участия в кремлевском радении - событие, безусловно, экстраординарное даже для экзархов РПЦ, традиционно «обслуживающих» нужды верховной власти России).

В 2004 году грядут выборы Президента России, и сегодня уже отнюдь не факт, что «мистер» Путин плавно продолжит шествие в подаренной ему Ельциным должности. Много политических, экономических, военных, международных и пр. предвестников позволяет нам сегодня не трепетать в полузабытом советском страхе «обреченных на заклятие». Другое время на дворе, господа соотечественники! Оно действительно другое. ...

Нам упорно навязывают силовых генералов, чтобы продолжать свою бездарную, преступную и в итоге бесперспективную политику в Чечне прежними методами террора и подавления.

Два генерала-ингуша мобилизованы отнюдь не для решения насущных и священных задач Ингушетии, а для затянувшихся геополитических имперских игр на Кавказе, в которых нам, ингушам, не предусмотрено самодостаточной и самооценной перспективы. И эти «два товарища» обязаны будут в «час X» выполнить любой (!!!) приказ своего московского вышестоящего начальника. (подчеркнуто мной. - М.Я.).

Задумаемся над этим очень серьезно и сделаем свой свободный и достойный нашей трагической национальной истории выбор. Потому что пристальный и почти укоряющий взор предков, вымостивших своими жизнями наш путь в новый век, следит за нами внимательно и сурово. ...

Март 2002 года.

ИСТОРИК С.К.БАБАЕВ И ЕГО МОНОГРАФИЯ «К ВОПРОСАМ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И РЕЛИГИИ БАЛКАРСКОГО И КАРАЧАЕВСКОГО НАРОДОВ»

История карачаево-балкарского народа пополнилась еще одним ценным монографическим исследованием. Его автор С.К.Бабаев, по образованию историк и юрист, участник Великой Отечественной войны, свыше 50 лет прослужил в советской армии и органах внутренних дел на оперативных и командных должностях, генерал-майор в отставке был награжден двадцатью двумя орденами и медалями страны, являлся заслуженным работником МВД СССР.

Султан Кайтмурзаевич около десяти лет был членом Ученого совета Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института (ныне – КБИГИ). При жизни издал ряд научных работ и монографических исследований по истории, языку и религии карачаево-балкарского народа, проблемам его происхождения, осетино-балкаро-карачаевских языковых схождения, о роли персидского языка в развитии языка балкарцев и карачаевцев, борьбе населения Балкарии против полчищ Тимура и др.

С.К.Бабаев имеет монографию «О происхождении балкарцев и карачаевцев» (1960 г.). Он - один из авторов «Очерков истории балкарского народа» (1961 г.), член редколлегии сборников: «Документы по истории Балкарии» (1962 г.), «За власть в Кабардино-Балкарии» (1967 г.). Его научные статьи «К вопросу о тюркоязычности скифов, алан и асов», «Древние болгары на Кавказе», «К вопросу о происхождении названия «Анты», «О христианстве в Балкарии», «О борьбе населения Балкарии против полчищ Тимура», «Из истории карачаево-балкарского языка» и «О памятниках истории и культуры Верхнего Чегема» написаны на основе научной методологии, глубокого анализа исторических источников, лингвистических материалов, результатов археологических, географических, этнографических и других исследований. Они вызвали живой интерес у общественности, студентов, преподавателей истории, нашли широкое обсуждение в научных кругах. Явились продолжением того серьезного разговора, который состоялся в 1959 году в г.Нальчике на первой Всесоюзной научной конференции, посвященной вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев, где одним из основных докладчиков являлся Султан Кайтмурзаевич.

Последняя книга С.К.Бабаева «К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов» вышла в свет в 2000 году, к сожалению, после смерти автора, которому, видимо, не суждено было

увидеть плод своего многолетнего труда. Она состоит из семи глав, которые включают в себя ряд историко-этнографических очерков по вопросам истории, языка и религии карачаево-балкарского народа.

Первую главу своей монографии автор назвал «К вопросу о тюркоязычности скифов, алан и асов». Данная проблема давно является спорной и приковала к себе внимание достаточно широкого круга исследователей. Различные мнения высказываются языковедами и историками, порою даже взаимоисключающие. Одни ученые продолжают считать, что тюркизация алано-асского населения Северного Кавказа якобы началась только после татаро-монгольского нашествия, другие признают это мнение ошибочным и подтверждают свои доводы многими фактами со времен появления на Северном Кавказе ираноязычного и тюркоязычного населения. К числу последних принадлежит и С.К.Бабаев, который, анализируя конкретные факты, содержащиеся в трудах Л.И.Лаврова¹, Е.И.Крупнова², М.И.Артамонова³, В.Г.Гризенгаузена⁴, А.Н.Аристов⁵, Э.Н.Эйхвальда⁶, Геродота⁷, В.В.Латышева⁸, М.Д.Агбунова⁹, М.З.Закиева¹⁰, Л.А.Ельницкого¹¹, В.Г.Георгиева¹², Н.З.Гаджиевой¹³, С.Е.Малова¹⁴, Птолемея¹⁵, А.Г.Кузьмина¹⁶, заключает, что тюркоязычные племена находились именно в составе скифов. Предполагает, что скифо-сарматы за период своего совместного проживания здесь смешались с аборигенным населением Северного Кавказа и подвергли его основательной сарматизации. Одновременно продолжался и процесс тюркизации аборигенного населения и самих скифо-сарматов. С.К.Бабаев полагает, что «люди тюркского племени» являлись основой для проведения не менее основательной тюркизации населения региона¹⁷. В подтверждение тому автор приводит перечень скифских слов, скифские названия некоторых богов, которые входят в словарный фонд карачаево-балкарского языка и, в основном, с теми же значениями, что и в скифском. Очевидно то, что все эти слова объясняются только с помощью карачаево-балкарского языка.

«Наличие этих скифских слов в карачаево-балкарском языке, - утверждает С.К.Бабаев, - свидетельствует о связи языка скифо-сарматов с языком балкарцев и карачаевцев. Они проникли в этот язык благодаря их носителям, проживавшим более двух тысячелетий тому назад на территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа и хранились в нем до сих пор с некоторыми различиями в семантике»¹⁸.

Племена алан и асов, как известно, на Северном Кавказе впервые появились в начале первого века нашей эры. Здесь они встречаются с родственными скифо-сарматами и аборигенами, между ними существовали тесные взаимоотношения, которые положили начало усилению тюркизации населения. По мнению историка С.К.Бабаева, все эти племена объединились вокруг крупных этнополитических союзов алан и

асов. В их состав входили ираноязычные аорсы, сираки, массачеты, асианы и потомки аборигенов края¹⁹.

При своем появлении на Северном Кавказе, аланы и асы встретились со своими предшественниками скифо-сарматами, в том числе с «людьми тюркского племени», аборигенами региона, тюркоязычными печенегами, а также с авирами, появившимися в восточной части Северного Кавказа еще во II в., и продолжали начатые ими процессы взаимосближения. В этот период аланы, асы составляли значительную часть населения региона. До гуннского нашествия в конце IV в. они осуществляли контроль над предкавказскими равнинами. После гуннского нашествия вынуждены были сдвинуться в более безопасные места, в предгорья Кавказа, подвергнуть коренной ломке свое хозяйство.

Еще в до гунскую эпоху в первых веках нашей эры были широко известны тюркоязычные болгары Великой Болгарии, Восточной Европы около Майотидского озера на реке Кофине (Кубани – С.Б.). О их языке, культуре и религии сообщают компетентные источники²⁰.

Будучи одной из самых ранних тюркоязычных групп, после распада Великой Болгарии часть болгар под натиском хазар ушли в Подунавье и там создали Дунайскую Болгарию, а часть – на среднюю Волгу, где принимали активное участие в образовании Волжской Болгарии. Оставшаяся на Северном Кавказе часть болгар во главе со старшим сыном Кубрата Батбаем были захвачены хазарами и включены в состав Хазарского каганата. Такая же участь постигла и алан-асов. В 965 году после разгрома киевским князем Святославом Хазарского каганата северокавказские болгары и аланы получили свою самостоятельность.

Болгары, хазары и алано-асы говорили на печенежском языке свидетельствуют одни исторические источники. В частности, знаменитый средневековый ученый Аль-Буруни (973-1048 гг.) писал: «Род аланов и асов и язык их теперь смешанный из хорезмийского и печенежского»²¹. В.Ф.Миллер выразил: «Убеждение, что название аланов соответствует тому народу, который наши летописи называли ясами, существовало и у древних книжников. Доказательством этому может служить следующее. У Иосифа Флавия (I в. по Р.Х.) в «Иудейской войне» об аланах говорится, что «народ аланы есть скифское племя, живущее у Танаиса и Меотийского озера»²². Известный арабский географ и путешественник XIV в. Абульфеда оставил: «... на восток от абхазов живут аланы и асы, которые являются тюрками и исповедуют христианство»²³.

Другие говорят об усвоении аланами тюркского языка еще до появления на Северном Кавказе, о сильной тюркизации алан и асов болгарами в Приднепровье, на территории Днепровского левобережья и в Посемье²⁴. Ю.В.Кулаковский полагает: «Аланы имели отношение к Азии не только в XIII-XIV вв., но и в древнее время. Быть может, они были тем арийским народом Средней Азии, который подвергался тюрк-

скому влиянию, усвоил себе тюркский язык и вошел в состав тюркских племен, как признают специалисты по востоковедению о киргизах»²⁵. По этому поводу С.А.Плетнёва пишет, что «языком алан, живущих в Итиле, было смешанное хорезмийско-печенежское наречие. Следовательно, даже ираноязычные аланы восприняли тюркский язык»²⁶. Известный тюрколог М.А.Хабичев считает, что «аланы делились на тюркоязычные и ираноязычные племена»²⁷. О тюркизации части иранских племен в VIII-XII веках писали и другие ученые, в том числе Бартольд и Артамонов.

Тюркизация населения особенно усилилась с появлением на Северном Кавказе гуннов в 375 году, а затем и других тюркоязычных народов²⁸.

В формировании балкарского, карачаевского, осетинского и других народов Предкавказья принимали участие аборигены Кавказа – носители кобанской культуры. До появления здесь ираноязычных и тюркоязычных племен существовал единый кавказский этнический субстрат²⁹. Это подтверждают установленные С.К.Бабаевым на территории Балкарии 190 топонимических названий. Анализируя встречающиеся здесь памятники истории и культуры, он приходит к выводу, что они являются плодом носителей культуры тюркоязычных алан, асов и тюркоязычных болгар, то есть предков современных балкарцев и карачаевцев.

Сравнивая иранский и дигорский диалекты с карачаево-балкарским языком, автор книги обнаруживает большую близость иронского диалекта к карачаево-балкарскому языку по сравнению с дигорским диалектом. На основании исторических фактов доказывает, что на территории Балкарии и Карачая проживали не осетины, а аланы и асы – один из основных компонентов в образовании балкарского и карачаевского народов³⁰. Это подтверждается и наличием в карачаево-балкарском языке 800 слов, общих с персидским языком, абсолютное большинство из которых отсутствует в осетинском языке³¹. Безусловно, в развитии и становлении карачаево-балкарского языка эти слова сыграли огромную роль.

Очевидным является и длительный процесс борьбы между персидским, тюркскими языками и языком аборигенов, сопровождавшейся периодами двуязычия. В образовании балкарского, карачаевского, осетинского народов, формировании их языков участвовали ираноязычные и тюркоязычные аланы, асы, «черные болгары» и аборигены края, так как установлено, что они долгое время жили на одной территории. С.К.Бабаевым выявлены около 900 общих слов, одновременно обслуживающих осетинский и карачаево-балкарский языки³². Методом сопоставительного изучения лингвистами установлено, что в словарном составе карачаево-балкарского языка имеется около 1500 слов, входя-

ших в состав персидского и осетинского языков. Около половины из них одновременно обслуживают карачаево-балкарский и персидский языки, 66 слов оказались в осетинском языке. На основе анализа автор монографии С.К.Бабаев полагает, что в этногенезе балкаро-карачаевцев и осетин принимали участие различные, но родственные племена.

О большом вкладе тюркоязычных племен в осетинский язык свидетельствуют слова, означающие общественные отношения, географические и ботанические термины, этнонимы и личные имена в топонимике. Тюркские названия имеют населенные пункты Балта, Кобан, Чикол, Майрамдаг, Эльхотова, даже главная река Осетии Терек происходит из тюркского слова Терк, что означает «Быстрая». Тюркское название имеет и река Гизельдон – «Красная река». Примеров подобного рода множество и с ними никак нельзя не считаться.

Тюркский слой в осетинском языке – не столько результат заимствования из современного языка балкарцев и карачаевцев, сколько – наследие древнего алано-асско-печенежско-болгарского смешения, происходившего в пределах Средней Азии, Причерноморья, Северного Кавказа, особенно Северной Осетии³³. Об этом говорит и лексический материал документа 1422 года, обнаруженного научным сотрудником государственного музея Ангоном Фекете Надь в государственном архиве Венгрии в 1957 году. Более половины слов этого документа являются тюркскими, что дает основание полагать, что к моменту составления разговорника венгерские яссы – один из основных компонентов в этногенезе нынешних балкарцев, карачаевцев и осетин являлись двуязычниками, владели тюркским и иранским языками.

Как считает историк С.К.Бабаев, ирон и дигор не являются порождением кавказского этнокультурного мира. Корни зарождения этих этнонимов – в пределах Центральной и Средней Азии, где и в настоящее время проживает этническая группа, называемая ирони. Ирони проживают на территории Узбекистана – в Бухаре, Дарвазе, Кулябе, Самарканде, Джизаке, Камоши и Навои, в Туркменистане – в Фирюзе, Каахе, в некоторых кишлаках Средней Аму-Дарьи и в Хорезме³⁴. По языку ирони делятся на таджико-и тюркоязычных.

Корни ирон Северного Кавказа и ирони Средней Азии уходят в иронийский этнокультурный мир, они имеют иранское происхождение и состоят в родстве.

Впервые мнение о местном происхождении дигор высказал В.Ф.Миллер, позднее его поддержал В.И.Абаев, который, признавая дигорцев племенем, отличным от алан, ошибочно утверждал об их адыгском происхождении³⁵. Не соответствует исторической правде и предположение В.А.Кузнецова, что основное население верховьев Кубани было меото-адыгским, этноним «дигор» можно считать адыгским по происхождению³⁶. Более правильным является версия известного

археолога Б.М.Керефова «современное название «дигор»-цев представляет собой тюркизированную форму этнонима «тохар»³⁷, она же была повторена на XVI-х «Крупновских чтениях»³⁸.

В исторической литературе дигорцев называют по разному. М.Кашгари (XI в.) называет «тюгер», Рашид ад-Дин (XII в.) – «дукер». Балкарцы называют Дигорию Дюгер, а дигорцев – дюгерли, т.е. дюгерцы. Если этноним «дукер» у самих осетин претерпел изменение и стал называться «дигор», «тигор», «аш-тигор», то у балкарцев он сохранился почти в первоначальном звучании – дюгер, дюгерли вместо «дукер».

Проведенные исследования дают основание С.К.Бабаеву утверждать, что одни из предков дигорцев и балкарцев - родственные тюркоязычные сувары (сабиры) и болгары - еще в древние времена проживали в двух соседних ущельях – Осетии и Балкарии, названия их ущелий, селений, фамилий являются тюркскими³⁹.

Автор монографии приводит веские доказательства тому, что карачаевцы и балкарцы являются потомками аланов и асов, ссылаясь на множество источников, подтверждает их тюркоязычность⁴⁰. И в настоящее время ближайшие соседи балкарцев – осетины называют их «ассиаг» или «ассон», а Балкарию – Ассонта или Аси, т.е. Ассией. Карачай они именуют Стур-Ассиаг, т.е. Большой Ассиаг. Другие непосредственные соседи – грузины – именуют балкарцев басианами, а их страну Басианией, абхазцы осетин называют ауапс, карачаевцев – алани, балкарцев – азухо, т.е. азы, асы. Карачаевцев мигрелы называют алани. Балкарцы себя тоже знают как асов, басиатов и поэтому говорят друг о друге слова: «асыны баласы», т.е. «асы», «рожденный от асы», «дитя асы»⁴¹. Совершенно не является случайностью то, что балкарцы и карачаевцы всегда называли и называют себя аланами, асами и басиатами, а самые близкие соседи – осетины, грузины, абхазцы и мигрелы именуют их басиани, азухо и алани, т.е. аланы и асы. Территории балкарцев и карачаевцев населяли их предки - тюркоязычные асы и аланы, болгары, а до них – скифо-сарматы, в том числе «люди тюркского племени» и аборигены края, но никак не осетины. В данном случае под территориями подразумеваются горные ущелья, где заметной смены населения исторической наукой не зафиксировано.

Со времен Страбона (I. в. н.э.) до времен князя Андрея Боголюбского (XII в.) имя болгары смешивается с именем асы, под этим именем на Кавказе жили потомки «черных болгар» (современных балкарцев)⁴², которые приобрели многие кавказские и кипчакские черты в культуре, хотя сохранили (в трансформированном виде) тюркский язык⁴³. Являясь государственным и языком международного общения в золотоордынский период, кипчакский язык не мог не оказать влияние на карачаево-балкарский, основу которого составляет древнетюркский язык печенежского толка. Тюркизация же населения началась еще

«людьми тюркского племени» во времена Александра Македонского, продолжалась гуннами, болгарями, сабирами, хазарами, огузами, печенегами, тюркоязычными аланами и асами⁴⁴.

Асы в составе болгар за пределами Северного Кавказа принимали участие в этногенезе татар, башкир, марийцев и др. Немалый интерес представляет их взаимовлияние с другими племенами в регионе Волго-Камья.

По мнению историка С.К.Бабаева, чувашский народ образовался в результате смешения тюркоязычных болгар, асов и угрофинских племен, народность бурджан появилась в Поволжье вместе с болгарями, асами, позднее, слившись с асами, стала именоваться буртасами, название хакас состоит из двух слов: хак и ас, где хак на карачаево-балкарском языке означает кертти адам, т.е. «настоящий, истинный человек», слившись с ас, образует этноним хакас⁴⁵.

Завершая главу «К вопросу о тюркоязычности скифов, алан и асов», автор монографии приводит много других примеров и источников, подтверждающих совместную жизнь предков вышеназванных народов на Северном Кавказе, их языковое родство.

Вторую главу «К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов» С.К.Бабаев посвятил древним болгарам на Кавказе. При исследовании данной проблемы он использовал сирийские и другие источники, переведенные на русский язык известными учеными России. В частности, работал над первыми письменными сведениями о болгарях на Кавказе в «Начальной истории Армении» сирийского историка Мар Абаса Катины, написанной на греческом языке и впоследствии переведенной на древнеармянский язык Моисеем Хоренским и Себессом⁴⁶. В одном из отрывков указанного труда говорится о том, что армянский царь Вахаршак (153-133 гг. до н.э.) «созывает диких пришельцев, живущих на северной равнине у подошвы великой Кавказской горы, в долинах, в глубоких продольных ущельях, начинающихся с южной горы до устья великой равнины, и приказывает им отказаться от разбоя, не заниматься угоном людей, а повиноваться царскому приказу и платить подати. Отпустив людей западных стран, он сам спускается на луговые земли близ пределов Шарая, называемые древними Верхним и Безлесным Басеном; (земли), которые впоследствии были заселены переселенцами Вхундурь Булкара Вунда, по имени которого названы Ванандом. Селения (этих переселенцев) до сих пор называются именами братьев и потомков в его (Вунда)»⁴⁷.

В другом отрывке говорится о сыне Вахаршана царе Аршаке (131-118 гг. до н.э.), что «в дни его возникли большие смуты в цепи Кавказской горы, в земле болгаров, из которых многие, отделившись, пришли в нашу землю и на долгое время поселились на юге Коха, в плодородных и хлебных местах»⁴⁸. Из данных источников вытекает, что

в период правления сына Вахаршана царя Аршака часть болгар уже поселилась на юге от Коха в плодородных землях, именем предводителя болгар – поселенцев была названа целая область Армении. Поселение одного из болгарских племен во главе с Вундом на территории Армении подтверждается также топонимическими и гидронимическими названиями⁴⁹.

Достоверность приведенных данных пребывания болгар в Восточной Европе уже в первых веках нашей эры, еще в догуннскую эпоху, факт передвижения одной из самых ранних тюркоязычных групп – болгар к западу от Волги историк С.К.Бабаев доказывает и другими письменными источниками⁵⁰.

В Каспийско-Азовском Междуморье и в Закавказье издавна бытует этноним болгар-болгар-балкар, отдельные их подразделения, носившие этот этноним, были связаны с названиями рек. В этой связи нельзя обойти названия рек Черек-Балкарский и Малка Кабардино-Балкарии и утверждение С.Броневского «балкарцы... получили свое этническое название от реки Малки»⁵¹, которая известна у них под названием Балкъ. Балкарцы говорят: «Балкъ суу бойну», т.е. «устье реки Балкъ». У кабардинцев эта река также известна под названием «Балкъ». «По преданиям известно, - читаем у Шоры Ногмова, - что на берегу р.Малка существовал город Малкана, или Балх»⁵². В.Ф.Миллер писал, что «в названии Черек-Балкар сохранилось то же древнее имя»⁵³. Все эти источники, приведенные в книге С.К.Бабаева, говорят о необходимости проведения в бассейнах наших рек глубоких археологических исследований.

Как известно, болгары географически располагались в приазовских степях, в Прикубанье и западном Прикаспий. Столицей сильного объединения тюркоязычных племен – Великой Болгарии была разграбленная еще в IV в. гуннами Фанагория на Таманском полуострове. «Властитель котрагов и болгар» Кубрат в начале VII в. был признан Византией и «государем» уннугундунов, обитавших за Танаисом и Меотидой, а император удостоил его почетного титула патриция. После смерти вождя созданное им могущественное объединение распалось⁵⁴. Наиболее крупными двумя ордами стали руководить хан Аспарух и его брат Батбай. Тем временем с целью захвата болгарских земель в Северо-Западном Прикаспии, Приазовье, на Кубани и укрепления могущества хазарского каганата на них напали хазары, которые со стороны Аспаруха получили решительное сопротивление. Но его не поддержал брат Батбай. Аспарух со своими подданными вынужден был уйти на Дунай и там основал новое государство – Дунайскую Болгарию. Батбай остался «на родной земле», подчинился хазарскому каганату и платил ему дань. Эти батбаевские болгары в последствии принимали участие в образовании карачево-балкарского народа. Третий брат переправился через Та-

наис и поселился напротив Батбая, четрветый откочевал в паннонию и со своей племенной группой влился в состав аварского каганата, пятый брат дошел до Северной Италии и стал подданным римлян⁵⁵.

Хазарское засилье, а затем и арабские войны вынудили часть болгар, аланов, берсулов и другие племена переселиться во второй половине VII в. из Северо-Западного Прикаспия и остального Предкавказья в Волго-Донские степи. Как полагает С.К.Бабаев, это переселение происходило в несколько потоков.

В третьей главе своей книги Султан Кайтмурзаевич рассматривает происхождение названия «анты».

Как известно истории, славяне и анты считаются прямыми потомками древних венедов. Иордан, Прокопий Кесарийский, Псевдота-Маврикий, Менандр, Феофилакт Симокатта, Магн Аврелий Кассиодор, Иоанн Эфесский и другие писатели VI в. считали антов и славян родственными племенами.

Многочисленные и сильные племена антов занимали юго-запад Восточной Европы. По вопросу происхождения названия анты среди исследователей было много мнений и гипотез. Ф.П.Филин писал: «Мне представляется, что наиболее правдоподобна гипотеза о тюркском (аварском) происхождении имени анты». В известиях писателей VI-VII вв. анты выступают как подчиненные союзники тюрков-авар. Авары, двигаясь в VI в. через южнорусские степи на запад, побеждают некоторую часть славянских племен (ср. летописное известие о нападении об-ров на дулебов и о порабощении последних) и приводят славянских племенных вождей к клятве на союзническую верность. Таким образом, какая-то часть славянского населения в VI в. временно оказывается в отношениях побратимства с аварами. Это вполне подтверждается лингвистическими данными: тюркский ант «клятва», монгольский анда, анд «побратим»⁵⁶.

Исследователи Н.Я.Мериерт, А.П.Смирнов, В.Т. Сиротенко пребывание болгар в Восточной Европе относят к первым векам нашей эры, еще в догуннскую эпоху⁵⁷. По А.В.Гадло «наиболее вероятной представляется трактовка булгар, как одной из самых ранних тюркоязычных групп, передвинувшихся к Западу от Волги»⁵⁸.

К моменту появления в Восточной Европе среди гуннов имелись тюркоязычные орды, которые подчинили себе тюркоязычных акациров, болгар, савиров, утургуров, кутургуров, сарагуров и других, т.е. около полутора десятка племен. Гуннская орда находилась в степях Северного Казахстана и приморья более двухсот лет в окружении сарматских, тюркских и других племен⁵⁹. Тюркизация части сармато-аланского населения началась еще в пределах Азии. В раннем средневековье савиро-болгарские племена, впитав по пути сарматские элементы, пришли га Северный Кавказ дорогами, давно проторенными их предка-

ми⁶⁰. Языком алан, живших в Итиле, было смешанное хорезмийско-печенежское наречие. Тюркский язык восприняли даже ираноязычные аланы⁶¹. Осетинские элементы в балкарском и карачаевском языке — наследие старого алано-тюркского смешения, происходившего во всех ущельях от Черема по В.Кубани до Теберды⁶².

Все это С.К.Бабаев подтверждает данными карачаево-балкарского, осетинского и персидского языков, в которых ему удалось обнаружить более 1600 общих слов⁶³.

Ярким примером союзнических отношений гуннов с антами являются три сражения короля гуннов Баламбера с готами, чтобы освободить от них своих союзников — антов.

По утверждению А.И.Попова термин «ант» тюркского происхождения, является названием обширного племенного союза многих славянских племен, был воспринят и в Византии, и у готов, получил «широчайшее распространение по всей Евразии»⁶⁴.

В тюркских языках «ант» означает «союзник, принесший клятву верности».

С 602 года название антов в византийских источниках исчезло. Исследователи это объясняют тем, что в жизни антов произошел какой-то перелом, вызванный разгромом их тюрками-аварами, «обрами»⁶⁵. По версии С.К.Бабаева, этому скорее всего способствовали условия, сложившиеся в результате гибели гуннской державы простиравшейся от Волги, Северного Кавказа до Рейна, разъединения и последующего истребления тюркоязычных конфедератов кутургуров, залов, савиров и других, подчинения болгар и алан аварам⁶⁶. По его мнению, готы имели военные столкновения с антами еще в конце 70-х годов IV века, только в конце 550-х годов появляются авары в степях Восточной Европы, к тому времени анты под этим именем прожили более полутора столетий, авторами этнонима «ант» могли быть болгары и другие тюркоязычные конфедеранты гуннов⁶⁷.

Как справедливо считает автор книги, большое значение для истории северокавказских народов, особенно балкарцев, карачаевцев, кумыков и осетин имеет письменное сообщение, оставленное Михаилом Сирийским о переселении в VI веке двадцати тысяч болгар в «страну алан»: «пришли в страну алан, называемую Бар Салия, города которой ромеями построены и которые суть Каспий»⁶⁸. Тюркоязычные болгары, переселившиеся в «страну алан», как известно, являются одним из основных компонентов в этногенезе балкарцев и карачаевцев⁶⁹. В различной степени они принимали участие и в образовании армянского, кумыкского, чувашского и других народов.

Слово ант в карачаево-балкарском языке означает клятву, присягу, является олицетворением верности, честности, неизменности и братства. Антлы къарындаш, антлы шуёх, т.е. «клятвенный брат, клят-

венный друг». В понимании народа, как правильно подметил С.К.Бабаев, нарушение анта – клятвы расценивается как поведение, граничащее с тяжким преступлением и именуется дословно: «антын бузгъан» (клятвопреступление)⁷⁰. Выражения «ант кирсин юйюнге», «ант къурутсун юйюнгю» означают пусть в твой дом войдет ант, пусть ант опустошит твой домашний очаг и умертвит семью. Подобные опустошения впоследствии были облечены в религиозную форму и считались Божьей волей, что подтверждает сохранившееся выражение «Аллахны анты жетсин санга», т.е. «да постигнет тебя ант Бога».

Вышеизложенное говорит о том, что у предков балкарцев и карачаевцев в те давние времена наряду с антами – клятвенными друзьями и побратимами были и анты – клятвопреступники, что сохраняется в памяти народа.

Если учесть, что до сих пор не имеется специальных работ, посвященных истории христианства и ислама в Балкарии, то глава «О христианстве в Балкарии» представляет большой научный интерес не только для самих балкарцев, но и для других народов России, особенно для народов Кавказа. В ней С.К.Бабаев анализирует историю христианства в Балкарии, его роль в развитии культуры народа и укреплении феодальных отношений, отстаивание этой религией своих позиций.

На Северный Кавказ христианство впервые проникло из Византии, со стороны Таманского полуострова. Это было в начале VI века. Христианство стало известно аланам с V века н.э. и пришло к ним не только со стороны Тамани, но и из Восточного Предкавказья, полагает С.К.Бабаев. В хронике Захария Ритора (VI в.) говорится, что за воротами (Каспийскими – С.Б.) живут бургары (болгары, участвовавшие в формировании балкарского народа – С.Б.) со своим языком, народ языческий и варварский, у них есть города и аланы, у них пять городов...»⁷¹. Захарий Ритор, особо подчеркивая оседлость алан и болгар, описывает еще пять народов, живущих «на севере» и отмечает, что начало распространения христианства среди этих народов положил прибывший к ним епископ Арана Кардост, а через 14 лет его сменил клирик из Армении по имени Макар.⁷² Распространением христианства на указанной территории занимались миссионеры из Закавказья⁷³.

Первоначально христианство принималось преимущественно знатью алан, адыгов и других народов. Проведение христианизации сопровождалось подкупом вождей, наделением их богатыми подарками и пышными титулами, рассылкой епископов и священников, которые с помощью местной знати распространяли эту религию среди населения. При этом преследовались политические цели – подчинить Византийской империи народы региона и с их помощью расширить сферу ее влияния.

Распространению христианства способствовали экономические и культурные связи Предкавказья и Кавказа с христианскими странами: Грузией, Арменией, Абхазией.

По мнению историка С.К.Бабаева, в районы Балкарии христианство начало проникать в VI веке, после того, как оно значительно укрепило свои позиции в Западном Предкавказье и более двухсот лет господствовало в Закавказье⁷⁴. Свидетельством тому являются христианские погребения могильников Быллыма, Гижгита, Безенги, городища Лыгыт в Верхнем Чегеме и других мест⁷⁵. То, что на этой территории жило христианское население, подтверждает и наличие на ней многочисленных остатков церквей, часовен, христианских храмов и прочих сооружений, а также большого количества крестов и других предметов религиозного культа⁷⁶.

Во второй половине первого тысячелетия н.э. Северный Кавказ стал ареной столкновения трех религий: христианства, ислама и иудаизма. В результате тайной и явной борьбы между ними, победительницей вышла христианская религия. К началу X века в регионе были созданы необходимые условия для широкого вовлечения населения к христианству. Здесь и особенно на территории нынешних Карачая и Балкарии, велось строительство большого количества христианских храмов, церквей, часовен, изготовление крестов с греческими надписями, устанавливались надмогильные каменные плиты с изображением креста⁷⁷. Об успешном распространении христианства среди населения Предкавказья, об основательной его победе свидетельствует и то, что к моменту отставки Николая Мистика (907 г.) аланская кафедра была уже действующей. В этот период аланская епархия под предводительством Константинопольского патриарха Николая Мистика превратилась в основной центр распространения христианства на Северном Кавказе.

Христианская церковь защищала интересы господствующего класса. Она проповедовала идеи единого Бога – вершителя судеб на небе и на земле, обосновала право феодалов на эксплуатацию народа и поддерживала идею централизации.

В период второго патриаршества Николая Мистика (912-925 гг.) христианство уже было воспринято не только феодалами, но и народными массами⁷⁸. На состоянии этой религии отрицательно сказалась разразившаяся при патриархе Клименте война между Аланией и Хазарским каганатом, в ходе которой аланское войско было разгромлено, а царь был взят в плен. После этого по требованию хазар началось изгнание из Алании византийских церковных деятелей. В результате идеологической и экономической борьбы к середине X века северокавказские болгары добились полунезависимого от хазар положения, аланы же – подлинной независимости.

По укреплению христианства среди народов Северного Кавказа Византию в этот период активно поддерживали Грузия, Абхазия, а позднее – Тмутараканское княжество, которое просуществовало до конца XI в. Во все времена на население Балкарии большое влияние оказывала Грузия, имеющая общую границу протяженностью более ста тридцати километров. Регулярные связи между ними осуществлялись через перевалы Главного Кавказского хребта Гезе, Шари, Штулу в Черекском, Твибер в Чегемском, Тонгуз-орун, Азау и Бечо в Баксанском ущелье.

Самым крупным религиозным христианским и политическим центром на Северном Кавказе являлась Аланская епархия, которая подчинялась Константинополю. Об этом свидетельствуют сообщения европейских и восточных авторов. В своем описании мира в 20-х годах XIII века хорезмиец Наджиб Бакран оставил: «страна алан – страна кяфиров», т.е. неверных христиан⁷⁹, Юлиан, побывавший на Северном Кавказе в 1236 году, писал, что в Алании «живут вместе христиане и язычники. Кресту оказывают почтение все «люди местные или пришлые»⁸⁰. Византийский историк начала XIV века Никифор Григора, описывая татаро-монгольское нашествие в первой половине XIII века на Северный Кавказ, утверждал, что аланы «издревле приняли христианство»⁸¹. В.И.Абаев писал: «Арабский географ XIV века Абульфеда говорит, что на восток от абхазов живут аланы и асы, которые являются тюрками и исповедуют христианскую религию... Я думаю, что свидетельство Абульфеды представляет результат точной осведомленности и имеет определенную ценность. Он знал карачаевцев и балкарцев под названием алан и асов и правильно называет их тюрками. До наших дней за территорией Карачая закреплено название Аланы (в устах мегрелов), а за Балкарией – название Асы»⁸².

После 1366 года в официальных церковных документах Аланская епархия уже не упоминается⁸³. В конце XIV века на Северный Кавказ обрушились полчища Тимура, которые уничтожали на своем пути «все живое и мертвое», сжигали «все мокрое и сухое». Как правильно пишет С.К.Бабаев, походы Тимура на долгие годы задержали развитие Балкарии и других районов Северного Кавказа. Они сопровождались не только массовыми убийствами, но и насилием, бесчисленными грабежами, разрушением жилищ, замков, крепостей и башен, храмов, церквей и других христианских сооружений, сжиганием религиозной литературы. Из-за этого на Северном Кавказе надолго прекратились ранее сложившиеся внутренние и внешние экономические, политические, торговые и культурные связи, прервано развитие городов⁸⁴. Христианство было подорвано основательно.

В 1453 году под ударами войск турецкого султана Мухамеда (Мехмеда) II пал Константинополь – столица Византии. Вслед за ним прекратила свое существование вся Византийская империя, вместе с ней

перестал существовать и оплот православия на Востоке. Постепенно стали затухать очаги христианства на Северном Кавказе, были ликвидированы Аланская митрополия и Кавказская епархия. Но и при этих условиях значительная часть населения региона все еще придерживалась христианской религии.

В конце XV века в приморские районы, а к началу XVI века и в глубь Северокавказского региона стали проникать иностранные завоеватели, активно насаждая в среду адыгов, карачаевцев, балкарцев и других народов ислам.

Христианским памятникам Балкарии С.К.Бабаев посвятил специальный раздел в своей монографии.

Истории известно, что средневековая Балкария была богата крупными населенными пунктами, крепостями, замками, башнями и христианскими храмами, церквями и часовнями. Так, в сел. Кюнюм располагалась башня Абаевых, которая в верхней части с двух сторон имела кресты. Около нее сохранились остатки еще трех башен меньшего размера.⁸⁵ В районе Шканти, на левом берегу р.Иртишки находилась башня «Абай-Къала», с двух сторон ее «виднелись углубленные в стену четырехконечные равносторонние кресты». С двух сторон башни Амирхановых тоже были следы крестов.⁸⁶

В этом районе имелись и небольшие христианские церкви, одна из них «Ойт-ойт-къаясы» – с украшениями и надписями. Церкви были расположены в самом центре сел. Шканти. На преддверии одной из них был приделан крест, а под ней в больших сундуках хранились церковные книги и утварь.⁸⁷

Остатки церквей были обнаружены в селениях Курнаят и Шканти на территориях старых могильников, последняя имела близкое типологическое сходство с Нузальской церковью в Северной Осетии.⁸⁸

У Голубых озер, в начале теснины Черекского ущелья, находятся остатки древней каменной постройки, напоминающей храм. На ее стенах имелись «высеченные кресты и кое-где, кажется, греческие».⁸⁹

В Черекском ущелье имелись остатки фресок на стене разрушенного христианского храма.⁹⁰

На стенах церкви в сел. Безенги Хуламо-Безенгийского ущелья были полустертые альфреско «11 ликов угодников божьих и видны полустертые грузинские подписи», а снаружи сохранилось изображение святого Георгия на коне. На могильниках близ этого селения, а также южнее сел. Верхний Хулам, стояли четырехгранные кешене – мавзолеи, около сел. Жабоево – часовня. Два мавзолея-кешене располагались около развалин церкви в сел. Хулам, а у сел. Усхур находились развалины замка Тотур-Къала (замок св. Федора. –С.Б.) с остатками башен и километрового подземного водопровода.⁹¹ У входа в оборонительное сооружение в сел. Жабоево на каменной плите имелся христианский крест.

Результаты многочисленных исследований ученых показывают, что христианство оказало заметное влияние на все стороны жизни карачаевцев и балкарцев.

От церкви на могильнике около пос. Кашхатау «сохранилась фасадная часть стены, на которой были высечены кресты и какие-то надписи».⁹² В трех километрах в сторону Черка Хуламского находились развалины четырехгранного кешене.⁹³ На грунтовом могильнике против сел. Безенги, на правом берегу р.Черк Хуламский, на поверхности одной могилы сохранились надгробные каменные плиты, на двух из них высечены кресты.⁹⁴ На могильнике Кешене-Аллы (в районе пос. Кашхатау)⁹⁵ почти для всех погребений характерна западная ориентировка, близка к этому ориентировка погребенных у сел. Зылгы Черекского ущелья⁹⁶ и на могильнике в районе сел.Хабаз.⁹⁷

«Каменные кресты с греческими инициалами Иисуса Христа»⁹⁸ были обнаружены в Баксанском ущелье на часовнях под названием «Байрым» около сел. Былым и на других часовнях селений этого же ущелья.

В ауле Искильти Чегемского ущелья были обнаружены две церкви. Одна из них – «Артла» стояла на правой стороне р.Чегем, а вторая – на левой и называлась она «Фардык», что соответствует местности Пардык, находящейся на юго-восточной окраине сел. Верхний Чегем. На преддверии одной из церквей было высечено изображение креста. Близ последней церкви, в скале, найден медный нателный крест.⁹⁹ В районе сел. Думала, в местности Бердибий, на могильнике обнаружено более ста надгробных плит с высеченными крестами. Они были аналогичны надгробьям в местности Гевердмен, который расположен в 20 км от Чегема. В старой церкви в ауле Уллу-Эль найдены остатки книг, первым из страниц был листок из Евангелия – на древнегреческом языке, а другие – из греческих церковных книг.¹⁰¹

* Кресты находились в древних могилах и на соседних камнях, в районе ущелья р.Жылгы.¹⁰² На скале близ урочища Уллу-Эль, на берегу р.Чегем был обнаружен подземный ход церкви, запираемой железными дверями. В этой церкви хранились достойные внимания древние книги.¹⁰³

На горе Донгат, в районе сел. Верхний Чегем, обнаружено целое собрание могильных плит с изображением крестов... Кресты высечены четырехконечные, самых простых форм. Такая же могильная плита с изображением креста лежит на берегу р.Джилги... недалеко от места, называемого доселе половым (бабасовым) жильем...

Народное предание гласит, что близ Чегема на горе, в пещерах был когда-то склад христианских книг, у подножия горы сохранились следы прилепленных к скале построек, фундаментов, ниш, стен и т.д., а выше по горе, идет искусственный, укрепленный камнями из извести

карниз. Эта тропинка ведет к пещере, в которой будто бы найдены книги.¹⁰⁴

В Чегемском ущелье одна каменная часовня называлась «Аш элия», в Верхнем Чегеме другая – «Алтын-аш керге», она посвящалась святому Георгию.¹⁰⁵

На восточной окраине сел. Верхний Чегем, в садах, сохранились развалины церкви, которую местные жители называют «Байрым». Развалины второго христианского храма находятся на западной окраине сел. Верхний Чегем, а третьего – в виде склепа сохранились до нашего времени среди землянок на правом берегу р. Жылгысу, которая делит селение на две части. Развалины четвертого храма расположены на небольшой поляне над третьим храмом.¹⁰⁶

Эти памятники христианства датируются X-XII вв. и свидетельствуют, что предки балкарцев длительное время исповедовали христианскую религию.¹⁰⁷

Против сел. Верхний Чегем, на правом берегу р. Кардан, в развалинах двухэтажного здания найдены две плиты с выдолбленными на них крестами. Третий камень с крестом выявлен в ограде одного двора в сел. Верхний Чегем. Четвертый, выдолбленный на скале крест, обнаружен в 2,5 км от сел. Нижний Чегем. Здесь же, на горе Багъуул-сырт находятся развалины небольшой средневековой часовни. На правой стороне р. Чегем, против сел. Актопрак, на горе Мырсы сохранились развалины христианского храма.¹⁰⁸

Территория Балкарии насыщена не только остатками христианских храмов, церквей и часовен, но и многими погребениями в каменных ящиках, деревянных гробах или колодах и мавзолеях-кешене. Эти четырехугольные с двускатной крышей и шести – или восьмигранные с пирамидальной крышей мавзолеев-кешене являются оригинальными памятниками архитектуры. В этой связи особое внимание исследователей привлекает Чегемский район: восьмигранные мавзолеев-кешене у сел. Булунгу, четырехгранные кешене около сел. Думала и одиннадцать кешене на могильнике у сел. Верхний Чегем, из которых семь являются четырехгранными и четыре – восьмигранными.¹⁰⁹

В Верхнем Чегеме обнаружен сложный комплекс средневекового городища из разрушенных жилищ, башен, крепостных стен и укреплений, остатков нескольких железоплавильных горнов, храма, подземного водопровода и двух могильников: одного – с погребениями раннехристианского типа VI-XII вв.,¹¹⁰ другого – в деревянных гробах и каменных выкладках XIII-XIV вв.¹¹⁰

В районе Верхнего Чегема сохранились остатки культовых башен: «Хустос-къала» - «крепость Христа», «Тотур-къала» – «крепость Тотура», т.е. христианского святого Федора и др. На южной окраине

сел. Булунгу, на правом берегу р.Чегем, расположен склеп, именуемый балкарцами «Къач кешене», т.е. «Крестовый склеп».¹¹¹

Вышеназванные и другие памятники древности созданы на территории Балкарии носителями кобанской культуры, алано-асами и болгарями, т.е. предками современных балкарцев.¹¹²

Район верховьев Чегема являлся самым крупным центром христианства в горах Центрального Кавказа. Ученые утверждают, что Кавказская епархия могла находиться только здесь. При этом они исходят из достаточно высокой концентрации христианских и других древностей, а также из данных истории, языка, археологии и этнографии.

Признаком глубокого проникновения христианской терминологии в карачево-балкарский язык является сохранившаяся до сих пор церковная лексика. Название церкви «килиса» пришло к балкарцам и карачаевцам от греческого названия «клисис» (экклисия), а пока они называют «бабас». Христианина балкарцы и карачаевцы называют «крисстен». У них до сих пор сохранилось выражение «крисстенлен ту-угъан крисстен», что означает «крисстианин, рожденный от крисстианина». Они и ныне продолжают исполнять христианский траурный обряд и одеваться в черное при потере близких родственников, друзей и особо чтимых людей. Этот обряд, как правильно заметил С.Бабаев, балкарцы и карачаевцы называют «Къара кийген», т.е. одеваться в черное, траурное.¹¹³

Исключительно с именами христианских святых связаны названия трех дней недели: вторник – «Геуюрге кюн» (день святого Георгия), среда – «бараз кюн» (день святой Параскевы), пятница – «байрым кюн», «майрам» (день святой Марии).

Из двенадцати балкарских названий месяцев года в старинном календаре под влиянием христианства названы девять: январь – «Башил ай» (месяц святого Василия), февраль – «байрым ай» (месяц святой Марии), март – «Тотурну ал айы» (1-й месяц святого Фёдора), апрель – «Тотурну арт айы» (2-й месяц святого Фёдора), май – «хычауман ай» (месяц хычауман – божий месяц), июнь – «Николла ай» (месяц святого Николая), июль – «Элия ай» (месяц пророка Ильи), ноябрь – «Абустолну 1-чи айы» (1-й месяц святого Апостола), декабрь – «Абустолну 2-чи айы» (2-й месяц святого Апостола).

Вышеизложенное, а также другие христианские терминологии и православные названия говорят о глубоком проникновении христианства в среду балкарцев.

Балкарцы-христиане долго боролись против насаждения в Балкарии ислама, тщательно оберегали христианские памятники, церкви, религиозные книги. Три с половиной столетия шла здесь борьба между христианством, исламом и иудаизмом. Окончательный удар по гаснущим очагам христианства на Северном-Кавказе был нанесен в XVIII в.

Да и тогда народные массы Балкарии продолжали исполнять некоторые христианские обряды, ели свинину, длительное время оставались безразличными к исламу.¹¹⁴ В подтверждение к тому С.Бабаев приводит сообщение царевича Грузии Вахушти, местных феодалов Магомета Атажукина, Адильгирея Гиляхстанова, кумыкского феодала Хамзина в Коллегию иностранных дел Бакунину в 1743 году, сообщения И.А.Гильденштедта в 1778 г., П.П.Палласа в 1749 г., И.Ф.Бларамберга, М.М.Ковалевского, И.В.Шаховского и других ученых-путешественников, посетивших Балкарию в разные годы XVIII-XIX вв.

«Ведомость крещенных горцев по 10 мая 1820 года» сообщает, что в «Балкарском приходе численность крещенных 76 домов с 549 душами пола»¹¹⁵.

В январе 1827 года в ставку главнокомандующего войсками на Северном Кавказе генерала Емануела в городе Ставрополе приехала депутация балкарских владельцев. Они уже просили российского императора разрешить им свободное исповедание магометанской религии, сохранение за ними всех их древних обычаев и прав, разбирательства дел по шариаду.¹¹⁶

В последние десятилетия XX века ученые-обществоведы серьезное внимание уделяют исследованию последствий татаро-монгольского ига, особенно-карательных походов Тимура и злодеяний его полчищ на территории Северного Кавказа.¹¹⁷ Их труды, а также научные статьи в обобщающих изданиях по истории республик Северного Кавказского региона внесли весомый вклад в изучение вопроса.

Вместе с тем следует отметить, что до сих пор не имеется специальной работы о борьбе населения Балкарии против полчищ Тимура. Этот пробел решил восполнить балкарский историк С.К.Бабаев отдельным очерком в своей книге.

Территория Балкарии является одним из районов Северного Кавказа, где полчищам Тимура было оказано наиболее упорное и продолжительное сопротивление. Особую стойкость и храбрость в борьбе за свою независимость проявили жители Чегемского, Хуламо-Безенгийского и Черекского ущелий.

Правителем Чегемского ущелья в тот период был Буриберди, т.е. князь Бердибий. Его именем названы местность и камень по правому берегу р.Чегем, упоминания о нем имеются и в сказаниях балкарского народа.¹¹⁸

Другим правителем «эльбурзцев», «асов» являлся Буракан, т.е. Борака – известный владелец крепости, о которой поется в старинной балкарской народной песне.¹¹⁹

При первом своем походе на «эльбурзцев», полагает С.Бабаев, Тимур ставил перед собой задачу разгрома правителей Буриберди (Бердибия) и Буракана (Борака). О вторжениях Тимура в Баксанское и Че-

гемское ущелья рассказывают балкарские предания.¹²⁰ Здесь после погромов, устроенных полчищами Тимура, остались руины храмов, церквей и часовен, полтора десятка различных башен и крепостей с названиями, связанными с происхождением балкарского народа, его древней историей и религиозными верованиями.¹²¹

Но Буриберди (Бердибий) и Буракан (Борака) не были покорены и продолжали оказывать сопротивление.¹²² Это обстоятельство, по мнению С.К.Бабаева, явилось одной из причин второго похода Тимура «в область эльбурзцев», т.е. в верховья Чегема, а оттуда по старинной горской дороге на крепости Кулу и Тауса в соседнем Хуламо-Безенгийском ущельи.¹²³ У тамошних жителей были крепости и укрепления на вершине горы, и пройти туда было чрезвычайно трудно, вследствие высоты их, которая была так велика, что у смотревшего мутился глаз и шапка валилась с головы, в особенности - крепость Тауса, которая на третьем уступе горы, как гнездо хищной птицы, на такой вышине, что пушенная стрела не долетала до нее.¹²⁴ Тимур использовал группу ловких и искусных горовосходителей из племени мекритов, которой приказал искать и исследовать дороги к той крепости¹²⁵, но она доложила о ее неприступности. Тогда Тимур «приказал сделать несколько высоких лестниц, привязать их одну к другой и, поставив их на первый уступ горы, несколькими храбрецами забраться по ним наверх, втащив лестницы, поставить на второй уступ, взойти наверх, снова втащив, поставить на третий уступ горы, на которой находится крепость.¹²⁶ «Другая группа прикрепила концы канатов к вершине горы и спустилась до места, находившегося против крепости. Храбрецы победоносного войска овладели таким образом этой крепостью и умертвили множество людей из племени иркувун».¹²⁷ Именно в таких недоступных местах расположены замки и крепости Хуламо-Безенгийского ущелья. В районе селения Верхний Хулам имеется крутой скальный массив, называемый Скайгы, где на высоте около 150 метров сохранились следы разрушенной стены, скрывавшей обитателей в углублении скалы.¹²⁸

Непреступным укреплением является и комплекс «Тотур-Кала», построенный на трех уступах вершины скалистого кряжа, возвышавшегося над старым селением Усхур. Это укрепление состоит из трех сооружений, связанных между собой и построенных по принципу многоярусного расположения башен, рассказывает в своем очерке С.Бабаев. Его рассказ по существу перекликается с сообщениями средневекового историографа Йезди¹²⁹ и описанием этих мест А.Я.Кузнецовой.¹³⁰

Нахождение Тимура в этих местах убедительно подтверждает и то, что «Акъсакъ Темирни бодуркъусу» - «хромого Темира чучело» (шак) и ныне стоит на возвышенности между Чегемским и Хуламо-Безенгийским ущельями.¹³¹ Развалины строений в местности Чаты Ба-

шы в районе сел. Хушто-сырт носят названия «Акьсакъ Темирни бодуркъусу» - «Сторожка хромого Темира». ¹³² Все это дает основание утверждать, что многие люди «из племен Иркувун» или по-другому – «из области Иркувун» пострадали от Тимура именно на этой территории. ¹³³

После расправы с Кулу и Тауса Тимур направил свои силы против эмира Пулата, в крепости которого укрылся Утурку – один из полководцев Тохтамыша. По описанию С.Бабаева, Тимур со своей армией выехал по Хуламо-Безенгийскому ущелью и, дойдя до Черека Балкарского, прошел через территорию нынешнего сел. Бабугент и двинулся к теснине Черекского ущелья. ¹³⁴ Войска Тимура один день провели в Черекском ущелье Балкарии и после двинулись на крепость Пулата (Булата - С.Б.), которая была расположена на крутом склоне горы левобережья Черека Балкарского. ¹³⁵ «Болат Кала» является самой последней (к юго-западу) по склону горы над аулом Кюнлюм. Она как бы завершает всю оборонительную систему района Черекского ущелья. Крепость находится на почти неприступной скале. Доступ возможен только с северо-восточной стороны... Эта крепость является самой мощной во всей группе сооружений, окаймлявшей старый аул Кюнлюм. ¹³⁶

Как полагают отдельные историки, войска Тимура перед наступлением на крепость Пулата (Булата) останавливались в районе Голубых озер и отсюда «прорубили лес на три фарсаха (18-21 км), проложили путь» к намеченной цели. Тимур написал Пулату (Булату) письмо и отправил его с братом Утурку. В письме говорилось: «Пришли Утурку, скрывавшегося у тебя, если же нет, то я приеду с бесчисленным войском, которое все состоит из львов, поражающих врагов». ¹³⁷ Получив это письмо, Пулат (Булат) ответил Тимуру «У меня хорошо защищенная крепость и средства для войны приготовлены; Утурку нашел у меня убежище, и пока (у меня) душа будет в теле, я его не выдам и, пока смогу, буду защищать и оберегать его». ¹³⁸ В переводе на балкарский язык этот текст звучит так: «Мени ахшы, деменгили сакъланган къалам барды, урушха керекли затла да хазыр этилгендиле; Утурку менде бугъар жер тапханды эм (мени) жаным сау болса, мен аны берлик туйюлме эм къолумдан келген къадар бир аны сакъларыкъма эм къорууларыкъма». Как видно, несмотря на переводы первоначально на персидский, а затем и на русский язык, в приведенном тексте хорошо сохранился колорит балкарского языка.

Ответ эмира Пулата (Булата) вызвал у Тимура «пламя царственного пыла». «После многих усилий, - пишет придворный историк Йедзи, - победоносное войско одолело их и, овладев крепостью, мечом джихада уничтожило многих из этих заблудших. Утурку бежал и ушел в ущелья горы Эльбурз». ¹³⁹

Тяжелейшие последствия оставили кровопролитные сражения войск Тимура в районах селений Верхний Хулам, Усхур Хуламо-

Безенгийского ущелья, Зылгы, Врехняя Балкария Черекской теснины. В двух чрезвычайно жестоких битвах у сел. Верхний Чегем погибло поселение в местности Лыгит, являвшееся «многолюдным и большим средневековым городищем». ¹⁴⁰ Зверства карателей Тимура проявлялись и в других населенных пунктах Балкарии, особенно - в Приэльбрусье. «Огонь гнева (Тимура – С.Б.) так пылал, что сжег и сухое, и влажное, и он разорил и уничтожил все церкви и капища их» ¹⁴¹, – писали Шахи и Йезди. Политика Тимура в покоренных странах заключалась в том, чтобы тысячами истязать, вырезать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей и таким образом наводить ужас. ¹⁴²

Наихудшее положение сложилось в Чегемском и Черекском ущельях Балкарии, где в сражениях с полчищами Тимура погибли в отдельных населенных пунктах почти все взрослые жители. Оказались разрушенными городища, замки, крепости, башни, много жилых и хозяйственных построек, подземные и надземные водопроводы, железнорудное и другое ремесленное производство. Тимур разрушил храмы, церкви, часовни и другие христианские сооружения, сжег религиозную литературу, уничтожил Кавказскую епархию – оплот христианства в горах Центрального Кавказа.

Походы Тимура на долгие годы задержали экономическое, социально-политическое и культурное развитие Балкарии и всего Северного Кавказа.

Научную ценность представляют и последние главы монографии.

В главе «Из истории карачаево-балкарского языка» С.К.Бабаев, анализируя отношение языка «Кодекса Куманикуса» к карачаево-балкарскому, приходит к выводу, что первое не имеет прямого отношения ко второму. ¹⁴³ Но зато он приводит большой перечень материалов, подтверждающих, что древние болгары и алано-асы сыграли важную роль в формировании и окончательной победе тюркоязычного ядра карачаевцев, балкарцев и чувашей.

В главе «О памятниках истории и культуры Верхнего Чегема», ссылаясь на труды и высказывания видных отечественных и зарубежных путешественников и исследователей, посетивших в разные периоды исторические памятники Чегемского ущелья, историк С.К.Бабаев приходит к выводу, что они были созданы на этой территории носителями кобанской культуры, алано-асами и болгарскими, т.е. предками современных балкарцев и карачаевцев. ¹⁴⁴

Приведенные факты большой концентрации христианских древностей и, прежде всего, церквей в районе Верхнего Чегема позволяют исследователю уверенно говорить о локализации центра Кавказской митрополии, учрежденной в конце XIII века именно в этом районе Балкарии. Свой вывод он подкрепляет убедительными данными исто-

рии, языка, археологии, архитектуры и этнографии, подтверждающими глубокое проникновение христианства в Балкарию.

Как представляется, вопрос о видной роли района Верхнего Чегема в средневековой истории и культуре северокавказских народов требует отдельного внимания, более углубленного и детального исследования кавказоведами. Значимость Верхнего Чегема требует к себе внимания не только археологов и историков, но и широкой общественности, населения республики. Ценнейшие памятники культуры столетиями ветшают, рушатся, приходят в абсолютную непригодность, теперь уже дошли до стадии бесследного исчезновения. Думается, преступно быть пассивными наблюдателями такого процесса.

В свою бытность, работая заместителем председателя общества охраны памятников истории и культуры Кабардино-Балкарии, ныне покойный С.К.Бабаев добился от правительства республики принятия постановления о приведении Верхнего Чегема в порядок, реставрации памятников и создании там музея под открытым небом. В документе были обозначены виды работ, сроки, ответственные, источники финансирования. Но, к сожалению, до сих пор по нему не приняты никакие меры. Государственные органы уже, возможно, и не помнят о нем. Общественность тоже молчит.

Выполнение требований указанного постановления правительства КБР способствовало бы проведению дополнительного исследования, глубокому изучению района Верхнего Чегема, определению его места и роли в средневековой истории и культуре северокавказских народов. Возродить и сохранить для потомков уникальное явление человечества – Верхний Чегем с его богатейшими памятниками древности – важнейшая задача современников.

В заключение следует отметить, что историко-этнографические очерки, о которых шла речь в данной статье, написаны С.К.Бабаевым на основе обширной источниковедческой базы, богатого фактического материала, в форме исследования различных периодов и этапов истории балкарцев и карачаевцев. Они являются попыткой автора «озвучить» белые пятна происхождения, языка, религии данных автохтонных народов Северного Кавказа.

Историк С.К.Бабаев неординарен в толкованиях ряда узловых проблем. Ему свойственно умение полемизировать с оппонентами, аргументированно доказывать и отстаивать свою научную точку зрения. Это представляет большую ценность как для исследователя истории, так и для теоретика – филолога. В широкой читательской аудитории, в научной среде монография С.К.Бабаева «К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов» должна была быть воспринята неоднозначно. Но, хотя книга (объем – 15 п.л., тираж – 500 экз.) и была издана в 2000 году, до сих пор об этом значительном факте в

истории карачаево-балкарского народа никто в открытой печати ни словом не обмолвился. Не странно ли?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // КЭС. М., 1969. Т.4.
2. Крупнов Е.И. О походах скифов через Кавказ. // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1953.
3. Аратмонов М.И. Киммерийцы и скифы в Азии. // Первобытная археологи Сибири. Л., 1975.
4. Тизенгаузен В.Г. СМОИЗО. СПб., 1884. Т.1.
5. Аристов А.Н. Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения об их численности. // Живая старина. СПб., 1896. Вып. 3-4. Т.4.
6. Эйхвальд Э.Н. О древних обиталищах племен (славянских, турецких и монгольских) в южной России по Геродоту. (Б-ка для чтения). СПб., 1838. Кн. 27. Отд. 3.
7. Геродот. История. // Откуда есть пошла русская земля. М., 1986.
8. Латышев В.В. Известия древних писателей (греч. и латынск.) о Скифии и Кавказе. СПб., 1904. Т.2. Ч.1.
9. Агубнов М.Д. Путешествие в загадочную Скифию. М., 1989.
10. Закиев М.З. Об этнолингвистических контактах народов Волго-Камья // Тезисы докладов XXIX сессии Постоянной Международной алтайской конференции. М., 1986.
11. Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977.
12. Георгиев В.Г. Проблемы возникновения индоевропейских языков // ВЯ. М., 1956. №1.
13. Гаджиева Н.З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979.
14. Малов С.Е. Древние и новые тюркские языки. М., 1952.
15. Птоломей. Географическое руководство // Откуда есть пошла Русская земля. М., 1986.
16. Кузьмин А.Г. Предисловие к кн. «Откуда есть пошла Русская земля». М., 1986.
17. Бабаев С.К. К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 2000. С.10.
18. Там же. С.14-15.
19. Там же. С.15-16.
20. См.: Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. Сс.15,225; Нечаева Л.Г. Могильник Алханкала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе: Рукопись канд. дис. Архив ИА АН СССР, ф.2,д. 1338, лл. 138,139,193; Никифора патриарха Константинопольского краткая история со времен после царствования Маврикия. В.В. М., 1950. Т.3.С. 364; Чичуров И.С. Экскурс Феофана о протоболгарах // Древние государства на территории СССР. М., 1976. С.66; Федоров Я.А. и Федоров Г.С.

- Ранние булгары на Северном Кавказе. Труды КЧНИИ. Ставрополь, 1970. Вып. 6. С.342; **Пичулевская Н.В.** Сирийские источники по истории народов СССР. Хроника Захария Ритора. М., Л., 1941. С.165; **Мерперт Н.Я.** К вопросу о древних болгарских племенах. Казань, 1957. С.7; **Смирнов А.П.** Волжские булгары. М., 1951. С.9; **Сиротенко В.Т.** Основные теории происхождения древних булгар и письменные источники IV-VII вв. // Уч. зап. Перм. университета. Пермь, 1961. С.15; **Гадлю А.В.** Уч. зап. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. М., 1979. С.57.
21. **Волин С.** К истории древнего Хорезма // ВДИ. 1941. №1. С.196.
 22. **Миллер В.Ф.** Осетинские этюды. М., 1887. Ч. 3. С.40.
 23. **Лайпанов К.Т.** О тюркском элементе в этногенезе осетин // О происхождении осетинского народа. Орджоникидзе. 1967. С.213.
 24. **Мавродин В.В.** Происхождение русского народа. Л., 1978. С.114.
 25. **Кулаковский Ю.В.** Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899. С.11.
 26. **Плетнева С.А.** Хазары. М., 1976. С.46.
 27. **Хабичев М.А.** Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. Черкесск, 1980. С.94.
 28. **Бабаев С.К.** К вопросам истории, ... С.21.
 29. **Крупнов Е.И.** О чем говорят памятники материальной культуры ЧИАССР. Грозный, 1961. С.38.
 30. **Бабаев С.К.** К вопросам истории, ... С.30.
 31. **Бабаев С.К.** К вопросам о роли персидского языка в развитии языка балкарцев и карачаевцев // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1973. Вып. 7. С.350-369.
 32. **Бабаев С.К.** Осетино-балкаро-карачаевские схождения в языке. Альманах «Шуёхлукъ». Нальчик, 1972. №1.
 33. **Бабаев С.К.** К вопросам истории, ... С.78.
 34. **Там же.** С.81.
 35. **Абаев В.И.** Осетинский язык и фольклор. Сс.45, 79; Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л.; 1958 Т.1. С.380.
 36. **Кузнецов В.А.** Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. С.72-73.
 37. **Керефов Б.М.** О среднеазиатском этническом компоненте на центральном Предкавказье сарматского времени // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. Баку, 1966. Сс.173,174.
 38. **Керефов Б.М.** К проблеме среднеазиатско-северокавказских этнических связей в сарматское время // Тезисы докладов 14-х Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. Сс.14,16.
 39. **Бабаев С.К.** К вопросам истории, ... С.88.

40. Там же. С.89-91.
41. **Бабаев С.К.** О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960. С.55.
42. **Хашхожев Э., Балканский Т.** Опыт изучения протоболгарского языка в языках дунайских болгар, балкарцев, карачаевцев // Проблемы семантики и стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1987. С.155.
43. **Кузеев Р.Г., Иванов В.А.** Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V-XVI вв. и проблема происхождения чувашского этноса // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984. С.16.
44. **Бабаев С.К.** К вопросам истории, ... С.99.
45. Там же. С.104-106.
46. **Манандян Я.И.** Начальная история Армении Мар Абаса // Палестинский сборник. Вып. 2. М.; Л., 1956. С.69-86; **Абегян М.** История древнеармянской литературы. Ереван, 1984. Т.1. С.198-217.
47. **Монсей Хоренский.** История Армении. М., 1893. С.55-66.
48. Там же. С.62.
49. **Бабаев С.К.** К вопросам истории, ... С.112.
50. Никифора патриарха Константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия В.В. М., 1950. Т.3. С.363; **Мишулин А.В.** Древние славяне в отрывках писателей по VII в., ВДИ. М., 1941. №1. С.277; **Федоров Я.А., Федоров Г.С.** Ранние булгары на Северном Кавказе. Труды КЧНИИ. Ставрополь, 1970. Вып. 6. С.342; **Пигулевская Н.В.** Сирийские источники по истории народов СССР. С.165; **Мерперт Н.Я.** К вопросу о древних болгарских племенах. Казань, 1957. С.7; **Смирнов А.П.** Волжские болгары. М., 1951. С.9; **Сиротенко Б.Т.** Основы теории происхождения... С.41.
51. **Броневский С.** Известия о Кавказе. Т.2. С.216.
52. **Ногмов Ш.** История адыгейского народа. Нальчик, 1947. С.26.
53. **Миллер В.Ф.** Осетинские этюды. Ч.3, 1887. С.104.
54. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта с предисловием Бодянского. М., 1884.
55. **Бабаев С.К.** К вопросам истории, ... С.119.
56. **Филин Ф.П.** Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С.61.
57. **Смирнов А.П.** Волжские болгары. М., 1951. С.9; **Мерперт Н.Я.** К вопросам о древних болгарских племенах. Казань, 1957. С.7; **Сиротенко В.Т.** Основные теории о происхождении древних булгар и письменные источники IV-VII вв. // Уч. зап. Перм. университета им. А.М.Горького. Пермь, 1961. Т.20. Вып. 4. С.41.
58. **Гадло А.В.** Этническая история Северного Кавказа IV-VII вв. С.57.

59. **Федоров Я.А. Федоров Г.С.** Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978. С.47.
60. Там же. С.54.
61. **Плетнева С.А.** Хазары. М., 1976. С.46.
62. **Абаев В.И.** Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960. С.132-133.
63. **Бабаев С.К.** Осетино-балкаро-карачаевские схождения в языке. // Шуёхлукъ. Нальчик, 1972. №1. С.106-125; Он же. К вопросу о роли персидского языка балкарцев и карачаевцев // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1973. Вып.7. С.350-369.
64. **Попов А.И.** Названия народов СССР. Л., 1978. С.33-37.
65. **Мавродин В.В.** Происхождение русского народа. С.46.
66. **Бабаев С.К.** К вопросам истории, ... С.137.
67. Там же. С.138.
68. Michel le Syrian Patriarche Iacobite d' Antioche Chronique // Ed I.d, Chadot. F. 4, Peris, 1906, P. 381-383.
69. **Бабаев С.К.** О происхождении балкарцев и карачаевцев. С.40.
70. **Бабаев С.К.** К вопросам истории, ... С.142.
71. **Пигулевская Н.В.** Сирийские источники по истории народов СССР // Хроника Захария Ритора. М.; Л., 1941: С.165.
72. Там же. С.384-385.
73. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974. С.31.
74. **Бабаев С.К.** К вопросам истории, ... С.153.
75. Архив ЛОИА. Д. 215, л.79-86; **Кузнецов В.А.** Аланские племена... С.78.
76. **Айналов З.Д.** Обломки пиксиды и другие древности из Озроковского могильника, находящиеся в историческом музее // Археологические известия и заметки. М., 1894. Т.2. С.1-8.
77. **Бабаев С.К.** К вопросам истории, ... С.156.
78. **Кулаковский Ю.А.** Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899. С.54.
79. **Бакран Мухаммед Ибн Наджиб.** Джахан-Наме. Л., 1960. С.160.
80. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XII-XIX вв. Нальчик, 1974. С.31.
81. Римская история Никифора Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя латынянами // Византийские историки. СПб., 1862. Т.1. С.198-201.
82. **Абаев В.И.** Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке. С.131-132.
83. **Кузнецов В.А.** Аланские племена Северного Кавказа. С.213.
84. **Бабаев С.К.** К вопросу истории, ... С.163.

85. Миллер В.Ф. Археологические экспедиции \ МАК. М., 1888. Вып. 1, Ермоленко М.И. Путеводитель по Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1928. С.74; Харузин Н. По горам Северного Кавказа \ Вестник Европы. 1888. С.11.
86. Миллер В.Ф. Археологические экспедиции. С.78; Ермоленко М.И. Путеводитель по Кабарде и Балкарии. С.71; Харузин Н. По горам Северного Кавказа. С.188.
87. Фиркович А.С. Археологические разведки на Кавказе \ Труды Восточного отдела императорского археологического общества. СПб., 1858. Т.3. Вып. 3. С.133-134.
88. Миллер А.А. Краткий очерк о работе Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1924-1925 годах // Сообщения ГАИМК. Л., 1926. Т.1. С.79-80.
89. Ермоленко М.И. Древние христианские храмы близ Нальчика и мумии балкарских могильников Терской области \ Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Ставрополь, 1910. Вып. 1. С.3-4.
90. Вырубев Д.А. Альбом с рисунками жилищ, могильных памятников, одежды и украшения \ Музей антропологии и этнографии АН СССР. Л., Кол. 693. №3.
91. Фиркович А.С. Археологические разведки на Кавказе. Сс.131-133, 400.
92. Миллер А.А. Краткий очерк... С. 80. Рис.9; Ермоленко М.И. Древние храмы... С.3; Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии \ МИА-3. М., 1941. С.25-31.
93. Миллер А.А. Краткий очерк... С.83.
94. Мизиев И.М. Отчет археологической экспедиции КБНИИ. 1964 \ Уч. зап.КБНИИ. С.32. Рис. 30.
95. Миллер А.А. Краткий очерк... С.89.
96. Крупнов Е.И. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 \ Уч. зап. КБНИИ. Нальчик, 1948. Т.4. С. 317.
97. Там же. С. 80-81.
98. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. С.149.
99. Фиркович А.А. Археологические разведки на Кавказе. С.399.
100. Там же. С.399.
101. Адыги, балкарцы и карачаевцы... С.244.
102. Долгат Б.К. Поездка к Чегемским ледникам. Владикавказ, 1898. С. 8-9.
103. Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1846. С.109.
104. Миллер В.Ф. Археологические экскурсии... Сс.71, 75-76.
105. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч.3. С.8.

106. **Акритас П.Г.** Археологические исследования Чегемского ущелья в 1949 году // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961. Вып. 9. С. 187-188.
107. Там же. С.188.
108. Там же. С.189-190.
109. **Воробьев С., Сарахан Д.** Кабарда и Балкария. Ростов н\Д., 1932. С.32.
110. **Ионе Г.И.** Верхне-Чегемские памятники VI-XIV веков // Уч. зап. КБНИИ. Нальчик, 1963. Т.19, С. 183-185
111. **Мизиев И.М.** Отчет археологической экспедиции КБНИИ. 1965. С.39-40.
112. **Бабаев С.К.** К вопросам истории,... С.177.
113. Там же. С.179.
114. Там же. С.184.
115. Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. Тифлис, 1878. Т.7. С.402-403.
116. **Азаматов К.Г.** Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX века. Нальчик, 1966. С.19.
117. **Ртвеладзе Э.В.** О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1976. Т.4; **Хизриев Х.А.** Походы Тимура на Северо-Западный и Центральный Кавказ // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1977. Т.11; **Джигоев И.К.** Походы Тимура в Аланию // Проблемы истории СССР. М., 1980. Вып.2.
118. **Коков Дж. Н., Шахмурзаев С.О.** Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970. С.44.
119. Балкарские народные песни. Нальчик, 1969. С.29.
120. **Лавров П.И.** Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // КЭС. М., 1969. Т.4. С.87.
121. **Бабаев С.К.** К вопросам истории, ... С.199.
122. **Джигоев М.К.** Походы Тимура в Аланию. С.87.
123. **Бабаев С.К.** К вопросам истории,... С.199.
124. СМОИЗО. Т.2. С.181.
125. Там же.
126. Там же. С.182.
127. СМОИЗО. Т.2. С.182.
128. **Бабаев С.К.** К вопросам истории,... С.301.
129. СМОИЗО. Т.2. С.182.
130. **Кузнецова А.Я.** Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982. С.54.
131. **Коков Дж.Н., Шахмурзаев С.О.** Балкарский топонимический словарь. С.29.

132. **Мизиев И.М.** Средневековый могильник Байрым у села Верхний Чегем // Сборник студенческих научных работ. КБГУ. Нальчик, 1964. Вып.3. С.20.
133. СМОИЗО. Т.2. Сс.122,182.
134. **Бабаев С.К.** К вопросам истории,... С.202.
135. Там же. С.203.
136. СМОИЗО. Т,2. С.27.
137. Там же. С.182.
138. Там же.
139. **Ионе Г.И.** Верхне-Чегемские памятники VI-XIV веков. Т.19. С.206.
140. СМОИЗО. Т.2. Сс.123, 183.
141. **Маркс К.** Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. VI. С.185.
142. **Бабаев С.К.** К вопросам истории,... С.215.
143. Там же. С.227.

БЫЛАЙ БОЛГЪАНДАН, АЛЛАХ, САКЪЛА КЪАРАЧАЙНЫ

Къадым ханны атын джюрютген мырды элде
Мен джашадым талай айны, талай айны.
Тегерек – мыжыкъ дауур, тонгуз ийис...
Былай болгъандан, Аллах, сакъла Къарачайны.

Сёзлери да, кёзлери да – бетсиз, сыйсыз,
Кёллери да, юйлери да - тар, тыгъырыкъ.
Элни кёбю ийнек орнуна эчки тута,
Чалкъы чалыулары да – джол джанында ханс оргъан.

Бетлери ичкиден кюйюб, къаралыб,
Къарт, джаш, къатын – бары ичелле къадалыб.
Излемейле артыкъ мал тутаргъа, бачха этерге,
Аллайлагъа да зарлыкъ этелле, суюмейле.

Кёзюм кёрмесе, бу затха унамазем ийнаныргъа:
Тюзелгенле джашла ичерге, кызла да айланыргъа.
Элге, диннге келишмейди бир затлары,
Эки аякълы хайыуанла – ма атлары.

Адетден, намысдан джокъ хапарлары,
Джашларына шапалыкъ эте къартлары.
Джашлары да кёргенлерин этген болмаса,
Талпымайла не ишлерге, не окъургъа.
Сатлыкъ, тилчилик – джашауларына тамал,
Кёзлерин ал да, орнуна ачха сал.

Халал урунуу бла излемейле байыныргъа,
Урлаб-тырнаб, алдаб, излейле айныргъа.
Тюшген ачханы да джоялла дуниялыкъгъа:
Харамгъа-гюнахха-ичкиге-зийналыкъгъа.

Къалмагъанды адамында адамлыкъ, халкъында халкълыкъ,
Быладан кериди Кертилик, Хакълыкъ.
Ички болду бу халкъны къурутхан, тюрб этген,

Башха миллетлеге джалчы, къул-къарауаш этген.

Къадым ханны атын джюрютген орман элде
Мен джашадым талай айны, талай айны.
Тёгерек - ичкичилик, кирлилик, сыйсызлыкъ,
Тёгерек - тонгуз ийис, тонгуз джашау...
Былай болгъандан, Аллах, сакъла Къарачайны.

ИМАНСЫЗ ИНКЪЫЙЛАБНЫ СУРАТЫ. 1980 –ЧИ ДЖЫЛ

Имансыз инкъыйлаб – коммунист революция – къахме къатын,
Турады сыртындан тюшюб, къычыра:
Джер шарны ёшюнлерине къысыб,
Къымыжа бутларын да кенгнге джайыб,
Дунияны бирлешген сылыкъларын чакъыра...

Дунияны бирлешген пролетарлары да эрлай джетиб,
Агъач чёгюч бла да, темир чёгюч бла да
Аны эки бут арасына мазаллы чюйню ура...
Ол да, къууанч тыбырлы болуб, ынгычхай,
Къызыл байракъны агъач сабын эмеди
(Байракъ кеси да – къызыл чебгени къахмени).

Эм ахырында эмеген къатын – Революция -
Ауузу бла къызыл байракъны сабы къатыш джутады.
Эки бут арасы бла да джутады:
Чюйню, чёгючню, оракъны,
Бютеу дуняны бирлешген пролетарларын кеслерин да.

Энди дуня
Эмеген къатынны – къахме къатынны ичиндеди:
Андан къаллай джаныуар тууар –
Къыйынды билген.

ИТ БЛА БЁРЮНЮ АРАСЫ

Кесин сынджыргъа уруб чабады ит.
Сынджырдан ычхыныргъа излебми? Огъай.
Ол эркинлени излейди къабаргъа,
Эркинликди аны джюрегин джаргъан.

Ол джауун сынджырда тюл,
Сынджырсызлада кёреди.

Олду кыйынлыгы.

Ансы джауун сынджырда кѳрген ит,
Сынджырын юзерге кюрешген ит,
Ол ит тюлдю, бѳрюдю.

АЛЛАХ АЙТСА, ДЖАШАУ ДЖУКЪЛАНМАЗ

Мени джюрегим Кюн эсе,
Сени джюрегинг Ай эсе,
Кюн бла Ай - Къарачай эсе,
Алай эсе,

Джангырлыкды джашау.
Джангыдан башланлыкды джашау.
Кече да боллукды кюндюз,
Бизден тууарлыкды джулдуз.

Ана бла сабий –
Джангы Ай бла джулдуз.
Кюн да Кѳкде –
Атача атда.

Джыгылсам да атдан,
Джетиб, болджалым,
Къалыгыз Кѳкде
Джангы Ай бла джулдуз.

Кѳлеккегиз
Сын ташыма тюшюб,
Кесигиз а – Тѳрде
Джашагыз къууанч бла.

Кѳк, Кюн, Джер,
Джангы Ай бла джулдуз...
Аламатды дуня, сейирди дуня –
Аллах айтса, джашау джукъланмаз.
Джукълатмасакъ джашау джукъланмаз.

БАЛЫКЪ, БУЗ, АДАМ

Сууну джети къатындан
Баш къатлары бузлагъанды.
Балыкъгъа солургъа хауа джетмей,
Бир суу тюбюне атады кесин,
Бир бузну урады башы бла.

Бузну юсю бла адамла
Джагъадан джагъагъа ётелле.
Аны къайгъылы джокъду киши.

Не бир эсли адам кёрлюкдю да,
Болушурукъду анга,
Не кеси кючю бла ууатырыкъды бузну.
Алайсыз ёлюрге башлагъанды.

Буз къысхандан къыса келеди,
Бузлагъандан бузлай барады суу.
Балыкъ тохтаб къарайды ёрге:
Адамла башы бла баралла ётюрб,
Аякъ тюблеринде фаджияны кёрмей.

Адам, Тейриден умут этиб,
Къарагъанча Кёкге,
Балыкъ да, Адамдан умут этиб,
Къарайды ёрге.

Мен, ётюрб баргъан адамладан бири,
Тохтаб, къарайма анга:
Ол балыкъ тюлдю, кёлеккемди мени,
Бюгюнюм тюл эсе да, тамбламды мени.
Арабыз – сынмазлыкъ мияла буз – кюзгю...
Алайды къадарыбыз бизни.

КЪАЧАН?

Кёкню «Джер» деген айрымканында
Джашау этерге кюрешибиз.
Иебиз кемеле, термиле,
Башха дунияланы кёрюрге,
Башха жанлагъа тюберге.
Кёрюрге, тюберге да болурбуз.

Джангыз, ёлгюнчюннгеми,
Огъесе, ёлгенден сорами?

АЛМА ТЕРЕК ЭМДА АДАМ ДЖЮРЕК

1

Алмала огъуна терекде
Кёб тюрлю сагъыш къозгъайла джюрекде.
Кимини ёмюрю узакъ-узун,
Кимин чанчакълагъанды къаргъа-къузгъун.

Кимин къурт ургъанды, кимин а – буз,
Кимини бети - джарыкъ, кимини – мутхуз,
Кими да чириуден – къаралыб, азыб...
Дагъыда джашайма деб турады джазыкъ.

Тургъанланы да
Дуниягъа къууана, чагъа, джашнай,
Бир къауумун
Джел юзгенди джашиллей-джашлай.

Бир къаууму къууана джашарыкъды,
Джашаудан тоярыкъды, къанарыкъды,
Агъарлыкъды, къызарлыкъды, бишерикди,
Кёзююнде къара джерге тюшерикди
Не да татлы аш боллукъду башхалагъа...

Бирине джетеди хыянат
Не адамдан, не къанатлыдан, не джелден-борандан.
Бирлери уа – уллу Аллахха аманат,
Толу юлюш алалла джашаудан.

Бирини насыбы нек тутханын,
Бирин а насыб нек унутханын
Къыйынды ангылагъан, билген.

Былагъа да оноу этген бармыды бир кюч?
Бармыды оноу этген алмагъа, адамгъа, терекге, джерге, кёкге?
Огъесе... Огъай, болмайым ассы,
Намаз къылайым, болгъанды джассы.
Неге ишеклиме, аккыллыма мен?
Файгъамбарладанмы аккыллыма мен?

Иман тилейим ала ийнаннган Аллахдан,
Сакъла дейим шайтанны ууундан, палахдан.

Я Аллах, Къураннга, шериятха тюзет мени,
Иман джолгъа, керти джолгъа тюзет мени.
Ансы алмала огъуна терекде
Гюнахлы сезимле къозгъайдыла джюрекде.

2

Джашау бар эсе – ёлюм да бар;
Ауаль бар эсе – ахыр да бар;
Дуня бар эсе – ахрат да бар;
Алайды джазыу, алайды къадар.

Джаныу бар эсе, барды джукъланыу да.
Джаннган джулдуз да джукъланныкъды бир кюн.
Кюн да сууурукъду бир кюн.
Джер да къурурукъду бир кюн.
Аман джора этгенлигим тюлдю.
Бу джорукъду. Джангыз
Джорукъну иеси бармыды?
Бар эсе, кимди?
Огъесе, кесин джандыргъан, джукълатхан,
Ёлтюрген, тирилтген да Табигъат кесимиди?
Огъай, оноу табигъатны кесинде болса,
Ол кесин джукълата, ёлтюре турмаз эди –
Къуру да джашаб, джашнаб турургъа излеред...

Дунияны аллы
Къайдан, неден, къалай, не ючюн башланнганын,
Ахыры да
Къайдан, неден, къалай, не ючюн бошаллыгъын
Билаллыкъ, айталлыкъ бир джан джокъду.

Сорууну ахыры
99 аты бизге белгили,
100-чю атын а киши билмеген
Бир Къудуретге келиб тиреледи.

Анга ийнансанг,

Хар соруугъа джууаб табарыкъса,
Ийнанмасанг а,
Джюрегинги соруула кемире,
Джашарыкъса, ёллюксе.
Бу да хакъды.

3

Джолоучубуз: кимибиз джаяу, кимибиз атлы.
Барыбыз да ташайырыкъбыз. Къайры?
Къаллыкъдыла Кёк, джулдузла, Джер...
Къаллыкъмылла? Ол да белгисизди.

Къаллыкъмылла ишибиз, сёзюбюз,
Огъесе, кюл болубму къаллыкъды бары?
Бармыды джашауубуздан-кюрешибизден бир магъана?
Огъесе, къарыусуз дыгаласламылла бары?

СЁЗ

Къургъакъ сёз, бош сёз
Къуу терекге ушайды.
Андан кишиге хайыр джокъду,
Заран келтирирге уа боллукъду.
«Терек аусун юсюнге» деб, къаргъыш да барды.

Алай а, ёрё турукъну
Отха салсанг, джылыу бериб онгдурмаса да,
От тылпыу этер.

Бош сёз а шайтан джелге ушайды.
Болгъанны къатышдырыгъа боллукъду.
Табигъатда хар нени барды магъанасы.
Магъанасыз сёз айтылмазгъа керекди,
Магъанасыз иш да этилмезге керекди.
Бош сёз бла бирге адамны кючю да кетеди,
Бош сёз бла бирге адамны сыйы да кетеди.

Сёз игиликге буруллубу тюл эсе,
Джашау чархын бурлубу тюл эсе,
Ауруугъа, ёлюмге, палахха буруу боллукъ тюл эсе,
Сора ол туумаса игиди,
Аууздан чыкъмаса игиди

Сёз аууздан-тилден тюл,
Джюрекден-кёлден чыгъаргъа керекди.

Иги Сёз – Аллахды

Эмда

Аллахдан келген Сёздю,
Хакъ джолну, керти джолну кёргюзтген Сёздю.
Бизни сёзюбюз да Аны ызындан барыргъа керекди.

Сёзню кючю магъанасынданды.
Къалгъан субайлыкъгъады.
Бош сёзден, шайтанданча, сакъланайыкъ.
Иги сёзден къатлана эсе джашау,
Бош сёзден башланады ёлюм.

ТЮРКНЮ ДЖАНГЫДАН АЧАБЫЗ

Джамилени минараларыча,
Тюз бол Кёкге да, Джерге да.
Азан таууш тартады бизни
Тюркге да, ёрге да, тёрге да.

Кёз ачар ючюн, айланыр ючюн,
Келмедим бери.
Тюшюнюр ючюн, ийнаныр ючюн,
Бегир ючюн келгенме бери.

Келдим бери эсими, ёзюмю
Гяуур къралны ийисинден-къурумундан тазалар ючюн.
Кирге булгъанган сёзлерими да
Шийирлер ючюн, назмулар ючюн.

Келдим бери
НЮРленир ючюн,
АЙланыр ючюн.

Тюркиени сюйдюм
Иманы ючюн, айраны ючюн.

Джаннга, тёнгекге да –
Ашы халал.
Мында азанчы болургъа изледи
Назмучу Лайпанланы Билал.

Истанбулну уллу джамилеринде
Къылдым намаз.
Дуаларымда – джюмлей муслиман
Эмда – Кавказ.

Гяуур кърал – аман аууш –
Къалды артда.
Алда – Айкъанат азан таууш:
Аллаху акбар!

Аят орнуна назму окъудум –
Сер сёюме да болмады кюлген.
Мени Тюркге чакъырыб,
Аллахха джууукъ этиб,
Суаблыкъ алды Мустафа Къарабаш –
Мустафа Ёзюнегювен.

Сау бир ёмюрню кесилиб джолла
Кесиби джашадыкъ, тюздеча.
Энди Тюркню джангыдан ачабыз –
Дини, тили, айраны да биздеча.

«Аллах барды, бирди, ишек джокъду», - деб,
«Аллаху акбар» деб, бир сафха
Тизилебиз узакъла, джууукъла да.
Азан тауушха келебиз бери,
Азан тауушну элтебиз Джуртха да.

Дау кёб, джау кёб, умут – Аллахданды,
Кюч алайыкъ имандан, бир-бирибизден да.
Аллах айырмасын энди бизни
Тюркюбюзден, Тюрклюбюзден да. Аминь.

АДАМ БЛА ХАУА

1
Топракъдан, джерден джаратылгъан
Адамма мен.
Кёкден, нюрден джаратылгъан
Хауаса сен.

Мен узалама

Ташха, топракъгъа.
Сен –
Джулдузгъа, чууакъгъа.

Мен тартама
Джерге.
Сен тартаса
Ёрге.

Менде – билекле,
Сенде – къанатла.
Мен – Адамма,
Сен а – Хауа.

Аны ючюн джазама
Сеннге шийирле.
Кёрюнюб кёзюме
Сен бютюн сейирлик.

2
Сюе, сөйюне, сөйюле тургъан тиширыуну
Ауазындан, ынгычхауундан татлы
Бир макъам, тартыу болмаз дунияда.

Олду мёлекледе да бир тюрлю сезимни къозгъаб,
Джунчутуб, джангылтыргъа джетдирген.
Олду, арбазда да аджирни кишнетиб,
Аягъы бла джер къаздыра, тесукъа этдирген.

Тиширыуну джюрегини джетинчи къатындан
Сөймеклик чыгъаргъан ынгычхау, къычырыкъ
Дунияны-ахыратны, гюнахны-сууабны да къатышдырыб,
Бир джангы Алам, Джашау къуралгъанын билдиреди.

Джулдузла, кюймей, учуб айланалла кёкде,
Элияла, кюйдюрмей, чартлайла кёкде,
Чабакъла чынгаб-чынгаб ойнайла кёлде,
Джагъада джангыз терек да барады джангызгъа.
Джети къат кёк, джашнаб ачылад да,
Нюр джарыкъ тёгюледи джерге.
Джети кийимин да тешеди да къыз
Чексиз ариулукъ ачылады эрге.

Сюе, суююне, суююле тургъан кызыны
Тиширыугъа бурулгъан кёзюю
Мёлеклени бютюн этеди мыдах –
Чексиз кёууанчдан, насыбдан кёуру кългъанла ала.

Сюе, суююне, суююле тургъан тиширыуну
Ауазындан, ынгычхауундан татлы, ариу, сейир
Макъам, тартыу болмаз не Джерде, не Кёкде.
Бизни джаннетден кыыстатхан тиширыу
Кеси бурулгъанды джаннетге.

Тиширыудады джаннет, тиширыуду джаннет.
Муну айтхан – хаджи эмда поэт
Лайпанланы Билал.

ТЫЙЫНШЛЫБЫЗМЫ ДЖУРТУБУЗГЪА?

Сен Меккягъа, Мединагъа барыб,
Хадж кылырдан алгъа,
Минги Таугъа бир чыкъ,
Андан бир къара тегерекге:
Кёб зат болур ачыкъ,
Джууукъ болурса Кёкге.
Бош кългъыла, учуз сагъышла
Ёзен тубанча кълалыра энгишгеде.

Кёкден кълараб кёрюрсе джуртунгу –
Тауланы, чыранланы, сууланы,
Ёзенлени, кълаланы, орманланы...
Къл ишлемеген ариулукъну кёрюрсе,
«Аллаху акбар» дегенден башха бир сёз айталмай,
Джаратханнга къл-къл махтау берирсе,
Бу джуртну бизден нек алыргъа излегенлерин да ангыларса,
Бу джер ючюн сермеширча, ёлорча да болурса.

Дуня бары мыллык атхан Минги Таугъа,
Уллу Аллах сеннге берген Минги Таугъа,
Чыкъ да бир намаз къл.
Бу азатлыкъдан, тазалыкъдан, ариулукъдан
Кёлонг-кёзюнг-сёзюнг да бир кёууансын, тазалансын.

Дуа да эт, тилек да эт, алгъыш да эт,
Бир сагъыш да эт:

Тыйыншлыбызмы бу джуртлагъа биз?

Бу мийик таулагъа, таза суулагъа,
Орман чегетлеге, дарман хауагъа,
Ауропаны тѣппеси минги Таугъа –
Бу азатлыкъгъа, тазалыкъгъа, ариулыкъгъа –
Джер джаннетге тыйыншлыбызмы биз?
Нарт атала-бабала тыйыншлыелле,
Биз а, биз?

Харамдан, гюнахдан кесибизни тыялмагъанла,
Не Аллахдан, не адамдан уялмагъанла,
Ахрат азабдан не дуня намысдан къоркъмагъанла,
Аллах кѣрпюзтген джолну унамагъанла, бармагъанла,
«Аллах берген динибиз, тилибиз, джуртубуз» деб,
Бирикмегенле, ѳрге турмагъанла,
Миллет байракъны, тамгъаны ѳрге тутмагъанла,
Миллет орайданы сокъмагъанла, тартмагъанла,
«Къраллыкъ, Эркинлик» деб, айтмагъанла,
«Анаесабыз Къуранды» деб, айтмагъанла,
Къуран бла шерият бла джашамагъанла,
Джашаргъа да излемегенле, кюрешмегенле,
Неге тыйыншлыбыз биз?

Не биягъынлай сюрюллюкбюз Джуртдан,
Не башхалагъа къул болуб джегилликбиз Джуртда,
Алай бла къурурукъду адамлыгъыбыз, халкълыгъыбыз да,
Алай бла унутуллукъду тарихибиз, атыбыз да.

Джюз сыфатлы, джюз бетли дуниялыкъ,
Хар аманлыкъ, ичкичилик, зийналыкъ -
Бары бизге илешелле, джерлешелле...
Нек? Не ючюн?

Къарыусуз болгъаныбыз ючюн,
Иманыбыз аз болгъаны ючюн.
Хорланныкъбыз харам джукъудан уянемасакъ,
Уллу Аллахха ийнанмасакъ, таянмасакъ.

...Аллах джаннетден адам бла Хауаны
Нек къыстагъанед? Билебиз аны.
Халкъыбыз а нек сюрюлгенед джуртундан?..
Джарлы халкъым, уян, уян джукъунгдан...

НЕ САКЪЛАЙДЫ БИЗНИ?

Къанатлыланы джырларына тынгылайма,
Кийиклени ёкюргенлерине тынгылайма,
Тереклени шууулдагъанларына тынгылайма,
Адамланы джюреклерине тынгылайма. Ангылайма
Аланы къоркъууларын, къайгыларын.
Сора келеди шок ауузун, балта ауузун, бёрю ауузун да байларым.
Неден да алгъа уа – шайтан ауузун байларым.

Аны ючюн башлайма ишими, сёзюмю
«Агъзубилляхиминешайтанирраджим» деб,
«Бисмилляхиррахманиррахим» деб.

Биз, Аллах джаратхан жанла,
Аллах айтханча джашаргъа борчлубуз.
Олду бизни тюшюрген Джерге да,
Олду бизни чыгъарлыкъ Кёкге да.

Джаратды, жаннетин берди –
Джашаялмадыкъ Ол айтханча анда.
Джер джашауну – сынау дунияны – берди,
Сынаудан ётгенлени жаннетге къайтарлыкъма деди,
Бизге Анаяса этиб Къуранын ийди...
Джашайбызмы Ол айтханча энди уа?!
Джашамайбыз.

Шашханды деб дуния, зорду деб джашау,
Сора кимлеге салабыз да дау?
Кесибиз шойбуз да кесибизге джау.

Терслик, гюнах – бары кесибиздеди.
Шайтанны-Ибилисни ийиб ичибизге,
Шайтаннга-Ибилисге этебиз къуллукъ,
Кеси кесибизге къазабыз уру –
Дуниядан, ахратдан да къалабыз къуру.
Бирлешебиз имансыз бла, гяуур бла,
Джашайбыз ички бла, дауур бла...
Не сакълайды бизни?

Къанатлыланы джырларына тынгылайма,
Кийиклени ёкюргенлерине тынгылайма,

Тереклени шууулдагъанларына тынгылайма,
Адамланы сѣлешгенлерине тынгылайма. Ангылайма
Аланы кьоркьууларын, кьайгъыларын.

Сора келеди шокк ауузун, балта ауузун, бѣрю ауузун да байларым.
Неден да алгъа уа – шайтан ауузун байларым.

ДЖАН

Учуб да кеталмай,
Рахатлыкъ да табалмай,
Къанатлыча,
Сагъая, сескеклене, илгене, къанатлана,
Турады джаным.

Джокъду тынгы-тынчлыкъ Джерде да, Джерге да –
Бир джаны кюе, бир джаны юшюй,
Джаннган отну – Кюнню – тѣгерегине бурулады Ол да,
Титирей, тебрене чамланады Ол да.

Джокъду тынгы-тынчлыкъ Джердегилеге да.
Эм ангылыгъа саналгъан джан – Адам да,
Ангыгъа сыйынмагъан ишлени этеди,
Кесин джануарлыкъгъа, хайыуанлыкъгъа хорлатыб,
Кесин шайтаннга-ибилисге алдатыб,
Дуниясын джаханимге буруб кюрешеди.

Бош сѣземилле дуння-ахырат?!
Джокъмуду биз таяныр, биз кѣлленир бир зат?!

Бар эсе Къудурет, бар эсе Къуран,
Нек джетишмейди бизлеге билим, иман?!
Аллах айтханча нек джашамайды адам?!

Учуб да кеталмай,
Рахатлыкъ да табалмай,
Къанатлыча,
Сагъая,
 сескеклене,
 илгене,
 къанатлана,
Къыйынлашады джаным.
Джанауалдача турады джаным.

КЕРТИ АДАМЛА

Джуккаланы Рамазан бла Магулаланы Хасаннга

Хасан бла Рамазан –
Бу эки таулу сау болуб,
Айланлыкма дунияда
Кёлюм-джюрегим тау болуб.

Быллай адамла болганда
Джолоучу джолда кьалмаз,
Халкъ да кьраллыксыз кьалмаз
Быллай адамла болганда.

Малкъарда, Къарачайда да
Атыгъыз юлгюге айтылыр.
Сиз джашагъан джерлеге
Сизни атыгъыз аталыр.

Къарачай шахаргъа киргенле
Рамазанны межгитин кёрюрле.
Тырнаузгъа келгенле да
Хасаннга салам берирле.

Халкъ кючлю болур дин бла,
Окъуу бла, билим бла.
Кесин, Джуртун да сакълар,
Айтыр:

Аллаху акбар!

Хасан бла Рамазан!
Сизничала сау болуб,
Къоркъуу джокъ халкъыбызгъа,
Айтама кёлюм тау болуб:

Иманыгъыз, адамлыгъыгъыз
Сакъларла сизни палахдан.
Саулукъ, эсенлик, игилик
Тилейме сизге Аллахдан.
Бизледен къайытмаса да,

Къайытырыкъды Аллахдан!

ЭШИК БЛА ТЕРЕЗЕ

Эшикте да барды терезе,
Терезеде да барды эшик.
Эшигинг джабылса да,
Терезенг ачыкъ къалсын.
Терезенг джабылса да,
Эшигинг къалсын ачыкъ.
Джашау, ёлюм да хакъ –
Игилик этерге ашыкъ.

КЪАЧ. КЪАРЫЛГЪАЧ. КЪАРАЧАЙ

1

Къарылгъачны уясы къаядады.
Къачны уясы уа къайдады?
Келиб киргенди къарылгъач уягъа къач.
Сюрюлгенди къууанч. Тауусулгъанды джай.
Къач. Къарылгъач. Къарачай.

2

Къач да кетер, къыш да ётер, келир джаз.
Къайгъыдан, сюргюнден къайытыр къарылгъач.
Къаясын табар, уясын а – огъай...
Джаз. Джазылгъач. Джарачай.
Ташыбызда, башыбызда да – джулдуз бла Ай.
Къоркъама тауусулад деб, джай,
Джангыдан келед деб, къач,
Джангыдан сюрюлед, ёлед деб къарылгъач.
Къач. Къарылгъач. Къарачай.

3

Къар. Къарылгъач. Къарачай.
Къач. Къар. Ай.
Къарылгъач. Къарачай.
Ноябрны экиси. Гюрге кюн.
Халкъыбыз бек уллу къыйынлыкъла кёрген кюн...
...уясындан айырылгъанед къарылгъач.
Аны уясын, къаясын да джутама деб,
Къарылгъанды къач.
14 джылдан джаз ала
Артха, Джуртха къайытханды къарылгъач.

Бютеу кѣрген кыйынлыкъларын джабарча, унутдурурча
Саклайды аны алда насыб бла кѣууанч.

4

Алгъыш аякълары кѣлтюреме
Джулдуз ючюн, Кюн ючюн, Ай ючюн –
Кѣрачай ючюн.
Рахман, Рахим Аллахны аты бла
Шайтанны ѣлтюреме –
Кѣрачай ючюн.
Кесим да джашайма, ѣлеме –
Кѣрачай ючюн.

Джуртубузну агъачы, ташы ючюн,
Халкълары кѣзы, джашы ючюн –
Кѣрачай ючюн
Джашайма, ѣлеме.
Билеме:
Эртде-кеч болса да,
Кѣрачай кѣрал боллукъду,
Малкѣр бла бир боллукъду,
Динине, тилине, джерине да
Эркин боллукъду.

Эркин боллукъду,
Джашарыкълары кѣууанч бла, насыб бла.
Аллахдан буду тилегим,
Сизден да буду тилегим.
Кѣадау Ташха, Джангыз Терекге
Эмда Кѣзакъ Бѣрюге
Ушайды мени джюрегим.

КАМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ I. Крым

С нынешнего номера журнал "Ас-Алан" начинает публикацию статей, посвященных некрополям (мусульманским кладбищам) тюркских народов юго-восточной Европы. Эти некрополи, сохранившиеся как цельные ансамбли или представленные отдельными резными каменными надгробиями, ставшими экспонатами археологических собраний и художественных музеев, представляют собой интереснейшие памятники истории и культуры народов, приобщенных к исламской цивилизации. По их основному характерному признаку – наличию на камнях "эпитафий" (текста надгробной надписи, поминального слова) – их относят обычно к так называемой "эпиграфике" – искусству начертания эпитафий. Между тем, в мусульманской традиции мы имеем здесь дело с чрезвычайно интересным, по-своему уникальным феноменом синкретического искусства, которое включает и собственно "графику" (рисунок эпитафии, систему начертания текста, искусство врезанного в камень шрифта, художественные вариации почерков арабской каллиграфии от древнего архаического куфи до новейшей скорописи и стилизаций арабского письма уже на новой алфавитной основе тюркских языков 20 века – латинице и кириллице), и пластику различных орнаментальных узоров и изображений, и живописную роспись, и архитектуру, определяющую выразительность самой конструкции, формы надгробного памятника, его очертаний, и продуманную связь с окружающим пространством, элементами природы (зеленью, цветами, водой), и далеко выходящую за границы пространственных искусств литературу – как строгую прозу, так и возвышенную поэзию текстов эпитафий.

Резные надгробия представляют собой незаменимые источники для многих гуманитарных наук, исследующих историческое прошлое, современные социальные процессы, духовную культуру и самосознание народов мусульманского мира. Филологов и лингвистов прежде всего интересуют сами по себе эпиграфические тексты и связанные с ними проблемы языка (эволюции языка, различия языков и диалектов тюркских народов), письменности, почерка, литературного стиля, самостоятельной поэтической ценности эпитафий и обращения их авторов к общим источникам, прежде всего к кораническим формулам. Историки и археологи обращают внимание на стратиграфию объектов, время их создания, рассматривают и используют резные надгробные камни как важнейший источник сведений по военной, политической, социально-экономической, этнической истории разных регионов Северного Кавка-

за, Поволжья, Крыма, разветвленных данных о ханских династиях, семейно-родовых связях, клановых структурах феодального общества. У теологов и исламоведов - свой круг интересов, направленных на символику мусульманских надгробий. Искусствоведы и исследователи архитектуры основное внимание обращают на художественный дизайн, на архитектонику, пластику, особенности рельефной резьбы, изобразительные мотивы, орнаментальный декор камней-надгробий. При этом поразительный парадокс отечественной историографии заключается в том, что это искусство, казалось бы, столь необходимое, "неучтенным" в комплексе национального культурного наследия, или оттесненным на самый дальний, периферийный край научных исследований.

Видимо, в этом невнимании проявились характерные для советской идеологии и пропаганды пренебрежение к религиозным ценностям, страх перед духовным авторитетом, влиянием и распространением религии, в данном случае ислама, безусловно накладывающего свой отпечаток на всю историко-культурную традицию мусульманских некрополей и резных надгробий. Преодолеть это пренебрежение оказалось непросто и в "постсоветский период", во всяком случае до сих пор у нас выходят книги, защищаются диссертации, проводятся научные конференции по культуре, наследию, народному творчеству тюрко-мусульманских народов различных регионов, и ни единым словом в этих трудах, диссертациях, докладах не упоминается веками развивавшееся на этой земле искусство мусульманских резных надгробий. Если мы обратимся, к примеру, к такому капитальному изданию, как энциклопедия "Народы России" (1994) ¹, то в очерках, посвященных балкарцам, карачаевцам, ногайцам, татарам и другим тюрко-мусульманским народам Российской Федерации мы найдем множество этнографических сведений, касающихся их традиционной и современной культуры, религии, народного творчества, зодчества и декоративно-прикладного искусства, но об искусстве резных надгробий, об эпиграфической традиции – ни слова. В сборнике научных трудов Карачаево-Черкесского Института гуманитарных исследований "Вопросы искусства народов Карачаево-Черкесии" (1993) ² собраны статьи по орнаменту, ювелирному искусству, живописи, театру, народным песням и танцам, но нет ни одной работы по мусульманской эпиграфике. Ничего не изменилось и через восемь лет, когда под грифом Института этнологии и антропологии Российской Академии наук была издана весьма солидная по виду книга с названием, претендующим на универсальный охват культуры карачаево-балкарского народа: "Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор" (2001) ³: ни в языке, ни в этнографии, ни в археологии, ни в фольклоре карачаевцев и балкарцев интереснейшего эпиграфического наследия авторы этой книги не обнаружили.

Разумеется, исследования эпиграфики имеют длительную историю в мировой тюркологии, и "Ас-Алан" вовсе не на голом месте начинает публикацию посвященных этой эпиграфике материалов. Но даже с учетом всех давних (дореволюционных) и всех новейших работ как отечественных, так и зарубежных исследователей надо признать, что в изучении резных мусульманских надгробий существуют значительные пробелы и та бросающаяся в глаза фрагментарность, которая проявляется и в хронологическом, и в локально-региональном аспектах, и в профессиональном подходе к памятникам, которые обычно исследуются с какой-либо одной стороны. Больше всего повезло, можно сказать, старинной (золотоордынского периода истории Волжской Булгарии и эпохи Казанского ханства) эпиграфике казанских татар: ей посвящены такие серьезные труды, как "введение в булгаро-татарскую эпиграфику" Г.В. Юсупова (1960) ⁴, "Язык эпитафий волжских булгар" Ф.С. Хакимзянова (1978) ⁵, статьи Д.Г. Мухаметшина ⁶. Однако даже памятники этого региона, ярче всего освещенного никогда не прекращавшимися здесь научными изысканиями и прожекторами музейных экспозиций ⁷, исследованы далеко не равномерно и не всесторонне, а именно прежде всего в контексте проблем тюркологической лингвистики и в хронологическом диапазоне от 13 до середины 16 веков. Попытка ввести в поле научного внимания материал более поздних татарских надгробий, вплоть до современных памятников и некрополей, изученных в ходе комплексной научной экспедиции 1984 года, предпринятая нами в докторской диссертации ⁸ и специальных публикациях на эту тему ⁹, остается до сих пор едва ли не единственной, во всяком случае одинокой, в системе комплексного татароведения.

Еще больше пробелов существует в систематическом изучении мусульманских надгробий и некрополей других тюркских народов Восточной и Юго-Восточной Европы. Выделяя в качестве составных частей своеобразной трилогии, которая должна получить последовательное развитие в данном и следующих выпусках журнала "Ас-Алан", историко-художественные проблемы формирования и развития мусульманских некрополей и стиля резных надгробий в творческом наследии, в традиционной и современной народной культуре крымских татар, ногайцев и карачаевцев и балкарцев, мы хотели бы привлечь общественное внимание к этой теме. Она представляется нам еще почти нетронутой целиной научных исследований, необходимых целевых экспедиций, срочных мер, которые следует предпринять для охраны, спасения сохранившихся памятников, для предотвращения их варварского уничтожения, особенно активно проводившегося в годы депортации репрессированных народов да и поныне угрожающего целым регионам мусульманского и тюрко-мусульманского мира. Чрезвычайно перспективной и интересной представляется задача компаративного анализа, сравнения отдельных

резных надгробий и целых мусульманских некрополей разных периодов, что позволит проследить эволюцию этого искусства, выявить устойчивость и динамику этнокультурной традиции, а также разных регионов, в данном случае Крымского полуострова, широкого ареала Ногайской степи и горных районов центральной зоны Северного Кавказа, являющихся исторической родиной и колыбелью карачаевцев и балкарцев. Такое сравнение поможет выявить и сходство, и тонкие, неповторимые различия в близких, родственных и в то же время самобытных национальных культурах, включенных в широкое поле исламской цивилизации и тюркского единства.

Первым звеном в этой трилогии станет Крым, а точнее то его великое, подвергшееся жесточайшим разрушениям и все же не исчезнувшее с лица земли культурное наследие, которое мы называем памятниками "татарского Крыма", "мусульманского Крыма".

Состояние изученности вопроса и сохранность памятников

В литературе по мусульманским некрополям Крыма заметны и хронологические (внимание сосредоточено лишь на отдельных периодах), и локально-географические ограничения (в зоне этого внимания оказывается не весь Крым, а лишь отдельные, исследованные разными авторами районы, места, объекты). Прежде всего в этом плане выделяются Старый Крым (археологический комплекс Солхатского городища золотоордынского периода) и Бахчисарай (надгробия, сосредоточенные в коллекции Бахчисарайского дворца-музея, относящиеся к 16-18 векам). Таким образом, мы не имеем до сих пор цельной картины развития крымскотатарских мусульманских надгробий в их эволюции и в полном историческом диапазоне от истоков, от зарождения этого искусства в Крыму до современной модификации данной художественной традиции. Совершенно неисследованной остается также система культурных связей и взаимовлияний (элементов совпадения, сходства, различий, контрастов) крымскотатарских мемориальных сооружений с другими этнокультурными и географическими зонами мусульманского ареала, в частности с памятниками Турции, Кавказа, Татарстана. Актуальной и до сих пор нерешенной остается задача выявления всестороннего значения данных объектов как памятников истории, этнической культуры крымских татар, мусульманской религии, литературного творчества, письменности, изобразительного искусства и архитектуры.

Ни в коей мере не надеясь и не претендуя на то, чтобы в рамках настоящей статьи восполнить все эти пробелы, мы видим свою задачу в общей постановке цели комплексного научного исследования такого важнейшего пласта крымскотатарской национальной и общекрымской, общетюркской художественной культуры, как резные камни-надгробия мусульманского Крыма. Эта задача в полной мере выполнима лишь при

объединении усилий историков, археологов, этнографов, исламоведов, лингвистов-тюркологов и арабистов, искусствоведов, при сочетании различных, выработанных в смежных гуманитарных науках методов анализа и описания памятников, при реализации комплексной целевой программы полевых исследований, научных экспедиций (по Крыму и регионам, находившимся в тесных контактах с культурой мусульманского Крыма), анализа и инвентаризации многих музейных собраний, где рассеяны буквально драгоценные осколки крымскотатарских надгробных камней, порою никем не опубликованных, не прочтенных и даже не взятых на учет музейного хранения.

Вместе с тем нам хотелось бы выделить отдельные моменты и конкретные направления той исследовательской работы в области крымскотатарской эпиграфики (резных камней-надгробий), которая уже проведена нашими предшественниками и начата непосредственно нами в Крыму в ходе комплексных научных экспедиций, проведенных в 1994-1996 годах ¹⁰, внести некоторые новые штрихи в ту общую картину, которая может быть создана коллективным трудом ученых и институтов, заинтересованных в прочтении истории татарского Крыма.

Прежде всего необходима общая характеристика уровня сохранности (степени разрушения) надгробных памятников и ансамблей мусульманских кладбищ в Крыму. В целом, здесь выявляется драматическая ситуация тотальных, многократных разрушений национальной культуры, и это тем более обидно потому, что Крымское ханство, аннексированное и интегрированное в состав Российской империи в 1783 году - значительно (на два столетия и три десятилетия) позже, чем завоеванное еще Иваном Грозным Казанское ханство, было гораздо богаче сохранившимися к концу 18 века памятниками татарской надгробной эпиграфики. При цивилизованном отношении к этому культурному наследию Крым мог стать уникальным в Восточной Европе заповедником, где можно было бы на аутентичном материале, на цельных художественных ансамблях проследить все особенности локальных школ и все этапы развития данного искусства и эволюции его форм от эпохи Средневековья к Новому времени. Однако российская администрация Таврической губернии не только не проявила элементарной заботы для обеспечения сохранности этого богатейшего художественного наследия, но по сути возглавила кампанию повсеместного варварского уничтожения этих памятников. Об этом с горечью писал в 1927 году один из первых крымскотатарских исследователей старинных мусульманских надгробий Осан Акчокраклы, отмечая, что тысячи надгробий с кладбищ одного только Старого Крыма были варварски уничтожены - камни ушли в постройки 19-20 веков, так что осталось в этом районе всего чуть более ста памятников ¹¹.

Однако эти первые разрушения дореволюционного периода, от которых все же что-то на крымской земле оставалось, были лишь прологом того глобального вандализма, который развязала сначала социалистическая революция и Советская власть и который достиг своего преступного апогея после депортации из Крыма крымских татар. С 1944 года по всему полуострову методично и полностью уничтожались все мусульманские кладбища; надгробные каменные плиты, включая шедевры искусства 15-16 веков, шли на строительство колхозных свинарников, вмуровывались в мостовые; земли, на которых находились священные для мусульман могилы их предков и святыни-азисы, распахивались и застраивались, чтобы от прошлого не осталось и следа. Надгробия, уже оказавшиеся к тому времени в собраниях краеведческих и исторических музеев Крыма, согласно инструкциям, исходящим из Центра, подлежали уничтожению.

Важно, однако, подчеркнуть, что палачам татарского искусства в Крыму не удалось уничтожить его полностью, не удалось стереть следы исламской сакральной культуры, доминировавшей на полуострове несколько веков. Расхожее и далеко не точное представление о том, будто от мусульманских надгробий и кладбищ в Крыму "ничего не осталось", чаще всего используется нынешней администрацией Крыма для обоснования собственной нерадивости, нежелания проводить тщательные обследования, финансировать научные исследования и экспедиции, включать татарские надгробия в реестр памятников, охраняемых государством.

Мы не должны забыть тот гражданский подвиг, который совершили в годы изгнания крымских татар из Крыма и варварского государственного крушения их культуры некоторые крымские археологи, музейные работники, краеведы, сумевшие спасти ценнейшие частицы крымскотатарского художественного наследия, в том числе и отдельные надгробные сооружения, и целые мусульманские некрополи и лапидариумы. Так, Мария Георгиевна Кустова, работавшая директором Бахчисарайского дворца-музея в 1940-50-е годы, не позволила разрушить "ханское кладбище" - собрание надгробий на территории заповедника, а Вадим Константинович Гарагуля в 1973 году сумел издать путеводитель по Бахчисараю с довольно полным описанием этих памятников¹². В 1969-1975 годах Владимир Николаевич Гуркович, работавший тогда в Крымском краеведческом музее, на основе личной инициативы провел ряд экспедиций, тщательно обследовав остатки чудом сохранившихся мусульманских кладбищ. Он обнаружил кладбище Газы Мансур под Чуфут-Кале, описал группу памятников около Джума-Джами в Евпатории, обратил внимание на аварийное состояние некоторых сооружений в Бахчисарайском некрополе, систематизировал русскую литературу, начиная с трудов Петра Кеппена¹³ и переводов А.А. Борзенко и А.Ф.

Негри ¹⁴, освещающую крымскотатарскую эпиграфику, включив пространственные выдержки в свои научные отчеты, составленные уже в 1980-90-х годах для "Укрпроектреставрации" ¹⁵.

На маршруте нашей комплексной научной экспедиции, проведенной в июле 1996 года по горным районам Крыма, лежало село Высокое (Верхний Керменчик) Бахчисарайского района, в окрестностях которого, по предварительным данным, учтенным при составлении маршрута экспедиции, сохранилось старое мусульманское кладбище. То, что мы обнаружили на месте, превзошло все наши ожидания, вызвав одновременно радость и отчаяние. Десятки великолепных мраморных надгробий (саркофагов и отдельных тумбообразных сооружений, увенчанных типичными для мужских надгробий мраморными "чалмами") находятся на этой территории; однако ни о какой охране этих памятников, ни о каких попытках благоустроить территорию кладбища, взять на учет фрагменты и целые группы старинных сооружений нет и речи. Отбитые куски мраморных надгробий валяются на земле и легко могут стать добычей любого случайного охотника за сувенирами. Никаких археологических зондажей, никаких научных исследований древности, продолжительности функционирования данного мусульманского некрополя (исторически тем более интересного, что в этом поселении до конца 18 века преобладало греческое население, частично принявшее ислам) не производилось. Только с 1996 года молодой искусствовед Алие Мустафаевна Ибрагимова из Ялты (участвовавшая в работе нашей экспедиции на данном маршруте) приступила к систематической работе (будущей диссертации) по исследованию памятников Верхнего Керменчика - сделала обмеры, фотоснимки, сняла кальки с резной поверхности камней и эпиграфических текстов. Уже на ранней стадии работы выяснилось, что примыкающая к селу Высокое территория старинного мусульманского кладбища - не единственное в этом районе место, где сохранились камни-надгробия. Двенадцатью километрами выше в горах (за домом Сервера Османова, указавшего нам это место) в отличной сохранности стоят три надгробия (мраморные стелы под "чалмами") и отдельно на земле лежит каменная "чалма" - завершение надгробия.

Один только этот пример ¹⁶ свидетельствует о том, что в Крыму есть еще немало мест, где уцелели старинные мусульманские кладбища и отдельные памятники-надгробия, которые еще ждут своих исследователей. Об этом еще в 1991 году на конференции "Проблемы истории Крыма" говорил в своем докладе "О состоянии памятников мусульманской культуры в Крыму" Энвер Сеферов, подчеркивая: "Особого освещения требуют мусульманские кладбища, потому что большинство этих объектов распаханы или застроены, разве что единицы сохранились где-нибудь в глубинке. ...Требуется кропотливая работа в локализации этих объектов-святынь" ¹⁷.

Истоки и исходные рубежи истории крымских мусульманских надгробий

В комплексе научных проблем, связанных с исследованием мусульманских надгробий Крыма, одной из наиболее сложных является задача выявления истоков этой художественной традиции, ее исходных рубежей, фиксация и датировка наиболее ранних памятников этого круга на Крымском полуострове.

Видимо, формирование этого искусства происходит синхронно с его распространением в других регионах золотоордынского мира, исламизация которого завершается в середине 13 века (с вступлением на престол хана Берке). В домонгольский период ни в одном из восточно-европейских регионов, так или иначе соприкасающихся с исламским миром и даже ставших опорными пунктами раннего проникновения в Восточную Европу мусульманской религии и культуры (а к таким регионам относятся Среднее и Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, Крым, юг Балканского полуострова), мы не встречаем надгробных памятников в виде камней с резными эпитафиями и кораническими текстами. Это невозможно объяснить тем, что такие памятники просто не дошли до нашего времени. Фундаментальные археологические исследования мусульманских некрополей домонгольского периода, в частности, в Волжской Булгарии ¹⁸, свидетельствуют о том, что такой формы надгробий в то время просто не существовало. Самые ранние сохранившиеся на территории Татарстана памятники-надгробия с резными мусульманскими эпитафиями относятся к 80-м годам 13 века ¹⁹, а известные только по описаниям - к 40-м годам 13 века ²⁰, но никак не ранее. В Крыму эта исходная хронологическая планка поднимается еще выше, и самые ранние памятники, о которых дошли до нас сведения благодаря отчетам археологической экспедиции, работавшей в 1925-1927 годах в Старом Крыму (на Солхатском городище), и публикациям Османа Акчокраклы ²¹, относятся к концу первой трети 14 века (надгробие шейха Якуба Конийскоо датируется 1328 годом), а большинство их - произведения еще более поздние, сооруженные между 1330 и 1380 годами.

В этой связи мы можем высказать гипотезу, что происхождение эпиграфических камней-надгробий определенного архитектурного типа (вертикально поставленная каменная стела с остроконечным, стесанным в форме арки или обретающем стилизованную фигурную форму завершением) связано не только и не столько с императивными требованиями исламского культа, сколько с художественными традициями тюркского мира, особенно интенсивно распространявшимися, в том числе на территории Восточной Европы, в период монгольских завоеваний. Вероятно, эпицентр этого искусства, откуда шел импульс его распространения, находился не в арабско-иранском пограничье, не в ближ-

невосточных центрах раннего и классического ислама, а в Центральной Азии, на землях бывшего Тюркского каганата, где еще в доисламский период существовала традиция сооружения каменных "балбалов" (изображений тюркских воинов и военачальников) и каменных плит с древнетюркскими руническими надписями²². В золотоордынском культурном ареале известны случаи вторичного использования древнетюркских каменных плит с руническими письменами в качестве уже мусульманских надгробий. Такой палимпсест найден, в частности, на реке Калмаш в Чекмагушском районе Башкортостана²³. Калмашский камень первоначально был древнетюркской надмогильной стелой с начертанными на ней родоплеменными тамгами. В 14 веке местные жители превратили его в мусульманское эпитафическое надгробие, отметив это превращение точной датой (747 год хиджры) и врезав поверх нижнего слоя тамговых знаков мусульманскую эпитафию, весьма выразительную по религиозному смыслу и литературному стилю ("Я прибегаю к Богу от проклятого шайтана. Во имя Бога милосердного и милостивого... Надмогильный знак Кукляра сына Буги").

Возвращаясь в Крым, отметим, что распространению мусульманских эпитафических памятников (с 14 века) здесь также предшествовала традиция сооружения надгробных камней с высеченным на их лицевой поверхности изображением тамги. Осман Акчокраклы, возглавивший в 1925 году научную экспедицию в степные районы Крыма, собрал, систематизировал и опубликовал десятки рисунков, представляющих собой тамги крымских татар, особенно распространенных в северной, степной ("ногайской") части Крыма²⁴. Характерно, что по преданиям, которые Акчокраклы записал, опрашивая "старцев татар степной части Крыма", тамги были распределены между племенами и родами самим Чингис-ханом. Таким образом, и в устной народной памяти традиция такого рода изображений на камнях связывается с эпохой монгольских завоеваний и формирования Золотой Орды. Древнетатарские тамги, весьма разнообразные по формам и семантике, от чисто иероглифических и буквенных знаков до элементов растительного, геометрического орнамента и предметных изображений (гребень, стрела, крест, серп, полумесяц и т.д.), имели самое широкое применение и использовались при клеймении скота, чекане монет, в архитектуре, керамике, были зафиксированы в большом количестве на скале близ деревни Абузлар. В контексте интересующей нас темы важно подчеркнуть, что тамги очень часто изображались на надгробных камнях. Только на одном евпаторийском татарском кладбище Акчокраклы нашел 88 тамговых знаков на надгробных камнях, всего экспедиция 1925 года собрала их более 400 в 40 деревнях степного Крыма, в связи с чем Акчокраклы писал: "Небольшой полуостров Крым вправе быть названным большим музеем тамг, ибо на каждом татарском кладбище в степной части Крыма встре-

чаются сотнями тамги - родовые знаки древнего происхождения" ²⁵. Он особо подчеркивал, что тамги не были феодальными семейными гербами, ибо они часто встречаются и на крестьянских могильных камнях, и на бедных и скромных надгробиях пастухов, кочевавших в степном Крыму.

Этот момент очень важен для понимания той своеобразной демократической социальной платформы, на которой развивалось со Средних Веков искусство татарских каменных надгробий, и это так же характерно для Крыма, как для других татарских улусов Золотой Орды и для более поздних ханств, на которые Золотая Орда распалась в 15 веке.

Наряду с аристократической традицией классического исламского искусства, которая несла такие формы мемориальных сооружений "высокого стиля", как мавзолей, гробница-усыпальница, тюрбе (дюрбе), распространенные во всем мусульманском мире и отмеченные особым величием, торжественностью, монументальностью, великолепием декоративного убора (пышной резьбы, сверкающей мозаики и т. п.), здесь всегда существовала практика сооружения простого, скромного каменного надгробия над могилой человека (татарина-мусульманина), стоявшего на средней и даже на самой низкой ступени социальной иерархии. Причем эта практика не выпадала из сферы искусства, ибо и по своим архитектурным формам, и по характеру резного декора, и по текстам эпитафий эти памятники представляли собой определенную художественную ценность.

От языческой и кочевнической традиции (стела с древнетюркскими знаками-тамгами) к мусульманскому эпиграфическому надгробию существовал довольно органичный переход, если не в системе резного декора и той философской и литературной нагрузки, которую нес в себе текст мусульманских эпитафий, качественно отличавшийся своей сложностью от простейшего знака-тамги, то в архитектурной форме камней-надгробий. Каменные стелы с тамговыми знаками из степного Крыма, зарисованные и опубликованные Османом Акчокраклы ²⁶, по своей форме уже довольно близки к тем мусульманским надгробиям, сооружение которых начнется позднее. Это вертикально поставленные прямоугольные стелы, трапециевидные камни, сооружения с завершением в виде треугольного фронтона или арки, очень часто с усечением в верхней части, создающем своеобразный изобразительный эффект "головы" (округлой, треугольной или квадратной) на "плечиках". Смутные воспоминания о фигурных каменных балбалах безусловно вплетались в такого рода сооружения, и традиция эта оказалась настолько устойчивой, что из языческого она перешла в мусульманское (принципиально отвергавшее пластическое изображение человека) искусство, так что антропоморфные признаки, поражавшие воображение всех, кто впервые знакомился с мусульманскими надгробиями в Крыму, проявлялись

здесь довольно четко. Вспомним в этой связи известные стихи А. С. Пушкина, родившиеся в Бахчисарае:

"Я видел ханское кладбище,
Владык последнее жилище.
Сии надгробные столбы
Венчаны мраморной чалмою..."

Как любопытный историко-археологический парадокс надо отметить то обстоятельство, что в волжско-булгарском регионе нам практически неизвестны ранние каменные надгробия с изображениями знаков тамги, зато довольно широко представлен так называемый (по Г. В. Юсупову) "второй стиль" мусульманских памятников-эпитафий в виде строгих и скромных каменных плит, не особенно богатых орнаментальным декором, с текстами, врезанными в камень строгим геометрическим почерком куфи ²⁷; в Крыму, напротив, обильно представлены камни со знаками тамги, и от этого примитивного искусства сразу совершается как бы прорыв в 14-е столетие, к "первому стилю" татарских камней-эпитафий, украшенных пышной, сочной, рельефной орнаментальной резьбой по камню и пространными текстами, выполненными пластичным, гибким, извилистым почерком "сульс" ("сулюс" в крымскотатарской интерпретации). Мы просто не знаем в Крыму куфических надгробий 13 - начала 14 вв., которые могли бы восприниматься в качестве своего рода постепенного стилистического перехода к памятникам середины - второй половины 14 века, которые естественно концентрируются в столице Крымского улуса Золотой Орды - Старом Крыму.

Художественные особенности крымских памятников 14 века

Надо признать, что по сравнению с булгарскими надгробиями золотоордынского периода ²⁸, которые довольно однотипны, даже унифицированы по конструктивному решению и формам декора (это всегда вертикальная прямоугольная плита с рельефно вписанной в ее верхнюю часть стрельчатой или килевидной аркой с "плечиками"; внутри этой арки идет сплошной каллиграфический текст эпитафии, обрамленный орнаментальными мотивами виноградной лозы или иными растительными узорами), крымские надгробные камни чрезвычайно разнообразны по очертаниям и формам декора.

Здесь тоже встречаются вертикальные каменные плиты прямоугольных очертаний. Один из первых русских исследователей этих памятников в Крыму академик Петр Кеппен, обнаруживший и описавший немало таких сооружений в Отузе, Токлуке и других местах, отмечал, что "... камни, вертикально стоящие, у татар именуют "текиль-таш" от слова "тик" - крутой, вертикальный, или "тикмэ" (ставить) и от слова "таш" (камень)" ²⁹. Но возведением над могилой умершего простой вертикальной каменной стелы-плиты уже в золотоордынский период крым-

крымские татары редко ограничивались, и тот же Кеппен отмечал на старых татарских кладбищах "текиль-таши" весьма разнообразной конфигурации. "Нередко эти плиты или столбики, - писал он, - сверху украшаются чалмою: это значит, что тут погребен мужчина [...] над могилами женщин столбики иногда оканчиваются плоскою сверху шляпкой [...] Иногда погребальные камни бывают расписанными, то красного, то синего цвета" ³⁰.

Материалом крымскотатарских надгробий служил, как правило, местный светлый известняк и мрамор. Белизна крымских мраморных мусульманских надгробий отличает их от более суровых, темно-серых камней, служивших материалом для болгарских надгробий в Среднем Поволжье и Приуралье. Применение дополнительного цвета, раскраска светлого камня, встречавшиеся в крымских мусульманских некрополях как золотоордынского периода, так и позднее, сближают это искусство с кругом северокавказских (сохранившихся, в основном, от позднего времени) мусульманских надгробий с их характерной, порою очень яркой раскраской предметных изображений - оружия на мужских надгробиях, украшений и орудий домашнего труда - на женских надгробиях.

Такому разнообразию архитектурных форм и конструктивных решений, которое характерно для крымских надгробий, мы не знаем аналогов в других регионах золотоордынского мира. Это и плоские камни, и столбы шестигранных очертаний, и круглые тумбы с завершением, напоминающем тюбетейку или иной головной убор, и массивные "двуугогие" саркофаги, и саркофаги без "рогов"-спинок, но с завершением в форме двускатной крыши (нечто вроде миниатюрного склепа-дольмена). Среди головных уборов, стилизованное изображение которых прослеживается в завершении каменных надгробий, встречаются и типичные войлочные шапки степняков-кочевников, еще не приобщенных к Исламу.

Характерный пример сооружения в виде каменного массивного, с двумя "рогами"-спинками саркофага - памятник знаменосцу Алемандру, датированный 1374 годом - 776 годом хиджры ³¹.

Чрезвычайно разнообразны изобразительные мотивы, вплетенные в узоры резьбы по камню на крымскотатарских надгробиях. Акчокраклы зафиксировал на старо-крымских и отузских надгробных памятниках 14 века изображения свечи, лампы, "шита Давыда" (шестиконечной звезды), стилизованных и почти "натуральных" цветов.

Особый интерес представляет опубликованное им ³² надгробие с именем астронома Урус Ходжа. На верхнем полушарии, завершающем этот каменный столп, над каллиграфической полоской, обрамляющей его рельефным декоративным обручем, выбиты в камне точечные углубления, совокупность которых воспринимается как плеяда звезд на небесном куполе. Ныне этот памятник находится в лапидариуме, соз-

данном при Старо-Крымском историко-краеведческом музее. По мнению руководителя эрмитажной археологической экспедиции в Старом Крыму М. Г. Крамаровского, этот экспонат является уникальным творением во всем искусстве мусульманского мира и Восточной Европы. Особым предметом исследования может служить та сумма астрономических знаний, поразительных для конца 14 века, как бы обгонявших свое время, которая прочитывается и в изобразительной системе расположения звезд, и в самой сферической трактовке небосвода-купола. Если вспомнить о том, что в сложнейшей метафорической изобразительной системе памятника этот звездный небосвод может условно восприниматься как голова человека (здесь небосвод как бы заменяет традиционную чалму), то это заставит нас еще более трепетно ощутить всю философскую сложность данного произведения искусства, автор которого, кажется, действительно совершил немыслимый прорыв из средневековой дали к гносеологическим просторам и нравственным императивам нового времени, напомнив нам и звездном небе над нами, и о нравственном законе внутри нас.

Каменные надгробия в Крыму сооружались над могилами и простых людей, и знатных беев, и мусульманских деятелей, причисляемых к лику мучеников и святых. Могилы последних считались "азизами". Это были места массового паломничества, поклонений, мусульманские святыни крымских татар. В одном только Отузе, где, видимо, находилось теккие (монастырь дервишей), куда стекались паломники из разных стран, Акчокраклы обнаружил несколько таких азизов. Надгробия над ними были выполнены в виде вертикальных каменных стел. Это памятники шейху Якубу Конийскому (1328), мученику Идрису сыну Хаджи Яхьи Огузского (1361) и шейху Хаджи Яхьи сыну Мухаммеда Иракского (1380). Географические характеристики, включенные в эпитафии, свидетельствуют о широком радиусе культурных связей Крыма, простиравшихся и в Ирак, и в сельджукскую Турцию.

В общей эстетической и смысловой выразительности этих памятников, наряду с архитектурным построением и орнаментально-изобразительным резным декором, огромную роль играло поэтическое слово, запечатленное в эпитафии. Из 145 памятников, изученных экспедицией 1925 года в Старом Крыму и включенных в каталог, составленный Османом Акчокраклы, 95 имели надписи. Мастера-резчики, вероятно, сами были авторами этих текстов, которые бывали скупыми и строгими, иногда повторялись и ограничивались выдержкой из Корана, информацией об имени умершего, датой смерти (даты рождения никогда не упоминались), но нередко поражали своей поэтичностью, красноречием, пронзительным выражением боли и представляли собой частицу высокой восточной поэзии.

Приведем некоторые из них, отмечая в фигурных скобках номера каталога, составленного в Старом Крыму Османом Акчокраклы, и ставя в квадратных скобках даты христианского летосчисления в переводе с хиджры. "Могила благородного юноши Хыдыра, сына Халиля. 744 г. [1343]" {4}. "Это сад [могила] покойного прощенного Сенглю [Менглю - ?] Эседуллы, сына Ахмета. Да будет над ним мир. Месяца Шеввеля 738 г. [1337]. Пророк, да будет над ним мир, сказал: "Подобно тому, как вы будете умирать, будете жить, и будете жить, как будете умирать". "Смерть есть чаша, каждый человек должен испить ее, и могила есть дверь, каждый человек должен войти в нее". Правду сказал посланник божий" {13}. "О горе, прошла моя жизнь, напрасно прошла она без пользы... провел мимолетно. Не помогли вопли, погиб я в грехах... Нет прощающего друга... Покойного раба могила Эхи (?) Алемадара (знаменосца)" {25}. "Могила принадлежит Али-Эддину, сыну Саад-Эддина Крымского. О Боже, прости!" {41}.

Традиция татарских надгробий в Крыму теснейшим образом связана со всей исламской культурой, теологией, представлением о загробной жизни, с мусульманской этикой и религиозной поэзией. Вместе с тем в этом искусстве, особенно раннего, золотоордынского периода, различим дальний отзвук языческой мифологии, языческой знаковой системы и символики, смутных воспоминаний о какой-то каменной фигуре, которая должна сторожить могилу вождя или воина. Между крымскими "текиль-ташами", прежде всего того архитектурного типа, какие А. С. Пушкин назвал "столбами", увенчанными мраморной чалмой, и фигурными "балбалами" кочевников Тюркского каганата и половецких степей гораздо больше сходства, чем между "кабръташами" болгар и казанских татар и тюркско-половецкими "балбалами", ибо на территории Волжской Булгарии и Казанского ханства не только преобладал, но по существу монополично господствовал унифицированный тип надмогильных сооружений в виде плоской вертикальной каменной плиты-стелы с рельефной аркой сверху, а позднее - с завершением в форме арки на "плечиках". Крым был более открыт разнообразным художественным влияниям, и типология мусульманских надгробий была здесь не столь жестко унифицирована. Форма саркофагов с "рогами"-спинками и саркофагов под двускатной крышкой имела свои истоки и переклички с таврским, скифским, античным и эллинистическим искусством в Крыму. В то же время надо отметить, что тип надгробия-саркофага с симметричными каменными стелами-"спинками" в изголовье и в ногах (с двух торцовых сторон сооружения) имел широкое, можно сказать, универсальное распространение в исламском мире, и такого рода сооружения встречаются даже среди мусульманских надгробий юго-восточной Азии³³.

Искусство надгробий, казалось бы, чисто мусульманское, чисто сакральное, регламентируемое религиозным погребальным ритуалом и культом, в то же время соприкасалось и со светской поэзией, любовной лирикой и даже сатирой (вспомним знаменосца, погибшего "в грехах"), и со светской изобразительностью, интересом художника к предметному миру весьма широкого диапазона.

Характерно, что некоторые крымские "текиль-таши" очень похожи на резные камни отнюдь не надгробного назначения, прежде всего на мраморные сооружения над источниками воды (включая священные источники, почитаемые так же, как могилы святых - азиы), а также на строительные ("закладные") доски, которые устанавливались обычно над порталом здания и включали в резной каллиграфический текст и кораническую формулу, и дату сооружения, и имя мастера-строителя. В том же Отузе, откуда происходит значительная часть надгробий золотоордынского периода, включенных в каталог Акчокраклы, в стену у входа в Малую мечеть была вкомпанована доска, возможно, перенесенная сюда с места, где находился целебный, почитаемый источник. Резьба по камню (тем же рельефным почерком сульс, какой встречается на всех отузских и старо-крымских надгробиях) на этой плите, стилистика текста и художественные приемы обработки камня составляют одно целое с искусством резных надгробий, материалом для которых служил такой же мрамор или известняк. Имя мастера-резчика, приведенное на этой плите, возможно, было именем одного из авторов отузских надгробных камней середины 14 века - искусства, которое уже в Средние Века не хотело оставаться анонимным. Текст этой надписи гласил: "Этот блаженный колодец построил в дни царствования великого султана Кутлуг Тимур-Бека, - да будет долга жизнь его, - покорный раб бедный Идрис сын Хаджи Яхъи. 760 г. [1358]" ³⁴.

Расцвет камнерезного и поэтического искусства в эпоху Крымского ханства

Традиции каменных надгробных сооружений крымских татар из золотоордынского периода органично переходят в эпоху Крымского ханства. Так же, как в Среднем Поволжье между надгробиями Волжской Булгарии золотоордынского периода и памятниками эпохи Казанского ханства существуют заметные различия (в форме, декоре, архитектуре и пластике сооружений, в литературной стилистике, наконец, в географии их распространения), крымскотатарские надгробные камни 15-16 вв. и особенно поздние сооружения 17-18 вв. заметно отличаются от памятников из Старого Крыма и Отуза.

Тексты, запечатленные на надгробных памятниках-канях эпохи Крымского ханства становятся более сложными, велеречивыми по сравнению с эпитафиями золотоордынского периода. Мы имеем здесь дело с

дело с творчеством хаттатов - мастеров, которые одновременно были и резчиками камня, и "писцами", виртуозно владевшими не только традиционным сульсом, но всеми почерками классической семерки (из которых особенно любимым и распространенным в Крыму был дивани), и поэтами, сочинявшими эпитафии. О почетном положении в обществе таких мастеров свидетельствует то, с каким достоинством многие из них вводят в текст эпитафии свое собственное имя, выражая авторскую гордость своим творением.

Разумеется, и мера поэтического пафоса, и пышность орнаментального резного декора, и даже размеры сооружения зависели в каждом конкретном случае и от социального положения умершего, и от воли заказчика, и от индивидуальности резчика-поэта и его мастерства: в одно и то же время сооружались и скромные, строгие, и поистине великолепные в своей торжественной величавости надгробия. И все же общая тенденция развития этого искусства от эпохи Ренессанса (15-16 века) через весь 17 век к закату Крымского ханства, к 18 веку, идет по линии нарастания своеобразной барочной пышности. И тексты, и формы памятников становятся более сложными, затейливо-вычурными, перегруженными орнаментально-каллиграфическим декором.

Сравним, к примеру, эпитафии на Ханском кладбище в Бахчисарае, взяв несколько примеров в хронологической последовательности.

1699 год: "Молитва за упокой души начальника привратников высочайшего двора, покойного Хаджи-Кенаана, сына Алиа. 1111 год".

1729 год: "Эта гробница есть ложе одной прекрасной особы, нежное тело которой судьба сравняла с землею. Молитва за упокой души усопшей Мемек-Султаны. 1142 год".

1762 год: "Калга Сеадет-Гирей. Ненавистная судьба зарыла в землю алмаз с нитки рода Чингизовых. Много алмазов было у Сеадет-Гирея, наместника Крымского. Ныне один из этих алмазов есть Бахт-Гирей Султан, правосудный и умный. Да украшается он счастьем, пока тот (Сеадет-Гирей) лежит в земле [...] Тай Хамди [автор эпитафии] написал год его смерти: при таком счастье да восседает он на украшенном троне в раю. 1176 год".

1763 год: "Сын хана Крымского. Ах, еще младенцем отказался от жизни и переселился в царство вечности. Эта райская птица, бросив суетный мир, улетела в сад духовный [...] Я, Муджеми, со вздохом написал год его кончины: Бегадыр-Гирей вступил в сад вечности. 1177 год"³⁵.

В надгробиях Крымского ханства позднего периода (17-18 вв.) поражает широкий разброс возможных композиционных решений. Здесь нет единого канона, архитектурного стереотипа, почти обязательного, скажем для сравнения, для всех болгаро-татарских надгробных камней определенного стиля, определенной эпохи. Среди крымских

памятников одного хронологического периода (фактически мы имеем дело с материалом 17-18 веков) можно встретить самые различные сооружения. Это и столп овального сечения, четырехгранных и многогранных очертаний, и круглая колонна с куполообразным завершением, и плоская стела, поставленная на цоколь или без цоколя, и довольно сложная конструкция между двух параллельно поставленных стел, соединенных друг с другом цепями или оградой, и разновидности саркофагов.

Некоторые формы надгробий встречаются довольно редко. Например, неповторимо-своеобразным представляется нам надгробие в виде массивной колонны с верхним куполообразным навершием (высота памятника 1 м, диаметр - 0,4 м) из нынешнего собрания Феодосийского Краеведческого музея (номер хранения А-35/15, акт 1973 года), известная по тексту, заключенному в картуше, как "могила покойного Агаш (Агуш)-Бека, сына Кулумыша, да смилостивится над ним Аллах". Однако и в тех случаях, когда ничего исключительного в конструкциях нет (четырегранные и многогранные формы столпов и саркофаги встречаются в крымских надгробиях часто), чувствуется исключительная (в других мусульманских регионах, нам кажется, просто немыслимая) раскованность и свобода художника, который мог сделать надгробие как угодно, не чувствуя себя связанным никаким канонам. Это позволяет говорить о крымскотатарских надгробиях 17-18 вв. именно как о произведениях профессионального искусства, со всеми присущими ему чертами творческой свободы и авторской индивидуальности. Разумеется, это искусство имеет генетическую родственную связь с традициями народного творчества (резьбы по камню) и народной мемориальной архитектуры; оно также предопределено сакральным назначением памятника, мусульманским религиозным ритуалом и культом погребений и, вообще, функционирует лишь в границах исламской цивилизации. Но в этих широких границах оно чрезвычайно свободно и по своей художественной природе профессионально, независимо от какого-либо канона и, как правило, не анонимно ³⁶.

Внешнее разнообразие крымских памятников усиливалось разнообразием камня, с которым работали резчики в разных местах. Это мог быть и мрамор, и белоснежный или желтоватый известняк, и пористый розовый ракушечник, и темные тона твердых пород - гранита, диорита. Преобладал при этом широко распространенный в Крыму известняк, и художники часто практиковали его раскраску (обычно по частям, по отдельным деталям и выделенным цветом изображением), так что мемориальные сооружения были одновременно архитектурными памятниками, произведениями монументально-декоративной скульптуры и монументально-декоративной живописи - объектами синтеза пластических искусств.

Обычная для мусульманских надгробий вертикаль не была обязательной нормой для крымского мастера. Мы встречаем здесь (правда, довольно редко) и надгробия в виде горизонтальной каменной стелы. Такова, например, мраморная плита размером 33х42 см из той же фео-досийской коллекции (инв. номер 1831, поступила до 1971 г.) с виртуозной орнаментально-каллиграфической надписью в две строки. Но особенно широкое разнообразие, можно сказать, настоящее буйство фантазии художника обнаруживается в изобразительных мотивах, которые не только вплетаются в орнаментально-каллиграфический узор, но выступают в монументально-пластической форме. Такой формой является изображение чалмы, венчающей мужские надгробия, и шапочки, венчающей женские надгробия на татарских кладбищах Крыма. Не имея права (согласно мусульманской этике и эстетике) на изображение человека, крымский мастер тем не менее ставит памятник умершему как каменный столп, увенчанный чалмой, который начинает походить на стоящую фигуру, ассоциироваться с фигурой человека, причем по головному убору можно отличить мужской силуэт от женского. В этом художественном явлении сложно переплетаются и очень древние традиции тюркского искусства, и совсем новые, нарастающие в век Просвещения предчувствия секуляризации искусства, пробудившийся интерес к чисто изобразительным мотивам, умение обойти запреты шариата: живое существо изображать, конечно, нельзя, но этот камень, этот столп в чалме, он смотрится почти как человек, и в его силуэте даже можно узнать суровую статью, грузную мощь или юношескую стройность умершего.

Надо внимательно присмотреться к тому, с каким пластическим совершенством, с какой тщательностью вырезаны в камне венчающие надгробный памятник шапочки и чалмы. Замечательный пример тому - обвивающая тугим бутоном остроконечное навершие памятника, белоснежно-мраморная, тщательно полированная чалма надгробия из фео-досийской музейной коллекции (инв. номер А-6163). Эта чалма согнута выпуклыми рельефными жгутами, их встречное движение энергично, полно динамики. Это одновременно и виртуозно обыгранный узор - чисто орнаментальная плетенка, и реалистическое изображение конкретного предмета, радовавшее художника своей реальностью, своей точной похожестью на настоящую, именно так закручиваемую чалму. И чалма, и женская шапочка служили символами принадлежности умерших к исламу.

При этом не только в ранних, но и в поздних надгробиях мусульманская символика удивительно переплетается с языческой. Как отмечает в новейшем путеводителе по Бахчисарайскому заповеднику Ю.М. Могаричев, создатели каменных надгробий, отталкиваясь от мусульманской формулы "Смерть есть чаша с вином, которую должно испытать

все живое", нередко высекали в камне, в верхней части надгробия, своеобразную чашу, которая наполнялась дождевой водой. "Начало такой традиции, - пишет он, - имеет корни в языческой древности, когда верили, что обильный дождь и полив способствовали очищению души..."³⁷. Сочетание с живой водой, естественной зеленью, цветами, которые высаживались над могилой, увеличивало сходство надгробных сооружений с архитектурой крымских фонтанов, декоративным обрамлением водных источников.

Встречаются на крымских надгробиях и рельефные изображения предметов, чаще всего оружия. Примером тому может служить тяжелая сабля, изображенная на надгробии Менгли-Гирея. Рельефное изображение ятагана на надгробии Селим Гирея (1744) символизировало воинскую доблесть умершего хана. Отдельные изобразительные мотивы (изображения лампы, светильника, голубей, кентавров) свидетельствуют о точках соприкосновения и сложных переплетениях исламского искусства и с христианской, и с иудаистской символикой, и с античной мифологией, переосмысленной в возрожденческой и классицистической интерпретациях. Однако такого рода изображения в резьбе по камню на крымскотатарских надгробиях - довольно редкое исключение, в то время как богатейшие орнаментальные композиции, сопровождая каллиграфический текст и эпитафий и переплетаясь с ним, украшают почти каждый надгробный памятник. Наряду с розетками и богатейшими вариациями геометрической плетенки, свидетельствующими об устойчивости и длительности традиций сельджукизма в крымскотатарском монументально-декоративном искусстве, в произведениях позднего периода широкое распространение имеют растительные мотивы, стилистически сближающие народное искусство крымских и поволжских татар. Излюбленным мотивом растительного орнамента в крымскотатарской резьбе по камню был извилистый стебель и лист гороха. В построении узора можно четко проследить его центрическую основу (вазон, или куст, или букет, в который трансформировалось изображение "древа жизни") и поднимающееся над ним кружевным орнаментальным облаком, разветвляющемся в стороны растительными побегами орнаментальное плетение. В этот узор резчики свободно вводили и скрученные спиралью листки, и молодые побеги, и кружочки, служившие обозначением улиток, и изображения айвы, граната, виноградной лозы, груши и других плодов. Среди растений и цветов варьируются стилизованные изображения тюльпана, розы, шафрана, лютика, гвоздики, мальвы. Особо надо отметить характерный для крымскотатарского растительного орнамента мотив кипариса, имевший свои истоки как в окружающей природе, так и в древних традициях сельджукизма, проникавших в Крым из Малой Азии и южного Причерноморья: там кипарис

служил символом скорби и знаком вечности; именно эта его символика гармонировала с характером надгробий.

Подводя итог анализу памятников эпохи Крымского ханства, отметим теснейшую стилистическую связь крымскотатарских надгробий с другими видами, типами, жанрами и формами крымскотатарской архитектуры, декоративного и изобразительного искусства, поэзии и философско-исторической литературы. Эти памятники нельзя рассматривать изолированно, вне контекста с теми процессами, которые шли в других сферах народного творчества и профессионального искусства крымских татар. При этом некоторые специфические формы крымскотатарского зодчества и искусства особенно близки и тесно связаны со стилистикой, принципами конструктивных решений и декора мусульманских надгробий. Это прежде всего усыпальницы-дюрбе, которых в Крыму сохранилось гораздо больше и от гораздо более позднего времени, чем в других ареалах татарской культуры, например, в Булгаре, Казани или Касимове. С монументальной формой мавзолея всегда по-своему перекликались более скромные по масштабу мусульманские надгробия-камни, воспроизводя в миниатюре отдельные архитектурные и декоративные мотивы, первоисточником которых служили конструктивные решения и декор мечетей и величественных дюрбе-мавзолеев. В ансамбле Бахчисарайского дворца-заповедника, где каменные надгробия (как изначально возведенные на ханском кладбище, так и привезенные сюда позднее, как в единственную зону охраны, из мест тотального разрушения мусульманских кладбищ в Крыму) воспринимаются в непосредственной визуальной связи и с ханскими усыпальницами-дюрбе, и с другими сакральными и светскими памятниками крымскотатарской национальной культуры, эта связь выступает особенно рельефно и может быть прослежена на наглядном материале.

Особо следует подчеркнуть характерное для крымскотатарской национальной культуры сходство и духовное родство надгробных памятников и сооружений над водными источниками, в том числе, знаменитых бахчисарайских фонтанов. Обрамление водных источников, получившее выражение в разнообразных типах настенных, прилегающих к скале или к стене, а также "круглых", рассчитанных на круговой обзор, сооружений, имеет в Крыму немало точек соприкосновения с художественной традицией надгробных памятников. Это проявляется и в архитектурных, прежде всего арочных мотивах, и в резном и живописном декоре, и в эстетическом освоении камня (цветного и белоснежного мрамора), и в активном введении поэтических текстов и коранических формул в каллиграфический узор как надгробия, так и фонтана, и в самом религиозном восприятии священной могилы (памяти предков) и священного водного источника (источника жизни). В крымскотатарской культуре получает распространение очень своеобразная художественная

и эмоциональная форма, возникшая как синкретическое соединение надгробия и фонтана: это фонтан слез (и знаменитое бахчисарайское творение художника Омара - отнюдь не единственный пример сооружений такого рода), фонтан печали, фонтан, хотя прямо и не связанный с захоронением, с могилой усопшего, но играющий роль мемориала - памятника, напоминающего и о быстротечных радостях жизни, и о неизбежной разлуке, и о райском блаженстве загробного существования душ праведников.

У искусства надгробий и искусства фонтанов в Крыму была общая сакральная основа, общая опора на фундаментальные пласты философии Ислама, мусульманской этики и эстетики, общая концепция синтеза произведения искусства с окружающей природой. Разделяя это единое мировоззрение, владея постулатами этой веры, крымскотатарский художник мог естественно сочетать в одном лице архитектора, мастера ландшафтного дизайна, декоратора, живописца, поэта и выступать как автор и архитектурно-пластических надгробий, и сооружений над водными источниками и фонтанами, применяя в том и другом случае схожую систему обработки мрамора, резного декора, поэтических эпитафий, исполненных религиозной и мистической лирики. В известной мере это характерно для всех исторических периодов развития культуры Крымского ханства до конца 18 века включительно.

Судьба наследия. Разрыв и возрождение древней традиции

Е.Л. Марков в своих "Очерках Крыма" оставил описание того состояния, в каком находились надгробия, сосредоточенные при Бахчисарайском Ханском дворце, спустя сто лет после российской аннексии Крыма. (Надо сказать, что это их состояние мало отличается от современного). "Через узенькую калиточку, - пишет Марков, - входишь в весело цветущий миндальный садик, с жужжащими пчелами и густою зеленою травю... Среди этой травы стоит несколько высоких каменных гробов с каменными чалмами на головах. Но это только придверники. Из садика вы входите в сырую и пустую, круглую башню, засаженную гробами... Тут уже мрачно и гнило. Тут не одни чалмы, тут и каменные женские шапочки над гробницами ханских жен... На каждом гробу неизбежный стих из Алкорана. На некоторых иссечены какие-нибудь вооруженья; на Менгли-Гирее, например, грозная тяжелая сабля. Гробницы стоят враздробь и вообще находятся без всякого призора. Некоторые даже разбиты. А между тем, по остаткам разноцветных повязок на шапочках и чалмах заметно, что еще не очень давно какая-нибудь верная рука воздавала почесть покойникам"³⁸.

"Узенькая калиточка", открытая в свое время дрогнувшей рукой русского ученого-путешественника, представляется нам печальными пропилями, обрамляющими трудный вход в ту проблематику, что свя-

зана с судьбой этого художественного наследия. Что с ним стало в последующие века, обрывается ли эта традиция после аннексии Крымского ханства в 1783 году?

При всей неполноте и непоследовательности научного исследования художественного наследия, профессионального искусства и народного творчества крымских татар в 19-20 столетиях, мы все же располагаем на сегодняшний день достаточным материалом для того, чтобы сделать вывод о непрерывных и не прерванных, несмотря на все тяжелейшие удары, многократно повторявшиеся с конца 18 до конца 20 века и направленные на уничтожение крымскотатарской культуры, живых традициях национального искусства, в том числе в конкретной области мемориальных сооружений и художественных надгробий.

Вспомним в этой связи о судьбе акмечетского кладбища в черте нынешнего города Симферополя, которое прилегал к татарскому поселению Ак-Мечеть (Ак-Месджид) и тянулось от дворца калги-султана (разрушенного русскими войсками в 1771 году) до реки Салгирки. После присоединения Крыма к России мусульманское кладбище начали разрушать, застраивать новыми домами, наконец, в 1820 году на его месте разбили "казенный сад". Однако еще более столетия в этом районе (около дома 7 по нынешней улице Воровского, бывшей Воронцовской) не только сохранялась, но и благоустраивалась заново могила ("азиз") татарского святого Салгир-бабая. По свидетельству казанского учителя-краеведа Ф.Ф. Лашкова, исследовавшего этот памятник в 1889 году, она располагалась посреди небольшого дворика и представляла собой гробницу, покрытую плитой из известняка с арабской каллиграфической надписью о том, что она построена "боголюбивым шейхом Ассаном в 1257 году"³⁹. 1257 год хиджры соответствует 1841 году христианского летосчисления. Таким образом, в середине 19 века в Крыму еще были мастера, владевшие традиционным искусством резных надгробий. Возможно, их же руками возводились широко распространенные в 19 - начале 20 вв. по всей территории Крыма каменные фонтаны и сооружения над священными и целебными источниками, выдержанные в традициях мусульманской архитектуры, иногда имитирующие формы порталов, михрабов мечети и надгробных каменных плит (один из таких источников сохранился в горах над поселком Гурзуф, у дороги к бывшему молодежному лагерю "Спутник" по левую сторону при спуске с гор).

Новые мусульманские кладбища в Крыму появляются вместе с возвращением на Родину крымских татар. Вновь над могилами ставятся вертикальные каменные плиты - текиль-таши. Давно выбиты из жизни, ушли в могилу мастера, владевшие каллиграфическим почерками, способные украшать надгробия резными эпитафиями и кораническими формулами. Однако появляются новые генерации профессиональных

архитекторов, скульпторов и живописцев, стремящихся овладеть забытым языком и искусством, применяющих (иногда в стилизованных формах, в надписях на русском и современном крымскотатарском языке, внешне напоминающих арабскую вязь) традиционные декоративные приемы оформления надгробий. И исламская символика, и коранические тексты снова появляются на памятных стелах и надгробных камнях. Впервые после депортации это позволили себе в 1970-х годах жители села Донское (бывшего Кернеуч Зуйского района). Именно их земляк Муса Мамут совершил 28 июня 1978 года в знак протеста против глумления администрации над крымскими татарами акт самосожжения, всколыхнувший тогда весь прогрессивный мир. Могила Мусы Мамута, оформленная в стиле традиционных мусульманских резных каменных надгробий, до сих пор остается местом массового паломничества. На мусульманском кладбище в Донском были поставлены и другие надгробия (например, Сейяру Джемалединову, умершему в 1976 году) в виде текиль-ташей с исламской символикой и арабской вязью.

Теперь, однако, главный акцент переносится на мемориальные сооружения, которые воздвигаются не на месте конкретных захоронений, а как памятники общенационального или локального значения - павшим в войне, ставшим жертвами сталинского геноцида и красного террора, вынужденным оставить родную землю соотечественникам. В формах каменных стел и надписей авторы таких сооружений стараются сохранить некоторое, хотя бы отдаленное сходство с традиционным типом надгробного текиль-таша. Одним из первых в современном Крыму 7 октября 1987 года был поставлен по инициативе крымскотатарской общественности памятный знак в честь жителей деревни Тав-Бадрак (ныне село Скалистое) Бахчисарайского района, погибших от рук фашистских оккупантов. На мемориальной доске здесь запечатлены имена 38 погибших (37 татар и одного русского). Затем в 1989 году на Керченском полуострове по инициативе жителей села Новониколаевка Ленинского района Р. Усеинова и Ш. Нафева на их средства был поставлен памятный знак в честь партизанки Алиме Абденнановой на месте уже не существующего татарского села Джермай-Кашик. К 140-летию со дня рождения Исмаила Гаспринского, 21 марта 1991 года, в бахчисарайском пригороде Салачике (на территории тогда еще находившейся там психиатрической больницы) над условно выбранным местом его возможного (уничтоженного) погребения был установлен памятный камень (диорит) с текстом на русском языке. Потребовалось десять лет не только творческих, но прежде всего политических усилий организованного крымскотатарского национального движения для того, чтобы от первых надежд, проектов и закладки памятных камней дело дошло до возрождения мусульманских мемориалов. Именно на этом месте, очищенном от грязи и скверны (для психиатрической больницы власти Бахчисарая

нашли, наконец, другой адрес), вблизи исторических памятников – древнейшего в Европе мусульманского университета, Зинджирлы-Медресе (1500) и дюрбе-усыпальницы его основателя, просвещенного хана Менгли-Гирея – в 2001 году возник современный национальный пантеон. В его центре – воздвигнутый из белоснежного мрамора, покрытый тончайшей каллиграфической и орнаментальной резьбой, сконструированный в форме саркофага с двумя вертикальными стелами разной высоты памятник ("надгробный" в данном случае можно сказать лишь условно, ибо неизвестно точно, где находилась могила великого просветителя) Исмаилу Гаспринскому. Авторы этого сооружения – скульптор Айдер Алиев и историк Энвер Озенбашлы – опирались на традиции эпохи мусульманского Ренессанса, но использовали их свободно, творчески, не имитируя формы ханских надгробий, стараясь лишь придерживаться некоторых классических декоративных мотивов (стилизованные изображения кипариса, тюльпанов, крупных розеток, орнаментальная плетенка) и конструктивных принципов сооружения саркофага. Отказавшись от каких-либо надписей на русском языке, резчики вернулись к арабскому шрифту и языку "Терджимана" – газеты, издававшейся Исмаилом Гаспринским и служившей почти 35 лет (1883 – 1918) мусульманам всего тюркского мира. Рядом с памятником Гаспринскому, в некотором отдалении и в меньшем масштабе, из того же белоснежного мрамора, в той же стилистике украшенного орнаментальной резьбой саркофага, был возведен памятник другому выдающемуся деятелю национальной культуры и освободительного движения крымских татар Амету Озенбашлы. Обнесенный каменным забором, украшенным плоскими нишами арочных очертаний, вымощенный светлыми мраморными плитами и оживленный газонами и цветниками, этот участок, над которым возвышаются сегодня два первых монумента общенационального значения, должен превратиться в крымскотатарский некрополь 21 века, в котором древние традиции надгробных сооружений и резьбы по камню получают свободное, не связанное канонами развитие.

Весной 1994 года по инициативе Меджлиса крымскотатарского народа был проведен международный конкурс на памятник, посвященный жертвам геноцида - массовой депортации крымских татар 18 мая 1944 года. Среди конкурсных проектов было немало творческих предложений, возрождающих традиции мусульманских дюрбе-мавзолеев и саркофагов, резных каменных стел, соединенных цепями и оградами. Одним из наиболее интересных конкурсных проектов был проект, озаглавленный "Черное дюрбе", молодого крымскотатарского художника Исмета Шейх-Заде. Переключка со старинными сакральными сооружениями, центрально-купольными мечетями и ханскими усыпальницами-ротондами, была ощутима и в рисунке конкурсного проекта архитекто-

ра Ирфана Шемседина, получившего вторую премию и возглавившего авторский коллектив, начавший работу над окончательным проектом монумента. На месте сооружения будущего памятника в парке Салгирка Симферополя 18 мая 1994 года был установлен памятный камень, а во многих городах Крыма к памятной трагической дате - 50-летия депортации и позднее были сооружены памятные знаки и стелы. Некоторые из них не имеют с национальной традицией каменных надгробных сооружений ничего общего, но отдельные памятники, например, в Ялте, Евпатории, Судаке, построены с сознательным учетом определенных традиций мусульманских мемориальных сооружений, и формы камней, и их сочетание с природной зеленью и водными источниками (в Ялте), и тексты, заключенные в картуши и стилизованные под арабскую каллиграфическую систему (в Евпатории), и другие художественные особенности продиктованы этой традицией.

Нельзя умолчать при этом о той настоящей "войне", которая объявлена крымскотатарским памятникам шовинистическими силами в Крыму и в атмосфере которой возрождение крымскотатарского мемориального искусства обретает драматичный характер. Почти все упомянутые выше новые памятные сооружения подвергались осквернениям, нападениям хулиганов и частичным или полным разрушениям. Особенно возмутительная варварская акция была совершена в Симферополе в новогоднюю ночь 1 января 1996 года, когда был разбит и осквернен антитатарскими надписями памятный камень, заложенный на месте будущего монумента жертвам геноцида и депортации в парке Салгирка. Президиум Меджлиса крымскотатарского народа принял по этому поводу специальное заявление от 3 января 1996 года, потребовав от крымских властей остановить вандалов и привлечь к ответственности виновных. Официальное заявление с протестом Меджлиса, опубликованное в газете "Авдет", было озаглавлено "Национальному достоинству крымских татар нанесено оскорбление"⁴⁰.

Надо признать, что шовинистические силы накопили немалый опыт в нанесении оскорблений национальному достоинству крымских татар, и "война памятников" в Крыму ведется не только средствами варварских разрушений. В арсенале противников возрождения национальной культуры крымских татар немало других приемов, включая и фальсификацию истории и культуры Крыма в литературе и средствах массовой информации, и разного рода бюрократические издевательства. Примером таких издевательств может служить установившаяся в Крыму система учета и "охраны" мемориальных сооружений.

К 1985 году на государственном республиканском учете Украинской ССР находилось всего 11 крымских мемориальных сооружений мусульманского характера (номера в реестре государственного учета 285/9, 285/11, 285/12, 285/13, 286, 287, 290/4, 296, 297, 298, 299). В 1986

году на учет был взят 12-тый памятник - дюрбе в селе Айвовое Бахчисарайского района на берегу реки Качи. С той поры ситуация практически не изменилась. Характерно, что практически все татарские памятники (буквально за двумя исключениями), оказавшиеся под охраной государства, находятся на территории Бахчисарайского дворца-музея, где их просто нельзя было не заметить (потому они и вошли в республиканский реестр) и где проблемы охраны решены самим статусом музейно-архитектурного заповедника. В то же время в отдаленных, горных, степных и прибрежных районах, на остатках чудом уцелевших и продолжающих разрушаться мусульманских кладбищ одинокие каменные надгробия предоставлены своей судьбе и до сих пор не находятся под охраной государства.

Свидетельством полного пренебрежения к памятникам крымскотатарской культуры в Крыму может служить утвержденный Постановлением Правительства Крыма 20 апреля 1995 г. (№ 126) "Государственный реестр недвижимых памятников истории и культуры Республики Крым (по состоянию на 01.01. 95 г.)". Открываем том I этого убористого (на 158 страницах) реестра, пытаемся найти хоть что-либо из крымскотатарских надгробий любого периода, из священных мусульманских могил-азизов, из мемориальных сооружений, хоть как-то связанных с национальной историей и культурой крымских татар. Напрасно. Огромный труд составителей многостраничного реестра (а до них - труд исполкомов, определявших охранные зоны и достойные заботы и охраны памятники, труд скульпторов и архитекторов, их сооружавших, труд жителей Крыма, в конечном итоге финансировавших всю эту "монументальную пропаганду") потрачен, кажется, специально на то, чтобы унизить национальное достоинство коренного народа, подчеркнуть, что нет на крымской земле места могилам и надгробиям крымских татар, что не имеют они ни малейшей ценности. Для читателей, которые не имеют возможности заглянуть в этот помеченный грифом "для служебного пользования" документ, мы приведем дословно некоторые его страницы, чтобы не осталось сомнения в том, какую тотальную войну ведут чиновники от культуры против крымскотатарского искусства. Посмотрим, к примеру, раздел "Белогорский район" и воспроизводим подряд, без единого пропуска, включенные в государственный реестр памятники этого региона, указывая учетный номер, название, место сооружения (в соответствии с оригиналом, не допускающим никаких татарских наименований, никаких воспоминаний о том, что Белогорск веками был Карасу-Базаром, село Земляничное до депортации называлось Орталан, село Ароматное - Шабан-Оба, поселок Зуя - Отаркой и так далее), время события и время сооружения памятника или решения о его постановке на учет:

"921. Братская могила членов ревкома и коммунистов. Белогорск, городское кладбище. 1918-1920. 1969.

922. Братская могила красногвардейцев и партизан гражданской войны. Белогорск, улица Мирошниченко. 1918-1920. 1969.

923. Братская могила партизан и подпольщиков. Белогорск, городское кладбище. 1941-1944. 1969.

926. Братская могила партизан и подпольщиков. Белогорск, северная окраина. 1941-1944. 1969.

924. Братская могила советских воинов. Белогорск, городское кладбище. Октябрь 1941 - 1944. 1969.

927. Братская могила мирных жителей [среди 468 погибших здесь нет крымских татар. Это касается и всех приводимых далее памятников такого рода, само время постановки которых на учет - конец 1960-х годов, когда в Крыму власти вели яростную антитатарскую кампанию, - говорит само за себя.]. 1 км к югу от Белогорска справа от шоссе на Приветное, в саду. Ноябрь-декабрь 1941. 1969.

929. Братская могила членов семьи партизана. Там же. Апрель 1943. 1969.

928. Братская могила мирных жителей. Белогорск, улица Садовая. Декабрь 1941. 1969.

925. Могила М. М. Костина. Белогорск, северная окраина. Апрель 1944. 1969.

915. Место, где располагался лагерь русских войск под командованием А.В. Суворова. Белогорск, западная окраина. Март - апрель 1777 [один из первых драматических актов разгрома российскими войсками татарского Крыма]. 1969.

917. Памятный знак на месте соединения войск 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии. Белогорск, улица Луговая. 13 апреля 1944. 1972 (скульптор Е. Чумак, архитектор Б. Очаковский).

916. Памятный знак в честь А.В. Суворова. Белогорск, сквер по ул. Луначарского. март - апрель 1777. 1952.

2278. Памятный знак в честь М.И. Калинина. Белогорск, пл. Красного Октября. Июль 1922. 1976 (скульптор В.В. Петренко).

1847. Памятный знак в честь К.И. Щелкина. Белогорск, ул. Мирошниченко, средняя школа № 1. 1924-1928. 1971 (скульптор Г.Д. Ястребенецкий).

918. Памятный знак в честь советских воинов и партизан. Белогорск, юго-западная окраина, у шоссе на Феодосию. 1941-1945. 1966 (скульптор Л.С. Смерчинский).

959. Памятник В.И. Ленину. Белогорск, ул. Мирошниченко. 1870-1924. 1945.

944. Братская могила советских воинов и партизан. Село Александровка. 1944. 1969.

949. Могила А. Васильева. Село Александровка, холм у лесничества. 1920. 1969.
955. Братская могила советских воинов. Село Анновка, кладбище. 1944. 1969.
2277. Памятный знак в честь воинов-односельчан. Село Ароматное. 1941-1945. 1976.
935. Братская могила мирных жителей. Село Баланово. Январь 1944. 1969.
941. Братская могила подпольщиц А.А. и О.А. Кулякиных. Село Васильевка, кладбище. Апрель 1944. 1969.
2274. Памятный знак в честь воинов-односельчан. Село Васильевка, у Дома культуры. 1941-1945. 1973 (скульптор Н.Д. Солощенко).
948. Братская могила партизан. Урочище Верхний Кокасан. 1918, 1941-1944. 1969.
963. Памятник А. Алексееву. Село Вишенное. 1928. 1967 (скульптор Л.И. Ушакова).
939. Братская могила советских партизан. Село Земляничное. 1942-1944. 1969.
933. Могила П.Н. Вербовского. пгт. Зуя, поселковое кладбище. Август 1929. 1969.
934. Братская могила мирных жителей. пгт. Зуя. 23-й км шоссе Симферополь-Феодосия. Январь 1942. 1969.
932. Братская могила советских воинов, партизан и памятник односельчанам. пгт. Зуя, ул. Шоссейная, парк. 1941-1945. 1969.
931. Братская могила партизан и членов их семей. пгт. Зуя, поселковое кладбище. Февраль 1943. 1969.
932. Братская могила советских воинов и партизан. пгт. Зуя, ул. Шоссейная. 1941-1944. 1969.
962. Памятник И.С. Кулявину (руководителю подпольной комсомольской организации). Там же. 1942-1943. 1969.
936. Братская могила советских воинов. Село Красногорское. кладбище. Май 1944. 1969.
950. Могила неизвестного советского воина. Село Криничное. 1941-1944. 1969.
937. Братская могила жертв фашистского террора. Село Курортное. 1941-1944. 1969.
951. Братская могила советских воинов. Село Курское, кладбище. Апрель-август 1944. 1969.
945. Братская могила партизан. Село Межгорье. 8 км на юг в Васильевской балке. Январь 1944. 1969.
947. Могила неизвестного советского воина. Село Мельники, в саду. Апрель 1944. 1969.

954. Братская могила партизан и мирных жителей. Село Мельничное, сельское кладбище. 1944. 1969.

2275. Памятный знак в честь воинов-односельчан. Село Мичуринское, у Дома культуры. 1941-1945. 1975 (скульптор А.А. Пивоваров).

2328. Братская могила советских воинов-парашютистов. Село Муромское, у средней школы. Январь 1942. 1974 (перезахоронение).

919. Памятный знак на месте боев партизанских отрядов с немецко-фашистскими захватчиками. Урочище Нижний Кокасан, у шоссе Джанкой-Приветное. 1941-1944. 1964 (автор Н.Д. Галич).

946. Могила Самарина. Село Новиково, кладбище. 1942. 1969.

956. Могила В.В. Рудковского. Село Новожиловка, кладбище. Март 1944. 1969.

2311. Памятник Герою Советского Союза Л.И. Новожилову. Село Новожиловка, у конторы совхоза. 1943. 1974 (скульптор А.Я. Футерман).

2332. Могила неизвестного советского воина. Село Павловка, ул. Новая. 1941-1944. 1980.

1848. Братская могила партизан. Село Петрово. 3 км на юго-запад. Ноябрь 1943. 1972.

943. Могила М.Н. Ключева. Село Пролом, в саду. Сентябрь 1943. 1969.

942. Братская могила подпольщиков. Село Пролом, у шоссе Белогорск - Золотое поле. Апрель 1944. 1969.

940. Братская могила партизан и мирных жителей. Село Поворотное, у северо-восточной окраины. Декабрь 1941 - февраль 1942. 1969.

957. Могила Л.Д. Неумывако. Село Русаковка. кладбище. Февраль 1944. 1969.

2329. Памятный знак в честь воинов-односельчан. Село Русаковка, у Дома культуры. 1941-1945. 1975 (автор И.В. Шаров).

2313. Братская могила партизан. Село Сенное, в парке. Март 1944. 1980.

953. Братская могила советских воинов. Село Учебное, кладбище. 1944. 1969.

958. Братская могила советских воинов и партизан. Село Цветочное, кладбище. Апрель 1944. 1969.

2276. Памятный знак в честь воинов-односельчан. Село Цветочное, у Дома культуры. 1941-1945. 1976 (скульптор Н.А. Бедниченко).

3157. Памятный знак в честь воинов-односельчан. Село Зыбины, у Дома культуры, сквер 40 лет Победы. 1941-1945. май 1985 (автор Е.М. Горшинов).

3158. Памятный знак в честь бойцов Ичкинского партизанского отряда. Село Красноселовка. 1941-1944. 1990.

3156. Памятный знак в честь воинов-односельчан. Село Мельничное, ул. Подгорная, у Дома культуры. 1941-1945. 1990".⁴¹

И это абсолютно все по Белогорскому району (порядковые номера реестра 594-652) - исконной территории, на которой шло развитие истории, культуры, государственности крымских татар. Ни единого крымскотатарского памятника на учете, ни единого имени крымскотатарского художника среди авторов сооружений, ни единого деятеля национальной культуры, чья память оказалась бы достойна внимания крымских властей. И то, что мы видели на примере Белогорского района, повторяется по всем районам Крыма без исключения.

Среди таких чужих "братских могил" и "памятных знаков" приходится ныне крымскотатарскому народу вести отчаянную борьбу за свое выживание, за возрождение своей национальной культуры и государственности.

Примечания

1. Народы мира. Энциклопедия. Главный редактор В.А. Тишков. М., Научное издательство "Большая Российская Энциклопедия", 1994.

2. Вопросы искусства народов Карачаево-Черкесии. Сборник научных трудов. Черкесск, Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований, 1993.

3. Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М., Институт этнологии и антропологии РАН, 2001.

4. Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М. – Ленинград, 1960.

5. Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978.

6. Мухаметшин Д.Г. О новых эпиграфических памятниках Булгарского городища // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976. С. 60 – 71; Мухаметшин Д.Г. Резьба по камню в Среднем Поволжье XIII – первой половины XVI века // Труды Академии художеств СССР, Выпуск 5. М., 1988. С. 205 – 217.

7. Резные надгробные камни экспонировались не только в исторических, краеведческих и художественных музеях Татарстана, в которых они занимали часть фондов и часть постоянной экспозиции, но с начала 1980-х годов были сосредоточены в специальном собрании камней (лапидариуме) Булгарского историко-архитектурного музея-заповедника, где специалисты имели возможность заниматься их детальным анализом и общей классификацией.

8. Червонная С.М. Искусство Татарии. История изобразительного искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 года. М., 1987.

9. Червонная С.М. Некоторые коррективы к истории татарского искусства (По итогам комплексной научной экспедиции, организованной Академией художеств СССР в сельских районах татарской АССР летом 1984 года) // Труды Академии художеств СССР, Выпуск 5. М., 1988. С. 130 – 142.

10. Первая комплексная научная экспедиция, финансируемая Меджлисом крымскотатарского народа, была проведена под руководством автора летом 1994 года по программе "Возрождение мусульманской культуры в Крыму". Вторая экспедиция при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (проект 96-01-18033 и Фонда Джона Д. и Кэтри Т. МакАртуров (индивидуальный исследовательский проект GA 96-41181A-FSU) была проведена нами по программе "Возвращение крымскотатарского народа: проблемы этнокультурного Возрождения" летом 1996 года. В ходе двух экспедиций нами были обследованы Бахчисарайский, Симферопольский, Севастопольский, Ялтинский, Алуштинский и Судакский районы. Частично результаты проведенной работы и собранные материалы нашли отражение в публикациях: С.М. Червонная. Проблемы возвращения и интеграции крымских татар в Крыму: 1990-е годы. М., 1997; Светлана Червонная. Мусульманская эпиграфика (резные надгробные камни) в Крыму // Татарская мархеология, Казань, 1997, № 1. С. 107 – 128; С.М. Червонная. Тюркский мир Юго-восточной Европы: Крым – Северный Кавказ. Берлин, 2000.

11. Осан Акчокраклы: Старо-Крымские и Отузские надписи XIII-XV вв. Симферополь: 1927. (Отдельный оттиск публикации в томе 1 (58) "Известий Таврического общества истории, археологии, этнографии").

12. В. К. Гарагуля: Бахчисарай. Очерк-путеводитель. Симферополь: 1973.

13. Петр Кеппен: О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: 1837. В этом исследовании дано первое в русской академической литературе описание и аналитическое исследование мусульманских погребальных памятников в Крыму (в Отузе, Токлуке и других местах, где побывал П. Кеппен).

14. А. А. Борзенко; А. Ф. Негри: Бахчисарайские арабские и турецкие надписи. //Записки Одесского Общества истории и древностей. Одесса: 1850. С. 489-524. Публикация содержит самые полные и точные

из всех прежних и последующих переводы эпитафий, находившихся в интерьере ханского дворца и на сооружениях в его садово-парковом окружении.

15. В. Н. Гуркович: Архитектурно-градостроительные исследования памятников крымских татар. Историко-архивные и библиографические изыскания. [Машинописный текст в нескольких подшивках]. Симферополь: 1991. (Хранится в Крымском отделении Украинского специального научно-реставрационного проектного института "Укрпроектреставрация" в Симферополе).

16. Подробное описание всего найденного включено в дневник и научный отчет нашей экспедиции 1996 года, переданный в Российский Гуманитарный Научный Фонд.

17. Э. А. Сеферов: О состоянии памятников мусульманской культуры в Крыму и проблемы их исследования. //Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной конференции. Симферополь, 1991, 23-28 сентября. Вып. 1. Симферополь: 1991. С. 111.

18. См., например: Е. А. Халикова: Билярские некрополи. //Исследования Великого города. М.: 1976. С. 113-168; Е. А. Халикова: IV Билярский некрополь. //Новое в археологии Поволжья. Казань: 1979. С. 114-118; Е. А. Халикова: Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X - начала XIII в. Казань: 1986.

19. Самый ранний из числа обнаруженных, известных памятников волжско-булгарского ареала датирован 680 годом хиджры (1281-1282). Он найден в 1951 г. около села Русский Урмат Высокогорского района на месте Иски-Казани. Камень имеет стрельчатое очертание, высоту около 145 см и врезанную в плоскость камня с лицевой стороны куфическую надпись. Опубликован в трудах исследователей болгаро-татарской эпиграфики: Г. В. Юсупов: Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л.: 1960. С. 47; Р. Г. Фахрутдинов: Исследования Старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов). //Советская археология, 1984, N 4. С. 91.

20. О надгробном эпиграфическом камне-памятнике из села Ямбухтино Тетюшского района, относящемся к 1244 году, упоминается в "Булгарской истории" татарского историка Г. Ахмарова: Г. Ахмаров: Болгар тарихы. Казан: 1907. Б. 125.

21. Осан Акчокраклы: Старо-Крымские и Отузские надписи XIII-XV вв. Симферополь: 1927. (Отдельный оттиск публикации в томе 1 (58) "Известий Таврического общества истории, археологии, этнографии").

22. Подробнее о том, что представляли собой такого рода "книги-камни" см. в исследовании: С. Г. Кляшторный: Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: 1964.

23. Опубликовано в статье: Э. Ф. Ишбердин: Камень с "загадочными" знаками. //Советская тюркология, 1980, N 2. С. 64-67, с послесловием С. Г. Кляшторного.

24. См.: Осман Акчокраклы: Татарские тамги в Крыму. Известия Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе. Книга 1. (Отдельный оттиск). Симферополь: 1927. Недавно эта работа в отличном полиграфическом исполнении со множеством иллюстраций переиздана в Турции: Osman Akcokrakli; Ismail Otar: Kirim'da Tatar Tamgalari. Ankara, Haziran, 1996.

25. Там же. В русском издании С. 46; в турецком - С. 30.

26. Там же. В русском издании С. 36; в турецком - С. 11 приложения - факсимильно воспроизведенной брошюры Османа Акчокраклы, изданной в Бахчисарае в 1926 году на крымскотатарском языке арабским шрифтом.

27. См., к примеру, памятник дочери Кинджи Зубайди из Булгара, сооруженный в 1290-х годах, производящий впечатление почти аскетической строгости, со скупым куфическим текстом, врезанным в его неорнаментированную поверхность (хранится в Государственном Объединенном Музее татарстана, инв. N 5751; опубликован нами в альбоме "Изобразительное искусство Советской Татарии" (М.: 1983), илл. 8.

28. По проблемам болгаро-татарской эпиграфики существует богатая историческая, лингвистическая и искусствоведческая литература. Хронологическая последовательность появления (в 20 веке) основных трудов, посвященных резным надгробным камням мусульманского Поволжья, выстраивается следующим образом: П. Е. Корнилов: К орнаментике болгаро-татарского резного камня. //Материалы по охране, реставрации и ремонту памятников ТССР, вып. 3. Казань: 1929. С. 1-19; П. М. Дульский: Несколько слов по поводу орнаментики татарских памятников XVI-XVII вв. //Там же. С. 22-26; С. Е. Малков: Булгарская и татарская эпиграфика. //Эпиграфика Востока, 1947, вып. 1; 1948, вып. 2; Г. В. Юсупов: Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л.: 1960; Г. В. Юсупов: Новые находки эпитафий периода Казанского ханства. //Эпиграфика Востока, 1963, N XVI, С. 72-81; Ф.Х. Валеев: Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: 1975; Д. Г. Мухаметшин: О новых эпиграфических памятниках Болгарского городища. //Из истории культуры и быта татарского народа и его предков.

Казань: 1976, С. 60-71; А. Н. Khalikov, D. G. Muhametschin: Unpublished Volga Bulgarian Inscriptions. //Acta Orientalia, XXXI (I), 1977, С. 197-125; Ф. С. Хакимзянов: Язык эпитафий волжских булгар. М.: 1978; С. М. Червонная: Искусство Татарии. История изобразительного искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 года. М.: 1987; Д.Г. Мухаметшин, Ф.С. Хакимзянов. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань, 1987; Д. Г. Мухаметшин: Резьба по камню в Среднем Поволжье XIII - первой половины XVI века. //Труды Академии художеств СССР, вып. 5. М.: 1988, С. 25-217.

29. Петр Кеппен: О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: 1837. С. 31.

30. Там же. С. 31, 33.

31. В каталоге памятников, составленном Османом Акчокраклы и включенным в его публикацию "Старо-Крымские и Отузские надписи XIII-XV вв." (Симферополь: 1927), он опубликован под номером 25.

32. Там же, N 57.

33. Таковую форму "саркофага" носит, например, известное надгробие одного из девяти мусульманских святых острова Ява, Маулана Малика Ибрагима, сооруженное в 1419 году в Гресике а восточной Яве (см.: Die Gaerten des Islam. Hrsg. Hermann Forkl u.a. Berlin:-Stuttgart: 1993. S. 208. Abb. 328).

34. Осан Акчокраклы: Старо-Крымские и Отузские надписи XIII-XV вв. Симферополь: 1927. (Отдельный оттиск публикации в томе 1 (58) "Известий Таврического общества истории, археологии, этнографии"). С. 7.

35. Переводы эпитафий, которыми ученые пользуются уже полтора века, даны в указанной выше публикации А.А. Борзенко и А.Ф. Негри.

36. Нам важно подчеркнуть эту мысль в контексте давнего спора с носителями вульгарных представлений о том, будто мусульманские народы России, вообще, не имели до революции своего профессионального изобразительного искусства и "первыми художниками" из числа волжских, крымских татар, ногайцев, горских народов Кавказа и т.д. считались лишь те, кто в 20 веке получили образование в художественных школах России, в советских вузах.

37. Бахчисарайский историко-культурный заповедник. Путеводитель. Редактор-составитель Ю.М. Могаричев. Симферополь: 1995. С. 24. Текст этого раздела путеводителя повторяет буклет: Л.Н. Малиновская: Ханское кладбище (мезарлык). Бахчисарай: 1991.

38. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы Евгения Маркова. Издание второе с 257 картинами и рисунками. СПб.-М.: 1902. Факсимильное переиздание: Симферополь, "Таврия", 1995. С. 75-76.

39. [Ф.Ф. Лашков]: Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь: 1890. См. об этом также: Л.Н. Выюницкая: Свидетели немые. //Известия Крымского Республиканского краеведческого музея, 1995, N 11. С. 34.

40. См.: Национальному достоинству крымских татар нанесено оскорбление. //Авдет, 1996, № 1 (140), 15 января. С. 1.

41. Государственный реестр недвижимых памятников истории и культуры Республики Крым (по состоянию на 01.01. 95 г.). Том 1. Памятники истории и монументального искусства. Симферополь, 1995. С. 81 – 86.

Предисловие «Ас-Алан» к статье С.М. Червонной
К итогам 2001 года: Международная научная конференция
"Исмаил Гаспринский - просветитель народов Востока"

Российский Гуманитарный Научный Фонд
(РГНФ) против Исмаила Гаспринского

Публикуя ниже статью доктора искусствоведения С.М. Червонной - отчет о Международной научной конференции "Исмаил Гаспринский - просветитель народов Востока", редакция журнала считает возможным добавить к этой публикации лишь краткую предысторию появления этой статьи. Она была первоначально написана для научного издания "Вестник РГНФ" и должна была стать обычным в подобных ситуациях итоговым отчетом о конференции, проведенной при финансовой поддержке РГНФ. Среди сотрудников и экспертов РГНФ немало прогрессивных, здраво мыслящих людей, понимающих, что времена массовых депортаций, огульных обвинений народов в "измене" и проклятий, обрушивающихся на культуры этих народов в целом и на имена таких выдающихся представителей этих культур, как крымский татарин Исмаил Гаспринский, давно миновали. Поэтому и заявка, представленная Председателем Оргкомитета конференции выдающимся ученым, действительным членом Академии наук Башкортостана и членом-корреспондентом Российской Академии наук Р.Г. Кузеевым получила в свое время поддержку Фонда, и конференция была проведена в Москве без каких-либо препятствий и осложнений, и отчет о ее проведении был утвержден, и статья для "Вестника РГНФ" заказана редакцией (Р.А. Казаковой). Все шло хорошо, пока эта статья, а точнее само имя Исмаила Гаспринского не попались на глаза строгих блюстителей идеологии "великой российской державности", для которых и в царские, и в советские, и в нынешние времена нет и не было более страшного врага, чем ими же самими придуманный жупел "пантюркизма", а само упоминание общетюркской газеты "Терджиман" и светлого имени ее основателя Исмаила Гаспринского действовало как красная тряпка на разъяренного быка. С идеологической подачи таких идеологов этого направления, как, например, директор Института этнологии и антропологии РАН профессор В.А. Тишков, заявивший, что он не считает Исмаила Гаспринского "великим" просветителем и не видит повода для всероссийского юбилея по поводу столь ничтожного события, как день рождения провинциального редактора татарской газеты, редакционная коллегия "Вестника РГНФ" запретила публикацию этой

статьи "по идеологическим соображениям". Пользуясь тем, что свобода печати еще не окончательно отменена в России, редакция журнала "Ас-Алан" публикует без малейших корректив и поправок эту отклоненную статью и просит читателей самих оценить, что же так не понравилось в этой статье авторитетам российской официальной науки.

Нам хотелось бы напомнить, что трагедия крымскотатарского народа (а вместе с ним и других депортированных народов) начиналась задолго до кровавых постановлений Государственного Комитета Обороны и тайных приказов 1943-1944 годов. Она начиналась сначала с замалчивания имен, затем с широко развязанной травли "буржуазных националистов" и "турецких шпионов"... Чем такие идеологические кампании завершались, мы никогда не забудем. Мы не хотим, чтобы вернулись эти времена. Поэтому, если российский научный генералитет снова выступает сегодня против Исмаила Гаспринского, "Ас-Алан", надеясь на солидарность наших читателей, берет на себя смелость выступить против этого генералитета - колосса на глиняных ногах. Мы просим наших читателей отозваться и надеемся в следующих номерах опубликовать подборку писем из Крыма, Татарстана, из республик Северного Кавказа и других регионов того огромного мира, над которым имя Исмаила Гаспринского сияет яркой звездой.

К итогам 2001 года: Международная научная конференция "Исмаил Гаспринский - просветитель народов Востока"

Среди научных мероприятий, проведение которых в 2001-2002 годах было поддержано Российским гуманитарным научным фондом, особое место занимает Международная научная конференция "Исмаил Гаспринский - просветитель народов Востока", проведенная в Москве 31 октября - 5 ноября 2001 года (проект РГНФ 01-06-14031г). Междисциплинарный и международный характер этой конференции, в работе которой участвовали востоковеды, тюркологи, культурологи, этнографы, историки, педагоги и теоретики педагогики, филологи и искусствоведы из многих стран (Азербайджана, Армении, Германии, Казахстана, Пакистана, Польши, России, включая научные центры Башкортостана, Воронежской области, Дагестана, Ингушетии, Карачаево-Черкесской Республики, Марийской Республики, Москвы, Санкт-Петербурга, Татарстана; Турции, Украины, прежде всего Автономной республики Крым, Узбекистана), органично соответствовал универсализму самого наследия Исмаила Гаспринского и актуальному значению этого наследия для народов широкого евразийского региона.

Проблематика конференции охватывала многие грани и этапы истории народов России, тюркского мира и тюрко-славянских отношений, развития просветительской мысли и просветительской деятельности, реформирования школьной системы, прогрессивных методов отечественной педагогики, модернизации мусульманской культуры (джадидизма), философии и этики ислама, национальных движений народов России, национальной печати, книгоиздания, искусства, языков и письменности тюркских народов.

Организаторами конференции явились Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Российской Академии художеств, Российский институт культурологии, Государственный музей Востока - научно-исследовательский институт, а также общественные и политические организации - Международная правозащитная Ассамблея, Меджлис крымскотатарского народа, Международное историко-просветительское и правозащитное благотворительное общество "Мемориал", московское отделение Фонда Карнеги "За международный мир". Эти научные и общественные центры при организации и проведении конференции вдохновлялись как профессиональными задачами открытия (первооткрытия, нового прочтения, оригинальной интерпретации) забытых, неизвестных или малоизвестных фактов, сложных и спорных проблем, имеющих отношение ко многим гуманитарным дисциплинам,

так и гражданским стремлением к моральной реабилитации имени и духовного наследия Исмаила Гаспринского (1851 - 1914).

С именем Гаспринского связаны не только яркие достижения крымскотатарской культуры конца 19 - начала 20 века, но глобальные процессы модернизации в истории всего тюрко-исламского мира Евразии. Это был выдающийся мыслитель, просветитель, прогрессивный общественный деятель, талантливый писатель и журналист, реформатор школьного и высшего образования, автор "нового метода" обучения, положившего начало активной перестройке национальной школы и модернизации всей культуры мусульманских народов, издатель и редактор первой в России тюркоязычной газеты "Терджиман / Переводчик", лидер прогрессивного реформаторского движения джадидизма, идеолог либерального тюркизма. В 2001 году широкая мировая общественность отметила 150-летие со дня его рождения, и значение этой даты было подчеркнуто в рекомендациях ЮНЕСКО, определявших круг выдающихся юбиларов 2001 года, и в других документах и публикациях международного значения. Осенняя московская конференция явилась завершающим звеном в цепи научных и научно-практических конференций, торжественных собраний и иных мероприятий и акций, которые прошли во многих странах и регионах. Особенно высокий интерес к юбилею Исмаила Гаспринского был проявлен на его родине, в Крыму, а также в тех республиках Российской Федерации и в тех странах Евразийского континента, которые условно можно назвать "тюркскими" и "мусульманскими" по этническому составу преобладающего большинства населения и его историко-культурной ориентации: посвященные Гаспринскому конференции были проведены в Симферополе (14 -16 мая 2001 года), в Казани (29-30 мая 2001 года), в Анкаре и Стамбуле (в июне и сентябре 2001 года); в контексте актуальных проблем современной ориенталистики наследие Исмаила Гаспринского рассматривалось на научной конференции в Институте востоковедения Российской Академии наук весной 2001 года. Однако именно ноябрьская московская конференция в Российской Академии художеств определила ту масштабную сферическую оптику исторического видения и интерпретации наследия Гаспринского, которая позволила взглянуть на этот феномен под разными углами зрения и не только вычленить отдельные пласты этого наследия, существенные для истории и культуры разных народов, стимулирующие развитие конкретных направлений исследования, но и синтезировать эти направления и пласты, вписав связанную с именем Исмаила Гаспринского разнообразную научную проблематику в широкий концептуальный и методологический контекст развития гуманитарных наук, общественной мысли и национальных движений на более чем вековой дистанции - с конца 19-го до начала 21 века.

Можно сказать, что Гаспринский, чье имя на многие десятилетия (с 1930-х до конца 1980-х годов) было практически вычеркнуто из официальной советской историографии или служило объектом идеологических обвинений, устрашающим жупелом "буржуазного национализма", "реакционного пантюркизма", вернулся сегодня как победитель в общественное сознание, в основное русло развития прогрессивной общественной мысли и культуры, занял почетное место в ее панораме, заставил говорить о себе политиков, признавших его нерушимый, выдержавший испытание временем авторитет, и ученых, оценивших его классический вклад в педагогику, журналистику, литературу, этику и другие сферы гуманитарных наук и гуманистической практики целой эпохи - великой эпохи модернизации тюрко-мусульманского Востока.

Отмечая значение московской конференции, которую можно считать кульминацией и завершением "года Гаспринского", и обращаясь к содержанию прозвучавших с ее трибуны докладов и опубликованных материалов¹, - мы хотели бы обратить внимание не только на успешно решенные современными учеными и публицистами, изучающими и интерпретирующими наследие Гаспринского, задачи, на восполненные пробелы в изучении его биографии, его окружения, всех обстоятельств и последствий его деятельности, но также на проблемы, едва намеченные или еще остающиеся в тени недостаточного внимания или неадекватного понимания наших современников, на некоторые методологические аспекты историографии, воодушевленной пафосом радикального пересмотра идеологических парадигм и переоценки ценностей или, напротив, не способной преодолеть стереотипы десятилетиями культивировавшегося отчуждения, при этом и в том и в другом случае впадающей в крайности, несовместимые с серьезной наукой и конструктивной политикой.

Сила общественного отклика на юбилей Исмаила Гаспринского, как и само состояние исследований в этой области постигаются и оцениваются в сравнении с тем, что было раньше. Именно в этом сравнении ситуацию 2001 года можно оценить как значительный прорыв в науке (в целой совокупности гуманитарных наук), в общественном мнении, в сознании народов, в политике государств, представляющих тюркский мир, соседствующих с ним или включающих его часть в свою территорию.

В этой системе сравнений (попробуем сформировать ее, выстроив для наглядности цепочку последовательных юбилейных дат) мы обнаруживаем на первом этапе резкий спад, движение сверху вниз, и затем сначала медленное, а под конец - стремительное возрастание популярности Исмаила Гаспринского, общественного интереса к его наследию.

Еще при жизни Исмаил Гаспринский был окружен почтением, любовью, вниманием своих учеников и соратников, своих земляков и современников, достойно отметивших и 50-летие (в 1901 году) и 60-летие (в 1911 году) своего учителя, и юбилейные даты со дня выхода в свет (в апреле 1883 года) его главного творения и любимого детища - газеты "Терджиман", в частности, в 1908 году ее 25-летие.

Отношения Исмаила Гаспринского с его современниками, в частности, с лидерами национального движения казанских татар, и даже с его ближайшими соратниками и учениками в Крыму складывались далеко не всегда безоблачно и бесп проблемно. Однако даже глубокие принципиальные расхождения ни в коей мере не затрагивали этическую сторону в высшей степени почтительного и признательного отношения к Исмаилу Гаспринскому (при его жизни и после его смерти) в широких кругах тюркской общественности, молодежи, в том числе и среди его оппонентов, которые могли свободно, в теории и на практике, конструировать и защищать иные модели национально-культурного возрождения и национально-государственного строительства, но никогда не подвергали сомнению бесспорный авторитет Гаспринского, его заслуги. Уже в начале 20 века в различных регионах тюркского мира формировался своеобразный культ "отца нации" (в самом расширительном понимании нации как супер-этнического единства), "Великого Учителя" - Исмаила Гаспринского (без малейших стараний в этом направлении самого Исмаила, человека скромного и не страдавшего комплексами гипертрофированного честолюбия). Этот культ подкреплялся внушительными сигналами, демонстрировавшими признание заслуг и уважение к Гаспринскому со стороны русской интеллигенции и международной общественности (выдвижение в 1912 году его кандидатуры на Нобелевскую премию по инициативе французских журналистов, популяризация его идей на страницах парижского журнала "Ревю дю Монд Мусульман" и петербургского журнала "Мир ислама"). Показательно то почетное место, какое занимал Исмаил Гаспринский на мусульманских съездах (Первом - в Нижнем Новгороде в августе 1905 года, Втором - открывшемся под председательством Гаспринского в январе 1906 года в Санкт-Петербурге, Третьем - проходившем в августе 1906 года вблизи Нижнего Новгорода). При том, что большинство делегатов этих съездов представляло уже новые тенденции в национальных движениях и предпочитало выработку программы более конкретных действий по сравнению с социальными утопиями Гаспринского, Исмаил Гаспринский был необходим этим им как символ солидарности тюркских народов, того "единства в языке, делах и вере", которое было сформулировано им как нравственный и политический императив.

Смерть Исмаила Гаспринского, наступившая 24-го (по старому стилю летосчисления 11-го) сентября 1914 года, вызвала такой высокий всплеск поистине всенародной боли и скорби, которого до той поры не заслужил еще ни один общественный деятель тюркского мира. Поток опубликованных в 1914 году соболезнований и некрологов был лишь верхушкой айсберга - глубокого народного горя ².

Советская власть, победа которой в итоге гражданской войны во многом была предопределена поддержкой народов, восставших против колониального имперского ига, на первых порах вынуждена была считаться с популярностью Исмаила Гаспринского в массах "трудящихся Востока", и первое десятилетие (после образования по ленинскому декрету 1921 года) Крымской АССР было временем по крайней мере формального официального признания определенных заслуг Исмаила Гаспринского. Правда, коммунистическая пропаганда уже в 1920-х годах стремилась принизить, преуменьшить эти заслуги, редуцировать их до микроскопического дела "народного образования в Бахчисарайском районе" ³, и довольно скоро, в соответствии с "классовым", марксистским подходом стала определять Исмаила Гаспринского как "идеолога татарской буржуазии" со всем вытекающими из этого штампа негативными последствиями ⁴.

Однако, в 1920-х годах вожди-идеологи советского тоталитарного режима еще колебались, не зная, как им с именем и наследием Исмаила Гаспринского поступить, осудить ли его категорически или взять на собственное идеологическое вооружение, превратив Гаспринского в "борца с царизмом", а потому не мешали крымскотатарским энтузиастам "культурного фронта" в таких инициативах, как создание музея Исмаила Гаспринского в Бахчисарае, присвоение его имени некоторым культурным институтам ⁵ и апелляция к его творчеству в разработках проектов развития крымскотатарской культуры, "национальной по форме, социалистической по содержанию".

В 1924 году татарская общественность еще могла, - правда, весьма скромно, - отметить 10-летие со дня смерти Исмаила Гаспринского, и украинский академик А.Е. Крымский еще имел в начале 1930-х годов последнюю легальную возможность оценить литературные и общественные заслуги Исмаила Гаспринского в своих "Крымских этюдах" ⁶ и в статье о тюркских литературах для "Энциклопедического словаря" издательства "Гранат" ⁷. Но к этому времени уже наступал суровый конец первой советской "оттепели". Жестокая борьба с так называемым "нац-демовским" уклоном, превратившаяся в яростную политическую кампанию, ударила по всем тюркским культурам и развязала силы, которые должны были втоптать в грязь имя Исмаила Гаспринского. К концу 1930-х годов он уже

числился "агентом империализма" и "врагом народа", а в 1944 году, когда "врагом" и "предателем" был объявлен весь крымскотатарский народ, над всем, что было связано с именем Гаспринского и с памятью о нем, навис смертельный приговор. Его учение было проклято, его сочинения изымались из библиотек и уничтожались, его имя было обречено на забвение. В Советском Союзе с его пятидесятимиллионным тюркским анклавом населения формировались на протяжении 1930-1950-х годов целые поколения людей, которые не только не читали сочинений Гаспринского, но никогда даже не слышали его имени.

Вспомним 1951 год - столетие со дня рождения Исмаила Гаспринского, отмеченное и в Турции, и в Америке, и в Европе, вызвавшее всплеск отчаяния и надежды в литературных и политических кругах рассеянной по миру татарской эмиграции. В СССР - гробовая тишина. Советская тюркология, советская историческая наука не отзывается на 100-летний юбилей крымскотатарского просветителя ни единой строчкой не только в центральной печати, но и в тюркских республиках - в Узбекистане, где влачат свое рабское существование в "спецпоселениях" под надзором карательных органов почти триста тысяч крымских татар, в Казахстане, Киргизии, Татарстане. Имя Гаспринского находится под запретом, и во всем безмолвно-послушном советском обществе, в советском научном истеблишменте не находится ни одного человека, который решился бы нарушить этот политический запрет.

Следующая дата - 1976 год. Прошло 25 лет, четверть века, огромный срок для любого развивающегося социума. И Советский Союз - уже не тот, что был при сталинской "вечной мерзлоте". В обществе появились силы, способные противодействовать режиму. Пока это крошечный политический андерграунд, маленькая группа диссидентов, но именно оттуда идет движение сопротивления, там формируется его импульс. И весной 1976 года, как раз вскоре после 125-летия со дня рождения Исмаила Гаспринского, на закрытом судебном процессе в сибирском городе Омске один из диссидентов, политический узник советского ГУЛАГАа, крымский татарин Мустафа Джемилев впервые открыто бросает в лицо советскому суду имя Исмаила Гаспринского. "Да, я действительно долгое время, будучи на свободе, занимался исследованием творчества реформатора и просветителя Исмаила Гаспринского, и действительно его портрет висит у меня [... дома][...] Гаспринский против России не воевал [...] он был штатским человеком, писателем и общественным деятелем, издавал газеты и журналы, открывал школы для мусульман Российской империи. Не совсем ясно, зачем понадобилось следствию упомянуть Гаспринского, который умер в 1914 году и, стало быть, ничего порочащего советский строй написать не мог" 8.

Не будем сейчас останавливаться в деталях на той интерпретации, какую дает Мустафа Джемилев в своей речи просветительской деятельности Гаспринского, на той иронии, которая звучит в этой речи по отношению к власти, которая, между прочим, отлично знала, зачем упоминать имя Гаспринского на процессе над Мустафой Джемилевым и как связать их круговой порукой общей "политической неблагонадежности". Обратим внимание на то, что сама аудитория, в которой могло быть произнесено имя Гаспринского, была тогда - не университетская аула, не академический лекторий, не школьный класс, а зарешеченное здание суда, в котором шел закрытый процесс над "особо опасным" политическим преступником, и речи о Гаспринском звучали не с научной трибуны, а со скамьи подсудимых. За изучение наследия Гаспринского и распространение сведений о его жизнедеятельности в Советском Союзе в 1976 году, - всего 25 лет тому назад, то есть так давно и так недавно в историческом измерении, - давали не научные степени и награды, а "сроки" тюремного и лагерного заключения, и лишь немногие люди, обладавшие гражданским мужеством Мустафы Джемилева, решались тогда говорить о Гаспринском.

Напомним, что к тому времени в мире уже увидели свет, а порою пережили несколько изданий и переводов на разные языки многие капитальные труды о самом Исмаиле Гаспринском, а также о тех течениях общественной мысли и реформаторских движениях в мире ислама, которые связаны с его именем, были защищены специальные диссертации, в частности, "Исмаил Гаспринский и исламская модернизация в России. 1878 - 1914" Эдварда Лаззерины (в Сиэтле, США), "Язык Исмаила Гаспринского" Г. Бурбиля (в Гамбурге, ФРГ) 9: все это оставалось абсолютно неизвестным, абсолютно недоступным читателям Советского Союза, вовсе не проникало за "железный занавес" или хранилось в засекреченных "специальных фондах" центральных столичных библиотек.

Прошло еще несколько лет, и в 1983 году небольшая группа проживавших в Москве казанских татар решила отметить 100-летие со дня выхода в свет газеты "Терджиман". Собрание было тайным, конспиративным: и в 1983 году в СССР о Гаспринском еще ни слова нельзя было сказать с официальной трибуны, в официальной печати. И все же даже за те семь лет, что отделяют это московское собрание от омского процесса Мустафы Джемилева, обстановка сильно изменилась, и теперь уже не один Мустафа - бесстрашный герой и мученик диссидентского андерграунда - говорит о Гаспринском. О нем говорят на "московских кухнях", в кругах московской интеллигенции, и власти уже не могут уследить за всеми, кто решается о нем говорить, и не могут покарать всех непослушных. Ни один из членов московской

группы, отмечавшей 100-летие "Терджимана", не был арестован и не пострадал. Столетний юбилей "Терджиман" московские татары использовали как повод для выражения своей солидарности с братским народом - крымскими татарами, которые тогда еще не имели возможности вернуться на свою историческую родину - в Крым, для поддержки их национального движения.

Наконец, наступил март 1991 года - 140-летний юбилей Исмaила Гаспринского, и впервые за всю горькую историю второй половины 20 века Международная научная конференция, посвященная его памяти, его жизни и деятельности, состоялась в Крыму 10. Это был еще советский Крым - шли последние месяцы, последние, уже сочтенные часы существования Советского Союза, и эту конференцию крымским татарам (чье массовое возвращение на родину тогда едва начиналось) приходилось буквально выбивать из рук партийных и советских властей.

Многое открылось тогда, и все же та конференция 1991 года еще не была полной победой, полным торжеством гуманистических идей Гаспринского. Даже биография Гаспринского была еще не в полной мере восстановлена, элементарные факты, характеризующие его издательскую и просветительскую деятельность, были забыты, представляли в хронологической и лексической неточности; докладчики путались в датах и названиях учебных заведений, в которых он учился и преподавал, съездов, в которых он участвовал, литературных произведений, которые принадлежали его перу, и почти все с отчаянием говорили о недоступности источников, о невосполнимой пропаже ценнейших материалов, о плохой сохранности того немногого, что уцелело из изданий Гаспринского, об отсутствии необходимых переводов, библиографических справочников, системных каталогов. В страшном запустении находились все места, связанные с жизнью Исмaила Гаспринского, в Крыму, а нахождение давно забытой, сравнивавшейся с землей могилы Гаспринского, на территории стационара для душевнобольных воспринималось как продолжающееся издевательство и глубокое унижение национального достоинства крымских татар.

И принятая в итоге той конференции резолюция, рожденная в атмосфере отчаяния и надежды и включавшая такие задачи, как восстановление музея в издательском доме Гаспринского в Бахчисарае, переиздание его трудов, создание памятника И. Гаспринскому в Симферополе, казалась несбыточной, фантастичной, звучала как декларация стремлений, но не практических возможностей.

Прошло, однако, десять лет, и всё, что было предложено в той резолюции, воплотилось в жизнь. Крымские татары вернулись на свою Родину: в 1991 году их было в Крыму не более 100 тысяч, к середине

1990-х годов - уже четверть миллиона. Созванный в июне 1991 года общенациональный съезд - Курултай крымскотатарского народа избрал свой представительный орган - Меджлис крымскотатарского народа, с которым вынуждены считаться сегодня и крымские, и украинские власти (Президент Украины Леонид Кучма включил весь состав нынешнего Меджлиса в свой президентский совет по проблемам коренного народа Крыма, созданный в 2001 году) и который является реальной прогрессивной общественной силой в Крыму. Действует, постепенно наполняясь реальным экономическим содержанием, государственная украинская программа интеграции и обустройства возвращающихся на родину крымских татар. Долго и мучительно не решаемая проблема украинского гражданства для крымских татар также получила свое разрешение под натиском Меджлиса: Верховная рада Украины приняла Закон (точнее поправки и дополнения к прежнему Закону о гражданстве), предусматривающий облегченную процедуру приобретения украинского гражданства для крымских татар. Крымский государственный индустриально-педагогический институт в Симферополе фактически стал национальным крымскотатарским высшим учебным заведением с сильной национальной профессурой. Крымскотатарская республиканская библиотека имени Исмаила Гаспринского, Крымскотатарский музей изобразительного искусства, Крымскотатарский национальный театр, два государственных национальных ансамбля песни и танца - всё это стало реальностью. И памятник Гаспринскому стоит в Симферополе на набережной Салгира; и над местом его утраченной могилы в Бахчисарае возведено красивейшее резное надгробие-саркофаг из белого мрамора в традициях мусульманской эпитафики, и больница для душевнобольных переведена в другое место, и никакая грязь не оскверняет заново созданный здесь мусульманский некрополь и возрожденное с помощью польских архитекторов-реставраторов старейшее в Европе мусульманское медресе Зинджирлы, еще недавно обреченное на разрушение. В пригороде Евпатории вырос целый поселок Исмаил-Бей, названный именем Гаспринского. Его наследию посвящены успешно защищенные диссертации 11, монографии, целым потоком прошедшие по страницам крымскотатарской печати статьи, популярные художественные произведения (их ряд открывает созданная еще в конце 1970-х годов повесть крымскотатарского писателя Шамиля Алядина "Приглашение на пир к дьяволу"). Несколько новых изданий (в Симферополе, Казани, Москве) пережили классические труды Гаспринского "Русское мусульманство" и "Русско-восточное соглашение", переизданы его романы и многие статьи, опубликованы документы, освещающие его жизнь. Наконец, вся цепь посвященных памяти Исмаила Гаспринского конференций 2001 года самым своим

количеством, размахом, свободой и широтой проблематики подытожила достигнутые за последнее десятилетие успехи - как в самой науке, так и в общественном мнении. Здесь уже не только обозначился, но можно сказать, завершился прорыв, обеспечивший прочный авторитет Исмаила Гаспринского в широком комплексе развивающихся в странах СНГ гуманитарных наук. Постоянным стал интерес к его наследию специалистов различного профиля. Достигнуто фундаментальное обеспечение исследований ставшими доступными, открытыми заново, критически изученными источниками. Наконец, надо отметить значительное раздвижение рамок и обогащение проблемного и тематического тезауруса публикаций за счет элементов, имеющих не только непосредственное отношение к жизни и творчеству самого Гаспринского, но и к личностям, событиям, процессам, социальным феноменам и течениям, окружавшим его, стоявшим за ним, продолжавшим его начинания в ином географическом и временном пространстве, в параллельных и последовательных мирах.

Оценивая в целом современное состояние гуманитарных наук, исследующих наследие Исмаила Гаспринского или непосредственно продолжающих основные направления его творчества, можно сказать, что во многих направлениях исторической науки, тюркологии, востоковедения (ориенталистики), религиоведения (исследований ислама), филологии, культурологии, искусствознания стало возможным восполнение прежних недостатков или прежнего вакуума знаний, появились открытия, которые уже заняли свое достойное место в различных научных дисциплинах и на их пересечении.

Центр тяжести современных исследований наследия Гаспринского из зарубежной (по отношению к бывшему Советскому Союзу) научной, общественно-политической, в частности "эмигрантской" мысли переместился ближе к аутентичным источникам, имеющим отношение к Гаспринскому, то есть прежде всего на его родину, в Крым (в государственном в измерении - в Украину), в другие евразийские центры, в страны бывшего "восточного блока", нынешнего Содружества Независимых Государств, в наибольшей степени - в Россию (в Москву, Санкт-Петербург, в Казань).

Если на первом этапе, в начале 1990-х годов, здесь бушевала своеобразная эйфория победы, определенная тем, что имя Гаспринского удалось вырвать из забвения и с честью вернуть его народу, то примерно с середины 1990-х годов этот период первых радостей, манифестов и открытий сменился более сложными процессами в научной литературе и общественной публицистике, обращенной к Исмаилу Гаспринскому. Важным этапом в этом отношении явилась московская ноябрьская конференция.

Проблематика конференции нашла отражение в ее тематических сессиях, проведенных в следующей последовательности:

- 1-я сессия "Педагогика Исмaила Гаспринского, реформа просвещения и школьной системы рубежа 19-20 вв. и ее последствия для культурного развития народов Евразии в 20 веке";
- 2-я сессия "Изобразительное искусство народов тюрко-мусульманского мира";
- 3-я сессия "Джадидизм и реформаторские тенденции в мире ислама";
- 4-я сессия "Концепция единства тюрко-исламского мира, идеология тюркизма и пантюркизма. Национальные движения тюркских и мусульманских народов";
- 5-я сессия "Современники, ученики, последователи Исмaила Гаспринского";
- 6-я сессия "Издательская деятельность Исмaила Гаспринского, печать и книгоиздание в истории культуры народов России";
- 7-я сессия "Литературное наследие Исмaила Гаспринского и развитие тюркских литератур в 19-20 вв."

В завершение была проведена дискуссия по общей проблематике конференции и зачитаны завершающие ее работу доклады: "Международное правозащитное движение и народы мусульманского мира" М.Г. Арутюнова и "Итоги года Гаспринского в контексте трагических событий осени 2001 года" С.М. Червонной.

Работа конференции проходила в Москве в Российской Академии художеств, в Московском центре Карнеги, в Обществе "Мемориал". Практически в работе конференции приняли участие свыше 100 человек, в том числе 49 докладчиков, 36 человек, выступивших в дискуссиях, с приветствиями, с сообщениями, а также привлеченных в качестве модераторов дискуссий, руководителей тематическими сессиями, непосредственно занимавшихся организационной работой. На различных сессиях присутствовало от 70 до 140 слушателей.

Конференцию сопровождала развернутая в Российской Академии художеств выставка (фотоматериалов, документов, художественных произведений и аутентичных предметов крымскотатарского народного быта, издательского и школьного дела начала 20 века) "Исмaил Гаспринский и его эпоха" (из собрания московского коллекционера и художника Низами Ибраимова).

Открыл работу конференции вступительным словом Директор НИИ теории и истории изобразительных искусств, академик Российской Академии художеств профессор В.В. Ванслов. Свой доклад "Исмaил Гаспринский и 'задачи современных гуманитарных наук'" завершил приглашением к всесторонней свободной научной дискуссии, подчеркнув: " Считая для нашего Института высокой честью

проведение этой конференции в его стенах... мы открываем трибуну этой конференции для исследователей, работающих в разных научных сферах, приветствуя каждое новое самостоятельное исследование, даже формально и непосредственно не связанное с наследием Исмаила Гаспринского, как продолжение его заветов, его направлений научного поиска, его постоянного внимания и интереса к далекой истории и к современной меняющейся действительности. И следуя тому нравственному императиву толерантности, терпимости к иному мнению и "инакомыслию", который завещал нам Исмаил Гаспринский, мы открываем эту трибуну для свободной дискуссии, для обоснования разных точек зрения и высказывания разных выводов и предположений. Каждый из авторов зачитанных докладов и публикуемых тезисов несет личную ответственность за точность приводимых фактов и справедливость своих суждений, и в повышении этой личной ответственности исследователя - одна из главных задач и нашей отечественной, и мировой социальной и культурной антропологии, охватывающей весь комплекс гуманитарных наук".

Анализ основных научных достижений, стимулированных организацией данной конференции и получивших отражение в ее материалах, позволяет выявить следующие моменты и определить следующие направления, по которым совершился или наметился значительный методологический прорыв, стало очевидным восполнение прежних недостатков или прежнего вакуума исследований, появились фактографические открытия, которые займут свое место в различных сферах гуманитарных наук и на их пересечении.

Прежде всего в этой связи надо отметить актуализацию архивных источников, введение в научный обиход и фактически первую публикацию целого ряда прежде неизвестных материалов, как непосредственно связанных с жизнью и деятельностью Исмаила Гаспринского, с изданием газеты "Терджиман" (и с пристальной слежкой за этой газетой органами сыска и цензуры Российской империи), так и с развитием системы просвещения, реформы образования, книгопечатания и журналистики в различных регионах. Наиболее интересными и содержательными в этом плане можно считать доклады, отразившие совместные исследования профессора Московского Государственного Университета Д.Ю. Арапова и доцента Е.И. Лариной, "Исмаил Гаспринский, его жизнь и деятельность (по материалам Департамента полиции Российской империи)", "Мусульманское движение в оценках Министерства внутренних дел Российской империи"; доклад доцента Московского Педагогического университета Т.М. Порховой "Кавказский учебный округ в начале 20 века: организация управления"; доклад аспирантки Центра этнологических исследований УНЦ РАН "Джадидская реформа в

начальных, средних и высших учебных заведениях на территории Башкортостана", обеспечивший введение в научный обиход прежде неизвестных данных, касающихся структуры и учебных программ уральских медресе "Усмания", "Хусаиния", "Расулия" и просветительской деятельности Гани бая Хусаинова, а также работы коллектива ученых Таврического Государственного университета, где под руководством профессора В.Ю. Ганкевича уже сложилась сильная исследовательская школа, ориентированная на тщательное изучение архивных источников и бережное обращение с ними. Проведенное на основе архивных источников, музейных фондов, письменных памятников и первых печатных изданий на кумыкском языке, а также публикаций газеты "Терджиман", касающихся тюркских народов восточного региона Северного Кавказа, исследование Л.Г. Гейбатовой, получившее отражение в докладе "Некоторые аспекты исламского просвещения в Дагестане в свете идей джадидизма", определило введение мало известного дагестанского материала и дагестанских источников в научное пространство, формируемое вокруг проблемы модернизации тюрко-исламского мира. Представленные на конференции работы этого круга (кроме названных выше, доклады И.А. Богдановича, С.П. Шендриковой, Т.М. Аминова, А.Х. Курмансситовой, Д.М. Усмановой и других, в том числе молодых исследователей, аспирантов московских, казанских, симферопольских, уфимских научных центров) можно считать значительным вкладом в современное источниковедение, первой публикацией неизвестных, впервые вводимых в науку фактов и документов, существенным пополнением археографической научной панорамы.

Наряду с традиционным кругом исторических источников, к которому относятся архивные, музейные фонды, сохранившиеся аутентичные литературные памятники, оригинальные печатные (вышедшие из издательского дома Гаспринского) и редкие рукописные материалы, современными исследователями с каждым годом все более активно осваиваются и актуализируются нетрадиционные для нашей исторической науки источники и методы. Это в первую очередь относится к методам "устной истории" ("Oral History"), позволяющей значительно расширить и обогатить палитру оценок, суждений, изучаемых фактов, принимаемых во внимание элементов широкого исторического контекста. Они восполняют многие пробелы, искусственно созданные в советской историографии. Многочисленные ручейки индивидуальной памяти, сливаясь в широкое море народной исторической памяти, позволяют восстановить широкую панораму, казалось бы, давно забытого прошлого, вычленив его интереснейшие фрагменты, вызвать из далекого времени живые фигуры (в частности, сподвижников и продолжателей дела Гаспринского). Записывая

интервью, воспоминания (живых участников исторического процесса, их учеников, наследников, очевидцев), восстанавливая по памяти современников "хронику текущих событий" давних и недавних лет, фиксируя формирующиеся на различных уровнях (от семейных "легенд" до общенациональных традиций) феномены этнополитической мифологии, современные исследователи открывают целые пласты нового, неизвестного материала, который безусловно требует взвешенного, осторожного, критического подхода, компаративного сопоставления с другими источниками, анализа особенной, этнопсихологической сферы наполнения народной памяти, устной, легендарной истории. В этой области сделано уже немало. К примеру, проведенная в Симферополе в 1998 году научная конференция "Амет Озенбашлы - видный общественно-политический деятель Крыма, писатель-публицист", материалы которой были опубликованы в сборнике "Годы, люди, судьбы" 12, во многом именно на основе методов устной истории и аналитического сопоставления ее данных с печатными, архивными и иными источниками позволила выявить не только объем многогранной деятельности Амета Озенбашлы и восстановить его исторический портрет, но многое прояснить и в деятельности, и в облике других крымскотатарских политических деятелей, как находившихся у власти в Советском Крыму 1920-30-х годов, так и за рубежом, в эмиграции.

Еще более активны в этом плане были участники московской ноябрьской конференции 2001 года. Разнообразные источники "устной истории" (семейные легенды, записи воспоминаний современников, близких родственников) были положены в основу докладов, фактически впервые открывших в московской научной аудитории имена таких деятелей национальной культуры, как месхетинский турок, просветитель и издатель, работавший в Азербайджане и Грузии, ставший в 1937 году жертвой политических репрессий Омар Фанк Нейман-заде или ингушский политический деятель, сыгравший яркую роль в революционном движении на Кавказе, а затем в рядах "кавказской эмиграции" в Германии Вассан-Гирей Джабагиев.

Успешным оказалось вовлечение в научную сферу этой конференции таких докладчиков, которые могли включить свой собственный, личный опыт общественной, политической, религиозной деятельности последних десятилетий в освещение страниц отечественной истории. В этом контексте заслуживают внимания такие прозвучавшие на московской конференции доклады и сообщения, как "Идеи Гаспринского в Карачае" бывшего Имама Карачая, нынешнего аспиранта факультета шариа и исламского права Исламского университета в Исламабаде Мухаммада Биджи-Улу; "Как мы отмечали 100-летний юбилей газеты "Терджиман"" основателя татарской

национально-демократической партии "Ватан" Е.М. Миначева; "Межэтнические отношения в современной России сквозь призму идей Исмаила Гаспринского" активиста Татарского Общественного Центра (ТОЦ) в Набережных Челнах политолога Э.Х. Аетдинова; "Исмаил Гаспринский и пассионарность крымских татар" председателя крымскотатарского землячества в Москве писателя Э.А. Кудусова. Своей эмоциональностью и поэтической яркостью особо выделялся в этом ряду доклад сопредседателя демократической организации карачаевского народа "Джамагат" Б.А. Лайпанова "Хасаука: знак национальной беды", потрясающий консервативные основы российской историографии.

Некоторые историографические и источниковедческие исследования, перерастая границы прикладной научной дисциплины, превращались в концептуальные разработки, обогащающие историческую науку в целом постановкой новых проблем, обоснованием оригинальных гипотез и масштабных выводов. Так, доклад Н.П. Горошкова "Культурно-либеральный пантюркизм Исмаила Гаспринского в зеркале российской историографии начала 20 века" содержал не только тщательную реконструкцию этого "зеркала", включая мало известные и забытые страницы (публикации журнала "Мир ислама" 1912-1913 годов, статьи Ф.М. Керенского, Н.П. Остроумова, Н.И. Ашмарина, А.Е. Алекторов в "Журнале Министерства народного просвещения" рубежа 19-20 вв.), но и философский и политологический анализ того направления "культурно-либерального" пантюркизма, которое формировалось в идеологическом тандеме с панславизмом и не только не противопоставляло тюркский мир российской социокультурной системе и государственности, но искало пути и способы последовательной интеграции тюрко-мусульманского анклава в российское политическое, экономическое и культурное поле. Доклад историка Ш.Ф. Мухамедьярова "К вопросу о судьбе джадидской татарской историографии", перерастая по своему содержанию рамки чисто историографического исследования, касался глубинных философских проблем джадидизма и включал анализ исторического процесса реформаторского движения в тюрко-мусульманском мире России, его драматических переломов и важнейших этапов, в частности, эпоху так называемой "султангалеевщины" (от ее истоков до идеологического "разгрома" и от однозначного "проклятия" до современной противоречивой моральной "реабилитации").

Весьма существенным был определившийся на конференции подход к проблеме джадидизма - обновления и европеизации мусульманского мира. Можно сказать, что проблемное поле джадидизма чрезвычайно расширяется в современной науке, не только

принимая и впитывая в себя всю совокупность трудов и дел Исмаила Гаспринского, всю практическую и теоретическую ценность его наследия, но и формируя новые вызовы, обращенные к философской и исторической мысли, к современным исследователям. Не все здесь еще до конца выверено, согласовано, приведено к единому знаменателю.

Первый вопрос касается хронологических рамок джадидизма как общественного явления, джадидистской реформы мусульманского просвещения в целом и в Крыму в частности, включения этих процессов в общую научную периодизацию истории бывшей Российской империи, ее народов, ее провинций, справедливо претендующих сегодня на собственные национальные истории. С одной стороны, выявляется тенденция к очень узкому обозначению ее временного поля, совпадающее прежде всего с периодом активно предпринятых инициатив и практических шагов Исмаила Гаспринского по созданию и развитию сети "новометодных школ". С другой стороны, проявляется склонность и к широкому пониманию этого явления, с учетом и подготовительных периодов, зарождения реформаторских идей и программ модернизации образования и всего образа жизни мусульман (эпицентр которых в таком случае уже следует искать не в Крыму, а в Казани, в просветительской программе Ш. Марджани), и последствий этой реформы в последовательных процессах секуляризации "мусульманской" культуры, уходящих уже в 20 век вплоть до раннего советского периода.

Вторая проблема касается самого объема понятия, содержания "джадидистской реформы". На современном этапе исследований становится все более очевидным, что ее нельзя свести к одному лишь "новому методу" в школьной системе, а необходимо рассматривать в широкой совокупности таких ее составляющих, как распространение "нового метода" преподавания в школах, обеспечивающего сохранение и развитие родного языка; расширение круга светских дисциплин и предметов, необходимых для всестороннего образования учащихся, обеспечение преемственности между средним (в мектебе) и высшим (в медресе) образованием; развитие периодической печати и национального книгоиздания; восполнение лексических пробелов тюркских языков на пути формирования единого литературного языка "тюрки"; активизация общественных организаций и институтов самого татарского населения для реализации реформ, включая формируемые на основе добровольных пожертвований финансовые фонды, обеспечивающие независимость от государственной администрации; эмансипация женщины-мусульманки и т.д. Методология исследований, которые стремятся охватить все это значительное пространство джадидских реформ, представляется нам и правильной, и перспективной. При этом самым сложным остается вопрос о том,

насколько джадидизм пересекается (или полностью совпадает) со сферой исламской теологии, насколько допускает он вторжение в эту сферу, является ли он вариантом религиозной "реформации", модернизации учения ислама или ограничивается только сферой быта, просвещения, образа жизни мусульман, ни в коей мере не претендуя на роль "новой" или хотя бы "обновленной" религии. Сегодня авторы, предполагающие, будто джадидизм был прежде всего течением религиозной мысли, направленной на обновление и реформирование ислама как действующей религии, на переосмысление его философских постулатов и этических норм в духе современных задач прогрессивного общественного развития, остаются в явном меньшинстве. Большинство исследователей исходит из нерушимости основ классического ислама в личной вере, взглядах, просветительских концепциях Исмаила Гаспринского.

Одним из частных аспектов этой проблемы является концепция "женской эмансипации" применительно к идеалам, установкам Исмаила Гаспринского и всей совокупности его действий, направленных на утверждение реального равноправия женщин и мужчин в просвещенном мусульманском обществе. Эта тема всегда была особенно популярна при изучении наследия Гаспринского. Получила она отражение и в докладах на конференциях 2001 года, например, на московской конференции в докладе Л.У. Алимовой "Проблема женского образования в наследии Исмаила Гаспринского". И в этой, и в других современных работах все отчетливее выявляется стремление отмежеваться от вульгарных и ложных по своей сути представлений (в частности, имевших место в советской печати ранних 1920-х годов, да и вновь реанимированных на рубеже 1980-90-х годов), согласно которым Гаспринский был едва ли не "борцом за раскрепощение женщины Востока". Упрощенное суждение об исламе, последователи которого якобы "столетиями привыкли относиться к женщинам как неполноценным созданиям" вызывает сегодня все более резкую критику, как неадекватное ни действительности, ни истории (дискриминация женщины православной церковью в условиях средневековья была более жесткой), ни гуманистической этике ислама. Попытки отдельных авторов утверждать, будто в программу джадидизма входила "задача освобождения мусульманской женщины из пут исламского клерикализма и фанатизма", оказываются явно несостоятельными, ибо усилия джадидистов, в целом, и Гаспринского, в частности, были направлены на то, чтобы сделать богаче, интереснее, полнее духовную жизнь женщины-мусульманки, приобщить ее к общественной деятельности, поднять уровень ее образования (кстати традиционно всегда существовавшего в мусульманской среде, где девочек учили и читать, и писать, и распространение женского

образования было здесь гораздо шире, чем в массах русского или украинского крестьянства), ни в коей мере не разрушая при этом ее религиозность, не подвергая сомнению ее принадлежность к единой умме - мусульманской общине верующих. Актуальность этих оценок особенно возрастала в контексте настроений осени 2001 года, а именно той реакционной волны, которая грозила обрушиться на мусульманский мир.

Для методологии многих исследований последних лет, в частности, прозвучавших на московской конференции 2001 года докладов характерным и эффективно применимым оказался метод компаративных сопоставлений, позволивший ярче выявить сущность определенных социальных феноменов, характер исторических личностей и тенденции исторического процесса. Эта система сравнений (контрастных и гармонично дополняющих друг друга) успешно проводилась как на уровне персональных сопоставлений современников и деятелей разных эпох (в частности, в докладе молодой турецкой исследовательницы из Анкары Пинар Акчалы "Исмаил Гаспринский и Зия Гёкалп: два пионера тюркской идентичности", в докладе доцента кафедры истории татарского народа Казанского университета А.Х. Махмутовой "Габдулла Буби - последователь Исмаила Гаспринского"), так и в плане региональных и историко-хронологических сравнений ситуации в разных "тюркских мирах" (в частности, в Крыму и в Поволжье - в докладе "Исмаил Гаспринский и татарское национальное движение" Ф.М. Султанова; в Крыму и на Кавказе - в докладе доцента Московского Педагогического университета Т.М. Порховой "Кавказский учебный округ в начале 20 века: организация управления"; в Европе и в Центральной Азии - в докладе Анвара Исмаилова "Исмаил Гаспринский и Туркестанский край (система просвещения)", в тюркских регионах России и в Азербайджане - в докладе турецкого исследователя Хаджали Неджефоглу "Наука и образование в Азербайджане за 10 лет независимости"), а также в более широком евразийском пространстве и глубоком историческом измерении (доклад В.Е. Возгрина "Крым и Сицилия - пересекающиеся параллели: "островной" Проторенессанс").

Доклад аспирантки Центра этнологических исследований Уральского Научного Центра Российской академии наук (Уфа) З.М. Кадыровой "Джадидская реформа в начальных, средних и высших учебных заведениях на территории Башкортостана" содержал ряд прежде неизвестных данных, касающихся структуры и учебных программ уральских медресе "Усмания", "Хусаиния", "Расулия" и просветительской деятельности Гани бая Хусаинова. Проведенное на основе архивных источников, музейных фондов, письменных памятников и первых печатных изданий на кумыкском языке, а также публикаций газеты "Терджиман", касающихся тюркских народов

восточного региона Северного Кавказа, исследование Л.Г. Гейбатовой, получившее отражение в докладе "Некоторые аспекты исламского просвещения в Дагестане в свете идей джадидизма", определило введение мало известного дагестанского материала и дагестанских источников в научное пространство, формируемое вокруг проблемы модернизации тюрко-исламского мира.

Вместе с тем система сравнительный сопоставлений, прежде всего "би-монографических" исследований, построенных по формуле "Исмаил Гаспринский и ..." (на место многоточия ставится имя исторического персонажа, составляющего главный предмет интересов исследователя, и таких имен проставлены уже десятки), страдает определенным методологическим несовершенством. Нередко пафос такого рода исследований определяется наивно-патриотическим стремлением вписать в историю "своей национальной культуры" если не "своего Гаспринского", то человека, сопоставимого с ним по масштабу. При этом недостаточно учитывается все то, что разделяло людей, действовавших в различном этнокультурном микроклимате, в различных мировоззренческих и целевых парадигмах, в различные времена. За стремлением соединить имя Гаспринского через все то же магическое, короткое "и" с именами его младших современников порою теряется точность оптического "прицела", упускается из виду то парадоксальное обстоятельство, что лидеры и идеологи национальных движений тюркских народов начала 20 века, выступившие в эпоху революции 1905 года и действовавшие в период после поражения этой революции, то есть не далекие потомки, а представители лишь чуть более молодого поколения, люди, вышедшие из ближайшего окружения Исмаила Гаспринского, во многих случаях его непосредственные друзья и ученики, уже оказались в глубокой конфронтации с главным направлением так называемого "культурно-либерального тюркизма Исмаила Гаспринского" 13, с методами и целями его просветительской деятельности. Динамика развития национально-освободительных движений и их идеологического обеспечения на рубеже 19-20 веков была столь велика, что программа национального и культурного возрождения тюркских народов на пути их модернизации (обновления, джадидизма, реформирования системы образования и всего образа жизни), просветительского "пробуждения", экономического, технического прогресса и сближения с европейской цивилизацией, предложенная Исмаилом Гаспринским в 1870-90-х годах как своего рода максима стремлений и возможностей, мыслимых и достижимых в ту эпоху, уже не могла удовлетворить национальную интеллигенцию начала 20 века, искавшую более определенных гарантий социального и политического освобождения своих народов и склонную к более радикальным, революционным методам борьбы с самодержавной

системой. Именно эта смена парадигм национально-освободительного движения отделяет Исмаила Гаспринского и его время, во всяком случае "золотое" время формирования его просветительской и миротворческой концепции конца 19 века от течения "младотатар", окрепшего в первое десятилетие 20 века, и от еще более радикальной когорты политических деятелей, возглавивших созданный в декабре 1917 года первый Курултай и Директорию - первое национальное правительство независимой демократической Республики Крым, чья историческая судьба была героической, недолгой и трагичной.

Два важнейших обстоятельства, две принципиально противоположные позиции предопределили конфликт поколений, резкое противодействие национальных политических лидеров, борцов и революционеров, начала 20 века тому, что проповедовал, завещал и чему учил свой народ Исмаил Гаспринский. Прежде всего для них оказалась неприемлемой идея "навек решенного" вопроса о принадлежности тюркских народов Евразии к российской империи, красной нитью проходящая через многие статьи в "Терджимане" и четко сформулированная в классических трудах Исмаила Гаспринского - его брошюрах "Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина" (Симферополь, 1881) и "Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания" (Бахчисарай, 1896). Как только перспектива разрушения империи, возвращения или обретения заново собственной государственности открылась перед народами Востока на новом этапе их национально-освободительной борьбы, так сразу же решительному пересмотру и отрицанию подверглись важнейшие компоненты политической концепции Исмаила Гаспринского.

Второй "ахиллесовой пятой" этнополитической теории Гаспринского, обнаружившейся в начале 20 века, явилась его недооценка национального размежевания внутри тюркского мира. В его сочинениях нет собственно национальной идеи как таковой (крымскотатарской, азербайджанской, турецкой, татарской, башкирской и т.д.), а есть идея тюркизма ("тюркчюлюк"), своеобразно синтезированная с идеей исламизма ("исламчилик") - единения всех тюркоязычных и мусульманских народов Евразии во имя их социального благополучия и культурного возрождения. Чем более обнаруживались дезинтеграционные тенденции, центробежные силы в национальных движениях, стремление к размежеванию по регионам и "этническим квартирам", особенно ради защиты интересов меньших народов от соседней экспансии, тем более уязвимой представлялась интеграционная программа Гаспринского лидерам тюркских национальных движений 1910-1920-х годов.

Принципиальность этих различий не всегда улавливается в исследованиях, построенных на комплиментарной основе обязательного

"признания заслуг" обоих сравниваемых субъектов и поиска их духовной близости.

Аналогичные проблемы возникают и при механическом сведении друг с другом персонажей, действовавших в одно время и даже на одном узком профессиональном поле, но с разными намерениями, в разных целях, с разными результатами.

Особенно острую дискуссию вызывает возможность сопоставления имен Исмаила Гаспринского и известного российского идеолога и практика педагогической науки Н.И. Ильминского. Контрастная несовместимость их методов, целей, идеалов, особенно подчеркнутая и фундаментально обоснованная в докладе турецкого исследователя Мустафы Озгура Туны "Исмаил бей Гаспралы и Николай Иванович Ильминский", заставляет с большой долей скепсиса отнестись к попыткам некоторых российских и украинских ученых объединить эти имена, создать вокруг их памяти некую мягкую ауру примирения и всепрощения. Так, в частности, В.Ю. Ганкевич в своем исследовании называет Ильминского "видатным" (выдающимся) российским ученым и причисляет к его заслугам то, что ему удалось "так рано и точно проникнуть в самую суть джадидизма и понять устремления Гаспринского". При этом как бы за скобками остается то, что "проникал" Ильминский в джадидизм исключительно для того, чтобы подметить грозящую имперскому режиму опасность, своевременно "донести" и по возможности "запретить". Если система сравнительных сопоставлений не выявляет, а стирает такого рода контрасты, она не способствует успешному развитию современных исследований.

В особый тематический тезаурус конференции выделился круг вопросов реформирования школьной системы, развития прогрессивных методов отечественной педагогики, истории национальной школы (всех звеньев от начального до высшего и специального духовного образования) в различных регионах дореволюционной России (на Северном Кавказе, в Крыму, в Урало-Поволжье). Формированию этого направления способствовало само проведение данной конференции Российской Академии художеств, на базе ее Научно-исследовательского института, особое внимание уделяющего вопросам художественной педагогики, просвещения и эстетического воспитания, к чему имеет непосредственное отношение творческое наследие Исмаила Гаспринского.

Характерной особенностью конференции, отличавшей ее от ряда других научных конференций 2001 года, посвященных 150-летию со дня рождения Исмаила Гаспринского, был исключительно высокий приоритет специальных искусствоведческих и литературоведческих исследований, что было во многом предопределено ролью базового Института - организатора этой конференции. Нигде на других

конференциях не были так выпукло выделены проблемы развития искусства тюрко-мусульманского мира (живописи, графики, музыки, декоративно-прикладного, книжного и полиграфического искусства), нигде так пристально и профессионально не исследовались проблемы развития тюркских литератур и тюркского поэтического фольклора, как на данной конференции. В докладах, включенных в ее программу, были поставлены теоретические вопросы модернизации традиционных для тюрко-мусульманского мира художественных систем ("Просодия Корана и противоречия "нового метода" Исмаила Гаспринского" З.А. Имамутдиновой), систематизированы процессы развития национальных литератур ("Исмаил Гаспринский и ногайская литература и драматургия 20 века" Р.Х. Керейтова, "Влияние идей Исмаила Гаспринского на творчество крымскотатарских писателей 20 века" Ш.Э. Юнусова, "Литературное творчество Исмаила Гаспринского" И.А. Керимова), выявлены новые грани таланта известных художников и открыты имена и страницы творческой деятельности мало известных мастеров (доклады "Философия свободы в творчестве А. Кастеева А.С. Галимжановой, "Изобразительное искусство крымских татар 20 века" И.А. Заатова, "Вклад П.Я. Чепуриной в собирательство и изучение предметов быта крымских татар" и др.). Сенсационное эстетическое открытие содержал художественный материал, впервые опубликованный в докладе С.Ф. Фаизова "Тутра и вселенная: сакрально-художественная структура мохаббат-наме и шерт-наме крымских ханов и принцев". Важные направления современной фольклористики, нацеленные на выявление символов и ценностей народного самосознания, актуализированных в идеологии национальных движений нового времени, были намечены в докладах "Образ женщины в современных народных песнях башкир" Г.Р. Шакуровой и "Поэтический символ Родины в образе мифологического персонажа Урал-Батыра в устном народном творчестве башкир" Ш.Р. Шакуровой. Крупным планом профессиональные проблемы современного музейного строительства, собирательства и экспозиционного искусства и дизайна были выделены в докладе Э.Э. Абибуллаевой "Дом-музей (издательский центр) Исмаила Гаспринского в Бахчисарае (История и современная жизнь музея)".

Конференция продемонстрировала тесное взаимодействие теории и практики, труда ученых-исследователей и музейных работников, непосредственных участников национальных и религиозных движений современности, правозащитных организаций и аналитиков - историков, политологов.

С.М.Червонная

Примечания

1. По итогам конференции издана книга: Исмаил Гаспринский - просветитель народов Востока. К 150-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 2001.
2. Напомним лишь наиболее яркие из этих выступлений: Айвазов А.С. О великом Гаспринском // Терджиман, 1914, № 195; Сеидамет, Джафер. К читателям "Терджимана" // Терджиман, 1914, № 196; Акчокраклы О. Выступление на похоронах Гаспринского // Терджиман, 1914, № 196; Челебиджан, Номан. Покойному И. Гаспринскому // Терджиман, 1914, № 197; Каримов, Фатих. Большой национальный траур // Терджиман, 1914, № 199; Керимов, Кямиль. Отец нации // Выкьыт, № 1585; Величайшее отчаяние // Экьбал, 1914, 14 сентября; Каюм Кулат. Умер тюрко-татарский и исламский гений // Терджиман, 1914, № 202; Али Аббас Л. По поводу смерти всеми нами уважаемого Гаспринского // Терджиман, 1914, № 202.
3. Характерна в этом отношении опубликованная в 1926 году в журнале "Крым" статья некоего Асанова (без инициалов, судя по контексту - одного из руководителей Крымского Наркомата просвещения), который называл Гаспринского исключительно школьным "учителем", "который ведет борьбу с царизмом" (Асанов. Народное образование в Бахчисарайском районе // Крым, 1926, № 2. С. 180).
4. Окончательный приговор такого рода был сформулирован в 35-м томе "Большой Советской Энциклопедии", где газета "Терджиман" была объявлена центром, вокруг которого "группировалась" "татарская националистическая интеллигенция и буржуазия Крыма" (Большая Советская Энциклопедия, том 35. Москва, 1937. С. 311).
5. В 1921 г. в Симферополе был открыт музей-читальня имени Исмаила Гаспринского; в 1922 г. было принято решение о превращении его дома в Бахчисарае в мемориальный музей. Оба они просуществовали до 1932 года.
6. Кримський А.Е. Студії з Криму. Київ, 1930.
7. Крымский А.Е. Тюркские литературы // Энциклопедический словарь. Том 41. Москва, 1931. С. 370-371.
8. Российская Федерация против Мустафы Джемилева. Омский процесс. Апрель 1976 г. Киев, "Столица", 1998. С. 39.
9. См.: Lazzerini, Edward J. Ismail Bey Gasprinski and Muslim Modernism in Russia, 1878 - 1914. Seattle, University of Washington, 1973. Doctoral dissertation;
Burbiel G. Die Sprache Ismail Bay Gaspyralys. Hamburg, 1950 (Doct. diss.); Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. La presse du mouvement national chez les musulmans de Russie avant 1920. Paris, Mouton, 1964; Dumont, Paul. La revue Turd Yurdu et les musulmans de l'Empire russe, 1911 - 1914 // Cahiers du monde russe et soviétique. Paris, XV/3-4, July-December, 1974.

P. 315-331; Hostler, Charles Warren. *Turkism and the Soviets*. London, 1957; Lemerrier-Quelquejey, Chantal. *The Tatars of the Crimea. A retrospective Summary* // *Central Asian Review*, London, XVI/1, 1968. P. 15-25; Mende, Gerhard von. *Ismail Bey Gasprinski - zur nationalen Bewegung der Russland Turken* // *Osteuropa*, 1934, October, Nr. X; Simon, Gerhard. *Die nationale Bewegung der Krimtataren*. Koln, 1975; Zenkovsky, Serge. *Pan-Turkism and Islam in Russia*. Cambridge, Harward University Press, 1967 (книга переиздана в Турции: Zenkovsky S.A. *Rusya'da Pan-Turkizm ve Muslumanl?k*. Ankara, 1971. Уже несколько изданий на турецком и на европейском языках пережили очерки "Крым - прошлое, настоящее и стремление к независимости крымских татар" и "Исмаил Бей Гаспринский" крупнейшего крымскотатарского общественного деятеля в эмиграции Джафера Сейдамета (завершенный в 1930-х годах труд был издан в Стамбуле: K?r?mer Cafer Seydahmet. *Gasp?ral? Ismail Bey. Dilde, fikirde, iste birlik*. Istanbul, 1934), а архив Джафера Сейдамета, оставшийся в распоряжении его ученика и соратника Едиге Кырымала получил многогранное отражение в научных публикациях последнего, в том числе в капитальном исследовании "Национальная борьба крымских тюрок", в котором наследие Гаспринского рассмтривалось в контексте всей истории национально-освободительного движения крымских татар (Kirimal, Edige. *Der nationale Kampf der Krimturken*. Emsdetten, 1952). К тому времени уже появились первые труды Алана Фишера о Крыме (Fisher, Alan W. *The Russian annexation of the Crimea, 1772 - 1783*. Cambridge University Press, 1970) и готовилось к выходу в свет его исследование "Крымские татары" (Fisher, Alan W. *The Crimean Tatars*. Stanford, 1978) с большим разделом, посвященным Исмаилу Гаспринскому.

10. См. подробный отчет об этой конференции и анализ ее материалов в статье: Червонная С.М. "Исмаил Гаспринский - выдающийся крымскотатарский просветитель и гуманист" // *Этнографическое обозрение*, 1992, № 1. С. 158-165.

11. Среди них фундаментальный труд В.Ю. Ганкевича - докторская диссертация "Джадидистская реформа просвещения крымских татар (рубеж XIX - XX вв.)", Киев, 2000.

12. См.: Амет Озенбашлы - видный общественно-политический деятель Крыма, писатель-публицист. Годы, люди, судьбы. Материалы международной научной конференции 24-25 апреля 1998 г. Симферополь, 1999.

13. Развернутое теоретическое обоснование сущности "культурно-либерального пантюркизма" мы находим в трудах профессора Воронежского Государственного Университета Н.П. Горошкова.

Олжас Сулейменов

Тюрки в доистории

(О происхождении древнетюркского письма)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I.	Пересекающиеся параллели (Тюркославистика-обоснование проекта)
	Курган, ватага и – письмо
	Краткий список тюркизмов из письма слависту И.Р.
	Невидимые тюркизмы
	Груда и яма
	Неувиденные тюркизмы
	К выводам
	Примечание
	Злополучный, великий дифтонг (О древних корнях казахского языка)
	Ау, Рим!
	Предложения по ходу
	Деющий
	Век Волка (этюды)
Часть II.	Тюркская руника и др.
1.	Эпоха кирпича
	Где прародины тюрков?
	Услышать древность
	Писали или не писали пратюрки?
	Глиняные книги
	Как закалялась глина
	Кирпич
	«Где твой дом, малыш?»
2.	Согдийская версия
3.	Грамматика буквы
	Механические изменения. Черта-заместитель
	Грамматические изменения. Черта долготы
	К истории грамматической черты
	Выводы
4.	Ассирийский период
	Ассирия и Геродот
	Скифы
	Сколоты
	Реформа пратюркского письма ассирийского периода

	Цифры в алфавите.....
	Древнееврейский период. Тюрки – «правовверные»?
	Тюркские пары ассирийского периода.....
	Главные выводы.....
5.	Прототюркские иероглифы.....
	Шумерские цифры и числительные в орхоно-енисейской письменности.....
	Восточные цифры.....
	Знак Венеры.....
	Компас указывал на восток.....
	Основной Элемент.....
	Шумерская «стрела» в мировых языках.....
6.	Да, скифы мы... ..
	Грамматика буквы (продолжение).....
7.	Рцы слово твердо - Ук (Первое приближение к кириллице).....
8.	Наш дом – родина, страна, мир!
	Корова – Дом
	Земля – Вода
	Еще раз о футарке
9.	От тысячи к Первому
	Была ли цифра для числительного «второй»?
10.	Тюркские солнца.....
	Золотой телец.....
	Солнце – дитя
	Солнце – отец
	Зеркало.....
	Последнее солнце.....
	Зеленое солнце.....
	Дитя Луны.....
11.	Солнце индоевропейцев.....
	Послесловие к главе.....

Часть I

ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ПАРАЛЛЕЛИ (Тюркославистика - обоснование проекта)

Больше века славянские и тюркские языки изучались изолированно друг от друга. Сегодня мы начинаем понимать, что это противоречило природе взаимозависимого развития этносов, знавших на протяжении прошедших тысячелетий длительные периоды двуязычия. Особенно важно, что такое случалось на ранних этапах становления языков, когда совместно вырабатывались грамматические нормы, и происходил активный взаимообмен не только лексическими материалами, но и морфологическими схемами и средствами. Тюркские и славянские словари и грамматики, если поместить их в единое поле зрения, взаимно дополняют друг друга.

Должна появиться новая дисциплина – тюркославистика, которая поможет устранить противоречия раздельного изучения. И главным ее итогом может стать усовершенствование общего языкознания, на достижения которого, как на фундамент, опираются все общественные науки.

XXI век начнется с прорыва, скачка в развитии гуманитарных знаний.

И уже материалы этой статьи должны дать начало дискуссии, в результате которой может родиться тюркославистика и – появятся усовершенствованные учебники родного языка в казахских и русских школах.

Курган, ватага и – письмо

Вопрос о древнейших языковых связях славянских и тюркских языков не ставился в теоретическом плане. Документальное исследование тюркизмов в русском языке было начато Мелиоранским¹. Работа первых российских тюркологов носили прикладной характер и доказывали, что лексические заимствования из тюркских наречий в русский были возможны, но их число было достаточно ограничено. Тюркология рождалась в России, вступавшей в борьбу с Оттоманской

¹ П.М.Мелиоранский «Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» - ИОРЯС 1902, т.VII, кн.2, стр.273-302; его же «Заимствование восточного слова в русской письменности домонгольского времени», ИОРЯС, 1905, т.X, кн.4, стр.109-134.

Турцией за выход к южным морям. Исходная политическая ситуация сказалась на отношении имперской Академии к предмету исследований, а, значит, и на состоянии самой науки. Однако материал заставлял настоящих ученых (Мелиоранского, Корша, Радлова, Бартольда, Малова) преодолевать имперские предубеждения. Своего пика туркофобия достигает в советский период вопреки официальной интернационалистской идеологии. Может быть, в связи с тем, что борьба за Босфор все еще продолжалась, да и ряды истинных ученых были сильно прорежены. А.И.Попов в статье "Кипчаки и Русь", стремясь доказать, что тюркское культурное влияние на Русь было ничтожным, перечисляет все тюркизмы, попавшие в русский язык за последнее тысячелетие. Их, по его мнению, оказалось всего три – *курган, ватага, кумыс*.

Эта статья вышла в 1946 году, но и в середине 70-х была востребована². Взгляды, высказанные в ней, актуальны в науке и сейчас. Подготовленные специалисты ныне назовут тюркизмов в русском поболее, но в целом картина культурного взаимоотношения Руси и Поля, изначально сложившаяся в сознании славистики, не меняется: согласно ей, можно говорить о древнетюркских заимствованиях только в восточно-слав. языки (под древностью понимая средние века, начиная с XII). В южно-славянские тюркская лексика попадала, якобы, только из языка анатолийских тюрок во времена османского ига. Раньше этих дат никаких встреч тюрок и славян, оказывается, не происходило! Но языковые факты говорят о другом.

...Недавно, ища что-то в своих рукописях тех лет, наткнулся на черновик письма одному известному специалисту по "Слову о полку Игореве", который в разговоре со мной уважительно сослался на авторитет статьи "Кипчаки и Русь", хотя при этом позволил себе усомниться в том, что "кумыс" можно считать вошедшим в русский словарь. Таким образом, он сократил число тюркизмов до двух – *курган* и *ватага*. Я ему написал тогда же большое письмо, составленное из одних тюркизмов. Окончательный текст не сохранился: письмо писалось от руки, без копий. В черновиках уцелел словник – набор слов,

² Хотя к тому времени вышли работы Н.К.Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря», «Лексикограф. сб.» вып. III, М. 1958; И.Г.Добродомова «Лексика тюрк. происх. в белорусском яз.», «Беларуская лексікалогія і этымалогія», Минск, 1968. Р.В.Болдырев «Деякі тюркські елементи українського словника», там же. И сб. «Тюркизмы в вост.-славян. языках», Наука, Москва, 1974 г. Туда вошли работы Н.А.Баскакова, В.Д.Аракина, Р.В.Болдырева, М.Т.Тагиева и др.

выписанных из русского словаря. Считаю возможным опубликовать этот список сегодня с доработкой – группирую слова уже не текстово (как в том письме), но и не по алфавиту, а как бы тематически, абзацами. Вовсе не из желания создать стратиграфическую этажерку: на каждой "полке" соседствуют лексемы и позднего заимствования, возраст которых не превышает пяти-шести веков, и весьма раннего.

Кроме того, сократил словник. Тюркизмами принято считать заимствования из тюркских языков независимо от того, являлись ли в тюркских языках эти слова исконными. Я постарался оставить в словнике только слова тюркского происхождения, если возможно было доказать это себе этимологически. Например, *мишень* (из перс. *нишан*, прошедшее через горнило тюркского произношения), не включил, но *жемчуг* оставил потому, что кит. *женчу* не имеет твердой этимологии, и, возможно, само является заимствованием из тюркского.

Класс слов, относимых к разряду заимствованных привычно делю на три категории: 1) **явные заимствования**, 2) **узнаваемые**, 3) **невидимые**. К первым отношу термины, не утратившие откровенно иноязычной формы. Так, из «Слова о полку Игореве» известны названия половецкой одежды – *орытма*, *япончица* и др. Такие употреблялись в литературе периодов двуязычия, когда термины, пришедшие из второго языка, произносились с минимальными искажениями. Но до наших дней не дошли и поэтому не попали в список. Под **узнаваемыми** следует понимать заимствования, успевшие пообкататься в потоке живой славянской речи, но их генезис нетрудно восстановить средствами действующего этимологического метода. Таковых в списке большинство. И, наконец, к самым древним заимствованиям отношу **невидимые**, которые настолько освоены за тысячелетия активного использования, что от их первичной формы уцелели порой лишь остатки основ, скрытые многослойной корой славянских приставок, суффиксов, окончаний. Такие для тюркослависта представляют особый интерес еще и потому, что они не поддаются этимологическому анализу, основанному лишь на фонетических соответствиях.

В литературе, исследующей лексические связи тюркских и восточно-славянских языков, рассматривается лексика исключительно первых двух категорий. Сопоставляя данные словаря Срезневского, где приведено множество тюркских слов, участвовавших в речи древнерусских книжников, словаря Даля (отобразившего обилие тюркских речений в русских диалектах-говорах) и словарей современного русского языка, убеждаешься, что в общенациональном, литературном языке количество тюркизмов с каждым веком уменьшалось. И понятно почему.

Начиная с XVI века, влияние Степи на Русь ослабевает, а в XVI-XVII-XVIII прекращается вовсе.

В южнославянской среде, пятьсот лет бывшей «под турком», процесс очищения языка от тюркизмов начался в годы освободительной войны (XIX в.) и высокими темпами продолжился после обретения собственной государственности. В славянских языках остались практически только «невидимые тюркизмы», а явные употребляются ситуативно, в литературе: описывая борьбу с Османской империей, нельзя обойтись без «янычара» и «ятагана», хотя в обыденной речи эти слова уже не встретишь: «предметы» давно вышли из употребления.

...В XVIII-XX в.в. в русский литературный попадали единичные термины и, в основном, из турецкого. Из других тюркских – только торговые слова. Азербайджанцы и татары, поставлявшие в Москву и Петербург красную рыбу, вместе с ней внедрили слово *балык*, которое получило вторичное значение – «копченая осетрина». Первичное – во всех тюркских языках – «рыба, любая рыба, еще живая, не копченая». По сходной причине узбекское *üzüm* – «виноград» стало известно в России как *изюм* – «сушеный виноград».

И подобные тюркизмы я в список не включил.

Те, что остались, достаточно освоены в литературе (русской, украинской, белорусской) и в просторечии, а многие настолько стали для славян своими, что тюркская родословная их будет еще оспариваться славистами.

Публикация даже части этого списка в «АЗиЯ» (1975 г.) вызвала бурю в Академии Наук СССР. Протоколы обсуждения были опубликованы в журналах «Вопросы языкознания» и «Вопросы истории». (Недавно мне обещали прислать копию полной стенограммы закрытого обсуждения, состоявшегося в зале Академии на Волхонке, 13 февраля 1976 г. Сорок семь академиков, членкоров и докторов высказывались тогда с 9 ч. до 18-ти). За прошедшие годы, может быть, именно, благодаря «АЗиЯ», отношение к теме несколько изменилось. Академик А.Кононов – «главный тюрколог страны» – в своем выступлении на обсуждении заявил, что на «АЗиЯ» надо отвечать не статьями в «Молодой гвардии», а книгами тюркологов. Она и появилась, сказал он, потому что тюркологи-специалисты годами молчат, а те немногие, кто пишут, не в состоянии опубликоваться. После того собрания, вероятно, была дана отмашка и уже с 1976 года отмечено заметно больше публикаций. Однако количественный рост не всегда сопровождается качественным подъемом. В 90-х с отменой цензуры (вместе с ней отменили вгорячах и научную редактуру) в России и новых государствах массово возникла псевдонаучная литература – крикливая, в ярких обложках, абсолютно бездоказательная: версии назывались, но ничем не обосновывались.

Такая профанация «тюрко-славянской темы» не может меня не волновать. Я выступал против профессионального дилетантизма в академической мантии, но, считаю, не меньший урон нашей культуре может нанести «патриотическая» самодеятельность.

В 2000-м друзья предложили мне отметить 25-летие «АЗиЯ» статьей, где бы назывались какие-то подвижки в решении вопросов, что затрагивались в книге. Сегодня я попытался это сделать.

Тюркское происхождение большинства из приводимых мною слов и в научной среде уже не вызовет сомнения. Но, тем не менее, достойного обобщения накопившихся материалов и необходимых выводов ни в славистике, ни в тюркологии не нашел. Поэтому есть необходимость в продолжение того разговора с незабвенным И.Р.

Краткий список тюркизмов из письма слависту И. Р.

Утро, явь, ярко, жарко, осень, весна. Буран, пурга, ураган...

Тайга, туман, бархан, буерак, овраг, яруга, яр, капкан, собака, ищи (иск), след, кабарга, баран, архар, джейран, коза, кабан, волк, барс, барсук, бирюк, корсак, шакал, тушкан, бурундук, суслик, сурок, саранча, таракан, паук, тварь...

Орел, беркут, баклан, чайка, галка...

Сазан, севрюга, судак, сом, карась, чебак...

Осокорь, осина, ясень, чинара, черемша, черемуха, арбуз, орех, горох (грош, груша), отава, солома, сено, пшено, пшеница...

Табун, косяк, лошадь, маштак, аргамак - буланый, бурый, чубарый, карий, караковый, каурый, игрневый, саврасый, чалый, алый, багровый, багряный - чепрак, узда, тавро, ярмо, хомут, нагайка, аркан, оружие (ружье), сабля, кинжал, палаш, колчан, набалдашник, алебарда (ай-балта), молот, булат, латунь, чугун, свинец, жесть, утюг, бурав, кирка...

Арба, телега, колымага, кузов, кошевка, кочевье, кучер, ямщик, кибитка, табор, кощей (Кощий), чумак, балаган, юрта, шатер, лачуга, сарай, амбар, шалаш, изба, очаг, жги, жарь.

Смага (смак, смажить), кавардак, сковорода, шкварки, шашлык, халва, сычуг; чумазый, чума...

Богатырь (богатый), Борис, Сергей, Ермак, толмач, боярин, (барин), товарищ, казак, джигит, сорочин (сарацин, срачин), кацап, басурман, хохол, храбрый, шайка, орда, толпа, кош, курень, кунак, есаул, караул, хоругвь (хорунжий), бунчук, булава, кутерьма, облава, айда!, ура!...

Бурка, жупан (zipун, шуба), тулуп, кошма, войлок, ковер, тюфяк, сермяга, каракуль, башлык, шаль, колпак, кушак, армяк (ормяк),

сюртук, кафтан, роба, рубаха, рубище, штаны, шаровары, башмак, чувяк, чобот, каблук, чулок, карман, кисет, тесьма, кайма, узел, игла...

Тамга (таможня), хозяин, товар, торба, вьюк, тюк, баул, бакалея, базар, баш на баш, купи, копи, аршин, короткий, бязь, парча, кисея, алтын, полтина³, деньга, серьга, жемчуг, алмаз, яхонт, яшма, бисер, много, барыш, сундук, рундук, казна (казначей), болван, балабол, балбес, дурак, упырь, баклага, чаша, чара (чарка), стакан, пиала, чай, буза, брага, барабан, бандура, кобза, домра, балалайка; улика, вор, пахан, уркаган, кореш, кандалы, тюрьма, палач...

Башка, косма, коса, тулово, туша, толст, кулак, кукиш, кадык, щека, рот, уста, ус, темя, кишка, ягодица...

Грязь, кирпич, язва, ярлык, карандаш, бумага, каракули, буква, письмо, книга, язык...

К этому списку можно присоединить и курган с ватагой. От кумыса__воздержусь: согласен, что это слово не вошло в общенациональный язык «по причине отсутствия необходимости в производстве кваса из кобыльего молока» (И.Р.).

Слова приходят как названия предметов, явлений и уходят вместе с ними. Нынешние поколения русских и слов типа каланча не поймут: в современных городах таких строений не увидишь. Уже и стариков не осталось, которые бы помнили, что трехкопеечную монету называли алтын, а за пятиалтынный в дореволюционной России можно было и выпить изрядно, и закусить по-людски.

В письме к И.Р. я в запальчивости привел гораздо больше тюркизмов. Здесь свел к двумстам, чтобы сохранить некое соответствие арифметике тогдашнего спора – «в сто раз больше!». Можно – и «в сотни раз», но даже приведенного количества достаточно, чтобы подтвердить напрашивающийся вывод – накопить столько заимствований за «три века ига» нельзя. Необходимы тысячи лет. За весь XX век, в условиях практически стопроцентного двуязычия в казахском обиходном словаре побывало много русизмов, обозначавших новые понятия. Это были и международные термины, поступавшие при посредстве русского языка (революция, социализм, коммунизм), и неологизмы российского производства. По краткости века слов можно судить о скорости перемен. Постреляли противников строя, и вышли из употребления термины меньшевик, уклонист, кулак. Теперь и большевик в словарях не приводится. Как и совхоз, колхоз, МТС, сельпо, потребсоюз... Все реже произносится - социализм. Кто знает, сколько продержатся ныне очень модные слова – президент, Сенат,

³ Тинь – «рубль» (др.-рус.) < тун – 1) «белка», 2) «денежная единица» (тюрк.)

демократия? Самолет уже заменили на неологизм *шаша* (от глагола *ш* – «лети»). Пока остаются в повседневной речи *заут* (<«завод»), *шапта* (<«шахта»), *зайбашы* (<«зайбашку»).

Революционные потрясения, этнические катастрофы, войны, голод – все испытал в XX столетии народ. И терял больше половины своей численности и восстанавливался, трижды менял письменность, приобщаясь, благодаря русскому языку, к мировым знаниям, новой технике, но очевидно, что никаких вечных ценностей этот бесспорно русский для нас век в казахский словарь не смог внести.

Язык – необычайно консервативная система. В зрелом возрасте ему требуются значительно более длительные эпохи взаимодействия с другими, чтобы навсегда воспринять что-то «новенькое со стороны». На самых ранних этапах развития тот же инстинкт самосохранения делал языки более взаимозависимыми. Славянские и тюркские языки встречались и в младенчестве своем, и в молодости. О чем свидетельствует характер заимствований лексических и грамматических материалов. При этом тюркские и славянские наречия были временами чуть постарше и поопытней друг друга. И щедро обменивались своими наработками.

...В следующих главках я хочу привести этимологии некоторых терминов, присутствие которых в списке требует объяснения. Особенно, – касающихся темы «земледелие», не свойственной (по устоявшемуся в славистике воззрению) культуре кочевников – извечных скотоводов.

Невидимые тюркизмы

1. «С дуба падают листья ясеня...»

(«осина», «осокры», «ясень», «осень» и др.)

Слависты признают приход из языка тюрков-кочевников времени Золотой Орды лексики большинства классов, упомянутых в списке – название лошадиных мастей, степной фауны, предметов вооружения и одежды, терминов торговли... Но им трудно будет согласиться с тем, что земледельцы-славяне могли получить наименования растений у тюрков. И, тем не менее, к весьма древнему пласту заимствований отношу названия некоторых быстрорастущих деревьев, получившие распространение во всех славянских языках, но в формах, отражающих нормы отглагольного имяобразования, принятых в тюркских языках разных ветвей.

Учитывая важность такого рода примеров, приведу полностью статью из Фасмеровского Словаря, посвященную рассмотрению этимологии одного из наиболее известных названий деревьев в славянских языках.

Фасмер: «Осина, укр. осина, осика, др. рус. осина, болг. осика

(Младенов, 388), чеш. дуал. *osa, osina*, слов. *osika, osa*, пол. *osa, osina*, в.-луж. *wosa, wosyna*, н.-луж. *wosa* – «серебр. тополь». Наряду с болг. *ясика* – «осина», сербохорв. *јасика*, словен. *jasika, jesika*.

Праслав. **opsa* родственны лит. *ariše, arišis* – «осина»; вост.-лит. *eriše* – «черн. тополь», лтш. *arpe* – «осина»; др.-прусс. – *abse*, д.-в.-н. и др.-сакс. *aspa* – «осина»; нов.-в.-н. *wespe* (т.ж. См. Траутман... Бернекер... и т.д.).

Но это слово должно было быть более широко распространено в индо-европейских языках, потому что алт., лев. *apsak, тоб. awsak* – «тополь», чув. *ěvės* – «осина», представ. старое заимствование из какого-то и-е. (вост.) языка (иранского, по мнению Хоопса)⁴.

...Системный характер фонетических изменений был вскрыт еще отцами компаративистики – сравнительного языкознания. Но увлечение младограмматиков фонетическими соответствиями привело к абсолютизации «фонетических законов» в работах по этимологии, вызвало протест со стороны ряда ученых. Г.Шухарт в статье «*Etymologie und Wortforschung*»⁵ выступил против засилия фонетики и призвал не забывать о значении смысловых связей. Во второй половине XX века стали обращать внимание и на морфологию⁶.

В 1956 году в предисловии к книге итальянского лингвиста В.Пизани «Этимология и история – Проблемы – Метод», вышедшей в Москве, В.Н.Абаев, будущий автор «Этимологического словаря осетинского языка», говорит о «фонетических, морфологических и семантических критериях этимологических разъяснений» (указ. соч., стр.6). Морфология постепенно включается в арсенал метода, однако ей и сейчас, по-прежнему, отводится лишь подчиненная роль в этимологических исследованиях.

Но в ряде случаев, когда фонетическими изменениями нельзя объяснить формальное расхождение явно родственных слов, и должна выявляться главенствующая роль морфологии в этимологическом исследовании.

Чем, например, объяснить столь разительные отличия форм *osina = osika = osa = opsa*?... Фонетические изменения здесь, явно, не при чем. Речь может идти только о морфологических соответствиях. И если таковых нельзя найти в славянских, индоевропейских, надо обратиться к словарям других соседей. Понскать в их грамматиках словообразовательные модели, в которых применялись бы аффиксы,

⁴ М.Фасмер. «Этимологический словарь русского языка», III, 159.

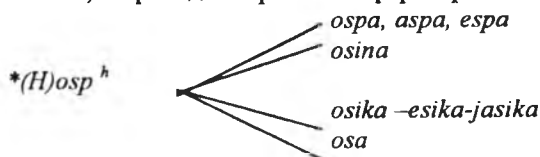
⁵ См. сборник этого автора в переводе на русский язык «Избранные статьи по языкознанию» М. 1950 стр.210 и сл.

⁶ См. Ю.В.Откупщиков «Словообразование модели и этимология». В сб. «Этимология – 1967 г.», М., Наука, 1969, стр.80.

обозначенные в этих терминах. Но такая работа Словарями⁷ не была сделана. Давно пора подготовить научное пособие, нечто вроде Морфологического кодекса, где были бы собраны и проанализированы все словообразовательные схемы и средства из языков хотя бы «народов-соседей». Такое подспорье значительно облегчило бы работу этимологов, переведя ее из гадательной плоскости в научную.

Последний раз индоевропейцы обратились к названию означенных пород деревьев в середине 80-х. В капитальном двухтомном труде Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» рассматриваются названия деревьев в индоевропейских языках. В частности, под одной рубрикой – *осина*, *тополь*. Этимология, приведенная в Словарях, повторяется и здесь. «Праформе», правда, придается более наукоподобный вид – $*(H)osp^h$, стало быть – консонантизм лучше сохранился в германских (др.исл. *osp* – «осина», др.-анг. *aspe*, д.-в.-н. *aspa*, нем. *wespe*), а в балтских произошла метатеза (перестановка)⁸. Этимологический метод, использованный в этом труде, характеризуется странным объяснением странного превращения суффикса: «Некоторые из южнославянских форм с суффиксом *-ika* имеют значение «осокорь», «черный тополь». Само славянское название этого дерева может быть истолковано как сложение **aso-kor* – «с корой осины»⁹.

Ни Преображенский, ни Фасмер, ни другие исследователи не объясняют происхождения этих оригинальных форм, в которых трудно определить – как выглядели первоначальные корень и суффиксы? по какой морфологической схеме лексемы строились? И если это механические изменения, то существуют ли аналогии подобным фонетическим метаморфозам в славянских или каком-либо индоевропейском языке? Ни вопросов таких, ни ответов на них в работах нет, и приходится разноречивые формы принимать как данность.

⁷ Все Этимологические Словари рус.языка (Горяева, Преображенского, Фасмера и др.) практически повторяют друг друга. Поэтому для удобства читателя употребляем собирательный термин Словари, но конкретные примеры будем приводить только из наиболее полного четырехтомника М.Фасмера.

⁸ Указ.соч., т.II, 626.

⁹ Там же.

Тюркологи исследовали названия осины в некоторых тюркских языках – в татарских, башкирских диалектах и в наречиях тюрков Алтая. Выявлены такие формы – *os, aspaq, apsaq, ausaq, absaq, uthaq, usak, osaq, busaq*¹⁰.

*«Исследователь отношения тюркской номенклатуры осина к индоевропейской И.Хоопс утверждает, что тюркские названия os, õs восходят, по-видимому, к относительно позднему заимствованию из слав. osa, подобное же следует предполагать для тат. usak. Также тюркское aps- не является древним корнем, а, скорее, – субститут или заимствование. Все тюркские наименования есть очень ранние заимствования из индоевропейских, точнее, с высокой степенью вероятности из иранских языков», – пишет автор статьи «Осина» Э.Р.Тенишев, он же ответственный редактор всего этого издания*¹¹.

Повторяется версия Хоопса, на которую опирается Фасмер и авторы книги «Индоевропейский язык и индоевропейцы». Но за десятилетия, прошедшие после рождения гипотезы о происхождении тюркских наименований этого дерева от иранских (1905 г.) никто не удосужился найти хотя бы в одном из иранских нечто подобное европейским и тюркским названиям. Ни сам Хоопс этого не сделал, ни его последователи. Сама гипотеза, скорее всего, основывалась на убеждении (а не на фактах), что алтайские тюрки до встречи с русскими могли заимствовать индоевропейскую лексику только у древних иранцев, которые, предположительно, бывали на Алтае в эпоху саков. В целом принимая эту версию, Э.Р.Тенишев попытался объяснить морфологическую разность тюркских терминов двумя источниками заимствования: «В последовательно идущих формах *os, osak, usak* и *ausak, aspak* из соседних тюркских языков Сибири встречаются два слоя заимствований: один поздний – славянский и другой ранний – иранский – *aspa, apsa...* Вследствие этого все эти названия входят в ряд праиндоевропейского языкового богатства. Ясень ныне распространен по всей Европе, тогда как осина – по Европе и Северной Азии. Частота обоих названий убывает в Европе к западу и югу и прибывает к востоку. Эти лесные деревья распространены преимущественно в северной и средней частях Европы. Вместе с березой, сосной и ивой они появляются после таяния материковых льдов и образуют плотный покров в северных странах (Ноорс, 1905, 123-124). Таким образом, становится ясно, что реконструкция праформы для осины не состоятельна на тюркской почве, а возможно только на индоевропейском уровне, что и сделано Т.В.Гамкрелидзе и

¹⁰ «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика». М. «Наука», 1997, стр.131.

¹¹ Там же.

Вяч.Вс.Ивановым в книге «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (Тбилиси, 1984, с.626-627) в виде **(H)osp^h*. Ср. другие реконструкции тюркских праформ для «осины»: М.Рясенен - **ab(u)s(-ak)* и Э.В.Севортян - **apysaq*...¹².

Итак, что мы имеем в «сухом остатке» после обзора попыток этимологии названий осины (тополя, ясеня) – деревьев, которых объединяло что-то общее в глазах древних словотворцев:

1) Название возникло в средней или северной Европе.
2) В иранских языках подобное название не сохранилось, а если и было, то, скорее всего, в виде заимствования из европейского.

3) Судя об ограниченности распространения термина в тюркских языках (**тат.*, *башк.*, *сиб.-тат.*, *алтайск.*), он, вероятно, заимствован, но не из мифического иранского, а из зап.-слав. (*osa*) и германских (*ospa*) или балтских языков. Причем, заимствование и освоение произошло в одном из наречий с сильной инерцией конечного закрытого слога, что вызвало появление протетического согласного: **osa > *osak*; **usak*, **ospa > *ospak*, **opsak*, **apsak*...

4) Средствами индоевропейских языков ни одна из живых форм и реконструкций не этимологизируется. Следовательно, надо допустить возможность заимствования из каких-то языков, соседствовавших в древней Европе со славянскими и германскими.

5) В данном случае есть основания полагать, что такими языками были тюркские: в них сохраняют продуктивность и лексика основ, и морфологические схемы, по которым, вероятно, были созданы рассматриваемые термины. После исхода тюрков в другие зоны Евразии, где эти породы деревьев не произрастали, их наименования перестали употребляться в качестве терминов, но морфологические комбинации продолжают в речи ситуативно.

...Языки многих евразийских этносов, с которыми тесно общались древние тюрки, являются идеальными хранилищами слов тюркского образования, вышедших из употребления в самих тюркских языках. Большинство явных и узнаваемых тюркизмов, не говоря уже о невидимых, можно смело отнести к такой категории устарелых слов. Отмерших в тюркских, но живущих в других. И русский словарь – вместительное подобие реликтов. Например, *кошма* – явно тюркское образование: *Пош* – «соединяй, спутывай», *Пошма* – «соединение, спутанность». Но как термин – «войлочный ковер», «войлок» – уже не употребляется ни в одном из тюркских языков. Его давно вытеснили другие названия. Однако, ситуативно такое слово употребляется часто, выражая соединение, спутанность любых предметов и явлений.

¹² Там же.

Знание тюркского материала и в случае с *осина* избавило бы от необходимости создания искусственных праформ и предположений в духе «народной этимологии».

От глагола □сь(ös') – «расти» производятся имена по морфологической схеме, принятой в огузо-карлукских («императив + ik/ък = имя существительное–прилагательное»): □cik (ösik) – 1) «растение», 2) «быстро растущее».

И по другой схеме «императив + -ен (in), ѧн/ан = 1) имя существительное, 2) причастие прошедшего времени»: □сень (ösen', ösin) – 1) «растение», 2) «выросшее».

В кипчакских языках была принята словообразовательная схема с иным именным суффиксом: «императив + ма (па,ба) / ма̋ (пā, бā) = имя существительное»: □сьм□, (ösmā), □сьп□ (öspā)¹³ – 1) «растение», 2) «(быстро) растущее».

Попадая в огузо-карлукскую среду, открытосложные кипчакские суффиксы утрачивали конечный гласный, нетерпимый в языках с сильной инерцией первичного закрытого слога (к которым относились огузо-карлукские). Суффикс -ма (-ба, -па) превращался в -м (-б, -п): □сім (ösīm) – то же.

Осокорь – «черный тополь», вероятно, корреспондируется с □ськирь (ös'kir') – «быстрорастущее» (тюр.), подвергнутым «губной гармонии» в восточнославянских языках: (суфф. -kir (-kir) / -кър (-kyr) производит от основного глагола (императива) имена существительные и прилагательные. Например, □т (öt) – «пронзай, проходи, пронзи», □ткир (ötkir) – «острый».

Автор "Этимологического словаря тюркских языков" Э.В. Севортян, к сожалению, недостаточно уделил внимания этому удивительному корню, из которого вырос целый лес терминов в тюркских словарях. Но он приводит все фонварианты глагола: ös, üs üth, üds, es, и значения 1) «расти», 2) «быстро расти».

Он не называет термины кипчакского производства, ссылается только на огузо-карлукские: «Среди многочисленных производных от □с- наиболее важно существительное на -м: □с-ум туркм. диал., кирг., уйг., □сим ккал., □сім каз., осим уз., □зум алт., тув., □зім хак., □сім тат., □с□м уйг., со значениями "рост" (развитие) "прирост" и др. Имеют ограниченное распространение производное на -мор: □см□р – "подросток" и др.-тур. диал., баш., (□смір), уз (осмир), на –

(а)к - □с□к, □с□к - "растение" уйг., "рослый" , ккал., "длинный" и некоторые другие.»¹⁴

Оставалось совсем немного, чтобы подойти к тюрк. *□sik - праформе славянского осика, а там и до кип. □сьпă, □ськĭр было бы недалеко.

...Славяне пытались передать искусственный мягкий (δ) "естественным мягким" е¹⁵. Что объясняет появление южнославянских есика, ясика - «осина» (нем. *espe, wespe*). А также - ясень. О переходе названий деревьев на близкие и отдаленные породы говорят авторы книги «Индоевропейские языки...» в подглавке «Смещение значений в семантическом поле названий деревьев в индоевропейском».

О переносе значений ясень > бук в греческом и, возможно, албанском¹⁶.

Полагаю, что в европейских (не только в славянских) произошли такие смещения - осина > тополь, осина > ясень. В славянских праформа *esen' дала рус. ясень, серб.-хорв. *jasen*, но лтш. *josen* - "ясень" могло произойти непосредственно от *ösen'.

Праформа *ösik > др.-анг. *esc* - "ясень" (анг. *ash*), др.-в.-нем. *asc* (*esche*) - "ясень". Др.-исл. *askr*, может быть по-исландски развитой общегерманской формой, но и связанной с *öskir как осокорь, откуда и угро-финское *oško* - "ясень" (марийск.) А на западной окраине Евразии *azkar* - "вид дуба" (баск.).

Таким образом, протюркские диалекты, думаю, внесли определенный лексический вклад в словари древнеевропейских языков (индоиранские соответствия пока не известны), нуждавшихся в ту эпоху взаимодействия в такого рода терминологии. Полагаю, что первыми значениями этих слов были *1) «растение» 2) «дерево» 3) «быстро растущее дерево». А это говорит о самых начальных этапах развития индоевропейских словарей.

О том, что семантически обобщенное наименование класса вещей могло в процессе сужения смысла становиться названием конкретного предмета, в данном случае - породы дерева, говорит и казахское слово, сохраняющее оба значения - нарицательное и «личное»: *терек* (*terek*) - 1) "дерево" 2) "тополь". Думаю, и русское

¹⁴ Э.В.Севортян "Этимологический словарь тюркских языков" Наука, М. 1974. т. I, стр. 553

¹⁵ И не все тюрки произносили □ адекватно. Ср., караим. *es* - «расти!».

¹⁶ Г.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванов «Индоевропейский язык...», т. I, стр. 625.

слово *дуб* – некогда обозначало просто "дерево", и тогда часть его (сук) получила название "дубина"¹⁷.

...Схема распределения терминов разного оформления говорит о том, что южнославянские племена в период заимствования больше контактировали с огузо-карлуками, в то время как кипчаки – с германцами.

...Славянские языки обладали сильной инерцией первичного открытого слога и, заимствуя слова с непривычной слоговой структурой, (содержащие конечный согласный), в произносительной практике перестраивали закрытый слог в открытый, то есть, прежде всего, добавляли протетический гласный *a* (*o*) в конец слова. Поэтому **ōsen/ōsin* превращалось в *осина*, *ōsik* – в *осика*, *есика*, *ясика*.

Но кипчацкие слова с последним открытым слогом сохранили в ряде европейских языков конечный гласный: **□spā* > **□psā*. Мог изменяться консонантизм, но открытость завершающего слога была обязательна: **oswa* > *osa*.

Тюрки и европейцы на протяжении истории названий осины (ясеня, тополя) встречались, по меньшей мере, дважды. Первый раз – когда тюрками были названы, а европейцами (славянами и германцами) заимствованы эти термины. Вторая, возможно, состоялась через тысячелетия, в гуннскую эпоху (первые века н.э.). Тюрки, пришедшие в Европу с территорий, где ни тополя, ни осины не произрастали, названия их давно забыли или перенесли некоторые из них на другие быстрорастущие растений. На виноградную лозу, например (*üzüm*).

И, возможно, в позднегуннское время, когда северные тюрки возвращались из Европы на восток, в места последнего расселения, они перенимают западно-славянские названия типа *osa* (чеш., пол.), *wosa* (в.-луж., н.-луж.) – «осина», «серебряный тополь», и герм. *aspa* – «осина» (др.-сак.), которые в диалектах с закрытым конечным слогом преобразуются в *osak*, *bosak*; *aspak* > *apsak*. Герм. *aspa* заимствовано в балтские: *apše* – «осина» (литш), *abse* (др.-прус.). В литовском – вторичное полногласие: *apuše*, *apušis* – «осина».

Так, на наш взгляд, образовывалось и развивалось лексическое гнездо. Не представляя всей полноты картины, трудно было не ошибиться при реконструкции праформы. Нам известны несколько вариантов общей праформы: **opsa* (Фасмер), *(*H*)*osp*^h (Гамкрелидзе-Иванов) и др. Но в действительности, было несколько живых древнейших форм, образованных в тюркских диалектах от основного

¹⁷ Суффикс *-ина*, *считаю*, *помогал* назвать часть целого. Например, в чеш. *god* – "время", *godina* – "час" и т.п.

глагола □сь (ös') – «расти», «вырастай»: □cik (ösik); □сьkip (ös'kir); □сень (ösen' ; ösin'); □сьnd (ös'pā); □сьm (ös'm).

На протяжении двух веков научное языкознание, с головой занятое антропофоникой и фонологией («о характере уклада голосовой щели в общеиндоевропейском»), изменение в формах явно родственных лексем объясняло исключительно фонетическими причинами. И это решительно сказывалось на облике реконструкций. Пора бы понять, что эффективность воссоздания пратипа находится в зависимости, прежде всего, от знания системы морфологических соответствий в живых и мертвых языках мира и лишь потом – фонетических. Уже давно не имеет смысла тщиться применять запутанную архитектуру принципа непреложности фонетических законов для выявления общей праформы слов с явно разной морфологией. Например, таких как *osina, osika, osa, opsa, ospa*... Предложенные два варианта праформы – Фасмером: **opsa* и Гамкрелидзе-Ивановым: *(H)*osp*¹⁸ – приговор методу этимологии, действующему в академической науке и языкознании.

...Восстановление исходного смысла основы *□сь (ös) – "расти" позволяет понять генезис еще одного темного слова *осень*, в котором уцелели черты первичной мягкости (**ösen*'). В тюркском – буквально "выросшее", в славянских было понято – "время, когда все выросло и созрело".

В рязанском говоре *есень* – "осень". (Оттуда – Сергей Есенин.) В диалекте, где первый слог открывался протетическим согласным, произошло слово *весна* – там смысл слова выражает иное понимание праформы: "время возвращения", "начало роста растений". Характер протетического говорит о том, что начальный гласный был губным – **ö* (*wösen*' > *wöсна*)¹⁸.

В это же гнездо слов входят диалектные *усень* – "первый день весны" (Ф. IV, 170), *овсень, авсень* – т.ж. (Ф. I, 59). Словари не связывают это слово с *осень (есень)*, которому пытаются найти первоисточники в балтских и германских: "*Родствен. др.-прус. assanis* –

¹⁸ Добавление нового гласного вызывало синкопу-редукцию одного из предшествовавших гласных: **rißen* > *ršeno*; **wesen* > *wesna*... В односложном слове сокращался корневой: *пень* > *пня*, *сон* > *сна* и т.д. Язык стремился сохранить в слове привычное число слогов – такова природа синкопы. Освоение тюркизмов также вызывало синкопу (*кобыз* > *кобза*), но в поздние времена, когда стали терминами и трехсложные слова, синкопа угасла: □*lik* – «труп» (*тат.*) > *улика* – «вещественное доказательство преступления»; *пандур* «струнный инструмент» (*кир.*) > *бандура*.

«осень», гот. *asans* – «жамва», д.-в.-н. *aran, arn* – «урожай».» (Ф. III, 158).

Но первоисточник в первую голову должен иметь ясную родословную, чего приведенные германские и балтские параллели лишены. Они больше похожи на лексемы, зависимые от славянских форм. Особенно ясно это сейчас, когда этимология последних, кажется, получает правильное направление.

...Полная этимология возможна только с восстановлением графического образного знака. Но этому этапу предшествует Подготовительный – построение лексического гнезда, т.е. системы лексических соответствий в близкородственных языках и языках-«соседах».

Уже на этой ступени, если «Гнездо» воссоздано правильно, раскрывается язык-источник и, зачастую, отпадает необходимость в Полной этимологии. (Особенно, если речь идет о поздних механических заимствованиях.)

Все существующие «Этимологические словари», по сути, выполняют в той или иной мере успешно, лишь Подготовительный этап этимологии. Ни один из опубликованных в мире Словарей не привел еще ни одной Полной этимологии по схеме: а) воссоздание точной системы лексических соответствий; б) определение морфологического типа слова, которому бы соответствовала восстановленная праформа; в) реконструкция первоноероглифа – графического образного знака, название которого и стало словом.

...В главе, где будем подробно говорить о первоноероглифах, приведем знак Ψ $\square\text{сь}$ (**ös'*), который жрецами письма и языка толковался как 1) "лунка и росток", 2) "дерево", 3) "серб и растение" и т.д.

Благодаря этому первоноероглифу и его названию прототюркские диалекты получили основной глагол

$\square\text{сь}$ – "расти". И от него в разных диалектах образовали существительные:

$\square\text{сик}$ – 1) "растение 2) "быстро растущее";

$\square\text{сен'}$, $\square\text{син}$ – 1) "растение" 2) "дерево" 3) "быстрорастущее дерево";

$\square\text{сьмд}$; $\square\text{сим}$; $\square\text{снд}$ – 1) "быстро растущее" 2) "растение";

$\square\text{ськп}$; $\square\text{ськпр}$, $\square\text{ськиш}$ – «быстро растущее».

Развитие глагола: $\square\text{сир}$ – «вращивай»; $\square\text{сипс}$ – «вращивание».

...В III тысячелетии до н.э. в Древнем Египте возникает культ бога Растений по имени *Osiris*, что на их языке буквально значило – "Вращивание". Его часто изображали в виде человека, лежащего на

спине, и сквозь его тело прорастали ростки вертикальные, прямые как в иероглифе - *ös.

Груда и яма

Итак, тюркизмы первых двух категорий ("явные" и "узнаваемые") более или менее названы в "Этимологических словарях" Н.В.Горяева, А.Пресображенского, Ф.Миклошича, М.Фасмера, в трудах дореволюционных тюркологов П.М.Мелиоранского, Ф.Е.Корша, В.В.Бартольда и советских – С.Е.Малова, А.Н.Кононова, Н.А.Баскакова, В.Д.Аракина, И.Г.Добродомова, Д.С.Сетарова. В известной работе Н.К.Дмитриева "О тюркских элементах русского словаря". Мало назвать слово тюркизмом, необходимо доказать это. Н.К.Дмитриев дает этимологические справки к 363 словам. Е.Н.Шипова в "Словаре тюркизмов в русском языке" приводит уже "около двух тысяч".

Как пишет автор предисловия, казахский академик С.Кенесбаев: *"Словарь содержит около двух тысяч тюркизмов, вошедших в русский язык, из них лишь небольшая часть представляет собой архаизмы, большая же часть входит в лексику современного русского языка"*¹⁹.

Словарь вышел под редакцией академика А.Н.Кононова через несколько месяцев после того Обсуждения.

Работа такого рода ("Словарь тюркизмов") действительно необходима и мы обязаны поблагодарить автора, взявшего на себя труд собирания тюркизмов под одну обложку. В Словаре представлены тюркизмы первых двух категорий – явные и узнаваемые. Большинство все же попадает в разряд архаизмов, некоторые встречаются лишь в областных говорах. Основной недостаток этой работе присущ всем словарям такого типа – несовершенство этимологического метода. К недостаткам, имеющим индивидуальный, авторский характер, следует отнести слабое знание тюркского материала. Это, в частности, мешает автору отличить «твердые» слова от «мягких».

Например, правильно отнеся вост.-рус. *уйма* - "куча, множество" к заимствованиям из тюркского языка, автор производит его от *ойма* (каз., крым., тур., чаг.), *уйма* (тат.) – "глубокая яма". От *ой*, *уй* – «делай глубокий, округлый, лунообразный вырез (в почве, например)». Но правильней производить от каз. *□йме* - "куча", "нагромождение" (*□й* – "сучивай, "нагромождай"). В русском начальный мягкий гласный был передан твердым "у". А конечный

¹⁹ Е.Н.Шипова «Словарь тюркизмов в русском языке», "Наука", Алма-Ата, 1976 г., стр.5,

совпал с показателем дательного падежа и, естественно, "восстановился" именительный – *уйма* – «куча, множество». Но, отнюдь, не «яма».

Традиция подобных ошибок идет от первых русских тюркологов. П.М.Мелиоранский в известной журнальной полемике с Коршем о тюркизмах «Слова о полку Игореве» выдвинул гипотезу о происхождении слова *кощей* от кирг. *кошчы* – «напарник», «прислужник», «сопровождающий» и даже «батрак». Эта версия была принята всеми «Этимологическими Словарями русского языка» (в том числе и Словарем Шитовой) и переводчиками «Слова о полку Игореве», которые передавали выражения поэмы, где Игорь после поражения «пересел из седла злата в седло кощиево» как – «пересел из седла княжеского в седло раба». И прозвище Кончака – «поганый Кошый» переводили соответственно – «поганый раб», хотя хана Кончака – победителя Игоря, Всеволода и др. князей при всей к нему ненависти автор едва ли мог наречь столь исторически несоответственно.

Ошибка произошла от того, что первые исследователи перепутали сходно звучащие для русского слуха кир. *Пош* – «соединение», «пара» и каз. *кѡщ* – 1) «кочуй», 2) «кочевье», и производные *Пошчы* – «напарник» (кирг.), *кѡщичи* – «кочевник» (др.-каз.).

Игорь после несчастной битвы на берегах Кайалы пересел из седла княжеского в седло **кочевника**. То есть стал пленником хана Кончака – «поганого **кочевника**». Определение «поганый» в те времена значило – «язычник», «нехристь».

Автор-христианин в эпоху борьбы земледельческой Руси с кочевым Диким Полем мог назвать Кончака и язычником, и кочевником. Слово **кѡщичий* стало источником древне-русского обобщающего имени-символа Кочевника Бессмертного – Кошций, Кошцейще (в былинах передается долгий *щ*). «Слово о полку Игореве» подтверждает, что слово это в нарицательном значении существовало в древне-русском уже в XII веке. (Правда, долгие звуки в письме не изображались. В литературе той поры не встретишь ни одного слова с удвоением буквы для согласного или гласного. Былины же записаны в XIX веке с точной передачей долготы звука.)

...После выхода «Аз и Я» академические журналы «Вопросы истории» и «Вопросы языкознания» напечатали материалы обсуждения книги на собрании академиков в феврале 1976 года. «Вопросы литературы» относились не к Академии, а к Союзу Писателей СССР, но и они решили не отставать от академических «вопросов»: заказали статьи академикам Б.А.Рыбакову, Д.С.Лихачеву, член-корр. Н.А.Баскакову. Получив тексты, редактор М.Озеров ознакомил меня с ними и согласился напечатать в общей подборке и мой ответ. Но

дискуссии не получилось. Ученые, узнав о замысле редакции, забрали свои работы. В баскаковской статье речь шла как раз о *Кошее*. Уважаемый тюрколог напоминал мне, что суффикс деятеля -чи (-шы, -щи, -джи) может присоединяться только к именной основе, но не к глагольной. А *к□щ* – в казахском имеет только глагольное значение – «кочуй». Следовательно, конструкция **к□щ-щи* теоретически и практически невозможна. В ответной статье я приводил слова из казахской народной песни, сложенной в годы войны с джунгарами:

□ара таудын басынан

К□щ келеді... –

«С вершин Кара-тау

Кочевье спускается...»

Еще в XVIII веке слово *к□щ* имело и глагольное, и именное значение – 1) «кочуй», 2) «кочевье»²⁰. И поэтому вполне могло образовываться от него имя деятеля – **к□щчи*. Впоследствии, когда осталось только одно глагольное значение, этот термин отжил свое и появилось два неологизма: *к□щле* – «кочевье» и тяжеловесный термин-фразеологизм: *к□щпеді адам* – «кочевник», букв. «кочевья человек», вместо которого, я полагаю можно вернуть в современный язык древнеказахское слово.

Обогащать язык можно не только придуманными новыми словами, но и вспоминая забытые старые. Их много в Словарях народов-соседей. Например, в венгерском – *аачи* – «плотнику» (**а□аччи*) и в казахском было **а□ашшы*. Это слово точнее передает смысл, нежели неологизм *а□аш устазы* – «плотнику» (каз.). Буквально – «мастер по дереву». Так можно называть столяра-краснодеревщика. Да и то не каждый из них мастер.

II

Обзор работ, исследующих тюркизмы в славянских языках, показывает важность такого неперемennого условия – тюркославист должен быть не только тюркологом, но и славистом. Благодаря знанию славянских материалов, он способен восстановить многое из исторического лексикона древних тюрков. А знание тюркских материалов поможет продвинуться дальше «чистых славистов» в исследовании пограничной лексики и морфологии. Тем более, что в словаре трудно сходу отличить, какое слово пограничное, а какое

²⁰ В каз. языке сохраняется довольно много би-грамматических, синкретичных слов типа «глаголо-имя». Например, той – 1) «пир», 2) «насыщайся»; □ос – 1) «соединение», 2) «соединяй» и т.д.

коренное. Требуется не «точка зрения», а «обзор» – взгляд со всех сторон, мировоззрение.

...К общему недостатку "национальных этимологий" можно отнести слабое "чувство формы". Игнорируется непреложный закон, правда, пока еще неписанный в учебниках этимологии: слова являются выражением морфологических систем. Словари рассматривают каждое слово изолированно, не пытаясь восстановить морфологический тип, к которому относится лексема. Например, "Краткий Этимологический словарь русского языка" проф. Шанского, изданный в свое время тиражом в 200 тыс. экземпляров, слово *чучело* пытался произвести от этнонима *чукча*.

Е.Шипова соглашается с Дмитриевым, увидевшим в основе "чучела" тюркское слово. Но не согласна с тем, что это *чуче* – "цыпленок" (уйг.). И предлагает другую тюркскую основу: "*Предположительно приведем здесь киргиз. чочу – пугаться, бояться*".

Намечается некоторое приближение к решению. Но прежде необходимо было бы найти место слову в морфологической системе. И такая система есть – это название "орудий" (предметов с определенной динамической функцией, которые создаются в славянских по схеме "глагол + орудийный суффикс = имя существительное").

Пожалуй, самая древняя имяобразовательная схема в славянских языках: *седло, зеркало, орало, метла, весло, шило, мыло, сверло, пугало, чучело*...

Два последних слова – явные синонимы. Можно увидеть в них полукальки. Ареал распространения позволяет предположить реальность использования тюрко-алтайск. *чочи, чучи* – "пугайся" в качестве глагольной основы. Тюркский корень и славянский суффикс. Эти комбинации были возможны в условиях местного (локального) двуязычия, которое часто наблюдается в районах со смешанным населением.

Подобные ситуации, вероятно, возникали и в глубокой древности, в ранние поры становления языков.

Недостаточное "чувство морфологии" порой заставляет исследователя путать следствие с причиной: *черемша, черemiца, черемушка*, растение *allium ursinum* – «дикий чеснок», «медвежий чеснок», Шитова производит от *сарымсак* - "чеснок" (каз., тат., кирг.), *сарымсаг* (азерб.), *sarymsak* и *sarmysak* (тур.). «Несмотря на значительные фонетические расхождения с формой *черемша* представляется, что последнюю следует отнести к тюркизмам. Можно предположить, что тюрк. *сарымсак* попало в какой-то русский сокающий (цокающий) диалект, из которого оно вошло в литературный язык в форме женского рода *черемша*.» (Ш., 387). Но чтобы определить направление заимствования, необходимо убедиться в

этимологичности самого предполагаемого источника. Установить генезис тюрк. *сарымсак* – не представляется возможным, без помощи русского слова *черемша*. Полагаю, что именно оно и послужило первоисточником для тюркского: *čeremša* > *čeremšak* с типичным для огузо-карлукских закрытием конечного слога.

...В тюркских языках Алтая *череміш* – «земной плод», *чер* – "земля", *еміш* – "плод", "овощ". Особенность этого овоща – пикантного природного консерванта – сделала ему славу и в славянских средах: *čremāš* – "черемша" (словен.), *сријмуш* – "вид дикорастущего растения, годного как приправа" (серб., хорв.). В русском появляется неизбежный конечный гласный – *черемша*. И оттуда в польский: *trsemucha* – «черемша». Распространяется и в германские: *kermuše* – "дикий чеснок", "лук" (англос.), *ramsen* – т.ж. (в.-нем.).

Название переносится на другой плод: *черемуха*, *черёмха*, *черёма* (др.-рус., рус., укр.), *čemha*, *čremša*, *sremša* (словен.), *tremcha* (др.-чеш.), *stremcha* (чеш.), *čemcha* (словац.), *tremcha* (пол.). В балтских это имя переносится на рябину.

...Таким образом, мне видится, что именно русское *черемша* в "сокающем" тюркском диалекте произносилось **сарымса*, с последующим закрытием конечного слога: *сарымсак*. Итак, путь слова: **чер-еміш* (тюр.) > *черемша* (слав.) > *сарымсак* (тюрк.).

Черемша – тюркское сложное слово, попавшее, по-видимому, в общеславянский, что придает ему особую значимость.

III

Дмитриев ("Лексикогр. Сб." В, 29, 1958) писал об *отава* – "трава, выросшая снова после косьбы", *отавное сено* (Даль, 2, 709): «Происходит о широко распространенного тюркского слова от – "трава", отсюда же и рум. *otava*».

Махек (Etym.slovn., 345) видит здесь приставочное образование, родственное слову *явить*. Отрембский (Gram.jez. litewskiego, 1, Варшава 1958, стр. 69) объясняет это слово как заимствованное из литовского *atolas* – "отава".

Фасмер приводит географию распространения этого слова в вост.-славянских (рус., укр., блгр.), южнослав. (серб., хорв., словен.), западнослав. (чеш., слов., пол., в.-луж., н.-луж.). В двух последних появляется протетический согласный, открывающий первый слог: *wotawa*. Фасмер считает, что *отава* это производное от – **tyti* "жиреть, тучнеть", от которого *otawa* произошло, как *забава* от *забыть*. «Заимствование из тюрк. от – "трава" исключено уже в виду широкого распространения слав. слов". (Ф. III, стр. 168-169) Подчеркнуто мной.

Общеславянское распространение предполагало бы, что тюркизм попал в праславянский, а такая вероятность решительно исключается в славистике: если термин представлен в общеславянском, значит не тюркизм.

Шипова поддерживает Дмитриева, но, так же как и он, не предлагает на рассмотрение механизма лексического развития. Каким образом *ot* выросло до *otava* и развилось значение «трава, выросшая после покоса»?

Если бы исследователи ведали о тюркском глаголообразовании, то вероятнее всего восстановили бы и огузо-карлукскую форму глагола **ot-la* – 1) «пасись», 2) «коси траву», которая, скорее всего, лежит в основе литовск. *atolas* – «отава» (> лтш. *atols* – т.ж.) и кип. **ot-taw* – 1) «пасться» (о скоте), 2) «косить траву». Ср. совр. каз. *omtau* – т.ж.

Точнее сохранился первичный смысл («пасться») в переносных значениях зап.-славянских глаголов. Ср., словен. *otaviti se* – «подкрепляться», чеш. *otaveti se* – «отдохнуть, набраться сил». Но в другие славянские слово поступило (как в лит.) уже с семантическим сдвигом: «коси траву > скошенная трава > трава, выросшая после покоса, вновь пригодная для косы и пастбы». Такая эволюция смысла могла произойти в определенной исторической ситуации, когда на ограниченных территориях доминирующий (гуннский?) этнос позволял другим пользоваться своими пастбищами только после покоса или пастбы.

Проект возможного словостроительства *забыть* > *забава* и вероятность продолжения этого непонятного механизма в *тыть* > *отава*, Фасмером не продуманы до конца. Одного примера для построения системы недостаточно, тем паче, что *забава* вовсе от другого корня, не связанного с *быть*. С *забыть* «забаву» сближает только приставка. Но этого для систематизации недостаточно.

Однако, редактор О.Трубачев поверил в эту гипотезу и пошел дальше: выделил «суффикс» *-ава* во всех «рифмующихся» словах – *травá, сла́ва, забáва*. Это открытие было им еще более развернуто позднее в «Этимологическом словаре славянских языков»²¹. Открытие, как автор сам признается, «вызвало дискуссию как нетрадиционное на Лейпцигском симпозиуме по этимологии в 1972 г., и в последовавшей литературе»²². В возникшей дискуссии, оказывается, выступил

²¹ «Этимологический словарь славянских языков», вып.1, стр.168 и след.

²² О.Трубачев «Приемы семантической реконструкции» в сб. «Сравнительно-историч. изучение языков разных семей», «Наука», М, 1988 г., стр.220.

чехословацкий лингвист В.Шаура, который заявил, что нет простого глагола **taviti*, но есть «префиксальный глагол *otaviti*», от которого и произошло имя существительное – *otava*. Чехословацкий специалист не согласился с вероятностью суффикса *-ava*, и предложил этот элемент считать частью неразложимой основы *-tava*, лексическое значение которой также неясно.

Вот такого рода научные дискуссии рождались на международных лингвистических конференциях. Они бы не возникали, если бы индоевропеисты при анализе «темных мест» выходили за пределы «семьи» и заглядывали в закрома «соседних» языков.

Появление конечного протетического гласного **ottaw(a)* уже имеет объяснение: это – следствие произносительной инерции, выработанной первичным открытым слогом. (Как и в слове *отара*, произошедшем от тюркского *otar* – "пастбище").

Балтские этносы в это же время, надо полагать, соседствовали с огузо-карлуками, от которых и восприняли основу **ot-la*.

И нелишне пояснить, что в кипчакских языках форма инфинитива несет в себе так же именное значение. Поэтому *ottaw* – 1) "косить траву = косьба", 2) "пасти, пастись = пастьба".

Заключаем и эту этимологию справкой: долгие согласные в славянских языках и письменностях упрощаются. В др.-рус. письменных источниках никогда не встречается слово с удвоенным согласным. *Русский* стали писать недавно: в летописях и в "Слово о полку Игореве" только – *русский*.

Неувиденные тюркизмы (сено, пшено, пшеница, солома...)

Мы говорили, что в «Словаре» Шитовой представлены, в основном, явные и узнаваемые тюркизмы. Тюркославистика значительно расширяет круг узнаваемых, переводя в этот разряд те, что «чистый славист» назвал бы невидимыми. Какую пользу славянскому языкознанию может принести исследование тюркизма? На заимствованной лексеме отчетливо заметны особенности, присущие славянской морфологии. Они проступают при освоении слова с «чужой» структурой. На примерах *отав* (< *ottaw*), *отара* (< *otar*), *осина* (< □*sen*), *осика* (< □*sik*) – в финале появляется протетический гласный, открывающий конечный слог.

Знание этой закономерности поможет слависту понять главный классификационный признак праславянского языка – структуру первичного слога.

Гласный вначале слова чувствует себя неуверенно, но не столь беззащитно, как согласный в конце. В русский язык вошли из разных

диалектов *орало* и *рало*, *оружие* и *ружье*, что позволяет выделить основу **ор-* не только из *орати* – «пахать» (ст.-слав.), но и предположить ту же основу (утратившую начальный гласный) в *рыти*, *рыть* (**ор-ити*). В праславянских диалектах вероятно были задействованы параллельно две инфинитивные формы: *-iti* ; *-ati* (**or-iti* ; **or-ati* – «рыхлить землю для посева»). В общеславянском эти разновидности укрепились в близких значениях: словен. *orati* – «пахать», *riti* – «рыть», серб., хорв. *орати*, *рѣти*.

[Еще одна тема, не выявленная славистами – соперничество племенных форм инфинитива: *-iti* ; *-ati* – стало причиной появления «двухэтажных инфинитивов». Например, рус. *работать* и укр. *робити* имеют общую именную основу *раб-*, *роб-*, но в русском глаголе двуслойный суффикс: **раб-ити* > *рабыть* > *рабѣть* > *работ(a) + ати*...

Или другой пример: рус. *артачить*, *артачиться* – «пятить назад (лошадь)», «пятиться (о лошади)». Словари (Преображенский, Фасмер и др.) производят от *рѣт*, *рот*. Тюркославист увидит основу с противоположным смыслом *арт* – «зад» (каз., тат. и др.) и двойное образование инфинитива: 1) **арт-ати* – «пятить назад», 2) **артачи-ить* – без изменения смысла.

В одной из последующих глав мы рассмотрим этимологию глагола *учити*: от *у□* – «знание» (др.-рус.). В результате перераспределения выделился ложный предлог *у-* и ложное окончание императива **у-чит-и*. И в итоге – ложная основа *-чит-*, от которой образованы глаголы *чит-и* > *чит-и* и *чит-ати*.]

Но в случаях *orati* и **oriti* наслоения не произошло. Славист не сближает эти глаголы. Словари ищут им разные основы. Тюркославист привлечет тюрк. *or* – «яма», «овраг», «рытвина», «ров», «борозда», «вскопанное».

Э.В.Севортян приводит все фонварианты этого слова. В большинстве тюркских наречий – *or*, в некоторых – *ur* (тат., баш.) и в одном случае – *var* (чув.)²³. Почти во всех языках слово выступает в именных значениях и лишь в хакасском – в глагольном *or* – «рыть», «копать». Но, судя по тому, что от этой лексемы как от основы образованы в иных диалектах отглагольные существительные - *oro* (< **orow*), *ura* – с теми же именными значениями – «ров», «рытвина», «яма» – можно предположить, что первоначально – в пору безаффиксной грамматики – лексема *or* (*ur*) была грамматически синкретичной, т.е. «глаголо-именем». И позже (уже только в именном значении) попадает в языки «соседей». Напр., монг. *ur* – «яма», «копь»,

²³ Э.В.Севортян «Этим. слов. тюр. языков», М., «Наука», 1974, стр.446.

«рудник». Особый интерес вызывает тюр. *oro*, которое Севортян производит из **orow*²⁴. Правильность этой реконструкции, на мой взгляд, подтверждается и заимствованиями этой формы в угро-финские и в славянские. Ср., *orow* – «ров», «овраг» (коми) ошибочно производят непосредственно от тюрк. *or* (*ur*)²⁵. Думаю, что и слав. *rov* от **orow*, а не от «рыть, рою»²⁶, тем более, что Словари не указывают морфологического механизма образования этой именной формы от упомянутых глаголов. Называют наугад. Теперь нетрудно доказать, что лит. *rāvas* – «ров» и др.-прuss. *rawys* – заимствованы из западно-слав. А греч. *ouros* – «ров» (лат. транскр. *uros*) происходит непосредственно от тюр. **ur*. Широта распространения говорит о значительной древности слова.

Закономерность семантического развития – название одного земледельческого процесса часто переходит на другие: пахать = жать = пасти... Понять причину без восстановления первоиероглифов невозможно, но необходимо констатировать эту переходность в подготовительном этапе при создании лексического гнезда. Например, в славянских *паши* и *паци* гораздо дальше отстоят друг от друга семантически, чем формально. Др.-чеш. *pahati* – «пасти», вероятно, сохраняет более раннее значение. Это могут подтвердить тюрк. *pah* (**ba□*) – «пasio». Отсюда – *pahan*, *bakan* – 1) «пастырь, пастух, вождь», 2) «стимул». Второе (уже именное) значение – «сад», возможно, говорит о процессе активного земледелия, о пахоте, о возвращении. И развитие – *ba□ča* – «огород», «бахча» («*пастбище»).

Вероятно, так же в эпоху скотоводчества в тюркском утратилось первое значение глагола *ory* – «*паши» и появилось другое – «жни». И название земледельческого орудия – острой палки, которой делалась лунка для зерна – уцелело, кажется, в славянских: **oruk* > **origa*, от которого происходит – *оружие*, *орудие*, и в конечном итоге – *ружье*. В тюркских побеждает иная семантика: *orak* – «серп» (каз.), *urak* (тат.), *oruk* (тур. диалект.).

Название орудия формально согласуется с другим земледельческим термином, происходящим от той же основы: *oru□*, *игу□*, *oro□* – «семя», «семена» (тюрк.).

Теперь можно допустить неслучайность переключки со слав. *горох* (*грох*, *грах*, *грош*). Переход от общего к конкретному типичен для темы – «названия растений».

²⁴ Там же.

²⁵ В.И.Лыткин, Е.И.Гуляев «Краткий эт. сл. коми языка», М., «Наука», 1970, стр.207.

²⁶ Фасмер, III, 487-488.

Земледельческие и скотоводческие термины зачастую восходят из одного общего корня. Это говорит и о сложности процессов этногенеза – скрещивались, соединялись в племенные союзы, сливались в один государственный народ общества «чистых скотоводов» и «чистых земледельцев». Это могли быть и разноэтнические племена. Праславянские и пратюркские. Возникали ситуации активного и долгого двуязычия, завершавшиеся победой более сильного этноса. И язык-победитель нес в себе субстратный вклад лексики и грамматики растворившегося племени.

В процессе Полной этимологии индоевропейские примеры помогут восстановить эпическую картину развития пратюркского **ūr* (*ur, or, ar*) – 1) «*пахать» (делать лунку для зерна) = «вскопанное» (лунка, ямка, ров, рытвина), 2) «*сеять» = «семя», 3) «жать», «косить» = «серб», «коса».

В пору аффиксного образования слова появляются термины *orak (urak)* – 1) «*соха», 2) «серб, коса», *oruk, orok, uruk* – «семя». И название первого злака – *arpa* – «ячмень» (пракипч. > общетюрк.). Севортян приводит несколько диалектных форм – *arfa, arba, abra*²⁷. Автор Словаря вынужден давать пояснения, оправдывающие присутствие этого земледельческого термина во всех тюркских языках: «Тюрки, во всяком случае, уйгуры, еще до XI в. были знакомы с различными земледельческими культурами (зерноводством, виноградарством, садоводством), как о том свидетельствуют лингвистические данные (подчеркнуто мной – О.С.), не говоря уже об исторических сведениях. В частности, разведение ячменя имело у них столь длительную традицию, что нашла отражение в поговорках»²⁸.

Исследователи в поисках источника тюркского слова опять склоняются к идее иранского происхождения, несмотря на то, что в иранских языках прямых и косвенных соответствий не находится. И главное, на что следовало бы обратить вниманис, - морфологический тип слова удостоверяет именно тюркский, но не иранский характер словообразования.

Некоторые авторы, основываясь только на том, что есть такое слово в тюркском, уверенно предполагают бытность его в древнеиранских, ибо сами тюрки произвести его не могли бы: «Предполагается» наличие соответствующего слова в иранском и форме *arba*, откуда и др.-тюрк. *arpa* – «ячмень» с многочисленными

²⁷ Севортян ... стр.176.

²⁸ Там же.

производными уже в древнетюркском: *arpala* – «кормить ячменем», «задавать ячменя» (лошадям), *arpalan* – «получить ячмень» и др.»²⁹.

Более ценная информация содержится на той же странице в главке «Ареал древнейшего распространения ячменя», где говорится, что ячмень является одним из древнейших культурных злаков. Первичный ареал культивирования ячменя локализуется в Передней Азии и Северной Африке (Древний Египет). В Европе ячмень обнаруживается лишь в конце неолита и становится преобладающей культурой в Бронзовом веке (IV-I тысячелетия до н.э.).

...Для многих народов ячмень явился исторически первым злаком. Об этом можно догадаться по тождеству значений «хлеб = ячмень», «зерно = ячмень». Древние иранцы называли эту культуру совсем не так как тюрки, и о длительности традиции наименования говорит семантическое развитие: *jav* – «ячмень» (перс.), *yava* – «злак» (авест.). В соседнем: *yava* – 1) «зерно», 2) «ячмень» (др.-инд.).

Основа греческого – *αλφίτου* (*alfiton*) – «ячмень» сходна с абл. *elp* – «ячмень», соответствию которому находим в др.-кит. *gli□p* – «рисовые зерна» и в славянском **hēlb* – «хлеб» (словен. *hleb*, чеш. *chleb*, н.-луж. *kleb*). Словари производят славянское слово от герм.: *hlaifs* – «хлеб» (гот.), *hleifr* – то же (др.-исл.). Единственное тому доказательство – наличие сходного термина в германском. Хотя в германской и славянской формах видно действие «метатезы плавных» – фонетического закона, характерного славянским языкам, пытавшимся таким образом открыть слог в заимствованном (из албанского?) слове **elp* > **help*. В германских языках выше приведенные звуко сочетания не перестраивались.

(Восстановима графема, названием которой и были слова **arpa* > **al'pa* > *al'f* > *'el'p*, ставшие, в зависимости от толкования знака, словами-понятиями. И мы увидим в Полной этимологии, что и значение русских слов *хлябь*, *хлюпать*, *хлебатъ* согласуются с этим знаком. И даже *хлев*.)

II

Когда тюркское название ячменя займет подобающее ему место в ряду мировых терминов земледелия не как заимствование из таинственного иранского диалекта, а как произведение словотворчества тюрков-земледельцев, только тогда появится право сопоставить *arpa* с ирл. *arbar* – «хлеб», «зерно», лат. *arvus* – «пахотный», *arvum* – «пахотная земля», *aro*, *arō* – «пахать», «пашу», греч. *αρω* – «пашу», лит. *ariu* – «пашу», лтш. *aru* – то же, др.-рус. *орю* – «пашу», болг. *ора* –

²⁹ Т.В.Гамкрелидзе, Вяч.Вс.Иванов «Индоевропейский язык и индоевропейцы...», т. II, стр. 656.

то же, словен. *oram, orjet* – «паху», серб.-хорв. *орет...* Видно, что эти глаголы образованы или точнее распространялись примерно в одно время, когда существовал на близких друг другу территориях или на одной общей, в границах одного государства союз племен, языки коих со временем назовут индоевропейскими. В этот союз входили и тюркские племена: *ору* – 1) «*пахать», 2) «жать, косить», *oram* – 1) «*паху», 2) «жну, кошу».

III

Славянский земледельческий лексикон (до эпохи плуга) упрямо перекликается с тюркским. Сопоставительное изучение этих материалов открывает технологию древнейшего, доисторического земледелия – первые пахари не бороздили землю лемехом, а протыкали почву острой палкой, и в образовавшуюся лунку бросали зерно. О тычковом земледелии говорят значения славянских глаголов **коп-и* (позже: *коп-ай*), *коп-ати*, имеющих общую основу с названием острого, тычкового орудия *копье*, и лунки, рытвины им сделанной – *копь*, *копанка*. Били острием землю, а не бороздили ее такие орудия как *со□а* – «соха» (каз.). Явно происходящее от глагола *со□* – «бей!» (каз.). О форме этого орудия и вертикальном его положении при нанесении удара говорят производные. В первоисероглифическом письме землеройное орудие, вероятно, изображалось вертикальной чертой, потому и значения: *со□а* – «землеройное орудие, соха», *со□ай* – «стой прямо!», «торчи».

(В слав. *соха* – «*острое колющее орудие». О чем говорит распространение семантики *соха* – «рог», *сохатый* – «рогатый».)

Диалектная форма *сук* – первоначально, наверно, «острая палка». Со временем первичное значение *со□* – «*коли» развилось в универсальное – «бей». Тогда и производное – *со□(и)* – 1) «оружие», 2) «палица» (каз.). На этом этапе развития слово попадает в германские. Ср. *shock* – «удар» (англ.).

В казахском от *со□а* – «соха», образовано *соллашы* – «пахарь». (В славянских термины с таким смыслом произведены от иных основ: *оратай*, *пахарь*, *плугарь*.)

И в других кипчакских технология пахоты так же связана с ударом. Ср. тат. *сабан* – «плуг», *сабанчи* – «пахарь». Основа может быть и *саба* – «бей, колоти», и **sab, šab* – «руби». Может быть, сначала так называли кетмень, тяпку.

...В связи с вышесказанным, следует предположить, что слав. *пахати* – «пахать», «обрабатывать землю для посева», дало семантическое развитие, результаты которого отразились в значениях диалектных форм *пъхати* > *пыхати* > *пихати* – «вталкивать», «засовывать» (остроконечное орудие).

...Из той же эпохи пришло казахское название орудия *казук* – «острый кол», от глагола *каз* – «копай». И результат копания – *казва* – «копь, яма».

Все эти термины эпохи тычкового земледелия, которая была раньше Шумера и Древнего Египта, где уже – плуг и упряжка волов, а копы и кол используются только как боевое оружие.

Теперь мы будем внимательней относиться к казахским словам типа *себ* – «сей, засевай», *себуши* – «сеятель», «сеющий», сравнивая с русск. *сей, сев, сеять, семя, сыть* (чеш. *siti* – «сеять», ст.-сл. *seti* – т.ж.). Основа **se* распространена в лат. *serō, sēvi, satum* – «сеять», балт. *sēt, seju* (лит.), *sieti, seju* (лит.), в ряде германских.

IV

Систему лексических соответствий славянским словам древнейшего образования невозможно выстроить без учета данных тюркских словарей.

Это положение со временем станет аксиоматичным.

Неувиденных Шитовой тюркизмов много и обзор всех не входит в задачу статьи, поэтому ограничиваемся рамками темы – земледельческая терминология.

«*Пшеница, ст.-сл. пшеница, серб., хорв. вшеница, связывают с ст.-слав. пшено – «пшено», пол. pszono, чеш. pšano, pšeno – «пшено», «очищенное зерно.»* (Ф., III, 417). Здесь и фонетическая, и семантическая близость очевидны. Несколько в стороне сербск., хорв. *пшена, шена* – «вид клевера», «лучшая кормовая трава». Словари не объясняют смысловой сдвиг. Он и не объясним, если принять версию происхождения, предлагаемую Словарями: «*Старое причастие прош. страд. *ръзеть – «растолченный» от *ръхати – «толочь.»*» (Ф., там же).

Предлагаемая последовательность семантического развития ставит *пшено* – «очищенное зерно», «*толокно», «*мука» - на первое место. За ним – *пшеница* – «зерно», «злак» и потом *пшена, шена* – «вид клевера», «кормовая трава».

Удивительно, что не увидели связь с *сено* (др.-рус., ст.-слав., болг., словен., чеш., слов., н.-луж.), *siano* (пол.), *sano* (каш.), *syno* (в.-луж.), *сијено* (серб., хорв.), *сино* (укр.).

Ему находят соответствие только в балтских (лит. *šienas*, лит. *siens* > фин. *heinä* – «сено»). «*Следует отвергнуть по фонетическим соображениям произведение из слов *sekno: секу и этимологию от сею, т.е. посеянное*» (Ф., III, 601). Но никаких других решений не предлагается.

Тюркославист предложил бы рассмотреть в качестве исходной формы казахское *pišen* – «сено» от *piš* – 1) «*срезай», 2) «вырезай». В

других тюркских языках сохранились значения «коси», «жни», «собирай урожай»³⁰. И самое поразительное то, что у глагола *piš* в тюркских языках есть и другой смысл: «созревай», «спей». И образование *pišen* дает дополнительное значение «созревшее», «спелое», что могло в славянских способствовать формированию слов-понятий «пшено», «пшеница».

...О недостаточной разработанности сельскохозяйственной терминологии в «Словарях» можно судить по массе примеров. Не говоря уже о тюркских материалах и «собственно-индоевропейская» лексика не охвачена. Скажем, общеславянского распространения слово *просо* сравнивается наугад с любым внешне созвучным (даже отдаленно) словом: «Возможно, *просо* первонач. значило «пятнистое, пестрое», связано с греч. *περῦος* – «пестрый», др.-инд. *prcniś* – то же, д.-в.-н. *forhana* – «форель».» (Ф., III, 379).

Избежать гадательности помогло бы обращение к русскому церковно-слав. *пырѣ* – «просо», «полба», которое восходит несомненно к греч. *πύρος* – «пшеничное зерно», «пшеница» (лат. транскрип. *purós*). Возможно, в общеславянском слово это произносилось ближе к греческому оригиналу **пырѣс*. В церков.-слав. представлена открытосложная форма с утратой конечного согласного: *пырѣ*, а в общеславянском название злака обрело иной диалектный облик: открытие конечного слога произведено протетическим гласным – **пырѣсо* > *пырѣсо*. При этом происходит закономерное сокращение слабого гласного – синкопа: **пырѣс* + *a* > *прѣса* > *прѣсо*

Огубление протетического гласного *-a* > *-o* произошло очень рано, еще в общеславянском, о чем свидетельствует и поразительная согласованность славянских названий скошенной травы (*сено*). Только в серб. и хорв. сохранились приближенные к исходным формы, содержащие конечный *a*: *пшена*, *шена* – «кормовая трава»

V

О выдающейся древности тюркских терминов земледелия, а так же (попутно) имен на *-ма* может поведать история славянского сельскохозяйственного термина **solma* (зап.-слав. *sloma*, юж.-слав. *slama*, вост.-слав. *soloma*).

Фасмер: «Праслав. **solma* родственнo лтш. *salms* – «соломинка», др.-прусс. *salme* – «солома», д.-в.-н. *hal(a)m* – «стебель», греч. *χαλαρός* – «тростник, стебель, соломина, солома», лат. *culmus* – «соломина, стебель», тохар. *kulmänts* – «тростник». Далее связано с др.-инд. *ṣalākas* – «стебель, колос», *ṣilas* – «колос, оставленный в поле».

³⁰ Севортян «Этимологический словарь тюркск. яз.», т. II, стр. 158.

См. Граутман... Мейе-Вайан... Педерсен... Хольтхаузен... Шмит... Вальде-Гофман... Уленбек... Торп...» (Ф., III, 713).

К этому можно добавить и арабский *calam* – «тростник, используемый для письма», через тысячелетия вернувшийся в тюркские языки.

А начало пути сохраняется в кипчакском *sol* – «увянь», «увядай», *solma* – 1) «*увядшая трава», 2) «увядшее», 3) «вялое». Ныне в казахском: *solma* – «лапша». Продукт назван по признаку формальному – вялости. Итальянские макароны и спагетти, пока они не побывали в кастрюле, не назовут так. (В др.-тюрк. видны этапы семантической эволюции: *sol* – 1) «левый, левая сторона», 2) «слабый», 3) «увянь», 4) «уменьшайся, ослабевай, убывай, исчезай», *soluſ* – «вянуть»³¹).

В турецком *sol* – 1) «левый», 2) «увянь», *solmak* – «вянуть», *soluk* – «увядшее». (Соответствует кипч. *solma*.) Но как термин *solma* (пусть и с иным конкретным значением) сохраняется, кажется, только в казахском. И пройти мимо него при создании лексического гнезда к праславянскому **solma* было бы нерационально. Тем более, что индоевропейские и семитские языки не предлагают ни морфологических, ни лексических оснований для этимологии. Но сам факт столь широкого распространения свидетельствует о востребованности этого, полагаю, пратюркского термина во времена соседства нескольких этносов на общих территориях, возможно в Древней Передней или Малой Азии – когда народы совместно осваивали технологии активного земледелия. Уверен, что этимология и других индоевропейских, славянских терминов этого тематического класса не обойдется без тюркских материалов.

К выводам

I

Чем, кроме официально обязательных знаний, должен владеть тюркославист? Знанием механизмов закономерных изменений тюркского слова в славянской речи:

Закон Перестройки слога. Структура первичного слога – главный классификационный признак любого языка. (Подробнее об этом – в книгах «АЗ и Я», Алма-Ата, 1975 г., «Язык письма», Рим, 1998 г.) Славянские языки тяготеют к открытому слогу, а это значит, что в эпоху односложного слова его структура была СГ (согласный – гласный). В эпоху двусложного слова: СГ + СГ. Выбатывается специфическая произносительная инерция, которая при заимствовании

³¹ См. «Древне-тюркский словарь»... Это слово.

лексемы с иной структурой слога приводит к характерным изменениям в форме освоенного слова: инерция заставляет говорящего перестраивать закрытые слоги (ГС) в открытые (СГ). В практике выработались несколько универсальных способов перестройки слога в открытый:

а) Появляется протетический согласный (губной – *w*, или гортанный – *h*) в начале слова перед гласным. Напр., *осемь* > *восемь*, *ойлык* > *войлок*. На межязыковом уровне: **ото* – «мужчина», «человек» > *hoto* (лат.), *woto*, *uoto* (ит.).

Знание этой закономерности позволит сблизить слав. *porá* – «время» с лат. *hora* – «время», «час» и восстановить предформу, предшествовавшую латинскому слову **ora*, которая чудесным образом повторилась в итальянском и исп. *ora* – «час».

б) Открывали первый слог в других диалектах славянского иным способом – утратой начального гласного. Из этих диалектов вошли в русский *ружьё* < *оружие*, *рундук* – «скамья» < *орундук* – «скамья» (тюрк.), *рыть* < **орити* – «копать», *ратай* < *оратай* – «пахарь», *ртачиться* < *артачиться* – «пятиться» (о лошади)».

в) Конечный слог открывали добавлением протетического гласного *a(o)*. В самую раннюю пору при этом происходила синкопа – сокращение корневого гласного: *pišén* > *pšéno*, *šéno*, *pyrós* > *próso*, *čeremiš* > *čeremša*, *esen* > *vesna*, *kobyz* > *kobza*. Пример идеальной слоговой перестройки: тур. *алачук* (ал-ач-ук) – «хижина» > *лачуга* (ла-чу-га).

д) В редких случаях для открытия утрачивался конечный согласный: *pyrós* > *pyró* (ц.-слав.), *спасибог!* > *спасибо!*

Впервые это явление мы отмечаем в позднесумерском лексиконе, II тысячелетие до н.э.: *til*, *tir* – «жизнь» > *ti*, *tud* – «роди» > *ti*, *kir* – «земля» > *ki*, *kur* – «гора» > *ku* и т.д.

II

Закон ПС (Перестройки Слога) имеет универсальный характер: он присущ всем языкам планеты и лежит в основе многих фонетических законов. Напр., метатеза гласных в славянских языках продиктована необходимостью открыть слог в борьбе со стыком согласных: **borda* > *broda*, *brada* – «борода», *zolto* > *zloto*, *zlato* – «золото». Стремление приблизить первый открытый слог ко второму. [Знание этой закономерности позволяет включить в одни лексические гнезда слав. *rot* (*rut*) – «рот» и тюрк. *ort'* (*urt*) – «полость рта», или слав. *l'ud* – «народ», «люди» и др.-герм. *l'ut* – «народ», и тюрк. *ult* – «народ», «нация». Но какие из этих форм первичнее (закрытосложные или открытосложные) можно с уверенностью определить только после восстановления первоинероглифических знаков. Фонетические и «историко-культурные

соображения» на этом этапе уже не помогут.] Но если в славянских так преодолевали стык плавного согласного (л, р) с любым другим, то, скажем, в итальянском стык любых согласных сплавляется в один долгий согласный, открывающий слог. Действие этого фонетического закона («итальянский рефлекс») видно при освоении латинских и греческих слов: *доктор* > *dottore*, *адвокат* > *avvocato*, *Нептун* > *Nettuno*. Все слова в латинском, содержащие удвоенные согласные – из древнеитальянского: *terra* – «земля», *gibba* – «горб», *stella* – «звезда» и др. Для слуха романологов такое заявление прозвучит просто вопиюще, потому как им с детства известна аксиома: итальянский произошел в XV веке из вулгарной (простонародной) латыни. Но они не смогут доказать, что латинский язык, терпимо относившийся и к открытому, и закрытому слогу, к любому сочетанию согласных (одно *sanct* – «священное» чего стоит) испытывал необходимость превращать стык в удвоенный согласный. Но в итальянском это происходило системно, и всегда побеждал второй согласный в стыке. Почему? потому что именно он открывал слог.

III

...И обратная картина открывается нам при наблюдении за удвоенными согласными в тюркских языках огузо-карлукских ветвей. Например, кип. *ystyk* – «жаркий, горячий» > *yssyk* – то же (огузо-карл.). Здесь слоговым согласным является первый в стыке, он и побеждает, ибо огузо-карлукские языки более ревностно блюдут закрытосложность, нежели кипчакские. Последние в результате, вероятно, длительных контактов со славянскими и другими открытосложными языками приобрели терпимость к открытому слогу до такой степени, что инерция открытого слога также изменяет форму кипчакского слова: тур. *ulud* – «великий» > *uly* (каз.), тур. *kičuk* – «маленький» > *kiši* (каз.). Пример идеальной перестройки: тур. *uruk* – «племя», «род» > каз. *ru* – «племя», «род».

IV

Согласно заданности слоговой структуры отличаются даже формы аффиксов:

Тюркские ветви	Огуз.	Кипчакский
Структура слога	Закрытый слог (ГС)	Открытый слог (СГ)
Направ.-дат.падеж	-a/-ä, -e	-ha, -ka/-ge, -ke
Причаст. пр.вр.	-an/-än, -en	-ahn ; -kan/-gen, ken
Отглагольное имя существительное	-ьм / -ьм	-ма / ма, -ме

И одно из самых заметных отличий кипчакских слов: кипчаки произносили начальный *j* (иот) открыто-сложно, с протетическим гортанным **j*, который превращал полученную комбинацию звуков в *dž, ž, ċ, dь, ть*. В огузо-карлукских иота не получала начального протеза и потому произносилась чисто.

Такое же отношение к начальной иоте мы видим и в Европе: *Japonia* по-немецки читается *Япон*, по-французски – *Жапон*, по-английски *Джапон*. Тюрки прочтут: *Япón* (тур., узб., уйг.), *Жапón* (каз., ккал., ног., балк.), *Джапón* (кирг.) и т.д.

[Славяне и тюрко-кипчаки использовали иоту и в качестве аффикса основного глагола-императива. В славянских *-i* продуктивен и сейчас. В кипчакских даже в окончании слов, даже после согласных основы иота выступала с гортанным протезом, открывающим слог: **-ki* (*-ke*). Например, *īs* – «запах», *iske* – «нюхай», «вынюхивай» (каз.). В древнеказахском вероятно было **iski*: в этой форме слово попало в общеславянский, где переразложилось, ибо «опознали» свое окончание глагола: **iski* > *isk-i*. Выделяется ложная основа с именным значением *isk* – «иск» (по-иск). Глагол сохраняется в фонетически преобразованном виде – *ищи* (сочетание *sk* перед мягким согласным превращается в мягкий шиплящий: *треск* > *трещи*, *блеск* > *блещет*...). И еще одно. Тюркское влияние ощущается и в фонетической зависимости слова от приставки. Если в слове *по-иск*, основа и приставка сохраняют гласные разного качества, то в других приставочных образованиях происходит сингармонизация как в тюркских словах: *обыск*, *розыск*. Качество звуков второго слога подчиняется качеству звуков начального.

...Слово перешло в славянский в один из древнейших периодов двуязычия, когда осваивалась охота с собаками. Огузо-карлукский (я этим термином для удобства обозначаю тюрко-некипчакские языки) вклад в этот совместный проект: *īslē* – «вынюхивай, ищи», *īslēdi* – «вынюхивал, искал».

Переразложение в славянском *(*i*)*sled-i* – «след-и». Начало совпало с предлогом: *i-sled-i*. Выделяется ложное имя – *sled*.

...Словарь М.Фасмера – произведение германослави́ста и, как правильно заметил автор предисловия Б.А.Ларин – «неточности, ошибки, неоправданные сопоставления наблюдаются в Словаре при трактовке Фасмером словарных отражений русско-тюркских и русско-финно-угорских связей. Есть промахи и в использовании балтийского материала.» (Ф., I, 8). Это естественные промахи. Этимология славянских языков будет качественной лишь при совместном (хотя бы последовательном) приложении сил не одних только славистов или германослави́стов, но и балтослави́стов, угро-финнослави́стов и др.

Слова *иск*, *след* невозможно исследовать без участия тюркослависта. Иначе придется согласиться с производством *иск* от англ. *to ask* – «спрашивать» (Ф., II, 140), а *след* от лит. *slidus* – «гладкий, скользкий» (Ф., III, 668).]

V

Таким образом, инерция первичного слога стала причиной чередования *j/di/d,t*, отчетливо представленного в тюркской лексике: *uj* = *ud* = *ut* – «корова»; *kajyn* = *kadyn*, *katyn* – «супруга»; *ajak* = *adak*, *atak* – «нога» и т.д.

Индоевропейцы этого чередования в языках своего веденья еще не заметили. Однако в одно лексическое гнездо можно включить славянские *roj* и *rod*, в другое – *staja* и *stado*.

Это чередование служит подтверждением родственности слов, внешне отдаленных друг от друга.

Если не знать этого чередования, то не понять, почему в кириллице твердая **Ш** называется *ша*, а мягкая **Щ** – *шта*, хотя читается *шиа*. Такой разницей сказывается на форме слов.

Слова из разных языков оказываются близко родственными: нем. *ja!* = слав. *da!*

Нем. *ein* – «один» = слав. *edin*, *adin*, *odin*.

Или англ. *I am* – «я есть», «есьмь» (лат. транскр. *aj em*).

Иран. *ad am* – «я есть» (вариант *az am*).

[В иранском надо искать соответствие зап.-слав. *az* – «я».]

Англ. *you* – «ты» (лат. транскр. *ju*).

Общегерм. *du* – «ты».

...Это великое непонятое чередование оставило свои следы в древнеегипетском, в древнесемитском и шумерском языках. Чтобы сделать такое открытие, общему языковеденью надо было бы открыть для себя сначала тюркские языки, в которых сия закономерность проступает с предельной ясностью. Более того, существует письменное подтверждение этого чередования. В древнетюркском алфавите наряду с буквами участвуют и несколько иероглифических знаков, которые, употребляясь отдельно, выражают слово-понятие, а в составе сложного слова – выражают только начальный звук своего названия. Среди этих букв-иероглифов я считаю главной **D** – *jaj* (русс. транскр. *йай*) – 1) «солнце», 2) «лук». Как буква обозначает звук – *j*.

В европейских алфавитах похожая буква выражает звук – *d*. Возможно в утраченных разновидностях древнетюркского письма было также – *d*. Тогда понятно происхождение имени бога Солнца (*Дай-бог*, *Даж-бог*, *Даждь-бог*) в древнерусских источниках и заклинание ей-

богу! (*jaj-богу!). Возможно и *day* – «день» (англ.), *dag* (нем.) входят в одно лексическое гнездо с древнетюркским *jaj* – «солнце» (= **daj*).

Если чередования *j/j/dʒ/di/d/t* можно считать устными, то стяженная конструкция *j/d,t* представляется мне продуктом письменной природы. Только в написанных словах буква *D* читалась то *j*, то *d*. Так прочтенные эти письменные слова входили в языки.

Примечание

О Перестройке Слога необходимо знать не только тюркославиству, изучающему поведение тюркизма в славянской речи, но, уверен, лингвисту любой специализации. [Инерция первичного слога (ИПС) действовала в языках независимо от семейных и временных границ. Открытосложное древнеиндийское священное имя *Brāma* (*Brhm* > *Brahma*) и закрытосложное библейское *Abrām* (*Abraham*, *Abrahm*), переданное семитским письмом консонантно – *BRHM*, прозвучало в арабской огласовке так же закрытосложно *Jbrahim*. Что первичней? Для нас сейчас важнее увидеть родство этих великих имен, верами возвысивших человечество. И Закон Перестройки Слога позволяет это увидеть.]

Кроме общих причин формоизменений, подчиняющихся этому закону, есть некоторые, не поддающиеся объяснению, но, тем не менее, нуждающиеся в констатации.

В тюрко-кипчакских языках последовательно действует фонетический закон – озвончение «к» между гласными. Глухой гортанный в грамматической эволюции часто оказывается в интервокальном положении и превращается в «г»: *жа[]* – «жги», *жаг[]* – «жечь», *жа[]ар* – «будет жечь»; *тик* – «шей», *тигу* – «шить», *тигис* – «шитье» и т.д.

Этот закон некогда был знаком и славянским диалектам. Например, перестраивая конечный слог добавлением протетического гласного, славяне также озвончивали гортанный: *jaruk* – «овраг» (тур.) > *яруга* (др.-рус.), *alačuk* – «хижина» (тур.) > *лачуга* – «хижина», *syrmak* – «войлочный ковер» (каз.) > *сермяга* – «грубая ткань» (др.-рус.)³².

Даже в неологизме: *бедняк* > *бедняга*.

Эта закономерность позволяет восстановить первичный консонантизм многих славянских основ. Например, *жги*. Синкопированная форма. Каким был корневым гласный до появления глагольного окончания? Ответ, кажется, дают чеш. *žahati* – «жечь,

³² Неожиданное смягчение как в случае *asyrga* – «ушные подвески» (др.-каз.) > *syrga* – т.ж. (каз.) > *серьга* (рус.)

обжигать», серб., хорв. *жагрити* – «обжигать» и русское областное *жагра* – «трут», «обгорелый фитиль» (Даль).

Фасмер предлагает производить из «праславянского **dego* – «жгу» (Ф., II, 39).

Я считаю, следует привлечь в анализ и каз. *жа□* – «жги», *жаг□* – «жечь», *жа□ады* – «жовет», «сожжет», *жагар* – 1) «трут», 2) «подожжет», «сожжет». Попав в русскую среду, название трута обрело гласное окончание, что вызвало синкопу: **жагара* > *жагра*.

II

Но особую значимость для тюркологии и славистики приобретает фонетическая закономерность, когда она позволяет анализировать исторические слова с датированным временем.

Наша история в слове, которое может стать археологическим материалом, документальным свидетельством присутствия этноса в глубокой истории, если ему не посчастливилось отразиться в древнейших письменных источниках. Ни одно славянское, тюркское имя или этноним не обнаружены в хрониках до орхоно-енисейских текстов (V-VIII в.в. н.э.) до христианизации славян и появления азбуки (X в.).

Самоназвания народов почти не проникают на страницы чужих летописей. В древнетюркских текстах не встретишь этнонимов *монгол*, *Джун-го* («Китай»), *хань* («китаец»), хотя тюрки-огузкарлуки обитали на территории современной Монголии и граничили с Поднебесной, с которой воевали, и торговали, и сотрудничали. Обходились кличками. Древнерусские летописи так же не приводят тюркских этнонимов-самоназваний и приходится догадываться, что куманы это половцы («кумане рекше половцы»), а половцы это тюркское население Дешт-и-Кипчака – *Дикого Поля* по-древнерусски. Да и свои, восточно-славянские племена русские летописцы нарекают не их самоназваниями, а кличками. Часто – по характеристике места обитания. Например, часто упоминаются предки киевлян – *поляне* (от *поле* – «степь»), *древляне* (если не от *древние*, то от *древа*). И *Полесье* (места, заросшие лесом) населяли **полеси* > *полехи* > *поляки*. Клички становились этнонимами и позже – самоназваниями.

По названию рек – *полабцы* (живущие по реке Лаба. Так славяне и сейчас называют Эльбу). Думаю, что по реке Руса живущие получили прозвище *порусы* > *прусы* – древний прибалтский народ, близкий по языку и славянам, и литовцам, латышам. Прусы растворились в германцах, но те сохранили в имени гласный приставки, правда, озвончив согласный *Borussia* – «Пруссия».

...Римский историк Тацит (I в. н.э.) говорит о кочевниках, обитавших в низовьях Дуная и в степях Северного Причерноморья.

Называет их *jazyges*. В Большом Лагинско-русском словаре это слово переводится - *языги*³³. Вернее, перевели не слово, а окончание мн. числа -*es*. Считаю перевод удачным, потому как возможно и в оригинале значилось это окончание, правильно понятое и переведенное Тацитом на латинский. Если тюркское *jazyk* - «степь», «равнина» (от *jaz* - «разглаживай», «разровняй») в славянском получила семантическое развитие - «степняк», тогда множественное число превращало слово в этноним-кличку **jazyk-i* > **jazygi* - «степняки».

Сами тюрки такое окончание могли применить лишь в одном случае - используя иранский аффикс прилагательного: **jazyk-i* > *jazygy* - «степной».

Какая версия правильной, покажут дальнейшие исследования, но для нас важно увидеть, что слово, похожее на отглагольное имя существительное тюрко-огузского типа, существовало в I в. н.э. И конечный согласный озвончился, оказавшись в интервокальном положении. Пока иное не доказано, будем считать, что упомянутое Тацитом название всаднического народа было тюркского производства и развивалось с возможным участием славянских информаторов римского историка. Сведения о народах часто передавались «толмачами».

Но даже, если этот пример не удастся включить в список примеров озвончения *к* в славянских языках, уже имеющихся в словарях примеров достаточно, чтобы сделать вывод - заимствование фонетического закона как ничто другое свидетельствует о высочайшем уровне межъязыковых контактов, о длительных периодах двуязычия.

III

В сложнейших процессах континентального и межконтинентального этногенеза этносы встречались на века, расходились на тысячелетия и вновь встречались в одном государственном образовании. Массированный, неоднократный взаимообмен лексикой вырабатывал терпимость к вчера еще чуждым нормам, которые становились своими. Главным признаком «не островного» существования и развития языка является высокая степень толерантности к различным нормам. Это качество присуще латинскому языку, поистине имперскому. Как Рим вбирал в себя государства древней Европы, Ближнего Востока, Египта, Греции и Малой Азии, так римский язык впитывал особенности покоренных наречий. В нем напрочь стерлась инерция первичного слога. Каким он был язык пралатиния? Открытосложным или закрыто-? Уже никому не узнать. Имперский язык, язык-федерация, одинаково признающий и открытый,

³³ И.Х.Дворецкий «Латинско-русский словарь», М, 1976, стр.563.

и закрытый слоги. Всевозможные стыки согласных и «итальянские сдвоенные», дифтонги и долгие гласные, сочетания гласных разного качества и разной долготы в одном слове.

В той или иной степени все тюркские языки и славянские проходили «имперскую» школу, подобную латинской. Но, тем не менее, инерция первичного слога в каждом ощущается. И это характерно сказывается на форме заимствованного слова. Об этом должен всегда помнить тюркославист. И не только.

Злополучный, великий дифтонг (О древних корнях казахского языка)

Со школы мы знаем, что казахский язык один из самых молодых. Он входит в кипчакскую группу тюркской языковой семьи. Считается, кипчакская образовалась позже огузской, карлукской потому, что письменных свидетельств о себе в древности не оставила.

Официальная дата возникновения тюркской письменности («орхоно-енисейской») – V в. н.э. В одно время с армянским, грузинским алфавитами. И с древнегерманским (готским).

Но главные тексты (эпитафических надписей Куль-Тегину, Бильга-кагану и др.) датируются VII-VIII в.в. н.э. Язык этих великих памятников отражает нормы огузских и карлукских языков. Типичных отличительных признаков кипчакских наречий (анлаутный 'j и дифтонг -au-) язык орхоно-енисейских надписей, увы, не содержит. Из этого обстоятельства тюркологами был сделан категорический вывод – кипчакские языки некогда были во всем подобны огузо-карлукским (то есть «древнетюркским») и лишь в средние века произошли системные искажения форм (-ah > au ; -j > dž, ž), которые и определили особенные черты кипчакских языков. Но так как эти черты присущи всем языкам этой группы, значит произошли сии метаморфозы в общекипчакском, из которого после разделения вышли подгруппы степных кипчаков (населявших Дешт-и-Кипчак: казахи, каракалпаки, ногайцы), кавказские кипчаки (карачаевцы, кумыки, балкарцы – также вышедшие из Дикого Поля), крымские кипчаки (каранмы, крымчаки, жокающие крымские татары, населявшие степную и центральную часть Крымского полуострова. Крым также входил в состав Дешт-и-Кипчака). И, конечно, поволжские кипчаки – казанские татары, башкиры. Махмуд Кашкари (МК) в своем знаменитом сочинении «Лугат-ит-тюрки» (XI в.), судя по пометам, которыми в словаре сопровождаются приводимые слова, делит тюркские языки как бы на три супер-языка – его собственный (древне-уйгурский, который представляет ныне карлукскую группу), кипчакский и огузский. Значит, надо полагать, общекипчакский язык возник где-то ближе к XI-му столетию. Именно

тогда древнетюркские *та□* – «гора», *йа□* – «враг», *са□* – «здоров», *кишлак* – «зимовье» и т.д. превратились в *тау*, *жау*, *сау*, *□ыста□*...³⁴

Тогда, выходит, возник этот злополучный дифтонг *-ау*.

Тюркские лингвисты, мне кажется, слишком преданно и поспешно поверили в эту абсурдную фонетическую механику, которая не доказуема не фонологически, не исторически, если, конечно, рассмотреть этот процесс в евразийском контексте - выйдя за чрезмерно суженные рамки эксперимента.

Просчет тюркологов вызвал кроме ущерба тюркологии и просто катастрофические нарушения в казахской орфографии. Зависимость письменной формы казахского слова от огузо-карлукского написания добавила лишнюю букву в дифтонг, превратив его в непронизносимое сочетание гласных. Вот, что произошло. За образец бралась древнетюркская запись, и по ней, механически заменяя □ на у, конструировали казахское письменное слово.

Огузо-карл. письменное слово	Казахское письменное слово	Значение
<i>а□ыр</i>	<i>ауыр</i>	«тяжелое»
<i>а□ыл</i>	<i>ауыл</i>	«аул»
<i>а□ыз</i>	<i>ауыз</i>	«рот»

В устном языке таких слов нет. Мы произносим *аур*, *аул*, *ауз* и т.п., но послушно вписываем букву *ы*, неуместную не только в этих лексемах, но и во всей нашей письменности, потому как долгого твердого узкого звука, соответствующего этой графеме в казахском языке нет вовсе. А есть краткий твердый узкий, который в древней кириллице выражался знаком ъ – «ер». Этот полугласный произносится в казахских словах как в болгарских *вълк*, *слънце*, *България*... Этот звук привнесли в южнославянскую речь те самые турки-булгары, которые после распада приазовской Великой Булгарии (середина VII в.) ушли на Балканы во главе с Ханом Аспарухом и, покорив славян, растворились в них. Но успели вместе с именем своим внедрить в язык южных славян и произношение полугласного ъ («ер»), которому противостоит долгий *ы* («ерь») – это уже исконно славянский звук, который в ряде случаев подавляет первичный краткий, заменяя его. Напр., в слове *кышта* – «изба», «теплое жилище» (болг.), происходящее от булгаро-кипчакского *□ыштау – «зимовье», «теплое жилище».

³⁴ Привожу примеры из казахского, потому что он, на мой взгляд, сохранил более отчетливо особенности протокипчакского Дialecta.

Болгары как пишут, так и произносят, казахи же произносят *бъстау*, но записывают *быстау*. Столь же неверно изображается слово *былпары* – «кожа для обуви». Некогда **бълпар-і* – «българская». (Так иранские купцы называли юфть, выделкой которой славилась волжская България.) И если сохранять последовательность, то и название балканского государства мы должны ныне записывать – България.

...Ну, хорошо, предположим, договоримся заменить *ы* на *ь* и исправим записи: *ауьр*, *ауьл*, *ауьз*... Но и это будет неточно: нет после дифтонга *ау* никакого другого гласного, ни долгого, ни краткого, ни полугласного! Мы за десятки лет применения этого чудовищного три-тонга привыкли к нему и примирились, и уже готовы найти ему подтверждения в языке. Их нет в природе.

Решение проблемы не требует сложнейших исследований. Можно обойтись простыми средствами. Грамотный следователь, приступая к анализу произошедшего, прежде всего, пытается определить – «кому это выгодно?». Почему для начала разговора тюркологи не задались вопросом – какая была кипчакам необходимость превращать сочетания *-ак*, *-а□* в *ау*, *-а□ы* в *ауы*? Подобное могло произойти только в одном случае – если бы кипчацкие языки не переносили такие комбинации звуков. Однако в казахском гораздо меньше слов, оканчивающихся на *-ау/-еу*, чем на *-ак/-ек*. Даже на самоназвания наши можно было оглянуться. Ведь *□аза□* не превратили в **казау*, *□ытшак* в **кытшау*, и т.д.

Наряду с *ау* – «петля», «охота» мы произносим *а□* – 1) «белое», 2) «теки»; *а□ар* – «белей»; *а□ын* – «течение»; *а□ыз* – «заставляй течь». Наряду с *тау* – «гора» мы легко произносим *та□* – «прицепи»; *та□у* – «прицепить», *та□ында* – «снова» и т.д., и т.п. до бесконечности.

Не было необходимости кипчакам превращать *а□* > *ау*, *-а□ы-* > *ауы-*. Одно это может доказывать, что кипчацкие формы с дифтонгом не зависели от огузо-карлукских с гортанными.

...Теперь следует посмотреть в другую сторону. А произносят ли огузо-карлуки дифтонг *ау*? На этот долгожданный вопрос ответом будет – нет! Нетерпим этот дифтонг ни в турецком, ни в узбекском, ни в уйгурском, ни в «орхоно-енисейском»!.. Но если слово с дифтонгом попадает в огузо-карлукские, как его произнесут?

II

...Я потратил некоторое время на прояснение истории тюркских числительных. Понял, что в пратюркском успели образовать только количественные и порядковые: количественные числительные в полном составе повторяются во всех четырех десятках тюркских языков, и суффиксы порядковых возводимы к одному исходному. Остальные категории числительных, названные тюркологами

«дробные», «разделительные», «собираательные», «приблизительные», образовывались уже после распада пратюркской общности в отдельных языках, и некоторые переходили к «соседям».

Скажем, собираательные есть в кипчакских (во всех), но нет, например, в турецком, азербайджанском. А в тех огузо-карлукских, где представлены, очень напоминают кипчакские. Ср., каз. собираательные числительные имеют окончание *-au/-eu*: *алты* – 6, *алтау* – «шестеро», *жеті* – 7, *жетеу* – «семеро», *түрт* – 4, *түртеу* – «четверо».

В ногайском-карагашском: *алтау* – «шестеро», *дүртеу* – «четверо»³⁵.

Кипчакские племена, вошедшие в состав узбеков, привнесли эти числительные в общеузб. язык: *учов* – «трое», *олтов* – «шестеро».

В языке караханидских уйгуров (XI в.) мы встречаем собираательные числительные на *-a□y/-□gy*: *ik□gy* – «вдвоем, двое»; *алтагу* – «вшестером, шестеро»³⁶.

Мы видим здесь, что непроницаемый в карлукском дифтонг – *ay/-□y* прослаивается гортанным медиатором. Первое письменное доказательство освоения кипчакского дифтонга в карлукском языке.

Пойдем дальше. И находим собираательные числительные на *-ay/-□y* в орхоно-енисейских текстах: *üčägü* – «трое», наблюдается попытка закрыть слог протетическим согласным: один раз встречается вариант *üčägün* – т.ж.³⁷.

...Эти слова – исторические документы, удостоверяющие относительный возраст кипчакского дифтонга, а значит и самих кипчакских языков, которые вполне уверенно существовали и в орхонское время, и даже делились с Огузами и Карлуками своими грамматическими открытиями-изобретениями. Мы увидели механику освоения огузо-карлуками этого сочетания гласных: *a□ > a□□/□□ > □g□*.

...Эти или подобные примеры наверняка попадались на глаза и казахским языковедам. Но они не сумели правильно определить состав аффикса.

Средневековый арабский филолог Абу-Хайан написал труд «Китаб-ал-идрак ли Лисан ил-атрак», где давались пояснения тюркокипчакским словам того времени. Книга была переведена на турецкий и в 1931 г. выпущена в Стамбуле в научном издании с дополнительными пояснениями. М.Маженова приводит в

³⁵ Такая странная запись приводится в статье «Астраханских ногайцев-карагашей язык», в сб. «Языки мира. Тюркские языки», РАН, Инст.языкозн., 1997, стр.192.

³⁶ «Языки мира...», стр.69.

³⁷ Там же, стр.101.

кириллической транскрипции список аффиксов, выделенных из кипчакских слов в том труде. При этом кипчагизмы, вероятно, содержавшие дифтонг, переданы с медиатором, который турецким ученым принят за основу суффикса: - $\text{z}\square$ сан.ес. - $\text{ik}\square\text{z}\square$ – «екеу» (114, 21); $\square\text{ч}\square\text{z}\square$ – « $\square$ ше $\square$ » (114, 21); $\text{bi}\text{ш}\square\text{z}\square$ – «бесеу» (114, 21)³⁸.

Никаких комментариев к этому членению (- $\text{z}\square$) не последовало. А надо было увидеть аффикс - $\square\text{z}\square$.

Вывод; кипчакские собирательные числительные образовались относительно поздно и потому древняя огузо-карлукская комбинация $a\square\square/-\square\text{z}\square$ сохранилась в первозданной свежести. В VIII-XI в.в. она еще не успела преобразоваться в $a\square\text{ь}/-\square\text{зь}$ (или в принятой записи $a\square\text{ь}/-\square\text{gi}$), что случилось с более ранними заимствованиями из кипчакских.

Ау, Рим!

В древнелатинском было **aus* – «рот», дошедшее до новолатинского в уменьшительном *ausculum* – «ротик». Но основное слово уже выглядело иначе: *ōs* – «рот». Как произошло это название органа в латинском, пока никто не знает. Тем более, что в самых близких романских языках такого слова нет. Ср., *bocca* – «рот» (ит.), *boca* – «рот, губы» (исп.), *bouche* – «рот» (фр.), *bot* – «рот» (молд., рум.).

Дальнейшие исследования должны показать, почему в древнейшем из романских название этого органа по форме предшествует др.-индийскому *ās* – «рот», авест. *āh* – «рот»: фонологически долгий *a* есть одна из последних ступеней развития дифтонга (**au* > *ū*, *ō*, *ā*). Ни в германских, ни в других европейских следов подобного термина этимологам сыскать не удалось. Сохранились некоторые производные, в которых вместо долгого еще выступает дифтонг: *aošta* – «губа» (авест.), видимо, точнее передает первичный смысл, чем *austo* – «рот» (др.-прус.). Потому что мы видели – этот смысл («рот») вполне выражается основой *aus*-. Последний слог явно вносит смысловое дополнение, что заметно и в *ōsphas* – «губа» (др.-инд.вед.).

Фасмер видит связь восточных, усложненных формой слов с лат. *ōs* – «рот», *ausculum* – «ротик», др.-инд. *ās*- и авест. *āh*-, но тем не менее, структура всего названия губы не поддается пониманию (Ф., IV, 172).

...Большую ясность могли бы привести примеры из неиндоевропейских языков, если бы их догадались поискать. Но теория

³⁸ М.Маженова «Абу-Хайян *e\square\text{be}\text{gindegi}* грамматикалы $\square$ т $\square$ лгалардын к $\square$ рсеткiшi». В сб. «Исследования по тюркологии», Наука, А-А, 1969 г., стр.284.

тому препятствует: «названия частей тела создавались в праязыках и потому не было необходимости их заимствовать из языков других семейств». Ссылка на источник не требуется: это одна из главных аксиом индоевропеистики, ставшая незыблемым постулатом общего языкознания.

Однако все же попробуем вспомнить кипчако-алтайские примеры: *aiz* – «рот» (каз., тат., к. кал., ног., балк.), *ōz* – «рот» (кирг.), *īz* – «рот» (алт.), *āz* – то же (гаг.), *ās* – то же (хак.), *aḥyz* – «рот» (др.-тюрк.).

... Древние славяне не признавали великого дифтонга. Только недавно русские стали произносить слова *наук*, *наука*, *баул*, *Кейнтаун*, *сауна*... В древнерусском дифтонг преодолевали: *павка* (**паук*), **нарук* > *нарук*, *Пауло* > *Павло*...

А, встречаясь в начале слова, дифтонг автоматически утрачивал свою первую часть: *ау-* > *у-*. Такое упрощение дифтонга славистика признает. Фасмер, анализирует лексему *вузда* (укр., блр.), *оузда* (ст.-сл.), *ѹзда* (серб., хорв.), *узда* (болг.), *ūzda* (слов., чеш., слвц., пол.), *wuzda* (в.-луж.), *huzda* (н.-луж.), *vāuzda* (полаб.). И предполагает со ссылкой на Мейе, Шнехта, Перссон и др.: «*Праслав. *uzda первоначально «то, что вложено в рот». Первая часть явно содержит и.-е. *ous – «рот», тогда как вторая часть содержит – *dhe (см. деть)»* (Ф. IV, 153).

Мне думается, *auzda* – «на рту», «во рту» (каз.), более реально соответствует славянскому названию детали конской упряжи, чем искусственная, неживая конструкция **ous-dhe* – «то, что вдето в рот»³⁹.

В современном казахском термин не сохранился, но существует однотипный: *auzdyk* – «удила», букв. «ротное», «для рта». Это наблюдение приближает понимание словообразовательных схем, по которым на ранних стадиях развития языков от названия какого-нибудь главного или просто уже названного органа создавали наименования прилегающих к нему частей тела. В кипчацком диалекте с оглушенными согласными пытались назвать губы: **aus* – «рот», **austa* – «на рту», «во рту» > «губы».

В кипчацком слово не удержалось: морфологически слишком прозрачно, что не продлевать век термина. Но в некоторых индоевропейских, где составные части не были понятны, слово уцелело, превратилось в морфологический и семантический монолит: *aošta* – «губа» (авест.), *austo* – «рот» (др.-пр.), первоначально – «губа», *ōḡthas* – «губа» (др.-инд. вед.), *usta* – «губы» (слав.).

Древнеевропейские формы названия рта и губ проявляются при сопоставлении с тюркскими, а точнее, с кипчацкими материалами. Эти

³⁹ Слависты ныне признают, что начальный гласный и не только в дифтонге при освоении в слав. часто утрачивается: *алачук* > *лачуга*, *алафа* > *лафа*, *орундук* > *рундук* и т.д.

совпадения форм и смыслов едва ли удастся назвать случайными и потому, опираясь на латинские, древнеиндийские и древнеиранские примеры, будем утверждать, что кипчакские и тюрко-алтайские формы названия рта с дифтонгом *ai* и долгими *ī*, *ō*, *ā* произошли не позднее середины I тысячелетия до н.э. А производная форма *ahuz* в те времена, скорее всего, могла выступать еще в виде **ahuz*.

...Еще один пример для продолжения темы предлагает Древний Рим. В латинском, повторяю, уживались разные племенные нормы: в этом имперском языке, как в самом вольном, демократическом обществе право голоса имел и дифтонг, и произошедший от него долгий. Конечно, не могли бы ужиться в словаре два названия солнца – древнее **saul'* и новое *sōl*. Прежнее в законсервированном виде осталось в балтских: *šauce* – «солнце» (лит.). Палатальный плавный (*l'*) смягчил все слово – такое могло случиться в каком-то германском, где регрессивная ассимиляция качества (умлаут) смягчила многие лексемы⁴⁰. Кипчаки унесли из древней Европы *sāule* – «сияние», «луч света» (каз.), *sööle* (кирг.). Этот термин в огузо-карлукских не отмечен и потому в казахском написании решились оставить чистый дифтонг: *с□□ле*.

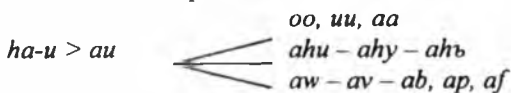
Если бы не возникло древнетюркское *ahyr* – 1) «тяжелое», 2) «драгоценное», то каз. *ауыр* – «тяжелое» записывалось бы как звучит – *аур* (*aur*), что соответствует кир. *оор* (*ōr*), алт. *уур* (*ūr*), хак. *аар* (*ār*). Арбитром и в этом случае выступает латинское слово: *aurum* – «золото»: *aur* – «золото» (молд., рум.), *or* (фр.) < **ōr*; *oro* (ит., исп.) < **ōrum*. Некогда в тюркских все фонетические варианты этого слова имели то же значение, что и пралатинское **aur*. Об этом сигналист каз. *ор* – «золотистая», «темнорыжая масть животных (коня, коровы, овцы)», явно происходящее от **ōr* – «золото» – наследия древнекиргизского диалекта. Золото и в других культурах становилось эталоном цвета. Например, рус. *жёлтый* несомненно связано со слав. праформой **zolto*.

Кипчаки принесли с запада в древнетюркский мир это название самого тяжелого из металлов. Оно уступило напору нового термина (**ōl-din*), который в каком-то из доминировавших в древней Европе диалектов возник из прилагательного со значением *золотой*.

Приводить примеры из Золотой латыни (*altyn latyn*) можно еще долго, но и этих достаточно, чтобы убедиться в неслучайности

⁴⁰ О влиянии палатального 'L на качество звуков всего слова разговор в лингвистике еще и не начинался. Иначе бы мы давно получили объяснение, почему отличается качеством звуков фр. *cheval* – «лошадь» от лат. *cabalus* или гр. *cefal* – «голова» от тур. *cafa*, лат. *capit*.

совпадения форм и значений древнелатинских слов с кипчакскими. По сути, это общие слова, и латинское звучание их в казахском ничем не замутнено, поэтому записям римских грамматиков (латинской орфографии) я больше доверяю, чем ауы-канью наших доморожденных ученых грамотеев. И предлагаю рассмотреть уточненную схему развития великого дифтонга в языках Евразии.

Вся история языков человечества не предоставляет фонологических материалов, доказывающих обратное развитие, какое целый век предлагают тюркологи: *ahy* > *auy*, *ah* > *au*.

Однако в истории все происходило так, как происходило, а не как хотелось бы историкам языков: первичность *au* подтверждается мировыми словарями и, прежде всего – латинским.

Таким образом, схема развития дифтонга в древнетюркском мне представляется такой: *au* – «петля», «охота» (кипч.) > **ahu* > *ahy* > *ahъ* – «охота» (др.тюр.), *aul* – «селение» (кип.) > **ahul* > *ahyl* – «селение» (др.-тюр.), *aiz* – «рот» (кип.) > **ahuz* > *ahyz* – «рот» (др.-тюр.), *aür* – «тяжелое» (кип.) > **ahur* > *ahyr* – «тяжелое» (др.-тюр.).

Слова с дифтонгом были заимствованы из пракипчакского очень рано, потому что: а) дифтонг успел претерпеть изменения в конструкцию *-ahy-* в составе слова и *-ahъ* в конце, б) эти нормы представлены во всех огуз. и карлук. языках. Позже уже в средние века попали в др.-тюркский язык кипчакские собирательные числительные: дифтонг в них успел лишь прослиться гортанным: *altau* > *altahu* – «шестеро», *üçäü* > *üçägi* – «трое».

Идеально подтверждает нашу гипотезу история фонетического развития *buzau* – «теленку» (каз.). По нашей схеме слово должно пройти стадии разложения дифтонга на составляющие (**buzahu*), и редукции губного гласного в конце слова (**buzahu* до *buzah*).

К счастью, в тюркских языках сохранились в живом виде все этапные модели, иллюстрирующие фонетическую эволюцию слова: *buzau* – «теленку» (каз.) > *buzahu* – «теленку» (др.-уйгур., чагат., тур.диал.) > *buzahy* – «теленку» (тур.) > *buzah* – «теленку» (ДТС), *buzag*, *buzaq*, *buzog* (узб.диал.), *pozak* (тур.диал.).

Э.В.Севортян, из словаря которого я привожу эти примеры, признает последовательность фонетического развития форм: «бузагу > бузагы...»⁴¹.

⁴¹ Э.В.Севортян «Этимологический Словарь тюркских языков», «Наука», М, 1978, т. II, стр. 240.

Но он не приводит самого начального этапа, который в данном случае напрашивается (*бузау*). Почему? Произошла бы катастрофа – крушение налаженного механизма противоестественного развития форм, принятого в тюркологии. Этот механизм заставляет принять схему *бузагы* > **бузауы*. (Слава Аллаху, в этом месте казахские грамматики нарушили традицию и записали, как слышится, сохранили дифтонг: *б□зау* – «теленюк»).

Казахская форма позволяет понять генезис этого слова, который правильно определил Севортян: «*Бузау* ~ *боза□у* *правомерно сблизить с тюр. диал. буза* – «рожать» (о корове)... В свете приведенных данных *бузау* ~ *боза□у*, *буза□/буза□* ~ *бозаг/боза□* можно рассматривать как производные существительные со значением *результата действия...*». Имя действия в кипчакских языках образовывалось инфинитивным суффиксом *-у (-и)*. Напр., *бура (bura)* – «крути», «сверлю»; *б□рау (burau)* – 1) «сверлить», 2) «сверление», 3) «сверло, бурав». Вероятно, так же от *буза* – «отелись» произошло *buzau* – 1) «*отелиться», 2) «*отел», 3) «теленюк».

Таким образом, становится очевидной первичность формы с дифтонгом в этом ряду, который может украсить новые учебники тюркологии: *buzau* > *buzahu* > *buzahy* > *buzahъ* > *buzah...*

II

Учитывая сказанное, мы вправе усомниться в том, что термин «древнетюркский язык» точно отражает былую действительность. Думаю, правильной применить здесь множественное число – «древнетюркские языки». В числе их – «язык орхоно-енисейских надписей», «древнеуйгурский» (язык сочинения Махмуда Кашкари) и, принимая во внимание факты заимствования кипчагизмов в орхонские и древнеуйгурские тексты, следует допустить, что в те времена существовал и древнекипчакский язык, нормы которого четко сохранились в казахском, каракалпакском, ногайском, балкарском, карачаевском и некоторых других. Не только фонетические (прежде всего Дифтонг), но и грамматические, о чем мы будем говорить далее.

Предложения по ходу.

Еще раз хочу сказать о необходимости орфографической реформы, которая бы сблизила письменное казахское слово с устным. Что облегчило бы изучение казахского языка по учебникам и словарям.

(Иноязычные учащиеся произносят слова как написано. Один русский бизнесмен открыл кафе вблизи Курдайского перевала – «Горный ауыл».)

Великие русские филологи и писатели XIX золотого века слышали это слово в Крыму, на Кавказе и в приуральских степях. Я больше верю слуху Даля, Толстого и Радлова, внедривших в русскую научную и художественную литературу слово *аул*, в котором нет этой ученическо-академической добавки – *ы*.

Предлагаю обсудить предложение об орфографической реформе, попутно с редакцией алфавита. Не будем подсчитывать, сколько тысяч тонн бумаги съела ненужная буква *ы* за шесть десятков лет существования казахской кириллицы! Главное другое – она исказила письменный образ казахского слова, сделав его непронизносимым или ложно пронизносимым. Я хочу, чтобы мои внуки писали *ауз*, *даус*, *баур*, *аул* – прекрасные слова, звучащие многие тысячелетия на пространствах Евразии, и не искажали их, подчиняясь Ошибке академий, ушибленных в XX веке перманентными сменами письменностей попеременно с репрессиями.

Кириллица пережила несколько реформ. Последние это – Петровская реформа начала XVIII века. Петр I при изготовлении в 1707-1708 г.г. первого комплекта гражданского шрифта, разработанного по его указанию, исключил восемь букв, заимствованных из греческого алфавита и с самого начала не нужных славянской речи. Это буквы «пси», «омега», «юсы» и др. Историк письма В.А.Истрин пишет: *«Несмотря на незавершенность петровской реформы, она имела большое революционное значение. Показав необходимость перестройки русского алфавита, реформа эта повлекла ряд последующих реформ Академии Наук. Так в 1735 г. Академия, кроме исключенных Петром «юсов», «пси» и «омеги», дополнительно исключила «кси», «ижицу», «зело»; в 1738 г. было унифицировано написание «и десятиричного» (с одной точкой вместо двух)... Ко времени Октябрьской революции букв, ненужных для русской речи оставалось четыре: одно из двух «и», «фита», «ижица», «ять». Все эти буквы были упразднены реформой 1917-1918 г.г. Наибольшие споры как до реформы 1917-1918 г.г., так и после неё вызывал вопрос, какое из двух кирилловских «и» следует сохранить. Сторонники «и с точкой» («и десятиричного») выдвигали в её защиту три существенных аргумента: желательность приближения русского алфавита к западноевропейским; экономию при замене (i вместо и) около 1% бумаги (вследствие меньшей ширины этой буквы); лучшую различимость «и с точкой» (И слишком сходна с буквами Н и П). Победу одержали сторонники «и-восемьричного»,*

ссылавшиеся на то, что сохранение этой буквы приведет к меньшему изменению традиционной графики русского письма»⁴².

Далее он пишет: «Лишь в результате победы Октябрьской революции давно назревшая реформа правописания была проведена в жизнь». И что эта реформа, в особенности исключение «ять» и «твердого знака» в конце слов, вызвала ожесточенное сопротивление со стороны «консервативной интеллигенции».

Таким образом, реформы кириллицы происходили в переломные моменты русской истории – они вошли естественной составной частью «петровских» и «ленинских» социально-государственных преобразований.

И у нас сегодня именно такая историческая ситуация. Кардинальная перестройка экономики, государственного строя предполагает реализацию назревших реформ в культуре, и, прежде всего, в письменности. Другого такого момента может и не быть. Сейчас, когда надо переписать учебники родной речи, самое время воссоздать забытую древнейшую историю казахского языка в сопоставлении с языками не только тюркской семьи, но и других языков планеты.

И это знание поставит вопрос о необходимости пересмотра фундамента перекошенного здания тюркологии, стоящего на песке первичных представлений.

Было бы правильно приурочить к этим действиям и реформу правописания. При этом учесть просчеты лингвистов конца 30-х, которые спешно «подгоняли» кириллицу под тюркские языки СССР, готовя повсеместную отмену латиницы. Они работали в республиках изолированно друг от друга, не согласуя свои наработки. Поэтому одни и те же звуки в разных алфавитах выражаются по-разному. Напр., каз. □, □, □ ... алтайском и бараб. соответствуют ү, ö, ä, ... Или гортанные звуки, выражаемые в каз. □, □ в точности соответствуют карачаево-балкарским, но они их изображают – кь, гь. Например, название города □ара□анды в письме балкарском и карачаевском – Къара□ъанды.

Этих и других «самodelок» можно избежать, если подготовить и провести совместную реформу письменностей тюркоязычных народов, основанных на древнерусской кириллице. Подчеркиваю древнерусской, и даже скорее древнеславянской, ибо петровская и ленинская реформы сократили некоторые знаки, разрушив пары букв, которые отражали определенные парности звуков в славянских и кипчако-булгарских наречиях. Об этом более подробно – в статье, специально посвященной происхождению «орхоно-енисейского

⁴² В.А.Истрин «История возникновения и развития письма», М., «Наука», 1965, стр.484.

письма», созданного для древних тюркских языков огузо-карлукского типа, и «болгарской кириллицы», которая унаследовала черты утерянной болгаро-кипчакской письменности. Мы уже можем представить структуру того алфавита, который принесли с собой грамматисты Великой Булгарии из Приазовья и Прикаспия на Балканы в VII в. н.э.

Деюший

Массированный взаимообмен лексикой в ранние периоды тюрко-славянского и славяно-тюркского двуязычия неизбежно приводил к распространению и грамматических средств. Не столько исторические, скорее доисторические сведения закодированы в служебных элементах слова.

Этимология формантов – наиболее трудная область языкознания. И менее других разработанная. Без полного исследования отражений служебного знака Копья-Стрелы в языках этимология самых первых служебных частей слова будет невозможна. Мы способны пока провести работы Подготовительного этапа – выявить в языках, разведенных по разным семьям, общие морфологические схемы с общими формантами и сделать предварительную систематизацию.

Тюркослависта, естественно, интересуют тюрко-славянские грамматические параллели. И сразу находится много общего. Но прежде, чем приступить к сопоставлению, необходимо понять последовательность строительства слова, какая часть речи – фундамент, а какие относятся к надстройке.

В индоевропейских грамматиках основным глаголом называют инфинитив (глагол неопределенного действия). Отглагольные существительные и другие формы глаголов (деспричастия, например) образуются от «основы инфинитива». В тюркских грамматиках основным глаголом признали глагол повелительного наклонения, императив. Все глагольные и именные основы в тюркских языках могут быть по формальному признаку подразделены на непроизводные и производные. Под первыми подразумеваются основы нечленимые, под вторыми – основы, состоящие из опознаваемых составляющих (корня и словообразовательных аффиксов).

Сохранилось довольно много непроизводных имен и глаголов. Сравните, каз. *бал* – «мед», *бар* – «иди», *бас* – «голова», *бас* – «наступай, ступай», *бер* – «дай», *бер* – «дай», *бір* – «один», *бор* – «мел», *боз* – «серый», *без* – «избегай», *бол* – «будь», *б□ль* – «дели», *бур* – «поверни»... Я назвал только часть нечленимых слов на «б»; не меньше наберется на каждую букву алфавита. Односложные непроизводные лексемы – наследие начального периода развития языка. Каждое из них

в свое время выполняло одновременно обе главные грамматические функции – именную и глагольную. Постепенно они избавлялись от одной из них. Например, к□щ – «кочуй», но еще в XVIII веке оно имело и именное значение – «кочевье». Еще сохраняют обе функции такие слова как □ос – 1) «пара», «соединение»; 2) «спаривай», «соединяй»; той – 1) «пир», 2) «насыщайся» и др. И пока трудно определить, какое из грамматических значений было первым – имя или глагол.

Такие же грамматически синкретичные слова есть в славянских – *лай, вой, строй*. Но повторяющийся элемент -j (й) похож на омертвевший формант императива (глагола повелительного наклонения 2-го лица ед. числа).

Подобные примеры показывают – в славянских не было производных глаголов. И что самый древний глагол – императив, как и в тюркских.

Тюркскому производному основному глаголу всегда соответствует славянский производный. Например, *ты□* – «тыкай», «тычь», «всовывай» (каз.), заимствованный в славянские диалекты, обретает аффиксы основного глагола: 1) *тык-і > тычь, 2) *тык-ай. Или *жа□* – «жги» > *жак-і > *жаги > жги.

В русском словаре эти две диалектные формы императива достаточно представлены. Вторая, более поздняя, вытесняла первую. Например, в *стрели+ай > «стреляй» видно наслоение аффикса на более древнюю форму *стрели, она сохраняется в приставочных образованиях *вы-стрели, за-стрели, под-стрели* и т.п.

Но есть в кипчакских целый ряд производных глаголов, которые наиболее удобны для сравнения с русскими: каз. *то□ы (toky)* – «тки»; каз. *оқы (oqu)*; тат. *у□ы (uqu)* – «учи». Сравнение помогает восстановить общие праформы: *tok-i – «тки», *uk-i – «учи». В тюркских качество форманта закономерно изменилось под влиянием качества корневых звуков. В русском, вероятно, всегда было возможно сочетание в лексеме звуков различного качества. Кто у кого заимствовал эти глаголы? Предварительный ответ: славянск. > тюркск. Время? Учитывая, что оба глагола представлены в общеславянском и общетюркском – не одно тысячелетие тому назад.

II

Основа глагола в тюркских языках всегда совпадает с формой 2-го лица единственного числа повелительного наклонения. Эта форма является исходной для всей системы словоизменения и

формообразования глагола⁴³.

Таким образом, императив (глагол повелительного наклонения) является основной, то есть базовой формой глагола в тюркских языках. От него создаются деепричастия, причастия, имена существительные и прилагательные. Я думаю, инфинитив (глагол неопределенного действия) стал одной из последних надстроек: в тюркских языках разных ветвей он создается различными средствами. Скорее всего, инфинитив появился не в праязыке, а после распада пратюркского сообщества.

Сравните: *de* – «скажи!»; *deu* – «сказать» (каз.)
de – «скажи!»; *demek* – «сказать» (тур.)
ti – «скажи!»; *tigerge* – «сказать» (хак.)

...Если когда-нибудь произведут сравнение грамматик языков, относимых к различным семьям, то вполне может выявиться общее. Прежде всего, я думаю, окажется, что основной формой глагола во всех языках человечества являлся императив.

И в индоевропейских императив был первой формой глагола, а инфинитив позднейшей. Поэтому форма императива совпадает во многих индоевропейских, а формы инфинитива отличаются.

Даже в таких близкородственных как латинский и итальянский.

...Для того, чтобы нагляднее представить результаты сопоставления иноязычных примеров, я стараюсь использовать простой прием – нахожу в языках формально и смыслово похожие глаголы повелительного наклонения и придаю им одинаковое грамматическое развитие. Например, лат. *dih* – «скажи!», *dico* – «сказать», «возвещать», «провозглашать». Ит. *di* – «скажи!», *dire* – «сказать». Такая картина последовательно и системно распространяется на все глаголы. Можно ли после этого продолжать утверждать, что основной формой глагола в латинском и итальянском (и других индоевропейских языках) является инфинитив?

Почти все другие формы глагола и имена отглагольные создаются на основе императива. Он должен быть признан основным глаголом в грамматиках всех языков, где наблюдается такая архитектура производного слова.

Во многом благодаря своему незаслуженному статусу основного глагола (и «меньшей категориальной загруженности»⁴⁴),

⁴³ «Языки мира» (Тюркские языки), РАН, Институт языкознания, Бишкек, 1997 г. (В статьях, посвященных отдельным тюркским языкам)

инфинитив в описаниях ряда языков используется, как представитель глагольной лексемы в словаре. Это существенно затрудняет процесс изучения языков и этимологию. Если в учебнике приводится глагол, то в переводе он представляется только инфинитивной формой. У меня на столе сейчас лежит «Грамматика хакасского языка» («Наука», М, - 1975 г.), на мой взгляд, одно из лучших научных описаний тюркского языка. И хотя в этой книге признается основной формой глагола – императив, и примеры приводятся именно в этой форме, но переводится глагол как инфинитив. Например: «По звуковому составу основы могут быть разделены на односложные: *ит* – «делать», *көр* – «смотреть», *хал* – «оставаться»»⁴⁵ (правильней: *ит* – «делай!», *көр* – «смотри!», *хал* – «останься!») - О.С.).

Сопоставление грамматик позволило бы выяснить происхождение морфологических схем и средств. Например, объяснило бы, почему итальянский язык не во всем следует латинскому. В латинском окончания инфинитива и 1 лица ед.ч. отличаются лишь долготой звучания: *dico* – «сказать»; *dicō* – «сказываю, говорю» (лат.). В итальянском гласные уже количественно не различаются.

В какой-то момент в итальянском, утратившем долготу гласного, совпадают личная форма глагола и инфинитив: *dio* – 1) «*сказать», 2) «сказываю». Итальянцы оставляют за этой конструкцией только одно грамматическое значение: *dio* – «сказываю» (**diō*). А для инфинитива используется другой суффикс: *dire* – «сказать». Таким образом, в ит. языке окончание глагола 1 л.ед.ч. -*o* восходит к лат. *-*ō*. Думаю, что такая же история и у русского личного окончания -*у*. Лат. *ō* и *ai* в русском развились в краткий *y*⁴⁶.

...Мы показывали системные совпадения латинских и кипчакских имен. Это только, как говорится, верхушка айсберга. Но и она дает основания сравнить лат. окончание инфинитива -*o* и кипчакские -*и* (каз), -*o* (тат.), совпадающие по форме с рус. глагольным окончанием 1 лица ед.ч. -*у* (лат. транскр. -*и*).

III

Это совпадение форм аффиксов разных значениями сыграло свою роль в славянской грамматике.

Казахский инфинитив создается по схеме: «императив (или основа императива) + *y(u)* = 1) инфинитив, 2) имя действия». Примеры:

⁴⁴ Большой Энциклопедический словарь «Языкознание», М, 1998 г., стр.198.

⁴⁵ Указ.соч., стр.164.

⁴⁶ Славянские звуки передаем буквами кириллицы.

1) *ты*□ (*tyk*) – «тычь, тыкай», *ты*□*у* (*tyhu*) – 1) «тыкать», 2) «тыканье», совпадает по форме с русс. *тычу* – глаголом 1 л. ед.ч.

Далее начинается еще более любопытное. От инфинитива – имени действия в тюркских создается следующая часть речи: «инфинитив (имя действия) + суффикс лица *-чи, -ши, -джи* = имя деятеля». Каз. *тыгу* (*tyhu*) – «тыкать»; *тыгу-ши* (*tyhu-šy*) – «тычущий», *току* (*toku*) – «ткать», *току-ши* (*toku-šy*) – «ткущий».

Общего в казахских и русских примерах больше, чем различий. Казахские примеры с ясной морфологией позволяют понять происхождение русского нечленимого форманта *-ущий* (**у-щи*).

В чем я вижу основное различие? В том, что одно и то же грамматическое явление в разных грамматиках называется по-разному. В славянских – это причастие настоящего времени. В тюркских – имя существительное. Ни в одной из тюркских грамматик эта форма не названа причастием и не сравнивается со славянской.

Я намеренно подбираю в двух языках глаголы, похожие и формой, и содержанием, чтобы ученому читателю очевидней стала структура словообразования: *жа*□ (*ža*□) – «жти», *жа*□*у* (*žahu*) – «жечь», *жа*□*уши* (*žahušy*) – «жгущий».

Читателя может смутить неожиданное смягчение форманта в славянском. В сингармонических языках твердая и мягкая формы суффиксов и окончаний функционально равнозначимы. После «мягких» корней и суффикс «мягкий»: *бер* – «дай», *бер*□ – 1) «дать», 2) «даяние», *бер*□*ши* – «дающий».

Но в русских причастиях наст. вр. этот суффикс и после твердых, и после мягких корней – одинаково мягкий. Эта характерная особенность формантов, заимствованных из сингармонических языков. Заимствуется всегда только один вариант – или твердый, или мягкий. Используется после любых основ. В данном случае был заимствован мягкий.

...Была предпринята древнеславянскими грамматиками попытка этимологизации формы причастия. В переразложении увидели основу на *-у*. Ее приняли за глагол 1 л. ед.ч.: *тку, тыкай-у, жг-у*, к которой присоединяется непонятный элемент *-щи(й)*.

Болгары системно использовали в качестве личного окончания *-я* (в восточно-славянских оно выступало в роли местоимения 1 л. ед.ч.): *тък-я* – «тку» (болг.). И они преобразовали суффикс причастия в более им понятный: *-у-щий > -я-щий*. Много болгаризмов оказалось в русском: *смотрю*, но *смотрящий* (вместо **смотрящий*), *гляжу* – *глядящий*, *говорю* – *говорящий*, *учу* – *учащий* (**учащий*)...

Те причастия, что не испытали болгарскую редакцию в древнерусском и церковно-славянском, сохранили первичную форму: *сею* – *сеющий*, *зрею* – *зреющий*, *жну* – *жнущий*, *жую* – *жующий*.

...О древности этой казахской формы в славянских языках. Старинное *де – еще участвует в *деи* – «говори», *дееть* – «говорит» (др.-рус.) и сохраняется в *di* – «говорит, де, мол» (укр.) = *де* (рус.). «Он, де, из Орла-града» (Лесков). Билингва *дескать* (*де = *скасть*) являет собой пояснение устаревшего *де – новым словом. Русс. диал. *скасть*, *ску* = *сказать*, *скажу* (Фасмер, I, 506). Сравнение с тюркскими позволяет восстановить первое значение «частицы *де*»: *de* (*de*) – «скажи» (каз.), *di* (*di*) – то же (тат.), *deу* (*deу*) – «сказать», *de* $\square$ *mi* (*deуsi*) – «сказующий» (каз.). Или как говорили древние славяне, – *деючи* – «сказующий» (ст.-слав.) (Ф., I, 489).

Эти славянские формы говорят уже об отражении не общетюркских или общекипчакских черт, а конкретно казахской или точнее древнеказахской лексики и грамматики.

IV

Если мы увидели, наконец, родство русского причастия наст. вр. с казахским именем деятеля, то увидим и другое:

1) «Твердая» форма суффикса могла быть использована в славянском диалекте, где императив создавался окончанием *-а*, и в общенародном языке при унификации племенных диалектов занять место причастия пр. времени: *тки* = *тка*; губной в образовавшемся дифтонге (*тка-уши*) естественно превращался в губной согласный (*ткавший*) с дальнейшим выделением нового суффикса *-вший*, которому присвоили последующее временное значение.

2) Деепричастия наст. и пр. вр. в славянских и тюркских образованы в одну эпоху. Но, если в славянских развитие формы деепричастий на этом остановилось, то в тюркских после распада пратюркской общности появилось еще несколько видов. Только в кипчакских деепричастия в точности соответствуют славянским:

а) «императив + а = деепричастие настоящего времени»:

рус.	* <i>тки</i> + <i>а</i> = <i>тка</i> ,
	* <i>тычь</i> + <i>а</i> = <i>тыча</i> ,
	* <i>жги</i> + <i>а</i> = * <i>жгя</i> > <i>жжа</i> .
каз.	* <i>то</i> $\square$ <i>ы</i> + <i>а</i> = <i>то</i> $\square$ <i>а</i> – « <i>ткя</i> »,
	* <i>ты</i> $\square$ + <i>а</i> = <i>ты</i> $\square$ <i>а</i> – « <i>тыча</i> »,
	* <i>жа</i> $\square$ + <i>а</i> = <i>жа</i> $\square$ <i>а</i> – «* <i>жтя</i> »

б) «императив + в = деепричастие прошедшего времени»:

рус.	* <i>тк-а</i> + <i>в</i> = <i>ткав</i> ,
	* <i>тык-а</i> + <i>в</i> = <i>тыкав</i> ,
	* <i>жаг-а</i> + <i>в</i> = * <i>жгав</i>
каз.	* <i>то</i> $\square$ <i>ы</i> + <i>в</i> = <i>т</i> $\square$ <i>ып</i> – « <i>ткав</i> »,
	* <i>ты</i> $\square$ <i>ы</i> + <i>в</i> = <i>ты</i> $\square$ <i>ып</i> – « <i>тыкав</i> »,
	* <i>жа</i> $\square$ <i>ы</i> + <i>в</i> = <i>жа</i> $\square$ <i>ып</i> – «* <i>жтав</i> »

Как видим, казахи образовывали и дееспричастие прош. вр. от императива на *-i/-y, в то время как русские – от императива на *-a.

...В тюркских грамматиках вы не найдете терминов «дееспричастие наст. времени», «дееспричастие прош. времени». Просто – «дееспричастия». Не разделяя по временам. Общее мнение всех тюркских грамматик собрано в сб. «Тюркские языки» (в собрании «Языки мира»). Н.А.Баскаков в статье о каракалпакском языке описывает: «Дееспричастия на -a/-e, -й, -ып/-ип» (стр.260), А.Т.Кайдаров в ст. «Казахский язык»: «Дееспричастия на -a/-e, -й, -ып/-ип, -п» (стр.250). А надо бы сравнить со славянскими грамматиками и привести в соответствие с ними хотя бы терминологию. И это послужило бы началом совместного изучения языков двух суперэтносов, всегда влиявших друг на друга, и вместе – на судьбы Евразии.

Мешал увидеть родство грамматик отдельных тюркских и отдельных славянских языков догматический предрассудок. «Грамматика не заимствуется!» – один из основных постулатов индоевропеистики и общего языкознания. Этот догмат был провозглашен в XIX веке на заре сравнительного языкознания, когда еще и не приступали к описанию большинства языков мира, а исходили в своих утверждениях из знания материала десятка относительно изученных европейских и азиатских наречий. Сейчас наступает пора ревизии основ теории языкознания в свете новых материалов, ждущих сопоставительного изучения и необходимых обобщений. Я надеюсь, что первые же шаги тюркославистики (а далее и тюрко-индоевропеистики) одарят нас знаниями, опровергающими упомянутый постулат и взамен ему будет выдвинут противоположный – заимствовалося все! И лексика «основного словарного фонда», и грамматика!

Благодаря редкостному консерватизму русского и казахского языков, они достаточно ответственно представляют свои семьи – славянскую и тюркскую. Сопоставляя грамматические нормы этих языков, мы восстанавливаем страницы истории взаимоотношений языков, а значит, и этносов, не запечатленные в письменных хрониках. И каждое неслучайное совпадение мы будем расценивать как исторический памятник, объективный документ, живой отголосок, озвучивающий темную немоту вечности.

V

Приведенные примеры открывают путь к теме – «Неувиденные тюркизмы в славянской грамматике» и далее – «в индоевропейской». Здесь ограничимся факультативом – образование отглагольных имен.

После распада пратюркской общности в праязыках огузо-карлукской и кипчакской групп были самостоятельно выработаны словообразовательные схемы.

Огузо-карлукская: «императив + *ik/ъk* = имя существительное».

Далее мы, пока, ограничимся рассмотрением терминов, созданных по кипчакской схеме. И судьбы самой морфологической схемы, получившей продолжение в славянских языках.

Отглагольное имя существительное в языках тюрко-кипчакской ветви образовывалось по схеме – «императив + *ба* (па, ма) / *бе* (пе, ме) = имя существительное». Структура суффикса – открытый слог (согласный-гласный), что отвечало произносительной традиции древних кипчакских наречий: все суффиксы стремятся образовать открытый слог.

В огузо-карлукских, тяготевших к закрытому конечному слогу, заимствованные из кипчакских существительные на *-ма*, или утрачивали конечный гласный (*-м*) или появлялся протетический согласный, закрывающий слог (*-мак*)⁴⁷.

Хотя в турецком встречаются и отдельные кипчагизмы в сохранном состоянии (например, тур. *dolma* – 1) «наполненное», 2) «пирожок»); *urba* – «одежда» (> слав. *roba*, *rubā* – «одежда» > герм. **roba* > фр. *robe* – «платье женское»).

...В современном казахском языке после разных финальных звуков основ применяются различные варианты формы суффикса: *-ма/-ме* употребляется после гласных и плавных: *у́йме* – «куча; нагромождение» (*у́й* – «скупивай, нагромождай»), *кі́рме* – «вход» (*кі́р* – «входи»), *толма* – «наполненное; пирожок» (*тол* – «наполняйся»). После глухих согласных следует *-па/-пе*: *кы́щпе* – «кочевье» (*кы́щ* – «кочуй»), *тартпа* – «подпруга; выдвижной ящик» (*тарт* – «тяни; подтягивай; вытягивай»). И, наконец, после звонкого согласного – обязательно звонкое начало суффикса: *казба* – «яма; копь» (*каз* – «копай») и т.д.

Такая дифференсация, наверное, не соблюдалась в языках, заимствовавших морфологическую модель. Можно считать правилом – заимствовался один из фонетических вариантов суффикса, применявшийся универсально – после любых основ. (Например, в огузо-карлукских используется лишь *-ма/-мә*, или *-м*, или *-мак*.)

⁴⁷ «Собственные» имена огузо-карлуки созданные по схеме «императив + *ъk/ik*», попадая в кипчакские, теряли конечный согласный. Ср., *кучук*, *кічік* – малый (огузо-карл.) = *кічі*, *кіші* – т.ж. (кипч.) и т.п.

И в казахский словарь попало много терминов, прошедших огузо-карлукскую среду. Например, *□осъм* – «соединение» (*□ос* – «соединяй»), но собственное образование *□оспа* – «соединение», «спутанность», соответствует древнескипчакскому *кошма* – «соединение», «спутанность». Термин этот сохранился в русском как название войлочного ковра, изготовленного из овечьей шерсти, сваленной, спутанной как *космы*.

В русском словаре имеется довольно заметная группа слов на *-ма*, которую Словари долго не удосуживались собрать вместе: *кошма*, *косма* (или *косъм*), *кайма*, *тесьма*, *тюрьма*, *корма*, *уйма*, *чума*, *солома*, *письмо* и др. Древние русичи расшифровали схему и использовали ее для создания имен от собственных глаголов. Самое известное – *ведьма* (от **веди*, **ведь* – «ведай, знай»). Значение этого древнего термина впитало церковную оценку. К тому же, конечный гласный совпал с окончанием женского рода. Но в дохристианской Руси это слово означало – «мудрец», «знающий». Характерно пострадала семантика и другого образования от этого корня – *ведун* – «чародей, колдун» (др.-рус.).

Фасмер не объясняет морфологическую структуру слова, ограничиваясь намеком – «связано с праславянским **vĕdě* – «я знаю» (см. *ведать*, *ведь*), др.рус. *ведь* – колдовство, ведовство, знание» (I, 285).

Не узнав схему «императив + *ма*», не узнают и родственные. В русском наибольшее развитие получила диалектная модель «императив + *ба*». Исследователь теперь может, не гадая, определить от какого глагола произошло слово *судьба* (**суди-*), *свадьба* (**своди-*). Еще более прозрачно строение имен *борьба* (**бори-*), *ходьба* (**ходи-*), *молотьба* (**молоти-*), *дружба* (**дружи-*) и т.д.

Имена такого типа образовывались до того как в русском появился «вторичный императив» на *-ай*. Например, *стреляй*. Первичный на *-и* (**стрели*) стал основой имени *стрельба*. Таким образом, благодаря отглагольному имени восстанавливаются формы первичного императива: *гульба* (**гули-*, а не *гуляй*). Насколько это важно можно судить по следующему. [Глагол **гули* развивается в инфинитивную форму *гулять*. Фасмер: «Трудное слово. Бернекер и Брюкнер пытаются связать с *гул*. Против см. Преображенский, I, 169. Совершенно иначе Потехня (РФВ. 3, 163) и Соболевский (РФВ 70, 78), которые считают исходное значение «пить». Ср. сербо-хорв. *гѹлити* – «пьянствовать», неясное, однако, само по себе. Не более удачно сравнение с лит. *guleti* – «ложиться в постель, прилечь» (Ф. I, 4730474). К этой статье в Словаре приписка редактора О.Н.Трубачева «О развитии значения «гулять» < «играть в мяч». См. Львов, Этимология, М. 1963, стр.110-115».

Тюркославист привлек бы тюркский материал: *гуль* (*gül'*) – «смейся», *гулим* (*gülim*) – «смех» (оруз-карл.). Восстанавливается и первоначальный смысл славянского глагола *гули* = *гулай* – «смейся» > «веселись». С чем связано и переносное значение сербо-хорватского *гулити* – «пьянствовать». И возможно сближение с общеславянским **gulma* – «шутка, насмешка» (сербо-хорв. *глума* – «шутка, игра»; болг. *глум* – «шутку», слов. *glumiti se* – «сыграть злую шутку», «насмехаться»).

Это слово получило распространение в германских в тех же значениях. Шутов называли *glum*, *grum*, *glup*. Мы можем относительно датировать происхождение этой формы имени, благодаря этрусским коротким подписям к изображениям. На одной из известных картин изображен пир. Под столом у ног пирующих карлик-шут. И возле его головы надпись этрусским письмом – *krip*. Значение этого слова очевидно – шут. Дата надписи – VII в. до н.э.].

Вероятно, позже из другого Диалекта в славянских распространилась схема «основа инфинитива + *ва* = имя существительное».

Если *мольба* от *моли*, то *молитва* – от *молить*. По этой модели созданы *жатва* (**жать*), *бритьва* (**брить*), *битва* (**бить*), *братва* – «дружина» (ст.-слав.) от *братъ* – «бороть» и т.д.

...Итак, мы можем говорить о том, что в русском общенародном языке встретились три диалектные модели образования отглагольного имени. Две из них представляли собой варианты тюркской схемы «императив + *ма* (-ба, -па)». Третья возникла как развитие модели на -ба.

Таким образом, вот все три схемы:

- I. «Императив + *ма* = имя существительное» (*ведьма*).
- II. «Императив + *ба* = имя существительное» (*мольба*).
- III. «Инфинитив + *ва* = имя существительное» (*молитва*).

Знание этих механизмов имяобразования не только облегчает этимологический анализ, но, главное, делает его более результативным.

Среди книг, оказавшихся со мной в Риме, а потом и в Париже, я обнаружил такую: Ж.Ж.Варбот «Древнерусское именное словообразование», изд. «Наука», Москва, 1969 г., ответственный редактор О.Н.Трубачев. Взгляды на сей предмет в науке за тридцать лет мало изменились. Все достоинства и недостатки славистики, нашедшие выражения в сем труде до сих пор сохраняют свежесть.

В авторском предисловии: «Считаю своим приятным долгом выразить глубокую признательность доктору филологических наук О.Н.Трубачеву, работа под руководством которого в секторе

этимологии и ономастики Института русского языка АН СССР способствовала формированию концепции автора».

Академика О.Н.Трубачева по достоинству считали «главным этимологом» страны. Сектор под его руководством на протяжении десятилетий много делал для развития этой «базовой отрасли» языкознания. Осуществил перевод и редактуру Словаря Фасмера. Подготовил и издал десятки выпусков «Этимологического словаря славянских языков» (не так давно получил 24 выпуск – за 1997 г.). Много вышло сборников «Этимология» с начала 60-х.

И при всем этом количественном богатстве качество морфологического анализа продолжает оставаться «за чертой бедности». Чего стоит, например, членение слова, которое демонстрирует Ж.Варбот под руководством О.Трубачева: «Структура суффикса: ъ, ь + сонант, согласный:

*-ьмо: *пряжьмо* «хлеб, хлебная лепешка» (к *пряжити*, – «жарить в масле»). Ср. диал. *пальмо* – «зажженная лучина» (к *палить*)

*-ьма: *ведьма*

*-ьба: *борьба, крадьба* – «воровство», *мольба, просьба, сольба* – «посольство», *тяжба* – «суд, тяжба, борьба», *вадьба* – «клевета»... Некоторые из существительных с суффиксом -ьба имеют соответствие среди корневых имен и являются возможно отыменными образованиями: ср., *тяжба* – *тяжа*, *сольба* – *сль* – «посол», *сечьба* – *сеча*, *весьба* – *весь*. В остальных случаях наиболее вероятно отглагольное образование: например, *крадьба, борьба, мольба*»⁴⁸.

Совершенно очевидно, что ни автор, ни редактор, хотя и собрали правильное «этимологическое гнездо», не увидели в этих прозрачных образованиях общей морфологической схемы. Отсюда гадание – «возможно отыменное образование», «вероятно, отглагольное образование».

Если бы существовал и Сектор тюркославистики в Институте русского языка, то едва ли в научный оборот были бы запущены эти нелепые «суффиксы» -ьмо, -ьба.

...В случае, когда в древнерусском памятнике встречается написание без мягкого знака, суффикс приближается к истинному: «*мо: *писмо, навесмо* (к *весити*). Предлагаемый Мейе вариант реконструкции суффикса *-сто представляется излишним»⁴⁹. Воистину.

Излишне утяжеленный «суффикс», предложенный Мейе, включил в себя и звук основы. По этому же пути идет Ж.Варбот,

⁴⁸ Указ.соч., стр. 79-80.

⁴⁹ А. Meillet. Etudes., II стр. 415.

«реконструируя» новый «суффикс»: «**тва*: бритва, жатва, жертва (к *жърти* – «жертвовать»), клятва (к *кляти*), ловитва – «ловля, охота», молитва, мытва – «мытьё», паства – «стадо, пастбище, паства, наставление», питва – «пир, опьянение, питье»...»⁵⁰.

...Так же формально, не осознавая внутреннюю структуру, не понимая причинности формы, топорно расчленяют имена существительные, созданные по другим, собственно-славянским схемам. И не прочитывается историческая информация, заключенная в исключительно древних моделях словообразования.

Ж. Варбот: «*Вариант -itel'* реконструируется на основании образования покровитель (к *крыти*), погребитель (к *погresti*) и спаситель (к *спати*), поскольку в соответствии с ними не существует ни инфинитивных основ с суффиксом *-i-*, ни основ настоящего времени на *-i-* (IV классы)... Мейе считает *детель* – «дело, действие» результатом контаминации *деть* и имен на **elъ*... **telъ* может быть своеобразным вариантом суффикса **elъ*»⁵¹.

В этом пассаже, наконец, высказывается причина, мешающая славистам восстановить подлинный механизм словообразования. По существующему в науке убеждению, *отглагольное имя образуется от основы инфинитива*, так указано отцами-основоположниками индоевропеистики. А как правильно заметила Ж. Варбот, «не существует инфинитивных основ с суффиксом *-i-*». И добавим – это суффикс императива.

Если бы слависты были знакомы с тюркскими языками и тюркологией, которая признает основной формой глагола не инфинитив, а императив (глагол повелительного наклонения), от которого образуются другие части речи, тогда и славянские имена на *-ма*, *-ба* получили бы соответствующее объяснение – эта модель была в разное время и разными славянскими диалектами заимствована из тюркских языков, скорее всего, кипчакской ветви.

Сравнения с тюркскими образованиями от императива помогло бы славистам разобраться и с собственными моделями. Увиделось бы, что большинство из них в качестве основы использовали глагол повелительного наклонения.

[Что касается схемы «императив + *tel*». В эпоху, когда протославяне были знакомы с шумерской иероглификой, они, вероятно, использовали в качестве детерминативов некоторые образные знаки. Вертикальная черта (стрела), поставленная рядом с иероглифом, обозначавшим какое-то действие, придавала возвышенность значению. (В шумер. *til, tir / tel, ter* – 1) «жизнь», 2) «стрела».) А горизонтальная

⁵⁰ Ж. Ж. Варбот. Указ. соч., стр. 86.

⁵¹ Там же, стр. 89-90.

линия значила - **смерть* и предметно – *низкое*. Славянские названия этих детерминативов, надо полагать, и стали суффиксами: *-tel* – обозначал социально активную личность, *-nik* – социально пассивную. От тех первых пор сохранилась семантическая оппозиция: *Учи-тель* и **учи-ник*⁵², *вои-тель* и *вой-ник*, *веща-тель* и *вест-ник*, *креститель* – *крестник*. Не все пары уцелели. Да и было их, вероятно, не так много поначалу. Но Спаситель, Повелитель, Святитель, Покровитель, Вершитель, Деятель – думаю, ранние образования. Благородная возвышенная семантика имен на *-tel* постепенно сглаживалась. Потом именами на *-тель* будут обозначать людей с самой разной социальной характеристикой – *мучитель*, *спасатель*, *очернитель*, *надзиратель*, *вещатель*, *обыватель*, *житель*, *приятель*, *собираатель*, *проситель*, *сеятель*, *грабитель*, *зритель*... А потом перейдет имя существующее – в имя существительное и неживые предметы назовут также – *смеситель*, *краситель*, например.

Некогда *писатель* звучало высоко, ныне людей этой профессии на Украине называют *письменник*. Эта форма, скорее всего, уже соответствует содержанию термина.

Видно, что и морфологическая модель деградировала со временем. По исковерканным основам можно судить о недавности создания. Большинство имен из вышеприведенного списка – неологизмы, образованные от инфинитивных основ и даже от имен. Украинское *письменник* совсем недавно произведено от *письмена*.]

Век Волка. (Этюды)

О временах бытования пратюрков в культурном союзе с праиндоевропейцами свидетельствуют индоевропейские названия хищников, прежде всего – волка, который был существом, возвеличенным тюрками. Культ Собаки и Волка отразился в генеалогических легендах. Одни тюрки вели свое происхождение от Собаки, другие – от Волка. (См. подборку сведений в «АЗ и Я».) Почитание священного «прародителя», наверно, передалось и некоторым индоевропейским этносам, которые заимствовали тюркские названия волка.

Пожалуй, одно из самых первых происходило от общетюркского глаголо-имени *ul* – «вой». Огузо-карлукский вариант: *ulyk* – 1) «воющий», 2) «великий». (Сохранился в алб. *ulk* – «волк».) Слово как термин ныне используется тюрками только во втором

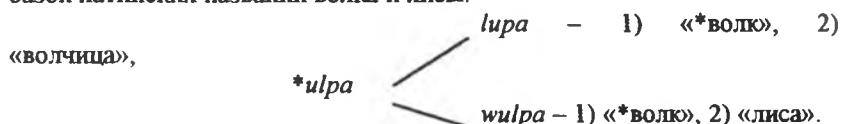
⁵² *Нынешнее ученик – позднее написание – результат этимологизации, производства от «учение».*

значении и ситуативно в первом. Заимствовано в кипчакские языки в виде *uly* – «великий» (каз.). Кипчакское образование должно было быть **ulba*, **ulpa*, **ulma*. Оно попало в протороманскую среду. Обе формы из пратюркских диалектов оказались в индоевропейских языках, в основном, открытосложного типа, где характерно преобразовались: I. *ulyk* > *wulyk* > *vulkъ*, *volkъ* > *vorkъ*; *ulyk* > *ulk* > *luk*. Ср. *λυκος* – «волк» (греч.); II. Германский *wolp* (*wolf*) – «волк» отличается от славянского окончанием, которое является, скорее всего, остатком суффикса: **ulpa* > **wulpa*, **wulp*. В герман. происходит закономерная утрата конечного гласного.

В латинском **wulpa* дало имя другому хищнику из семейства собачьих: *wulpa* – «лиса». Гласное окончание суффикса приняли за окончание жен. рода и выделяется ложный корень **wulp* – от которого образуется форма муж. рода *wulpus* – «лис».

Та же манипуляция с «родовым окончанием» происходит в параллельно развивающейся форме, попавшей в латинский из языка, в котором начальный слог открывался метатезой плавного: **ulpa* > *lupa* – «волчица» (лат.). И также в результате переразложения выделяется ложная основа **lup* – от которой производят форму муж. рода *lupus* – «волк». (Ср. лит. *lape* – «лиса».)

Таким образом, имя, образованное по кипчакской модели, стало базой латинских названий волка и лисы:

Латиняне сами не могли бы произвести имя **ulpa*, хотя основа была *ululo* – «выть» (лат.), но модели имяобразования «императив + па (ba, pa)» в латинском не было.

Словари толкуют генезис названия серого хищника иначе: «Волк. Первоначальное значение «растерзывающий». Сюда же – волоку.» (Ф., I, 338). Анализ показывает, что первоначальным значением было – «воющий». И затем – «великий».

...Каждому огузо-карлукскому термину в древности соответствовал термин кипчакского образования. Мы их находим в разных мировых наречиях: *uruk* – «город, община, племя» (шум.), *urba* – «город» (лат.); *derik* – «кожа» (тур.), *derma* – «кожа» (греч.), *terik* – «парная баня (чагат.)», *terma* – «парная баня» (греч., лат.).

Благодаря этим парам, можно относительно датировать возраст морфологических схем и, следовательно, самих тюркских Диалектов.

Имя шумерского эпического героя *Bilga-meš* – «Всезнающий (муж)» (от тюр. *bilga* – «мудрый», «знающий») в древнесемитском передано в форме *Gilga-meš* – «Всезнающий».

От общетюркского глагола *bil* – «знай» создан огузо-карлукский термин *bilik* – «знание». Но этот термин в других языках пока не обнаруживается. Кипчако-огузское *bilim* – «знание», происходившее от кип. *bilme*, имеет более прописанную историю.

В семитские попадают слова *'il* – «знай», *'ilim* – «знание» (**bil*, *bilim*).

Из тюркского диалекта, в котором редуцируется начальный губной согласный. Например, тур. *ol* – «будь», соотв. каз. *bol* – «будь» или тур. *ben* – «я» > венг. *en* – «я», в то время как в остальных тюркских *men*, *min* – «я», и в остальных угро-финских *tene*, *min* – «я». (Губной *m* лучше сохраняется в анлауте.)

...В языке смешанных кипчако-огузских обществ используются обе формы имени, и каждая обретает новые семантические оттенки: **-ta* (*ba*, *pa*) – обозначает «результат действия», **-ik/ъk* – «орудие действия». Этот этап хорошо прослеживается в казахском языке: *□az* – «копай»; *kaz□k* – «кол», *kazba* – «копь, яма».

Первым орудием копания был острый сук > кол. (Ср., рус. *копать*, *копь*, *копье*.) Это эпоха тычкового земледелия. С того времени в литовском осталось: *kās* – «копай», *kašyba* – «копь», «яма», «шахта»... [Интересно, что Словари связывают славянские *чесать*, *чеши* непосредственно с основой лит. *kas* – «рыть», «копать» и *kasu* – «чеши», *kāso* – «чешет» (Ф., IV, 349). И фонетически, и морфологически литовские примеры соотносимы, скорее, с тюркскими *kaz* – «копай», *kasu* – «чеши». А славянская основа напоминает развитие тюркского глагола *kes* – «режь». Редактор О.Трубачев добавляет к статье «Чесать» хетт. *kišša* – «чесать» (там же), напомнившее мне *kyšy* – «чешишь», *kyšy* – «чесаться» (каз. и др.). Собирается гнездо слов с общей консонантной основой **k-s* (*k-š*). В следующих главах, где мы будем рассматривать некоторые иероглифы, попавшие в алфавиты, зайдет речь о знаке *X ikis*, *ekis* – «двойня», «близнецы» (тюрк.). Возможно, этим графическим символом выражались понятия «чесать», «резать». А потом, в отрыве от знака и – «копать».]

По этим приметам, число которых можно значительно увеличить при массированном, коллективном поиске, мы восстановим память о временах и маршрутах, по которым проходила история тюркских народов – культурно весьма активных в Древнем мире. И отражения этой активности сохранились в языках – несгораемом, нестареющем архиве документов, удостоверяющих личность и возраст, и другие характеристики народа. Такие, как право на историю.

Часть II.

Тюркская руника и др.

Где прародина тюрков?

Ответ на этот вопрос должен был появиться в четвертом томе «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (СИГТЯ), М., «Наука», 2001 г. Том целиком посвящен лексике; она рассмотрена с этимологическим уклоном. «Семантическая и формальная реконструкции должны служить источником получения информации для выводов о процессах формирования и изменения не только древней, но и доисторической культуры тюрков». (Из Предисловия)

Еще не обнаружены письменные свидетельства об адресной прадревности тюрков. Где они появились и проявили себя как самостоятельная этническая общность со своим языком, верованиями, материальной культурой? Археологический материал, найденный на территориях нынешнего расселения, мало что может сказать: он молчит. Остается единственный документ, который может подтвердить или опровергнуть построения, вычисленные или вымышленные за десятилетия развития тюркологии. Это – устное слово. В «АЗиЯ» предлагалось обратиться к Словарям как к самым объективным и полным архивам исторической информации. В дошедших до нас письменных источниках история отражается, увы, пунктирно, обрывочно и по-авторски субъективно. Сведения искажены мировоззрением информатора – адепта той или иной религии, и, главное, ограничены естественной неполнотой знания предмета. Но слово – вот чип, в котором закодировано прошлое человечества. Маршруты переселений, места обитания, философии, верования, мудрость гениальных интерпретаторов Знака или недалекость воображения жрецов-толкователей. Особенную нужду в археологическом прочтении данных лексем должны испытывать историки народов, чье прошлое почти не документировано. Да и у «исторических» греков и римлян письменная история еле, ощупью достигает глубин не более двух с половиной тысячелетий. А это только поверхностный слой, корка выветривания. До материковых пород истории и доистории еще бурить и бурить.

В 80-х лингвисты, наконец, начали всерьез приглядываться к слову как к источнику исторических знаний. Но требуется выработать подход к этому богатому архиву, выработать археологию языка, чтобы слово заговорило с исследователем, ответило на его вопросы.

Вот какие задачи взялась решать современная лингвистика. И, в частности, рассматриваемый труд – СИГТЯ. Авторам важно было определить, какие разряды лексики могли сформироваться в тюркском

празыке, дата рождения которого в науке давно считается установленной – начальные века н.э.

Еще в 1964 г. Вяч.Всев.Иванов в первой нашей встрече, выражая мнение науки того времени, называл предельный возраст слова – две тысячи лет. В «АЗиЯ» описан тот наш разговор⁵³. За четверть века заметно изменилось отношение к возрасту слова. Слову подправили метрику: добавили еще пару тысячелетий. Но для начала – только индоевропейскому слову. Для тюркского все временные нормы остались прежними.

Авторы (сотрудники сектора тюркологии института языкознания Российской Академии наук) восстановили праформы 1 тысячи слов пратюркского языка, охватывающих все важнейшие стороны жизни и хозяйства пратюрков и окружающей их природы. Словарный состав размещен в книге в виде нескольких лексическо-семантических групп – 1. Метеорология (атмосферные явления, осадки). 2. Небесные тела и небесная сфера. 3. Время, сезоны. 4. Ландшафт. 5. Растительный мир. 6. Животный мир. 7. Человек. 8. Материальная культура и др.

Обращает на себя внимание отсутствие в предполагаемом составе праязыка такого раздела как Духовная культура (темы – «верования», «знание», «письмо», «читать», «считать» и т.д.). Замечу сразу, что лексика, выражающая эти понятия, авторами приводится, но отнесена к словарю поздних тюрков. Иными словами, в начале новой эры тюрки не умели ни писать, ни считать, не верили ни в Луну, ни в Солнце, ни в другие божественные стихии. Что вызывает желание поспорить: если язык прачеловека состоял хотя бы из десяти слов, то одно из них было названием божества. Исследователи первобытных, примитивных культур отмечают эту универсалию, которую можно распространить и на реконструируемую культуру пратюрков.

Считается, что, восстановив первичный словарь, в котором отразились рельефы, фауна и флора места обитания, можно установить координаты региона, в котором произошли пратюрки.

Идея не нова. Первыми ее попробовали реализовать Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. в двухтомнике «Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры», Тбилиси, 1984 г. Авторы попытались доказать таким способом, что прародиной индоевропейцев была Малая Азия, и произошли они там во втором тысячелетии до рождения Христа. С тех пор и сохраняются индоевропейские языки.

О том, что индоевропейцы жили в Малой Азии во II тысячелетии до н.э., мир узнал и без того, после дешифровки и

⁵³ «АЗиЯ», Алма-Ата, 1975, стр.

датировки хеттских, лувийских письменных источников. Авторы Двухтомника пытались, таким образом, укоренить хеттов, сделать их автохтонами, а их язык приблизить к праиндоевропейскому. Малая Азия и вправду могла быть одной из промежуточных прародин многих этносов, в том числе и индоевропейских. Но следы, оставленные индоевропейцами в языках и письменностях в различных регионах Евразии могут свидетельствовать, что у индоевропейцев было несколько «прародин». Этносы не сидели на месте. Народы перемещались на гигантские расстояния, останавливаясь в разных точках на несколько лет или на несколько веков, а то и тысячелетий. И всюду – оставляли следы своего пребывания. Действительно, только лингвисты, археологи, культурологи, палеографы способны отыскать и исследовать эти самые следы.

Мешают догмы, укоренившиеся в фундаменте современного языкознания. Рассматриваемая монография, увы, очередное тому подтверждение. Нужнейшая и новейшая по срокам работа развивает тюркологию лишь количественно. Хотя и это в наше время вызывает уважение. Появление СИГТЯ свидетельствует – сектор тюркологии жив и продолжает работать. Тираж (500 экз.) говорит об уровне востребованности тюркского языкознания в России и странах СНГ. О том, какими темпами развивалось оно в новое время, видно даже по списку использованной авторами литературы. Список почти в полсотню страниц, около тысячи названий. Солидная перелопачена библиотека – 1000 книг ради 1000 слов. Нашел в списке только два названия работ, завершенных после 1991 года.

И другое поразило меня – казахский язык, оказывается, давно был напрочь исключен из поля внимания центра тюркологии. Теорией казахского языка там практически никто не занимался: в список не попала ни одна работа такого плана. Упомянута только книга С.Аманжолова о вопросах диалектологии (1959 г.) и несколько словарей. Хотя у нас в Казахстане до распада исправно работали свой институт языкознания и ряд кафедр при университетах; докторов и академиков немало напекли, но создать нечто, привлечшее внимание теоретиков языка, они не сумели. А мы еще удивляемся – почему в тюркологии упорно не замечают роли *au*-фактора в истории тюркских языков? Потому что казахские лингвисты сами это проглядели, да и воспитывались они по тем же учебникам, проповедующим мысль, что нормы лексики орхон-енисейских памятников, в силу своей письменной древности, ближе к праязыковым, чем кипчакские.

В рассматриваемой коллективной монографии праформы реконструировались в полном соответствии с господствующей теорией – в составе реконструированного пратюркского лексикона не оказалось ни одной лексемы, содержащей дифтонг *ai*.

II

В заключительной главе «О прародине, древнейших миграциях и контактах пратюрков»⁵⁴ подводится итог: *«Итак, этнос-носитель пратюркского языка периода распада обитал в регионе, с одной стороны достаточно гористом (ср. изобилие терминов для различных частей горы, специальные слова со значениями «переваливать через горы», «северный/южный склон»), с другой стороны содержащем и степные ландшафты; среди растений и животных, с которыми сталкивались пратюрки, встречались и виды, характерные для южной тайги, и типичные степные (ковыль, дрофа). Все это и указанные выше особенности пратюркской культуры периода распада общности по языковым данным явно согласовались бы с помещением прародины тюрков в южную, таежно-степную часть Саяно-Алтая. Это не противоречит мнению историков о древнейшем местонахождении тюрков».*

Горно-степные ландшафты, названная фауна и флора характерны не только для Саяно-Алтайского региона, но и для Кавказа (Краснодарский край, например), и для Средней, и для Малой Азии. Даже для некоторых районов Африки, Америки и Австралии.

Другими словами – опираясь на такие основания, пратюрков можно разместить в любом регионе земного шара. Что – отчасти и правильно: тюрки за многотысячелетнюю историю (а не полутора тысячелетнюю, как принято считать), вероятно, побывали на всех обитаемых континентах. Методологически точнее поступили Гамкрелидзе-Иванов, которые проблему определения индоевропейской прародины сопрягли с определением маршрутов миграции индоевропейских племен, основывая свои предположения на результатах сравнения индоевропейской лексики с ареальными – с древнесемитской, даже с шумерской.

Тюркологи этого не сделали. Убежденные историками заранее, что тюрки произошли в Саяно-Алтайском регионе, они, как им кажется, обосновали это утверждение лингвистически. А надо было, на мой взгляд, при составлении состава пралексикона учесть и те старейшие термины, что были образованы тюрками, частично вышли из употребления в самих тюркских языках, однако сохранились в индоевропейских, семитских, угро-финских...

Морфологические схемы, по которым создавались эти слова, действуют, грамматические средства узнаваемы и не забыты в современных тюркских. Работа по собиранию этих слов – бесценных документов прошлого – требует и авторски-индивидуального, и

⁵⁴ Указ.соч., стр.732.

системно-академического подхода. Включения темы в постоянные планы деятельности научных учреждений.

Тогда в следующих изданиях состава праформ мы обязательно увидим в разделе «Земледелие. Деревья. Растения» и многочисленные производные от глагола **ös* – «расти» – оставленные в славянских *осина*, *осика*, *ясень*, *осень*, *весна*, в германских *ospa*, *espa*, и в древнеегипетском – *Osiris*.

Увидим названия увядшей травы – *solma*, обошедшее весь Древний Мир. И многое другое.

...До сего дня излагаемая история тюрков такова: в начале нашей эры они породились в Саяно-Алтайском регионе; в течение двух-трех веков создали великолепный, грамматически совершенный язык, способный передавать и тончайшие поэтические оттенки смысла, и монументальные эпические картины, выработали уникальную письменность, создали империю (каганат) и устремились на запад, дабы, покорив пространства до Балкан и Средиземного моря, расселиться на этих просторах, чтобы никогда более не вернуться в пустыню Гоби, которую заняли невесть откуда взявшиеся монголы.

В сущности, за историю тюрков принимается верхний пласт времени, последний этап их биографии, когда они двинулись с Востока на Закат, а, как, и когда, и откуда пришли она на Восток? – такой вопрос еще в науке не поднимался.

Но тюркский лексический материал, если его изучать в сопоставлении с лексикой других языков Евразии, говорит о том, что тюрки пришли в Алтае-Саянский регион, в монгольские степи (возможно, действительно в первые века новой эры), уже имея за плечами многовековую историю, включающую и опыт государственности. Шли они с запада веками, через Среднюю Азию и Алтай. Но и это был всего лишь один отрезок одного из нескольких исторических маршрутов прототюрков. До монгольских степей дошла часть, в основном, огузских и карлукских родов. Распад пратюркской общности произошел не в III в. н.э., а, пожалуй, несколько тысячелетий назад: в шумерском языке уже встречаются тюркизмы, образованные в огузской языковой среде и в кипчакской.

История тюрков, изложенная в главе «О прародине, древнейших миграциях и контактах пратюрков» занимает всего две страницы (с 732 по 734).

Когда-нибудь она заполнит тома и не вместится в них. Потому что показалась она нам только самой верхушечной частью. Кончик мачты затонувшего корабля, до того – избородившего воды всех океанов.

Как уже говорилось, авторы пионерского двухтомника «Индоевропейский язык и индоевропейцы» о миграции индоевропейских племен судят по миграции слов. Я выбираю из их примеров один, самый подходящий названию нашей главки: хетт. *ištam-ana* – «ухо», *ištam-aš* – «слышать», *ištama-hura* – «серьга», «ушная подвеска». (В этих словах отчетливо выделяется основа **ištama* или *ištam* – предполагаю, со значением – «слухо».)

Гамкрелидзе-Иванов не восстанавливают семантику основы, но сразу переходят к возможным связям: «Сама хеттская основа *ištam* – может быть связана с семит. **s-m-*, которое, возможно, представлена и в картвельском **sm* – «слышать»: груз. *e-sm-i-s* – «слышит», мегр. *sim-i-in-u-a*, лаз. *isi-min-s* – «слушает». Наиболее близок к хеттскому консонантизм сванского *šdim* – «ухо»⁵⁵.

Шумеролог мог бы вступить в этот разговор, подключив позднешумерское *geštu(q)* – «ухо»⁵⁶, в котором явственно слышится **eštuk*, отличающийся от хеттского весьма характерно⁵⁷.

[Так отличается шум. *uruk* – «город» от лат. *urba* – «город». Или слав. *volk* от лат. *vulpa* – «лиса», *lupa* – «волчица».]

Тюрколог должен здесь заподозрить образование отглагольных имен по огузо-карлукской схеме [«императив + ък/ик = существительное»] и кипчакской [«императив + ма(-м, ра, ба) = существительное»].

Он обязан проверить на этот счет основу *ešt-*, *išt-*, потому что четыре десятка тюркских языков предоставляют возможность установить, какой из диалектов мог применить кипчакскую схему, отразившуюся в хеттской основе, и какой – огузо-карлукскую, представленную в шумерском термине. Сравните: *ešit* – «слушай» (турк., аз., ктат., кар., кум., кбал., уз., др.-тюр. и др.), *esit* – то же (каз., ног., ккал.), *išit* (тур., гаг., уйг.), *ešid* (др.-тюр.). Увидев в исходе древнетюркского слова звонкий зубной, Г.Рамстедт возводил аффикс – (i)t к (i)d. Магия датированной древности и здесь сказалась.

Э.Севортян: «Ешит-, ишит- и т.д. понудительная форма от глагола еш-, иш- – «слышать», как это уже выяснил В.Банг, и к тому

⁵⁵ Указ. соч., II, стр.897.

⁵⁶ Слово привожу из книги И.М.Дьяконова «Языки Древней Передней Азии» (гл. II «Шумерский язык», стр.55). М., 1967 г.

⁵⁷ Слово явно не шумерского происхождения, позднее заимствование: старо-шумерское или даже древнее заимствование успело бы подвергнуться действию шумерской гармонии гласных и превратиться в **geste(g)*.

же заключению пришел А. Заюнчковский... Из сравнения *ешит-*, *ишит-* с *еш-*, *иш-* видно, что значения *ешит-* и *иш-* проч., в сущности, повторяют и отчасти дополняют значения *еш-*, *иш-*»⁵⁸.

Думается, здесь мы имеем случай встречи ранних безаффиксных форм (глаголо-имя) с позднейшими суффиксальными, которые на первых порах тоже функционировали в глагольном и именном значениях. Поэтому вторичные глаголы **eš-ti > eš-t* – «слушай» выступали наряду с прежней *eš* – 1) «осознание, сознание», 2) «слушай, внимай, осознавай».

Вторичное имя существительное могло быть в виде **ešt-ik / ešt-mā ; ešt-m* или в виде *eš-ik / eš-mā ; eš-m*.

Праторкские диалекты создали эти формы в Древней Передней Азии (ДПА) и в Древней Малой Азии (ДМА) не позже конца III начала II тысячелетия до н.э.

Даже сегодня, если произнести *eštuk* или *ešluk*, любой тюрколог поймет общий смысл этих слов – «то, что слышит». А те, кто знает о чередовании кипчакских формантов, начинающихся с *(t)d* и огузо-карлукских – *l*, увидит равенство форм *eštuk* и *ešluk*, что представит интерес для славистов, которые до сих пор ищут источник славянского слух – основы глагола *слухати*, *слушати*. Чередование согласных типа «сатем-кентум» протягивает линии связи к д.-в.-н. *hlōsēn* – «слушать», др.-сакс. *hlust* – «слух, ухо, слушанье», лит. *klausu* – «слух». Первоиероглиф, который назывался этим словом, мог толковаться и как «закрытое ухо», о чем свидетельствует лит. *klusas* – «глуховатый» и славянская основа *глух*, *глуш-*. Последней ступенью фонетического развития консонантной основы можно считать **klk* – закрепившуюся в неэтимологизирующемся слове *kulak* – «ухо», вытеснившим из праторкских диалектов прежний термин слишком понятного построения. Слово не должно этимологизироваться говорящим – этому главному требованию и отвечает *kulak*, как в шумерском языке *geštuk* – «ухо», как в хеттском *ištama* – «слух», как в сванском *šdim* – «ухо» и т.д. Поэтому каждый язык заинтересован в заимствованиях и замене своих образований на чужие. Но в список тюркских праформ не попали ни огузо-карлукское **eštuk*, ни кипчакские **eštmā*, **eštim*, чье существование авторитетно подтверждается глинописными источниками. Их место занимает исторически последнее название этого органа, да и то в искаженной самой поздней форме **kuglak*: во всех тюркских *kulak*, и только в письменном др.-уйгурском (XI века) – *kuglak*. Этого оказалось достаточно для обоснования «праформы».

⁵⁸ Э.Севортян «Этимологический словарь тюркских языков», М., «Наука», 1974, стр.319.

Содержания и «внешности» большинства «праформ» мотивированы столь же неуверенно⁵⁹.

Выносить мнение об истинности реконструкции можно только в результате этимологического анализа. Но этимология, к сожалению, самая слабая область языкознания. На песке гадательных этимологий бесполезно пытаться выстроить здание истории и доистории тюркского этноса. Сначала надо усовершенствовать метод этимологии: культ фонетических соответствий должен уступить приоритетность системе морфологических соответствий. Для начала тюркологам следовало бы собрать первую тысячу пар отглагольных имен существительных в тюркских словарях и обнаружить их следы в ископаемых и живых языках Евразии: «глагол + *ik*», «глагол + *ma* (*ba*, *pa*)»⁶⁰.

Знание тюркской лексики и механизмов словообразования уже сегодня понадобится индоевропейцам, семитологам, шумерологам, египтологам, чтобы разобраться в языках своего ведения. Но они об этом еще не ведают, и тюркологи не помогают им узнать.

В этимологии никакие аргументы и доводы не могут быть важнее лингвистических. Если анализ показывает, что римское слово или шумерское, африканское или даже ацтекское имеет тюркскую морфологию и содержит тюркские грамматические средства, никакие «соображения» не должны перевесить результаты этимологии. А уже на этих, полученных данных, подтвержденных количественно, и следует выстраивать эти самые «историко-культурные соображения».

Писали или не писали пратюрки?

I

Как уже говорилось, термины культуры в число праформ авторами «Сравнительной грамматики» не включены. Они отнесены к лексикону «поздних тюрков», которые, следовательно, обрели эти понятия «в период, непосредственно предшествующий распаду пратюркской общности», т.е. в III в н.э.⁶¹. А до этого, оказывается, ни *bilig* – «знание» не было, ибо самого понятия не должно было еще существовать. Ни тем более **biti* – «писать».

⁵⁹ Тюркск. *kulak* (*klk*) соотносится со слав. (*slh*) – *sluh*, **sulh*, как тюр. *kyryk* (*krk*) – «40» и слав. (*srk*) – *sorok*, *srak*, *srok*, **sork*, или тюр. *karka* (*krk*) – «ворона» и сл. (*srk*) – *soroka*, *sraka*, *sroka*, **sorka*.

⁶⁰ Эту «диссертательную» тему могли бы разработать казахстанские лингвисты.

⁶¹ Указ.соч., стр.724-732.

II

Мы говорили выше о том, что хорошо бы собрать словарь пар – отглагольных существительных, образованных по двум древнейшим тюркским морфологическим схемам. Тогда рядом с огузо-карлукским производением *bilig* (*bilik*) – «знание» должно было бы стоять и кипчакское **bilme* (*bilim*) – «знание». Эта форма в ДТС («Древнетюркском словаре») не представлена. Встречается только в кипчакских языках. Если имена от глагола *bil* – «знай» произошли в эпоху «поздних тюрков», то, конечно, не имеет смысла сравнивать имя героя шумерского эпоса *Bilga-meš* («Всезнающий-герой») с титульными именами тюркского каганата. *Bilgä-kagan* – «Всезнающий каган» (так звали старшего брата Куль-тегина), *Bilgä(n)* – «всезнающий», «мудрый» в качестве титульного имени выступает часто в древнетюркских источниках: *Bilgä-beg*, *bilgä-xan*, *bilgä taluj* и т.д. (ДТС, стр.99). Я уже показывал как в древнесемитской (аккадской) передаче изменилось имя шумерского героя. Оно превратилось в *Gilgameš*, но сохранило лексическое значение («Всезнающий герой»). Можно найти и другие примеры характерного преобразования начала слов в результате редукции звонкого губного согласного. [Одним из древнейших культурных центров Финикии был город *Bublos* (в др.-греч. так называли папирус. В средне-греч. *biblos* – «папирус»). Через этот торговый пункт ввозили папирус из Египта. Древнесемитское название города было *Gubla* (ныне – Джубель)].

Именно кипчакская форма *bilim* попала в др.-семитский в виде *'ilim* – «знание» и через тысячелетия слово вернулось в тюркские языки вместе с исламом как *gulyt* – «знание», *galym* – «знающий», «ученый». Так узнается происхождение древнесемитского консонантного корня *'l-m*, не поддававшегося этимологии.

III

Вопрос, вынесенный в заголовок этой подглавки, можно сформулировать еще более конкретно, но парадоксально: писали ли тюрки до III-VIII в.в. нашей эры, то есть – до официальных дат возникновения тюркского этноса и рунического письма? Ответ можно получить и по результатам этимологического анализа терминов письма.

Справедливо считается, что основные термины письма появляются в языке, как правило, в двух случаях: 1) вырабатываются авторски в той языковой среде, где и зародилась определенная система письма; 2) заимствуется из языка народа, у которого перенято письмо.

Письмо теснейшим образом связано с религией. Буква – священный знак: ему доверены откровения бога. «Представления о божественном происхождении письма засвидетельствовано

повсеместно, как в древности, так и в наше время, как среди цивилизованных, так и примитивных народов. – начинает И.Е.Гельб главу «Письмо и религия», – Оно связано главным образом с широко распространенной верой в магическую силу письма. Повсюду как на Востоке, так и на Западе введение письма приписывается божеству. У вавилонян письмо изобрел бог Набу. Египтяне верили, что изобретателем письма был бог Тот. И письмо свое они называли *t-d-w-h s-r* – «язык богов»... По исламской традиции сам бог был создателем письма. С точки зрения индусов им был Брахма; считалось, что именно он дал людям знание букв. Скандинавская сага приписывает изобретение рун Одину, а в ирландских легендах изобретателем письма является Огме. Продолжить этот перечень не составило бы труда»⁶². И новые учения были сопряжены с книгой, с письменным знаком. (Библия и Коран становились первыми учебниками религии и письма для многих народов.) Приняв ислам, турки приняли и арабскую графику и некоторые термины письма. Но основные – «писать», «читать», «учить», «считать», «знание» – остались от прежних доисламских времен и несли на себе ясную печать тюркского словообразования. Это должно было вызывать вопросы у тех, кто полагал, что до мусульманизации, которая произошла в средние века, турки письма не знали. А так думали не отдельные историки, а все. До 25 ноября 1893 года, когда Вильгельм Томсен прочел первую эпитафическую надпись, оставленную тюрками в VIII веке на каменной стеле близ монгольской реки Орхон.

Открытие, надо сказать, не сильно поколебало утвердившееся в мировой науке мнение о природной бесписьменности тюркской культуры – в основном кочевой и варварской. Если до арабского алфавита у тюрков появлялось какое-то письмо, значит, оно было заимствовано у кого-то из соседей. Скорее всего, вместе с религией, что закономерно. Ближайший сосед – Китай. Но там – иероглифическое письмо и буддизм. Турки не приняли эту веру, да и систему письма. Часть древних тюрков – уйгуры в VIII-IX в.в. восприняли манихейство от согдийцев (среднеазиатских персов), а вместе с новой религией и – согдийское курсивное письмо, которым исполнены были священные книги Мани. Древнесуйгурская письменность, безусловно, имеет согдийские корни. Другой буквенной системы кроме согдийской рядом с орхоно-алтайским регионом не оказалось, и естественно было предположить, что и руническое письмо древних тюрков – является модифицированным вариантом согдийского. Эта версия появилась в начале XX века и окрепла до состояния теории к началу XXI. Окрепла

⁶² И.Е.Гельб «Опыт изучения письма» (Основы грамматики), М., 1982 (перев. в англ. издания 1963 г.), стр.219-220.

от частого повторения, хотя ни одного нового аргумента в свое подтверждение не получила. В ее основе все те же: а) тюрки не могли сами изобрести свой алфавит; б) ближайшее (территориально) буквенное письмо было в те времена лишь согдийское; в) согдийские купцы и миссионеры бывали в тюркских городах. Уйгуры приняли манихейство и согдийское письмо.

Хотя уйгуры – это не все тюрки: в составе последних были и другие крупные этносы – огузы, карлуки, булгары, кипчаки...

Несколько других возражений мешают согласиться с принятой теорией:

- 1) В орхоно-енисейских рунических текстах нет ни намека на манихейство или буддизм. Тенгрианство с первого и до последнего памятника. Символично, что первым словом, прочтенным Томсеном было – *tängri* – «бог», «небо». С него и началась дешифровка всей письменности.
- 2) Согдийское письмо курсивное. Линейное способно в скорописи превратиться в курсивное. Но нет примеров в истории письменности, доказывающих обратное. Говорить, что согдийская графика могла преобразоваться в остроугольную, линейную, все равно, что допустить версию происхождения финикийского или латинского алфавитов от арабской курсивной вязи.
- 3) Термины письма в тюркских языках не иранского происхождения. Если бы тюрки впервые узнали письмо, благодаря согдийцам, то надо полагать хотя бы одно слово со значением «письмо», «надпись», «буква», «грамота», «орудие письма», «материал письма» - пришло бы из иранского языка, каковым и являлся согдийский. А если бы согдийцы в действительности были учителями древних тюрков, такое, несомненно, произошло бы. Но ведь не произошло. Скорее наоборот, некоторые тюркские термины этой тематики обнаруживаем в согдийском и других иранских языках.

Все три Замечания способны посеять сомнения в серьезности академической версии-теории. Первое не нуждается в дальнейшей разработке. Два других дают повод для подробных исследований.

Но и до них, априори, основываясь только на этих Замечаниях, можно допустить, что древние тюрки, если и заимствовали ряд букв алфавита, то не у согдийцев, а из письменности, где буквы имели не курсивные (округлые), а линейные, угловатые формы. А таковыми были в Передней Азии I тысячелетия до н.э. (финикийское и арамейское) и в

Древней Скандинавии (руническое письмо, датировка которого гадательна и колеблется в широком диапазоне – от середины I тысячелетия до н.э. до конца I тысячелетия н.э.). Но утверждать, что от кого-то из этих народов тюрки впервые узнали о письме, также нельзя, хотя число Замечаний к любой из новых двух возможных версий сократится по сравнению с предыдущей до двух:

- 1) В текстах Орхоно-Енисея не имеется признаков совмещения тенгрианства с верованиями финикийцев, арамейцев и древних скандинавов.
- 2) И термины письма др.-тюрков не имеют никаких совпадений с древнесемитскими и древнегерманскими материалами.

Формы и значения многих букв тюркского алфавита поддаются сравнению с раннеарамейскими (VII в. до н.э.), финикийскими (в меньшей степени) и др.-скандинавскими (еще меньше). Но доказать правомочность сопоставлений с арамейскими знаками можно, только преодолев сопротивление таких факторов как Пространство (расстояния от монгольского Орхона до Передней Азии) и Время (если тюрки заимствовали алфавит у арамейцев, то где доказательства, что они друг с другом вообще когда-нибудь встречались!..).

При обсуждении и этих Замечаний решающее значение должны иметь результаты лингвистического и графологического анализов, а «историко-культурные соображения» – лишь совещательный голос, ибо в них все сильнее ощущается привкус политики.

Политика и про-, и контр-тюркская в равной степени мешает восстановлению истинного знания о происхождении пратюркской письменности.

Таким образом, стоит начать с выяснения генезиса терминов письма и, в первую очередь, основы глагола со значением «писать». И по результатам станет ясно не только, с кем культурно общались прототюрки, но и где, и как давно. А так же, куда следует относить основу и производные от нее термины – к праязыку или к лексикону «поздних тюрков».

Только после такой работы следует приступать к грамматологическому анализу и сопоставлению букв тюркского алфавита с другими.

Глиняные книги

Я причисляю себя к тюркославистам: привык любую тюркскую этимологию сопрягать со славянской и наоборот. Результаты сотен этимологий, проделанных за несколько десятилетий, убедили меня в

том, что пратюрки и праславяне культурно взаимодействовали даже более интенсивно, чем древние тюрки с древними славянами. Не в пример сотрудничеству в новейшей истории.

Лишь теперь мы приступаем к анализу лексем самого последнего абзаца списка тюркизмов из письма к И.Р. Каждое из них достойно отдельной статьи, но есть группа терминов, которые можно рассмотреть вместе. Это – *письмо (пиши), кирпич и грязь*.

В «АЗиЯ» и в «Языке письма» я, заявляя свои этимологии, почти не приводил «историю вопроса», полагая, что подготовленный (благонамеренный) читатель имеет возможность сам сравнить мои предложения с существующими в «Этимологических словарях». Теперь, учтя читательскую реакцию, принимаясь за рассмотрение любого слова, стараюсь сослаться на опыт предшественников. Облегчаю свою задачу только тем, что не цитирую все имеющиеся «Этимологические словари» славянских языков, но лишь – Макса Фасмера как наиболее полный и объективный.

Итак: «*Письмо*. Множ. *письма*, укр. *письмо*, блр. *пісьмо*, болг. *писмо* (Младенов, 424), серб.-хорв. *писмо*, словен. *pismo*, чеш.слвц. *pisto*, пол. *pismo*, ст.-слав. *писмя*, мн. *писмене*. От *писать*. Обычно сближают с лит. *piešimas* – «рисование, мазня»; см. Зубатый. *Sb.filol.* 2, 86; Буга, РФВ 73, 335. Траутман В. *SW 211*» (Ф. III, 268). Не объясняется морфологическое развитие от *писать* > *письмо*.

Морфологический тип последнего близок к тому, что представлен в словах *ведьма, весьма, кошма, косма, уйма, тесьма, тюрма, крома, дума*: «императив + ма (ба, па) = существительное».

Как прописана в Словарях история основы глагола *писать*?

«*Писать, пишу, пишешь*, укр. *писати*, бр. *piśaćь*, др.-рус. *писати*, ст.-слав. *п̑сати*, *пишу*,... болг. *пиша*..., серб.-хорв. *писати*, *пишем*, словен. *pisati*, *pišet*, чеш. *psáti*, *piši*, слвц. *pisat'*, польск., в.-луж. *pisać*, н.-луж. *pisaš*. Родственно *пестрый*; сравните также *пёс*. Далее сюда же относятся лит. *piešiu*, *piešti* – «рисовать», «чертить (углем)», *raišuti*, *raišau* – «чертить, рисовать, набрасывать», *piešos*, *raišos* – «сажа», др.-прус. *peisāi* – «они пишут», *peisaton* – «написанное», др.-инд. *pitṣátī* – «украшает, придает образ, выкраивает», *pṛ̥ṣas* – «вид, форма, цвет», авест. *paēsa* – «украшение», др.-перс. *ni-pišta* – «записанное», авест. *frapixšta* – «украшенное», тохар. В *pinkam* – «пишет», греч. *ποιχίλος* – «пестрый», др.-в.-н. *feh* – то же, гот. *filu-faihs* – «весьма многообразный», а также лат. *pingo*, -ere – «рисовать, вязать излой» (Траутман... Буга... Вальде-Гофм... Мейе-Эрну... Мейе..., Мейе-Вайан...).» (Ф. III, 266).

Словарь отсылает к *пестрый* и к *пёс*, полагая, что «фонетически наиболее безукоризненно сравнение с др.-инд. *roṣaṅgas* -

«рыжеватый», *piças* – «лать» и со слав. **pъstrъ* (см. *пестрый*), *авест. raēsa* – «прокаженный» (первонач. «пятнистый»)) (Ф. III, 248).

Этимология окончательно запутывается в дебрях «фонетических сравнений». Может быть, анализ слова *пестрый* все поставит на свои места?

«*Пестрый*, *пестр*, *пестра́*, *пестро́*, так же *пстрó*, укр. *пістрий*, диал. др.-рус. *цслав. пьстръ*, болг. *пъстър*, словен. *p□st□r*, др.-чеш. *pestr*, *pstry*, чеш. *слав. pestry*, пол. *pstry*... Связано чередованием корневого гласного с *писа́ть*; ср. ст.-слав. *пъсати*. Родственно лит. *raišas* – «пятно от сажки», греч. *ποιχίλος* – «пестрый», др.-инд. *récas* – «форма, вид, цвет», *авест. raēsa* – то же, д.-в.-н. *feh* – «пестрый». См. Уланбек, Гофман, Траутман...» (Ф., III, 25).

Круг замкнулся. Ясно одно, что Словари связывают воедино *письмо-писать* и *пестрый*, полагая, что эти слова-понятия выросли из значения – «пятно», «пятнистость», «делать пятна» > «мазать» > «рисовать», «писать».

Мне кажется, если все эти слова и имеют родственные отношения, то весьма отдаленные, напрямую не относящиеся к рассматриваемому предмету.

II

Попытаемся и мы собрать этимологический ряд, в коем славянская основа **pith* – займет свое место и фонетически и семантически ей соответствующее.

Основоположник грамматики (науки о письменностях) И.Е.Гельб подсказывает нам подход – начинать надо с определения, какого рода действие (рисование краской, вырезание, выцарапывание и т.д.) предпринималось при писании. Обычно название такого действия и является основой глагола со значением «писать»: «*Письменные знаки – результат двигательных действий руки, которая либо чертит, либо рисует кистью, либо выцарапывает, либо вырезает. Это нашло отражение в значении и этимологии слова «писать» во многих языках мира. Английское слово to write – «писать» соответствует древнескандинавскому rita – «вырезать (руны)» и современному немецкому reissen, einritzen – «разрывать, вырезать, выцарапывать». Греческое слово grafo – «писать» значит также «высекать»... Латинское scribere, нем. schreiben, англ. scribe, inscribe и т.п. первоначально значили «вырезать»... Готское mēljan – «писать» первоначально значило «рисовать кистью», что видно из того, что современное нем. слово malen значит «рисовать кистью». И, наконец,*

славянское *писати* – «писать» тоже первоначально было связано с рисованием кистью. Ср. русское *живопись*.⁶³

С последним из примеров Гельба можно поспорить. Славянское *писати*, вероятно, в самой поздней стадии семантического развития обрело значение «изображать красками» – «писать картину». Но начальный процесс письма был, наверное, связан не с кистью, не с пером, но с другим орудием. Предположение приводит нас к древнеиндийскому *piç* – «вырезать», «высекать», «украшать», «украшение», «орнамент». Есть и более конкретный, возможно, первичный смысл – «заготавливать мясо», «резать скот», откуда *piçita* – «разрезанное мясо». (Из другого диалекта поступили в санскритский словарь слова с иной огласовкой: *peçi* – «кусочек мяса», *peça* – «украшение, орнамент»⁶⁴.)

В др.-индийском слове опущено значение («писать»), вероятно, потому что его приняла на себя другая лексема, пришедшая в язык во второй половине I тысячелетия до н.э., когда арамейское письмо, распространяясь в древнеиранских культурах, достигает Индии. Тогда наименование первой буквы арамейского алфавита '*alef* ('*alif*), видимо, и становилось словом с обобщающим смыслом – «буква», «письменность».

(Не так ли, начиная с VII в. н.э. арабская '*alif* в языках исламизированных тюрок стало словом *ârip* – «буква»?)

Записанное консонантным способом финикийское '*l'f* ('*rf*) в греческих диалектах, вероятно, прочли *-glif* – «письмена» (иероглиф, петроглиф) и *-graf* – ставшее основой лексем *grafo* – «писать», *grafika* – «надпись», и несомненно родственных *gramma* – «буква», *grammata* – «письмо».

Возможно, рядом следует искать генезис основы **-krip* – участвующей в лат. *scripo* – «писать», *scriptum* – «писание».

В ту же эпоху, думается, появилась и в санскрите: *lipi* – 1) «алфавит», 2) «писание», 3) «буква», 4) «окраска», 5) «намазывание», 5) «пачканье, загрязнение», *limpi* – «письменность».

Персицко-арамейское письмо чернилами (красками) пришло на смену каменному письму (резцом) и основа *piç* теряет свое второе значение, которое переходит к слову, заимствованному из арамейского. Отсюда следует, что *piç* – 1) «вырезай», 2) «*пишию» – в др.-инд. существовало еще до середины I тысячелетия до н.э., т.е. до

⁶³ И.Е.Гельб «Опыт изучения письма» (основы грамматики). Перевод с англ. М., 1982, стр.18.

⁶⁴ «Санскритско-русский словарь». М., 1978, стр.394. Буква ç передает глухой шипящий. Эти основы в кириллической транскрипции выглядят – *пиш-*, *пеш-*...

распространения проарамейской буквенной письменности в индо-иранском мире⁶⁵.

III

Если допустить, что основа славянского глагола *piš-i* – «пиши», родственна др.-инд. *piç* – «режь, вырезай» (в более понятной латинской записи – *piš*), то следует признать, что славянское слово утратило значение «вырезай».

В тюркской среде сохранились и не успели далеко разойтись оба смысла – «вырезай» и «пиши». Ср. *bič* – 1) «вырезай», 2) «пиши»; *bičik* – «надпись», «книга»; *byčak* – «нож», «резак»; *bičen* – «сено» (алт.); *bič* – «вырезай»; *bit* – «пиши»; *bitik* – «надпись», «письмо»; *bičāk* – «резак, нож»; *bičän* – «сено» (др.-тюрк.).

В западно-тюркских языках побеждает *jaz* – «пиши» и потому ограничивается семантика глагола *piš* – «вырезай, обреза́й, среза́й», *pišen* – «сено», *pišin* – «образ (вырезанный, написанный)», *pyšak* – «нож, резак» (каз.).

Севортян приводит формы основного глагола со значением «режь», «вырезай», «жни», представленные во всех тюркских диалектах: *piš, pič, pis, pys, bič, byč, bis, bits, pits...*⁶⁶.

Но этимологи, занимавшиеся этим словом, не увидели близости формальной и семантической с омонимично звучащим глаголом: *bič-, bit, piti, biži, piči, pišti* – «пиши» (др.-тюр., алтайск., уйг. диал.). От этих основ образовались когда-то по огузо-карл. схеме отглагольное имя существительное: *pitik, pišik, bičik, bitik, ptig, mičik* – (в тех же языках) – «письмо», «надпись», «документ». Буквальным значением можем считать – «вырезанное». И лишь потом – «написанное».

...Основу *bič, pič* – «пиши» исследователи, начиная с Радлова, Рамstedта, В.П.Васильева, Малова возводили к кит. *pí* – «кисть», «кисточка (для писания тушью)». Севортян: «Предложенная этимология небезупречна, так как в тюркских источниках не зарегистрировано существительное типа *pí*, на что уже обратил внимание Дж.Клосон»⁶⁷.

⁶⁵ В индонезийском много заимствований из санскрита. Среди них встречаются и вышедшие из употребления в древнеиндийском. К таким, думаю, можно отнести *pisau* – «нож», «резак».

⁶⁶ Э.В.Севортян «ЭСТЯ» (общетюркские и межатюркские основы на «Б»). М., 1978, 158-159.

⁶⁷ Севортян, стр.156.

Авторы «СИГТЯ» считают, что тюрк. *biti* – «писать» произошло от кит. *pil* – «кисточка для письма»⁶⁸. Но и такое существительное в тюркских не зарегистрировано...

Исследователи постоянно помнят, что тюркское письмо должно быть заимствовано: сами они создать его не могли. Ближе всех из письменных народов – китайцы. Не перенимая их письма, тюрки, выходит, заимствовали название кисточки. Другими соседями по Центральной Азии, обладавшими письмом, были персы. Но в их языках не находим необходимых соответствий, кроме неясного происхождения тохар. *pidaka* – «документ», «грамота».

«К индоевропейскому источнику относится так же греч. πιτταχιον, к которому возводил тюркское бити еще Г. фон дер Габеленц, а впоследствии эту этимологию поддержал Е.Д.Поливанов, допускавший также китайское происхождение бити.» (Севортян, там же.)

На мой взгляд, наиболее грамотный подход продемонстрировал Г.Дерфер, который считал *«излишними предпринимавшиеся попытки сравнить тюркское битиг и битик с санскр. pitaka, тохар. pidaka – «документ». Как и возможное сравнение его с согдийским pdk – «приказ», «правило», поскольку тюркское производное, по мнению автора, имеет ясный морфологический состав»*⁶⁹. Чего нельзя сказать об иранских терминах. Г.Дерфер, не признавая производство тюркских терминов от индоиранских, в виду ясности морфологической структуры, пока еще не мог пойти дальше – предположить, что индоиранские термины с «неясным морфологическим составом» могут быть тюркизмами. Наука и сегодня еще не готова признать это. Ясность построения от глагола **pith* посредством огузо-карл. именного суффикса *-ik (-ek)* говорит о тюркском происхождении термина, получившего распространение в индоиранских и греческом языках.

Прежде, чем возьмут слово «историко-культурные соображения», еще раз проверим семантически и морфологически нашу гипотезу.

Мы увидели, что в тюркских уцелела последовательность семантического развития: 1) *резать, вырезать*, 2) *писать (вырезать знаки)*, что утратили др.-индийцы, сохранив в конце I тыс. н.э. уже только *вырезать, резать*; и славяне, получившие только последнее *писать*.

...В середине I тыс. до н.э. в Риме писали острой палочкой по навощенной деревянной табличке, которую называли по-гречески *птитх*

⁶⁸ СИГТЯ, стр.212

⁶⁹ Севортян, стр.156.

(πτη). Их носили на шнурке по две, по три таблички, привязывая к поясу. Первые записные книжки *du-ptich, tri-ptich*... Наибольшее распространение получила последняя форма. Она использована и в живописи, и в литературе, став названием жанра романа из трех частей. Триптих.

Это слово *птитх* нельзя этимологизировать без помощи тюркского *pitik* – «надпись», «книга». Греко-римский пример подсказывает еще одно конкретное значение этого термина – «письменная таблица». Греческие колонисты времен Александра Македонского должны были занести в Парфию (*Parthia* – «Персия») и в Индию термин **pitek*, в санскрите преобразованном закономерно в *pitaka* – «документ» (с показ. м.р. -а). Отсюда попадает в тохар. *pidaka* – «документ», «грамота» и согд. *pdk* – «приказ», «документ».

IV

Если была огузо-карлукская форма термина, то предполагаем возможность появления и параллельной кипчакской на -ма (*ба, па*). Мне думается, она сохранилась в ст.-слав. *письма* – «письмо», «надпись». В другие славянские языки разошелся из общеславянского вариант с огубленным финальным гласным *письмо*.

Севортян, говоря о других производных от *bit(u)* – приводит казахское *bimne* – «письмо», считая, что оно произошло от **bit-me*. Подтверждение этому находит в диалектном каз. *bitim* – «решение (судебное)».

Итак, что остается в сухом остатке. Самая древняя из форм тюркской основы **pith* - 1) «вырезай», 2) «пиши»; производный глагол *pith-i* с теми же значениями.

Отглагольные имена **pith-ik* - 1) «надпись», 2) «документ (судебный, государственный)», 3) «таблица письменная, книга», (огузо-карл.) **pith-mā > pith-m* – то же (кипч.). Здесь истоки слав. **письма* (**pith-ma*). Вероятно, позже появились: *biš-, bič-, biž-* - 1) «вырезай», 2) «пиши». Севортян так же считает, что «древне- и межтюркское б – субституция начального п-» (стр.156).

Из тюркского слово распространилось в индоевропейские (греч. > лат., др.-инд., др.-иран.), но чаще всего, во вторичном или третичном значениях – «документ», «соглашение»... Что могло быть результатом проникновения тюркских терминов в государственный, судебный лексикон в эллинистических государствах, возникших в Передней Азии во времена Александра Македонского.

Как закалялась глина

...История этой основы будет неполной без следующего эпизода. В др.-рус. сохранилось глаголо-имя **пись* (**pith-i*) – «письмо», уже давно участвующее только в сложениях – *летопись*, *надпись*, *подпись*, *запись*... Первичные производные глаголы по инерции еще несли именные смыслы: *лай*, *вой*, *строй*, *цель*... Омонизации удавалось впоследствии избегать, используя диалектные варианты для отделения второго грамматического значения. Напр., *режь* и *резь*, *смеси* и *смесь*, *теки* > **течи* и *течь*. В том же ряду и **pith-i* – «пиши» и **пись* – «написанное», «надпись».

В шумерском – самом древнем (из известных) языке «глагольная основа ничем структурно не отличается от именной основы. От многих имен легко образуются и глаголы» – констатирует И.М.Дьяконов⁷⁰. Иначе говоря, глагол ничем формально не отличается от имени: *tir* – «жизнь» и «живи», «жить».

Слово в шумерском еще выступает в форме глаголо-имени. Надо полагать, что эта черта была присуща грамматикам всех языков в начальный период их развития.

Возможно и в тюркских была такая форма **pith-*, *piš-*, *pič-* – «надпись», «письмо», «письменная таблица», «книга» и т.д. Наряду со значением «пиши».

Самая первая форма тюркского непроизводного имени, применявшаяся еще до появления формантов *-ik* и *-ta* (*pa*, *ba*).

Дошли ли до нас термины с этим глаголо-именем?

Я думаю, дошли как названия глиняных таблиц. Шумеры, др.семиты, хетты, хуриты, урарту, эламцы писали по сырой глиняной пластине, которую потом обжигали, превращая в вечный материал.

Библиотеки тех времен представляли собой стопки керамических пластин, положенных плашмя друг на друга. Следующие поколения, перенесшие письмо на другие материалы (папирус, пергамент), нашли глиняным таблицам, исписанным непонятными знаками, единственное применение – сделали стеновым строительным материалом. Миллионы исписанных глиняных страниц были использованы в городах и весях Передней и Малой Азии для возведения дворцов и храмов, подвергавшихся разрушению в бесконечных войнах. После падения Ассирия-Вавилона – последнего оплота глинописи, повсеместный переход на буквенное письмо, исполнявшееся на папирусе и пергаменте, мгновенно обесценил клинопись. Ее забыли и два с половиной тысячелетия не вспоминали, пока не наступил век археологии (XIX) и банковский клерк Смит в свободное от основной

⁷⁰ И.М.Дьяконов «Языки Древней Передней Азии». М., 1967, стр.63.

работы время не расшифровал таинственные клинописные знаки. Можно уверенно сказать – безвозвратно утеряны бесценные письменные памятники и целые письменности, которыми был богат Древний мир. Но век археологии еще не завершился. Возможно, еще найдутся глиняные книги, содержащие и тюркоязычные тексты.

Не была забыта человечеством техника получения из сырой глины удивительно прочного материала, не пропускающего влагу. Из него еще шумеры научились изготавливать сосуды для жидкостей и для сыпучих материалов – зерна, крупы и муки. (И первые кирпичи для строительства храмов.)

Мы пользуемся удачным подразделением истории человечества на макроблоки – каменный век, века бронзы, железа и т.д. Но открытие способа обжига глины имело для истории цивилизации значение едва ли не большее, чем в последствии – изобретение бронзы, открытия железа и других прочных материалов. Во всяком случае, не металл, не камень, а именно керамика, как не удивительно, в языках некоторых подается как символ крепости.

И когда-нибудь мы договоримся ввести при обзорах человеческой истории сразу после Каменного века Эпоху Керамики, которая включила в себя быстротечные Века бронзы, железа, многое другое, и, надеюсь, не скоро еще закончится.

Отец керамики – обыкновенный кирпич.

Этимология термина *кирпич* о многом рассказывает. Восстановление генезиса этого слова поможет дополнить картину развития цивилизации. Именно из Передней Азии обоженный кирпич и вообще керамика распространились по Древнему миру.

«Кирпич, др.-рус. *кирпичь* (Домостр. Заб. 137, к.68). Заимство. из тюрк.: ср. тур. *kirpidž*, там. *kirpiç*, азерб. *kârpixiç* (Радлов 1, 309)» (Ф., II, 238).

Тюркославист (или уже – тюркоиндоевропеист) не должен ограничиваться этим обзором, судя по которому, слово попало в русский лишь в средние века из татарского.

Однако, надо обратить внимание на распространенность формы с проявлением «тюркского чередования» - *b*, *p/m*. Греческое полногласное *χεραπίς*, *χεραμίδα* – «кирпич обоженный» заимствуется в др.-рус. *керамида* – «кирпич», «черепица». (Из того же источника современное слово – *керамика*.)

Здесь отразился вполне реконструируемый вариант прототюркской формы **kerpith* > *kermith*, которая послужила и славянскому полногласному произведению с закономерным протетическим гласным в финале: **kērepith(a)* > *черепица*. В южнославянских второй слог открывается типичной метатезой плавного: *чрепица* (ц.-слав.).

Любопытно преобразаясь, слово возвращается в тюркскую среду из каких-то западных источников: *kermek*, *keremik* – «черепица» (ног.).

Форма с метатезой плавного (**krepith*′) совпадает с инфинитивной и после неизбежного переразложения выделяется ложный корень: *krepith*′ > *krep*, от которого образуются слова – *крепи*, *крепни*, *крепость*, *крепныш*.

Судя по всему, слова эти образовались в славянских еще до освоения ими металлов. Более того, и камень самый твердый протославянам помог назвать доисторический кирпич: **kermith* > *kremith* > с выделением ложной основы **kerm*, *krem* – от которой, скорее всего, и произошла линия – *кремень* > *кремль* – «крепость». (Закон NLR – развитие носового в плавный.)

Старое заимствование в восточные языки из каких-то европейских диалектов, возможно из славянских: *kerm* – «крепость» (калм.), *kerem* (монг.), *kermän* – «крепость» (кипч.). Татарское название Севастополя *Ак-керман* – «Белая крепость».

Открытие нового свойства глины, подвергнутой термической обработке, позволило сделать цивилизации Каменного века значительный скачок, подняться на следующую ступень. И существенную роль в этом процессе, думаю, сыграли, кроме шумеров и ассирийцев, тюрки, индоевропейцы, особенно, греки, протославяне и родственные им этносы, вероятно, активней других осваивавших производство нового материала. [В то время в славянских языках уже был инфинитив на *-iti*, что и позволило выделить «основу» *kerp-* (*krep-*); *kerm-* (*krem-*). Думаю, латинская основа *crem* (*cremō* – «сжигаю», *cremare* – «сжигать») вышла из того же гнезда.]

Ранее использование плиток из обожженной глины для покрытия кровли (это могло произойти сначала в южных широтах, где много глины, но мало леса – в Передней или Малой Азии) определяет направление семантического развития: *черепица* (кровля) – *череп*.

Переместившись в другие, более прохладные зоны, славяне продолжают называть любую кровлю, корку, верхнее покрытие этим словом: в северорусских говорах *череп* – «кровля на избе» (Подв.), «ледяная корка» (Васн.). В общеславянском утвердилось *череп* – «кость, покрывающая мозг человека». Я полагаю, в первоиероглифическом письме протославян (петроглифике) череп изображают знаком , что позволило на предметы, похожие на него переносить название знака, но в уменьшительной форме. Осколки глиняной посуды, или даже чашка глиняная – *черепок*. Именно, названия знака *череп* становится основой глаголов *черпни*, *черпать*.

[О древности происхождения этого слова свидетельствует и география распространения: *kerpetis* – «череп» (др.-прусс.) и

закономерное развитие вокализма $e > a$ в др.-инд. *karpapas* – «череп, черепок, скорлупа», откуда арм. *karap'n* – «череп, голова». И прежде чем продолжить тему, вспоминаю, что панцирь черепахи (ее «кровля») напоминает разграфленную глиняную таблицу. А это пресмыкающееся тоже можно причислить к фауне южных полупустынь.]

II

Итак, стоит перевернуть знак череп, получается черепок, черпак. (Антизнак и назывался уменьшительно?) Возможно, в первоначероглифи-ческом письме протославян существовали эти знаки. В особенности первый. Он мог получить распространение в культурах союзных племен, языки которых впоследствии станут семьей языков, названной индоевропейской. Но прежде в самих славянских диалектах знак будет в течение веков не однажды перетолкован и его наименования (в диалектных произношениях) получают смыслы, отражающие степень поэтического воображения жрецов-хранителей Знака и Слова. Славянским языкам эта деятельность толкователей поможет назвать все кривое, изогнутое, извивающееся. Нынешнее значение слова червь (**kerpi > kervi*), пожалуй, самая последняя стадия развития смысла названия знака. Перед этим появилось слово, просто описывающее геометризм фигуры – *крив'* (*kirpi > kripī > krivi*), но еще раньше – цвет обожженной глины. Керамика стала символом не только крепкости, но и красного цвета. И основу прилагательных червонный, чераленный – «красный» надо бы производить не от червь (Фасмер, IV, стр.335), т.е., по его мнению – «цвет червя», но от **kerv'* – «красное - цвет обожженной глины, черепицы», откуда и *krev'* – «кровь» (пол.), *krv'* (южно-слав.), *krōv'* > *кровь* (вост.-слав.). Ср. тур. *kyrmuz* – «красное». Морфологически ближе к греческой *χεραμῖς* – «кирпич», «черепица» и слав. *čerpitsa* – «черепица».

Знак черепицы *kerpith/kermith* только славянским языкам дал слова – черепица, черепаха, череп, черепок (черпак), червь, червонный (чераленный, чермный)... Из того же ч-Диалекта вышли чревь – «кишка», откуда *чреви* – «кишки», *чрево* – «внутренность», «живот».

Из к-Диалекта поступили слова *крепь*, *крепыш*, *крепкий*, *крепость*, *ремень*, *кремль*, *крив*, *кревь* (*кровь*) и четкое описание знака сохраняется в слове *кров* (*кровля*).

В г-Диалекте происходит озвончение согласных: *грьбъ* (т.е. первоначально могильный холм) и *гърбъ*. (Все эти наблюдения пригодятся для Полной этимологии.) «Др.-рус. *гърбъ*, цслав. *грьбъ*, болг. *гърбът*, серб.-хорв. *грба* – «горб», словен. *grb*, чеш. *hrb*, в.-луж. *horb*. Родств. др.-прус. *garbis* – «холм», лит. *garbana*, *garbina* – «завиток

волос» (Ф., I, 439). Материал настойчиво подталкивал к Знаку. В этом диалекте происходит любопытное явление, которое подпадает под определение «слоговой палиндром». В период слоговой письменности иероглифы в словарях-силлабариях пояснялись названиями, переданными слоговыми знаками. (Благодаря таким словарям, существовавшим в Аккаде, удалось понять значения и названия шумерских иероглифов.) Думаю, что слово *горбъ* в одном из таких словарей передавалось двумя слоговыми знаками **gor-bu*, и при изменении направления письма, знаки прочлись в ином порядке **bu-gor*. Скорее всего – механический слоговой палиндром: без изменения смысла. Слово *бугор* (рус.), *bugir* (укр.) – «холм» в других славянских языках не представлено. Словари находят соответствие с балт. *baugurs* – «холм» (латш.), «далее, вероятно, *bhugnas* – «гнутой» (Ф., I. 228). Появилось хоть какое-то приближение к Знаку, но это случайное наблюдение не получило развития. В этом разделе я не привожу этимологии других авторов, по одной причине: каждое из приведенных слов рассматривается в Словарях отдельно, изолированно, вне связи с другим, с которыми роднит Знак. Исследователи не увидели Знака, отпечатанного в семантике слов, и не осознали его роли в словообразовании. Знака не в соскоровском понимании, а обыкновенного графического знака, первоиероглифа.

Кроме того, Словари не слышат перекличку слов из неродственных языков. Я думаю, не случайно совпадают знаковое содержание и консонантизм слов

bugor (**gor-bu*) – (славян.)

búckel – «горб» (нем.)

bükir – «горбатый» (каз.), *bögri* – «кривой, изогнутый»

(чагат.),

bögri – «горб» (тур.).

III

Международное распространение получает славянский первоиероглиф *горбъ*. Бытовала в прадревности и «украинская» форма **girbъ*.

В латинском языке, надо полагать, воплотились черты многих протороманских диалектов, в том числе пратосканского, ставшего базой итальянского языка. В «Языке письма» описан фонетический закон («превращение стыка согласных в долгий согласный, открывающий слог»), названный мною «итальянским рефлексом» (ИР), потому что ни в одном другом языке с инерцией открытого слога эта тенденция столь откровенно не проявлялась. Латинский язык самостоятельно слова с долгими (удвоенными) согласными не производил, ибо он терпимо

относился к лексемам с любой структурой слога, т.е. не стремился все превратить в состоящие из открытых слогов, как поступает итальянский. Напомню примеры «переработки» латинских терминов в итальянском: *доктор* > *дотторе*, *адвокат* > *аввокато*, *секс* > *сессо*, *максим* > *массимо* и т.д.

Этимологические словари итальянского языка, рассматривая слово *gobba* – «горб», считают его производным от лат. *gibba* – «горб»⁷¹. А ссылка на латинский неисчерпаемый источник достаточна, чтобы считать этимологию завершённой. Но в данном случае латинское слово, кажется, само произошло в протоитальянском диалекте от слав. **girbъ* – «горб» в результате превращения стыка в долгий согласный, открывающий слог. [Один и тот же консонантизм *грб* роднит *горб*, *гроб* и *гриб*. И, похоже, - один Знак. Но Словари упорно этого не замечают: «Гриб. Словен. *grib*, чеш. *hřib*, слов. *hrib*... Возможно, родственно лит. *grieti* – «снимать сливки», *greimas* – «сливки, слизистый осадок в воде». Шнехт (144, 267, 319) ссылается в вопросе о переходе значений «слизь» > «гриб» на Шульце. Совершенно иначе Петерсон (Vgl.se. Woortst, 12), предполагающий родство с *горб*... Брокнер (KZ46, 235) сравнивает с лит. *gleima* – «слизь, пленка». Ср. *грибастый голубь* – «голубь с наростом на клюве, горбоносый» (Ср. Горяев, ЭС79 и след.)» Ф., I, 457. Фасмер отдаст предпочтение версии «слизь» > «гриб»: Петерсон не нашел в *горб* Знака, - только схожесть консонантизма *грб*.] Так же как из другого диалекта попало в общепитальянский слово **gorbъ*, преобразованное в **gorba* > *gobba*. Все латинские слова с удвоенными согласными и при этом с гласным «а» в финале, мне думается, «итальянского» произношения. До сих пор считается, что романские языки – детища латинского. Но это, похоже, только часть научной правды. Её верхняя часть, кровля, непробиваемо-крепкая, как черепаший панцырь.

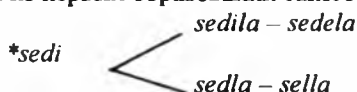
Имперская латынь, став официальным языком католической религии, науки и образования в Европе, особенно в южной, превратила языки католических стран в романские, т.е. в римские (от *Roma* – «Рим»). Самой значительной ассимиляции подверглись языки стран, наиболее близлежащих к Риму. Это – прежде всего, языки Апеннинского полуострова, так называемые «древнеиталийские наречия».

Но до того, как Рим стал империей, он занимал небольшую территорию (ныне провинция Лацио) и взаимодействовал с древнеиталийскими государствами еще без имперского высокомерия.

⁷¹ Tristano Bolelli. Dizionario etimologico della lingua italiana. Roma, 1994, стр. 213

Giacomo Deveto. Dizionario etimologico. Firenze, 1968, стр. 192

Позже, веками позже римский каток ассимилировал, сгладил, раздавил и выдавил с территории Апеннин разноязыкое население, среди которых были и славяне. Они сдвинулись на Балканы. Но в латинском и итальянском (как продолжение латыни) остались слова, заимствованные из славянских диалектов. Некоторые из них мы узнаем, благодаря «итальянскому рефлексу». Например, ит. *sella* – «седло» Словари производят от лат. *sedela* – «седло», «сиденье». Но, чтобы произошло удвоение, должен был прежде образоваться стык согласных: **sedla*. Идеально было бы представить последовательность развития: *sedela* > *sedla* > *sella*. Но для этого надобно доказать правомочность образования отглагольного существительного в латинском посредством суфф. *-la* или *-ela*, что невозможно. Этот морфологический тип существительных восстанавливается только в славянских: «основа глагола (императива или инфинитива) + орудийный суффикс *-la* (*-dla*) = название орудия». *Мети* – метла, *шить* – шило, *мыть* – мыло, *орать* – орало, *бить* – било, *вези* – весло, *дей* – дело, *пугать* – пугало и т.д. Одними из первых образований такого типа и стали:

В славянских тогда же под влиянием итальянской языковой среды и образовалось **sedla* > **sella* > *selo* – «селение». Т.е. поселение оседлой части общины. (Долгие согласные в славянских языках традиционно упрощались.)

Славянский знак *krv* (*krov*, *kriv*) из к-Диалекта, возможно, оставил след в итальянском открытосложном *kurva* – «изгиб», «поворот» и вернулся позже в славянские в значении отрицательном: кривая является символом лжи, противопоставлена прямой, особенно вертикали – символу истины и честности. Кривда и Правда.

Почему в представлении индоевропейцев изогнутость стала выражением чего-то низкого, неискреннего, лживого? Не потому ли, что знак ассоциировался со змеей?

В с-Диалекте орудие жатвы называли – *serp* (*srp*), благодаря похожести на знак. Протоитальянцы поняли: *serpa* – «змея». В лат. *serpo* – «ползать». (Во второй половине I тыс. до н.э. римские легионы покоряют Малую Азию. Миссионеры Рима, жрецы Бога-отца (*Deus-piter*) брахманы распространяют священное писание до Индии. Язык этих манускриптов по-латински *sanct-scriptum* (в произношении древнеитальянских миссионеров *sanscritto* – «священное писание») внес в древнеиндийский язык латинскую лексику в итальянском

произношении. На эту тему стоит провести специальное исследование⁷². И в результате может оказаться, что санскрит, который поначалу считали праязыком индоевропейцев (ныне эту привилегию уже переносят на хеттский), был одним из ассимилянтов латинского. Кратковременность и своеобразие контактов, ввиду оторванности от метрополии, помешала древнеиндийскому превратиться в подобие итальянского или испанского языков. Но восточно-романским (или индо-романским) его назвать можно. Фонетическое отличие, бросающееся в глаза: *e* > *a*. Поэтому лат. *Deuus-piter* – «Бог-отец» > *Diavus-pitar* (санскр.). Поэтому *serpa* > *sarpa* – «змея (санскр.)».

IV

Одно из описательных названий фазы луны, сделанное славянскими жрецами еще до принятия слова *месяц* (из лат. *mensis*) – «серп луны». Итальянцы до сих пор так называют лунные фазы (*falca de luna*).

В Средиземноморье был известен египетский иероглиф *r* – «солнце», который греки огласовывали как *ra*. Семиты называли точку в круте: **Rā-ben* (*Rā-bin*) – «Солнце-сын». Или «Солнца сын»? Возобладало последнее значение, ибо имя перенесли на жрецов – «сынов Солнца», а позже на священнослужителей иудейства – **rāбин*, *раввин*, *реббе*...

Славяне, обитавшие в Средиземноморье, узнали др.-еврейские названия священного иероглифа и по своему обыкновению назвали конкретные предметы, на него похожие: *рябина* – 1) «красная ягода с косточками», 2) «точка, щербина на лице». Именно эта моя этимология, опубликованная в «АЗиЯ», вызвала бурную реакцию московских журналов антисемитского направления – «Молодая гвардия» (1975, № 12), «Москва» (1976, № 3) и др. Дело еще и в том, что египетский иероглиф **rā* – «солнце», видимо, имел графический вариант **rā* с тем же значением. Что и отразилось в древнерусских толкованиях знаков **rā-bin*. Подобные толкования нашли свои выражения в русских сказках о курочке Рябе и золотом яйчке, разбить которое помогла волшебная мышка. И мышку, и разбитое яйцо, из которого течет содержимое, породил знак . Он же и стал прообразом волшебного

⁷² Индоевропейцы пытаются перевести слово *sanscrit*, опираясь на результаты народных этимологий, производившихся в индийской среде на протяжении столетий. Притянутые значения: «сделанный», «сотворенный» и т.п.

овоща Репа. Её помогла вытащить из земли все та же неутомимая хвостатая мышка.

Следовало бы «патриотам» увидеть и другое: эти примеры свидетельствуют о том, что славяне видели в письменностях Средиземноморья солнце *Ra*.

Они понимали точку в круге как маленькое, юное, т.е. нарождающееся, восходящее солнце. И одновременно это – рана, нанесенная Луне копьём (стрелой). Такое понимание механизма образования знака Юного солнца (утра) пока не встречалось мне в других языках. Славянские грамматисты истолковывали и описывали египетский иероглиф предельно просто – точка это есть Отрицание луны и – Маленькое солнце. Называли деталь сложного знака отрицанием общего наименования.

Если ☉ *Ra*, то точка – *Ra-no* > *Ra-na* = *Ra-ni*. В чеш. *ráno* – «утро». В русском собрались диалектизмы – *рано* и *рань*. В укр. форма с закрытым конечным слогом: *ранок* – «утро».

[Слово общеславянского распространения. «Трудно поддается этимологии. Пытаются установить родство первонач. исходного **rāi* с лит. *rytas*, лтш. *rits* – «утро»... С др. стороны считают исходным **vřōdno* и сближают с др.-инд. *vardhaīē* – «поднимает, заставляет расти», *ūrdhvas* – «высокий, выдающийся». Менее вероятно сравнение с *erre* – «темнота», греч. *ορφός* – «темный», потому что в этом случае ожидалось бы славянское **ragno*» (Ф., III, 442-443). Еще раз убеждаемся, что метод, основанный только на системе фонетич. соответствий, не ведет дальше поверхностного обзора форм и показной глубокомысленности.]

В другом племени жрец увидел в точке лишь отверстие, сделанное копьём, и это микропоэтическое открытие получило распространение во всех славянских наречиях: *ra-na* («рана»). В диалекте, где направление слогового письма менялось, как было показано выше, могла произойти «рокировка» слогов: *no-Ra*. И в этом племени жрец-толкователь увидел только отверстие.

...Описывая новый метод этимологии на примере реконструкции генезиса одного какого-то слова (как у нас – *кирпич*), невозможно не отвлекаться на другие темы. Разведывая маршруты, по которым развивалась исследуемая лексема, узнаешь попутно происхождение других слов и главное – открываются механизмы, средства словообразования, давно забытые. В «Языке письма» приводились и другие случаи применения древнейшего индоевропейского отрицательного постфикса *-no* (*-na*, *-ne*), известного нам лишь по префиксальному применению. Поразительную изобретательность и находчивость проявляли древние грамматисты в

процессе словотворчества. Их работу характеризует эмоционально-интуитивное проникновение в образный мир знака и его рациональный анализ. Рассматривая слова, созданные из названий графем, бывших священными знаками, выделяешь два основных направления, по которым развивалась мысль жрецов-толкователей – иррациональное (макропозитическое) восприятие знака, и сугубо рациональное (микропозитическое):

rä-bin

«Солнце-сын»

«красная ягода с косточкой»

Простые геометрические фигуры, какими являлись первоиероглифы, и давали простор воображению поэтов-грамматистов обоих направлений. Усложненные шумерские или позднекитайские иероглифы уже не возбуждали образного мышления: они требовали только заучивания и выражали лишь один смысл, присвоенный им, когда они были еще простыми образными знаками. Столь же потерянными для словотворчества можно считать и египетские рисуночные иероглифы, пытавшиеся натуралистически изобразить предмет (или животное), увиденное грамматистом прошлого в простом или двусложном знаке. Наиболее творческим периодом в жизни каждого языка, когда происходил бурный процесс словотворчества, можно считать время использования первоиероглифического письма, состоящего из простых или двусложных образных знаков. У славян такой период состоялся относительно поздно: уже отживала шумерская глинопись.

[В индоевропейских диалектах точку в знаке Солнца описывали и по такой морфологической схеме: «из (знака) *Ra*». Нам известны формы направительного предлога «из» в индоевропейских языках. Большинство из них было использовано в описании Юного Солнца: *aus* (нем.) = *is*, *iz* (слав.) = **es > ehs > eks* (лат., греч.) и др. Фонетически и семантически недалеко ушли от них, например, англ. *out* – «вне» (**auth*), слав. *ot* (**ōt*). Знание морфологической схемы и первоиероглифа позволяет приблизиться к этимологии литовского *aušra* – «заря», древнеинд. *usras* – «утренний» и ст.-слав. *оутро* – «утро». Вероятно, контаминация двух популярных форм привела к их синтезу в германских *auster* – «востоку» (франк.), *aust* (др.-нсл.), *ōstar* (д.-в.-н.). Австрия считалась востоком, Австралия – тем более. Чередование дифтонга (*au*), долгого (*ō*) и мягкого (*e*, *i*) хорошо наблюдается на истории германских названий утра, восхода, востока, в переработке сократившихся до *ost* и *ist*, *est*.

Семиты используют еще одну морфологическую модель для описания Точки: *iš-Ra* – «маленький *Ra*» (др.-сем.). Его божественность подтверждается детерминативом *el* – «бог» (др.-сем.): **išRa-el*. Не так ли

возникло библейское имя, которое в древнееврейском истолковалось как *'is Pa'il* – «муж Рахиль». Тем временем, древнееврейское *ra-bin* в языковой среде, подобной германской, где действует умлаут, превращается в *rābin*, и выделяется новое общее название *rā*.]

К периоду, когда из знака *rā* – «солнце» жрецы славян выделяют *ra* – «луна», и относится, надо полагать, первое описательное название месяца – «серп луны».

Описывая знак, изображающий фазу луны, или **serp* *Ra*, толкователи создавали слово, которое в следующих поколениях, оставаясь привязанным к иероглифу, тем не менее, утрачивало первоначальный смысл, переразлагалось и переосмыслялось: *serb-ra* > *srebra* > *serebra* > *serebro*. Появление определенного артикля *se* – «это» вызвало персразложение и выделилось слово *se rebro* – «это ребро». В значении предельно точно отпечатался графический знак. Как в описательном *ра-дуга*. Мы узнаем также, что серебро славяне считали лунным металлом. Почему жрецы не узнали месяца в этом знаке? Возможно, иероглиф толковался уже в краях более северных, где месяц на небе занимает иные позиции.

Кирпич

Мы увидели как целое древо слов, выросшее из обожженной глины Древней Передней Азии возшло из семени, в чистом виде сохранившемся в тюркских: *kirpič* (*kirpiš*) – «кирпич». В тюркских языках этот термин не получил отвлеченного семантического развития по многим причинам. Прежде всего, потому что он долгое время употреблялся только в одном значении – строительный, стеновой материал: тюрки в последние тысячелетия не только кочевали, но и строили и города, и храмы, и мавзолеи из тонкого квадратного кирпича. Именно такими и были глиняные таблицы. И хотя первое свое значение («письменный материал», «глиняное письмо») *кирпич* утратил давно, что-то удерживало его от переразложений, распада, стирания. Это «что-то», на мой взгляд, можно определить как феноменальный консерватизм тюркского слова и языка, сохраняющий самые первые слова и сегодняшние неологизмы в одном потоке живой речи, и сразу не поймешь, какое из них дед, а какое внук. Бывает, что слово-внук выглядит постарше своего предка. Одна из причин тому – морфологическое совершенство производного слова.

В «Этимологическом словаре тюркских языков» до рассмотрения слова «кирпич», похоже, еще не дошли. В имеющемся у меня «Э.С.Т.Я.» (общетюркские и межатюркские основы на буквы «□» и

«К») М., 1997 г. статьи, посвященной этому слову, пока не обнаружено. Мне не известны и отдельные публикации на эту тему. Поэтому предлагаемую этимологию названия кирпича – ровесника шумерских глиняных книг, как я полагаю, можно считать первой.

Статья для нового Этимологического словаря будет строиться примерно по такому плану:

- I. Сводка примеров произношения слова *кирпич*, а также близких по значению и форме в родственных и других языках мира.
- II. Морфологический анализ: **kir-pith'*
- III. Итог анализа составляющих сводится к следующему: а) *kir* – «земля» (шум.), *kir (gir)* – «сырая, мокрая земля; грязь» (тюрк.); б) **pith'* (*pit'*, *pič*, *piš*, *pits*, *bič*, *bit*) – 1) «режь, вырезай»; 2) «пиши»; 3) «вырезанное; написанное; письмо; письменный знак; письменная таблица». Более позднее (I тыс. до н.э.) аффиксальное производство имен: 1) **pith-ik* (*bitik*, *bičik*) – «надпись; письменная таблица; книга»; 2) **pith-ma* (*bitma*, *bitpā* и др.) – то же.
- IV. Сложение, возможно, прототюркское, состоявшееся в ареале распространения шумерской культуры: *kir-pith* – «сырая земля + письмо» > «письменная таблица из сырой земли (глины)?» Значит ли это, что сложное слово-термин появляется до того, как научились обжигать сырые глиняные таблицы, которые раньше, вероятно, только высушивали. И лишь потом термин перешел на таблицы, закаленные в огне.
- V. Скорее всего, значение *kir* – «сырая земля, грязь» вторичное. Шумерское *kir* – «земля» поначалу освоилось тюрками «без возражений», в том же значении, но форма в произношении претерпела диалектные изменения: *čir*, *čer*, *džir*, *džer*, *d'er*, *t'er*, *žer*, *jer* – «земля» (тюрк. языки). И соответственно – в составе сложного слова: **kirpith* > *čirpith*, *čerpith* и т.д.
- VI. Осваивая шум. иероглиф **M** *kir* – «земля», тюркские грамматисты истолковали его и как знак воды, таким образом дополнив традиционное значение «земля» новым – «вода», которое примиряло с образом графемы. Контаминация семантик порождает компромиссную – «сырая, мокрая земля». Но это произошло уже после создания термина *kirpith* – «земляная (глиняная) таблица для письма».
- VII. Вероятность соединения этих слов в один сложный термин подтверждается и следующим. Мы говорили, что

в западно-тюркских языках побеждает глаголо-имя *jaz* – 1) «*вырезай»; 2) «пиши»; 3) «вырезанное; надпись». И это слово в именном значении участвует в синхронно созданном сложном термине: **gir-jaz* > *girjāz* – «земляная (глиняная) таблица». Но оно не получила распространения как предыдущий вариант, ибо к моменту, когда **girjāz* поступила в «славянское хранилище», слово *gir* в огузском (судя по звонкости гортанного) языке имело уже только одно значение – «мокрая земля», что и сказалось на общем смысле сложного слова. Славянские жрецы не узнали во второй части лексемы *jaz*, ее облик был сглажен сингармонизмом – прогрессивной ассимиляцией качеством первого слога: *грязь* – «мокрая земля» (укр., рус.), *grez* – то же (словен.).

«Где твой дом, малыш?» (Послесловие к главе)

Славянам было известно первое значение слова *jaz* – «вырезай», утраченное тюрками. (Произошла интересная конверсия: тюрки сохранили *piš* – «вырезай», но почти утратили переносный смысл – «пиши», который достался славянам, тоже как единственный. Тюрки сохранили за формой *jaz* переносное «пиши», а первичное «речь», «вырезай» осталось в славянском хранилище. Вместе с производным *jazba* – «*вырезанное». Ср. *jazba* (*žazba*) – «надпись» (кипч.)⁷³ хорошо согласуется с рус. *язва* – «вырезанное, поврежденное острым предметом», *язво*, *язвецо* – «острие, жало»; укр. *язва* – «рана», *язвина* – «язва, овраг», *язвить* – «ранить».

А теперь – внимание! Начинается иной уровень семантического развития: *jazba* – «дыра; нора; пещера», *jazbina* – «барсучья нора» (словен.), *язвина* – «пещера» (серб.-хорв.). И следующий скачок: *jazba* – «комната» (полаб.). Перекидывается мостик к *zba*, *izba* – «комната» (пол.), *sra* – «комната» (н.-луж.), *stwa*, *jstwa* – то же (в.-луж.), *jistba* – то же (др.-чеш.), *ispa*, *jispa*, *izba* – «комната» (словен.). Прямая связь с пещерой сохраняется еще в сербском и хорватском *изба* – «погреб; комната» и в болг. *изба* – «землянка; хижина».

Фасмер, видимо, отмечая одиночество лтш. *istaba* – «комната, дом, жилище», в диалектах – *istuba*, *ustaba*, *ustuba* (из лит. и др.-прусс.

⁷³ Его парное производное *jazyk* – «надпись» (огузо-карлук.) > «текст» > «речь», «язык» (слав.).

примеров не приводится) справедливо полагает: «Заимств. из др.-русск.» (Ф., II, 121).

Словари не увидели связи между группами *язва* и *изба*. И тем более связи с тюрк. *jazba*. Самое большее, что нашли для группы *язва* – это соответствие в лит. *aiza* – «трещина; щель», *aižyti* – «шелушить, чистить» (Ф., IV, 249). Для группы *изба* (др.-рус. *истѣба* – «дом», «баня», умен. *истобка*) Фасмер, на мой взгляд, правильно объясняет появление уменьшительного слова: «*ис-топка от топить, судя по остальным славянским формам, всего лишь народная этимология» (II, 120).

И если бы он увидел ясные коммуникации, соединяющие формально и семантически *избу* с группой *язба* («пещера»), то можно было бы избежать следующей ошибки: «Праславянская *jъstьba заимствовано из герм. *stuba (д.-в.-н. *stufa* – «теплое помещение, баня», др.-исл. *stofa*, *stufa* – «баня с печью») или из ром. *extîfa (фр. *étuve*, ит. *stufa* – «баня»))» (Ф., II, 120).

Если бы при этом была реконструирована картина генезиса германского **stuba* – это бы и явилось обоснованием германского происхождения славянского слова. Мы уже не раз убеждались в необходимости признать, что при восстановлении родословной слова лингвистические показатели важнее любых других «соображений».

Здесь видим, что славянские формы получают ясную этимологию, где лингвистические данные не противоречат логике культурно-исторического развития: *нора* – *пещера* – *землянка* – *однокомнатное помещение* – *изба* – *жилье с печью* – *теплое помещение* – *баня*. Германская **stuba* оказывается в самом конце цепи развития. И семантического, и формального.

Древность названия произведения первобытной архитектуры столь значительна, что «парная баня, парилка», **estupa* в романской среде успела не только преобразоваться во фр. *étuve*, ит. *stufa*, но и стать основой народно-латинского глагола *extûfâre* – «парить».

[Если бы в славистике были восстановлены морфологические схемы образования отглагольных имен на *-ба* (от императива), на *-ва* (от инфинитива), то давно смогли бы отнести к первой существительные *izba*, *ispa*, а вторую увидеть в верхне-луж. *jstwa* – «комната», которое, видимо, и послужило основой др.-чеш. *jistba* – то же.]

И примечание. Если название пещеры содержало в корне *jaz* (**es*) – «вырезай, режь», то наверняка и от параллельной формы **pith-* (**peth-*) – «режь, вырезай» должно было образоваться нечто подобное. Хорошо бы проверить на этот счет вост.-слав. *печѣра*, *пещера* – «пещера». Оба эти глагола могли участвовать в названиях первобытных

обиталищ, еще до того, как у *jaz* (*es) и *pith* (*peth) появились вторичные значения – «пиши», «надпись».

Протославяне в период создания этих слов обитали в регионах с теплым, сухим климатом. Это скорее всего даже не Балканы, где в пещерах не выжить, а значительно южнее. Может быть, районы Древней Передней Азии.

II

Благодаря этимологии названия славянского жилища, мы можем выйти на шум. *es* – «дом», «жилище». А через него и на древнетюркские наименования дома (*äb*) и двери (*esik* ; **espa*).

Мы проникаем в лабораторию творчества письмотворцев раннешумерского, а, может, и дошумерского времени. Как изобразить пещерное жилище, в котором нет ни крыши, ни стен, ни окон, а есть только вход? Он то и поддавался схематическому изображению.

Самый ранний образец такой графики сохранился, на мой взгляд, только в тюркском руническом алфавите: *äb* – «дом», «жилище».

[Орхоно-енисейскую письменность следует относить к реликтовому, а попросту уникальному типу – буквенно-иероглифическому алфавиту. Второго такого нет. Удивительно, что на эту особенность древнетюркской руники историки письма еще не обратили должного внимания. Буквы, подобные иероглифам, есть в финикийском письме (я приводил знаки Коровы из неизвестной индоевропейской иероглифики), но в финикийском письме они выполняли только одну функцию – роль букв *k*, *q* и *w*. В орхоно-енисейском письме иероглифы прилежно исполняли роль буквы (изображая первый звук названия) и, употребляясь отдельно, читались как целое слово. Например, и (*o□*) – «стрела», но в составе слова – *jaj* – «солнце» или «лук (оружие)», но в составе слова – *j*; *äb* – «жилище», «дом», «юрта», но в составе слова – *b* и т.д.

Не осмыслив правильно эту поразительную характеристику древнетюркского письма, которая одна способна отстоять необыкновенную древность руники (системы более ранней, чем чисто буквенные алфавиты), высокомерно навязывают ей происхождение от позднейших, бледных персидских копий арамейского, только потому, что мысль о самобытности тюркской письменности не укладывается в забитое предрассудками сознание! Мне кажется, серьезные историки письма еще не брались за эту тему (генезис тюркской руники), иначе бы они попытались объяснить причинность явления, о котором я говорю.]

«Тюркское чередование губных» *b/m* и родственность этих звуков осознавалась грамматистами, поэтому им было нетрудно создать

букву ➤ *ām/am*, лишь изменив позицию предыдущей на 90°. (Буквенные значения - *m'/m*.) Уже это, явно авторское решение, говорит о творческом, а не подражательном характере тюркского алфавита. Его создавали люди, к тому же, разбравшиеся в тюркской фонетике. Существовало несколько местных разновидностей орхон-енисейского письма. В некоторых встречается модификация иероглифа

«дом» в виде **āb/ām/am*, вероятно, созданная в результате следующих графических действий в стремлении создать из сложного знака монолитный: .

Этот иероглиф сохранился в тюркском письме с дошумерских времен.

В шумерском письме появляется следующая редакция знака жилища: *ab* – «дверь», *es* – «дом». Иероглиф имел два значения. Этой формой знака не оправдывается ни одно из них: они возникли раньше, когда иероглиф был подобен тюркскому линейному знаку – «вход в пещеру и крестообразная загородка из сушняка». По образу тюркского линейного знака шумеры создают юрту с крестообразной

основой-кереке (), более точно выразил форму остроконечного иероглифа чум американских индейцев и северных народов Евразии. Но магия письменного знака была столь могущественна, что шумеры создают дома и храмы по образу своего знака дома – ступенчатую пирамиду. Так изыск неизвестного письмотворца сказался на развитии мировой архитектуры.

...Тюркская буква-иероглиф *āb*, вероятно, имела в дошумерское время и другое, диалектное наименование *es* – 1) «режь, вырезай», 2) «вырезанное, пещера». И оба этих слова совместились в названиях шумерского иероглифа. Правда, с конверсией значений, если сравнить с тюркскими словами.

...Шумерский знак дома, воплощенный в архитектуру, вынесли из Древней Передней Азии предки причерноморских скифов. Профиль их шатров в точности повторяет абрис шумерского иероглифа. В изображениях – словно юрта с толстой короткой трубой. (К сожалению, у меня под рукой не оказалось литературного источника, где я увидел много лет назад это поразившее меня архитектурное чудо. Но отыскать его в библиотеке Эрмитажа, я уверен, не трудно.) Проект ступенчатой пирамиды донесли до Утреннего континента майя, инки и ацтеки.

III

...Шумерские грамматисты, вероятно, пытались графически развести значения «дом» и «дверь». Возможно, создавая пару антизнаков: «дом», * «дверь».

Но эта новация не закрепилась в шумерском письме, и знак продолжает выступать в двух значениях, что создавало определенные трудности при чтении: о чем идет речь – о доме или о двери? Приходилось понимать из контекста.

Но до Египта, кажется, дошел перевернутый знак, а исходный был перестроен: «дверь» (чит. ⁶),   - «дом» (чит. *pr* и *ht*)⁷⁴. Египтяне заменяют профильный абрис архитектурным планом однокомнатного дома.

В другом издании приводится два варианта позиции знака: , - «дверь»⁷⁵. В любом случае письменный образ двери противоречит натуралистически-рисуночному характеру египетской иероглифики. Но связь формы и значения египетского иероглифа «дверь» и шумерского «дом-дверь», на мой взгляд, очевидна. Это наблюдение позволяет говорить о связях египетского письма с шумерским. О том, что шумерский знак Дома был известен на берегах Нила, гласят последние открытия археологов – древнейшие пирамиды Египта были ступенчатыми.

(Прием создания антизнака переворотом был известен и шумерским, и египетским письмотворцам. В дальнейшем мы увидим, как этим способом пользовались греческие и тюркские грамматисты.)

Интересно проследить развитие египетского знака двери в письменностях Средиземноморья и в китайском, видимо, переместившемся из этого региона во II тыс. до н.э.

Др.-егип. III-II тыс. до н.э.	Южноара- вийские письмена II тыс. до н.э.	Фин. алфавит II тыс. до н.э.	Кит. иероглифы II тыс. до н.э. – н.вр.	
				
«дверь»	<i>dalet</i> «дверь»	<i>dalet</i> «дверь»	<i>mén</i> «дверь»	<i>mén</i> «дверь»

⁷⁴ Знаки приводятся из книги И.М. Дьяконова «Языки Древней Передней Азии», стр.362-363, гл. «Письмо. Изобретение алфавита»

⁷⁵ И.Дьяконов, В.Истрин, Р.Кинжалов «Письмо» - БСЭ, изд.2.

В совр. китайском письме используются две разновидности знака двери. Называются одинаково. Мне кажется, причиной такого разноречия послужила ошибка китайских грамматистов, допущенная при освоении египетской пары: - «дверь», - «дом». В разных районах Китая до сего дня слово «дверь» изображают по-разному. Этой ошибке более трех тысячелетий. Но флагообразная форма письменного знака подсказала строителям древности форму двери одностворчатой. Китайцы, по-видимому, первыми ввели двустворчатые двери.

Китайцы создали не только шелк и фарфор, но и великую письменность, которая впитала в себя соки переднеазиатских иероглифик (не только шумерской, но и *индоевропейских)

IV

...О связи форм архитектуры с письменностью говорят три вида «крючельного угла»   (мягкий угол, острый и пагодный, который являет собой «консенсус» первых двух).

1. Курсивная средневосточная письменность и купольная средневосточная архитектура. Барокко. Древнейшая форма строения – юрта.
2. Остроугольная скандинавская руника и острокрышая европейская архитектура. Готика. Древнейшая форма строения – чум.
3. Китайская иероглифика и пагодная архитектура.

Согласованность архитектурных стилей с традиционными почерками вполне естественна: строительство дома и сейчас начинается с графических профилей и планов. А на самых первых порах, вероятно, обходились одним профильным изображением. И другие предметы создавали по образу графического знака. Самые древние предметы, став материальным воплощением графемы, получали и ее название. Таким способом пополнялись и словарь, и репертуар материальной культуры.

Обобщив данные первых письменностей, разведенных историей по разным краям планеты, мы можем увидеть последовательность развития мировых архитектурных стилей.

Др.-тюр. письменность	Шумерское письмо	Скиф. юрта
 <i>ab</i> – «дом, жилище, юрта» <i>*am</i> – то же. Возм.бы <i>es</i> – «дверь»	 <i>ab</i> – «дверь» (* <i>ab</i> ?) <i>es</i> – «дом»	 Середина I тыс. до н.э. Тюрк. монг.юрта Шумер. III тыс. до н.э.

Средне- восточные стили	Западно- европейс-кий стиль	Средняя Европа	Китай
 Барокко	 Готика	 	 Пагода

Формы шумерских ступенчатых зданий произошли, благодаря стремлению какого-то прототюркского грамматиста превратить двусложный знак жилья (пещеры с загороженным входом) в графический монолит. А уже профиль шумерского дома развился в остальные, мировые профили. Названия дома-двери сохранили сходство лишь в тюркских и шумерском языках. В остальных – они вырабатывались самостоятельно.

И главный вывод из материалов темы.

Качественное рассмотрение явлений культур, языков, письменностей, вышедших из ареала Древнего Мира (Передняя Азия, Малая Азия, Средиземноморье) не обойдется без привлечения тюркских материалов. И тюркология должна подготовиться к этому неизбежному повороту – надо привыкать видеть тюркскую древность в общепланетарном, а, значит, в общен историческом контексте, помня, что данные лингвистического, археологического и палеографического анализов должны стать основой «историко-культурных соображений», а не наоборот, как было принято до сих пор.

Тюркославистика – первый шаг, уверенно сближающий тюркологию с индоевропеистикой и общим сравнительным языкознанием.

Переходя к теме «Древнетюркское руническое письмо – продолжение прототюркского иероглифического», еще раз напомнив себе конкретные выводы:

1) Основные термины письма в тюркских языках образованы от глаголо-имен **pith*; **es* (*jas*, *jaz*) – «режь, вырезай» > «пиши», «письмо», Глаголо-имена участвуют в названии глиняных таблиц **kir-pič* и **girāz* (II тыс. до н.э.) и в основе производных имен: *pičik*, *pitik*, *ptik*, *pdk* (огузо-карл.), **pišta*, *pitme* (кипч.) – «надпись», «письменная таблица», «документ».

А теперь рассмотрим основные версии происхождения руники.

Соглийская версия

Начнем с версии единственной на сегодняшний день.

«Древнетюркское руническое письмо – письменность, существовавшая у части древних тюркских племен в VIII-X в.в. и напоминающая по форме знаков германские руны. Различаются Др. рун. пис. Центральной Азии и Сибири, запечатлевшее орхоно-енисейских надписей язык, и рунические надписи из Восточной Европы лишь в части знаков, совпадающие с центр.-азиат. руникой... По предположению ряда ученых тюрк. азиат. руны были созданы ранее VIII в. на базе согдийского письма в результате трансформации курсивных начертаний знаков в геометризованные формы, что наиболее оправдано для целей эпиграфики – преимущественного типа тюрк. рунических надписей. В алфавите, с учетом региональных и хронологических вариантов, более 40 графем. Оригинальной особенностью Др. рун. пис. – наличие пар самостоят. букв для большинства велярных и палатальных согласных.

Д.р.п. было дешифровано в 1893 г. В.Томсеном, первые опыты переводов Орхон. памятников опубликовал в 1894 ак. В.В.Радлов.»

Это статья из Большого Энциклопедического словаря (Языкознание), выпущенного в 1998 г. в Московском научном издательстве «Большая российская энциклопедия». (Переиздание «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г.) Автор – Кормушин И.В.

Датский рунолог Вильгельм Томсен, первым дешифровавший орхонские письмена, первым же высказал идею о происхождении открытых рун от арамейского алфавита: слишком близко совпадали формы и значения многих букв. И действительно, палеографу должно было броситься в глаза явное сходство тюркских М - h, J - l, 1 - p, 4 - r, H - i, Y - š с арамейским H - h, L - l, 1 - p, 4 - r, T - t, X - š ... Почти треть арамейского алфавита ассирийского периода. Сходство при такой системности не могло быть случайным. Более внимательное рассмотрение выявляет и другие тюркские графемы, сопоставимые с арамейскими. Но Томсена, вероятно, смутило одно обстоятельство, которое и сегодня стоит непреодолимым препятствием, мешающим признать знакомство авторов древнетюркского алфавита с арамейским письмом ассирийского периода. Это Пространство (берега Селенги и Орхона в монгольских степях и берега Евфрата в Передней Азии). И – Время (V-VIII в.в. новой эры и VII в. до н.э.). Начались поиски восточной письменности-посредника, которая сама происходила бы от арамейского, и продолжилась бы до орхонского времени.

В.А.Истрин – автор единственного большого труда по всеобщей истории письма, написанного в СССР («Возникновение и развитие письма», М., 1965, стр.597) обобщил всю до него изданную в мире литературу по этой тематике, и потому предоставим ему слово для исторической справки, могущей помочь читателю войти в тему:

«...Почти все восточные буквенно-звуковые системы ведут происхождение от финикийского через арамейское письмо. Кочевые западно-семитские племена арамейцев переселились в Сирию, Палестину и затем в Месопотамию в середине II тысячелетия до н.э. Первоначальной их родиной были бесплодные аравийские степи, расположенные к югу от Сирии и Месопотамии. Степи эти не могли прокормить быстро растущее население. Поэтому они порождали одну за другой переселенческие волны, направлявшиеся к северу, в плодородные долины Сирии, Палестины, Месопотамии. По-видимому, первыми такими волнами были занесены в Месопотамию к началу III тысячелетия до н.э. семитские племена Аккада, а затем – амореев, образовавшие впоследствии вавилонскую и ассирийскую державы.

В конце III тысячелетия до н.э. переселились в район Палестины семитские племена хананеев, а затем в степи и к югу, и к юго-востоку от Палестины – евреи. Со следующими переселенческими волнами в середине II тысячелетия до н.э. появились в Сирии арамейцы, а в середине I тысячелетия до н.э. – арабы»⁷⁶.

⁷⁶ В.А.Истрин «Возникновение и развитие письма», М., 1965, стр.308.

Древняя Передняя Азия, которую захватывали волны переселенцев с юга Аравийского полуострова, была в то время, пожалуй, самой густонаселенной частью Древнего Мира. И едва ли мирными были те переселения, после которых в Передней Азии, на всем Ближнем Востоке и Северной Африке не осталось никакого другого народа, кроме семитских. Эти волны вызвали, в свою очередь, великие переселения народов (предков индоевропейцев, тюрков, угро-финнов, китайцев, японцев, корейцев, майя, ацтеков, инков и др.) из Передней Азии и Средиземноморья по разным направлениям. И в следующем Проекте («О неизвестных великих переселениях человечества») мы будем говорить об этом подробнее.

«В отличие от аккадян, амореев, хананеев, евреев и арабов арамейское переселение протекало сравнительно мирно, без крупных вооруженных столкновений; не создали арамейцы и сильных государств... При этом арамейцы почти без сопротивления перенимали обычаи и верования своих соседей-вавилонян, ассирийцев, персов и др. — и постепенно сливались с ними. Но, сливаясь с каким-либо народом, арамейцы образовывали в его государстве влиятельную торговую и чиновничью прослойку и передавали этому народу свое письмо, а нередко так же и язык. Последнее обуславливалось крупной ролью арамейцев в административно-хозяйственной и торговой жизни Передней и Малой Азии; этому способствовали, кроме того, простота арамейского письма, а также близость арамейского языка к языкам евреев, ассирийцев, вавилонян и др. семит. народов Азии.

Старейшие арамейские тексты относятся к IX-VIII в.в. до н.э. Первоначально арамейское письмо почти не отличалось от финикийского. «Постепенно арамейское письмо переняло большинство древних семитских народов — евреи, ассирийцы, вавилоняне и др. Арамейское письмо стало одной из двух (наряду с клинописью) государственных систем в Ассирии, Нововавилонском царстве и в особенности (после захвата Ассирии персами в VI в. до н.э. — О.С.) в Ахеменидской Персии... Лишь после завоевания Сирии и Месопотамии Александром Македонским (30-е годы IV в. до н.э.) и образования там эллинских государств арамейское письмо было частично вытеснено греческим; этому способствовало то, что арамейское письмо было связано в глазах греков с разгромленной ими Ахеменидской Персией. С конца I тысячелетия до н.э. в связи с нарастающим ослаблением эллинических государств арамейское письмо снова стало основной системой письма почти для всей Передней Азии. Правда, к этому времени оно уже стало дробиться на разновидности. Эти разновидности соперничали друг с другом в течение почти тысячи лет, вплоть до арабского завоевания Передней Азии (VII в. н.э.). Вскоре же

после арабского завоевания почти все они были вытеснены арабским письмом.» (там же, стр. 310).

Продолжаем историческую справку В.А.Истрина, который рассказывает об «иранской ветви арамейского письма»: «В середине III в. до н.э. на территории Персии и Месопотамии образовалось могущественное Парфянское царство во главе с династией Аршакидов (250 г. до н.э. – 226 г. н.э.). В Парфянском царстве персицко-арамейское письмо стало единственной системой письма. Но парфянский язык – разновидность персицкого – и фонетически, и грамматически сильно отличался от арамейского. Поэтому в Парфии произошла перестройка арамейского письма, приспособление его к новому языку. В результате примерно со II в. до н.э. персицко-арамейское письмо перешло в пехлевийско-аршакидское (слово «пехлевийское» произошло от слова «парфянское»). До недавнего времени памятников парфянской письменности почти не было. В 1948 г. неподалеку от Ашхабада, где находилась парфянская столица Ниса, открыт архив парфянских глиняных документов, включающий до двух тысяч остраконов; документы эти дешифрованы И.Дьяконовым и В.Лившицем.

В 226 г. н.э. власть перешла от парфянской династии Аршакидов к персицкой династии Сасанидов, государственным языком стал средне-персицкий, а пехлевийско-аршакидское письмо превратилось в пехлевийско-сасанидское, еще менее похожее на арамейское.» (подчеркнуто мной – О.С.)... Между тем «при Аршакидах и при Сасанидах письмо применялось (...) и для религиозных целей, в том числе для священной книги религии Зороастра – Авесты. Значительная часть Авесты была составлена на уже мертвой к тому времени разновидности древнеперсицкого языка. Поэтому для точного воспроизведения этого языка в III- IV в.в. н.э. в Сасанидской Персии было создано так называемое авестийское письмо. В письме этом было введено обозначение кратких и долгих гласных по греческому образцу...» (там же, стр.321-322).

Выражение «по греческому образцу» не совсем точно: византийские греки в то время действительно ввели аналитическую черту долготы (̄), в авестинском же алфавите применялась слитная, идущая вниз от основного знака черта долготы.

Авторы авестийского алфавита, скорее всего, почерпнули этот способ не из греческого, из другого источника.

«В VII в. н.э. Персию завоевали арабы. Вскоре после этого религия Зороастра была вытеснена там мусульманством, а пехлевийское и авестийское письмо – арабским... Но, почти исчезнув на Переднем Востоке, персицкое письмо стало основой для ряда систем письма Среднего и Дальнего Востока. Так еще до нашей эры персицкое письмо послужило основой согдийского письма. В течение почти

тысячелетия это письмо применялось для восточно-иранского языка Согдианы – государства, находившегося на территории современного Узбекистана и частично Таджикистана. Древнейшие памятники этого письма относят к первым векам н.э., позднейшие к VIII веку. После завоевания в VIII в. Согдианы арабами согдийское письмо вытеснено арабским.» (там же, стр.322).

Здесь прервем справку и покажем таблицы, демонстрирующие претворения арамейского письма в раннеперсидское.

Еврейско-финикийский период	Ассирийский период	Персидский период	Названия
א	𐤀	𐎀	'alef
ב	𐤁	𐎁	bet
ג	𐤂	𐎂	gimel
ד	𐤃	𐎃	dalet
ה	𐤄	𐎄	he
ו	𐤅	𐎅	waw
ז	𐤆	𐎆	zajn
ח	𐤇	𐎇	cheth
ט	𐤈	𐎈	thet
י	𐤉	𐎉	jod
כ	𐤊	𐎊	kaf
ל	𐤋	𐎋	lamed
מ	𐤌	𐎌	mem
נ	𐤍	𐎍	nun
ס	𐤎	𐎎	samech
ע	𐤏	𐎏	'ajn
פ	𐤐	𐎐	phe
צ	𐤑	𐎑	tsade
ק	𐤒	𐎒	qof
ר	𐤓	𐎓	resch
ש	𐤔	𐎔	schin
ת	𐤕	𐎕	thav

Историческое развитие арамейского письма
(по Я.Б.Шницеру и с его транскрипцией).

Персицкий период развития арамейского письма начался в VI веке до н.э., после покорения Ассиро-Вавилона Ахеменидами. Буквы в персидских разновидностях приобретают все более курсивный характер, все больше отдаляясь от классического арамейского письма ассирийского периода.

Приведем таблицу, показывающую, как выглядели буквы пехлевийского и авестийского письма при сравнении с орхон-енисейскими.

Пехлевийское	Авестийское	Орхон-енисейское	Значения
𐭠	𐬀	𐰀	a
𐭡	𐬁	𐰁	b
𐭢	𐬂	𐰂	g
𐭣	𐬃	𐰃 X	d
𐭤	𐬄	𐰄	h
𐭥	𐬅	𐰅 𐰆	j
𐭦	𐬆	𐰆 𐰇	k
𐭧	𐬇	𐰇 𐰈	l
𐭨	𐬈	𐰈	m
𐭩	𐬉	𐰉 𐰊	n
𐭪	𐬊	𐰊	p
𐭫	𐬋	𐰋 𐰌	r
𐭬	𐬌	𐰌 𐰍	s
𐭭	𐬍	𐰍	š
𐭮	𐬎	𐰎 𐰏	t

В тюркской колонке представлены некоторые пары букв (для твердых и мягких звуков). «Твердые» - слева, «мягкие» - справа. Универсальные (двурядные) буквы пишутся посередине колонки.

Из 38 букв тюркского алфавита для сравнения привлечены только 16. Сопоставлялись только те буквы, которые хоть как-то были похожи. Хотя и этого сказать нельзя. Можно увидеть общее в буквах, выражающих звук «h». Тюркский твердый «h». Это, пожалуй, единственный пункт, где все три алфавита сходятся. Буквы для «p» похожи в пехлевийском и тюркском. Авестинская трудно сопоставима. Тюркская t («мягкая») похожа на пехлевийскую t, но авестинская уже резко отличается. Так же и буквы n, j, h. Из этого обзора можно сделать вывод, что действительно угадывается у всех трех какой-то

общий прапраисточник, к которому ближе пехлевийский и тюркский алфавиты, нежели авестийский. Хотя тюркский считается самым молодым из этой троицы. А старейшим – пехлевийский, отстоящий от орхонского веков эдак на шесть.

(И еще становится очевидным такое обстоятельство – тюркский алфавит, состоящий из «твердых» и «мягких» букв, нельзя механически сравнивать с другими, в которых нет такой структуры. Он требует иного подхода, учитывающего его специфику.)

В.Томсен, поначалу производивший древнетюркские руны непосредственно из арамейского, после предположил, что, скорее всего, источником был парфянский («аршакидско-пехлевийский»), но и здесь смущало расстояние в несколько веков, и он, преодолевая его, остановил свой взгляд на самом позднем из персидских и самом непохожем (из них), на тюркскую рунику, согдийском алфавите, подчиняясь неоспоримым в его время «историко-культурным соображениям», великий палеограф вынужден был написать, что между руническим и согдийским алфавитами *«существуют ясные и неоспоримые соответствия»*⁷⁷.

Таким образом, сам В.Томсен и стал автором согдианской гипотезы, которую последователи послушно развивают в течение почти целого века, несмотря на решительную непохожесть материалов сопоставляемых алфавитов. Почти все историки письма, касавшиеся взглядом орхоно-енисейских рун, уделяли им кто несколько фраз, кто побольше, и в определении источника не выходили за пехлевийско-согдийские рамки, очерченные В.Томсеном. Ч.Лоукотка выводил руны из «персидско-арамейского» наряду с пехлевийским, авестийским и др., не ставя в прямую зависимость от согдийского⁷⁸.

В.А.Истрин также не решается указать на конкретный источник. Он считает, что *«на пехлевийской или согдийской основе сформировалось и древнейшее тюркское письмо»* (стр.322).

В.А.Лившиц⁷⁹, известный иранист, специалист по письменным памятникам Согдианы, дает в своей статье обзор трудов сторонников согдийской гипотезы, начиная с «пионера согдологии» Р.Готье, считавшего, что основой для создания древнетюркской руники послужил ранний вариант согдийского алфавита, которым возможно пользовались в начале IV в. н.э.

«Дж.Клосон предложил искать прототипы рунич. знаков в трех алфавитах – согдийском, пехлевийском и бактрийском. Согласно

⁷⁷ V.Thomsen. Salmede Af handlcnger, vol « . Kobenhavn, 1922, стр.76

⁷⁸ Ч.Лоукотка. «Развитие письма», М., 1950 (пер. с чеш.), стр.106.

⁷⁹ В.А.Лившиц «О происхождении древнетюркского рунического письма», Сов. тюркология, 1978 г., № 4, стр.84-98.

выводам Дж.Клосона, из согдийского и пехлевийского алфавитов происходит в общей сложности 16 рунических знаков, из согдийского – 12... Возникновение рунической письменности Дж.Клосон относит к середине VI века, к правлению Истеми-Кагана в западной части Тюркского Каганата; создание руники он связывает, в первую очередь, с потребностями дипломатической переписки, для которой руника могла выступать в качестве тайнописи (cryptography)» (Лифшиц, стр.92).

Эту идею поддержал и А.М.Щербаков: «Рунический алфавит – необычная графическая система. Обязанностью ее творца, как справедливо заметил Дж.Клосон, было изобрести недоступную для понимания других народов письменность, приблизить ее к тайнописи» (А.М.Щербаков «Тюркская руника», С-Пет., 2001, стр.41).

Любая чужая письменность была недоступна пониманию других народов – это обстоятельство, конечно, превращает непонятные письмена в криптографию. Но едва ли авторы руники намеренно создавали тайнопись. Криптография не использовалась для эпитафий. Напротив, рассказы о деяниях славных предков должны были быть доступны каждому, чей путь пролегал мимо одиноко высящихся в степи монументов. Кроме этой гипотезы Дж.Клосон, пожалуй, первым столь откровенно выразил в своей книге мысль, которая прочно утвердилась в основе версии «перс. > тюрк.». Он пишет, что невежественные тюрки не могли сами не то что создать систему письменных знаков, но даже скопировать согдийский алфавит, приспособить его под нужды своего языка. Сделать это могли только сами согдийцы, хорошо знавшие древнетюркский язык⁸⁰.

В.А.Лившиц не соглашается только с одним из положений Дж.Клосона: «История письма знает немало случаев, когда при создании новой письменности были использованы графемы, почерпнутые из разных источников, однако гипотеза Дж.Клосона о гетерогенном характере графических прототипов древнетюркской руники не кажется убедительной. Сомнения вызывает прежде всего постулируемый принцип дифференцированного отбора графических прототипов – твердоярдные знаки преимущественно из согдийского, мягкорядные – из бактрийского. Следует заметить, что ни согдийская и пехлевийская, ни бактрийская письменности не имели каких-нибудь аналогий для «раздельнорядных» графем. Таких аналогий нет и в известных нам письменностях других народов, с которыми контактировали древние тюрки (индийское брахми и родственное ему

⁸⁰ G.Clauson, The origin of the Turkish « runic » alphabet « Acta orientalia », Kph, 1970, стр.56-57.

тибетское письмо; китайская иероглифика и связанная с нею тангутская письменность») (Лившиц, стр.93).

Такого генерального подразделения на «твердые» и «мягкие» буквы, как в тюркском, более не было ни в одной письменности мира: «Привлечение Дж.Клосона материалов трех письменностей имело единственной целью расширение базы для графических сопоставлений. Выбор прототипов для рунических твердо- и мягкорядных знаков предстает в его схеме случайным, а многие из предложенных им сопоставлений не выдерживают палеографической проверки или кажутся неоправданными.» (там же, стр.93).

Попытки Клосона набрать подходящие, на его взгляд, знаки из разных алфавитов и создать из этого четвертый (тюркский) справедливо не приняты критиком, но такое «расширение базы для графических сопоставлений», очевидно, понадобилось Клосону, потому что прямому сравнению тюркские руны ни с согдийскими, ни с пехлевийскими, ни с бактрийскими не поддаются. Все до одного сопоставления знаков некорректны. Ни в одном случае тождественность сравниваемых графем по схеме согд. > тюрк. (пехл. > тюрк., бактр. > тюрк.) не может быть доказана. Желających убедиться в этом отсылаю к сравнительным таблицам в названном произведении (стр. 74-75). Сам я приводить эти материалы не считал нужным не только потому, что в моих условиях это представляло определенные технические трудности, но потому, что там не с чем было спорить.

В.А.Лившиц, справедливо не приняв сравнительные таблицы Клосона, к сожалению, свою предложил не лучшую. Его собственное кредо: «Представляется вероятным, что руника возникла в результате единовременной сознательной обработки согдийского алфавита (подчеркнуто мной – О.С.), а не как следствие его длительной, стихийной трансформации Согдийские графемы служили для творцов руники лишь исходными прототипами, формы которых были существенно изменены. Исходными прототипами для подавляющего большинства рун послужили, скорее всего, буквы согдийского курсивного письма, известного по памятникам V-VI веков. Согдийский алфавит, использованный при создании руники, содержал 22 буквы... Предполагаемые графические соответствия для 29 рунических знаков показаны в таблице на стр. 94-95.»

Материалы таблицы противоречат вероятности того, что буквы руники «возникли в результате единовременной сознательной обработки согдийского алфавита, а не как следствие его длительной и стихийной трансформации.»

Ну, нельзя при единовременной и сознательной обработке так исказить формы заимствуемых букв!..

Чтобы довести арамейские угловатые буквы до такого курсивного состояния, персам понадобилось несколько веков, в течение которых тысячами писцов осуществлялась механическая «стихийная трансформация». Например, арамейск. 𐤐 «р» (в лат. записи) должна была превратиться за века в согд. 𐭎 «р» и «в результате единовременной сознательной обработки» исказиться до такой степени, что вернулась в прасостояние (др.-тюрк. 𐰽 «р»).

И более того, в связи с тем, что буква «р» в согдийских памятниках так выглядит только в начале слова, а в середине приобретает чуть измененный вид 𐭎, то делается вывод – именно из этой формы в результате дальнейшего искажения выработана тюркская буква, которая и использовалась для палатального бь. (Речь идет о букве-иероглифе 𐰽 - *ab'* – «дом».)

Предложенная В.А.Лившицем картина «одномоментного» превращения согд. 𐭎 в тюрк. 𐰽 – *мь/мь* мне представляется также несостоятельной, прежде всего, потому что эта тюркская буква создана без помощи каких бы то ни было аналогов из других алфавитов: авторы орхон-енисейской (или, точнее, енисейско-орхонской) руники, как говорилось, хорошо знали тюркскую грамматику, в частности – о механическом чередовании б/м. Поэтому они создали знак для звука «м», просто изменив позицию родственной буквы: 𐰽 *ab'* ➤ 𐰽 *ām/am*. (В тувинских памятниках 𐰽 ➤ 𐰽.) Зачастую значения переходили с одной буквы на другую, настолько эти звуки в тюркских языках близки. Например, в др.-тюрк. *biŋ* – «1000», *ben* – «я» как в совр. турецком, а в остальных тюркских *miŋ*, *muŋ* – «1000» и *men* – «я». Творцы руники, конечно же, знали об этом. И в разных надписях, передававших диалектные особенности, буквы 𐰽 𐰽 могли читаться и *ab'*, и *ām* – «дом».

Так же, если не хуже, обстоит дело и со всеми другими сопоставлениями. «В заключение хотелось бы отметить, – пишет В.А.Лившиц, – что автор настоящей статьи – иранист, а не тюрколог, он сознает, что предложенные графические сопоставления и комментарии к ним могут лишь несколько уточнить и дополнить согдийскую версию происхождения руники, разработанную уже Р.Готье; эта версия и ныне остается гипотезой, хотя и наиболее правдоподобной.» (стр.98).

За время, прошедшее после рассмотренных трудов, появилась только одна заметная работа на ту же тему – книга А.М.Щербака «Тюркская руника» с подзаголовком «Происхождение древнейшей письменности тюрков» (Санкт-Петербург, «Наука», 2001 г.).

А.М.Щербак в отличие от В.А.Лившица – тюрколог, притом один из самых заметных и опытейших. Посмотрим, что он предлагает. Прежде всего, хочется отметить реалистически выдержанный, объективный взгляд профессионала, глубоко изучившего уже достаточно доступную историю языка и культуры древних тюрков. Оценивая научный подвиг В.Томсена, автор говорит в Предисловии о культурно-историческом значении дешифровки: ее результатом стало *«открытие поразительного факта многогранности повседневной жизни в тюркских каганатах VI-IX в.в. и чрезвычайно высокого уровня их политического, хозяйственного и культурного развития... Несколько неожиданно взору исследователей предстал в новом облике народ, о котором до XIX в. могли знать главным образом по завоевательным походам сельджуков, установлению османского владычества в Передней Азии и русско-турецким войнам...»*

Высоко оценивая древнетюркский рунический алфавит, который справедливо рассматривается как высокая ступень проявления интеллектуальных возможностей человека, мы с большой степенью ответственности подходим к решению вопроса о его происхождении... Тюркские народы вправе гордиться высоким уровнем развития культуры в столь отдаленное время, обретением специфических форм государственности и связанных с ними самобытных институтов, ощутимым вкладом в развитие мировой цивилизации. Для этого есть все основание и нет ничего, что бы вызвать сомнения в обоснованности приведенных выше оценок».

Символично, что эти долгожданные и заслуженные древними тюрками слова прозвучали, наконец, из уст уважаемого ученого в самом начале нового века. Скажем больше – нового тысячелетия.

Даже у Л.Н.Гумилева, первым высоко оценившего творческий потенциал тюркского суперэтноса и его роль в истории Евразии, я не читал слов об «ощутимом вкладе» древних тюрков «в развитии мировой цивилизации». Будем надеяться, что это начало нового подхода к тюркской истории и культурам.

Значительная работа, проделана В.Томсеном и В.Радловым, продолжена П.М.Мелиоранским, В.Бангом, С.Е.Маловым и его учениками А.М.Щербаком, С.Г.Кляшторным, Л.Р.Кызласовым, И.Л.Кызласовым, С.В.Кисилевым, Васильевым Д.Д., Кормушиным Ш.В., С.Аманжоловым и другими, чей труд в ходе интенсивного собирания, первых прочтений и первичной систематизации открытых надписей способствовал развитию тюркологии.

Но, к сожалению, их общие усилия не помешали тому, что в мировой палеографии о древнетюркском руническом сложилось устойчивое мнение как «о провинциальном, позднейшем, перезаимствованном письме, не представляющем интереса для общей

палеографии» («Азия», стр.203). В предисловии к переводу книги И.Фридриха «Дешифровка забытых письменностей и языков» (которая в СССР считалась наиболее серьезной работой по истории открытий «ископаемых» письменностей) З.И.Дунаевская справедливо замечает: *«Недостатком работы И.Фридриха, с точки зрения нашего читателя, является крайне беглое указание на те языки и письменности, которые были распространены у древних народов, населявших нынешнюю советскую территорию. Некоторые из них вовсе не упомянуты»*. Это замечание рецензента учел редактор советского издания И.Дьяконов, который в послесловии назвал и охарактеризовал все неупомянутые И.Фридрихом письменности, кроме, конечно, древнетюркской. *«Не станем жаловаться на зарубежных авторов (И.Феврис, М.Коэн, И.Дирингера, Ч.Лоукотка, И.Гельба), так как их невнимание можно объяснить только нашей собственной невнимательностью»* - писалось тогда («Азия», 1975, стр.203-204). Я процитировал эти выдержки из своей книги в речи на Международной конференции «Древнетюркская цивилизация: памятники письменности», состоявшейся в мае 2001 года в Астане. И резюмировал, что *«и спустя четверть века вынужден выразить те же чувства теми же словами. Все в нашей жизни меняется, в науке сей пока продвижения не видно»*.

Неразвитостью теории рунологии определяется застой в тюркологии в целом. И это состояние понятно наиболее опытным специалистам. *«Долг российских тюркологов, - пишет в заключении книги А.М.Щербак, - поддержать и развить дух больших творческих исканий, продолжить начатую В.Томсеном и В.В.Радловым работу, углубить изучение изданных текстов, создать полный корпус рунических текстов, представляющих огромную научную и, вместе с тем, культурно-историческую ценность, наконец, внести ясность в вопрос о происхождении тюркской руники...»* (стр.137).

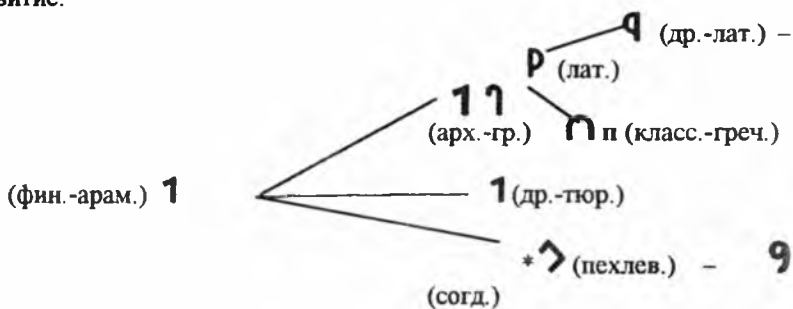
Ответ на этот вопрос действительно имеет огромное значение потому, что наступает время осознания того факта, что каждый знак этого алфавита – не просто скопированная и искаженная неумелым грамматистом буква другой, как полагают исследователи, письменности, а произведение графического искусства, подчиненного определенным грамматическим законам и правилам. И потому руническая буква, а тем более буква-иероглиф, есть творческий документ определенной эпохи, заключающий в себя значительный объем исторической информации, стремление постичь которую и должно способствовать развитию тюркологии нового века.

Такое виденье тюркской руники является рубежным, определяющим начало нового этапа развития тюркологии.

Я понял, прочтя монографию А.М.Щербака – этот труд завершает согдийскую версию. Нет, автор не отказался от нее за

неимением другой, но и не унизил рунологию очередной попыткой беспомощных сопоставлений согдийского курсива с тюркским монументальным письмом. Он ограничился только осторожным комментарием, который выдает скептицизм опытного граматолога относительно проведенных предшественниками сравнений: «*Не ставя перед собой специально цель сблизить приведенные знаки с буквами раннего согдийского письма и других алфавитов, мы, тем не менее, не можем не обратить внимание на присутствие в отдельных случаях внешних сходств.*» (стр. 76). Подчеркнуто мной. «Отдельные случаи» это только «р» и 1 «р».

Теперь для нас очевидно, что фин.-арам. буква имела такое развитие:

В книге много высказываний, с которыми можно согласиться или поспорить, но одно несомненно, что о происхождении тюркской руники (о его непосредственном источнике) сказано вскользь, неуверенно. Материалы книги никак не усиливают «согдийскую версию». Подводя итог обзора работ сторонников этой единственной версии (Р.Готье, Дж.Клосона, В.А.Лившица, А.Рона-Таш), А.М.Щербак делает вполне оправданный вывод: «*попытки обнаружить для каждого знака конкретный и точный материальный прототип, вероятно, обречены на неудачу.*» (стр. 49).

Гораздо более содержательней говорится в книге о многообразии разновидностей тюркского рунического письма и их географической распространенности. Обобщая материал полевых исследований многих рукологов, А.М.Щербак пишет в Введении: «*Мы выделяем несколько групп рунических надписей тюрок, исходя, главным образом, из места их нахождения и учитывая размеры, формальную и содержательную значимость.*

- I. Надписи Монголии.
- II. Надписи бассейна Енисея и Хакассии.
- III. Надписи Восточного Туркестана.
- IV. Таласские памятники древнетюркской письменности.

V. *Надписи Алтая.*

VI. *Рунические или рунообразные надписи, найденные в различных районах европейской части России.*

VII. *Рунообразные надписи Венгрии.*

VIII. *Рунообразные надписи Румынии и Болгарии.*

IX. *Прочие надписи.»*

(стр.11-12).

Автор объясняет Евразийский масштаб распространения руники ее продвижением с востока на запад, которое, по его мнению, началось во времена Второго Тюркского Каганата, когда тюрки расселились до «Железных Врат» (так назывался район Дербента, узлового пункта традиционного пути из Западного Прикаспия в Иран и далее в Переднюю Азию). Но, видимо, не только до Железных Врат доходили тюрки в V-VIII в.в., но и значительно западнее. Только ли с востока на запад лежали дороги тюркского письма? Или бывало и с запада на восток? Как полагают некоторые авторы, с которыми спорит А.М.Щербак, - еще нельзя ответить на эти вопросы, пока не дешифрованы все найденные на западе рунические или «рунообразные» надписи, пока не произведена этимология всех знаков руники и пока не понята начальная история самого письма и не получен ответ на вопрос – откуда пришли оказавшиеся в Монголии тюрки?

Посему пока можно ответить, опираясь на поверхностное изучение материала, что некоторые буквы енисейского письма древнее орхонских, а некоторые орхонские выглядят древнее енисейских. О большей древности енисейских памятников говорили еще Радлов, Мелиоранский и другие первые исследователи. Значит, по пути на Орхон тюрки прежде исписали камни Алтая и Сибири?

Современные исследователи (И.Л.Кызласов) настаивают на том, что орхонские надписи старше. И одним из важных аргументов в пользу такой датировки служит форма некоторых букв.

Таким образом, существенные поправки в наши уопостроения, относительно древности черт той ли иной разновидности письма, могут и должны внести данные этимологии графем.

Для меня важными представляются и другие наблюдения И.Л.Кызласова – активнейшего исследователя руники. Проанализировав особенности строя тюркского алфавита, он считает, что «*порождается качественно новый взгляд на раннюю историю и происхождение орхонского и енисейского рунического письма*». Он, по сути, отвергает все до сих пор предпринимавшиеся попытки возведения азиатских рун «к тем или иным известным письменностям основанные на поисках внешнего сходства знаков (от гипотезы рисуночно-тамговых источников до сопоставления с согдийским курсивом или любым другим производным от арамейского ствола)». В основу сопоставительных

изысканий ныне следует положить специфику внутреннего устройства письменности...»⁸¹.

Добавим – и внутреннего устройства письменного знака. Подводя итоги десятилетия по изучению руники, похожие мысли высказал и И.В.Кормушин: «Однако палеографическая сторона изучения рунических памятников не получила в тюркологии должного развития. Исследователи сосредоточили свое внимание лишь на двух проблемах: происхождение орхоно-енисейского письма, а именно – какой и когда был положен в основу тюркских рун, и хронологическом соотношении орхонских и енисейских памятников. Классики рунологии – Томсен, Радлов, Мелиоранский и др. – неоднократно высказывались (...) в пользу большей древности енисейских рун. Не решен окончательно и вопрос о происхождении тюркских рун. Большинство признает лишь общее положение о заимствовании или, точнее, изобретении тюрками алфавита на основе одной из разновидностей согдийского письма... На наш взгляд, прояснению деталей и общей достоверности идентификации рун и их прообразов должно способствовать решение вопроса о том, какие начертания тюркских рун являются самыми ранними, то есть палеографический анализ собственно тюркского материала... – далее он пишет – Мы вынуждены констатировать фактическое отсутствие тюркской рунической палеографии.»⁸².

Но предпринятая им самим попытка «графемологического анализа» при всех явных достоинствах технического характера (сделанного автором описание номенклатуры графических элементов) не привела к главному – выявлению грамматики буквы, т.е. правил построения графем с помощью грамматических средств (диакритических знаков). Не выявлены и системы механических изменений формы знаков. А сделать это можно было только в одном случае, если бы тюркское письмо рассматривалось в сопоставлении не только с позднейшей редакцией арамейско-персидского алфавита, но и, невзирая на установки И.К.С. – с другими письменностями Древнего Мира. Для этого надо было понять грамматику буквы финикийской, арамейской, греческой, латинской и др. Такая работа не была проделана, несмотря на обилие трудов по названным письменностям. Поэтому я считаю, что проблемы изучения тюркской руники во многом зависят от отставания общей теории письма.

⁸¹ И.Л.Кызкасов «Рунические письменности евразийских степей», М., 1994, стр.161.

⁸² И.В.Кормушин «К основным понятиям тюркской рунической палеографии» («Сов.тюркология», № 2, 1975, стр.26-27.

Грамматика буквы

Механические изменения. Черта-заместитель

«Во второй половине I тысячелетия до н.э. арамейцы внесли в финикийское письмо некоторые изменения. Они упростили форму многих букв, сократив количество составляющих их черт, и как бы расщепили сомкнутые верхушки некоторых букв.» (Истрин, 309).

Финикийский	Арамейский алфавит		Названия
	Ассирийского периода	Персидского периода	
			<i>bet</i>
			<i>dalet</i>
			<i>het</i>
			<i>'ain</i>
			<i>resh</i>

По этим расщепленным верхушкам (и в одном случае – внизу) и опознавалось арамейское письмо. Причина называется: вероятно, в целях скорописания.

Какую выгоду для истории письма исследователь может извлечь из наблюдения за дальнейшей судьбой расщепленных букв, по крайней мере, одной из них – *het*? Именно этот арамейский вариант графемы попал в классический греческий и латинский алфавиты. Одно это говорит о том, что греческие и римские грамматисты знали арамейский алфавит и использовали его букву. При этом римляне сделали это, возможно, независимо от греков, об этом говорит разность значений заимствованной буквы: *h* (лат.), *ē* (греч.). Также соображениями ускорения процесса письма (обусловленного торговым и административно-хозяйственным его применением) можно объяснить и другое явление.

Финикийский	Арамейский алфавит		Значения
	Ассирийского периода	Персидского периода	
			<i>mem</i>
			<i>šyn</i>

Здесь черта еще (или уже) не играет роль грамматического значка, потому что не влияет на значение буквы, а лишь на форму. Сокращается, благодаря ей, половина финикийской буквы с удвоенным элементом. Черта-заместитель заменяет собой вторую долю удвоенной буквы.

Эта арамейская черта-заместитель, вероятно, стала известна грекам, малоазийским и этрусским грамматистам, которые использовали ее, чтобы сократить число «одноногих» букв, превратив их в двоянные. Так, греч. – *f* в лидийском (Малая Азия, первая половина I тысячелетия до н.э.) и в этруском (Апеннины, первая половина I тысячелетия до н.э.) преобразуется в – *f*. Уверен, что таким же способом финикийская *bet* превратилась в др.-греч. – *beta*. (В классическом алфавите буква повернулась вместе со строкой слева направо - *B*, *V*.) Знание о такой функции черты-заместителя жило в древней графологии (или грамματοлогии) не один век: римляне использовали удвоение и черту-заместитель, создавая строчные буквы, сокращая удвоенные: *V b*, *H h*... И даже, если прописная (заглавная) была «одинарной», то, чтобы показать сокращение ее объема вдвое, применяли черту-заместитель, направленную вверх: *D d*, *T t*.

Использование арамейской черты-заместителя в древнеевропейских и малоазийских письменностях историки письма еще не заметили. Например, превращение финикийских букв в греческом алфавите (в том числе формы фин. *bet* в греч. *beta*). В.А.Истрин объясняет просто: *«Несколько изменена была греками форма финикийских букв. Не теряя близости к финикийским, греческие буквы, в соответствии с традициями греческой архитектуры и орнаменталистики, приобрели более завершенный геометрический рисунок.»*⁸³.

Палеографов вполне устраивало, что греческий алфавит и количеством букв, и порядком их, и названиями полностью соответствовал семитским, и потому на некоторые графические отличия внимания не обращали, посчитав их результатом эволюционного развития или проявлением творческого произвола греческих грамматистов, стремившихся графически совершенствовать форму письменных знаков.

...Но это было одно из самых поздних применений диакритического знака-черты в качестве лишь механического средства, увеличивающего форму знака, а не его значение.

⁸³ Указ. соч., стр.339.

Грамматические изменения. Черта долготы

В финикийском алфавите есть удивительная пара букв, которые выявляют грамматическую роль диакритической черты, слитной с основным знаком. Я думаю, из какого-то неизвестного нам иероглифического письма попала в финикийский набор графем пара иероглифов, которые должны были бы стоять в алфавите рядом, но они разрознены. Мы их сблизим, чтобы яснее стало их родство и отличие:

Буква	Название	Значение
	<i>he</i>	<i>h</i>
	<i>hēt</i>	<i>h</i>

Черта слева и вверх от основного знака, думаю, в письменном источнике означала какое-то качественное или количественное изменение звука. Или начального согласного или гласного.

Аrameйцы, не изображавшие гласных, избрали первый путь. Но любопытно, что греки, слышавшие истинное произношение древними семитами названия этой буквы, услышали долгий гласный в слове - **hēt*, и эта буква стала называться в греческом *ēta* и выражать долгий: *ē*.

Долготу гласному придала черта, слившаяся с буквой *he*.

II

...Позиционный принцип выявляется в римских цифрах: 1) черта-единица справа от основного знака – увеличение на единицу (VI, XI), потому что строка развивается слева направо, и потому черта, как бы, наращивает основной знак, а её числовое значение увеличивает значение основной цифры; 2) черта-единица слева от основного знака (т.е. против направления строки) уменьшает на единицу.

В китайском тексте строка вертикальная, и на странице строки идут справа налево. Следовательно, черта, направленная справа, снизу вверх от основного знака – увеличение на единицу (так в свое время созданы были в китайском цифровом ряду от несохранившейся пятерки следующая цифра - «шестерка», а за ней «семерка». В современном китайском письме уцелела только последняя. В «арабских» цифрах семерка оказалась механически перевернутой. (Сами арабы называют свои цифры – «индийскими».) Далее, черта, направленная справа вниз от основного знака – есть уменьшение на единицу: - «десятка», - «девятка». Эта пара цифр сохранилась в цифровом ряду.

Она грамматически соответствует арабской паре: «десятка», ٩ - «девятка».

(В арабском сохранилась и «шестерка», не уцелевшая в китайском: ٦, ٦ и четверка ٤ - «пять минус один». В китайском ее заменил натурали-стический квадрат... Следы аналитических цифр в среде синкретических – свидетельство неодномоментного, сложного, длительного процесса формирования цифрового ряда. Как в китайском письме, так и в арабо-индийском. И главное – проявления позиционного принципа в аналитических западноевропейских цифрах и в синкретических ближневосточных и дальневосточных говорит не о случайном совпадении – грамматика цифровых знаков была известна письмотворцам Древнего Мира, они использовали позиционный принцип не только в цифрах, но и при строительстве иероглифов и букв, изображая долготу гласного (или согласного): *hēt* (*het*) при письме справа налево черта идет влево вверх.

III

Отличались восточные письменности (и сложные буквы) от западных, так же как языки: синкретизм восточных языков и аналитичность западных. Даже в этом проявлялась зависимость языка от письменности. Аналитичность, как феномен западного языка и письма, возникла после синкретизма.

Считается, что черту долготы впервые ввели греки: «В римский период (I в до н.э. – IV в н.э.) греки начали применять знаки долготы и краткости гласных.»⁸⁴ До греков, действительно, никто не использовал аналитическую черту долготы: *ā*, *ē* и т.д. Но слитную, оказывается, знали и до греков, и до финикийцев. И знание об этом не знало границ ни пространственных, ни временных. В авестийском алфавите (III в. н.э.) традиция слитной черты долготы проступает совершенно отчетливо:

>	и
⤵	ī
⤵	i
⤵	ī
3	o
3	ō

⁸⁴ Истрин, указ.соч., стр.351.

«В письме этом было введено обозначение кратких и долгих гласных по греческому образцу.» – пишет В.А.Истрин⁸⁵. Имелся ввиду не способ создания буквы для долгой, а само явление – обозначение долгих гласных, которое первыми, как считается, стали делать греки в I-IV в. н.э.

В эти временные рамки и укладывается дата создания авестийского письма. Но если бы авестийские грамматисты были знакомы с греческим нововведением, то едва ли бы превратили аналитический горизонтальный знак долготы в вертикаль, слитную с основным знаком. Это все равно, что теперь утверждать, что римская IX впрямую повлияла на создание кит. 卅 и араб. ٩.

IV

Я думаю, что слитная черта долготы появилась в ближневосточных иероглифических письменностях до рождения финикийского письма. Раньше мы рассматривали происхождение знаков Коровы, попавших в финикийский алфавит. Их названия складывались из наименований составляющих элементов: U O - *й*, I - *ha* ('a), P Ψ - **ha-u* ('au).

«Рога и Копье» («Луна и Копье») = «Убитый Бык», «Не Бык» («Убитая Луна», «Не Луна») > «Корова» («Солнце»).

Было еще несколько предметных толкований знака. Наиболее близкое к исходным – «убить быка» > «иметь», «получить в собственность».

Рядом с индо-евр. *gau, kou, kow, kov* – «корова» слышатся диалектические **hau* > *have, hab-, hō* – «иметь» в романских и германских языках. Последний пример **hō* – «имею» (ит.) особенно показателен (произносится – *о*). Превращение дифтонга *au* в долгие *ō, ū* происходит и в европейских, и в тюркских (кыпчакских и алтайских) языках.

В древнекитайском встречается горизонтальное применение черты в этом знаке: U *kou* – «рот». (Первичное значение было утрачено, и знак перетолковался как «нижняя часть лица с линией рта».)

Возможно, именно подобный иероглиф с названием *ō, ū*, уже содержащим долгий и был переразложен U, греческий грамматист получил символы противоположных фонетических явлений – долгого и краткого:

— знак долготы,

⁸⁵ Там же, стр.322

У знак краткости.

V

Продолжим тему происхождения знаков для долгих гласных. Быка-месяца **У** - *й* убивали не только *копьем*, но и *переворотом*. На каменных писаницах встречаются быки-олени, пронзенные копьем-стрелой, и просто перевернутые вверх ногами, что также означало – убит. Смерть и от копья, и переворотом называлась именем копья - **ha* ('a). То есть, **Ψ** и **Ω** и назывались одинаково **ha-й > a-й > ѱ, Ѡ*. И оба знака обозначали один смысл – «убитый бык» > «не бык», «корова». Я думаю, в алфавите, предшествовавшем классическому, была пара:

У	<i>и</i>
Ω	<i>ѱ, Ѡ</i>

Несмотря на разность позиций в письменном поле, буквы были слишком близки по форме и могли путаться при чтении. Поэтому грамматисты (а мы знаем, что ими были Паламед и поэт Симеон в VI-V в.в. до н.э.) заменили букву «рога-месяц» на «синонимичную» - «полную луну». (В большинстве древних языков месяц и луна назывались одним словом.)

Так в классическом алфавите возникает уже незтимологизирующаяся пара:

О	<i>о-микрон (о-краткий)</i>
Ω	<i>о-мега (о-долгий)</i>

А мы зафиксируем второй способ создания буквы для долгого – переворотом.

VI

В восточногреческих разновидностях письма проявил себя третий способ. Пожалуй, самый поздний, буквальный. Чтобы получить знак долгого, просто удваивали знак краткого.

◡	и, о
Ω	ĩ, õ

И здесь заменяют «месяц» полной «луной». В византийском алфавите появляется своя неэтимологизирующаяся пара, которая также до сих пор неразгадана:

○	о-микрон (о-краткий)
Ω	о-мега (о-долгий)

Итак, мы узнали, что в письменностях Древнего мира (во II-I тысячелетиях до н.э.) проявили себя три способа создания знаков для долгих гласных:

- 1) чертой долготы,
- 2) переверотом,
- 3) удвоением.

Они могли использоваться или все три в одной письменности для того, чтобы избежать однообразия форм, или только два, или один. В авестийском алфавите, например, в большинстве случаев использовалась черта долготы и лишь однажды – удвоение:

ш	а
шш	ā

К истории грамматической черты

Среди финикийских букв есть несколько бывших иероглифов, которые содержат диакритический знак-черту, использованную в разных значениях, но все с изменением смысла основного знака. В одном случае применена черта мягкости, в другом – черта отрицания («опрокидыватель»), в третьем – долготы. Иероглифы попадали в финикийский словарь, видимо, из разных источников. Я уже высказывал предположение, что это были племенные гербы-тамги,

которые вожди племен высекали на камне, подписываясь таким образом под договором о военном союзе. Такие писаницы еще сохранились в Казахстане. Наверное, в древности они встречались и в Малой, и Передней Азии, где обитали племена кочевников. В союзах могли участвовать индоевропейские и семитские племена, о чем говорит состав знаков финикийского алфавита, где есть и бывшие иероглифы 'alef – «вол» (семит.), индоевропейские: kof (*kow) – «корова»; kaf (*gav) – «корова»; wau, waw (*au, aw) – «корова», «баран».

II

Присутствие семитских «горбов» увеличивает третья буква: gimel' – «верблюд». В греческом ей соответствует – gamma.

Настораживает качественная разность звуков названий. Мне представляется, что источником греческого алфавита был некий «дофиникийский», в котором существовали пары знаков, выражавшие и количественную оппозицию согласных (например, he-hēt) и качественную (*gammal-*gemmel). Знак долгого образовывался чертой, направленной вверх влево, знак мягкого наоборот – вниз вправо:

	he	h
	hēt	h

	*gammal	g
	*gemmel	g'

Одним горбом изображался одногорбый верблюд, горб – с «заместителем», вероятно, обозначал двугорбого (=).

«Количественная пара» была принята и в финикийский, и в греческий алфавиты, «качественная» не понадобилась ни тем, ни другим. Каждый взял по одному знаку из пары, но при этом греки перепутали названия. Возможно, не придали значения качественной разности. (Форма «одногорбого» без удлинения одной из сторон представлена в этрусской «гамме».)

III

В «алфавите-предшественнике» существовала пара иероглифов «дверь»-«дом», где черта выполняла механическую роль, не влиявшую на звуковое значение. Она как бы отрицала, опрокидывала основной знак и тем придавала перевернутому ближайший противоположный смысл. Если основным был знак, изображающий дверь, то «ближайшим противоположным» в письменностях II тысячелетия до н.э. был, вероятно, - «дом». И наоборот.

	<i>dalet</i> (дверь)
	<i>bet</i> (дом)

Так, по моим расчетам, и произошла буква «бет», не похожая на дом, но в иероглифических письменностях эпохи Шумера и Египта знак часто был выразителем грамматической идеи, а не внешнего сходства с предметом. В египетском, мы видели, идея «не дом» («антидом») породила значение «дверь». В «дофиникийском» идея «не дверь» произвела «дом». А семиты подобрали к полученному знаку слово: *bet* – «дом».

IV

Черта-отрицатель («опрокидыватель») отметилась в семитских письменностях, я думаю, рано. Шумерский иероглиф *kalam* – «страна», описательное название: *kur* – «гора», *kir* – «земля».

Древние семиты (аккадцы) заимствовали шумерское письмо, и этот весьма популярный иероглиф, служивший детерминативом (он писался рядом с каждым названием страны, встречавшимся в текстах).

Для упрощения – оставили элемент , но оба названия перевели на семитский: *šadu* – «гора» (слоговое – *ša*), *madu* – «земля» (слоговое – *ma*).

Культурные контакты между Древней Передней Азией и Южно-Аравийским полуостровом, откуда вышли аккадцы, вероятно, не прекращались. Аккадский детерминатив оказывается в буквенных письменностях Южной Аравии конца II тысячелетия до н.э. Эти системы были созданы в древних государствах Аравийского полуострова – в царствах Ма'ин, Катабан, Хадрамаут «почти одновременно или даже до финикийского алфавита.» (В.А.Истрин, 283). То есть, к концу II началу I тысячелетия до н.э. К началу XX столетия надписи были дешифрованы Ж.Галеви, Е.Литманом и др. «Происхождение южносемитского письма недостаточно ясно. И по количеству букв, и по их форме письмо это существенно отличается от финикийского; поэтому основой его многие считают некое протосемитское письмо.» (В.А.Истрин, 284).

Южносемиты развели оба значения одного знака, благодаря черте отрицания. (Положение знака механически изменилось на 90°. Это происходило при переходе с вертикальной строки на горизонтальную.)

Сабейское	Инхьянское	Аксумское	Гёёз	Произношение
				<i>š</i>
				<i>m</i>

Здесь наблюдается в ряде случаев комбинированный способ – черта с переворотом.

Только в аксумском и гёёз позиция знака не менялась – действовала только черта отрицания. (Выборка сделана из таблицы разновидностей южноаравийского алфавита по Ч.Лоукотка, приведенной в книге В.А.Истрина, стр.80.)

Авторы финикийского письма тоже использовали черту отрицания в этой паре.

	<i>š</i>
	<i>m</i>

Анализируя южносемитские и финикийскую пары вкупе с позднеаккадским иероглифом (упрощенно -) с двумя слоговыми названиями *ša-ma*, я вижу, что в какой-то неизвестной нам системе письма возникла и такая пара:

	<i>m</i>
	<i>š</i>

Именно перевертыш *š* и послужил южносемитам и финикийцам базой для создания своего «м», потому что знаки Неизвестного не могли удержаться в их алфавитах без добавочных определителей – в надписях они могли путаться. Только в классическом греческом со строго упорядоченной строкой могли сосуществовать знаки, отличающиеся лишь положением в пространстве:

	<i>m</i>
	<i>s</i> (* <i>š</i>)

Эта пара также подтверждает мысль о том, что греки заимствовали свое письмо не у тех «финикийцев», которых имеет в виду наша наука.

Выводы

- 1) Пары иероглифов (букв) возникли из-за попытки освоения шумерских и аккадских идеограмм, выступавших под двумя названиями и выражавших два смысла: шум. «дом-дверь», «гора-земля»...
- 2) Для того, чтобы развести значения, знак переворачивали (египтяне), отрицали чертой (южносемиты и финикийцы).
- 3) Южносемиты применили комбинированный способ – черта с переворотом.
- 4) Благодаря восстановлению этих правил грамматики (от греч. слова *gramma* – «знак письменный»), мы узнаем генезис некоторых финикийских букв и восстанавливаем пары с «механической» чертой отрицания: *dalet-bet*, *šyn-mēm*.
- 5) В финикийском алфавите восстанавливаются пары с «грамматической» чертой, также слитой с основным знаком: а) черта долготы: *he-het*; б) черта мягкости: **gammal-^{*}gammel'*.

И только теперь, после того как мы восстановили грамматику буквы, поняли закономерности знакоизменений, действовавшие в письменностях Древнего мира, мы способны понять происхождение всех (или почти всех) букв древнетюркского рунического письма. В первую очередь «мягких», в создании которых применялись только комбинированные способы: а) черта с поворотом основного знака; б) удвоение с поворотом. Семитские алфавиты обходились двумя-тремя парами букв, в которых действовали знаки-изменители, тюркским знакотворцам пришлось создавать значительно больше грамматически измененных букв. И поэтому, чтобы не появилось слишком много «одноногих» или «перевернутых», «или «удвоенных», пришлось отказаться от применения только одного способа и прибегнуть к комбинированным. В отличие от семитских «грамматических», изменявших количество или качество согласного, в отличие от индоевропейских, добивавшихся изменения количества гласного, тюрки (огузо-карлуки) заинтересованы были в изменении качества и гласных, и согласных.

Тюркские языки отличались от индоевропейских сингармонизмом. В огузо-карлукских такая двурядность (велярные-палатальные), вероятно, появилась раньше, чем в кипчако-алтайских, в которых знакоизменитель (черта-копье **ha/a*) производил дифтонг *ai* и долгие *ō*, *ū*, *ā*. А в *j*-культуре, к которой относились огузо-карлуки, появились нотированные (*ju*, *jo*, *ja*), которые превратились в мягкие (*й*,

ö, ä). Они сначала возникли в протоогузских и потом распространились в другие тюркские языки.

Таким образом, если в индоевропейских письменностях (и протокипчакско-алтайских) черта «грамматическая» символизировала изменение количества звука (ибо первоначально читалась *a), то в огузо-карлукской она была чертой мягкости, ибо читалась первоначально *-j.

Способы грамматических знаменований в тюркской рунке.

Повторяем, комбинации маскировали способы знаменований, иначе внимание пишущего и читающего отвлекалось бы слишком явным превращением форм.

➤	u (o)
᳚	ü (ö)

Черта с поворотом основного знака

D	jъ
᳚	jъ

Черта с переверотом основного знака

᳚	uk (ok)
᳚	ük (ök)

Удвоение основного знака с
переверотом

᳚	akъ
᳚	äкъ

То же

Восстановив правила, по которым создавались «мягкие» буквы, мы можем перейти к другим «мягким», велярные пары которых не находятся с ними в явном формальном родстве.

II

Попутно ответим на возникающий вопрос.

В византийском и греческом случилось, вероятно, и такое – встретились две пары:

Э	e
Н	ē

І	i
И	ī

Формальное совпадение двух «долгих» послужило причиной устранения одной из них, и в результате *e*-краткий остался без пары. Возникла троица:

Э	<i>e</i>
І	<i>i</i>
Н	<i>ī</i>

В современном греческом долготе большинства гласных не придают грамматического значения (кроме *ō*), поэтому *и*-долгий по произношению сравнился с *и*-кратким, а всего в алфавите собралось три буквы, выражающих, по-существу, один и тот же звук. Сократить две из них мешала традиция.

Третья *у* (*и*-псилон), доказывает, что в греческий алфавит было заимствование из неизвестного письма, в котором применялась черта мягкости. Вот она по достоинству занимает свое место: звук *ū* (*у*-мягкий), который она выражала в древнегреческом, в результате естественного фонетического процесса перешел в узкий (*ū > i*), такое явление наблюдается и в славянских (др.-чеш. *l'ud*, чеш. *lid*, др.-чеш. *l'ubov*, чеш. *libov* и т.д.), в тюркских (тур. *būjuk* – «высокий», каз. *bijik*, тур. *kūçuk* – «маленький», каз. *kişi* и т.д.).

Некогда в доклассический период пара губных выглядела так:

УУ	<i>u</i>
ЧУ	<i>ū</i>

Затем произошла передвижка гласных *ū > i*, и произошло следующее:

У	<i>u</i>
Ч	<i>i</i>

В начале н.э. в греческом письме появляются прописные буквы, которые используются в именах собственных, названиях городов и в начале предложения. Вырабатываются пары: Прописная (заглавная) – строчная (малая). Именно тогда ошибка грамматиста повлияла на звучание многих греческих слов, дошедших издревле в письменном виде. К тому времени греческие грамматисты уже не помнили роль слитной черты и принимали ее за штрих-заместитель, увеличивающий

букву. Поэтому «одноногой букве» придали статус Прописной, а парную сделали строчной, приписав ей то же значение, что у «большой» буквы. Так появилась пара **ЧУ** - *i*. (Звук «у» тогда и стали выражать в позднегреческом комбинацией «природно» родственных знаков *ou*. Заимствовано некоторыми западноевропейскими письменностями: французской, английской...) В результате древнегреческие слова, дошедшие до византийских читателей в письменном виде, содержавшие букву **У**, стали читаться искаженно. Так, например, название кочевников *σκυθ* - во времена Геродота читавшиеся *skuth-*, в византийской литературе прочлось *skyth-*, *skith-*, и в этом виде стало известно западноевропейским языкам. Современное англ. *skit*, слав. *skif*⁸⁶. (Буква *θ* - *th* славянскими книжниками постоянно прочитывалась как **□** - фита.)

III

...Любая письменность с многовековой историей не обходилась без реформ орфографических – без исключения устаревших букв и добавления новых из соседних или отдаленных, но известных грамматистам систем. Греческий алфавит, будучи продолжением финикийского, пополнялся по ходу арамейскими формами (**Н**), и, как мне кажется, *прототюркское письмо было грекам также известно (**Х**, **У**). Этих букв нет в финикийском, они попали в алфавит, думаю, в VIII в. до н.э., потому что уже фигурируют в этрусском алфавите, произошедшем от западногреческого. В этрусском буква **У** – выражала тот же звук, что и в кириллице. Славяне и сейчас не могут передать мягкость губного гласного при заимствовании тюркских слов. Подобное могло происходить и в древности при освоении тюркизмов.

...Таким образом, буква **У** в своей истории могла выражать и долгий (*ū*), и мягкий (*ü*): один и тот же диакритический знак (черта) сближает древнегреческую букву с этрусской, славянской, а также с тюркской **У** *ü(ö)* (исходная > *u/o*), авест. **𐬨** – *ū* (исходная > *u*).

Итого - *прототюркская письменность была известна в Средиземноморье начала I тысячелетия до н.э., и тюркские письмотворцы владели секретами грамматики буквы, известной грамматистам Средиземноморья и Древней Передней Азии. Тогда же в тюркской письменности мог появиться словоразделитель (:), которого еще не было в семитских письменностях (финикийской и арамейской),

⁸⁶ Ассирийцы называли свою страну *Aššurai*, в др.-греч. передаче – *ΑΣΣΥΡΙΑ*, в византийское время прочлось как *Ассириа*.

но он уже фигурировал в западногреческих и этрусских надписях. Не было его и в арамейско-персидских системах.

Ассирия и Геродот

Некогда могучая Ассирия переживает последние десятилетия своего имперского существования. Ослабленная бесконечными войнами с соседними государствами Севера – Урарту, Мидией, она не выдержала удара скифов, пришедших из прикаспийских степей. Они прошли по западному берегу Каспия через Железные Ворота (Дербентский проход), пронизали Мидию и взяли столицу Ассирии – великий Вавилон.

Геродот описывает могущество мидийского царя Киаксара: *«Тут-то, когда он уже одолел ассирийцев и начал осаду Нина, в пределы его царства вторглись огромные полчища скифов во главе с царем Мадиесом, сыном Протофиея.»* Скифы в это время вели войну с киммерийцами, *«вытеснили киммерийцев из Европы и преследовали их в Азии, а теперь вторглись в Мидийскую землю.»*

Геродот описывает маршрут скифов. Они шли, *«оставляя Кавказские горы справа... Здесь то и произошла битва мидян со скифами. Мидяне потерпели поражение»*, их могущество было сломлено. *«Скифы же распространили свое владычество по всей Азии.»*⁸⁷. *«Затем скифы пошли на Египет. На пути туда, в Сирии Палестинской скифов встретил Памметих – египетский царь с дарами и просьбами склонил завоевателей не идти дальше.»*

Двадцать восемь лет владычествовали скифы в Азии и своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство. Ведь помимо того, что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы еще разъезжали по стране и грабили все, что попадалось.» (Геродот, I, 104, 105, 106).

Геродот описывает события, произошедшие почти два столетия раньше, чем он начал писать «Историю» (скифы завоевали Ассирию в VII в. до н.э.), затем, в VI в. до н.э. Ассирия перешла в подчинение персам-ахеменидам.

«После завоевания Вавилона сам Дарий выступил в поход на скифов. (...) Царь пожелал теперь наказать скифов за вторжение в Мидию... Ведь, как я уже сказал раньше, скифы 28 лет владычествовали в Верхней Азии. Следуя за киммерийцами, они проникли в Азию и сокрушили державу мидян (до прихода скифов Азией владели мидяне) (...) После 28-летнего отсутствия спустя столько времени скифы возвратились в свою страну...» (Геродот, IV, 1).

⁸⁷ Геродот называл Азией территорию, включавшую Аравийский полуостров, Ближний Восток, Малую Азию и – до Индии.

II

Кто такие скифы? Какой современный этнос может считать себя их наследниками?

В «Книге пророка Иеремии» скифы – бич божий, которым наказывается Вавилон, погрязший в радости и веселье. Бог говорит: *«Я подниму и приведу на Вавилон сборище великих народов от земли северной и расположатся против него и он будет взят; стрелы у них как у искусного воина, не возвращаются даром. И Халдея сделается добычею их; и опустошители ее насытятся, – говорит Господь – ибо вы веселились, вы торжествовали, расхитители наследия моего... Выстройтесь в боевой порядок вокруг Вавилона: все, натягивающие лук, стреляйте в него, не жалеите стрел, ибо он согрешил против Господа.*

*... Вот идет народ от севера...
Держат в руках лук и копье;
Они жестоки и немилосерды;
Голос их шумен как море;
И несутся на конях...
Поднимите знамя на земле,
Трубите трубою среди народов,
Вооружите против него народы,
Созовите на него царства
Араратские, Минийские и Аскеназские...»*

Автор этого текста, несомненно, был знаком с ассирийскими источниками, повествовавшими о крушении Вавилона под натиском «северных народов». Он использовал их сообщения, чтобы попытаться объяснить поражение великого государства местью божьей за греховное поведение вавилонян.

В надписи Асархаддона (Ашшуранидды) – одного из наследных царей Ассирии (680-669 г.г. до н.э.) еще бьется боевой дух: *«Я, рассеявший людей страны Маниев, неусмиранных кутиев, который побил оружием войска Ишпакая, скифа, союзника, не спасшего их.»* (И.М.Дьяконов «Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту», Вест. древней истории – М., 1951, вып.3 (37), стр.218).

Словом «скиф» был переведен этноним *(a)š-gu-z(a)*, прочитанный полногласно *aš-gu-za*. (В древнееврейских источниках *askenaz*.)

Геродот, почерпнувший сведения о захвате Вавилона пришельцами из Прикаспийских степей, скорее всего, так же из ассирийских источников использует название кочевников *š-ku-z*, которое в языке греков станет обобщающим этнонимом, охватывающим народы, населявшие Великую степь в VII в до н.э. и во времена Дария

(VI в. до н.э.), и позже уже в эпоху Геродота. Геродот передал этот термин средствами древнегреческого письма *σκυθ* – (латинская транскрипция *scuth*). В византийском письме *У* стала выражать звук «и-грекус», т.е. «и-греческий», как его определили в латинском, и тогда традиционная запись прочлась в латинской транскрипции **scyth* (*skuth*). В западноевропейских литературах: *skytha* (лат.), *skyth* (англ.), *scyt* (ит.), в русском *скиф*. Одно из основных переносных значений этого обобщающего этнонима в греческом было – «кочевник». В этом смысле слово *skyth* также дошло до славян, но не письменным путем.

[Слова *кочевать*, *кочевник* заимствованы из огузского *kōč ev* – «кибитка», «юрта», букв. «дом кочевой», «кочующий дом», «кибитка на колесах». (А не от *kōčmāk* – «кочевать», как полагают Словари. См. Ф., II, 357.) Это сложное слово превратилось в термин только в восточнославянских языках, и оттуда прошло в польский. Ограниченность распространения, скорее всего, говорит о недавнем заимствовании (XV-XVI в.в.). А до этого как называли кочевников? Полагаю, было в ходу слово **skit* – «кочевнику», от которого и произошло *скитаться* – «кочевать». О романском источнике может свидетельствовать форма прилагательного **skytal* – «скифское», которая стала основой существительного *скиталец*.

Глагол *скитаться* общеславянского распространения: (др.-рус. *скытати ся*, серб.-ц.слав. *скытатися*, серб.-хорв. *скитам се*, словен. *skitati se*, *skitam se* и т.д.)

Наша этимология, кажется, ближе к истине, чем предлагаемая Словарями: «Родственно лит. *kutėti* – «встряхивать», *kutrus* – «бойкий» (последнее может быть из слав. *хуіръ* – «проворный»), др.-исл. *skunda* – «быстро убирать», «спешить», др.-сакс. *scuddian*, д.-в.-н. *scutten* – «толкать, трясти», др.-исл. *skydir* – «луна» (поэтич.), *skynda* – «гнать» (Младенов... Хольтхаузен... Уленбек...) Ф., III, 641.]

Геродот сделал скифов столь известными, что за право наследования этой славы до сих пор бьются ученые нескольких народов. Большинство скифологов сошлись во мнении – «скифы были союзом ираноязычных племен». Но, если внимательно читать Геродота, то он считал их полиязычным народом. Царя скифов, объезжавшего страну, всегда сопровождали переводчики. Скорее всего, прикаспийские и причерноморские степи в середине I тысячелетия до н.э. населяли разноязыкие племена, объединенные под началом «царских скифов» (*basilies*), так Геродот называет доминировавший в том степном государстве этнос. Он говорит также о скифах-земледельцах, о скифах-кочевниках («доителях кобылиц»), которые и колонизировали Ассирию, а заодно чуть не добрались и до Египта. По-видимому, наряду с ираноязычным населением степи там обитали и тюрки. Скорее всего, последних имели в виду ассирийские хроники,

описывавшие тогдашнее нашествие «кочевников севера» под именем (a)š-gu-z(a).

Скифы

Пока более или менее ясно только одно – ассирийское название кочевников VII века до н.э. (a)š-gu-z(a) стало основой древнегреческого слова *skuth, прочтенного в византийскую эпоху в форме skyth.

Геродот, рассказывая о нашествии кочевников на Вавилон, использовал данные ассирийских источников. Семитской этимологии этнонима нет: скорее всего, это было самоназвание степняков. Не получилась и иранская этимология. Но появляется тюркская, благодаря тому, что кроме двух традиционно используемых источников (ассирийских хроник, «Истории» Геродота), мы привлекаем и третий – старинный огузский героический эпос «Китаб-и д□д□м Коркут» («Книга моего деда Коркута»), которая является средневековой записью эпических сказаний, передававшихся от поколения к поколению в течение многих веков. Эпосы можно датировать относительно сведений, содержащихся в датированных документальных источниках. Собрание эпических сюжетов, представленное в «Книге Коркута», включает информацию и средневековья, и более ранних эпох. Огузский эпос, на мой взгляд, позволяет понять происхождение и смысл этнонима, переданного ассирийской слоговой клинописью.

«Место действия «Китаб-и Коркут» - Азербайджан и Армения. Перемешиваются факты кочевого и оседлого быта. С одной стороны табуны коней, верблюды, стада баранов, пастухи, кочевые шатры. С другой – виноградники и сады... Географические названия, как также отметил В.В.Бартольд, относятся главным образом к Закавказью, хотя упоминается Сирия на Юге, рум (Византия) на Западе. Города и области Ирана не упоминаются совсем. Одним словом, географическая номенклатура, политическая обстановка и культурное окружение определенно указывают на то, что последнее оформление огузского эпоса, записанного в «Китаб-и Коркут», произошло, как и доказал уже В.В.Бартольд в своих работах, в пределах Закавказья.» (из доклада А.Ю.Якубовского на научной конференции в Ташкенте)⁸⁸.

Последнее оформление эпоса было в Закавказье, где осели огузы-азербайджанцы. Этот регион на карте М.Кашкари (XI в.)

⁸⁸ Цитируется по книге: В.В.Бартольд «Книга моего деда Коркута», Баку, YNE «XXI», 1999, стр.127.

назывался *bilād al-guziyye* («страна огузов»). Нас пока интересуют не сюжетные линии великого эпоса, но историческая давность этнонима. Огузы в исторических хрониках арабов и византийцев узнаются по наименованиям *oguz*, *guz*, *ūz*.

Многие древние этнонимы тюрков являлись названиями гербовых знаков. Таково происхождение союзов племен *On ok* («Десять стрел»), *Üč ok* («Три стрелы»), *Boz ok* («Сломанная стрела»). *İki pçak > kırçak > курçак* («Два ножа»), *□os ok* («Пара стрел») > *косок, козок, казак*.

Слово *ok (uk)* – «стрела» имело и другое значение. Э.Севортян приводит алт. тув. *uk* – «род, племя» и почерпнутые из средневековых памятников более развитые формы *ugiš*, *ogiš* – «поколение», «племя», «род». «Из сопоставления всех приведенных слов следует, что их основу составляет омоформная пара имя-глагол, куда входят: *o□ (< у□) со значением «порождать» и *o□ (< у□) со значением «род», «потомство».⁸⁹ Я полагаю, что к этому ряду можно присоединить и монг. *ugsa* – «род»: оно попало в тюркск. языки с переносным смыслом: *uksa*, *ukša*, *ogša* – «быть похожим». (Родство определялось по внешнему виду. Непохожий – неродной.)

Возникает наша

Первая версия: этноним *oguz* – происходит от *ogyz (okys)* – «племя», «народ», где *□k* – «род», *-ys: -yz* – суффикс парности, множественности. Этот формант отмечается во многих существительных в этом значении. Аффикс выполнял ту же роль, что и количественные определения в терминах *On o□* – «Десять стрел» = «десять родов», *Üč ok* – «Три стрелы» = «Три рода» и т.д.⁹⁰ Видимо, иероглифическим знаком, выражающим понятие «род» в гербовых комбинациях было изображение стрелы. Схема этнонима «Столько-то родов» в средние века продолжилась другими средствами. В составе казахского народа есть большое объединение *Жеті ру* – «Семь племен». В древнерусских источниках упоминаются в числе половецких племен и «токсобичи» (племя *Токсоба* входило в состав кипчакских племен) Судя по туркм. *оба* – «дом», «семья» и *токус* – «9», это было огузское

⁸⁹ Э.Севортян «Этимологический словарь тюркских языков», стр.416. В др. месте: «оq означал также «племя». Это подтверждается словом оп-оq, которое китайцы понимали не только как «десять стрел», но также «десять племен» (Pritsak, ST 59), стр.438

⁹⁰ Этноним *уч-ок* тождественен этнониму *уч-огуз*: «Войско уч-огузов пришло нас поразить, думая, что мы пешие и слабы в бою» (эпитафия Бильга-Кагану, строки 31-32). М.Кашкари называет союз племен: Тогуз-огуз («Девять племен»).

племя. Так же как «етебичи», представители ряда племен *Eti eb* – «семь домов (семей)», так же как тертробичи (*Tert oba* – «четыре дома»). Здесь вместо *ok* – «род», выступает *eb, ev* – «дом» (азерб., тур.), *oba* (туркм.).

Но «свои половцы» – *kovu*, состоявшие в союзе с русскими князьями, были кипчакского роду-племени: *к□п □й* > *к□буй* – «много домов» (каз.).

Вторая версия: *ogus* – «бык» (якут.). В остальных тюркских уцелел его умлаутный вариант или антоним: *ögüz, öküz, ögiz, ökis* – «бык», «вол». В турецком *ous* – 1) «вол», 2) «хороший правдивый человек», «человек с чистым сердцем», 3) «житель степей».

Э.Севортян пишет, что отношения переносных турецких значений к основным «бык», «вол» неясны. «*Не принадлежат ли они к семантическому ареалу этнонима о□уз?*»⁹¹. Скорее всего, омонимичность *ous* – «бык», «вол» и *ous* – «степняк» действительно не случайна.

О древности слова *ogus (ohus, ous)* – «бык» говорит и евразийский масштаб его распространения. «Сравнительно давно в науке тюркское *□к□з* стали относить к старейшим заимствованиям из индоевропейских языков. Одним из первых авторов, сближавших тюркское *□к□з* с древними индоевропейскими языками, можно назвать Берната Мункачи, который сравнивал тюркское *□к□з*, чув. *v□y□r* (монг. *iker, uker*, тунг. *ukur*) – «бык», «рогатый скот», санскр. *uksā*, авест. *uxša* – «бык». Вслед за ним выступил на ту же тему Хольгер Педерсен, который решительно заявил: «Тюрк. *öküz* – «бык», безусловно, заимствование из какого-то индоевропейского языка.» и праязыковую форму представил в виде **igso* (корень **iqsen*). К этой точке зрения в наше время присоединился ряд авторов: Ю.Немет... Дж.Клаусон... А.М.Щербак.»⁹².

Сюда же добавляются *okso* – «бык», «вол» (тохар.), *ohso* – «бык» (д.-в.-н.) и современные *oks* – «бык» (англ.), *ochs(e)* – «бык», «вол» (нем.).

Здесь нам важно убедиться в подлинной древности слова, возможности употребления его в качестве этнонима в ассирийские времена: по крайней мере, санскрит можно датировать серединой первого тысячелетия до новой эры. Именно в ту эпоху знак Быка-Вола мог быть гербом племени или союза племен. [Знак сей определить будет нетрудно среди иероглифов, обозначавших Быка, Вола или Корову. Их достаточно в письменностях, вышедших из Древней Передней Азии. В те эпохи именно знаки Вола, Коровы или Барана принимались в

⁹¹ Э.Севортян, 522

⁹² Э.Севортян «Этимологический словарь тюркских языков», стр.522

качестве гербов-оберегов: эти животные почитались как земные воплощения Солнца. Огузские племена «не стеснялись» называть в качестве тотемического предка и мелких рогатых. Туркмены, участвовавшие в войне с Византией, делились на два племенных союза: *Ак-койнлы* (Бело-баранье) и *Кара-койнлы* (Черно-баранье). И сегодня в составе туркменского народа значится крупное племя *текинцев* (*теке* – «горный баран»).

Долго пребывая в качестве герба, иероглиф Вола (**u-k*, **u-k's*) мог приобрести переносное значение – «Знак рода, племени, народа» и название его стать словом **uks* (**oks*) – «род», «племя», и вариант **uk* – «род».

III

Первая песнь «Китаб-и Коркут» и все другие начинается с запевки, где рассказывается о том, как хан ханов Баюндур встал со своего места, велел поставить свой сирийский зонт, велел поднять до небес полосатый шатер, велел разложить в тысяче мест шелковые ковры. Хан ханов, хан Баюндур раз в год устраивал пир и угощал беков огузов. Он собирал на пир беков Внутренних огузов (*Ич-огуз*) и Внешних огузов (*Таш-огуз*). Более сорока раз упоминаются в тексте «Книги...» Внешние Огузы и в два раза меньше – Внутренние. Из содержания Песни видно, что «положительные» герои, в основном, из «страны ич-огузов». Рассказ ведется как бы от лица автора – представителя ич-огузов.

И последняя Песнь повествует о том, как «Внешние огузы восстали против Внутренних». В ней рассказывается о вероломном поведении вождя Внешних Огузов Аруз-бека, который вознамерился «отложиться» от ич-огузов, которыми правил Казан-хан. Естественно, Аруз был побежден⁹³.

IV

Можно ли сопоставить само название кочевников, пришедших из Прикаспийских степей, переданное слоговой ассирийской клинописью (*a)š-gu-z(a)* с наименованием подразделения племенного союза Огузов - *ič-oguz*?

В семитских (арабских) источниках *огуз* воспроизводилось как *guz* или *ūz*. Можно предположить, что и сами тюрки могли предоставить арабоязычным информаторам диалектные формы своего самоназвания. Особенно *ous*, *ūs*.

⁹³ Все примеры приведены из «Книги моего деда Коркута», огузский героический эпос, перевод акад. В.В.Бартольда, М.-Л., 1962, и переиздание – Баку YNE «XXI», 1999.

Если слово содержало согласный ч(ĉ), то ассирийцы смогли бы передать этот звук только с помощью слогового знака (a)š. Поэтому превращение *ičoguz* в (a)š-gu-z было вполне возможно, на мой взгляд.

V

Но необходимо учитывать возможность другого варианта. В тюркских языках сосуществуют две формы, выражающие понятие «внутреннее» (= «внутренние»). Самая ранняя *ič(iš)* – 1) «чрево», «живот»; 2) «ничтожно малое», «ничто». Согласовывается с др.-сем. *iš* – «ничтожно малое, атом». [Возможно, знак, в котором содержалось обозначение этого малого, скорее всего – точка, индоиранцами был использован как цифра: *ik* (*ek*, *jak*) – «один». А германцами – как местоимение первого лица единственного числа: *iš*, *ich* – «я» (нем.), *ek* (др.-скан.), *jak* (швед.).] Тюрки истолковали знак двояко. Название *ič(iš)* было отнесено одними толкователями к точке, другими – к окружению точки. Эта путаница значений понуждает развести их формально. Образуется прилагательное *ički* (*iški*) – «внутренний». Именно это слово стало базой славянского существительного **кишки* – «внутренность», которое из ложно-множественного было переведено в единственное – *кишка*. В каз. *kišek* – «кишка, внутренности».

Семантически равны структуры *ič-oguz* и *ički-oguz* – «внутренние огузы». Если в первой в роли определения участвует существительное *ič* – «чрево», «внутренность», то во втором – прилагательное *ički* – «внутреннее».

Эти две структуры сосуществуют в тюркских языках давно, по ним успели создать термины-фразеологизмы *iš-tony* – «внутренняя одежда», «поддевка» (др.-кипч.), *ičtony* (огуз.), ставшая основой слав. *штаны* (в др.-рус. летописях – *иштони*). Ср. тур. *ičdonu* – «кальсоны». Греч. *хитон* (**ik-ton*) и конверсионное лат. *tunica* (**tun-ik*) – «нижняя домашняя одежда римлян без рукавов, поверх которой мужчины надевали тогу, а женщины – столу». *Tunica* упоминается уже в произведениях Плиния (23-79 г.г. н.э.) не как новшество, а как привычная вещь домашнего обихода.

Тюрки внутреннюю часть чего-либо (помещения, города, страны) называют *içeri* – букв. «внутренняя земля», «внутреннее место, сторона». Антоним: *dyšary* – «внешняя сторона, снаружи, за пределами, чужая страна» (**dyšjeri* – «внешняя земля»).

Философия первобытного этноцентризма выражалась в определении своего (*ič*) и чужого (*dyš*, *tys*, *taš*, *tat*). Своя земля, свой народ всегда – «внутренние»; чужая земля, чужой народ – «внешние».

Вероятно, под ич-огузами понимались собственно огузские племена, а под таш-огузами – тюрки других ветвей (кипчаки, карлуки или булгары). Чужаков настоящих (иноязычных и иноверных) называли

гяурами и против них объединялись и Внутренние, и Внешние Огузы. (Термин «гяур» пришел с мусульманством.)

[Сингармоническое превращение **dyšjer*- > *dyšar* позволяет увидеть семантический скачок «чужая земля» > «чужой народ»: **tath jer* > *tathar* > *tatar*. Так тюрки называли монголов, персов, иудеев. Во времена Ига, включившись в состав войск Батыя, волжские кипчаки получили это прозвище монголов, усвоенное русичами в прежние времена. Участие в этнонимах такого типа позволило выделиться форманту *-ar(-ar)* как своего рода детерминативу со значением «племя», «народ». Я узнаю его не только в *сувар*, *авар*, *хазар*, *татар*, *мишар*, *мадьяр*, *джунгар*, *унгар*, *булгар*, но и в лат. *vulgar* – «народ», «простой народ». Латинские значения, скорее всего, следует понимать как вторичные, переносные.]

Наряду с турецким *içeri* – «внутренняя земля» существует термин кавказских огузо-кипчаков *içkeri* – то же (**içki-jeri*). Это историческое название ныне получило популярность, благодаря Джохару Дудаеву, отказавшемуся от русского названия своей страны «Чечня». Он вернул старинное имя – *Ичкерия*. (До XIX века языком межнационального общения на Северном Кавказе был тюркский. И потому многие местности, даже населенные не тюрками, получали тюркские наименования. Поселение, названное Чечен-аул (*čečen* – «красноречивый человек, оратор» кум., балк., карач., ног.) в годы Кавказской войны было одним из форпостов сопротивления. И население этого края получило от русских солдат опознавательное имя-кличку *чеченцы*. Ими оказались нохчи. (Об этой истории мне рассказал Д. Дудаев.)

... При слиянии двух слов в одно, на границе может возникнуть искусственный дифтонг. Тюрки в произношении сокращают один из гласных звуков. Как правило, первый, ибо ударение падает всегда на конечный гласный, даже в микросистемах: *içki-jeri* > *içkeri*. Группа **içki-üz* должна была превратиться в **içküüz*'. Ассирийцы могли передать это слово как (*a*)*š-ku-z(a)*. (Термины «Китаб-и Коркут» *iç-oguz* и *taš-oguz* не превращались в монолиты, иначе бы мы получили сингармонизированное *içögüz*.)

Итак, мы соединили три исторических источника, содержащих этноним (самоназвание) кочевников Прикаспия: ассирийские хроники (*a*)*š-gu-z(a)*, Геродот: *σκυθ*, огузский эпос: *iç-oguz*. И предполагаем, что мог существовать вариант **içki-üz* > *içk-üz*, *išk-üz* – который и послужил основой греческого. В итоге, можно считать, что направление этимологии определилось: ассирийцы записали самоназвание, скорее всего, тюркских кочевников-огузов (*oguz*, *ouz*, *üz*), которое в

лексиконе греков стало обобщающим именем кочевников Северного Причерноморья и Прикаспия.

Сколоты

И через два века (во времена Геродота) тюрки в скифском сообществе, наверное, занимали определенное место. Геродот говорит, что скифами этих варваров называют греки, а сами они называют себя – **сколоты** (*Σκολοτες*).

Это слово, по-моему, переложение термина *ич-огуз* или *ичк-уз* на языке другого тюркского народа, в словаре которого было *olot* – «род, племя, народ»: *ički-olot, iški-ulut* – «внутренний народ».

В «Словаре» Севортяна указаны формы *ulut* – «народ, нация» (кирг.), *ulyt, ult* – то же (каз., ккал.). В остальных тюркских *ulus, olus, uluś* – «народ», «страна», «племя», «национальность», «люди», «собрание», «сборище»⁹⁴.

В древнетюркском *ulus* – «селение»⁹⁵.

Хотя живые языки часто сохраняют слова большей древности, чем «древнетюркский», здесь, мне кажется, смысл «селение» более ранний, чем «страна» и др. «Исследователи, занимавшиеся словом *улус*, указывают на его тюркское происхождение, правда, без дальнейших морфо-семантических уточнений (Clauson IW 184, Doerfer II 175-177, Päsänen VEWT 513a: *uluś*)... Тюркская версия происхождения *улус* вполне вероятна»⁹⁶.

...Мне кажется, произошла встреча двух слов разного происхождения. Когда мы будем восстанавливать графические знаки (первоиероглифы), мы увидим графему **a-un* > *a-ul*..., которая помогла кипчакам назвать колесо (**aun*), арбуз-дыню (**'aun*). В казахском произведены от этого названия глагол *auna* – «катись, катайся, перекатывайся». Когда в результате действия закона NLR название преобразовалось в *aul*, знак уже истолковывался как архитектурный план – «двор», «загон для скота», «поселение с главным домом в центре», «город с дворцом в центре», «страна со столицей»... Эта последовательность значений отражена в латинском *aula* – 1) «горшок» (вариант знака *aul*, кубышка в плане); 2) «улей», «ячейка

⁹⁴ «Древнетюркский словарь», см. это слово

⁹⁵ «Древнетюркский словарь», см. это слово

⁹⁶ Э.Севортян «Словарь...», 592

сотов»; 3) «двор»; 4) «скотный двор»; 5) «круглый зал»; 6) «дворец»; 7) «свита, придворные».

В современных романских языках: *aula* (исп.), *aulo* – «круглый зал» (ит.) восходит к лат. **aulus*.

В тюрко-кипчакских сохраняется слово, естественно, без родовых окончаний: *aul* – «двор», «селение», переносное значение «родной край» (каз., ккп., ног.). В турец. диалектах: *ağul*, *ağyl*, *ayl* – 1) «круглый загон для скота; овчарня; место для скота, устроенное на летнем пастбище; огороженный изгородью открытый закон для защиты стада ночью в степи»; 2) «двор, огороженный забором». В языках Алтая *ahyl*, *ayl*, *ail* – 1) «юрта»; 2) «селение»; 3) «стан, лагерь, стоянка»; 4) «страна, край, область»; 5) «племя». Поразительно точно описан знак

☉ в турецком диалектном *ağyl* – «световое кольцо вокруг луны». Э.Севортян: «Г.Вамбери сопоставлял *agil* – «световое кольцо вокруг луны» с *a□* – «белый», *aj* – «луна», что трудно принять. Близко у М.Палло: *ayul* – «венец луны» < *ak* – «белый», «серый», «чистый». Сам автор «Словаря...», не соглашаясь с приведенными попытками этимологий, предполагает: «Значение *ağyl*... – «световое кольцо» по происхождению является переносным. Оно могло выработаться путем прямой метафоры из «ограда», «забор» и т.п.»⁹⁷.

Но в турецких диалектах *ağyl* – значит не просто «световое кольцо», но именно «световое кольцо вокруг луны». Повторяю, знак описан предельно четко. Диалектное значение весьма древнее. Пожалуй, древнее «архитектурных планов», «плана юрты» и «плана кубышки». Каково происхождение этого слова? Э.Севортян: «Что касается тур. *avlu* – «двор» и каз. *авла*, первый из которых возводят к греческому (*αυλή* – «двор», читается ныне – *aily* – О.С.), то приведенные выше данные не исключают такую возможность, хотя для казахского языка этот источник проблематичен, поскольку ничего нельзя сказать о посреднике между новогреческим и казахским языками» (там же).

Мне думается, казахский язык это слово воспринял раньше, чем оно появилось в новогреческом. Он сохранил древнейшее его звучание, как и праформу (**aип-*) – основу глагола *аипа*. Из диалекта, где круг назывался сокращенно **-й* (а не **йп*), а «копье» (или «рана») **-ha*, **a*, и возникли названия знака ☉ ☉ ☐ *ha-u*; *a-u*, которые в результате толкования дали слова *аи* – 1) «охота, ловля»; 2) «петля, петля на шесте», откуда произошел глагол *аула* – «лови», «охоться», *aulau* –

⁹⁷ Э.Севортян «Словарь...», 84

«охотиться, охота». Отсюда русское *облава* – «охота окружением зверя»⁹⁸.

В каз. диалекте *aula* означает и «двор», что может говорить об использовании того же знака. В греческом и латинском термины *aula* не создают лексического гнезда, прорабатывается семантически, по существу, только одна эта форма, потому что других вариантов знака и его названия у древнеевропейских словотворцев, по-видимому, не было.

...Римляне пытались развести родовыми окончаниями значения омонимов. В одном случае это не получилось: *aula* – 1) «горшок»; 2) «двор»; 3) «дворец». Вероятно, было слово м.р. *aulus*, которое приняло на себя более масштабные значения.

...В латинском словаре мирно уживаются дифтонг (*au*) и производный долгий (*ō*): я приводил пример, *ausculum* – «ротик» (**aus* – «рот») и *ōs* – «рот». Сюда же можно поместить пару *aula* – «горшок» и *ōlla* – «горшок».

Диалектные формы использовались для обогащения словаря. Это явление заметно не только в латинском. Например, литовскому не чужды ни дифтонг (*au*), ни долгий (*ō*), правда, в современном он опростился (*o*), как в большинстве европейских. Мы знаем слово *oreol*, а литовцы – *aureole* – то же. Литовские словотворцы видели знак *aul* и называли предметы, имеющие в разрезе или в плане трубчатость: *aulas* – «голенище; голенище без головки сапога», т.е., по сути, трубка (др.-прус. *aulinis* – «голенище», *aulis* – «голень»). И о другом толковании знака мы узнаем по значению слова *olā* – «нора», «пещера».

В исп. *olla* – 1) «котел»; 2) «горшок»; 3) «чугун»; 4) «водоворот». Последнее значение убеждает, что едва ли удастся провести прямую линию от лат. *ōlla* – «горшок». Слово пришло как название знака «концентрические круги», который толковался праиспанцами. И последнее значение может оказаться одним из первых, потому что оно описывает графический знак.

II

Я думаю, что пралатинское название знака *aulus* попало в тюркский язык алтае-хакасского типа, превращающего дифтонг в

⁹⁸ В книге «Язык письма» подробно рассказывается о происхождении знаков Солнца – «убитая Луна», «не Луна» (= «убитый Бык», «не Бык»). Черта изображала «копье» **ha*; **a* или позже «стрелу» - *j*. Название этого знака отрицания, смерти Луны, переносилось и на «рану» (точку, кружок внутри круга). Эти иероглифы толковались теми, кто поклонялся другим знакам Солнца.

долгий: **ōlus*, *ūlus* и оттуда распространяется в древнетюркский *ulus* – «селение», и в другие со значениями масштабно расширяющимися – «область», «государство». Возможно, славян. *обл* – «круглый» (из *aul-* > *avl-*), тогда понятно происхождение слова *область*. Да и – *облако*, и *облава* (**aulau* > *awlaw*), и *облекать*... Фасмер не видит причины включать эти слова в одно лексическое гнездо, связанное хотя бы с прилагательным *облый* – «круглый», который производит от искусственного **obvylъ*, т.е. *обволоч*. (Ф., III, 103)

С лат. *aula* – «улей», «ячейка сот» связано и слав. *ulej* (**aule*). Ср. лит. *aulys* – «улей», лтш. *aulis* – то же. Фасмер здесь приводит соответствия: греч. *aulós* – «труба, дудка», норв. диал. *aul* – «труба, трубка». (Ф., III, 159) Несомненно участвовал знак «концентрические круги».

III

И совершенно иным видится происхождение кипчакского слова *ulut*, *ulyt*, *ult* – «народ, нация, национальность». Оно, вероятно, восходит к д.-в.-н. *liut* – «народ», ср.-в.-н. *liute*. Откуда и праславянское **liud'* – «плод, люди». Слово представлено в нескольких германских, в славянских и в балтийских. Во всех этих языках (кроме латышского) слово выделяется палатальным плавным *-l', li*.

В тюркских языках нет слов, начинающихся на *l*. А если есть, то немного и все позднего заимствования. В «Древнетюркском словаре» из 676 страниц только 3 отведены под слова, начинающиеся с этого звука. И все они – книжного происхождения, из буддийских или мусульманских текстов, записанных древнеуйгурским языком, и представляют из себя термины китайские, санскритские или арабские.

Если бы термины эти прошли «всенародную» проработку, то, скорее всего, произошла бы метатеза плавного, который бы перестроился, встал после гласного. Тюркские плавные в начале слова хорошо себя чувствуют только в закрытом слоге.

В славянских – наоборот, только в открытом. Так славянское *rot* – «рот», *roba*, *ruba* – «одежда» хорошо согласуются с тюркскими *ort*, *urt* – «полость рта», тур. *urba* – «одежда».

Опираясь на эту закономерность, можно было доказать, что тюрко-кипч. *ult* – «народ» предшествовал герм. **lut*, и, учитывая естественную палатальность западноевропейского плавного, нетрудно было бы убедить себя, что твердый тюркский *l* в германской среде стал мягким: *liut*. Но для того, чтобы решить, кто у кого заимствовал, надо было выйти на Полную этимологию, т.е. попытаться определить графически-образное выражение этого слова.

...На память приходит шумерский иероглиф **B** *liu* – «человек». Шумеры множественности добивались простым удвоением знака и слова: **BB** *liu-liu* – «люди», «народ». (Этот первобытный способ сегодня сохраняется в немногих языках. Например, в индонезийском: *mata hari* – «солнце», букв. «глаз дня», мн. *mata-mata* – «глаза»; *hari-hari* – «дни». В большинстве языков буквальное удвоение, утроение заменилось аффиксным способом. В качестве аффиксов множественности применяли первобытные цифры, выражавшие предельные числа. Первым предельным, наверное, являлось «три». Цифрой служил трехчленный знак – «стрела». В шумерской иероглифике был знак **↑** *til* (*tir*, *ti*) – 1) «стрела»; 2) «жизнь».

Я предполагаю, что шумерский иероглиф «стрела» был принят как детерминатив множественности в прототюркском иероглифическом письме. И название стрелы – *tir/ter* (*dir/der*) стало суффиксом множественности.

В германских от той поры, думаю, остались воспоминания **liu-ti* и **liu-tir*. Эти лексические конструкции помогают восстановить иероглифический блок: **B↑**. В диалекте, где стрела назвалась сокращенно *ti*, смысл комбинации сохранился – «люди», «народ». В другом комбинация не была понята и иероглифы эти толковались: «Человек-оружие» = «Воитель», «Лидер», «Рыцарь». Воплощая этот знак в материале, германские жрецы создали фигуру латника, похожую на иероглифическую. Знак послужил своего рода проектным заданием. Палатальный плавный смягчил следующий за ним гласный, и он перешел в *i*, как это систематически происходило, например, в чешском (др.-чеш. *l'udi* – «люди», чеш. *lidi*). В германских распространяется название воителя – *liuter*, *lider*, *riter*, в котором в результате народной этимологии конечный слог мог приблизиться звучанием к *her* – «господин». Др.-чеш. *rytier* – «рыцарь» лучше сохраняет древнегерманское состояние, чем ср.-в.-н. *ritter*, и нем. с ларингалом – *richter*. В польском согласные видоизменяются: *rycerz*. В др.-рус. *рыцарь*, *лыцарь*.

Таким образом, доказывается первичность формы с начальным палатальным плавным (*liu-ti* > *liu-t*) и вторичность тюрко-кипчак. *ult* (**l'ut* > *ul't* > *ult*). В дальнейшем развивается полногласие: *ulyt*, *ulut* – «народ» (каз., кирг.), *olot* (тат. диал.).

Древность этой лексемы подтверждается уже тем, что она происхождением связана с шумерским языком и письменностью.

[Тогда же удвоенное **ma-ma* – «родоначальница, большая *ma*» > *ma-ti*, *ma-ter'*, а **pa-pa* – «родоначальник; большой *pa*» > *pa-ti*, *pa-ter*.]

Термин-фразеологизм *iški-olot*⁹⁹ - «внутренний народ», в произношении *išk-olot*. Греческим письмом мог передаваться в виде *схолот* (*scolot*). Начальный краткий гласный *i* в заимствованных словах редко сохраняется.

Приходим к выводам:

Три источника, где упоминается самоназвание кочевников Северного Прикаспия, впервые рассмотрены вместе. Они позволяют увидеть родство ассирийского (*a)š-ku-z(a)*, др.-греч. *skuth-*, тюрк. *ič-oguz* (или предположительно *iški-ūz*, в произношении *išk-ūz*). Из них только тюркский термин имеет выраженный лексический смысл – «Внутренний Огуз», что значило, вероятно, «Внутренний народ», т.е. «наш народ», «собственно Огузы». Этот смысл помогает понять морфологию и семантику самоназвания кочевников Прикаспия времен Ассирии. Кипчакское **išk-olot* (*схолот*) выражало, скорее всего, то же значение, что и огузское имя – Внутренний народ – но обобщающим названием не стало. Геродот использует в этом качестве старинное *skuth* (*скиф*), которое как мы, надеюсь, выяснили, было наименованием кочевых тюрков-огузов.

В ту эпоху своя страна называлась – «Внутренней землей» (*ič-jer*, *ičk-jer*, *išk-jer*), а соседние – «Внешней землей» (*taš-jer* > *taš-ar*, *tathar*, *tatar*).

Благодаря огузскому эпосу «Китаб-и д□д□ Коркут», в котором сохранилось подразделение Огузов на Внутренние и Внешние, нам и удалось понять генезис этнонима в ассирийской передаче и в греческой.

Таким образом, эти слова удостоверяют, что тюрки-огузы в VII веке до н.э. захватили Вавилон и правили в Ассирии 28 лет. А, значит, они именно там могли познакомиться с арамейским письмом, потому что в то время в Ассирии использовали две системы – слоговой клинописью пользовались для монументальных надписей, исторических хроник, арамейский алфавит использовали в канцелярских и торговых записях. Почти три десятилетия управляя поверженной империей, ишкүзы, несомненно, употребляли арамейское письмо, понятное населению Ассирии. И такое знание арамейского алфавита позволило усовершенствовать, существенно доработать протоогузское письмо, которое было, несомненно, алфавитным, но, видимо, содержало больше иероглифов, что и заставило тюркских грамматистов

⁹⁹ В кипчакских применяется *š* вместо огузо-карлукского *č*.

осуществить реформу своей письменности. И другая причина выявляется при внимательном рассмотрении результатов ассирийской реформы. Тюркская письменность доарамейского периода содержала буквы «обоюдорядные», т.е. каждая могла выступать в роли и «твердой», и «мягкой». В ассирийский период была создана стройная система двурядности. Были «построены» почти все мягкие буквы с использованием правил грамматики знака (чертой мягкости, переворотом, удвоением). Но некоторые пары не дошли до орхонского времени, от них сохранились только по одной «двурядной» букве, выступающей универсально и как «твердая», и как «мягкая». Но почти все универсальные буквы, тем не менее, по форме «мягкие», т.е. содержат черту или перевернуты. То есть, достроены.

И не менее важное. Через век после скифов Ассирию завоевали персы. Они восприняли арамейский алфавит полностью и со временем придали ему курсивный характер. До согдийцев персо-арамейский докатился как потомок седьмого поколения. Ничто, ни единая черта не напоминала о предке.

Реформа прототюркского письма ассирийского периода

I

- а) Итак, мы допускаем, что ич-огузы провели три десятилетия в Ассирии, управляя ею, и при этом в государственной и хозяйственной переписке применяли арамейское письмо, знакомое ассирийским чиновникам и торговцам.
- б) Тюркские грамматисты, используя знание арамейского алфавита, усовершенствовали свою традиционную письменность, придав ей отчетливую двурядную структуру

Если раньше иероглиф *al* исполнял функции и «мягкой» буквы (ль), и «твердой» (ль), то теперь удалось создать полноценную «твердую», заимствовав на эту роль арамейскую ламед. Так, считаю, была создана пара:

Y	ль
J	ль

Тем же способом сконструированы и другие пары:

Y	рь
4	рь

A	бь
S	бь

Из рассмотрения этих групп видно, что в протогузском письме были буквы-иероглифы Y *äl'*, Y *är'*, A *āb*, которые выполняли роль букв l'/l, r'/r, b/b'. Но с помощью арамейских (и древнесврейских) знаков их значения были наполовину разгружены.

И еще вывод: тюрки от «мягких» букв не создавали «твердые». Есть единственное исключение. Для этого надо было отнимать какие-то значимые детали, что противоречило правилам грамматики. Письмотворцы только прибавляли штрихи, чтобы повлиять на количество или качество звука, или на лексическое содержание иероглифа. Но ни в одной письменности Древнего Мира мы не найдем примера, подтверждающего обратное – сокращение штрихов для изменения звукового или лексического значения графемы. Это положение тоже похоже на правило грамматики письменного знака.

Тюрки заимствовали из арамейского знаки только для «твердых», создавая из них «мягкие» или «обоюдорядные». Например, в ассирийский период тюркам потребовалась буква для выражения глухого губного согласного. Вероятно, наступала эпоха «П». Тюркизмы, оказавшиеся в индоевропейских языках в тот период, говорят о преобладании глухого над звонким – губным. Процесс б > n, возможно, и озаменовался введением в алфавит соответствующей буквы, которая нашлась в арамейском. Но при этом оказалось, что создать от нее «мягкую» парную не представляется возможным. Черту мягкости не приспособишь (ибо она сама с вертикальным стволом - 1), если повернуть вокруг оси – она совпадает с буквой и/ы (Г), если перевернуть – совпадает с эл (J). Удвоить тоже не удавалось. Так, на мой взгляд, буква *ne* вошла в тюркский алфавит без парной и стала выражать универсальную рядность – *нъ, нь*.

Как подбирались «мягкие» буквы к тюркским «твердым», которых так же нельзя было грамматически изменить? Например, $\diamond$ - *at*. Буквенное значение – *тъ*. К нему подобрали финикийско-арамейскую букву $\dagger$ *tau*. И смягчили его чертой: $\ddagger$ *ät'*. А сам *tau* в алфавит не включили, за ненадобностью, ибо звук этот выражался традиционным знаком. Так появилась пара:

$\diamond$	<i>тъ</i>
$\ddagger$	<i>тъ</i>

Горизонтальная черта была в тюркском письме нетерпима, поэтому ей придана некая диагональность. (Интересно, что и в арамейском письме, именно ассирийского периода, финикийско-арамейский *tau* обретает вид **т**. Не говорит ли этот факт о некотором взаимовлиянии, которое испытывали обе сотрудничающие письменности? Никаких других объяснений такого изменения формы арамейской буквы в грамматиологии не существует.)

И другая «твердая» буква руники, вероятно, не поддавалась перевороту и черте мягкости. Это **д** *an*. Правда, пытались удвоить, но такая мягкая не прижилась, и в орхонских надписях участвует только в нескольких местах и в имени визиря Тоньюкука. Это **з** *an'*. Но победила ее нововведенная буква, построенная на основе арамейской **м** *nin*. Задача не из самых легких – как здесь использовать один из трех способов «смягчения»? Черта не применима: уже есть. Переворот вокруг оси – совпадает с буквой *и* (**М**), переворот по вертикали – совпадает с буквой *к* (**Н**). Знакотворец находит гениальное графическое решение. Он совершает переворот основной детали вокруг ствола: **ч** *an'*. Так возникла пара:

д	<i>нь</i>
ч	<i>нь</i>

И в этом случае не пожертвовали исконным прототюркским знаком для твердого, не ввели арамейскую *nin* в реформируемый алфавит. Я понимаю замысел грамматистов. Формы «мягких» не должны были легко расшифровываться пишущим. (Может быть, поэтому и была заменена удвоенная *an*.) И все-таки жаль, что не произошло некоторых замен (*at* на *tau*, *an* на *nin*). Тогда исследователям было бы легче установить соответствия тюркских букв и арамейских.

Но при этом потерялись бы и не дошли до нас великие иероглифы, о которых будут еще говорить. И разговор этот только начинается.

...В ассирийское время вошла в тюркский алфавит араб. буква **з** *zain*. Названная тюрками по обыкновению слогово – *az*. От нее была создана и «мягкая» форма поворотом **з** *az'*.

Но слов, содержащих этот звук в тюркских языках, было мало. Гораздо большая нужда ощущалась в букве для гласного «а». И мягкая

форма станет выполнять роль обоюдорядного *a/ä*. Но и звонкий свистящий надо было выражать. Хоть в немногих словах, но он был. *Зайн* перечеркивают чертой мягкости. Чтобы она обрела вертикальность, изменяют положение знака в пространстве: . Использован еще один более радикальный способ получения буквы для мягкого звонкого губного. И в итоге получилась пара, выражающая четыре звука:

	<i>a/ä</i>
	<i>зъ/зъ</i>

Общие названия *азъ/äзъ*.

...Некоторые пары, вероятно, распались. От каждой из них осталось по одной букве, отвечающей за «оба ряда». Как правило, такие универсальные буквы имеют форму мягких:

 ä/ä

 зъ/зъ

➤ *мь/мь* (происходит от мягкой *бь*)

➤ *нчь/нчь*

 щ/щъ

Последняя явно происходит от араб. *кун*, которую в тюркский алфавит или не включили, или она со временем выпала из состава, ибо слишком легко прочитывалось происхождение «мягкой» буквы. А для облегчения процесса освоения письма требуется заучивать, зазубрить формы и значения букв, а не заниматься по ходу письма невольной этимологией. Так же осталась без пары *и/ы*, которая, возможно, произошла от арамейской *gimel*. (Хотя, возникает и другая версия.) Буква была воспринята в качестве «твердой» (как все заимствования из арамейского) и поэтому, повернув ее вокруг оси, превратили в мягкую. Но за неимением пары она стала выражать обоюднорядные значения.

Пожалуй, единственная пара, целиком представленная в арамейском, это: *he*, *hēt* (восходящие к финикийской *he*, *hēt*). В тюркском эта группа приняла вид: *g'*, *h*. Значит, в прототюркском письме эти звуки или не выражались, или передавались

другими знаками, которые, возможно, сохранились, но с другими значениями. Следует обратить внимание, что, несмотря на то, что тюрки также как арамейцы писали справа налево, «мягкая» *g'* повернута вокруг оси на 180°, как и другие «мягкие».

II

Из доарамейского наследия дошла «шумерская» пара:

◀	□
В	<i>k'</i>

В позднешумерской вертикальной строке они выглядели иначе:

▲ *ku, ki* – «гора», «земля». В тюркской горизонтальной группа повернулась на 90° и удвоенная развернулась вокруг оси, как и положено «мягкой». Слоговые их названия *uk(ok), ku(ko)* и удвоенная *uk(ok), kũ(kõ)*. Шумерские лексические значения не сохранились.

К доарамейскому наследию можно отнести и следующую пару:

D	<i>j</i>
Q	<i>j'</i>

Названия: «твердая» - *jaj* – «солнце», «лук». «Мягкая» - *jāj* – без значения. Это уже просто буква.

Вывод: иероглифы также вовлекались в грамматическую перестройку, если форма позволяла. В данном случае иероглиф «выдержал» черту мягкости с переворотом вокруг оси.

Шумерский знак солнца ➤ *ud* тюрки разложили на составные части: ✕ *d'* ➤ *u(o)*. Эта безболезненная операция показывает, что и в доарамейское время тюрки писали (и соответственно – читали) справа налево. Поэтому сложный шумерский знак так был прочитан. Сначала читался Основной Элемент Угол (*u*), затем Крест (*d'/d*). И другой вывод напрашивается. Так как шумеры писали слева направо, то этот знак и его название могли оказаться ранним заимствованием из письма, предшествовавшего населению. Индоевропейцы прочитали, вероятно, этот или подобный ему знак солнца слева направо: **di-u*. Сравните лат. *deūs* – «бог» (**de-u-us*), др.-инд. *dev, div* – «бог» (**de-u, di-u*), лув. *Tiuas* – «бог солнца» (**Ti-u*), хетт. *Šivas* – «бог» (**Ti-u*).

И «шумеры», будь они создателями этого сложного знака, прочли бы его составляющие в таком же порядке – или сверху вниз, если бы знак был размещен вертикально (▼), или слева направо, если

...Этот знак солнца мог быть известен предкам германцев (др.-анг. *god* – «бог» родственно *hot* – «горячее») и славян – *годъ* – «время, час» (ст.-слав.), «время, срок» (др.-рус.). И, вероятно, – «лето». Отблеск солнечного значения в слове *погода* (антоним – *непогода*, т.е. не солнечно). Солнцопоклонники главные праздники связывали с солнцем. И это отразилось на значении: *god* – «время», «праздник» (чеш.), *gody* – «празднество» (пол.), *hody* – «рождество» (в.-луж.), *gody* – то же (н.-луж.).

Этимологии этих слов ни в славянских, ни в германских Словарях нет. Они даже не связывают германское слово со славянским. Возможно, славяне и германцы были знакомы с вариантом шумерского знака солнца: - *gud* – «бык», «крупный рогатый скот». Мы говорили раньше, что, меняя позицию, грамматисты пытались развести два значения священного символа – 1) «Солнце»; 2) «Корова» (Вол, Баран)». И в качестве одного из названий использовали диалектную форму.

В орхоно-енисейском алфавите вышеприведенного иероглифа нет. Возможно, не уцелел. Но его название живет в тюркских языках в первозданной форме (без гортанного протеза, открывающего слог) и сохраняя первичное значение: *uj*, *ud*, *ut* – 1) «Корова»; 2) «Бык; крупный рогатый скот» (др.-тюрк., кирг., алт., тув., хак. и др.).

...Тюрки, таким образом, знали название знака Солнца-Коровы и с твердым согласным *d*. В одной из разновидностей прототюркского по-своему проанализировали знак *ud* – «четыре угла». Крест в этой письменности, видимо, исполнял роль четверки. Чтобы выделить из *ud* название косоугольного креста, надо было знать, что угол имел наименование *u*. Но в этой разновидности разложение не удалось, может потому, что название Угла было неизвестно и не нужно. И поэтому *d* пришлось изображать «четырьмя углами» (парой сдвоенных): *d*. В унифицированном прототюркском сформировалась пара, которая пережила ассирийскую реформу и дошла до орхоно-енисейского письма. Таким образом, от знака Солнца (с прототюркским и «шумерским» названиями) произведено было две буквы (*d'-d*), если грамматисты унифицированного знали наименование Угла. В первом случае было известно общее название *ud'* и наименование основного элемента – Угла (*u*):

➤	<i>ud'</i>	*солнце
>	<i>u</i>	Буква
x	<i>d'</i>	буква

Во втором случае (*ud* – «солнце») решалась другая задача. Потребовалось создать знак, выражающий твердый звонкий зубной – *d*.

➤	<i>ud</i>	*солнце
≡≡	<i>d</i>	Буква (четыре угла)

Цифры в алфавите

Шумерское название знака Угол (*u*) создателям унифицированного прототюркского (доассирийского периода) было известно. В шумерском письме было всего две основных цифры: I *aš* – «единица; один» > *u* – «десятка; десять». Остальные цифры первой десятки создавались количеством единиц. Вот как выглядел цифровой ряд сагтигов:

I II III IIII IIIII IIIII IIIII IIIII IIIII >
aš *u*

В прототюркском алфавите, думаю, обе основные цифры сагтигов (шумеров) вошли буквами. Они сохранились до орхоно-енисейского времени.

Шумер.	Название	Значение	Тюрк.	Название	Значение
I	<i>aš</i>	единица	I	<i>as'</i>	<i>s'</i>
>	<i>u</i>	десятка	>	<i>u(o)</i>	<i>u(o)</i>

В разных шумерских текстах, как не удивительно, одновременно выступают три (!) названия числа «один»: *dil*; *deš*, *aš*. Такого диалектного разнообразия числительного «один» нет более ни в каком другом языке, ни в живом, ни в мертвом.

Произошло это, на мой взгляд, вот почему.

...Некогда основными цифрами в гипотетическом протошумерском письме были горизонтальная черта (*i*) и горизонтальный угол - пятерка (*u*). И соответственно, название цифровых знаков стали числительными: **i* – «один», **u* – «пять». При переходе от пятиричного исчисления на десятиричное требовалось (по

логике) создать новую основную цифру, как это сделали те, кто передал свой цифровой ряд римлянам, и число основных цифр увеличилось (I-V-X). Все остальные цифры первого десятка удалось создать, комбинируя позиции этих трех. Цифры, благодаря третьей основной, стали разнообразней, избавились от угнетающей тавтологичности. В римских и китайских цифрах сохранили тавтологичность только две (II III и кит. $\text{—} = \equiv$), в остальных отказались от повторения единицы. (Кстати, и в китайском цифровом ряду десятка представляет из себя крест, только прямой.)

Шумерские знакотворцы не решились вводить знак для десятки. Они просто передвинули числовые значения основных цифр на порядок и теперь названия их стали выражать новые смыслы: *i* – «пять» (*один), *u* – «десять» (*пять).

Практика изолированного изучения древних культур и языков помешала увидеть таинственное родство шумерских и китайских числительных. А также римских цифр, как это не парадоксально звучит:

Китайские	<i>i</i> – «один»	<i>u</i> – «пять»
Шумерские	<i>i</i> – «пять»	<i>u</i> – «десять»
Римские	I – «единица»	V – «пятерка»

Китайцы и шумеры сохранили от прасостояния цифрового ряда по одному знаку. Это - китайская единица (горизонтальная черта). Но утрачена пятерка – угол, ее заменила натуралистическая цифра, состоящая из пяти штрихов. В шумерском (в эпоху десятиричного счета) пятерка-угол переместилась на десятое место и потому знак сохранился. Изменение значения не сказалось на форме цифры. Чего нельзя сказать о черте (как я полагаю, горизонтальной), которая могла бы уцелеть, если бы шумеры в качестве новой единицы избрали не черту, а, скажем, точку. (В цифровом ряду майя, например, • – «один», — «пять». Но они отказались от угла-десятки и сложили новую цифру из двух пятерок: $\equiv$).

Шумерские основные цифры после реформы могли выглядеть так: *• — > (один – пять – десять). Но побеждает единица – вертикальная черта: * | — > . И тогда пятерка горизонтальная, чтобы не путаться с единицей особенно в письме на предметах, где линейность строки не всегда соблюдалась, была исключена из числа основных цифровых знаков и заменена натуралистической комбинацией единиц, как и все остальные от одного до десяти.

О том, что единицей была и точка (**deš*), и черта (*dil*), по-видимому, горизонтальная, и черта вертикальная (*aš*), помогают узнать

тюркские языки и письмо. Буква *äs(es)* в орхоно-енисейском алфавите может служить прямым доказательством, что именно вертикальная черта могла быть и скорее всего была в какой-то письменности единицей. Соотносимость с буквой *u(o)*, совпадающей с шумерской цифрой - десяткой *u*, добавляет уверенности, что буква *äs* прямо соответствовала шумерской единице последнего периода – *aš*.

Этимология названия тюркской буквы *äs(es)*.

В казахском: *es* – 1) «полосуй острым орудием (бритвой, ножом, кинжалом)»; 2) «свивай, сучи нить из бараньей, козьей или верблюжьей шерсти». В обоих случаях полученный результат (полоса; нить) будет похожа на букву *äs(es)*.

В древнеуйгурском *äs* – «полосуй острым орудием», «распарывай». Из кипчакского заимствовано было существительное *äspä* – «лапша» (буквально – «нарезанное», «свитое». (В казахском: *espe, kespe* – т.ж.)

[Марко Поло привез из Восточного Туркестана рецепт блюда, которое он неустанно демонстрировал в Венеции на званых обедах. Оно постепенно получило национальное распространение. И название, судя по всему, он не стал придумывать сам: *äspä etti* – «лапша мясная», «лапша с мясом» (др.-уйг.) > *spagetti*. Лапшу, вероятно, нарезали, а другие свивали как нить. Ныне уйгуры только свивают ее из цельного куса теста. Может быть, Марко Поло именно этот процесс усвоил и передал итальянцам. Настоящее спагетти не нарезанное, а «свитое». И веревка свитая стала называться ит. *spaghetto* – «тонкая длинная бечевка». В нем. *spagat* – то же (Австрия, Бавария). Оттуда в пол. *szpagat* и в русс. *шпагат*.]

Таким образом, орхоно-енисейская буква **I** – *äs(es)* могла быть иероглифом с именным значением – «полоса», «черта» и глагольным – «полосуй», «черти острым». О том, что слово это имело и числовое значение, сведений нет. Числительное *per (ber, bir)* – «один», возникшее, скорее всего, в середине I тысячелетия до н.э. и вытеснило прежнее (или прежние?) названия этого числа из тюркских языков.

В грамматическом отношении *äs(es)* – соответствует глаголу-имени, каковыми были в доаффиксное время первые части речи. (Вспомним, что в шумерском существительное формально еще ничем не отличалось от глагола.) Поэтому сопоставительное изучение шумерского и тюркского материалов помогает восстановить грамматическую полноту и шумерского, и тюркского непроизводного слова. Например, шум. *dil'* – «один», «единица» должно было иметь и глагольное значение. Но какое? Тюркские словари отвечают: *dil'* – «полосуй, пори, вспарывай», *deş* – «прокалывай; делай отверстие, дыру» (турк.). (В каз. *til* – «полосуй», *tes* – «прокалывай, делай отверстие»). За прошедшее от шумерской эпохи время в тюркских языках появились

производные существительные: *dilik (tilik)* – «черта, полоса», «лента» (огузо-карл.), *tilme* (кипч.), *deşik (teşik)* – «отверстие, прокол» (огузо-карл.), *tespe, tesmä* – «прокол» (кипч.).

Вероятно, горизонтальная черта-единица в протошумерском (прототюркском) именовалась *dil*, точка-единица *deš*, а в позднешумерском вертикальная черта-единица стала называться *aš(*aš?)*.

Древнееврейский период. Тюрки – «правоверные»?

...Возможно, в результате реформы в ассирийский период была создана пара *š-s'*. Она вполне удовлетворяла потребности языка Огузов. Шумерскую цифру-единицу еще не привлекали в алфавит. Но после того, как понадобилось ввести звук *s* (которого, возможно, не было в протоогузском), привлекают шумерскую единицу – когда она в какой-то разновидности тюркского письма читалась *äs'(es)*. Ей находят пару, но уже не в арамейском, а в древнееврейском III века до н.э. Может быть, именно тогда Огузам потребовалось ввести в алфавит буквы, выражающие звуки *s-s'*, а с арамейским письмом уже давно расстались. К тому времени сами арамейцы растворились как этнос в древних евреях, и письмо, их подхваченное ахеменидами, за три прошедших века превратилось в курсивные кружева, из которых «прямолинейным» тюркам извлекать было нечего.

А с древними евреями тюрки, вероятно, имели культурные отношения. Достаточно сказать, что еврейское священное писание «Тора», в котором изложен свод законов, по которым жить надлежит иудеям, наверное, почиталась в свое время и древними тюрками: *törä* – «закон, обычай, правила»¹⁰¹. Но большее распространение получает форма с другим окончанием *törü* – «закон, правило, порядок, обычай»¹⁰². Приводятся примеры из текстов: *küč eldin kirsä, törü tünluktin ğigar* – «если сила (насилие) входит через дверь (юрты), закон выходит через дымовое отверстие»; *el başlagıy törü* – «закон (порядок) управления страной».

Позже огрубевает гласный в этом слове: *tora* – «правильно, законно, прямо, справедливо» (тат.), *tura* – то же (каз.), *dohru* – «правда, истина, прямой, справедливый, верный» (тур.).

¹⁰¹ «Древнетюркский словарь», стр.580.

¹⁰² Там же, стр.581.

...Не связано ли с древнетюркской формой чув. *turā* – «бог», «господь»; тат. *türdä* – 1) «господин»; 2) «правитель, владыка, хан»; каз. *töre* – то же?

Семантическая связь: «господь–господин–закон–правила жизни–справедливость; истина» – кажется естественной.

И те, кому ведомы пути механического развития формы тюркского слова, не сочтут невозможным отождествление лексем *törü* и *törük*, *türük*. Со значениями, связанными с – «бог», «господин», «закон». Не случайно и соседство с непронизованным существительным др.-тюрк. *tör*, *tür* – «почетное место в юрте», «почетное, возвышенное место, престол». Поэтому я думаю, следует в приведенном контексте рассмотреть происхождение формы и значения этнонима *türük*, *tür'k*, *törek* – «тюрк». В славянской передаче – *turok*, др.-рус. *мурокъ*, мн. *мурки*. Фасмер, IV, 125: «Из др.-тюрк., турецкого *türk* – «династия, которую китайцы называли Ту-кю, и подвластный ей народ. (Радлов 3, 1559). См. *тёрки*».

Фасмер, IV, 83: «*торки* (мн.) – название тюрк. племени, родственного печенегам и половцам, только др.-рус. *търцы*, *търки* (Пов. врем. лет под 1096 г.). Ранее заимствование из др.-тюр. *tür*, которое означает «тюрк», «сила, власть»; см. Ле Кок, *Festschr. V. Thomsen* 151 и сл.; Немеет, *Ujb*, 10, 28; Маркварт, *Kumanen*, 28; Голубовский, 44 и сл.; Соболевский, *РФВ* 64, 173. Более поздним заимств. из того же источника является *түрок* и *түрки*».

Составители «Древнетюркского словаря» выявляли лексическое значение слова *türk*, интерпретируя выражения средневековых текстов, потому что это слово, кроме того, что стало этнонимом, имело более традиционные значения, на мой взгляд, проистекающие от первичных – «бог», «господин», «закон», «истина»... Эта семантическая радуга не учитывалась интерпретаторами текстов, в которых участвовало *türk* не как этноним, а в роли определения, поэтому и предложенные ими значения весьма приблизительны: «*Türk* – 1) «сильный; «могучий»; 2) «самый обильный; предельный». (Примеры) 1) *Türk burxanlarta kin intiñiz* – «Ты низашел вслед за могучими Буддами» (ТТ, III, 66) (Может быть, «за божественными», «священными»? – О.С.); 2) *Türk üzüm ödi* – «Пора самого винограда» (Может быть, «настоящего, истинного»? – О.С.); *Türk qujaş ödi* – «Время самого солнцепека» (Возможно, «настоящего, истинного, действительного» – О.С.); *Türk jigít* – «Самая молодость (т.е. пора самого рассвета)»¹⁰³.

Последний пример из Махмуда Кашкари (XI век) – явный фразеологизм, в коем определение *türk* имеет отчетливо выраженный смысл – «истинный», «настоящий». «Настоящий джигит!» Тем более,

¹⁰³ «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр.599.

что «молодость» в языке Кашкари не *jigit*, а *jgitlik*, что видно в том же Словаре.

Поэтому, прежде чем стать этнонимом, слово *türük* (*türk*), *törük* (*tör'k*) и др. могло существовать в качестве имени существительного в значениях – «бог» («господь»), «господин», «закон», «истина», и в роли прилагательного или определения – «божественный», «священный», «истинный», «настоящий»,

Оно могло отличать истинную веру от лживой, людей истинной веры от язычников. Ведь люди свою религию считали самой истинной, самой правильной. А все другие, соответственно – язычеством, идолопоклонством, ересью. Исключений не было.

[Авторов этимологии *türk* – «могучий», «сильный», видимо, подвела относительная похожесть основы на др.-инд. *turá* – «сильный, крепкий, полный сил» и синоним *turāṇa*, сходный с мифологическим названием страны *Turan*, которую было принято противопоставлять стране *Iran*, и потому считавшейся как бы страной тюрков. Санскрит. *tura* без родового окончания **tur* – скорее всего, надо рассматривать в одном лексическом гнезде с ром. *toro* – «бык», сем. *taur* и т.д.]

Формальная и смысловая согласованность др.-тюр. *törä* – «закон», «истина» и др.-евр. *t-r-* – «закон», «истина», «священная книга», «Тора», может быть и случайным совпадением и неслучайным.

Как и дальнейшие встречи тюрков и евреев. (Хазары – первый народ «не еврейской крови», принявший иудейство. Их наследники – турки-караимы.)

Дальнейшая разработка возникающей темы внесет ясность. Но, думаю, если древние турки общались с арамейцами, то и древние евреи были рядом – именно в них и растворились арамейцы, как соль в воде.

Древнееврейское письмо произошло от арамейского алфавита персидского периода, если судить по форме букв. Квадратное еврейское письмо так называемого переходного периода (III в. до н.э.) имело букву **S** *tsade*, которая каким-то образом произошла от арамейско-персидской **𐤌** *tsade*¹⁰⁴.

Турки и сейчас не произносят *ts* (рус. ц), превращая его в *s*. Так, полагаю, не раньше III в. до н.э. произошло включение в тюркский алфавит новой пары для выражения звуков, принимаемых в огузский язык:

¹⁰⁴ См. Таблицу исторического развития еврейского письма (по Я.Б.Шницеру), приведенную в книге В.А.Истрина «Возникновение и развитие письма», стр.313.

I	s'
S	s

И, вероятно, в тот же период был заимствована древнееврейская *S bet*, которая в арамейском еще выглядела более сложно и притом совпадала внешне с некоторыми тюркскими буквами. В I в. сврейская *bet* принимает уже такой вид .

Мы можем сделать по ходу такие заключения.

1) Учитывая то, что в ассирийский период было принято в тюркский алфавит несколько букв, которые «доукомплектовали» пары, можно сделать вывод, что в прототюркском письме до ассирийского периода существовало несколько пар букв («твердая»-«мягкая»), но было больше универсальных, «двурядных букв», таких как *Y Y* *äl'(el')*, *är(er')* – которые выступали в роли *l-l'*, *r-r'*.

«Ассирийская реформа» сохранила за ними только по одной функции, подсказанной первичными иероглифическими названиями.

2) Буква-иероглиф *äb'(eb')* – «дом», кажется, пережила ассирийскую реформу, т.е. обошлась без пары, продолжая выполнять обоюдорядную функцию: *b-b'*. В III в. до н.э. в ходе «еврейской реформы» ей нашли пару – древнееврейскую *bet*.

3) Появление новой пары, целиком сформированной из арамейских букв (*he-het*), может говорить о том, что в прототюркском алфавите¹⁰⁵ таких букв не было. И в языке – таких звуков? С выражением гортанных согласных, кажется, были какие-то сложности, они и остаются. Например, слишком много собралось в орхоно-енисейском письме букв и слоговых знаков для выражения пары гортанных звуков *q(□)*. Например, *q*. Ей соответствует мягкая (удвоенная с поворотом вокруг оси) *_k'*, которой ныне приписывают слоговые значения *uk(ök)*, *kü(kö)*, потому что она похожа на , что всегда читалась как слоговой знак с приведенными значениями. А ее твердым напарником был всегда *uk(ok)*. Но тогда, что делать с *uk(ok)* «стрела», у которого нет зримой пары, и буквой *_ak*?

До сих пор эта группа гортанных не получила должного объяснения. И в алфавитных таблицах, приведенных в разных изданиях и разными авторами, буквы для гортанных то представлены как

¹⁰⁵ Так я называю «гипотетический» алфавит, существовавший до встречи с арамейским письмом. К тому, что появился после ассирийского периода, уже, думаю, применим термин «древнетюркский алфавит».

варианты, выражающие один и тот же звук (напр. в ДТС: *k'* - , *q* - ¹⁰⁶. У Радлова и Малова знаки и   назывались одинаково *uk(ok)* и названия выдавали в них разновидности иероглифа «стрела».

Но, думается, палеографы встретились в этом случае с лингвистической проблемой, какой-то из этих иероглифов обозначал «стрелу» (вероятней всего $\downarrow \uparrow$), а другой – слово-омоним «потомство», «род». И таким, скорее всего, был $\blacktriangleleft$ *uk(ok)*, но его «мягкое» продолжение $\blacktriangleright$ *В*, вероятно, называлось **uk(ök)* – «мать» (др.-тюр.)¹⁰⁷.

Идеальная пара «вторичных иероглифов», ибо первое их значение, как было показано раньше, восходит к шумерским *ku* – «гора», *ki* – «земля» (в вертикальной строке). Изменив положение, иероглифы уже не могли сохранить прежнюю семантику, и знакотворцы увидели другие смыслы, но связанные друг с другом.

А	<i>uk(ok)</i>	«потомство» «род»
В	<i>ūk(ök)</i>	«мать»

И, тем не менее, вопросы остаются. Какие-то оттенки гортанных звуков, которые выражались таким разнообразием «одинаковых» букв, мы еще не улавливаем.

Группа для гортанных требует дальнейшего сопоставительного изучения с учетом опыта использования семитских букв в древних письменностях. Например, греки избавились от некоторых финикийских гортанных (у тех в алфавите для гортанных было восемь букв, т.е. более трети всего состава). Греки приняли только *kaf* (каппа), *gimel* (гамма) и все. Остальные стали выражать гласные и другие звуки.

Какое-то перераспределение букв для гортанных происходило и в тюркском алфавите. Не все значения букв этой группы точно интерпретированы. Подтверждением тому служит, например, следующее. Классики (Томсен, Радлов и Малов) уверенно придавали приведенной выше паре признаваемые и мной слоговые значения, хотя они не заподозрили в них вероятность лексических смыслов и, следовательно, не могли увидеть в них иероглифов. Ныне рунологи, сохраняя за удвоенной буквой — *ük(ök)*, в то же время одинарной

¹⁰⁶ «Древнетюркский словарь», стр. XV-XVI

¹⁰⁷ В др.-тюр. *ög* – «мать», но в производных *öksüz* – «сирота», букв. «без *ök*», т.е. «без матери».

(«твердой»), определяют уже слоговое значение с другим гласным - *ik*¹⁰⁸. Не ведая, что разрушают самую явную зримую пару. И это понятно: век назад при дешифровке рунической письменности, опознав парность как принцип тюркского алфавита, рунологи до сих пор не восстановили многие пары, не поняли строения букв, ибо не «вспомнили» грамматику тюркской графемы. Этого не удалось сделать, потому что не были реконструированы правила значимых и механических знакоизменений, оставившие следы в иероглифических и буквенных письменностях Древнего мира.

Не восстановив грамматики тюркских букв, не узнав, как образовались все пары, нельзя было даже подступаться к сопоставлению руники с другими алфавитами. Особенно с такими, как согдийский, который не имел знаков для гласных, не знал парности ни по долготе, ни по качеству. И в добавок, не имел с орхон-енисейским ни единой сходной буквенной формы.

Тюркские пары ассирийского периода

Сейчас мы можем попытаться собрать состав пар древнетюркского рунического алфавита. К сожалению, первичный порядок букв не известен, поэтому каждый исследователь вправе предложить свой, опираясь в определенной степени на классический строй алфавитов.

Знак	Слог назв.	Буквен.	Иероглифическое значение	Праформенное	Источники
	<i>az</i>	<i>a/ä</i>	-	Z <i>zajn</i>	арамейский алфавит ассирийского периода VII в до н.э.
	<i>äz'</i>	<i>z/z'</i>	-		

	<i>āb</i>	<i>b'</i>	«дом»	<i>ab</i>	прототюркский ¹
	<i>ab</i>	<i>b</i>	-	<i>bet</i>	древнееврейский III в до н.э.

	<i>ām'</i>	<i>m'</i>	«грудь»		прототюркский

¹⁰⁸ «Языкознание» БЭС, 1998, стр. 144; А.М.Щербак «Тюркская руника», СПб, 2001, стр. 138 и др.

𐎶	<i>am</i>	<i>m</i>	-	𐎶 <i>ab</i> ≈ <i>ām</i> – «дом»	(дошумерский)

𐎶	<i>āg'</i>	<i>g'</i>	-	• <i>he</i>	арамейский ассирийского периода
𐎶	<i>ah</i>	<i>h(γ)</i>	-	𐎶 <i>hēt</i>	то же

𐎶	<i>ād'</i>	<i>d'</i>	-	𐎶 <i>ud'</i> ; <i>ud</i> – «солнце»	шумерский II тысячелетие до н.э.
𐎶	<i>ad</i>	<i>d</i>	-		

𐎶	-	<i>u(o)</i>	-	𐎶 <i>u</i> – «десять»	шумерский II тысячелетие до н.э.
𐎶	-	<i>ū(ō)</i>	-		

𐎶	<i>ās</i>	<i>s'</i>	«черта» «полоса»	𐎶 <i>aš</i> «единица» «один»	шумерский II тысячелетие до н.э.
𐎶	<i>as</i>	<i>s</i>	-	• <i>tsa</i> <i>de</i>	Древнееврей- ский III в до н.э.

𐎶	<i>ûk(ûg)</i>	<i>k</i>	«потомство» «род»	𐎶 <i>ku</i> – «гора»	шумерский II тысячелетие до н.э.
𐎶	<i>ûk(ûg)</i>	<i>k'(g')</i>	«мать»	𐎶 <i>kir</i> – «земля»	

𐎶	<i>a□(ah)</i>	□(<i>h</i>)	-	-	диалектный вариант предыдущего
𐎶	<i>ak(āg)</i>	<i>k(g')</i>	-	-	

↓	o□(u□) ko(□u)	□	«стрела»	109	
𐤌	ak(*'äg')	k'(*g')		he	арамейский

𐤂	-	i	-	1 gimel «верблюд»?	арамейский ?
𐤃	-	ī	-		

𐤅	al'el	l'	«рука» «господство» «государство»	𐤅 eḥ – 1) «Бог солнца; 2) «баран»	прототюрк- ский (дошумер- ский)
𐤆	al	l		𐤆 lamad	арамейский ассирийского период

𐤇	är(er')	r	«*баран», «*господь» «господин»	𐤇 el > er	прототюрк- ский
𐤈	ar	r	-	𐤈 roš	арамейский ассирийского периода

𐤉	an	n	*«луна, месяц»	𐤉 uḥ, un «луна»	прототюрк- ский
𐤊	än'	n ¹¹⁰	-	-	то же
𐤋	än'	n'	-	𐤋 nun	арамейский ассирийского периода

𐤌	aš'	š'	-	𐤌 šyn	арамейский ассирийского периода
𐤍	aš	š	-		

¹⁰⁹ См. такую «стреловидную» форму финик. koḥ в таблице БСЭ, изд. 2. («Сопоставление финикийских букв со знаками линейного критского письма») И. Дьяконов, В. Истрин, Р. Кинжалов «Письмо».)

¹¹⁰ Эта буква встречается в орхонских текстах крайне редко.

人	<i>äč</i>	<i>č</i>	<i>*čīn</i> (<i>džīn, žīn, šīn</i>) - «человек»	ср. кит. 人 <i>žen'</i> - «человек»	среднекитай- ская иероглифика
人	<i>ač</i>	<i>č</i>			

𐰇	<i>at</i>	<i>t</i>	<i>*tan</i> - «ВОСХОД»	Ср. кит. 𠂔 <i>dun</i> «ВОСХОД»	прототюрк- ский (др.-кит.?)
𐰆	<i>ät</i>	<i>t'</i>	-	𐰇 <i>tau</i> (ар.) + <i>tau</i> (фин.)	арамейский ассирийского периода (прототюрк.?)

𐰣	<i>jaj</i>	<i>j</i>	«солнце» «лук» (оружие)	𐰤 <i>j-aj</i> «убитая луна», «стрела- луна»	прототюрк- ский
𐰤	<i>jāj</i>	<i>j'</i>	-	мягкая форма предыдущего знака	

𐰇	<i>aŋ</i> <i>ŋ</i>	<i>ŋ</i> <i>ŋ</i>	-	этимология не известна	
𐰆	<i>aŋč</i> <i>äŋč'</i>	<i>nč</i> <i>nč'</i>	-	то же	
𐰇	<i>alt</i> <i>äl't'</i>	<i>lt</i> <i>l't'</i>	-	то же	
𐰆	<i>ant</i> <i>änt'</i>	<i>nt</i> <i>n't'</i>	-	(рассматривается ниже)	

Остаются еще два знака – это двосточие-словоразделитель, названия которого, вероятно, и не было. (Но история была. В персидских нет такого знакоразделителя. Есть он в западногреческом, этрусском, древнелатинском. И мы его видим в древнетюркском.)

И, наконец, знак 𐰇, завершающий надписи. У него, скорее всего, тоже не было названия. Это – идеограмма, с ясным значением. Поэтому, мне кажется, и не стоит пытаться гадательно присваивать ему какое-то название типа *art* – «зад», «предел», как это делает А.М.Щербак (правда, ставя в скобках знак вопроса)¹¹¹. Гораздо более

¹¹¹ А.М.Щербак «Тюркская руника», стр.138.

продуктивным для истории руники может оказаться этимология лигатур – знаков явно иероглифических (*nt*, *nċ*, *lt*).

Главные выводы

1. Древнетюркский алфавит (правильней, на мой взгляд, называть его древнеогузским) являет собой оригинальную, буквенную систему, содержащую в своем составе целый ряд «бывших» и действовавших еще в «орхонское» время иероглифов. Эта особенность выделяет тюркскую рунику из среды древнейших алфавитов.
2. Древнетюркский алфавит возник на базе прототюркского письма, которое пережило первую реформу в ассирийский период (VII в. до н.э.). Тогда окончательно оформилась парная структура алфавита; он приобрел четко выраженный двурядный характер, отражающий велярно-палатальную оппозицию фонем тюркских языков. Для этого были использованы буквы арамейского алфавита: они, в основном, привлекались для выражения велярных (твердых) звуков (*l*, *r* и др.).
В то же время, на базе некоторых «твердых» арамейских букв, которые сами не были включены в тюркский алфавит, были построены тюркские «мягкие» (*n'*, *l'* и др.).
3. Правила значимых знакоизменений, по которым были построены тюркские буквы для палатальных звуков, согласуются с правилами «грамматики письменного знака», известными знакотворцам Древнего Мира, что представляет древнетюркский алфавит ровесником древнейших письменных систем.
4. Все это делает бессмысленным механическое сопоставление букв этой внутренне сложной письменности, состоящей из 38 знаков с алфавитами, не знавшими парного строения. К таким, в частности, относился и согдийский. К тому же его буквы даже приблизительно не сопоставимы с буквами орхоно-енисейского, настолько разительно отличаются их формы. Единственно, что заставляло считать согдийский алфавит источником тюркского – кажущаяся близость по времени функционирования и географическое соседство. Но последний фактор в применении к культуре кочевых этносов не может быть определяющим.
5. А что касается времени, древнетюркское письмо на протяжении тысячелетия (от ассирийского периода до

орхоно-енисейского), видимо, продолжало функционировать в регионах, которые впоследствии оказались в зонах активного распространения новейших религий, не допускавших существования иных письменностей.

Прототюркские нероглифы

Шумерские цифры и числительные в орхоно-енисейской письменности

Я имею ввиду заимствованные из шумерского цифры *u* и *aš*. Тюркские знакотворцы уже относились к ним не как к нероглифам (т.е. графемам, выражающим образный смысл), но только как к буквам. А такие «бывшие нероглифы», особенно выражающие однофонемные слова-понятия, имеет смысл внимательно рассматривать еще и потому, что они, вероятно, и подсказали грамматистам последующих поколений идею буквенного письма, его основополагающий принцип: «один знак – один звук». Шумерское слово *u* – «десятка», «десять» для тюрков было уже просто звуком, а не словом. Так же как и слово *i* – «пять» (шум.). Я предположил, что протошумеры изображали эту цифру горизонтальной чертой (бывшей единицей). Тюрки, табуистически относившиеся к горизонтальным линиям, могли передать ее ломанной. Но тогда *i*, став углом, мешала бы традиционному знаку > *u*, который в протошумерском письме независимо от позиции не терял своего звукового значения. (Мы это увидим.) Задача: «Как изобразить горизонтальную черту, если ее нельзя сломать и нельзя превратить просто в вертикаль, потому как эта позиция уже занята новой единицей?». Грамматист мог найти более грамотное решение: использовать диакритический знак – черту отрицания, которая как бы опрокидывает графему, создавая ангизнак.

При переходе на десятиричное исчисление основными цифрами шумеров стали три:

I	—	>
<i>aš</i>	<i>i</i>	<i>u</i>
«единица»	«пятерка»	«десятка»

Тюрки могли ввести в свой алфавит эти три знака, но принципиально изменив форму горизонтали:

I	1	>
<i>as</i>	<i>i</i>	<i>u</i>

Диакритический значок отрицает вертикаль, превращая ее в горизонталь, которую иначе не изобразить. Так в тюркском алфавите

могла появиться буква, содержащая знак отрицания (опрокидыватель), который мы обнаружили до этого в финикийских буквах (*bet, mem*).

Таким образом, из среднешумерского письма тюрки, возможно, заимствовали все три основные цифры (*aš, i, u*), но не числительные. Если бы осознавались числовые значения этих знаков и их названий, они бы никогда не смогли стать буквами.

...Может быть, опираясь на наш опыт превращения горизонтальной единицы-пятерки в **1** или **Г**, мы когда-нибудь поймем генезис арабской единицы **1**, которая выглядит столь же необычно между римской вертикальной (которая в алфавите выражала звук *i*) и китайской горизонтальной единицей – древнее название которой и стало числительным **I** – «один» (кит.). (В «Языке письма» высказывалась другая точка зрения на генезис «арабской» единицы. Стоит рассмотреть обе.)

Восточные цифры

Давно пора поместить в одно поле зрения все мировые циферные системы, названия цифр и числительные. (Повторим некоторые примеры из главы «Грамматика буквы».)

Мы увидим, что цифры восточные (арабские, китайские) отличаются от западных (римских) так же, как буквы с диакритическими знаками. Цифры римские – аналитические: черта-единица никогда не сливается с другими основными знаками (**IV, VI, IX**). Цифры китайские и арабские – синкретичные: черта-единица сливается с основными цифрами и потому до сих пор неузнана¹¹². Позиционный принцип действовал и в римских цифрах, и в восточных. Черта-единица справа от основного знака (т.е. в направлении развития строки) – увеличение на единицу (**VI, XI**).

Китайское письмо признавало только вертикальные строки. Поэтому позиционный принцип был рассчитан на направления вверх и вниз. Но при этом вертикальные строки шли справа налево. И поэтому: черта справа вниз от основной цифры – уменьшение на единицу. Так я

¹¹² Эти характеристики можно распространить и на языки западноевропейским свойственна аналитичность, восточным синкретизм. Не увидев этой системности, грамматологи не увидели и диакритическую черту, слитую с основной буквой в восточных письменностях.

понял происхождение китайской цифры - «девятка», ибо - «десятка». В «арабских» - тот же принцип. Значит, «арабские цифры» возникли в письме, признающем вертикальные строки, идущие справа налево.

Исследовав, согласно открывающимся правилам, цифры обеих восточных систем, мы находим подтверждение возникающей догадки. Или арабские цифры – одна из разновидностей китайского цифрового ряда, или китайские цифры формировались в Древней Передней Азии, где правила грамматики письменного знака были знакомы, наверное, всем грамматистам Древнего мира. Конечно, обе системы, как полагается, пережили по несколько реформ, изменивших их внешний облик. Однако формы отдельных цифр позволяют понять, что позиционный принцип действовал и в китайской, и в арабской системах. Но в отличие от римской аналитической единицы, всегда самостоятельной, восточная подчинялась основному знаку, сливалась с ним. Например, арабская четверка теперь может быть проанализирована: = черта справа вниз от основного знака. И несложно вычислить: $x - 1 = 4$. Значит * - «5». И в Китае эта цифра не сохранилась: была заменена натуралистической из пяти штрихов, но древнейшее ее название, ставшее числительным, выдаст знак Угол. Эта цифра была распространена, вероятно, во всех мировых системах, в том числе и восточных: *и* - «пять» (кит.), *о* - (кор.), *go* - (япон.), *ho* - (маи).

В арабском же языке нет никакой связи числительных с предполагаемыми названиями цифр, что может говорить о заимствовании цифрового ряда. Но тогда следующая цифра («шестерка») должна была быть создана по принципу – «черта слева вверх от основного знака – увеличение на единицу». Посмотрим: - не так ли выглядела «арабская» шестерка на первых порах, прежде чем ее «пятерка» в курсивном письме не превратилась в завиток: 6, и из-за подъема одной стороны основной знак уменьшился. Проверить предположение можно следующей цифрой, которую, если следовать тому же принципу, надо было создавать, наращивая левую сторону еще одной единицей. Но в этом случае цифра нарушит принятые линейные размеры письменного знака, и «кривулина»-пятерка вовсе уменьшится. Тогда происходит творческое нарушение традиции. Черта-единица не наращивает левую сторону шестерки, а добавляется к ней, пересекая ее: . В таком виде семерка осталась в китайском цифровом ряду. В арабском же мы ее видим уже механически перевернутой: .

Эти цифры не просто близкородственны. Это – одна и та же цифра, авторская работа, выполненная каким-то мастером. Учитывая единую грамматику, по правилам которой были созданы восточные цифры и материальную близость отдельных знаков, мы можем быть

твердо уверены, что эти цифровые системы создавались в одно время и может быть в ареале распространения одного письма. Это заключение продлевает век арабских цифр на пару десятков веков, потому что китайские цифры известны с середины II тысячелетия до н.э.

Тогда в древнекитайской письменности уже встречается ㄩС – «восьмерка». Я вижу здесь противопоставление «двух месяцев», вполне согласующихся с «двумя лунами» арабской восьмерки

«Восемь» – священное число шумерской богини любви и плодородия, олицетворением которой на небе была Венера. Ее графические символы (концентрические круги) и восьмилучевик . Оба знака назывались *dingir* – «божество», «Венера». Число «двух лун» (спрятавшихся друг в друге, как в матрешке) было расшифровано восьмилучевиком. Восемь становится знаком любви. Символика знаков и чисел сохранилась в брачном ритуале: каждый из пары надевает кольцо на четвертый палец и обе руки (обручение) встречаясь, создают из двух колец восьмерку – знак Венеры.

Но почему круг равен четырем? Не потому ли, что другое его выражение – квадрат? Может быть и так. Скрещивали квадраты (октаэдр), дублируя знак концентрических кругов. Но, возможно, решение могло быть и не столь простым.

Знак Венеры

Чтобы добраться до истины, надо рассмотреть все варианты знака Венеры. (Я говорил о нем в «Языке письма», но тема такой глубины, что повторения неизбежны, и каждое открывает в ней новые ценности.)

Знак Солнца развивался, благодаря стремлению понять назначение точки. Одни жрецы продолжали видеть в ней знак отрицания (рану от копья или стрелы; отверстие). Это понимание до конца сохранялось в китайской традиции: монеты первоначально были идолами Солнца, своего рода иконами. Китайские монеты до последнего времени имели отверстие в центре. (Знак Солнца в древнем Китае не отличался от древнеегипетского.) На другом полюсе Древнего мира – в Средиземноморье к точке было другое отношение. Ее приняли за Солнце, но только за «маленькое», юное, восходящее. А круг это луна – мать Солнца. Это понимание придало точке лучистость – так произошел крест . И, наконец, в Древней Передней Азии сошлись и египетское толкование точки (о чем свидетельствует иероглиф *udu* (*utu*) – 1) «бог Солнца»; 2) «баран», и другое, привнесенное, по-видимому, с севера. Там Луну изображали в виде месяца, а точка стала

пониматься как звезда ☉ ☽. Месяц занимает северное положение. Возможно, такое решение принадлежало прототюркским жрецам, прочитавших сложный знак *u-j > u-d' > ud – «Солнце». Потом, приняв точку за пятно на Луне, переосмыслили: *uj > aj – «Луна, месяц» (общетюрк.).

(Мы уже рассматривали механизм вторичного превращения «новой луны» uj в новое «Солнце», но теперь уже с помощью «стрель»:

D j-uj. В древнетюркском письме иероглиф дождался до орхонского времени, потеряв по дороге точку: **D** – jaj – 1) «Солнце»; 2) «лук» (оружие), а в древнекитайском точка сохранилась, но значение откатилось на прежние позиции: **D** – «Луна, месяц». (Совр. juj.)

...Итак, ☉ ☽ – uj (ud'/ud) – «Солнце» было, как мне кажется, принесено в Двуречье IV тысячелетия до н.э. (самые древние культурные пласты в стратиграфии Шумера) прототюрками, пришедшими с севера, о чем говорит явно северное положение «месяца» в письменном поле. Точка ассоциировалась со звездой. А какая звезда достойна стоять рядом с Луной? Самая яркая, первой зажигающаяся на вечернем небе перед восходом Луны и последней гаснущая на востоке перед восходом Солнца. Венера.

Культ Сияющей Точки и здесь превратил Крест (✕) в символ божества. Шумеры, совместив в своей две культуры (мягкого угла и острого), признали равенство косоугольного креста и прямого, соединив их в одном знаке ✱ dingir – «Венера», «божество». Одновременно передав образное значение – «самая лучистая, самая яркая звезда».

Жрецы культуры, проповедовавшей сущность священного знака ☉ и развившие его до ☉ (концентрические круги), вынуждены были признать, что точка (внутренний кружок) есть звезда, суперзвезда – Венера. Но «звезда» оказалась внутри «Луны». Это неестественно, и жрецы идут на нарушение формы священного знака, они выводят кружок (звезду) из круга (Луны) и даже возвышают Венеру (меньший кружок) над ней: 8. Так рождается художественная традиция – фигура богини любви и плодородия, ставшая образцом женской фигуры. Все терракотовые и каменные Венеры, начиная с III тысячелетия до н.э., где бы их не находили – в Древней Передней Азии, в Малой и Средней Азии – имеют фигуру Восьмерки и некоторые на себе несут выпараланные или выдавленные знаки божества – концентрические круги и восьмилучевик. Мы знаем, что они читались dingir – «божество».

Теперь, прояснив происхождение этих символов, мы можем узнать и другое их название. А вместе с тем и круг языков, носители которых поклонялись богине Венере.

II

Вспомнился декабрь 1962 года. 17 декабря. Хрущев, после ставшей знаменитой выставки художников-авангардистов в Манеже, срочно созвал совещание творческой интеллигенции. Я попал в число трехсот приглашенных. (Обычно количество участников такого рода собраний определяется числом мест в зале, где они должны были проводиться. Съезды партии собирали 5 тысяч делегатов, ровно столько мест во Дворце съездов.)

Помню, вызвав к столу президиума скульптора малых форм Эрнста Неизвестного, Хрущев поднял над головой небольшой медный бублик: «Вы знаете как называется это, так называемое, произведение? – спросил он у заранее возмущенного зала. – «Женщина» называется!! Это что же получается, товарищи, в советской женщине кроме, извиняюсь, дыры ничего нет?!...».

Через полгода я был командирован по «писательской линии» в Багдат. И увидел раскопки Вавилона, его асфальтированную мостовую! А в музее археологическом – каменные изображения богинь плодородия – как поясняли надписи, сопровождавшие экспозицию. Одни богини напоминали шедевры натуралистического искусства – пышногрудые и широкобедрые, в виде восьмерки. Но самые древние представляли из себя гладкие серые, светлые каменные баранки.

(Кстати, и русское слово «баранка» происходит от названия ☉ знака Солнца, Барана. Ср. шум. ⊕ «бог Солнца», «Баран». Хлебцы в форме этого знака были, наверное, посвящены Солнцу. Так же как блины с точками, круглые караваи и другие воплощения знаков Коровы. И даже насекомое, имеющее при взгляде сверху вид божественного знака ⊖, называли «божьей коровкой». Предметы, похожие на графический символ, получали его название в уменьшительной форме – один из законов древнего словообразования: √ – «ворон», «галка», но предмет, подобный графеме, уже – «воронка».)

III

До финикийского алфавита дошел иероглифический знак Солнца, не признанный семитами II тысячелетия до н.э. в качестве священного, и потому ставший просто буквой. В разновидностях финикийского письма он выступает в нескольких формах: ☉ ⊖ ⊕

⊗ *thêth*.

В греческих письменностях это $\ominus \odot \oplus$ – *thēta*.

8 ...Для жрецов Древней Передней Азии равенство знаков $\odot =$
8 было, думаю, очевидным, и по тому название у них было общим: $\odot$
8 *thēth*.

(Пока не будем отвлекаться на выяснение генезиса этого наименования. Примем его как данность.)

Со знаком Богини были, думаю, знакомы все народы, населявшие Древний мир. В этот период культ Богини совпадает с культом предков, и имя Богини становится нарицательным. Оно обозначает сначала предка женского рода, затем вообще предка, старшую женщину в роду, в семье, старшего. В открытосложных языках появляется протетический гласный в окончании: и *тетя*, и *тятя*, и *дядя*, и *дед* – диалектные варианты священного имени. Эти тавтологические слова нашей рано повзрослевшей наукой принято считать «детскими», которые, дескать, дети всех народов естественно вырабатывают в младенчестве, учась говорить. Нет, видимо, жрецы младенствующего человечества, а вовсе не дети, сочиняли эти слова. Они нарекали удвоенные знаки, удвоенными названиями: *баба*, *papa*, *мама* и др.

В главе, где рассматривалось превращение шум. *l'u-l'u* – «народ, люди» в слово с суффиксом *tir*, *ti* – детерминативом множественности: *l'u-ti*, *l'utir* – «люди», «люди», «народ», приводился и другой пример древнейшего действия этого суффикса: *tama* > *mati*, *matir'*; *papa* > *pati*, *patir'*; *baba* > *bati*, *batir* > *batyr* (тюркск. сингармонизм).

Об этих случаях я говорил в «Языке письма» (1998 г.), им можно было бы посвятить научные конференции и сообща отыскать в языках человечества десятки других примеров того, как удвоенные конструкции превращались в лексемы с реликтовым суффиксом множественности *j* (*-di*, *-ti*, *-tir*). Но наука находится в зависимости от Ранее Высказанного. Как религия.

Каз. *šeše* – «мать», «бабушка», в этом же лексическом гнезде, как и *t□te* – «старшая женщина в роду», «старший в роду», как тур. *dede* – «дед», груз. *deda* – «мать» и т.д.

Применение к этой группе суффикса множественности, вероятно, не имело смысла из-за фонетической близости с корневым слогом. Будем считать пока исходной формой *thēth*. А знаки, восстанавливаемые по некоторым историко-эпическим реалиям, совпадают и с исходным («круг с точкой» назовем для удобства – «праща»), и с развитой его формой, с расширенным отверстием («баранка»), и, наконец, с вертикально сдвоенным («восьмерка»).

Первые две разновидности знака Богини плодородия толковались и как изображение женской груди, о чем сигналил славянское *титя* – «грудь», «сосок» («Первоначально полигенетическое по природе слово детской речи; ср. греч. *τῆθος* – «материнская грудь; сосок», арм. *tit* – «женская грудь», англос. *titt* – «сосок», ср.-ниж.-нем. *titte*, норв. *titta*). Фасмер, IV, 62). Эти примеры могут служить доказательством того, что предки упомянутых народов видели знак богини любви, материнства и слышали его название **tīt*'.

Я полагаю, что авторы библейской легенды о маленьком Давиде, победившем одноглазого великана камнем, пущенным из пращи, создали этот сюжет, наблюдая за знаком Праща, который превращался в Восьмерку («камень» вылетал из «веревочной петли»). А сам знак напоминал одновременно и Глаз. И являл собой противопоставление Малого и Большого. Контаминация этих значений и могла породить библейский сюжет о Малом, выходящем из плена Большого. И название знака **thēth* > *thēveth* > *thēvit* могло стать именем *Devit*, *Devid* – записанным консонантным письмом *Dwt* и прочитанном *Dawt*, *Dovyt*, *Daut* и т.п. Это имя развивалось вместе со знаком богини. (Одной из форм могло стать *Dževeth* – Зевес, Зевс – общее название

нероглифа. Возможно, ⊕ *theveth* подарил славянским языкам и слово *svet*, *sviat*. А внутреннее содержание знака (лучистую точку) определяли, оснащая общее название формантами: *theveth-da* > *zvezda* – «в (знаке) *zevez*»¹¹³.

И упрощенный вариант изображения суперзвезды изобрели жрецы племени, в языке которого был суффикс прилагательного *-tik(-lik)*: *seves-tik*. Древние индусы получили это слово в виде **svestik* и в произношении закономерно превратили в *svastik*.

[...Суффикс прилагательного *-tik(-lik)* сохраняется в тюркских языках. В «твердых» словах *-tyk(-lyk)*. Например, сейчас казахи определяют стороны света так: Восток («восход»), Запад («закат»), Юг («правая сторона»), Север («левая сторона»). Это значит, лицевая сторона была – Восток, а задняя (спинная) – Запад.

Но, когда-то, я думаю, лицевой стороной был Юг, потому что в староказахском сохранилось слово *arkalyk* – «север», букв. «спинная сторона» Земли к Северу назывались так. Но после согласного основы суффикс преобразуется в *-tik/-tyk*. Если слово *arka* – «спина» выступало когда-то в виде *ark*, то прилагательное выглядело бы в форме *ark-tyk* (**ark-tik*). Этот материал может пригодиться для этимологии

¹¹³ Суффикс местного падежа *-da* известен был еще шумерам. Сохранился в тюркском. В славянских несколько слов содержат этот элемент.

древнегреческого названия Крайнего Севера – *Arktik(a)*, от которого, по-видимому, образовали в наше время наименование Крайнего Юга – *Antarktika* (**anti-Arktika*).]

IV

Знак 8 *thēth* – как символ богини любви и плодородия, очевидно, был известен и прототюркам (огузам): *seviš* – «любовь» (тур.). Праформа – **seves*. Знак толковался и как столкновение противоположностей. Антоним *savaš* – «война».

В кипчакских утверждается форма с гортанным медиатором, прослаивающим долгий: **segēs*, *segis*, *sigis* – «половой акт», с переразложением, выделившим глагол *sek*, *sik* – «совокупляйся». И что самое интересное: *segiz*, *sigez*, *sekkiz* – «восемь» (общетюрк.). Здесь – никакого переразложения.

Прототюрки знали числовое значение графического символа любви.

V

Линейно-схематическое изображение восьмерки приводит к изменению числового значения знака: 8 превращается в X и два треугольника, естественно, прочитываются как шестерка. Название знака приобретает новый смысл *thēth* – «шесть». Уже в др.-семитском появляется числительное *šēšš* – «6». (III-II тысячелетие до н.э.) Угаритским называют западно-семитский язык древней ступени, употреблявшийся в середине II тысячелетия до н.э. в городе-государстве Угарит, на самом севере финикийского побережья (нынешний Ливан) против о. Кипр. В угаритском письме не обозначался гласный **ē* и потому: *šš* – «6». В древнееврейском и арамейском: *šēš* – «6». Видимо, отсюда и попало в индоевропейские это числительное. Ср. лит. *šėši* – «шесть», лтш. *sesi*, перс. *šāš*.

[Словари, памятуя Раннесказанное, стараются не замечать явного родства индоевропейского числительного с семитским и сочиняют праформу, от которой, якобы, и произошли индоевропейские формы. Это общее мнение и выражает Фасмер: «*Праслав. *šestь* первонач. «шестерка», от и.-е. *dual. *kseks* – «шесть» наряду со **sveks...*». (IV, 433)]

Латинская цифра VI может служить вывеской публичного дома (поэтически – «Дома любви»), ибо произносится и «шесть», и «половая любовь» одинаково – *sex* (**sēs* > *séhēs* > *sehs* > *seks*). Но для этой цели, думается, лучше подойдет не римская шестерка, а древнесемитская натуралистическая X. Для кого-то даже в этом виде она продолжала оставаться восьмеркой: они не считали, что она состоит из шести

коротких штрихов. Полагались на ее символизм, но, тем не менее, отняв одну черту, посчитали эту операцию уменьшением числового значения на единицу: **Z** *thēth*. Название сохранили семитское, преобразовав его в *dzēth*, *zēt*. Знак оказался в финикийском алфавите на седьмом месте. И в греческом – *zeta* – на седьмом. Случайно ли в тюркских появление числительного *zeta*, *žeti*, *džeti*, *jeti* – «семь»? На мой взгляд – это следы культурного взаимодействия прототюрков и древних семитов.

...Знак Любви в семитском исполнении анализировался жрецами Древней Передней Азии. Символ соединения полов. Верхняя доля – мужская половина, нижняя доля – женская. Жрецы заставляют подчиняться графическому Знаку тело человеческое. Мужчина должен развивать широкие плечи и узкую талию – это знак Мужа. Женщина – узкую талию и широкие бедра. Это знак Жены¹¹⁴. А иероглифом любви, семьи, рода и, в конечном счете – народа стало скрещение мужской и женской половин *thevith* – «Давид». Ныне называют его евреи – «щит Давида».

VI

Итак, господствующая в доШумере идеология – культ Венеры – была подсказана вариантом солнечного знака «концентрические круги», истолкованного в новые времена, новыми жрецами как «Луна» и «звезда». Попытка выделить звезду лучистостью придала точке необходимую значимость – «самая яркая звезда» > «Венера». Любовная пора начиналась с захода солнца и с восходом первой звезды. Это наблюдение помогло жрецам-поэтам провозгласить Венеру звездой любви и плодородия (не в сельскохозяйственном смысле, конечно).

И почитатели «полной Луны с точкой-кружком» вынуждены были также признать «точку-кружок» звездой Венерой, и потому вывели ее за пределы «Луны». Этим я объясняю появление знака «восьмерки». Такого рода идеологическая подчиненность, приведшая к нарушению священной формы, дала толчок развитию культуры. Выход маленького кружка из большого круга для цивилизации имел, может быть, меньшее значение, чем для биосферы выход рыб на сушу, но вовсе не малое. Оно подарило идеалы мужской и женской красоты, подвигло изобразительное и письменное искусства, орнаменталистику, геральдику и геометрию, религию Тенгрианства, из которой выросли

¹¹⁴ Вероятно, были и такие графические варианты знаков половин: . Общее название как бы делилось на два. В египетском письме появляется - показатель ж.р. Заимствованно из семитского. Название – 't.

все другие почитания Супер-звезды – в виде лучистой точки-Креста, Косого и Прямого. Может быть, борьба двух идеологий (☾ «Луна и Звезда» и ☉ - «маленькое солнце-дитя Луны») и стала основной причиной, подвигнувшей поклонников Маленького (Юного) Солнца уйти из Древней Передней Азии на восток, на поиски Родины Солнца, где люди обретают бессмертие, возрождаясь как Солнце.

Потомками тех, кто не выгнал алый Кружок из Круга, являются японцы, сохранившие в гербе, в знамени этноса красную точку в белом круге. Она бывает и с лучами, но чаще – без: .

Тюрки-огузы также не вчера выдумали символ своей нации, внесенной во флаг - «Луна и Звезда». (В XI веке тюрки, покорив Византию и арабские страны, сделали полумесяц со звездой символом ислама.) Почитание Луны и Венеры в тюркских культурах достаточно четко отпечаталось. Казахский эпос «Айман-Шолпан» (*Ай мен Шолпан = «Венера с Месяцем») – тому одно из доказательств. Всегда было популярно женское имя Шолпан («Венера»). Названия других звезд никогда не применяются в антропонимах. Я не встречал тюркских имен – Сириус, Марс, Полярная звезда.

Знак-долгожитель, часто повторяясь, выработал в восприятии человечества некую реакцию на себя, он стал своеобразным символом интеграции. Полумесяц и Крест – это единение двух разведенных историей вер. Появляется в XX веке ассоциирующийся с этим знаком символ милосердия Красный Крест и Полумесяц.

Даже в основе прославленных символов социалистического единения рабочих и крестьян (Серпа и Молота) – те же Полумесяц и Крест.

VII

В доШумере появляется иероглиф *uj* (*ud'*, *ud*). Для прототюрков это – 1) «Солнце», 2) «Корова», 3) «Баран». В древнетюркском *uj*, *ud*, *ut* – 1) «Корова», 2) «Бык». В шум. *ud* – «солнце».

Тюрки свободно оперируют составляющими сложного знака: $\times d'$, *u(o)*.

В шумерском письме сохраняется только *u* – «десятка», «десять».

Прототюрки и протошумеры еще знали предшествующее числовое значение этого иероглифа *u* – «пять». Образно толковали знак Солнца: крест-пара, выпадающий из сосуда-пятерки, это 5–2. Такое решение, вероятно, имело место в то время, когда косой крест называли **th'* и сложный знак прочитывался **uth'*. Наверное, так произошло

прашумерское числительное *uṣ* – «3»: «сопоставление двух числительных может быть, - пишет И.М.Дьяконов, - и умножением ($uṣ-u = 3 \times 10 = 30$).»¹¹⁵. Такое умножение на десять сохранилось только на тюркском Алтае: *üč-un* – «30» (хак.). В других тюркских эта простая системка заменилась неэтимологизирующимся термином. В тюркских языках гласный смягчился под влиянием согласного. (Пожалуй, самый древний пример регрессивной ассимиляции качества.) Уже в шумерскую эпоху это могло произойти, потому что *uṣ* – «3» (шум.) сохраняется только в сложном числительном, а самостоятельно *eṣ* – «3». То есть аккадские словари в своем старании передать возможное *ü*, не находят для этого средств в своей письменности и передают «естественным мягким» *e*. (С таким способом передачи чужих «искусственных мягких» мы встречаемся и в латинском, и в греческом языках.)

...Священность числа Три начинает обретать причинность: знак солнца имел такое числовое значение. Бог троицу любит, потому что троица – его собственный знак.

...И надо было случиться культурной революции – переходу с пятиричного счета на десятиричный, чтобы основная цифра получила повышение (стала десяткой). Пара не входила в число основных цифр (только черта и угол), поэтому сохранила прежнюю семантику, π – священный знак стал выражать иной математический смысл – уже тенгрианский: 10 – 2. Число Венеры.

К тому времени *ud'(ut')* подверглось сингармонизации (прогрессивной ассимиляции качества) и произошло шум. *ud(ut)* – «Солнце».

Индоевропейцы получали числительное «восемь», наверное, в то время опираясь на числовое значение шумерского знака Солнца. К праформе **ud(ut)*, на мой взгляд, ближе других оказалось арм. *ut'* – «8».

В каком-то Диалекте происходит ларингизация: **uht*. Именно из этого Диалекта распространяется в большинство индоевропейских ларинги-зированной форма числительного, преобразуясь в ирл. *ucht*, гот. *ahtau*, гр. *οχτω*, лат. *octō*... Наиболее разрушена форма в иранских и др.-инд. В тохарском появляется вторичное полногласие: *okadh*, в авест. гортанный «сатемизируется»: *ašta*, дальше идет процесс в санскр. *astā* и продолжается в балтийских: лит. *aštuoni*, лтш. *astuōni*.

Словари, высчитывая праформу, опираются на латино-греческий материал: «Праслав. *osmь* – «восемь» - новообразование от *osmь* – «восьмой»... и.-е. **oktō(u)*» Фасмер, I, 356.

¹¹⁵ «Языки Древней Передней Азии...», стр.61.

Но славянская форма сохраняет в корне *os'* – воспоминание о еще не успевшем отвердеть названии крестопары **th'*. Если тюркам и шумерам в эпоху пятиричного счета название знака *uth'* дало числительное **uš'* – «три», то в самом начале эпохи десятиричного счета протославянам досталось *uth'* – «восемь». Они в это время «дружили» с древними семитами, которые оформляли свои числительные суффиксом существительного *-um* (ср. *'išten-um* – «1», *šolaš-um* – «3», *'erb-um* – «4», *hamš-um* – «5», *šešš-um* – «6» и т.д.)

Звуки этого суффикса в протославянском диалекте, думаю, подверглись сингармонизации: *os'üm'* > *osem'*. И произошло открытие начального слога протетическим согласным: *wosem'*. Славянская основа, как и армянская, обошлась без ларингизации, которая усложнила консонантизм числительного в других индоевропейских языках. Значит, не в праиндоевропейском образовались числительные, а после «распада» вырабатывались в культурных контактах.

VIII

Может быть, китайская цифра (горизонтально противопоставленные полумесяцы) появилась одновременно с индоевропейскими числительными как интерпретация знака – «пара полумесяцев», – «восьмерка» (др.-кит.).

Компас указывал на восток

Предложенная выше таблица буквенных пар требует обсуждения. Некоторые пары могут быть оспорены. Сведения о них, сообщаемые в таблице, ограничены местом, но иные нуждаются в более пространных объяснениях, которые возникнут в ходе дискуссии. В таблице встречаются знаки, состоявшие в парах до ассирийской реформы, но в иероглифических парах, где создавались антизнаки с антонимическим словесным смыслом.

Об одной бывшей иероглифической паре я хотел бы рассказать.

I

 Слововое название – *at*. Буквенное значение – *t*.

Знак сравним с кит. *dun, dung', dong, dun* – «восход».

В тюркских языках китайскому слову соответствует *tan* – «восход», «рассвет», «утренняя заря» (др.-тюр., общетюр.).

Китайский иероглиф, похожий на телевизор с антенной и ножками, мог бы стать прообразом тюркского знака, более

схематического, но точнее выразившего идею восхода. На первой стадии рассмотрения мы можем довольствоваться констатацией: тюркская графема *at* сопоставима с китайским иероглифом *duŋ* (*duŋ*, *dong*, *dun*) – «восход», Возможно, первичное иероглифическое название тюркского знака **tūŋ* – «восход».

II

Китайский иероглиф содержит в своем составе знак *fi* – «солнце» (др.-кит.). Значение дополнено изображением лучей, не предусмотренных в составе знака солнца. Это уже отсебятина грамматистов, пояснявших деталями древний знак, в котором «антенна» (бывшая стрела), показывала направление движения светила (вверх). Расправленные крылья «наконечника стрелы» скорее тормозят подъем «солнца». И тем не менее, китайский иероглиф совершенно отчетливо говорит о восходе дневного светила.

Тюрки при заимствовании знака утратили опознавательный значок, превращающий луну в солнце. Насколько возможно было квадрат с чертой превратить в пустой ромб? Тюркское письмо не терпело горизонтальных штрихов, а здесь их четыре. Антенна легко возвращается в «праформу», обретая образ стрелы. Квадрат возможно передать ромбом. Но поперечная черта?

III

В грузинском алфавите V века н.э. есть буква *don*. Лексического значения не имела. Ее можно было считать знаком-посредником между китайским иероглифом и тюркской буквой.

Вероятно, иероглиф восхода имел хождение в письменностях Древнего Мира, если сегодня мы находим его в разных районах Евразии.

IV

Теперь, чтобы не терять время на рассказ о том, как по искорке собирались сведения, проливающие свет на генезис этого великого знака, ознаменовавшего целую эпоху в истории человечества, я просто изложу свою версию.

...В III тысячелетии до н.э. происходят реформы в духовной культуре Древнего Мира. Столкнулись идеологии, порожденные толкованиями знаков солнца. Одна из них, самая древняя, объясняла старейший знак (основной в др.-егип. и др.-кит. письменностях) – «убитая Луна» > «не Луна» > «Солнце». Согласно этому пониманию, точка являла собой рану от копья-стрелы (знак отрицания).

Другое толкование, вероятно, появилось благодаря материализации первого. Знак солнца стал использоваться в архитектуре, как план строения храма с отверстием в куполе, чтобы Солнце видело свой символ на земле адептов и распространяло на них свою милость. Отверстие в куполе стало источником света, самой яркой частью знака. Отныне на точку смотрели не только как на «отверстие», но и видели в ней «малое светило». И теперь, изображая графически иероглиф Солнца, точке придают лучистость: в письме майя - *kin*, *king*, *kin* – «солнце», а точку лучистую – символ верховного бога называли описательно: *jaš kin* – «Юное (новое) Солнце». Майя унесли на Восток этот священный знак и сохранили его структуру, но в Шумере «сияющая точка» превращается в скорописный крест: *udu* – «бог Солнца». Оттуда, видимо, берет начало почитание Креста как символа света. Крест в круге (Луне), потом воплотится в Сына божьего, и Круг превратится в нимб. Уже египтяне будут в надписях окружать имена фараонов – детей Солнца – картушем, окружностью, превращающейся в овал, из-за величины иероглифической записи. Шумеры словом *udu* (*utu*) пытались назвать именно Крест, деталь сложного солнечного знака, который имел общее наименование *ud* (*ut*), хотя изображался иначе. Но именно это положение Сияющей точки, запертой в круге, и могло вызвать к жизни реформу, изменившую облик священного знака. Этому способствовала также параллельно существовавшая традиция изображения Луны в знаке Солнца в виде полумесяца: (в Африке), (в более северных широтах).

В шумерском письме встретились обе и были приняты в культуру на равных правах: и выпшеприведенная курсивная с прямым крестом в «полной Луне», и с острым углом – «месяцем» *ud* (*ut*) – «Солнце».

Как видим, составляющие части в обеих письменных традициях назывались одинаково:

$$\bigcirc = > - u$$

$$+ = \times - d (t)$$

По существу, две родственные культуры соединились в шумерской.

Мы видим, что уже тогда появлялись предпосылки буквенного письма: сложные иероглифы конструировались из простых. Названия сложных складывались из названий составляющих. Весьма логичный и простой механизм, лежащий в основе принципа письма вообще. Шумерские примеры позволяют относительно датировать время появления простых знаков с однофонемными названиями. Они, скорее всего, были иероглифами. Значения их наименований – однозвучных

слов восстанавливаются комбинаторным методом: *u* – «луна, месяц», *d* (*t*, **j*) – «стрела». Первое слово сохранилось в языке майя: *u* – 1) «луна», «месяц», 2) «ожерелье»¹¹⁶. (Второе значение, возможно, отражало форму письменной «луны» – «полный круг».)

V

В группе Остроугольного месяца с Сияющей точкой родилась идеология – «Луна и Венера». Культ сверхзвезды победил в Шумере. Ее знаком стал восьмилучевик – *dingir* – «божество», «бог», «Венера», компромиссное соединение прямого и косо́го крестов, по-видимому, примиряющее их сторонников. Слово *dingir* (**tngri*) продолжилось в тюркс. *tengri*, *teñir*, *tāñir* – «бог», «небо».

Сторонники Маленького Солнца, видимо, вытеснялись из Древней Передней Азии. Мы их обнаружим потом далеко на востоке, куда их повел знак Юного (Восходящего) солнца. Они хотели найти родину Солнца.

Но теперь Юное (Маленькое, Восходящее) Солнце не могло оставаться в пределах круга «Луны», оно должно было выпутиться из него как из яйца. И сияющую точку (крест) выводят из круга: *ud* (*ut*), *du* (*tu*).

В вертикальной строке при чтении сверху вниз *du* (*tu*) – «восход (Солнца)», «рождение (Солнца)»

Дальнейшее графическое развитие знака образно укрепило смысл: – «восход (Солнца)». Хотя нынешний читатель понял бы «восход Луны», но в действительности – «стрела» не была вначале указателем направления, а сама являлась поздней формой знака «сияющая точка» – «Юное Солнце», вышедшее из круга матери – Луны. И это значение древнекитайский знакотворец пытался укрепить, дополнив круг знаками отличия Солнца – придав ему точку (черту) и «наружные» лучи, обозначающие сияние.

До грузин иероглиф **dun* дошел без этих дополнений. И, видимо, тюрки также обошлись без них.

Китайское вмешательство в форму первичного знака сделало нечитаемым его основную деталь: круг (Луна), превратившись в знак солнца, утратил связь с прежним своим названием *u* (**uŋ*).

VI

О том, что шум. *u* – «десять» («*Луна») имел фонвариант **iŋ* – догадываешься, сравнивая шумерское числительное с тюркским *un*

¹¹⁶ Ю.В.Кнорзов «Письменность индейцев майя», М-Л, 1963, стр.206.

(on, an) – «десять» (общетюрк.). И то, что именно этот графический знак был прототюркской цифрой «десяткой», свидетельствовало сопутствующее значение, закрепившееся в близкозвучащем слове *uŋ* (*oŋ*) – «правая (сторона)», «(в)право» (общетюрк.). Надо полагать, этот знак был в диалектах использован и в качестве указателя – «вправо». Но самое раннее значение его еще не далеко отошло от первичного – «бык», «самец», «муж» (знак тогда, видимо, располагался в позиции южного месяца:). От той поры в славянских языках сохранилось местоимение 3 л. ед.ч. м.р. – *он*. Таким же местоимением было в тюркских: **un* (*on*) – «он». В современных: *o* – «он» (тур.), *ol* (каз.), *ul* (тат., баш.), *al* (кирг.).

Но в косвенных падежах и в турецком, и в казахском, и в татарском сохраняется *он-* (*un-*). В значении «бык» слово узнается в открытосложном: *go* – «бык» (др.-инд.) и *gon* – «бык» (груз.).

[В дошумерском или точнее в протодшумерском цифра Угол с тем же названием выражала первичное числовое значение «пять». Китайцы, корейцы, японцы и майя ушли из ДПА на восток раньше, чем в Шумере перешли с пятиричного исчисления на десятиричное и потому сохранили первое числовое значение цифры и названия, ставшего числительным: *u* – «пять» (кит.), *o* (кор.), *go* (яп.), *ho* (майя).]

Переход семантический Бык > Муж > Самец > Он... восстанавливается материалами языков и письменностей.

От звена «муж», в свою очередь, была образована цепь терминов со значениями «вожак», «вождь», «князь», «царь», «господин». Слова эти из разных языков Евразии собираются в единое лексическое гнездо, где с кит. *van* (*van*) – «царь», правитель», «князь» соседствует слав. *pan* – «господин», герм. *van*, *fon* – «*князь», «аристократ», тюрк.-монг. *han*, *kan* – «хан» с удвоенным гласным *kaan*, *kahan* – «каган», т.е. «хан ханов», «великий хан».

...До орхоно-енисейского письма древнейший знак-цифра дошел в образе буквы *an* (буквенное значение – *n*), мирно соседствуя с остроугольной «сестрой» *u* (*o*).

VII

Таким образом, знак Луны (месяца) курсивный и остроугольный имел в письменностях Древнего Мира два ведущих названия: 1) **uŋ* (*uŋ*, *oŋ*, *aŋ*), 2) **ü* (*u*, *o*, *a*).

Нам это важно знать, чтобы понять происхождение названия некоторых письменных знаков.

Прежде всего, нероглифов

1) **uŋ-d* (*üŋ-t*), 2) **ü-d* (*ü-t*) – «солнце», «огонь».

1) **d-ûŋ* (*t-ûŋ*), 2) *d-û* (*t-û*) – «восход», «рождение Солнца».

Благодаря этим схемам, мы теперь в состоянии выйти на Полную этимологию многих слов, содержащих значения, прежде всего – «Солнце», «свет», «огонь», «восход», затем – титулы «сынов Солнца», державших в руке скипетры в виде шара с крестом. Отношу к таким испано-итальянское слово *don* – «господин».

...В прототюркском письме до ассирийской реформы, я полагаю, была пара иероглифов, выражавших, если не прямо противоположные смыслы, то, во всяком случае, разные.

* 	<i>ûŋ-t</i>	«Солнце» «день»
  	<i>t-ûŋ</i>	«утро» «восход»

В ходе ассирийской реформы иероглифическая пара распалась. Была создана буквенная:

	<i>t</i>
	<i>t'</i>

Иероглиф, став буквой, получает буквенное (*t*) и слоговое значение (*at*). Знак, благодаря образу стрелы по инерции обретает вторичный иероглифический смысл: *at* – «стреляй» (др.-тюр., общетюрк.). Но при этом теряется и первичное название, и первое иероглифическое значение: *taŋ* – «восход», «утренняя заря» (др.-тюр., общетюрк.).

А второй иероглиф стал использоваться как лигатурный знак. Мы получаем возможность вновь собрать разрозненную иероглифическую пару и восстановить консонантизм первичного иероглифического названия знака восхода.

	<i>t-ŋ</i>	«утро»
	<i>ŋ-t</i>	«день»

В орхоно-енисейских текстах лигатура читается *ant*. В тюркских языках есть слово *ant* (*and*) – «клятва», «присяга» (др.-тюр., общетюрк.). Этимологии нет И соответствий в других языках Евразии не найдено. Скорее всего, «местного», т.е. тюркского происхождения слово. Клянутся самым дорогим, недаром – синоним этого слова в

русском божба от глагола *божи (божись). Возможно, слово *ant* сохраняется в тюркских языках со времен солнцепоклонничества, когда название священного солнечного знака (символа бога) становилось именем бога.

VIII

Если знак «день, свет» выглядел так в разновидностях дошумерской или раннешумерской иероглифики, то от него уже нетрудно было бы создать антизнак переверотом: - «ночь». Похоже выглядит иероглиф - «ночь», «тьма», «черное» в шумерском письме. Правда название (*gig*) не связано с *ud* - «солнце», «день».

Но древние египтяне, перевернув знак **t-un*, получили и название перевернули (буквально) *nwt*, что говорит о высочайшем уровне «фонемного чувства», позволявшего уже тогда творить слова-перевертыши устно.

Это, на мой взгляд, первый пример древнеегипетского «сознательного» палиндрома, возраст которого, по меньшей мере, четыре тысячелетия.

Мы наблюдаем в действии механизм сотворения мифа, в котором принимает участие письменный знак, превращающийся в антизнак. В мифе, порожденном этим поразительным действием, говорится о том, что у богини небесного купола по имени Нут есть пьяница-муж в образе человеческого. Единственным достоинством его является выдающийся член, которым он, лежа на спине, пытается достичь неба. В красочных иллюстрациях к этому мифу Нут представлена в виде женщины. Она, опираясь на кончики пальцев рук и ног, изображает собой арку неба, не позволяя, таким образом, пьянице-мужу достать до себя. В «Языке письма» я привел одну из самых щадящих иллюстраций¹¹⁷.

...Индоевропейцы тоже перевернули знак дня, который, вероятно, назывался **t-n* (**t'-n*), получили знак ночи с названием **n-t* (**n-t'*). И вновь расходятся в индоевропейском семействе два фонетических направления. Одно с ларингалом, которого в праформе не было: *n-^[h]t* (*noctis, nacht, nocta* и т.д.), другая – без: **n-t'* (*noč, nič...*).

Полная этимология помогает понять позднее диалектное происхождение «ларингала» в части индоевропейских языков: ему в XX веке придали статус праформенного признака.

¹¹⁷ «Язык письма», Рим, 1998, стр.253.

IX

Знак света путешествовал вместе с этносами. Китайцы унесли на восток в середине II тысячелетия до н.э. два варианта восхода – один мы рассмотрели (с «полной луной»). Он был понят правильно и истолкован соответствующе.

Другой вариант. В нем вместо «луны» участвовал «южный месяц», и к тому же название этой основной детали было *и*, а крест – *t*. Благодаря этой сложной графеме, мы узнаем еще одно правило грамматики письменного знака. Если название сложного иероглифа не разложимо на составляющие, тогда для наименования деталей использовалось общее название, которое сначала присваивалось основной детали, затем это же слово переходило на «служебную», но уже в форме анτισлова, измененного внешней или внутренней флексией. Например, в китайском появляется знак *tu* – «земля». В древнекитайском, вероятно, было , понятое как – «лунка и растение». Наверное, культурное, высаженное, о чем говорит связь с «лункой». Общее название знака переносится на основную деталь – «лунку», и возникает слово *tu* – «земля» (вероятно, сначала «*обработанная земля»). Но, чтобы было понятно, на какой элемент знака переходит название, эту деталь увеличивают. В иероглифе «земля» основание значительно шире креста. Но теперь надо назвать крест – «культурное растение». Для этого увеличивается эта деталь и уменьшается основание, которое становится уже креста. Название превращается в анτισлово чередованием качества звуков: *ši* (**ti*) – 1) «*культурное растение», «*росток», 2) «воспитанник, выученик», «служащий», «офицер» (кит.).

Значение «росток» выражается иным иероглифом: *ci* (**ti*). И здесь центральная деталь выделена количественно: выходит даже за пределы «лунки».

Это важнейшее правило, восстановленное нами, поможет понять происхождение не только древнекитайских иероглифов, но и переднеазиатских: грамматика письменного знака в письменностях Древнего Мира была во многом общей.

X

Индоевропейцы использовали знак *tu* (*du*) для того, чтобы получить название цифры – крест. Они, скорее всего, выделили его из сложного знака, создав анτισлово внешней флексией: **tu-a* (*du-a*), другие – внутренней: **tau* (*d'u*) или *tū* (*dū*). Все эти фонетические варианты нашли свое место в индоевропейских языках в виде числительного «два».

...В финикийский алфавит попадает буква **†** *tau* (греч. *T tau*).

Китайцы тоже выделяют крест из комплекса, но присваивая ему общее числовое значение сложного знака – две пятерки»: **+** *ši* – «десять».

Итак, один сложный иероглиф **⚡** *tu* с неустановленным первым значением породил три китайских иероглифа:

⚡ *tu* – «земля» («*обработанная земля»),

• *ši* – «служаший, офицер, воспитание», («*культурное растение»),

+ *ši* – «десять».

XI

Унифицированное китайское письмо создавалось из многих разновидностей. Вариант знака восхода в одной из них тоже с круглым «светилом» и «лучами», исходящими от него, и со стрелой, указующей вверх, назывался, я думаю, сходно с предыдущим **☀** *tu*.

Этот иероглиф не выдержал соревнования со знаком *dūn* – «восход» и потому не попал в унифицированную систему. Но производное с увеличенной «стрелой» и соответственно уменьшенным «солнцем» было использовано: **☀** *ši* – «стрела» (др.-кит.).

Такого рода словопроизводство порождало в китайском языке много омонимов, значение которых можно было различить только с помощью письменных знаков, поэтому, думаю, прибегли к дополнительному средству – тоническому. В зависимости от высоты тона изменялось значение слов. Одно звукосочетание в китайской пентатонической речи теперь могло выражать пять смыслов. Омонимы перестали быть бедствием. Но зато письменный знак получил дополнительные нагрузки, еще более отдалившие его от образных древних знаков.

И возвращаясь мысленно к началу темы «Происхождение письменного знака», я хочу привести рассмотренные примеры осознанного превращения форм в доказательство не догадки, не гипотезы, а твердо устанавливаемого положения о существовании в письменностях Древнего мира системы грамматических изменений формы графемы (иероглифа, идеограммы, буквы).

Полная этимология (этимография), позволив выяснить происхождение др.-кит. знака стрелы и предположить праформу его названия **tin* (**ti*), заставляет обратиться к шумерским материалам.

 til (tir, ti) – 1) «стрела», 2) «жизнь» (шум.)¹¹⁸. Шумерские грамматисты, видимо, использовали правило переворота для получения названия стрелы. (Не количественно увеличивая один элемент и уменьшая другой, а, повторяю, переворотом.) А этот способ, мы знаем, также сопровождался смягчением гласного в общем названии знака, как и удвоение (= увеличение размера в китайском). Шумерский знак явно перевернут, и название его содержит мягкий гласный. Из другого примера мы знаем, что в шумерском в качественной оппозиции к

мягкому *i* находится твердый гласный *u* (ср. *kur* – «гора», *kir* – «земля»). Таким образом, если мы вернем шумерский иероглиф в исходное положение, то в название может вернуться твердый гласный:

 tul (tur, tu). Но каково значение? В шумерском языке такое слово мне не встретилось. Комбинаторным методом можно восстановить искомый смысл. Знак двусложный. Состоит из «стрель», которая уже получила название, и другого элемента, напоминающего «лук» (но неестественно расположенный по отношению к стреле) или «колчан» (более естественно). Итак, выбираем – «колчан». Шумерское слово должно было дойти до нас в каких-то языках. В древнерусском есть такое слово *туль* – «колчан». Его предшествующая форма законсервирована в древнеиндийском: *tun* – «колчан».

Значит ли это, что шумерский словарь не донес до аккадцев некоторые слова, в частности, праформы слов **tun* – «колчан», *tin* – «стрела».

Закон NLR («превращение носового в плавный») успел уже в III тысячелетии до н.э. превратить эти формы в **tul, tur, til, tir* и сократить в новошумерском – **tu-ti*.

Шумерские грамматисты и другим способом творили знак и название стрелы – не поворачивая всю конструкцию, а как-бы вынув «стрелу» из «колчана» и показав отдельно. (Этот способ – выделения – мы видели в китайском, когда крест «десятка» назвался мягким словом, выйдя из сложного знака.) Так, думаю, поступили шумеры, создавая стрелу с оперением, а в другой разновидности письма – даже без оперенья – *til (tir, ti)*.

...Эволюция знака стрелы – «точка (рана)» > «сияющая точка (звезда, свет)» > «крест» > «распятие» > «стрела»: показывает путь к букве: финикийской *+ tai* и к греко-римским *T*.

¹¹⁸ Привожу этот иероглиф из книги И.М.Дьяконова «Языки Древней Передней Азии», стр.39.

В культуре – к новым религиям. Одна из них увела народы из Древней Передней Азии далеко на восток, до Тихого океана и дальше.

Основной Элемент

I

Древние китайцы вынесли названия и формы Основного Элемента (Круг, Мягкий и Острый Угол) – *u* и *uŋ* (*ung*) из Древней Передней Азии.

Мы находим его в составе двусложных знаков:

- *kou* – «рот» (**ha-u* – «корова»),
 tu – «земля» (**t-u* – «восход»),
 dun – «восход» (**d-uŋ* – «восход»),
 dzun – «середина» (**j-un* – «восход»),
 jang – «баран» (**j-ung* – «теленок», «баран»),
 niu – «корова» (**ni-u* – «не бык» > «корова»).

Очевидно, что эти нероглифы создавались в культурной атмосфере, общей и для индоевропейцев. Древнейшие формы Угла (Месяца, Рогов) в некоторых случаях утратили первичные очертания. Например, в примере *tu* «полумесяц» превратился в горизонталь, а в примере *dzun* – в прямоугольник. Особенно крупной достройке круг-«луна» подвергается в примере *dun*.

II

Тюрки сохранили два варианта Основного Элемента в «чистом виде»:

 an
 u

И в составе сложных знаков:

 at (**t-uŋ* > *tan* – «восход»),
 ant (**un-t* > *ant* – «солнце, день», «клятва»).

III

До европейских алфавитов дошел Основной Элемент в обеих формах:

 o,
 u (др.-латинский), *u*, *v*
 (позднелатинский),
 u (др.-греч.),
 ō (греч. класс.),

Ω - ō (греч.-визант.).

В авестийском:

Ω - u,
Ω - ū.

Буквенные названия, скорее всего, заимствованы вместе из неизвестных иероглифических источников как дополнения к семитским алфавитам (финикийскому и арамейскому), не содержавших букв для гласных.

Но подлинным наследием собственной иероглифики являются отражения названия Основного Элемента в языках. Знаки **U** **V** *ûṇ* (*ung*, *unk*, *ank*, *ang*) породили много слов, в значениях которых отпечатались эти знаки. Они помогли праиндоевропейцам назвать все кривое, изогнутое, волнистое – коготь, крюк, след копыта, змею, воду, и контаминированное – водяную змею – гидру, ужа, утря и т.д.

Например, в латинском:

uncus – «крюк; палка с крюком, багор; хирургический инструмент; якорь»,

unci – предлог, обозначающий все кривое: *unci-pēs* – «кривоногий» и т.д.,

unguis – «коготь > ноготь; крюк»,

ungula – «копыто; коготь; орудие пытки в виде крюка»,

ances – «согнутый; искривленный»,

angulus – «угол»,

anguis – «змея; гидра; Созвездие Гидры»,

anguilla – «утерь».

Или в древнеиндийском:

anka – «изгиб; колено; след; цифра; число»,

ahkas – «сгиб»,

ankuṣa – «крюк».

В других индоевропейских: *angis* – «змея» (др.-прус.), *angis* – «змея; уж» (лит.), *unc* – «змея» (д.-в.-н.), *уж* – «водяная змея» (рус.), *вуж* (укр.), *vož* (слов.), *waž* (пол.), *huž* – «змея; червь» (н.-луж.).

Сюда же относятся слав. *угорь*, *угол* и др.

Даже англ. *hook* – «крюк» надо рассматривать в этом лексическом гнезде: **unk*.

Шумерская Стрела в мировых языках

Утверждается, что ни одно шумерское слово не могло бы дойти до современных нам языков; оно бы стерлось, сошло на нет.

Прослеживая историю иероглифа, мы восстановили генезис шумерского названия стрелы: **tiṇ* (*tiṇh*, *tin*) – *til* – *tir* – *ti*...

Консонантизм развивался не только по закону NLR, но и согласно другим закономерностям, действующим в мировых диалектах: *ting* – *tig* – *tiz*

Огласовка: *i – e*, и, возможно, была вторичная долгота: *ī, ē*.

В языках, не признававших долготу, появлялись медиаторы, прослаивающие долгий. Протетические: гортанный (*h*), губной (*w*). Например:

Вот основные приметы, которые изменяли облик основы названия стрелы в «нешумерских» языках.

Благодаря знакам и названиям шумерской стрелы, человечеству удалось назвать все острое, колющее, тычущее, шьющее и – действия, производимые острыми орудиями.

Лучше всего сохранилось слово в персицком: *tir* – «стрела» (**tīr*). В др.-персицком: *tigr* – «стрела».

В древнеиндийском собрались из диалектов несколько вариантов основы:

**tivr* – «стрела» (*tivra* – «острый; заостренный», *tivrata* – «острота; заостренность», *tivara* – «охотнику»),

**ti* – «стрела» (*tij* – «быть острым», *tej* – «острота, заостренность»),

**tik* – «стрела» (*tikṣṇá* – 1) «острый; заостренный», 2) «убийца», «железо», *tiksn-esi* – «имеющий острую стрелу», *tiksnagra* – «остроконечный»),

**tig* – «стрела» (*tigita* – «острый; колкий», *tigmata* – «острота; заострение», *tigma* – «острие»).

В любом тюркском языке – не меньшее собрание вариантов наименования шумерской стрелы. Например, в казахском: *tij* – «попади (в цель)»; *tik* – «шей, вышивай» (в др.-тюр. *tik* – «уколи, ужаль»), *tis* – «зуб», *tiz* – «нанизывай»...

В татарском – все то же, только гласный расширен *-e* (*tej*, *tek*, *tes*, *tez*).

В славянских появляется предлог, содержащий свистящий согласный: **steg-i* – «стежи, шей, стегай» (отсюда *стежка* – «шов», переносное – «тропинка, дорожка»). Основа все более плотно укрывается служебными частями слова: *sternia* – «острые пеньки трав, стеблей злаков». Орудийный суффикс *-d(la)* угадывается в лексеме *strela* (**sterla*).

Таинственный предлог *s-* присутствует и в латинских: *stilus* – 1) «стиль, т.е. острая палочка для писания по навощенной таблице», 2) «письменность, литература», 3) «острый кол для сельхозработ», *stinguo* – «колоть» (глагол, сохранившийся лишь в приставочных формах: *distinguo*, *instinguo* и т.п.)¹¹⁹. Здесь проявляется основа **ting*, не сохранившаяся в самих шумерских названиях стрелы. Без носового согласного основа (опять же с «предлогом» *s*) узнается в германских: *stich* – «укол копьем» (с.-в.-н.), *stick* – «осколок, острая щепка» (шв.). В польском из какого-то неизвестного германского (по мнению Фасмера, IV, 481) появляется *sztych* – «острое, колющее оружие» и при Петре I проникает в русский: *штык*.

II

Индоевропейцев (в особенности славистов) должна заинтересовать эта тема, дающая возможность понять, почему не все индоевропейские языки имеют показатель имени м.р. формы *-us* (*-os*, *-as*, *-s*), отмечаемый в латинском, греческом, древнепрусском, литовском, латышском и некоторых других.

Почему, например, этого показателя лишены славянские?

Я полагаю, славянские и, возможно, некоторые другие языки в древности обладали этим формантом, но применяли его не в постпозиции, а в начале слова. Идеально сохранена конструкция в слове *ostrъ* (**os-tir*) – это и было, вероятно, праславянским названием стрелы. Отсюда производные: *острога*, *острие*, *осётр* – «рыба острая» (**os-ter*), *стерлядь* (**os-terla-di*) – «рыба-стрела» и т.д.

О былой распространенности этого праславянского слова свидетельствуют примеры из индийских (напр., бенгальское *ostro* – «орудие», *osttro* – «оружие»), персидских (напр., *ustara* – «бритва»).

И другое славянское название остря: *osti* – «ость», сохраняет позднешумерское *ti* – «стрела». О древности этого славянского слова можно судить и по фон. варианту – **kosti* – «кость» (первоначально – «рыбная, реберная», «кость острая»).

Фасмер: «Родственно лат. *costa* – «ребро», ср. сербохорв. *kôst* – «ребро». Здесь предполагают существование и.-е. приставки *k-* и пытаются сблизить с др.-инд. *asrhi* – «кость», авест. *ast-*, *asti-*, греч. *οστέου*, лат. *ôs*, *ossis* – «кость». (II, 349).

Наш анализ показывает, что в славянских сохранились формы, наиболее пришедшие к праформе **osti* – 1) «острие», 2) «острая рыбная кость, ребро».

¹¹⁹ «Латинско-русский словарь», М., 1976, стр.954.

Теперь только появляется возможность понять генезис приставки *s-* в лат. *stilus*, *-stingou*, *stimul* и в слав. *спрела*, *стегать*, *стерня*, *стержень*, *стержень*, в германских *stich*, *stick* и т.д.

«Приставка» - остаток префикса *os-* показателя имени муж. рода. (Потому в славянских не было окончания м.р.)

Пример, достойный учебника: *logos* - «слово» (греч.) = *(os)log* > *slog*.

[В эпоху односложного слова именно слог и являлся словом. Значение это дошло в русской поэтической речи до XVIII-XIX в.в. Еще во времена Державина употреблялись выражения - «высокий слог» и «низкий слог», когда говорилось о стиле речи аристократической или простонародной. Появление протетического гласного в окончании лексемы **slog(o)* вызвало рефлекс, проявляющийся ныне только в русском языке. Мы его назовем условно «рефлекс того/тово». Но можно и - «его/ево», «моего/моево», «самого/самово» и т.д. О чем он говорит, этот рефлекс? О том, что в русском языке совокупились два диалекта по-разному прославивавшие долгий гласный. В одном - гортанным протезом (*h*), в другом - губным (*w*).

Знание этой закономерности может пригодиться этимологам и при реконструкции первичных форм основ в таких словах как *одевать*, *оде́ва*, явно согласующихся с *одежда*. Но непонятно превращение. Анализ выводит на исходную **odegati* > *odevati*.]

III

А теперь возвращаемся к шумерскому знаку стрелы. Но к его исходной форме, которая могла менять положение в письменном поле, и немедленно изменялось его значение. Мы убедились, что исходной позицией было: ☞ - *d-ûṇ* (*t-ûn*); *d-û* (*t-û*) - «восход» = ☼. При изменении позиции на 90° влево, звуковое значение не должно было меняться, потому что «месяц» просто занимал северное положение: ☞ *d-ûṇ* (*t-ûṇ*). Однако для протошумеров изменение позиции этого знака имело грамматические посредствия: ☞ ☞ **u-d'* (*u-t'*) > *u-d* (*ut*) - «солнце». Вместе с тем, поворот знака на 90° мог произойти и механически. В шумерском письме это происходило при переходе с вертикального письма на горизонтальное. Именно это произошло, надо полагать, в письме народа, еще не избавившегося от носового в названии «полумесяца»: ☞ *d-ûṇ* (*t-ûṇ*).

Изменение положения знака вызвало новое толкование: «чаша, наклоненная, из которой выливается жидкость» = «льющая вода». Этот знак мог стать детерминативом - «река».

Народ, в чьей письменности был такой детерминатив, думаю, назвал великие реки, впадающие в Черное море: *Дон* (греки знали его

как Танаис), *Донец, Днепр, Днестр, Десна* (*Денса), *Дунай*. Структура имен рек содержит кроме названия детерминатива и настоящие их имена. Например, *Дън-Epr, Dun-aj; Дън-Estr*.

В греческих источниках Дунай называли *Isrost*.

Рекам давали названия богов, божеств, ища у них покровительства. Перемещение этносов из Древней Передней Азии осуществлялось, вероятно, и на север, в Причерноморье. И люди уносили имена переднеазиатских рек и богов-покровителей. Я думаю, что среди них обязательно было имя Иштар – верховной богини жизни, плодородия Ассири-Вавилона. Она же – Венера. Греки шипящий передавали свистящим. Имя Иштар (**Istar* > *Istr*) могло быть присвоено не только Дунаю, но и Днестру (**Dn-istr*).

Воспоминание о Евфрате ('*Evfr-at*, где *-at* – показатель ж.р.), возможно, сохраняются в имени **Dn-Epr* (ср. *Ибр* – «река в Сербии»).

Ираноязычные племена, вероятно, входили в состав пестрого населения Великой Степи, возможно, после Геродота, потому что в «Истории» Дунай еще называется *Istros*, Дон – *Tanais*, Днепр – *Boristhen* (русс. Борисфен).

Ср. осет. *don* – «река, вода», др.-инд. *dānu* – «сочающаяся жидкость», авест. *dānu* – «река».

Попытки этимологов произвести все названия рек от иранского *don* (*dan*) показаны в Словарях (у Фасмера наиболее подробно), но не одно нельзя считать убедительно доказанным. Очевидно только однозначное *dun-* (*don-*, *tan-*) имеет отношение к иранскому слову со значением «река», поэтому его можно считать «детерминативом» к настоящим доиранским именам рек **Dun-aj*, *Dn-Epr*, *Tan-aj(s)*, *Dn-istr*.

Во времена Геродота Днестр назывался *Turēs* (Ср. тур., араб. *Turla* – «Днестр», ит. *Turlo* (XIV в.).

IV

В письменностях, где изменения положения знака вызывали смягчение названия, могла образоваться такая пара:

		<i>tur</i> (<i>tul</i> , <i>tur</i>)
		<i>tin</i> (<i>til</i> , <i>tir</i>)

То же значение – «вода, выливающаяся из сосуда» > «льющаяся вода» > «река» порождает названия рек – *Tigr* (**tīr*). Совпадения с названиями стрелы – буквальные: ср. *tigr* – «стрела» (др.-перс.), **tivr* – «стрела» (др.-инд.), откуда тур. **thevr* – «острие», *sevrük* – «острое» > *севрюга* – «остроносая рыба» (рус.).

Из Древней Передней Азии название стрелы *tivr* ушло на восток, а название реки великой дошло до Апеннинского полуострова: *Tibr* (лат.), *Tevere* (ит.).

Пратюрки знак «реки» истолковали иначе. Они увидели – «открытый рот и 1) язык, 2) скрещенные клыки». Из разных диалектов в пратюркский собрались: *til* (*dil*), *tel* (*del*) – «язык», *tis* (*diš*), *tes* (*des*) – «зуб», «клык». Во время освоения этого знака и слова тюрки взаимодействовали с протогерманцами. Думаю, не случайно совпадают с тюркскими консонантные структуры слов английских: *tell* – «говорить, сказать», *tale* – «рассказ», *talk* – «разговор, говорить, разговаривать». (Не отсюда ли русские *толк*, *толковать*?). И *tooth* – «зуб», *teeth* – «зубы».

Я не верю в случайность таких системных совпадений. И думаю, что первоначально и в тюрк. *tis* (*diš*) обозначало мн. число – «зубы, клыки», как и было понято скрещение линий во «рту».

...Египтяне создавали учебные пособия для уроков языка в виде скульптурных фигурок. Мальчик показывает пальцем на зубы. На пьедестале написано: *tis*.

Греки решили, что это имя какого-то бога, возможно, бога молчания. Появился жест – палец, приложенный к губам. И междометие – *Тсс! Тишь, тишина*. (Основы **tis* – «зубы» слышится в русских глаголах *стиснуть*, *стискивать*, *тискать*, именах типа *тиски*, наречиях – *тесно* и т.д.)

Развитие **tin > thin* приводит к др.-сем. *šin* – «зуб» и т.д. до нем. *zinne* – «зубец», *zahn* – «зуб».

V

Как в Словарях этимологизируется слово *тигр* – самый крупный хищник в Евразии? Лат. *tigris*, фр. *tirge*, нем. *tiger*, греч. *τιγρις*. Фасмер, I, 56: «от авест. *tiyri* – «стрела», *tiyra* – «острый».

Никаких объяснений семантического перехода. Только – совпадение названий служит основанием для такой этимологии.

Вот случай, когда невозможно объяснить причинность семантики без предъявления графического знака! В одном древнеперсичком диалекте знак стрелы называли *tigr*, в другом – знак «пасти со скрещенными клыками».

Тюрки увидели раздвоенный язык змеи: *til* – «язык». (В др.-кит. 𪛗 – «язык». Сначала – «язык змеи».)

I

«Китаб-и д□д□ Коркут» заканчивается словами мудрого старца: *«Где те витязи-беки, о ком я рассказал, кто говорил: весь мир – мой? Их похитила смерть, скрыла земля. За кем остался тленный мир?»*

Ветры времени развеяли страницы древнейшей истории тюрков. Глиняные, пергаментные, папирусные. Несколько каменных сохранилось. Сколько же памятников письма было уничтожено в Передней Азии, если до XIX столетия, пока не раскопали возле поселка Бабили холмы, в которые превратился некогда великий Вавилон, люди не находили на поверхности ни единого намека на то, что до арабской письменности здесь знавали иероглифы, клинопись и арамейские остроугольные буквы. Такая же судьба постигла следы письменных культур в Малой Азии, Причерноморье и Прикаспии, где в разные времена обитали кочевые и оседлые тюрки. Даже в Средней Азии, которую тюрки заселяли уже в доступное взору историков время, не осталось на поверхности ни одного свитка или каменного манускрипта, испанного неарабской графикой.

Соответственные процессы происходили в первом и до середины второго тысячелетия после рождения Христова в западной части Евразии, где столь же радикально расправлялись со следами дохристианских культур. Надпись на кресте, на котором был распят Христос, была начертана латинским, греческим и еврейским письмами, поэтому только три эти языка и три этих письменности считались достойными священного писания. У всех народов, обращенных в Христианство Римом, богослужебные книги писались на уже мертвом к тому времени латинском языке. Судя по тотальному распространению Христианства по Европе, никаких шансов уцелеть не осталось ни у одной из многочисленных, надо полагать, письменностей древней Европы. Уже говорилось, что чудом сохранились рунические памятники в Скандинавии и огамнические надписи в Ирландии, куда Христианство дошло поздно.

В этом тотальном истреблении «языческих письмен» мне видится ответ на вопрос, естественно возникающий: если тюрки имели буквенную письменность с начала или с середины I тысячелетия до новой эры, то почему памятники этого письма возникли в Монголии и на Енисее только в VI-VIII веках н.э. А где оно «пряталось», руническое письмо, целое тысячелетие? Памятники этой письменности не «прятались», а уничтожались. И не «возникли» они в Монголии и на Енисее, а сохранились там, куда не дошел ни Ислам, ни христианский фанатизм.

До конца XIX века это письмо и не «возникало», а могло не «возникнуть» вовсе, если бы В.Томсен его не расшифровал. Если бы не было удачных раскопок XIX века, ставшего веком археологии, человечество не узнало бы, что вавилоняне, известные по библейским источникам только как грешники, заслужившие кару господню, создали величайшую письменную культуру. В XIX веке история письменности с I тысячелетия до н.э. враз углубилась на три тысячелетия. И XX столетие принесло не мало открытий «новых» древнейших письменностей. Мы узнали, что индоевропейцы использовали клинопись и иероглифику (хетты, лувийцы) во II тысячелетии до н.э. Мы узнали, что древние жители Америки – майя имели оригинальное иероглифическое письмо, некоторые знаки которого были родственны иероглифам евразийских систем. Много свидетельств тому, как быстро изменяется ситуация в этой области исторических знаний и как долго живут устаревшие представления. И.Е.Гельб – признанный классик, основоположник грамматиологии, в 1952 году убежденно писал, что аборигены Америки не имели письменности, а только – предписьменность, т.е. графические знаки, которые выражали только понятия, а не слова и не звуки. И это мнение повторялось во всех переизданиях его книги «Опыт изучения письма», неизменным и без должных комментариев перепечаталось в русском издании 1983 г.

Хотя уже в 1963 году вышел блестящий труд советского ученого Ю.В.Кнорозова «Письменность индейцев майя», где даны прочтения большинства иероглифических текстов. В большой литературе о письменностях Америки подробно рассказывается, как испанские миссионеры уничтожали письменные памятники майя, инков и ацтеков.

Где великие культуры, которые говорили – весь мир мой? Их похитила смерть, скрыла земля.

II

Не только религиозные фанатики уничтожали памятники письма. В наше время и чиновники, и, так называемые, ученые приложили к этому руку. Я не буду говорить о бесхозяйственном отношении областных «краеведов», допустивших утрату нескольких енисейских памятников, но вспомню о своих хождениях по кабинетам монгольских и московских начальников в начале 80-х, после того, как увидел на орхонских стеллах следы автоматных пуль. Невдалеке стояла советская воинская часть. А в голой степи пострелять практически некуда, только в эти обелиски. Каменные манускрипты, простоявшие под открытым небом полтора тысячелетия, пережившие жару, морозы, тюркские каганаты и империю Чингиз-хана, чиновниками монгольской и советской культуры были отданы на расстрел. Я предлагал спрятать

протографы в запасники монгольского госмузея, а на их места мы установим точные каменные копии. Пусть их расстреливают. На копии деньги даст Казахстан, я договорился с Кунаевым. Наши скульпторы и архитекторы воссоздадут шедевры до последней шербинки. На это монгольские власти не дали добро. И Москва на них не надавила. Хотя полк перевели в другое место.

В 87-м, на конференции тюркологов в США я организовал письмо в ЮНЕСКО, под которым подписались все участники конференции – тюркологи всего мира. Мы требовали взять тюркские памятники под защиту, включить их в мировое наследие. Прямо с конференции группа турецких ученых вылетела в Монголию. Их диалог с Улан-батыром продолжается до сих пор.

...И, конечно, с горечью вспоминаю осень 1972 года. Мне позвонил Мурат Ауэзов. «На Или школьники нашли камень с письменами». Я бюллетеню: нога в гипсе, повредил на тренировке. Хватаю костыли, спускаюсь во двор, несколько писателей, архитекторов, художников, ученых – мои ребята. На трех машинах едем к месту находки. Это 110 километров от Алма-Аты, урочище Тамбалы тас («Камень с письменами»). Холодное, туманное утро. Но настроение у всех – на ура.

Тамбалы тас – известное место. На берегу Или отвесная скала, покрытая надписями разных времен. Джунгары, захватившие эти места в XVIII веке, оставили надписи буддийского содержания и рисунок, изображающий Будду. Вероятно, это место пользовалось определенной популярностью и до джунгар. Учитель из селения Баканас привел детей на экскурсию. Они разбрелись по урочищу и один увидел край каменной плиты, выглядывающий из земли. Толи дождями, толи паводком размыло почву. Учитель, увидев письмена, позвонил в Академию. Ребята, зная, что в нашей Академии нет специалистов-палеографов, сообщили о находке мне. Мы нашли эту плиту. Большой плоский прямоугольник метр на полтора, аккуратно разлинованный. Строки явно рунического письма, идут справа налево, каждое слово отделено от другого двоеточиями. Несколько сот знаков. Мне принесли из багажника складной стул, расположился с листом бумаги: в спешке никто не захватил ни приличного альбома, ни фотоаппарата, чтобы скопировать текст. Не переживали – потом, когда находку доставят в Академию (должен был прийти грузовик с рабочими), отмоют от тысячелетней пыли, тогда и прочтем. А пока расстелили дастархан, разлили вино по кружкам, как и положено в поле, подняли за находку первого крупного рунического текста в Средней Азии. До этого были обнаружены только несколько кратких надписей в горных местностях и в захоронении (таласские камни, ачикташская палочка, бронзовое

зеркало на Иртыше). По исыкской серебряной чашечке с 26-ю буквами пока еще спорили.

И вдруг – целый текст из сотен букв! Было от чего прийти в возбуждение.

Пришел самосвал из Академии, ребята собрали сухую траву, застелили дно железного кузова, чтобы камень не повредился на неровном проселке. Грузовик увез плиту. Больше никто из нас ее не видел. Машина не упала с моста в Или. Не уехала в неизвестном направлении с бесценным культурным сокровищем. Она прибыла в Академию, разгрузилась во дворе. Академики из отделения общественных наук спешно вытребовали себе у Президента Академии большую премию за великое открытие. Торопливо и неправильно поделили. Одному доктору не досталось. И тот в справедливом озлоблении нашел корреспондента «Комсомольской правды» и доложил ему свою версию: в том месте на берегу Или снимался исторический фильм «Кыз-Жибек». Герой по сценарию должен был высечь на скале древнетюркскую надпись, что и сделал художник киностудии. Фильм сняли, уехали. А надпись нашли и объявили древней. Вышел фельетон. Страна посмеялась и забыла. «Разоблаченные» академики не сумели защитить находку. Они не показали ее ни мне, никому из тех, кто видел ее на Или в то утро. Они, оказалось, отдали плиту строителям (строился один из корпусов Академии), те разбили ее на мелкие части и заложили щебнем в бетонный фундамент нового здания. Мне осталось только объявить об этом преступлении ученых с трибуны писательского пленума: «Вся наша историческая наука, вся Академия не стоят того камня, который они захоронили в своем фундаменте».

Я имел право сказать так еще и потому, что участвовал в создании фильма «Кыз-Жибек» как главный редактор киностудии. Это по моей подсказке режиссер-постановщик С.Ходжиков поручил художнику киностудии собственноручно вырубить на прибрежной скале (фильм снимался далеко от Или на берегах реки Урал) несколько тамговых знаков. По сюжету два племени объединялись в союз и положено было закрепить это событие ритуалом – гербовые знаки племен высекались на памятной скале рядом друг с другом, что и символизировало побратимство. Знаки были высечены еще до съемок. Большие два тамговых знака, заметные издали. Актеру-исполнителю главной роли оставалось только подняться по скале и изобразить процесс письма по камню. Что и было сделано. Кадр этот сохранился в фильме.

Отголоски того события и были извращенно доложены корреспонденту (Николаю Боднаруку). Всего два тамговых знака высек художник киностудии, а не сотни. Он бы и не смог, даже если это и

потребовалось бы по сценарию. Так был потерян один из памятников руники.

Сейчас ситуация пусть медленно, но меняется. В середине 90-х Казахстан, теперь уже государство Казахстан организует экспедиции в Монголию. Вице-премьером, курирующим науку и культуру, тогда стал И.Н.Тасмагамбетов, человек, не только ценящий вечное, но и умеющий его защищать. Монголов удалось постепенно убедить, что орхонские памятники представляют материальную ценность. Если казахи платят 150 тысяч долларов японским мастерам за изготовление копии только одного памятника с эпитафической надписью, то, может быть, оригиналы действительно следует поберечь. Недавно турецкие коллеги порадовали меня сообщением, что монгольское правительство уже подумывает о том, чтобы спрятать подлинники в музеи, а на их место установить копии. Но зная степень оперативности братских бюрократов, я, теперь уже как Постоянный Представитель Казахстана в ЮНЕСКО, пытаюсь продвинуть предложение об официальной международной защите орхонских и енисейских шедевров письменности, то есть о включении их в Список Наследия Мировой Культуры. И надеюсь, что этому в какой-то степени поможет моя книга, рассматривающая тюркскую рунику не как бледную копию провинциальной персидской письменности, но как одну из самых древних, творчески самобытных систем, изучение которой поможет полнее представить картину культурного становления человечества.

Грамматика буквы (продолжение)

И.Е.Гельб ввел в науку термин **грамматология** с содержанием – «наука о письменностях».

*«Цель этой книги – заложить фундамент подлинной науки о письме, которую еще предстоит создать. Эту новую науку можно было бы назвать **грамматологией**, следуя отчасти термину **грамматогрфия**, премененной несколько лет тому назад в заглавии книги о письме, опубликованной в Англии. Термин **грамматология** кажется мне более подходящим, чем термин **графология**, который мог бы привести к недоразумениям, или чем термин **филография** (новый термин, созданные в отличие от термина **филология**), который менее точен, чем **грамматология**.»¹²⁰*

Мне кажется, если исходить из семантики греческих слов *grammata* – «письмена», *grafo* – «пишу», «писать», то любая -логия от этих лексем может выражать предложенное Гельбом содержание.

¹²⁰ И.Е.Гельб. Указ.соч., стр.33.

Однако если вспомнить еще и *gramma* – «буква», «письменный знак», тогда смысл описательного термина «грамматика буквы (иероглифа)» может уложиться в термин **граммалогия**. И эта дисциплина может войти как часть в грамматологию – науку о письменах (письменностях).

Пытались устанавливать происхождение букв только финикийских, потому что все остальные алфавиты происходят от него. Так до сих пор и полагают. Финикийскую букву сравнивают с египетским иероглифом. Историко-культурные соображения позволяют это делать: контакты семитов с Египтом документально подтверждаются. Но, к сожалению, сопоставление материалов египетского и финикийского письма прямых сходств не выявляют. Однако иероглифический характер многих букв финикийского алфавита не вызывает сомнения: *'alef* – «вол». (Рогатая голова, положенная на бок. В шумерском письме тоже участвует «рогатая голова», но в «нормальной» позиции, и потому значение соответствующее: *gud* – «бык». Не клadenный бык, не кастрированный, но нормальный, здоровый самец рогатых. В греческом алфавите знак Быка просто перевернут: *alfa*.) Уже одна эта буква должна была настроить грамматологов на поиск соответствий не только в египетском или совсем не в египетском, где знак быка выполнен в натуралистическом

стиле *k'*.

А так как других иероглифических систем Древнего мира, кроме египетской и отдаленной во времени шумерской, грамматологи не знали, то, кроме египетского источника (Тейлор, Струве)¹²¹, иных и не предвиделось.

Я высказывал предположение, что финикийский алфавит содержит в себе гербовые знаки Переднеазиатских или Малоазиатских кочевых племен, употреблявшиеся для обозначения границ расселения: гербы наносились на пограничные камни. При создании племенного союза вожди как бы подписывались под договором о вечной дружбе – высекали гербы своих племен на одном заметном камне. Соединение гербов понимающему говорило об объединении племен в народ на время военной кампании. Но набор знаков на скале оставался надолго. В казахских степях и сегодня можно встретить такие писаницы. Их называют *tambaly tas* или *tas tambaly*, т.е. «камень с письмом».

Гербами солнцепоклонников становились священные знаки солнечных животных – Коровы, Вола, Барана... В финикийском алфавите есть откровенный знак Вола, с него начинается порядок букв,

¹²¹ БСЭ, изд.2 «Сопоставление финикийских букв с египетскими иероглифами» (И. Дьяконов, В. Истрин, Р. Кинжалов),

что говорит о том, что алфавит сей составлял семитоязычный грамматист. И большинство названий – семитские слова, передающие образное значение знака: *bet* – «дом», *gimel* – «верблюд», *dalet* – «дверь», *jod* – «рука»...

В предыдущих главах мы говорили о том, что буквотворцы порой жертвовали внешним сходством знака с предметом во имя выражения грамматической идеи. Поэтому и не поддаются прямому, механическому сопоставлению знаки разных письменностей, созданные по разным грамматическим правилам. Так, египетский *p-r* – «дом» («план дома») несопоставим с фин. *bet* – «дом», потому что последний не изображает плана или профиля домостроения, но выражает грамматическую идею – «перевернутый чертой отрицания знак двери». А знак двери *dalet* – «дверь» тут же рядом в финикийском алфавите. Вот он то и поддается сравнению с египетским *'* – «дверь».

Но для того, чтобы понять, почему «перевернутая дверь» должна выражать понятие «дом», следовало догадаться, что шумерский иероглиф *es, ab* – «дом», «дверь» имеет отношение к египетскому иероглифу. Надо было также установить действие диакритического знака – «черты отрицания» – в других буквенно-иероглифических письменностях, да и в самом финикийском. Это, по-моему, и можно назвать граммалогией – своего рода этимологией письменного знака. Происхождение иероглифа (буквы) – самая трудная, но и самая интересная часть этой дисциплины. Чтобы установить генезис финикийской *bet* и происхождения формы греческой *beta*, необходимо было восстановить давно забытые человечеством правила грамматики письменного знака.

Только после того, как были установлены все способы построения графемы, все способы механических и значимых для смысла знакоизменений в письменностях Древнего мира, можно было браться за древнетюркский алфавит, ибо простому сопоставлению с буквами другой письменности он не поддается.

...Возвращаясь к финикийскому. Мне кажется, первичный порядок знаков в нем нарушен. В некоем протоалфавите существовала парность букв по количеству звука (краткий-долгий гласный) и по качеству (твердый-мягкий). В финикийском пары оказались разрозненны, а из некоторых осталось по одной букве.

𐤁	<i>dabet</i>
𐤁	<i>bet</i>

𐤅	<i>šin</i>
𐤅	<i>mēm</i>

𐤇	<i>he</i>
𐤇	<i>hēt</i>

В алфавите они разрознены. Лишилась пары буква *gimel* – «верблюд». В протоалфавите, вероятно, было:

𐤂	<i>*gamal</i>
𐤂	<i>gimel'</i>

В греческий попала форма увеличенного чертой «мягкого» знака, а название «твердого» - *gamma*. (*Gimel'*, вероятно, обозначала большегорбого, двугорбого верблюда или верблюжью самку.) О том, что греки использовали слитную диакритическую черту (или, по крайней мере, знали о таком средстве), говорит форма буквы 𐤂 *digamma* («двойная гамма»). Здесь задействована черта-увеличитель. В протоалфавите, вероятнее всего, увеличивалась вовсе не гамма-гимель, а буква для гласного звука, похожая на шум. 𐤂 *u* – «десять». Эта цифра дошла до авест. 𐬨 *u* и до тюрк. 𐰆 *u(o)*. Черта долготы (или мягкости) создавала своего рода вариант «дабл ю» (𐤅). Но если в латинском это сделали буквальным удвоением, то в протоалфавите – диакритической чертой. Дигамма выражала звук 𐤅 и ее можно сопоставить с авест. 𐬨 *ū* и тюрк. 𐰆 *ū(ö)*.

Безусловно имела пару буква, выражающая звук *r*. В протоалфавите, наверное, было:

𐤃	<i>roš</i>
𐤃	<i>*r'eš</i>

В итоге части распавшейся пары оказались в разных алфавитах. В финикийском 𐤃 *roš*, в классическом греческом Ρ *ro*, в латинском R *er*. Если судить по этим данным, протоалфавит знал оппозицию букв по количеству гласного (краткий-долгий), по качеству согласного (твердый-мягкий). И кроме черты мягкости в нем употреблялась и черта отрицания, которая, создавая антизнак, не сказывалась на количественном и качественном значении буквы, но изменяла лексическое.

Применялся и способ переворота. Перевернутая буква для гласного (o) становилась буквой для долгого (oo). Буква для твердого согласного – превращалась в «мягкую». Но семитскому языку, каковым являлся финикийский, не было присуще противопоставление звуков по

количеству и качеству, и потому не было нужды «содержать» в алфавите две буквы *g* (**gamal-gimel*'), две *r* (*ro-re*) и т.д. И потому от каждой пары оставили по одной букве. В разновидностях финикийского оказались разные буквы из одних и тех же пар. Оттуда они и попадали в разновидности греческого и в итоге в латинский.

Мы делаем вывод, что грамматисты «финикийской школы» не позволяли себе произвольно изменять форму буквы. Она могла развиваться, механически искажаясь в многовековой практике письма, но даже при этом не происходило коренного изменения первичного очертка буквы. За два с половиной тысячелетия непрерывного использования латинского алфавита мы не найдем ни одной лишней черты в основной форме каждой буквы, и ни одной отсутствующей. Основные изменения произошли в доклассический период, и с тех пор – ни на йоту, в буквальном смысле. Хотя некоторые значения были ложно поняты уже в классических алфавитах – и в греческом, и в латинском.

[Арамейцы, механически исказив форму финикийских букв, заложили основу «арамейского стиля», передав его персо-арамейским письменностям, которые до неузнаваемости развили очертания букв.]

Южноевропейским письменностям так же не было нужды сохранять оппозицию по качеству. (Долготу они стали выражать горизонтальной чертой аналитично от основного знака: *ā*.) Единственная буква для гласного, содержавшая черту мягкости со временем изменила звуковое значение и в греческом была использована как заглавная (прописная), а ее твердый вариант без черты – как малая (строчная).

Древнегреческий	
Буква	Значение
υ	и
ϣ	и

В византийском мягкий *и* перешел в *i* («греческий») и тогда же определялись пары – прописная и строчная. Произошла ошибка: **υ** *i-grecus*. Бывшая «мягкая» из-за своего «роста» была признана заглавной, а «маленькой» присвоили значение «рослой». Так произошла ошибка, искажившая звучание многих имен и слов, дошедших до византийских времен в письменном виде. (Мы говорили о *σκυθ*, который Геродотом читался как *skuth*, а в Византийскую эпоху – уже как *skyth*, *skith*.)

В латинском письме случилось все с точностью до наоборот. Заглавной буквой признали **U**, а малой – букву с чертой, правда, укороченной: *u*, и значение заглавной перешло на строчную: **Uu**. (Но в некоторых письменностях, происходящих от латинской, значение

«малой» перешло на «большую». Так во французском письме обе формы этой буквы читаются *й*, в английском алфавите как иотированные – *iu*.)

...И в заключение этого раздела – судьба буквы, формы которой разнятся в греческой и латинской системах. Я думаю, что латинская **P** (древнелат. **Ꝁ**) является курсивным продолжением механического развития архигреческой **Ꝁ** - *pi* (безусловно согласующейся с финикийской **𐤐** - *pe*), но в классическом греческом мы встречаем уже симметричную форму **Π** - *pi*. Здесь приходится гадать: или греки сами достроили букву («в соответствии с традициями греческой архитектуры и орнаменталистики буквы приобрели более завершённый геометрический рисунок»¹²²), или мы имеем дело с даталями разрозненной пары. Возможно, что в протоалфавите была пара:

* Ꝁ	* <i>pa</i>	«нога, шаг»
Ꝁ	<i>pe</i>	«нижняя часть ноги»

Эти иероглифы, как и некоторые другие в финикийском алфавите, могли быть индоевропейского происхождения: лат. *pēs* – «нога, нижняя часть ноги», *pass(us)* – «шаг», «след ноги», (фр. *piéd'* – «нога, нижняя часть ноги», *pas* – «шаг»). Эти родственные слова явно расходятся качеством звуков. Но если эти знаки были известны прототюркам, то и они видели иероглиф «шаг», «ступня», «след ноги». Ср. общетюркские *pas*, *bas*, *baš* – «ступай», «наступай». Но второй знак они отказывались принимать за изображение ноги и восприняли как графическую передачу противоположной части тела. Об этом свидетельствует - *pet*, *bet* – «лицо»; *pās*, *bās* – «голова» (общетюрк.). Фонетически предшествующее англ. *face* – «лицо». (Ср. тюр. *but* – «нога» и англ. *foot* – «нога».) О возможной связи этой тюркской группы слов с европейской свидетельствует и совпадение названий верхней части ноги *gamba* – «скакат. сустав у лошади» (лат.), *gamba* – «верхняя часть ноги» (ит.), *jambe* – «верхняя часть ноги» (фр.), *яцпра* – «нога от ступни до колена» (греч.), *janbas*, *jamhas* – «верхняя часть ноги; ляжка» (каз.).

Вспомним и фр. *jambon* – «окорок», «филейное мясо», «ветчина».

¹²² В.А.Истрин «Возникновение и развитие письма», стр.339.

II

Реформаторы алфавитов разрешали себе сокращать размеры диакритической черты, чтобы избежать совпадений знаков. Так, римляне превратили **Ч** в курсивное *и*, и в итоге получили две буквы вместо одной, когда из византийско-греческого заимствовали *и*-грек, уже с измененным значением. Она заняла место прежнего *и*, но стала выражать «греческий» звук.

Безболезненно сократилась черта у фин. буквы **М** - *ни*. Греческая (повернутая вправо) **Ν** - *ни* стала прочнее стоять в строке в классическом алфавите (в восточногреческом и западногреческом «гуляют» еще обе формы «**М** **И**» – одноногая и с сокращением).

Вот эти новшества можно считать вмешательством греческих и римских грамматистов в исходную форму букв, вмешательством, продиктованным практическими соображениями и не только эстетического свойства: сокращалось количество «одноногих» букв. В финикийском их было десять (из – двадцати двух всего), в греческом их осталось шесть (из двадцати четырех), в латинском тоже 24 буквы, но уже только четыре из них «одноногие».

III

И, наконец, о названиях финикийских и греческих букв. Они в большинстве случаев совпадают и только иногда различаются качеством (*gimel-gama* ; *reš-ro*). На самое заметное отличие (появление гласного *-a* в окончании греческих названий) обратили внимание: *bet-bata*, *dalet-delta*, *zajn-zeta*, *hēt-ēta*, *thet-theta*, *lamed-lambda*, *jot-jota*...

Объяснение Гельба – «греческие слова не терпят конечных согласных (кроме *n*, *r*, *s*)». С этой констатацией можно согласиться и добавить – протетический гласный появился в языке с сильной инерцией конечного открытого слога. Если к таковым относится греческий, то, значит, в греческом. Но обычно такой язык не делает исключений для согласных. Например, в итальянском протетический гласный появляется после любого согласного в конце слова. Греческий с его знаменитым окончанием существительных *-os* и мн.числа *-es* едва ли относится к языкам с сильной инерцией конечного открытого слога. Можно допустить, что наращивание протетического произошло в каком-то языке-посреднике, типа *праитальянского диалекта. (Все больше убеждаюсь в особой роли этого Диалекта в истории языков и культур Древней Передней Азии. Это был язык истинного *san-scritto* – «священного писания», но еще дохристианского, языческого, что, вероятно, в известной степени и определило его дальнейшую судьбу.)

Мы узнаем о нем больше, когда разберемся в происхождении и функции еще одной постоянной в конструкции названий букв: **-et(a)*. Может быть, этот элемент появился в протоалфавите, будучи в составе

названия первой буквы, механически продолжился в следующих. Например, *bet* и далее *dal-et*, *h-ēt*, *th-et*, *z-et*, *j-et*, *lam-et*. Можно предположить и другое начало: *dalet* и далее *b-et* и т.д.

«Суффикс буквенных названий» есть в некоторых других алфавитах. В армянском (V в н.э.) буквы называются как в латинском — *a*, *b*, *g*, *d*, *e*, *z*, □ и т.д. А в соседнем грузинском, возникшем, вероятно, в то же время, буквы называются «словесно», т.е. созвучиями, похожими на лексемы. Начинается алфавит с буквы *an*, далее идут *бан*, *ган*, *дон* (**дан*?)... Постоянный элемент *n* завершает названия 22 букв из 37 и 13 из них заканчиваются слогом *-an*.

Эта «рифмованность» способствовала запоминанию. Вероятно, такую функцию и выполнял «суффикс буквенных названий».

Если такого же происхождения *-et(a)* в финикийско-греческих алфавитах, то надо предположить, что протоалфавит начинался не с *'alef-alfa*, а с буквы, наименование которой содержало сочетание *-et(a)*. В таком случае первичные названия некоторых остальных букв были однофонемными. Произойти это могло так давно, что названия буквиероглифов с «суффиксом» в семитских языках успели принять на себя прежние значения, которые раньше обходились более краткими лексическими выражениями. Например, *'b* — «дом» (**ab*?), *dl* — «дверь» и т.д.

Все эти предположения требуют соответствующей проверки, которая или опровергнет, или подтвердит что-то из вышесказанного. Но, повторяю, в случайную срифмованность названий букв трудно поверить.

Рци слово твёрдо – Ук!
(Первое приближение к кириллице)

Единственный алфавит, который поддается структурному («грамматическому») сравнению с древнетюркским письмом, на мой взгляд, является славянский (кириллица) эпохи древнейших рукописей (X-XI в.в.).

В Большом Энциклопедическом Словаре «Языкознание» (1998 г.) об этом алфавите говорится – письменность у славян появилась только с принятием христианства. Название азбуки (кириллица) восходит к имени святого Кирилла (до принятия монашества – Константина), выдающегося просветителя и проповедника Христианства у славян. Она была составлена на основе греческого (византийского) унифицированного письма, вероятно, в эпоху болгарского царя Симеона (ум. в 927 г.). Буквенный состав древней кириллицы в целом соответствовал др.-болг. речи. И поэтому для передачи др.-болг. звуков уничиальное письмо было дополнено рядом букв, которых не было в греческом алфавите, для чего использовался, в частности, материал древнееврейского письма (*ш, ч, ц*). На другие письменности адресных ссылок нет. *«Письменные памятники от эпохи создания кириллицы не сохранились. Не вполне ясен и состав букв первоначальной кириллицы, возможно, некоторые из них появились позднее.»* - говорится в статье (стр.222). Кириллица, став письмом славян, принявших православие – учение греческой ортодоксальной («правильной») церкви – за прошедшее тысячелетие испытало несколько реформ в каждой национальной письменности – в болгарской, сербской и русской.

Русскую кириллицу крупно реформировали дважды – при Петре I и в 1918 г. В результате она утратила первоначальный строй и более приблизилась к греческому письму, чему способствовало и сокращение количества букв (с 44 до 30).

Какое содержание вкладывается мной в подчеркнутые слова? Порядок букв в алфавите? Порядок соответствует греческому. Но изменилась, вернее, утратилась грамматическая структура алфавита, подразумевающая наличие систем оппозиционной парности! В византийском оставалась одна пара букв, представляющих количественное противопоставление гласных (краткий и долгий *о*), в древнегреческом эту пару дополняла еще одна, выражавшая краткий и долгий *е*.

Безоговорочно приняв версию происхождения кириллицы от византийского устава, как единственную, слависты ограничили возможность выяснения подлинного генезиса славянского письма. Даже то очевидное (его появление в Болгарии и приспособленность, прежде

всего, к болгарской речи) должно было заставить включить в поле зрения и «болгарский фактор» - необычную историю этого народа. А именно то, что первые носители этого этнического имени тюрки-булгары (българ) пришли на Балканы не позже VII в. н.э., покорили славян и растворились в них, передав им самоназвание свое, целый пласт лексического наследия и, вероятно, многое другое, что неизбежно должно было обогатить или, во всяком случае, включиться в материальную и духовную культуру смешанного населения Балкан.

Если попытаться допустить, что тюрки-булгары пришли со своим письмом, то многие несоответствия исторической кириллицы с греческим и другими европейскими алфавитами того времени получают дополнительное освещение, которое поможет разглядеть причины этих разностей и найти им объяснение.

Сами болгары X века, когда начало распространяться православие, едва ли помнили о событиях недавних веков, определивших их судьбу. Но о том, что они и до принятия христианства обладали письмом, помнили и характеризовали это письмо, естественно, с новых позиций как языческое и примитивное. Наиболее подробно о создании кириллицы говорится в «Сказании о письменах» Черноризца Храбра, написанного в начале X в., когда Болгария достигла могущества и соперничала с Византией: *«Прежде убо словене не имеху книг, но чртами и резами четеху и гатааху (т.е. читали и гадали – О.С.) погани суще (т.е. будучи язычниками – О.С.). Крестившее же ся, римскими и гроческими писмени нуждаахуся словенску речь без устроения... И тако бешу много лета. Потом человеколюбец бог ... посла имъ святаго Константина Философа, нарицаемаго Кирилла, мужа праведна и истина и сотвори имо 30 письмена и осмь, ова убо по чину гроческыхъ писмен, ова же по словенстемъ речи...»*.

Если предположить, что под «чертами и резами» подразумевалось некое руническое письмо, которым до принятия православия пользовались болгары («словене»), то следует поискать следы *булгарской руники в кириллице, содержавшей в себе кроме явно греческих букв и негреческие: они выражали оригинальные фонемы болгарского языка. Вполне возможно, некоторые вошли в кириллицу из состава того письма, которое Черноризец Храбр назвал «чертами и резами».

Главный аргумент в пользу гипотезы существования «древнебулгарского алфавита», я считаю, следы характерной парности в исторической кириллице, не до конца разрушенной Кириллом – создателем или первым реформатором болгаро-греческого письма.

II

«В связи с графической близостью кириллицы к византийскому уставу большой интерес приобретает вопрос о степени самостоятельности (оригинальности) кириллицы, о том, можно ли считать ее особой, новой письменной системой или же лишь разновидностью византийского письма?» - пишет историк письма В.А.Истрин, посвятивший славянской письменности несколько работ и почти треть объема своей книги «История возникновения и развития письма», посвященной всем мировым письменностям. «При решении этого вопроса обычно исходили из генетического анализа формы кирилловских букв. В результате находили в греческом, еврейском и др. алфавитах графические прототипы букв кириллицы и делали отсюда вывод о несамостоятельном характере кирилловской азбуки. Так рассматривался этот вопрос во всех дореволюционных русских исследованиях и в большинстве советских работ, выходявших до конца 40-х годов. Так рассматривают этот вопрос и современные зарубежные историки письма. В связи с этим они отводят славянскому письму по несколько страниц или строк в главах, посвященных греческому письму (Ж.Феврие, М.Козн, Д.Дирингер, Ч.Лоукотка), либо даже не упоминают о славянском письме (И.Гельб). Такой подход представляется принципиально неправильным.

Во-первых, он неправилен потому, что в истории письма не было ни одной буквенно-звуковой системы, которая сформировалась бы совершенно самостоятельно. Так, финикийское письмо возникло на основе египетского (это мнение нельзя считать окончательным – О.С.), древнееврейское, арамейское и греческое – на основе финикийского; арабское – на основе арамейского; латинское – на основе греческого; французское, немецкое, английское и другие западноевропейские системы – на основе латинского. Поэтому можно ставить вопрос лишь о степени самостоятельности той или иной системы письма (в том числе и славянской), о том, возникла ли эта система путем механического заимствования или же путем творческой переработки наследия других народов.

Во-вторых, при решении вопроса о степени самостоятельности письма наименьшее значение имеет оригинальность форм букв. Ведь письмо это, прежде всего, средство передачи и закрепления речи. Между тем, форма букв почти никогда не бывает обусловлена фонетическими особенностями того языка, для передачи которого эти буквы предназначаются (относительно редкий

пример такой связи – графическое построение кирилловских букв «ук», «шта», в особенности же букв для иотированных гласных)»¹²³.

Положение о том, что форма букв почти никогда не бывает обусловлена фонетическими особенностями языка безусловно спорно. Оно возникло из наблюдения за ранним распространением греческого и латинского алфавитов в европейских культурах для выражения разных языков, и, как правило, исходные формы букв в европейских алфавитах «почти» не менялись, не зависели от фонетических особенностей. Но этого нельзя сказать уже о современных письменностях Европы, Азии, Африки и Южной Америки, возникших на латинской основе. Формы многих букв изменились в зависимости от фонетических особенностей языков. Это же видно в «национальных кириллицах»: □, □, □, □ - разве это не изменение формы букв по той же причине? Таким образом, и форма букв может быть одним из свидетельств степени оригинальности алфавита, так же как и соответствие состава знаков звуковому составу языка. В этом отношении кирилловский алфавит, действительно, был вполне оригинален.

В.А.Истрин отмечает, что «кириллица представляет собой очень искусную и творческую переработку греческой (византийской) азбуки. Из 43 букв кириллицы 19, т.е. 45% отсутствовали в византийском алфавите и были включены в кирилловскую азбуку применительно к особому звуковому составу старославянского языка.» (там же, стр.415).

«Каково же происхождение формы букв кириллицы?» - с такого вопроса начинается важный раздел книги. Ответы, по правде говоря, удручают излишней простотой. Ни одному изменению формы буквы не даны «грамматологические» объяснения. Вот некоторые из них: «В старославянском языке звуки «в» и «б» встречались одинаково часто. поэтому в кирилловской азбуке для передачи звука «в» была сохранена византийская «вита» (В), получившая новое название «веди». Для передачи же звука «б» была создана новая буква «буки» (Б), образованная путем графического видоизменения византийской «виты» (В).» (Подчеркнуто мной – О.С.)

«Форма буквы «ерь» (ь), видимо, происходит от графически наиболее простой кирилловской буквы «и» (/), а «ер» (ъ) и «ять» получены путем графического усложнения «ерь» (Е.Георгиев). Менее вероятно выведение формы букв «ер», «ерь», «ять» из кирилловской «буки» (И.В.Ягич), так как звуковое значение этих трех букв и «буки» не имеют ничего общего.»

¹²³ В.А.Истрин «Возникновение и развитие письма», М., 1965, стр.413-414.

«Буква «шта» (**Ш**) построена путем лигатурного сочетания буквы «ша» (**Ш**) с примкнутой к ней снизу буквой «твердо» (**Т**).»

«Буква «еры» (**Ы**) представляет собой сочетание «ер» (**Ъ**) с буквой «и» (**И**).»¹²⁴

И т.д., и т.п.

Увы, такие понятия как «грамматика письменного знака», «грамматика алфавита» в грамматологии (истории письма) еще не сформировались. Поэтому форму письменного знака (если она напрямую не связана с изображением предмета) в науке этой принято считать произвольно придуманной неизвестными или известными, как грек Симеон, знакотворцами. А значит, изменение формы знака тоже считается произвольным, не продиктованным фонетическим содержанием. Этим объясняется убежденность грамматологов в том, что форма букв не бывает обусловлена фонетическими особенностями языка.

Как в лингвистике мы не устаем призывать этимологов обратить внимание на морфологические соответствия, выявить систему механизмов словообразования, так в грамматологии необходимо восстановить систему морфологических соответствий, правил значимых знакоизменений, которыми пользовались грамматисты Древнего мира.

Их было всего три способа создания антизнака (т.е. буквы для долгого или мягкого звука, противопоставленной букве для краткого и твердого). Антизнак создавался:

а) **чертой отрицания** (которая выполняла роль диакритического значка долготы, или мягкости и др.)

б) **переворотом основного знака.**

в) **удвоением основного знака.**

И комбинациями этих способов – **черта с переворотом, удвоение с переворотом и т.д.**

Черта отрицания может быть не только аналитической (как в греко-римской традиции: *ā*, *ī* и т.д.), но и слитной с основным знаком, поэтому она не увидена грамматологами в финикийском, древнеегипетском. Как не увиденны способы буквального удвоения и переворота в греческом письме. И в других.

Теория Соссюра о произвольности устного знака (слова) затормозила развитие лингвистики и в особенности становой ее отрасли – этимологии. Теория сия распространилась и в грамматологии, обосновывая очень удобное положение о произвольности письменного знака. Удобное для ученых, но не для науки.

¹²⁴ Там же, стр.420.

III

Изучение кириллицы можно было начать с выяснения причины превращения «ер» (ѣ) в «еры» (ѣ). Чем вызвана была необходимость сочетать с ней «букву ю» (ѣ)? Для этого следовало провести фонологическое исследование, которое несомненно выявило бы, что в болгарском языке краткий гласный ѣ (вълк, слънце, България) находится в оппозиции к долгову ѣ. И тогда бы выяснилось, что черта справа от корневого знака в букве «еры» вовсе не буква ю (ѣ), а диакритический знак долготы, примененный согласно позиционному принципу: «черта справа от основного знака (т.е. в направлении развития строки) – увеличение на единицу». Позиционный принцип, известный нам по римской цифровой системе использовался в общей грамматике письменного знака при изменении значения иероглифа, буквы, цифры. Это открытие, важное для истории письма, могли бы первыми сделать слависты, если бы внимательней отнеслись к букве ѣ. И тогда выяснилось бы происхождение другой буквы для долгого гласного, противопоставленной ѣ уже по качеству. Две очевидные пары:

Знак	Название
ь	ер
ы	еры

Знак	Название	Буквенное значение
і	юке	<i>i</i>
и	юкеи	<i>ii</i>

Поразительно, что не обратили внимание на название «еры, ижеи», которые указывают, что авторы кириллицы (или скорее, реформаторы) тоже полагали, что к основным «корневым» знакам присоединялась вертикальная черта долготы, но они ее называли, думаю, условно, как букву – *i* и прибавляли звук к названию основного знака. В одном случае (после мягкой основы) название черты сохранило палатальность (*иже-и > ижеи), в другом случае произошло «отверждение» и: надо полагать, что «ер» выражал велярный звук (*эр) и произошла сингармоническая реакция, которая характерна для тюркских языков (*эр-и > *эры).

Эллинисты считают, что византийская «ита» произошла от древнегреческой Η «ēта» в результате естественного фонетического процесса. И Кирилл просто перенес византийскую «иту» (бывшую «ētu») в славянскую азбуку. Возможно. Но тогда, почему название кириллической буквы отражает механизм создания долгого знака путем сложения буквы «иже» с чертой *и*?

Полагаю, что пара *i*-краткий, *i*-долгий в болгарском письме «черты-резы» существовала до реформы Кирилла. Так же как и пара *ь-ы*.

...Позиционный принцип, применяемый при создании букв для долгих, угадывается при анализе финикийской пары *he-hēt*.

Там видно, что при письме справа налево черта слева и увеличивала значение письменного знака. Финикийцы таким способом увеличили «долготу» гортанного (передав более густое придыхание). Греки услышали долгий гласный. В авестийском алфавите черта долготы идет вниз от основного знака, что может говорить о том, что ее начали применять в вертикальной строке при письме сверху вниз. Но, если в финикийском и авестийском черта долготы столь прочно впаялась в основной знак, что специалисты не могут выделить и осознать ее грамматическое значение, то в славянских образцах черта долготы полуаналитическая, вполне узнаваема. И если бы тема «синкретический знак долготы» получила осмысление в грамматологии, то кириллическое его применение легко обнаружилось бы. Вместе с тем, эта тема в общей истории письма могла бы начаться с анализа кириллических долгих.

IV

Не могу не признать достоинства автора или реформатора кириллицы. Он использовал почти все возможные способы применения диакритической черты – справа, слева, вниз от основного знака.

Слева – должно быть уменьшение звука, но сверхкратких гласных в болгарском не было, и соответственно – нужды в таких буквах. Эту позицию черты знакотворец использует для передачи мягкости гласного. Но так как черта здесь действительно прочлась как нота, славяне стали передавать «булгарские» мягкие гласные как нотированные. О том, что некоторые нотированные существовали в докириллическом письме, а во времена христианской реформы по их образцу могли быть созданы другие нотированные, можно судить по тому, что буква **Ю** выражает не «йо», а звук «йу». И объяснить это фонетическими изменениями, произошедшими в славянских языках, едва ли удастся. Скорее всего, сказалась историческая близость значений *o* и *y*, которые выражались зачастую одним знаком или «полной луной» (), или «месяцем» ().

Поэтому, в докирилловском письме «черты-резы» вполне могло быть **О** – «у», **Ю** – «йу».

Нотированные типа **Ѧ** - «йа» могли быть созданы позже, уже в кириллическое время. От них до современного алфавита дошла буква **Я**,

созданная от курсивной формы *a*. Принцип (черта слева – смягчение) соблюден.

Черта вниз от основного знака – смягчение согласных. Реформу X века пережило немного пар этого рода.

Если бы слависты знали, что в Евразии была письменность, где чертой, идущей вниз от основного знака, и переверотом пользовались для создания букв для мягких, то тогда бы объяснили превращение «твердой» *ша* (Ш) в «мягкую» *шја, шта* (Щ, Щ) без придумывания невозможных построений.

Здесь, несомненно, использована черта мягкости без комбинации с другими способами, ибо поворот вокруг оси ничего не давал.

А происхождение одного из вариантов названия этой буквы «шта» теперь можно рассмотреть с учетом знания чередования *j/di, d, t*, распространенного в тюркских языках и представленного в отдельных славянских примерах (*roj = rod, staja = stado, uj = ud* и т.д.) и германо-славянских соответствиях (*ein = edin, ja! = da!*), англо-немецких (*you = du, tu* – «ты», транскр. англ. слова **ji* и др.).

Но в другом случае комбинация «черта мягкости с поворотом» удалась:

Σ	зело
⚡	земля

Во-первых, спрашивается, зачем алфавиту две буквы «з»? Черта мягкости с поворотом вокруг оси («земля») говорит, что буква «зело» называлась более «твердым» словом (зъло?) и служило в былом алфавите для обозначения твердого *зъ*.

Естественно, иначе видит историю этих букв В.А.Истрин. Он считает, что «земля» представляла из себя «почти копию греческой буквы «дзета», служившей для передачи звонкого переднеязычного звука «дз»»¹²⁵. Таким образом, предполагается, что некогда звучали в славянских языках «дземля», «дзелень», «дзеркало», «дзеница ока». Иначе зачем было вводить в алфавит «почти копию» «дзеты-зеть». И совсем выходит, не нужной была буква «зело». «В славянские алфавиты буква «зело», вероятно, была первоначально введена либо для обозначения числа «шесть» (ибо занимала шестое место в алфавите), либо для числа «шесть» и для передачи звука «з» (в отличии от

¹²⁵ В.И.Истрин ... , стр.418

«дзеты» - «земли», предназначавшейся для звука «дз») ... Еще позже в связи с фонетическими изменениями русского языка, обе эти буквы совпали по значению и стали использоваться только для звука «з».¹²⁶

В итоге, в одной из последовавших реформ «зело» исключили из алфавита. Так могли и раньше, в X веке оставить от других пар по одной букве.

«Недостаточно ясно происхождение буквы «живете». Вероятно, форма этой буквы получена добавлением вертикальной черты к букве «хер» (Е.Ф.Карский) или же удвоением буквы «земля», близкой к «живете» по звуковому значению.»¹²⁷ Зачем добавлялась вертикальная черта к «херу»? Зачем надо было почему-то удваивать «дземлю»? Если бы эта буква существовала в орхоно-енисейском письме, у нас не возникло бы никаких сомнений относительно роли «вертикальной черты» в составе буквы *Мh*, которой черта придавала бы мягкость, необходимую для превращения ее в *Мh', g'*.

Орхоно-енисейскому алфавиту не нужна была буква «ож», ибо в огузо-карлукских языках такого звука не было. Но он был в булгаро-кипчакских.

Я предчувствую, что разговор о славянских письменностях еще только начинается. Следы парности, отмеченные нами («краткий-долгий» и «твердый-мягкий»), делают кириллицу весьма оригинальной системой, отличной от европейских и семитских письменностей. Материальное сходство с византийским письмом может свидетельствовать о христианской редакции протоболгарского письма («черты-резы»), о котором говорил Черноризец Храбр. Обнаруживаются черты не материального, но грамматического родства кириллицы с орхоно-енисейским письмом, что может служить некоторым обоснованием версии о существовании древнетюркских письменностей, в числе которых – обнаруженное на востоке орхоно-енисейское письмо, выражавшее нормы огузо-карлукских наречий, и можно осторожно начинать разговор о булгаро-кипчакской разновидности древнетюркского письма, существовавшего на юге восточной Европы. Памятники его не могли уцелеть в христианских странах, однако, следы остались в кириллице.

...Болгарский историк письма Е.Георгиев считает, что «мягкий знак» (ь) под названием «ерь» есть ничто иное, как курсивный вариант буквы «иже» (І). Но тогда надо заодно объяснить и название. А оно явно не славянского словаря и напоминает кипчакское слово *ерь* –

¹²⁶ Там же, стр.419

¹²⁷ Там же, стр.422

«растай», «размякни». Возможно, именно привязанность слова к мягкому знаку и придала ему этот смысл. Этот знак мог использоваться в текстах для смягчения согласных, не превращенных в мягкие слитным диакритическим знаком. То есть, действовать как аналитичный диакритический знак.

...В другой славянской азбуке (глаголице) кириллической букве Р – «рць» соответствует перевернутая **б** – «рцы». Случайное это совпадение или нет, пока трудно сказать, но приходит мысль, что в докириллическом алфавите могла быть пара:

Р	Ar
б	er'

Мягкость достигалась и переверотом. Как Э и Ё – «е».

...Я думаю, из той докирилловской азбуки в кириллицу попала и Б – «буки», которую слависты сочли сокращением буквы В – «веди». Стоит, полагаю, испытать ее на иероглифичность. В орхон-енисейском алфавите мы видели, сохранились несколько букв-иероглифов. Подобное могло быть и в болгарском. В тюркских: *bük* (*buk*, *muk*) – 1) «сгиб», «изгиб», «поворот», 2) «сгибай», «свивай», «свертывай», 3) «согнутый».

Очень древний корень евразийского распространения. Производный глагол *buktā* – «сгибай» (кипч.), *büklā* – то же (огузокарл.) рано попадает в западные языки (германские), откуда при Петре I – в русский: *бухта* – 1) «изгиб береговой линии», 2) «свиток каната», *бухла* – «локон». Знак изгиба в тюр. *bügri*, *bükri* – «кривой», *bükür*, *bügür* – «горбатый» (Э.Севортян считает эти слова источником рус. *бугор*)¹²⁸.

Первоиероглиф *buk* – «бык» – один из самых древних – наследие общечеловеческого письма и языка. Я посвятил ему книгу «Улыбка бога» (1999 г.), где прослеживаются маршруты распространения слов, в которых отпечатался этот знак по языкам Евразии и Африки.

В самом первом значении мы встречаем это звукоподражательное слово в монг. *buk* – «бык», слав. *byk* (**bŭk*), в лат. *bicul(us)* – «бычок» (-*ul* – ум.суфф.) и в предлоге *bi-* – «бычий» и т.д. Производные знаки *biha*, *buka* толковались как – 1) «малорогий», «не бык»: *biha* – «теленек» (дарг.), 2) «многорогий»: *buka* – «олень»

¹²⁸ Э.Севортян «Этимологический словарь тюркского языка» (Обще тюркские и межтюркские основы на букву «Б»), М., 1978, стр.292.

(монг.), откуда тюрки заимствовали *buka* (*buha*) – «бык» (первоначально, вероятно, «олень», это значение закрепилось за *bihi* – «олень»), «безрогое» > «корова»: *missa* – «корова» (ит.), *bissa* – «корова» (кельт.), откуда лат. *vassa* – «корова» и т.д., и т.д.

Черта отрицания («копье» - *ha*, *a*; «стрела» - *j*) могла не только пересекать рога, но и продливать одну из сторон знака: *buk-a*, *buk-j* = *būk*. Толкования самые поздние – «свиток (коры)». Если краткая форма

 buk толковалась и как «луб», «кора, снятая со ствола дерева».

Именно этот материал использовался и для письма. Он и подсказал форму будущих папирусных и пергаментных свитков, которые уже влияли на форму знака, поправляя его: – *buk-a*, *buk-i* > *buku*, *būk*.

Германское *buh* (*buk*, *book*) – «книга», возможно, восходит к названию луба, но еще не свитка. Но тюрк-кип. *bukpa*, *būkpā*, *būkpe* – «свиток», «согнутое», давшее жизнь славянским: *bŭkvě* – «книга» (слов.), *bŭk* – «буква, письмо» (серб., хорв.), *bŭkvoi* – «книга» (полаб.).

...Знак читался как **būk* и как *buka*, истолковался также как – «дерево».

Нынешние Словари, не восстанавливающие Знак, оперируют только словами, произошедшими от его названий. Но, не видя Знака, невозможно определить причинность слова, его формы и значения. Поэтому исследователи дают волю поэтическому воображению. Если слово *buk* – «книга» совпадает с названием породы дерева *бук*, то, следовательно, это потому, что древние писали на дощечках, сработанных из древесины этого дерева. (См. Фасмер, I, 336, в статье «Буква».)

Графема **Б** *буки*, включенная Кириллом в алфавит из прежней славянской письменности, может оказаться единственным сохранившимся иероглифом, изображавшим письменный свиток.

И, когда составитель последней редакции алфавита подбирал к буквам названия, чтобы лучше запоминались буквы и их порядок, на букву «б» он, к счастью, не нашел другого слова, кроме *буки*. А, может быть, он и опирался на некоторые иероглифические названия, сохранявшиеся в прежнем алфавите, среди которых было *буки*. Они и могли подсказать идею оснастить и другие знаки полноценными словесными наименованиями, которые складывались бы в текст с определенным назидательным содержанием:

аз *буки* ведн («я письма знал»)

глаголи добро есть (говорил: «Это – благо»)

живете зело («живёте *зло»)

земля иже (ижен) како люди мыслете («земля, которая как люди мыслит»)

наш он покой («наш он – мир»)

рцы слово твердо ук («произноси слово твердо – «знание»)...

Возможно, связный текст и определяет границы какого-то раннего алфавита, состоящего из 20-24 знаков. Некоторые выпали при Кирилловской реформе. Другие добавились (например, *ижеи* – не имеющее лексического смысла, только грамматический).

Те буквы, которые появились позже, остались за пределами текста. Не думаю, что скажем (Ф) *ферт*, (Х) *хер*, (Ш) *ша* и (Щ) *шіа/шта* участвовали в «поучении». Хотя и другие слова на эти буквы в славянских языках можно было подобрать (кроме разве на ъ, ѣ, ы). Кирилловская реформа, вероятно, нарушила первичный порядок, и некоторые знаки, чьи названия ранее входили в текст были вынесены в последнюю «бессловесную» группу. Например, Ч – «червь».

...О древнейших культурных связях славян с тюрками говорит и слово ук, сохранившееся в древнерусском в значениях «знание», «учение». До нас дошло в основе слов *наука* (блр. *навукa*), *навык*. Производный глагол *ук-и (*uk-i*) > *учи*. Сохраняется в тюр. **uk-i* > *uku* – «учю», «учись», «читай» (тат.), *оку* – т.ж. (каз., тур., др.-тюр. и др.).

Первичный инфинитив славянский *учити* – «учить» переразложился: «опознали» предлог у-. В результате выделяется ложная основа (*y*)*чити*. Конечный гласный совпадает с окончанием императива и переразложение продолжается: *чит(и)*. Эти процессы происходят в Дialeкте, в котором принят другой суффикс инфинитива, он и образует вторичный инфинитив: *чит-ати*.

V

Кириллица, очевидно, не была первой письменностью славян. До нее определенно существовало «языческое» письмо «черты-резы». Возможно, руника, памятники которой были обречены на уничтожение. И если бы Кирилл не использовал некоторых ее наработок, мы бы, возможно, никогда о ней никаких подробностей не узнали. Но и болгарское наследие («черты-резы»), уверен, не было началом славянской письменности. Протославяне знали и иероглифическое письмо, и раннебуквенное. О чем определенно и твердо говорят термины письма, существовавшие в славянских языках до появления святого Кирилла с византийскими книгами. С ними в средневековье пришли такие слова греческого происхождения как *грамота*, *грамматика*, *графика*, *графит*. Но основные термины письма и знания как – *буква* (*бук*, *буки*), *ук* (*наука*, *навык*, *учи*, *учить*, *читать*, *считать*), *книга*, *пись* (*пиши*, *писать*, *письмо*) возникли тысячелетиями раньше и

не имеют к греческому словарю никакого отношения. Чего не скажешь о словарях тюркских. Даже *карандаш* – сложное *karandaš* – «темный камень», «графит» (тур.). Тюрки и славяне, славяне и тюрки вместе осваивали процесс знакового освоения мира. О великой роли письма в культуре славянской говорит и семантическая связь слов *честь*, *почитание*, *почет* с корнем *чит*. *Чти* имело два глагольных значения – «читай» и «почитай». Не сила, но знание, почерпнутое из письма, возвышало человека в протославянском мире. Эта важная информация прочитывается в азбучном тексте.

Наш дом – родина, страна, мир!

Корова – Дом

Полная этимология предусматривает для слов древнейшего образования обязательное восстановление иероглифического знака. Именно его название становилось словом-понятием, благодаря толкованию формы знака.

Но часто иероглиф был производным от другого. Наиболее древнюю значимую форму иероглифа я называю первоиероглифом. (Ссылаясь на недавно приведенные примеры, иероглифом можно назвать знаки *buha, buka, bucca* – 1) «корова», 2) «теленку», 3) «олень», произведенные от первоиероглифа *buŋ > bunh > buh, buk* – «бык».)

I

Мы рассмотрели ранее прототюркский иероглиф *āb* – «дом», «жилище», дошедший до древнеогузского («орхон-енисейского») письма вместе с графическими вариантами , которые уже в шумерском письме преобразовались в *ab, es* – «дверь», «дом». Формы знаков подсказали архитекторам древности профили храмов и жилищ – юрты, чума, дома в виде ступенчатой пирамиды. Мы видели, как египтяне попытались извлечь иероглифическое значение «дверь», перевернув шумерский знак «дом-дверь».

(В разновидностях орхон-енисейского письма представлены и другие варианты «дома»:   *āb*. Мы прибегнем к ним попозже.)

Зная правила грамматики графемы, которое гласит – «Мягкое слово является названием знака или удвоенного, или перевернутого, или содержащего диакритическую черту мягкости» – мы можем попытаться восстановить предформу этого иероглифа. Так

как черты в его составе нет, остаются – «удвоение» и «переворот». В данном случае восстанавливается *ab*.

В огузо-карлукских языках такого слова, восходящего к дифтонго-слову **au* нет. Оно может быть кипчакского происхождения или индоевропейского и обозначать «корова», «баран-овца».

Индоевропейцы «зачеркивали рога» одной чертой: **kau*, **kau*, **kau*.

В тюркской рунике горизонтальная черта неприемлема – она передается ломаной: *au* > *av* > *ab*. Наверное, в таком виде из протокипчакского попадает знак Коровы в шумерское письмо и внедряет слово *ab* – «корова» (шум.). Переворот знака порождает мягкий слог *äb'*, который наполняется новым содержанием, подсказанным толкованием антизнака. (Антизнак назывался антисловом, которое могло быть или мягким дублем исходного, или форма исходного отрицалась внешней флексией отрицания: *äb* = *ab-a*. Ср. туркм. *oba* – «дом», «юрта».) Так могла возникнуть пара в иероглифически-слововом письме:

 	<i>ab</i>	«корова»
 	<i>äb'</i>	«дом»

В огузо-карлукских языках появляется слово *äv* (*äb*, *ev*) – «дом» (др.-огуз., тур., азерб., др.-уйг.), происходящее от протокипчакской формы. (В казахском это слово сохраняется только в сложных терминах: *küzeü* – «осенний дом», *kysty äü* > *kystau* – «зимний дом», «зимовье», *žajly äü* > *žajlau* – «летний дом», «летовка». Но в отдельности утвердилось протоогузское слово *üj'* – «дом», производное от *uj* – «корова» (др.-огузск.).

 	<i>uj</i>	«корова»
 	<i>üj'</i>	«дом»

Переворот знака Коровы порождал знак Дома. Эта выявляемая закономерность помогает понять и этимологию тур. слова *oda* – «комната», «однокомнатное жилище», «шалаш».

 	<i>ud</i>	«корова»
 	<i>ud-a</i>	«дом»

...Иероглиф **А** был в составе прототюркских слого-иероглифических письменностей. В кипчакской назывался *üj*, в огуз-карлукской - *ev*, *äv*. И употребляясь в составе слов, читался как слог. Этим я объясняю чередование слогов *üj/ev* в тюркских языках: *süj* – «любю» (каз.), *sev* – «любю» (тур.), *süjinši* – «радость» (каз.), *sevinč* – «радость» (тур.). Чисто фонетическим путем *üj* не могло произойти от *ev*, как и наоборот. Это чередование письменного происхождения.

II

Я считаю, что понятие «дом» стало исходным для понятия «родина». Схема семантического развития представляется такой: дом – место рождения и обитания – родная страна – страна – ...¹²⁹. Этого смыслового уровня знак достигает, развившись в **А** *äb*, *äm*. Попытка переразложить его, чтобы соблюсти необходимую парность (знак-антизнак), не переворачивая, удалась в старошумерском письме, где знак стал идеограммой «страна» и получил обновленное название Обновленное артиклем *'al*.

[Этот артикль сформировался в семитском диалекте на базе евразийского **in* > **an* – «то» - указание на отдаленное или чрезмерно большое, абстрактное (*n* > *l*: фонетический закон NLR особенно активно проявлял себя в древнесемитских диалектах. Он способствовал развитию шум. *en* – «владыка», «бог» в акк. *el* – «бог», индоевропейского отрицающего предлога *na*, *no* в семит. *la*, *lo* – «нет» и т.д.) Но при переходе в семитский, артикль расширил значение до общего и стал оформлением состояния неопределенности до определенности. Такое положение мы застаем, например, в старовавилонском диалекте аккадского. Позже центрально-семитские и южнопериферийные семитские языки выработали определенный артикль *al-* (сохранился в арабском. Другие семитские его не имели и потому не узнавали). И.М.Дьяконов приводит его варианты: «араб. *al-*, др.-евр. **ha(n)* или **ha(l)*, араб. **(h)ā*, сабейск. и др. **(h)an*.»¹³⁰.

В европейских языках продолжается древнейшая традиция неопределенного артикля **in* (фр., англ.). В итальянском **-on* суффикс увеличения, антоним суффикса уменьшительного **-in* (ср. *tavolo* – «стол», *tavolone* – «большой стол», *tavolino* – «столик»). В древнеегипетском *o(n)* – «большое».]

¹²⁹ Расстояния от «дом», «семья», «община» до «мир» не столь велики. В русском, например, *мир* – 1) «община», 2) «планета». В итальянском: *paese* – 1) «деревня», 2) «страна».

¹³⁰ И.М.Дьяконов «Языки Древней Передней Азии...», стр.215

Для чего я отвлекаюсь на эту этимологию? Попав в древнесемитскую среду в Передней Азии III тысячелетия до н.э., тюркский иероглиф Дом-Страна *ab* (*ām*) мог оснаститься артиклем увеличения: **'al ab* (*'al ām*) и произвести слова с увеличенными значениями, породив в семитских диалектах, не знавших этого артикля и потому превращавших конструкцию в монолит, слово **'alām* – 1) «страна», 2) «мир». И уже оттуда, со временем, доходят до араб. *'al'am* – «мир». А в средние века приходит это слово с исламом в тюркские языки: *ālem* – «мир» (каз.) и др. Но в шумерском отложилось: *kalam* – «страна». Приведенный материал позволяет предположить предформу: **'al'ām*. Но и форма названия **A** *'al ab* (*'alāv*, *'al ev*) не пропала даром. Она подарила древним семитам слово *'alef* – «вол» (ибо шум. **V** означал «бык»), а финикийцам букву **E** *'alef*. Более правильное положение антизнака сохранилось в др.-греч. **A** *alfa*. (Удивительно, что историки письма не приводят форму буквы с ломаной перекладной. Я не видел ее ни в одной работе грамматологов и палеографов. Хотя в «живых» памятниках древнегреческой и древнеримской письменностей часто приходится с ней встречаться.)

III

...Знак **A** *al'ām* грамматистами, увидевшими в двусловном названии двучленность слова, был переразложен на две части **M**.

Результаты этого анализа будут донесены до греческого алфавита и части приобретут названия: **L** *el*, **M** *em*. Финикийские же буквы **L** *lamed* и **M** *mēm* будут произведены от других предформ.

IV

Итак, кто-то из знакотворцев, проанализировав знак Дом-Страна > «родная страна», «страна», создает предпосылки для образования антизнака – «чужая страна». Шумеры образуют Знак-перевертыш: **M** «чужая страна», но он называется тем же словом *kalam* – «страна», и части толкуются. Результатами этого толкования становятся: *kur* – «гора», *kir* – «земля». (Тюрки этот сложный, раздвоенный иероглиф толкуют и называют по-своему *sub* – «вода», *jer* – «земля», что и послужило для семитов поводом назвать страну, а затем несемитское население Двуречья – *suber*, *subar*, *sumer*. Это диалектные варианты, выдающие их тюркское происхождение: чередование *b/m* и сингармонизм *sub-jer* > *subar*. Но сложное слово могло не превращаться в лексический монолит, в таком случае сохранялась разнорядность: *sub-jer* > *sub-er*, что со временем помогло

перестраивая знак в прежнюю форму, перестроить и термин: *jer-sub* – «страна» (др.-тюр.). Буквально: «земля-вода».

V

Древние семиты (аккадцы), пришедшие с юга Аравийского полуострова, захватив Двуречье, перешли от кочевого образа жизни к оседлому. Они заселили города Урук, Ур и Аккад (*Ак канд – «белый город?»), переняли письменность шумеров, изучили язык покоренных и составили словари-силлабарии, благодаря которым мир и узнал о языке и письменности шумеров. Аккадцы переняли знак страны и перевели его описательное название на семитский: *šadu* – «гора», *madu* – «земля», слоговые значения – *ša* и *ma*, через века превратятся в буквенные *š(s)* и *m*.

В чьей-то письменности знак превратился в цельный иероглиф с названием *š-m* и значением «страна», «родная страна». Этот народ еще предстоит найти. Может быть, это протоиранцы: **s-m*, **z-m* – «земля», «страна»? Ничем, никаким намеком, зарницей, искоркой смысла, пренебрегать нельзя.

...Для египтян этот знак олицетворял чужую землю. Они заимствовали иероглиф и его семитское название, но изменили смысл: *š-(h)m* – «чужая страна». И, создав антизнак, получили иероглиф с противоположным смыслом и соответствующее слово. До нас дошла упрощенная схематическая форма антизнака: *m-š(r)* – «родная страна», «Египет». Предформа иероглифа угадывается: . (Мы видели раньше, что египетские грамматисты пользовались способом создания антизнака переворотом исходного.) А то, что «горы» превращались в «точки» – история письменности это знает. Даже история самого этого знака.

В древнекитайском письме (II тысячелетие до н.э.) – «гора», в среднекитайском квадратизированном: *šan'* – «гора» (консонантная основа *š-n*, возможно, произошла от **š-m*).

В древнееврейском алфавите (III в. до н.э.) *šyn* – «зуб» (консонантная основа, скорее всего, связана с той же **š-m*).

Земля-Вода

Я читал «Историю» Геродота с юности. Через годы возвращался, перечитывал. Откладывал на годы. И снова брал в руки. Много становилось понятным.

В войне со скифами персы, вероятно, усвоили сложный термин «земля-вода», который в тюркских языках означал «родная страна». Он еще представлен в текстах орхоно-снисейских надписей: *jer-sub* – «(родная) страна», букв. «земля-вода».

До современности слово, кажется, дошло только в чувашском: *çĕршивĕ* – «страна» (*çĕр* – «земля», *шивĕ* – «вода») ¹³¹.

«Среди всех известных нам народов только скифы обладают одним, но зато самым важным для человеческой жизни искусством. Оно состоит в том, что ни одному врагу, напавшему на их страну, они не дают спастись; и никто не может их настичь, если только они сами не допустят этого. Ведь у скифов нет ни городов, ни укреплений и свои жилища она возят с собой. Все они конные лучники и промышляют не земледелием, а скотоводством; их жилища в кибитках. Как же такому народу не быть неодолимым и неприступным?

Этой особенности скифов, конечно, благоприятствует их земля и содействуют реки. Страна скифов представляет собой богатую травой и хорошо орошаемую равнину» ¹³².

Далее Геродот описывает тактику скифов. Они, не принимая боя, отступая перед полчищами персического царя Дария, заманили их в глубь страны. Так как война затягивалась и войско терпело нужду в продовольствии, да и зима близилась, «Дарий послал гонца к царю скифов с приказанием передать следующее: «Зачем ты все время убегаешь, хотя тебе предоставлен выбор? Если ты считаешь, что в состоянии противиться моей силе, то остановись, прекрати свое скитание и сразись со мною. Если же признаешь себя слишком слабым, тогда тебе следует также остановить бегство и, неся в дар твоему владыке Землю и Воду, вступить с ним в переговоры»

Видно, что передача кувшина воды и мешочка земли означала на дипломатическом языке того времени, что отдается во владение победителю Страна. На это послание вождь скифов-сколотов ответил так: «Мое положение таково, царь! Я и прежде никогда не бежал от страха перед кем-либо, и теперь убегаю не от тебя. И сейчас я поступаю так же, как обычно в мирное время. А почему я тот час же не вступил в сражение с тобой – это я также объясню. У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и, поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете, во что бы то ни стало, сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет. Но до тех

¹³¹ В.Г.Егоров «Русско-чувашский словарь», Чебоксары, 1960.

¹³² Геродот «История», книга четвертая, 46, 47.

пор, пока нам не заблагорассудится, мы не вступим в бой с вами. Это (я сказал) о сражении... Тебе же вместо даров – Земли и Воды – я пошлю другие дары, которые ты заслуживаешь. А за то, что назвал себя моим владыкой, ты мне еще дорого заплатишь».

Скифские цари отправили Дарию глашатая с дарами – они послали птицу, мышшь, лягушку и пять стрел. Чтобы расшифровать значение этой посылки, Дарий собрал совет. «Дарий полагал, что скифы отдают себя в его власть и приносят ему в знак покорности Землю и Воду, так как мышшь-де живет в земле, лягушка обитает в воде, птица же больше похожа (по быстроте) на коня, а стрелы означают, что скифы отказываются от сопротивления. Такое мнение высказал Дарий. Против этого выступил Гобрий... Он объяснил смысл даров так: «Если вы, персы, как птицы не улетите в небо, или как мышши не зароетесь в землю, или как лягушки не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами.» «Так персы стремились разгадать значение даров.» - пишет Геродот (IV, 131, 132).

Персы повернули назад и с большим трудом им удалось вырваться из Скифии. Дарию не удалось завоевать Землю и Воду (страну) скифов-сколотов.

...Из Древней Передней Азии скифы принесли в Причерноморские степи войлочную юрту, напоминающую профиль шумерского дома – ступенчатой пирамиды. И знак страны, который в письменности шумеров выглядел kur-kir – «гора-земля» и которую, возможно, прототюрки называли по-своему «вода-земля» (sub-fer), позже произошла конверсия, а может и знак перестроился jer-sub («земля-вода»).

По образу этого знака тюркские ханы (главы страны) делали короны, а позже головные уборы из белого войлока: Знак Страны надевался на голову Главы.

Их древнюю страну в междуречье Тигра и Евфрата занял пришедший неизвестно откуда народ (liu-liu). Население, им предшествовавшее, было частично уничтожено, частично вытеснено и, как всегда бывало, частично ассимилировано. Пришедшие liuliu (люлю), они называли себя еще sag-gig («черноголовые») усвоили культуру покоренных, их нероглифическую письменность и перевели на свой язык названия их гербового знака, выразив в переводе свое понимание деталей графемы: Sub-fer («Вода-Земля») > kur-kir («Гора-Земля»).

Через века культура liuliu (sag-gig) значительно окрепла, и та часть прототюрков, которая оставалась в Двуречье, уже пользовалась ее зрелыми достижениями.

В третьем тысячелетии до н.э. Двуречье (Месопотамию) завоевывают кочевые семиты, пришедшие с юга аравийского

полуострова. И повторяется как обычно: часть жителей истребляется, часть выпесняется, часть покоряется и постепенно ассимилируется. Именно эти, последние, и передают завоевателям свою культуру, письменность и знание своего языка.

Древние семиты (аккадцы) называют завоеванную страну не *Kalam*, не *Kur-kir*, как называли шумеры (Саггиг), а *Suber* или диалектно *Sumer*. А знак саггигов *kur-kir* («гора-земля») или *kir-kur* («земля-гора»)

они упрощают до и переводят на семитский ее названия – *ša(du)* – «гора», *ma(du)* – «земля».

Но одновременно продолжается традиция названия этого знака *Sumer*. Он обожествляется после легенды о потопе, в которой спасительную для человечества роль играет Двуглавая гора. В библейской традиции это 'r-'r(t) (**kur-kur* + суффикс ж. рода *at*), но утверждается огласовка *Ar-ar-at*.

Тюрки избегают тавтологии и называют священную гору **kos-kur-t* = «пара-*kur-t*»). (В южном Казахстане есть двуглавая, правда, невысокая по мировым понятиям возвышенность под именем Каскурт, на вершине которой по легенде приземлился святой Нух. Так казахи называют Ноя.) Микропозитическое толкование знака *r-r* также осталось в тюркских языках *harhar* > «архар». (без семитского окончания ж.р.). Увидели крутые рога горного козла. И здесь сохранилась диалектная форма ухода от тавтологии: *koškar* – «круторогий баран» (узб., каз.). Букв.: «пара-*kar*», т.е. «пара (знаков) *kar*». Знак напоминал и зубы хищника. Не отсюда ли казахское *as* *yr* – «волю» (**kos-kyr* = «пара (знаков) горы»).

...И удивительно поступили с названием иероглифа *Sumer* в древнеиндийском. Начало совпало с предлогом *su* – «прекрасный», «хороший» и произошло переразложение: **su Mer*, «*Meru* назв. миф. золотой горы, по форме напоминающей цветок лотоса.»¹³³. А как изображали индусы цветок лотоса, хорошо известно – трилистник .

В монгольском языке начало названия *Sumer* совпало со словом *sum* – «молоко», и появилась легенда о священной двуглавой горе по имени Молочная¹³⁴. (Культурологам и литературоведам нужно знать о таких механизмах происхождения мифических сюжетов.)

...Начало сюжету о мировом потопе, весьма возможно, положило толкование знака *sub-jer* (*sum-jer*) – «Вода-Земля». Жрец-

¹³³ «Санскритско-русский словарь», М., 1978, стр.521.

¹³⁴ Очень часто упоминается в книге Г.Потанина «Восточные мотивы в западно-европейском эпосе», СПб, 1899 г.

толкователь увидел Воду над Землей (Горой). Это поэтическое решение произошло в Древней Передней Азии. И послужило началом мифического сюжета, изложенного в шумерской легенде и повторенного в Библии. А завершение сюжетной линии было подсказано перестроенным иероглифом с соответствующе переконструированным названием *jer-sub* – «Земля-Вода». Земля над волнами. Конец потопа. Но последний мазок (знак домысливают) двуглавая гора и птица, опускающаяся на нее. Так, вероятно, появился мотив голубя над Араратом. Вариант превращает голубя в ковчег. А все остальное было делом техники. Поэтической.

По маршрутам распространения иероглифа мы видим, что народы сообщались, происходило активное культурное взаимодействие. По меньшей мере, во II тысячелетии до н.э., которым датируется древнекитайская письменность, происходил письменный взаимообмен от Египта до Китая и обратно. И тюрки принимали в этом деятельное участие.

Народы, которые прославились под собирательными названиями *suber* (*sumer*), *схиθ-*, *схолот-*, *tūrik* и другими, которых было накоплено достаточно и до рождения Христа, и после. Они строили города и разрушали государства, пахали землю и вытаптывали посевы, создавали религии, чтобы прослыть вечными язычниками. И писали – вырезали, выцарапывали, выдавливали в глине и в воске совершенные знаки, вышивали иероглифы, создавали тканые узоры, которые читались. Стремясь донести до нас правду о себе, о своих взлетах и падениях. Из этой горячей, сбивчивой речи тысячелетней до нас дошли клочки, обрывки знако-звуков, которые с трудом складываются в значимые сочетания.

...Тех, кого мы называем шумерами, звали себя *sag gig* – «черноголовые», *liu-liu* значило на их языке «народ». Это было их второе самоназвание. Они были грозной силой в Древней Передней Азии до прихода семитов. Их завоевательные походы доходили до Закавказья. Они беспокоили народы, населявшие Иранское плоскогорье. В языке Урарту слово *liuliu* стало выражать только один смысл – «враг».

В древнеиранском *liuliu* – «чужой народ», «иноземец». (В сегодняшнем Иране, Афганистане и Таджикистане цыган называют – люлю.)

Псевдошумерам надо постепенно возвратить их этнические имена и определить, кого следует называть именем страны *Suber* (*Sumer*). Там этот народ жил до прихода «черноголовых люлю», создал первые иероглифы и цифры, которыми воспользовались пришельцы. А потом и весь Мир.

Еще раз о футарке

В «Языке письма» рассматривался древнескандинавский рунический алфавит, в котором я встретил знак дома ☒, исполнявший роль идеограммы – «родная страна», «родина».

Алфавит этот в науке называется по первым шести буквам – футарк.

Краткая справка из БЭС «Языкознание» (1998).

«Руническое письмо-алфавит, применявшийся у германцев со II–III вв. до позднего средневековья. Вышло из употребления с распространением латинского письма. Знаки рунического письма, руны, вырезались преимущественно на металле, камне и дереве, отсюда их своеобразные заостренные начертания. Древнейшей считается надпись на наконечнике копья из Эвре-Стабю (Норвегия, около 200 г.). Состав алфавита и начертания рун с течением времени менялись. Различают старшие или общегерманские руны (до IX в. – 24 руны) и развившиеся из них младшие или скандинавские руны. Известно около 150 старшерунических надписей (преимущественно в Шлезвиге, Ютландии и на Скандинавском п-ве, но также в др. районах Европы, и свыше 3500 младшерунических надписей... Старшие и младшие руны различаются как по функциям, так и по языку. Старшие руны встречаются на оружии, украшениях, а с V в. также на камнях. Их язык, отличающийся большим единообразием и архаичностью, не может быть отождествлен ни с одним конкретным др.-герм. языком. Высказывалось мнение, что он является особым типом общегерм. койне (Э.А.Макаев), Старшие руны, видимо, применялись в основном в магических целях.»

Рунология была не самой популярной областью языкознания и грамматики в СССР. Вышло, кажется, всего две работы на русском языке, где обобщенно были показаны успехи, достигнутые в рунологии почти за три века изучения. Книга Э.А.Макаева «Язык древнейших рунических надписей» (М., 1965 г.), посвященная старшим рунам, и Е.А.Сельниковой «Скандинавские рунические надписи» (М., 1977 г.), где рассмотрены и младшие.

По признанию самих рунологов, ни одна из старшерунических надписей не была удовлетворительно прочитана и интерпретирована. Большинство из них представляет собой набор сплошных «имен», написанных без каких-либо промежутков. Слово «имена» я забрал в кавычки, потому что пока не доказано, что эти буквосочетания можно безоговорочно считать антропонимами: соответствий им в германских языках и исторических документах нет.

Хотя прядок букв футарка отличался от привычного строя, знакомого по финикийскому (-греческому-этрусскому-латинскому) по количеству знаков (24), совпадающее с числом букв классических алфавитов (греческого и латинского), и повторяемость (известно несколько таких надписей) позволили считать этот буквенный строй алфавитом.

Вот эта надпись-алфавит.

 f u t h a r k g w h n i j e p r s t b e m l n g d o

Описание любой письменности следует начинать с определения графической формулы. Руны не признавали горизонтальных и округлых линий – только вертикали и диагонали. Это действительно могло быть связано с характером материалов для письма (древесина, металл, камень).

«Вопрос о непосредственных источниках рунич. письм. остается спорным. Несомненно, однако, его связь с южноевропейской письменностью Средиземноморья (греч., лат. или итальянской)» («Языкознание», БЭС). Под итальянской подразумевалась этруская.

Определенные сходства некоторых рунических знаков с латинскими и этрусскими действительно обнаруживаются.

...Подробный рассказ о моих занятиях рунами, об увлекательных отношениях с текстами, приведенными в книге Э.А.Макаева, которую я читал на протяжении ряда лет, не входит в задачу данной статьи. Перескажу вкратце, к чему пришел.

Мне, кажется, удалось определить морфологию алфавита – его внутреннюю структуру. Футарк, по-моему, оказался набором из 20 букв и 4 идеограмм. Каждая из них следовала за группой из пяти букв, как бы иллюстрируя смысл возникающего слова. Идеограммы, таким образом, служили своего рода детерминативами (от лат. *determino* – «определять»).

[Детерминативы употреблялись в иероглифических письменностях как семантические индикаторы для однозначного прочтения и понимания слова, возле которого проставлялись. Детерминативы не читались, не имели фонетического соответствия в слове, которому «служили», и противопоставлялись фонетическому знаку (букве, слоговой графеме). Детерминатив может быть в препозиции к фонетическим знакам (как в клинописи), в постпозиции к ним (в египетском письме), а также может входить в состав единого иероглифа (в китайском). Термин детерминатив предложен Ж.Ф.Шампольоном, дешифровавшим египетское письмо.]

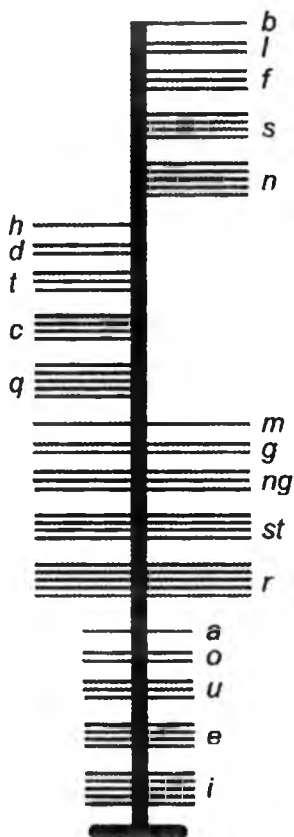
После того, как мы видели действующие иероглифы в тюркском алфавите (идеограммы со словесно-буквенным содержанием), идеограммы-детерминативы в скандинавских рунах уже не должны удивлять. Они могут служить доказательством подлинной древности этой уникальной разновидности буквенного письма.

...Традиция такой надписи (четыре слова и каждое из пяти букв) могла возникнуть в эпоху пятерично-двадцатиричного исчисления, когда первым предельным числом считалось – «пять», а последним предельным – «двадцать» (четыре конечности по пяти пальцев). В некоторых западных языках до сих пор 80 это «четырежды двадцать».

Из североευропейских письменностей до нас удалось дойти памятникам только рассматриваемой скандинавской и ирландского огамического письма (по имени мифического героя *Ogm*, которому приписывают изобретение этого алфавита. Дату возникновения относят к V-VI в.в. н.э. Первоначально это письмо включало 20 знаков. Каждый знак состоял из одной или нескольких (до пяти) параллельных друг другу черточек, выступавших влево или вправо от центральной оси или пересекавших ее. В зависимости от размера строки знаки подразделялись на 4 группы по 5 знаков в каждой. Надписи обычно исполняли по вертикали сверху вниз. Применялось также горизонтальное направление строки, обычно справа налево. *«Очень возможно, что знаки огамического письма первоначально были цифровыми, - пишет В.А.Истрин, - счетными знаками и вели свое происхождение от счета на пальцах рук и ног; этим объясняется подразделение алфавита на четыре группы по пяти знаков в каждой.»*¹³⁵ (подчеркнуто мной – О.С.).

¹³⁵ В.А.Истрин «Возникновение и развитие письма», М., 1965, стр.383.

Вот этот необычный алфавит.

Я привожу его только для того, чтобы подтвердить предположение – принцип морфологии скандинавского алфавита (четыре группы по пяти знаков) был свойственен и другим североевропейским алфавитам. А может быть и не только североевропейским. Количество букв от 20 до 24 – типично для финикийского, греческого, этрусского и латинского алфавитов. Может быть грамматологам стоит обратить внимание на эту общую характеристику, которая может быть мотивирована предположением о том, что впервые алфавиты были не просто буквенным набором со случайным порядком знаков, но текстами, содержащими какую-то важную для современников информацию. И скандинавский алфавит

может оказаться одним из таких Первых и потому значение его для всеобщей истории письма возрастает.

...Я выделил четыре идеограммы, и текст разбивается на группы по пяти букв.

a b c d e f g h i j k l m n o p q
r s t u v w x

Сначала рассмотрел «идеограммы». Они находились между собой в какой-то туманной, однако, осязаемой связи. Предположил, что каждая графема выражала и числовое, и образное значения.

..... ↗ ● □ ☒

Объем знаков увеличивался по нарастающей: угол, два угла, три угла (два угла и черта, т.е. «и один»), четыре угла: .

Числовое значение первого Угла определяли первые пять букв (угол = 5), значит следующая идеограмма (два угла = 10), (три угла = 15) и высшая цифра (четыре угла = 20). Цифры эти, вероятно, узнавались читающими и не путались с буквами. Сегодняшний читатель даже в сплошном тексте опознал бы арабские цифры. В первоиероглифике знак Угол («рога», «бык», «месяц») имел числовое значение «пять». Вероятно, это значение и подтверждалось скандинавской идеограммой: Угол = «Муж» = «Пять», тогда Два Угла – «Женщина» = «Десять»...

Я уже знал содержание слов, сопровождавшихся этими цифро-знаками.

futhar < *gwhni* ...

Если бы вторым словом было *muthar* – я бы не сомневался в смысле первого, напоминающего *father* – «отец» (англ.), *fater* (нем.). Однако, авторы, кажется, имели ввиду близкие, но иные смыслы: мужчина – 5, женщина – 10...

Я не германист, однако, древнеирландский словарь помог приблизиться к пониманию значений этих буквосочетаний. Если бы они были легко узнаваемы, рунологи-германисты давно расшифровали бы эту надпись-алфавит.

Слово *futar* находилось в каких-то отношениях с др.-исл. *mudhar*, *modhar* – «мужчина, человек». В современном исландском: *madhur*. [Чередование *b, p/m*, сохранившееся в тюркских, было присуще диалектам общечеловеческого языка, и потому следы такого соответствия встречаются во всех семьях языков мира. Мы приводили ит. *mucca* – «корова» и кельтское *bucca* – то же. Вполне возможно, что некогда общим прародителем считалось тотемное животное (Бык – в

эпоху лунопоклонничества, Корова – в солнцепоклонничестве), которое и называли одни диалекты **Bu-ter* (*puter, futer*), другие **Muter* – «прародитель», «предок». Затем диалектные формы были разведены по Прародителям. М-форма досталась родительнице, б(п)-форма – родителю. Но в исландском сохранилась м-форма в названии и мужчины (*madher*), и матери (*modhir*).]

Итак, для начала допускаем, что *futhar* – «мужчина», его символ – Угол, а числовое значение – «пять».

II

Второе слово *gwhni* явно имело смысл противоположный предыдущему и графический символ – сдвоенный угол – был похож на антизнак. Все говорило о значении – «женщина». Даже вспомнился кит. иероглиф – «женщина», похожий на скрещенные углы. Противопоставленность углов и в скандинавской графеме была очевидна. Но консонантизм этой «лексемы» был непонятен. В конечном счете, я заподозрил букву **Н** – *h*: правильно ли она была интерпретирована? Рунологи производили ее от латинско-этрусской **Н** – *h*.

Но был и другой европейский материал для сравнения – древнегреческая буква **Н** *ē*.

Я проделал этот опыт и у меня получилось **gwēni*.

Не стал отвлекаться от исландского словаря: *kvensa* – «женщина», в сложных образованиях основа выступает без родового окончания: *kven-kyn* – «женский род», *kven-folk* – «женская организация» и т.д.

Без родового окончания слово это могло выступать и в исторически-торжественном значении: *queen* – «королева» (англ.). Произносится – *kwīn*.

Это было уже значительным продвижением. И можно было бы бить в литавры. Восстанавливался консонантизм слова и вокализм.

Если мы на правильном пути, то первые слова в надписи, предшествующие двум первым идеограммам должны были выражать такие смыслы: *futhar* – «мужчина», *gwēni* – «женщина».

Я писал: «Может быть, в доступных германистам диалектах шведских, норвежских, датских, немецких или в старых памятниках сохранились материалы со следами пережиточного индоевропейского показателя женского рода -i.»¹³⁶ В древнеиндийском: -a – окончание муж. рода, -i – женского. Например, *putra* – «сын», *putri* – «дочь».

¹³⁶ «Язык письма», Рим, 1998, стр.442.

III

Но потом, понял, что в руническом письме древнегреческая **Н** ē, если и была представлена, то в другом месте надписи и в другом виде, а здесь оказалась буква, выражавшая долгий **ī**, как в исторической кириллице и в византийско-греческом:

ī	<i>ī</i>
Н	<i>ii</i>

Остановился на прочтении: *futhar... gwiini...* - «мужчина... женщина...».

Окончательный ответ, подтверждающий или опровергающий нашу версию можно получить, применив предлагаемое значение знака **Н** в древнейших памятниках руники. В средневековых этой буквы уже нет.

...В надписи начинали проглядывать черты интересного, уникального текста. Кажется, описывалась шкала социальных ценностей. И каждая ступень оценивалась числом от первого предельного числа (пяти) до высшего предела (двадцати). Согласно содержанию первых двух групп знаков получалось, что общественное значение женщины ценилось выше, чем мужчины.

[Человек заметил – природа бережет самок более, чем самцов: ей высиживать, вынашивать и вскармливать потомство. Самка неприметна. Самец выделяется окрасом и другими бросающимися признаками, чтобы, в первую очередь, привлекать внимание хищников. Если бы человечество когда-то не поняло и не выполнило это одно из главных положений закона сохранения вида («береги женщину!»), оно бы давно сошло со сцены, как множество других «неразумных» видов, посчитавших, что «выживают сильнейшие». «Выживают разумные!» Мужчина не только основной работник, но и воин, поэтому – наиболее затратная единица общества. Осознавая это, древние германцы сформулировали социальный порядок, не противоречащий объективному закону эволюции.]

IV

Следующая группа *epRst* **В**. Здесь речь могла идти о родоначальнике, вожде племени. Естественным мягким *e* во многих письменностях и языках часто передавали искусственные мягкие *δ*, *ι*. (Можно привести примеры из разных языков.) В скандинавском письме очевидно не было последовательно выдержанной оппозиции букв по качеству звука (*o* – *δ*, *u* – *ι* и т.д.), как в тюркском, иначе это сразу сказалось бы на количестве знаков. Но отдельные пары по принципам

«твердость-мягкость согласного», «краткость-долгота гласного» могли быть. (Ср. в кириллице Ш – Ш, Ъ – Ъ, І – І). В скандинавском устанавливается «количественная» пара (І – І) и, полагаю, была и «качественная» 𐌺 (r) – 𐌻 (r').

В тюркском руническом есть две буквы, с которыми можно сравнить две скандинавские из этой группы:

Древнетюркские		Древнескандинавские	
Знак	Значение	Знак	Значение
𐰇	a/ä, e	𐰇	é
𐰈	är', er'	𐰈	r²

Группа *épRst* r позволяет предположить слоговое чтение «второго эр» - *er', и тогда огласовка пополняется: é-p-er'-st. Полученное слово возможно сопоставить с древнегерманскими терминами, родственными немецкому *oberst* – 1) «высший, верховный», 2) «старейшина».

И тогда идеограмма вполне согласуется с древнетюркским иероглифом r *ök* – «мать», «родоначальница». Вполне допускаю, что в прагерманском обществе были времена матриархата и главой племени или народа могла стать старейшая женщина. Тогда становится еще более понятна шкала социальных ценностей – мужчина, женщина, старейшина...

[В свое время, восстанавливая происхождение знаков коровы и барана, я заметил, что знакотворцы пытались их сделать различными, манипулируя знаком копыя-стрелы. В др.-кит. 𐰇 «корова», 𐰈 «баран». В финикийский попали несколько вариантов индоевропейских знаков коровы: 𐤎 *kof*, 𐤏 *wau, waw* и др.

В тюркском оказалось два диалектных варианта знака (и названия) барана: 𐰈 *äl(el)*, он же *älik(elik)* и 𐰉 *är(er)*. В языке отложилось одно из названий *elik* – «круторогий горный баран».

Если бы «копые-стрела» оказалась в знаке повыше 𐰈, то название *el, elik* могло получить иные значения: 1) «безрогое животное» (т.е. корова), 2) «многорогое животное» (т.е. олень, лось). В протогерманскую культуру под таким названием попал, вероятно, знак «многорогий», Поэтому и появилось: *elch* – «лось» (нем.). Русская транскрипция: эльх'. (Мы уже приводили германские названия некоторых животных, имеющих «тюркские» корни. Например: *schlänge* – 1) «змея», 2) «шланг» от тюрк.-кипч. **žlaŋ* – «змея».)

Скандинавский знак 𐰈 - R, скорее всего, некогда и назывался **elik, el'k*. Впоследствии плавный звук наименования развился (**erik*), и

другие поколения толкователей увидели новое значение – «растение». Ср. *erika* – «вереск» (нем.).]

Продолжим: мужчина – 5 ($\text{х}^{\text{л}}$)

женщина – 10 (●)

старейшина – 15 (r)

Значения развиваются по нарастающей. Кто же может быть выше, ценнее родоначальницы, старейшины, вождя? Бог? Но слишком короткое слово: *got*. Пятью знаками можно было выразить имя верховного бога древних германцев Вотан (Водан).

Имеются свидетельства почитания Вотана германскими племенами – франками, саксами, сиглами, вандалами, готами. У скандинавских германцев это имя выступало в виде *Odin*. Но четвертая группа букв в надписи не напоминает ни Вótана, ни Óдина. Однако посмотрим, на что намекают пять последних букв, и попытаемся узнать, что для древних германцев было превыше всего. Даже выше бога.

... *emLngd* х.

Последний знак надписи похож на тюркский иероглиф х *ab(eb)* – «дом». И мы уже видели, как значение его расширялось в древнейших образных письменностях до понятий «родина», «страна», «мир». Этот знак Дома – Страны > «Родной страны» мог дойти до древних германских письменностей.

Звукосочетание вызывает только одну ассоциацию: *heimland* – «родина» (нем.). От *heim* – «дом» (нем., исл. и др.).

[Когда будет писаться Полная этимология германского слова *heim* – «дом», в лексическом гнезде родственных слов окажутся *helm* – 1) «холм», 2) «шлем, каска» (герм.), *'alem* – «мир» (араб.) и *kalām* – «страна» (шум.). Все слова, восходящие к переднеазиатскому названию знака **А** **А** **Х** – *'al-ām* (*al-āb*) – «дом».

В середине I тысячелетия до н.э., когда в Европе начинает утверждаться латинский алфавит, во многих письменных словах путаются буква **Л** (эл) и курсивная **l** (i). Искажается консонантизм многих слов. Особенно это заметно в итальянском слове: *bianco* – «белое» (**blank*), *piano* – «план» (**plan*), *piu* – «плюс» (**plus*) и т.д. В этом ряду уместаются многие слова из других европейских языков, в том числе, как я полагаю, и *heim* (**helm*). Поэтому вполне возможно, что в протогерманском письме среди других иероглифов был знак Дома-Страны: **Х** **helm*, который в рассматриваемой надписи использовался как детерминатив со значением «родная страна».]

Если мы на правильном пути, то корректируется значение первого знака в этой группе: **М** е. Он схож с древнетюркским **М** – *h*, восходящим к арамейской **Н** *hēt*. Обе рунические письменности

(скандинавская и тюркская) проявляют нетерпимость к горизонтальной линии. Они превращают ее или в диагональ, или в ломаную.

Вспомним, что в древнегерманском (готском) языке имело место любопытное фонетическое чередование – долгим гласным *ā, ō, ē* соответствовали дифтонги с иотой: *ai, oi, ei*. (Явление, отмечаемое и в древнейшем языке Передней Азии – хурритском, и в современных тюрко-кипчакских языках. Претендует стать классическим примером: др.-лат. *oinus* – «один», откуда ирл. *oin* – «один» и лат. *ūnus* – «один».)

Возможно, рассматриваемый знак **М**, которому рунологи определили значение *e*, на самом деле был лигатурой, выражавшей не отдельный звук, а слог, комплекс звуков: **hē* или **hei* (= *het*). Тогда последнюю группу буквенных знаков можно прочесть: *hē-m-l-η-d* или *hei-m-l-η-d*. И теперь, очевидно, восстанавливается полное название буквы, которой было раньше определено значение *ng(η)*. Реконструируется **ang(*an)*. Тогда общее звучание последнего слова почти неизменным дошло до современности: **heimland*.

V

Выстраивается порядок:

<i>futhar</i> f	<i>gwiini</i> l	<i>ēperst</i> r	<i>heimland</i> x
мужчина – 5	женщина – 10	старейшина – 15	родина – 20

Высшая общественная ценность – родная страна. Она превыше каждого отдельного соплеменника и вождя. Самая краткая и выразительная конституция из всех мне известных. Основной закон какого-то древнегерманского социума. Важность этого текста объясняет распространение его копий без изменения, что и заставило рунологов принять эту надпись за алфавит.

Ряд признаков позволяет мне датировать ее этрусским временем (VII в до н.э.), о чем я писал в «Языке письма» (стр.440).

Повторю некоторые положения, приведенные выше.

Пока нам приходится констатировать произвольность последовательности букв в алфавитах, начиная с финикийского: а–б–в–г–д... Но шаг за шагом мы подойдем к пониманию, что алфавиты с закрепленным порядком букв произошли от каких-то древнейших надписей канонического содержания. Целенаправленный поиск текстовых алфавитов может привести к результатам самым невероятным, с точки зрения «историко-культурных соображений». Например, к текстовым алфавитам я отношу не только древнескандинавский, но и этрусский «Алфавит Марселиань», названный так по имени местности обнаружения. Надпись вырезана по

канту квадратного «блюда» из слоновой кости. Алфавитом была признана из-за порядка и похожести букв на греческие и финикийские. Я считаю, что эту надпись надо читать, учитывая опыт, полученный при дешифровке скандинавской. Прежде всего, попытавшись выделить буквы-иероглифы, лигатуры и идеограммы.

Тюрки имели государственность и до каганатов VI-VIII веков. Об этом сохранились свидетельства в др.греческом языке и в латыни. В древнегреческом: *basilios* – «царь». Это слово по происхождению не греческое, не римское, не индоевропейское. И не семитское, если оглянуться на соседей по Средиземноморью. Похоже на прототюркское образование **baš-il-i* = «глава страны». (Шипящих ни в греческом, ни в латинском не было, в заимствованных словах они передавались свистящими.) К орхонскому времени структура титула внутренне перестроилась *il-baš-i* – «страны глава». (Падежное окончание всегда выносится в конец даже сложного слова.) Слово сохраняется и до настоящего времени. Если до обретения независимости в республиках СССР главами страны были первые секретаря ЦК компартий, то в начале 90-х потребовались новые титулы. В Казахстане слово «президент» на казахском дублируется термином *el-basy* – букв. «страны глава». В Татарии президента величают – *ilbaşı*, в сегодняшней Турции – *ilbaşı* – «губернатор»¹³⁷. В турецком армейском лексиконе схема титула основательно проработана: *onbaşı* – «ефрейтор» («десятки глава»), *juzbaşı* – «лейтенант» («сотни глава»), *binbaşı* – «майор» («тысячи глава») и т.д.

Прототюркское **baš-il-i* – «глава страны», вероятно, было одним из описательных наименований знака государя ☉ (далее встретимся и с другими описательными названиями). В греческой культуре знак солнца (государя), наверное, толковался и перетолковывался не раз. Одна из микропозитических интерпретаций священного знака – «очковая змея», «кобра». Контоминация значений – «огненная змея, огнедышащий дракон». Не случайно знак солнца, материализованный в летательный аппарат, назывался – «воздушный змей». Возможно, результатом подобного понимания и стало греч. сказочное имя *Basiliskos* – «дракон», «змей» (лат. *Basiliscus*, нем. *Basilisk*). Русское – *василиск* – «сказочный зверь». (В средние века др.греч. *Β* – «бета» стала называться «вита». Поэтому – *Василий*, *Василиса*, наряду с зап. *Базиль*, араб. *Фазиль* и наши – *Фазыл*, *Пазыл*.)

(... Структура греческого термина – историческое свидетельство того, что тюркские сложные слова знали и подобное построение. Это обстоятельство надо учитывать при сопоставлении современных, да и древних терминов-фразеологизмов с «доисторическими».)

¹³⁷ Türkçe – Rusça sözlük, İstanbul, 1989, стр.422.

Другой «монархический» титул в греческом *prinkipas* – «князь» - попытка передачи латинского *princeps* – 1) «глава», «руководитель», «вожак»; 2) «повелитель, властелин», «государь», «император»; 3) с определением *juventutis* – «принц», «наследник престола».

Омоним *princeps (principis)* – 1) «первый»: 2) «главный, лучший, виднейший, знатный». Я подчеркнул значение, которое считаю по достоинству приближенным к первому звену в цепи семантического развития. И латинисты на него обратили внимание, потому предложили этимологию **primus+capio* – «первоберущий»¹³⁸.

В «Языке письма» высказано предположение, что идею порядкового числительного индоевропейцы заимствовали у тюрков вместе с числительным «первый», которое тюрками использовалось в составе титулов. Само по себе открытие тождества Первый = Высший, Главный, Единственный качественно подвигало культуру Древнего Мира: государственно – к монархиям, духовно – к единобожию. В то время, как количественное числительное «один», изображавшееся точкой или чертой, выражало самое малое число и мельчайшую материальную величину, порядковое же придавало точке и черте величие. Этому сильно способствовал знак увеличения – кружок, в котором оказалась единица.

Возможно, революционная замена точки-единицы (⊙) на черту-единицу (⦿) в знаке Солнца и вызвала дискуссию в обществе жрецов-толкователей знака, в результате которой и появилось первое порядковое числительное. (Поначалу и в течение длительного времени использовалось только оно, первое. Потом, по аналогии с ним, стали создавать следующие.) Одно значение насаждалось на более раннее и в результате контоминации появлялись синкретические образы: «луч, исходящий из светила – сын Солнца (Луны)» + «первый», «единственный» = Первый – это сын Солнца (Луны), т.е. Бог небесный или бог земной. Черта ассоциировалась с Высшей личностью или Ликом. Круг – с небом или светилом. С тех пор – традиция изображать богов и их земных представителей с нимбом вокруг головы. В египетском письме имена фараонов вписывались в круг, который в зависимости от величины записи растягивался в овал¹³⁹.

¹³⁸ И.Х. Дворецкий. Лат.-рус. словарь, М., 1976, стр.810.

¹³⁹ Когда Шампольон догадался, что обнесенные картушем (овалом) группы знаков содержат имена фараонов, осталось сравнить известные из греко-римской литературы имена – Рамзес и др., с этими группами. Так были определены звуковые значения первых иероглифов.

Праиндоевропейский Союз племен (вероятно, обитавший в то время в Передней Азии и в Средиземноморье), испытывал влияние тюркских этносов, осваивавших цифру начального порядкового числительного в качестве символа Первого, находящегося в центре общества. («Круг общества».) Это была графическая формула и государя, и государства. Воплощение графемы в материале помогло произвести первые символы единоличной власти. Это – булава, позже низведенная микропозтами до портняжьей булавки. (Булаву держат тюркские правители. Этот атрибут – в руках казачьих атаманов. Ассирийские цари держат в руке *круг* (с волейбольный мяч) и *палочку*, похожую на жезл дирижера.

Было много жреческих толкований знака Первого, в том числе «выбритая голова и оселедец или коса» – традиция, переданная средневековыми казаками запорожцам вместе с именем «казак» и знаком атамана *kökil* – «хохол».

О том, что праиндоевропейские Диалекты перенимали от разных прототюркских этносов знак государя и государства, свидетельствуют разные формы суффиксов порядкового числительного при общности консонантизма основы в индоевропейских языках. (А о том, что во всех индоевропейских первое порядковое числительное заимствовано, говорит откровенная несовместимость основы порядкового с количественным. Этот суплетивизм характерен для всех индоевропейских: *ūnus – primus* (лат.), *one – first* (англ.), *odin, edin – pervi* (слав.) и т.д.

В тюркских – полная согласованность количественного с основой порядкового: *per* – «один», *permeš* – «первый» (чув.), *pir* – «один», *pirinči* – «первый» (алт.), *bir* – *birinči* (тур.), *bir* – *birinši* (каз.), *ber* – *berenče* (тат.) и т.д.

Только в чувашском сохранился суффикс *-meš*, который участвует во всех порядковых. Схема развития представляется такой: *permeš* (протобулг.) – *pirmas* (лит., лтш.) – *primus* (лат.). Между балтскими и латинским было промежуточное звено: в том наречии проявлял себя фонетический закон «метатеза плавных»: в самом латинском он не действовал.

Видны следы переразложения в балтских; оно продолжилось и в латинском: *permeš* > *pirm-es...* Опустили «показатель м.р.» и исправили на *-as, -us*. При этом выделилась ложная основа *prim-*; она стала выступать и с оконч. ж.р. – *prima* – «первая».

...Но в качестве титула пришло в латинский порядковое числительное из другого тюркского диалекта. Прототипом латинского титула могло стать сложное слово **pirinči-pij* – «первый господин». Ср. *pirinči-pij* – то же (алт.), *birinši-bij* – то же (каз.). Но как термин эта

возможная комбинация лексем в тюркских языках не сохранилась. Казахское *bij* - «властитель» (отсюда *bijlik* - «власть», *bijle* - «властвуй») соответствует тур. титульному *beg, bej*, алт. *pī; pij, pig, peg*, тат. *bik*, уйг. *bāk, bek*.

В «Этимологическом словаре» Севортяна приводятся основные значения этого древнейшего (судя по общетюркскому распространению) слова - 1) вождь; 2) князь; 3) государь; 4) хан; 5) господин; 6) начальник, руководитель; 7) вельможа; 8) титул (знатного лица), дворянин, аристократ; 9) муж. («Основы на букву «Б». М., 1978, стр.99.) Этимология этого слова пока неясна, но если удастся доказать его участие в римском титуле, то можно относительно датировать и возраст.

Тюркское *pij* - «господин (властитель)», возможно, участвует и в имени священной горы Олимп, на вершину которой возносились после смерти духи предков, превращавшиеся в богов. В эпоху, когда основой верований становится культ предков, естественно было и почитание Горы Смерти - обиталища бессмертных Духов. После кончины вождя (*pij*) устраивались в первобытно-демократические выборы нового, которые проводились в виде спортивных состязаний (лишь самый сильный и ловкий мог стать вожаком племени). И эти игры, посвященные проходам вождя и выборам нового, в прототюркском обществе, допускаю, входили в состав ритуальных действий, вызванных событием, которое называлось *Ölim-pij* = «Смерть Господин(а)».

Победителем становился тот, кто выше всех к солнцу метнул знаки солнца, бывшие гербами племен, составляющих народ: ☉ - «диск», ☿ - «молот». Кто попал копьем или стрелой в центр круглой мишени или кольцо, подвешенное на столбе, того объявляли Первым. И награждали знаком власти - булавой (тюрки), римляне - венок на голову. Эта награда называлась *pirunči > princi > price* - «приз», а победителя величали титулом *princi-pij* - «принцепс». В тех обществах, где закрепилась протобулгарская **permeš*, знак власти называли *premia*, а победителя *prem-er* = «первый господин» (лат.).

...Одиноко в среде остальных тюркских чувствуют себя чувашские порядковые. Суффикс *-meš* в других тюркских языках встречается только в названиях десятков: ср. чув. *ultmeš* - «6-й» и тур. *altmyš* - «60».

Чуваши, по-моему, использовали диалектные формы, чтобы выразить оба значения: *-meš* стало суффиксом порядкового числительного, а *-mel* - суффиксом десятков. (Ср. *džičče* - «7», *džiččemeš* - «7-й», *džiččemel* - «70».)

Чередование /s,š/ в чувашской грамматике названо явлением ламбдаизма. В остальных тюркских свистящий согласный с плавным системно не чередуется. Дialeктные разновидности одного и того же форманта использовались и в др. языках.

III

Опять вернемся к вопросу, где происходила встреча прототюрков с праиндоевропейскими этносами? Первое порядковое числительное в тюркских языках еще хранит в себе аромат шумерского влияния. Из всех «ископаемых» языков только в шумерском отмечена особая гармония гласных: «Чрезвычайно важное фонетическое правило: в пределах одной двусложной основы возможен только один какой-либо гласный: *gaba* – «грудь», *ama* – «мать», *amar* – «теленку», *uruk* – «община», «город», *eren* – «воин», «работник»... Это, вероятно, очень древнее, но все же уже вторичное явление, скрывающее характер первоначальной огласовки основы»¹⁴⁰.

В тюркских языках качество первого слога распространяется на все последующие. Возможно, в шумерском, где качество звука не имело такого значения, огласовка первого слога влияла на остальные. В «Языке письма», исследуя шумерский глагол *tu (du)* – «роди», буквально совпадающий с тюркским *tu (du)* – «роди», я сопоставил тюр. *tuma* – «родственнику» («*рожденный») с шум. *tumu (dumu)* – «дитя», и предположил, что первоначально в окончании шумерского слова был иной гласный: **tuma (duma)*, ассимилированный гласным первого слога. Шумерская гармония гласных в сочетании с сингармонизмом могла проявить себя в тюркском языке в судьбе первого порядкового: *1 - per* – «один», *○ - ün* – «десять», **Φ*; **per-ünta* – «один в десяти» > **perente* «один в десяти» > «первый». Сравните: *berenče* – «1-й» (тат., баш.), *birinči* (тур.), *birinši* (каз.), *pirinči* (алт.). Меняется консонантизм, изменяется вокализм, но сохраняется равнение гласных слова на передний.

В пратюркском вырабатывается суффикс десятков, позже перешедший в суффикс порядкового **-ente (-inti)*. В орхонских текстах уцелел только один случай: *ikinti* – «2-й» (от *iki* – «2») (др.-тюр.). Э Севортян приводит из современных уйг. диалектов подобные: *ekinti*, *ikinti* – «2-й» (Э.С., I, 339).

IV

...Индоевропейцы видели графический знак, слышали его название и ведали о значениях деталей. Они не восприняли *-inti* как

¹⁴⁰ И.М. Дьяконов. «Языки Древней Передней Азии», стр.50.

суффикс порядкового. Этот формант больше проявил себя в качестве суффикса десятков. Лат. *vinti* – «20», *triginti* – «30» и т.д. В латинском начальный гласный суффикса приобрел вторичную долготу: *-īnti* > *iginti*.

...Суффикс десятков в консонантно-письменной форме **-nt'*, прочитавшийся как **en-ti*, наиболее сохранным оказался в англ. *twenty* – «20». Скорее всего, это плод сложения *two* – «2» (читаемого *tū*) и суффикса десятков. В латинском утрачен начальный звук: *viginti* – «20» (**twīnti*). В итальянском больше угадывается связь с предформой: *venti* – «20». Далее гласный окончания грубеет: *trenta* – «30», а потом выравнивается вокализм всего суффикса: от *kvaranta* – «40» до *novanta* – «90».

Вот как выглядит этимология англ. числительного *twenty* в Кассельском Словаре: «В староангл. *twentig*, из немецкого? на базе *two*, нем. *zwanzig*».

В исторических немецких языках сильно ощущалась инерция конечного закрытого слога, что приводило и к появлению протетического согласного в финале, чаще всего гортанного, закрывающего слог. В ст.-англ. под влиянием немецкого могло произойти **twenti* > *twentig*. Как и в самих немецких. Консонантизм и вокализм первичной формы лучше сохранился на островах, чем на континенте.

Ни Кассельский, ни другие Словари не выделяют в западно-европейских числительных суффикса *-enti*, идеально сохраненного в англ. *twenti* (название священного числа со времен двадцатичного счета).

Тюркские порядковые в германских воспринимались как десятки.

В «Языке письма» говорилось о тюркских *tūs, thūs, dūz, jūz* – «100» и **tūsentī* – «100-й». Цифра, которую поясняло это слово, германцами и славянами была понята, как 100 x 10: в совр. англ. это *thousand* – «1000». (В Касселевском Словаре это числительное вовсе не рассматривается). В предыдущих главах говорилось о чередовании *ū, ō* – *au* – *ū, ō*.

В слав. *тысяча* (**tisenče* < **tisenti*).

Постепенное «съедание» корневого гласного приводит к форме *t senti*, которая и стала основой лат. **centi* – «100» (мы знаем это слово уже с суффиксом ср. рода *centum*, но в сложении сохраняется указанная первичная форма, которую специалисты, тем не менее, упрямо сводят к *centum*. Например, *centi-peda* – «сороконожка» (*centum+pes*)¹⁴¹, букв.

¹⁴¹ См. «Латинско-русский словарь» И.Х. Дворецкого.

«сто-ногая». Здесь используется, скорее всего, диалектное название конечности (ср. итал. *piede* – «нога»), а латинское *pēs* – «нога» тоже применяются в *centi-pēs* – «стоногий»¹⁴². Это уже чисто латинское название сороконожки (сколопендры). Я полагаю, что именно лат. **centi* и *centum* внесли названия этого числа в индоевропейские. Балты по своему обыкновению справились с носовым перед другим согласным, превратив носовой в губной: **tsent* > **semt* > *šimtas* – «100» (лит.), *simts* (лтш.).

В санскрите утратили носовой: *centum* > **setum* > *śatam* – «100», (в принятой словарной записи *śatam*), авест. *sat*□*m*.

Все та же борьба с носовым, оказавшимся перед другим согласным, приводит в каком-то индоиранском к метатезе носового: **centi* > **cetni* с дальнейшим расширением гласного **satni*. В славянском корневой гласный естественно огубляется **sotni*. И в переразложение выделяется ложная основа *sof* > *st* > *sto*.

В Словарях заняты реконструкциями общеиндоевропейской праформы числительного, которая вычисляется как среднеарифметическая с опорой на др.-инд. и литовский. Фасмер: **kmtom* (III, 762), Гамкрелидзе-Иванов вносят важное уточнение: **k^(h)mt^(h)om* в соответствии с ларингальной теорией (указ.соч., т.II, стр. 846).

V

...Превращение порядкового числительного в количественное или дробное – свидетельство сложности процессов становления и развития классов числительных в индоевропейских языках. Славяне знали суффикс порядкового *-enti*, который после падения носового закономерно превращался в *-eti* > *-jati*. Смотрите: *trenti* > *treti* – 1) «третий», 2) «треть»; *četver-eti*. Но к четырехсловому слову язык еще не готов и происходит синкопа: *četver-ti* – 1) «четвертый», 2) «четверть».

И самое интересное следующее. Прекращается производство дробных. Или дробные переходят в количественные, вторичные славянские количественные: *p-enti* > *peti* > *piati*. Значит ли это, что др.-греч. Π *penta* восходит к **penti*, сформировавшемуся в ряду протославянских вторичных количественных? Если это и произошло, то в союзе племен, в который входили и протоиндийцы: **penče* > *pañca* – «5» (санскр.)

Древнегреческая цифра толковалась и как иероглиф («след ноги, копыта» > «нога», «пята»), поэтому название этого знака и стало в ряде средиземноморских языков словом *piede* – «нога» (ит.), *pied* (фр.),

¹⁴² Там же.

pēs (лат.). Эти слова происходят от **p'end'*. Славянская *пята* – непосредственно от греч. *penta*.

В индийских гласный закономерен «огрубился» – *pas, pa, pat* – «нога».

В тюр. *peš, beš, bes* – «пять»; *pas, bas, baš* – «ступай»; (ср. *pas* – «шаг» во фр. и др. романских). Знак внимательно изучали жрецы многих средиземноморских этносов. И отсюда его отражения в языках расходились по свету.

[Возраст числительного «пять» (**penti*) и производных от *penta* вероятно надо сопрягать с датами возникновения классического греческого алфавита (середина I тысячелетия до н.э.), в котором появилась буква Π – *pe*. Она и была использована как цифра, ибо в курсивном исполнении напоминала «след ноги». Поэтому и присоединился суффикс числительного *-enti* к названию знака. (Есть подтверждение тому, что на первых порах отдельные алфавитные знаки воспринимались как иероглифы.)]

VI

...Тогда же славяне достроили свое числительное **desenti* > *deseti, desiati* – 1) «десятый», 2) «десять». Но индоевропейцы сохранили форму первичного количественного без «суффикса порядкового». Правда лат. *decem* – «10» не обошлось без аффикса, но в сложениях просто – *decī*, как в ит. *decī* – «10», ирлан. *deich* – «10» без род. окончания.

В индоиранских опять превращают *e* > *a*: *daça* – «10» (др.-инд.), *dasa* (авест.).

Словари: «и.-е. **dekmt* – со значением «две пятерки» связывают с гот. *handus* – «рука»; см. Мейе, BSL29, Вальде-Гофм. I, 329» (Ф., I, 508). Почему восстановленная праформа приобрела такой вид? Потому что в лит. *dėšimt* – «10», др.-прус. *dessemts* – «10».

А согласно И.К.С., балтийские языки сохраняют более древние формы, приближенные к древнеиндийским, т.е. почти к праязыку, как принято было считать совсем недавно.

Историю слав. числительного *десять* нельзя было рассматривать изолированно от *девять*, *пять*, *треть*, *четверть* и др. И тогда выявился бы суффикс числительных *-enti*, связывающий славянские числительные с общемировым, по крайней мере, тюрко-индоевропейским процессом сотворения числительных. В результате оказалось бы, что балтийская форма этого числительного зависима от протославянской: **desenti* > **desemti*. [Переход *n* > *m*, как и в случае превращения лат. *cent(um)* > *šimt(as)* – «100» (лит.).]

Итак, знак тюрки прочли *per – unta* – «один в десятке». Суффикс местного падежа *-ta (-da)* в тюркских языках выражает значения русских предлогов «в», «на», «у»: *perunta* могло пониматься как «один в десятке (в десяти)» или «один на десятке (на десяти)», «один у десятки (у десяти)». Древность этого форманта подтверждается и образованием суффикса отложительного падежа, который по значению является антонимом, а по форме антисловом с давно позабытым постотрицанием *-n*, некогда распространенном в славянских и германских языках: *-tan (-dan)* – выражает значение «из», «от».

Форманты эти использовались и шумерами. Но в их словах конечный согласный не играл никакой грамматической роли, и часто просто сокращался (*kir > ki* – «земля», *kur > ku* – «гора», *eš > e* – «дом» и т.д.). Так, думаю, был сокращен носовой в финале суффикса *tan (dan) > ta (da)*.

Но трудно применять одну и ту же форму суффикса в противоположных значениях. Поэтому шумеры используют диалектные варианты одного суффикса: *-da* – местный падеж, *-ta* – отложительный. (Ср. *lugal-da* – «у вождя», *lugal-ta* – «от вождя».)

И.М.Дьяконов пишет, что отложительный *-ta* иногда чередуется с *-da*¹⁴³.

Суффиксы и некоторых других падежей, по крайней мере еще двух, явно совпадают с тюркскими. Здесь не место их рассматривать, но наличие определенной системности свидетельствует о неслучайности совпадений тюркских и шумерских формантов. Это косвенно датирует возможное название *per-unta* – «один в десяти», которое могло значить и «одиннадцать» – предтечей совр. *un per, un ber, on bir* – «11» (тюрк.).

[Кстати вспомнить и рассмотренные в «Языке письма» случаи инверсии постфиксов в предлоги. В итальянском предлог *a* – «к», «в» соответствует тур. суффиксу *-a*, каз. *-□a, -ha* (слав. предлоги *ka, ko, kь*): *a Roma* – «к Риму», «в Рим» (ит.) = *Roma-a* (тур.) = *Roma-ha* (каз.). В ит. *da* – 1) «у», 2) «из». Значение определяется контекстом: *da Jovane* – «у Джованни», *da Roma* – «из Рима» (ит.) Этимологически восстанавливается **dan* – «из».)]

Индоевропейцы восприняли, по меньшей мере, два тюркских названия сложного знака. Одно сингармонизированное, другое нет. Но оба на первых порах – как символ верховного божества. От той поры и осталось в албанском *perëndi* – «бог» (алб.). Это произошло, когда албанцы соседствовали (вероятно, на Балканах) со славянами, которые переняли этот символ с албанским названием. Но сочетание согласных *nt (nd)* в древнеславянских было нетерпимым. Носовой или опускался

¹⁴³ И.М.Дьяконов «Языки Древней Передней Азии», , стр.56

(«падение носового»), или перестраивался относительно соседнего согласного («метатеза носового»): *-tn (-dn)*. Так албанское *perëndi* преобразовывалось в славянское **perēdni*. Последний слог совпадает впоследствии с суффиксом прилагательного и слово переразлагается, выделяя ложную основу **perēd*. (Какой священный смысл вкладывался в слова *передний*, *предний*, *прежний*? Скорее всего, в славянских культурах того времени торжествовал культ предков и в качестве бога выступал Дух Предка. И этот знак был его символом.) Едва ли еще *передний* означал – *первый*. Уже другие (славяне? индоевропейцы?) открыли это значение в священном знаке.

VIII

 per-û(n). Где отмечился иероглиф с подобным наименованием?

Для египтян, вероятно, он был одним из символов государя. Заимствован вместе с названием у пришельцев из Древней Передней Азии. (Вероятно.) Попыгались передать средствами иероглифического письма, графемами с подходящими по звучанию названиями. Подошли иероглифы *p-r* – «дом» и *o(n)* – «большой», из них и сложилось слово *per-o(n)* – «фараон». Греки прочли запись, огласовав основу несколько иначе: **para-o(n) > farao* – «фараон» (ср.-греч.).

Гармония гласных и сингармонизм не вмешиваются в фонетику этих слов. Славяне прочитывают тот же знак, получая имя верховного божества *Перун* (др.-рус.) и слова *перун* – «молния» (рус.), *perun* – «гром» (южн. и зап. слав.).

Значения выдают ход толкований знака: «облако и копье молнии». Материализация – жреческие инструменты бубен и било. Идеология жеста (битья в бубен): «убить луну = создать солнце».

Как словари реагировали на имя бога Громовержца? «*Перун* – верховное языческое божество в древней Руси, др.-рус. *Перунъ* (*Повесть временных лет в договорах 907 и 945 г.г.*, см. Срезневский. II, 920, Крек, Einl. 384)... Наиболее естественно объяснение имени *Перун* как первоначально «разящий гром». (Рус. *перун* – «молния», укр. *перун* – «гром», блр. *пярун*, чеш. *perun* – «гром», пол. *piorun* – то же, далее связано с *přati* – «бить, поражать».) Нельзя доказать родство *Perunъ* с лит. *Perkūnas*, др.-прусс. *Percunis* – «гром», лит. *perkiūns* – то же, которое – с первоначальным значением «дубовый бог» сближается с др.-исл. *Fiorgynn* – название определенного бога, *Fýrgyn* – «мать Тора», лат. *quercus* – «дуб»...» (Ф., III, 247). Вот такая глубокомысленная (дубовая) этимология.

Отрицать явную родственность форм и значений славянских и балтских слов, не увидеть их возможное родство с германскими и низводить все к латинскому названию дуба!

Так же и этимология слова *первый* (Ф., III, 235) не выходит за рамки перечислений славянских и близкородственных (консонантизмом) индоиранских: *purvas* – «первый, передний, прежний» (др.-инд.), *paurva* – «первый» (авест.). Без морфологического анализа, без определения, какие формы первичней: и так ясно, что древнеиндийская. Санскрит все же!..

Генезис этого слова невозможно понять без знака **Q**, который в другом славянском диалекте назывался **per-o > per-wo*. Открытие второго слога протетическим согласным, как в балт. **per-un > per-hun > percun(as)*.

IX

Первое порядковое к грекам пришло письменным путем. Скорее всего, написано оно было в словаре, как название цифрового знака консонантным письмом, не обозначающим гласных. Таким было финикийское, которое и переняли греки. И прочли числительное **pri* (**prnt*), огласовав его произвольно: *prōt(os)* – «первый».

X

Микропозитические толкования знака позволяют нам увидеть воплощения его в предметах. **Q** *per-o > pero* – «перо (птицы)». Общеславянское. В других языках *и-е* семьи распространение не получило. поэтому Словарям приходится наугад подбирать сходно звучащие соответствия: *ʃarn* – «напоротник» (др.-в.-н.), *parna* – «перо» (авест.). Далее связано с *переть*, *парить* (Мейе... Крезмер...).» Ф., III, 243.

Германская и иранская формы, думаю, связаны с другим чтением того же знака: **per-on*.

XI

Восстанавливая первоиероглиф, мы реконструируем и правила грамматики, согласно которым изменялось его название.

Жрецы-хранители Слова и Знака весьма бережно обращались со своим богатством и редко допускали творческий произвол.

Рассмотрим случай, когда сингармонизм сгладил качества слогов и Толкователь уже не знал, как назывались детали знака:

Q **per-un > per-yn > per-in, per-en*, чтобы получить название детали, общее наименование прочитывается наоборот. В эпоху слогового письма в словарях силлабариях слово записывалось, видимо, двумя слоговыми графемами, которые читались и в обратном порядке: **Q** *in-per (en-per, jan-per)*. (При этом увеличивалась деталь знака, на которую следовало обратить внимание.)

Теперь мы понимаем, какую деталь знака пытался наречь словотворец. Черту. И понимаем, что общий знак толковался «облако и струя дождя». Понимаем, благодаря латинскому слову **inber* – «дождь», которое в словарях предстает уже в виде *imber* – «дождь», «ливень».

Согласно фонетическому закону, действовавшему в латинском (да и в тюркских языках), *n* перед губными согласными обязательно переходит в *m*¹⁴⁴.

...Соседство с протолатинянами одарило протокипчаков словом: *janbyr, jambyr* – «дождь» (тюрк-кипч.). Огузы при освоении кипчакского слова превращают его в *jagmur* – «дождь» (др.-тюр.): **janmir > *jangmyr > jagmur*...

Но в латинском возникает ситуация – **imper*. И так в диалектах называли черту, исходящую из центра окружности. А саму окружность? Может быть, **impera > imperā*. Символическое обозначение мира, планеты. И страна, которая станет целым миром – *imperā > imperia*. Не так ли родилась имперская идея?

Другое предметное толкование знака в диалекте без сингармонизма **per-un (ber-un) > un-per (um-ber)*. Черта темная, исходящая из облака – это *umbra* – «тень» (лат.). И предмет, сделанный по форме знака: лат. *umbrella*, ит. *ombrello*, фр. *ombrelle* – «зонт». (-ella – один из уменьшительных суффиксов. Буквально: «тенечек» – так, наверное, называли зонтик первые римляне.)

Примеры к темам – макропоззия и микропоззия.

Была ли цифра для числительного «второй»?

Я приводил выше примеры порядкового числительного из «Эт. сл. тюр. яз.» Севортяна с суффиксом *-inti*: уйг. *ikinti, ekinti* – «2-й». Далее он добавляет («ср. лат. *secundus* – «второй», «следующий» (Э.С., I, 339). Эта неожиданная в устах тюрколога параллель потом никак не развивается. Но теперь, когда начинают проясняться «международные связи» тюркского первого порядкового, можно предположить, что проторомане были знакомы и с несингармонизированными тюркскими формами и не одного, а, по меньшей мере, двух порядковых, притом второе из другого диалекта со звонким зубным согласным суффикса: **išk-unda > sk-unda*.

Количественное *iški* – «два» сохраняется только в уйгурских диалектах. «Итальянский рефлекс» некогда придал ему

¹⁴⁴ У И.Х.Дворецкого: «*im* = *in* – перед начальным губным согласным основного слова», стр.491

геминированность – *ikki* – «два» (узб. диал.), *ekki* (якут.). Наиболее распространены формы с упрощенным согласным: *iki* (др.-тюр., хак., тур., азерб., гаг., кар.); *ike* (тат., баш.); *eki* (каз., ккал., кирг., ног., балк.); *ihi* (карагас., тофал.); *ii* (тув.).

Э.Севортян: «Данные позволяют интерпретировать геминированную форму *ikki* как остаточную, а негеминированную – как более позднюю. Подобное допущение находит опору так же в древнейшем производном от *iki*... в форме *ikiz-ekiz* – «близнецы»... Все формы *ikiz-ekiz* имеют одинарный согласный.» (Э.С., I, 338). Последнее не верно: в том же Словаре, в статье, где рассматривается это слово, приводится *ikkiz* – «близнецы», «пара», «двойня» (тур., гаг.), но в большинстве других языков действительно одинарный гортанный: *ikis* (хак.), *igez* (тат., баш.), *egiz* (каз.). И результат ротацизма: *eher* – «близнецы», «двойня» (чув.), *igiri*, *igire* (якут.). В чувашском указывается и значение – «скрещенный» (Э.С., I, 253).

...Греки заимствовали финикийский алфавит, считается, с конца X – в начале IX в. до н.э. Среди трех греческих «согласных букв», не имевших аналогов в финикийском алфавите, была буква X – «хи» (в русск. транскр.). В древнейших греческих надписях эта буква еще отсутствует. (См. Истрин, ук. соч., стр.338.)

В этрусском (VII в до н.э.) и латинском (VI в до н.э.) эта буква уже называется *iks* (*икс*) с буквенным значением *ks* (*кс*). Происхождение ни греческой буквы, ни этрусско-латинской не известны.

На мой взгляд, эти буквы датируют время одного из культурных контактов древнеевропейских народов с прототюрками. Возможно, мы присутствуем при историческом событии, когда разрозненные на тысячелетия Знак и Слово нашли друг друга.

Европейские письменности сохранили знак и названия, тюркские языки – слово и значения: X – 1) *ihi* – «два» (тюр.) > *hi* (греч.); 2) *ikis*, *ihi* – «двойка», «пара», «двойня» (тюр.) > *iks* > *ks* (лат.).

И ротированная форма слова нашла применение: она отразилась в кириллическом алфавите: X – *xep* (*her*) < **iher* – «скрещенный», «пара» (чув.). (Не случайно болгарская форма попала именно в кириллицу, которая сохраняет черты утраченной болгаро-кипчакской письменности.)

Эта буква была в прототюркском письме, читалась она и «по-буквенному» - *ks* (*kš*), но и в этом состоянии производила эффект иероглифа: она толковалась. Полагаю, знак породил несколько значений, а название (по-новому вокализуясь) - несколько слов. Среди них главное: 1) *kos* (*koš*) – 1) «пара», «спаривай»; 2) «соединение, соединяй»; 3) «спутанность, спутывай». Отсюда *kosma* (*košma*) – «спутанное». В русском эти слова остались как определение спутанных,

не расчесанных волос, и – название войлока, материала, сделанного из валенной бараньей шерсти. А знак X (косой крест) повторяется в заплетенных волосах, в любой заплетке – *kosa (koca)*.

[В период, когда косой крест получил название *igiz, ikis*, сложный знак Быка-Коровы прочелся по-новому: *û-giz (û-kis)*. Не так ли произошли якут. *ogus* – «бык» (прогрессивная ассимиляция качества) и общетюркское *ögiz (ökis)* – «вол». (Регрессивная ассимиляция качества.) В др.-инд. *uksa* – «бык» (-a – показатель муж. рода). В герм. *ox (oks)* – «бык».]

...Кто знает, может быть, *икс* участвовал в цифре порядкового числительного «второй» в виде - 1) *išk-ûnda*; 2) *ik-ûnda* – «два в десятке». И более просто: 1) *išk-ûn*; 2) *ik-ûn*. И полученные слова были титулом, обозначавшим Второго в царстве, вице-царя или визиря.

Возможно, косой крест соперничал с прямым, который первым зарекомендовал себя как символ Бога Солнца («Сияющая Звезда») в мировых знаках Солнца, начиная с шум. *udu (utu)* – «бог Солнца» и майя *kin (kin, king)* – «солнце». Но соперничество должно было начаться еще в Шумере: и косой крест участвовал в иероглифе *ud* – «солнце» (шум.).

Не так уж спокойно жилось жрецам солнцепоклонничества в Шумере и во всем Древнем мире, определявшим, какому Кресту поклоняться – прямому или косому?

Мы говорили, что шумеры нашли компромисс, они соединили обе формы в едином знаке божества: *dingir* – «бог». Получилась суперстар, сверхзвезда – Венера.

И легенды о Косом кресте, распятом на Прямом во имя торжества единобожия, рождались, вероятно, еще в умах шумерских и аккадских жрецов, а оформились в протороманской культуре, где название косоного креста *iis* обрело родовые окончания *iis-us* и *iis-a*, откуда и попали в Библию (Ишуа) и в Коран (Ииса)¹⁴⁵. [Традиция сочетания прямого и косоного крестов продолжается и в символе православия .]

Если так назывался этот знак в каком-то из тюркских диалектов и увиделся он впервые в составе шумерского иероглифа , то уже

¹⁴⁵ И другое произведение проторимлян отразилось с родовым окончанием в священных книгах: *Jānus* – «бог солнцеворота (Двуликий Янус) > *Joan* (Библия), *Junus* (Коран).

тогда он мог быть понят, как 1) «Слово, вылетающее из рта»; 2) «Дыхание, Дух, Душа».

В условиях таких жреческих толкований и рождались слова вроде *iis* – «дух», «запах» (общетюрк.). И культ Близнецов, рожденных из рта Бога.

Я понимаю, во все эти этимологии трудно поверить и согласиться с ними сразу. Сам я привыкал к таким выплывающим со дна мировых словарей «параллелям» не один десяток лет. И непредубежденный читатель вправе среагировать «по-станиславски», но в науке рецензия «не верю!» должна обосновываться встречными этимологиями, «вносящими истину».

Словари приучили нас к мысли, что легендарные мифические имена и названия не из чего не производятся и должны восприниматься просто как данность. Мне не известны хоть какие-нибудь попытки выяснить происхождение священных имен.

Но пока «вносящие истину» этимологии не появились, я считаю себя вправе включать открывающиеся сведения в постепенно складывающуюся систему знаний о культуре прототюрков, о районах их обитания в доистории (для нас – «до рождения Христа»), об их религии (солнцопоклонничество + тенгрианство + культ предков) и формах общественно-государственных устройств (первобытная демократия со «спортивными» выборами вождей **prinči-pij* – «первый господин» и **baš-il-i* – «глава страны»).

Судя по тому, что титулы эти и некоторые священные имена отложились в языках южноевропейцев (греков и римлян), можно предположить, что прототюркские племена соседствовали с ними в Средиземноморье, возможно, в Малой Азии II-I тысячелетий до н.э., когда складывались первые государства индоевропейцев и уже оформлялись элементы культа Юного Солнца – графическим символом, которого станут прямой и косой кресты (*iis*), борьба и единство которых и определит подступы к Христианству и другим новейшим учениям.

Черты диалектов тех прототюркских племен, которые оставили древнеевропейцам эти термины, сохраняются в современных тюркских языках Алтая и в чувашском, проявивших повышенный консерватизм, вероятно, ввиду ранней изолированности от других ветвей общетюркского ствола. Я не думаю, что звонкий губной появился в тюркских позже глухого, но именно «р» мы видим вначале явно родственных титулов и священных имен, родившихся, вероятно, в одно время и в одном регионе – *per-o* – «фараон» (егип.), *Perun* – 1) «верховный бог», 2) «гром», 3) «молния» (слав.); *Perkunas* – «бог-громовержец» (лит.); *pero, pervo* (слав.); *princeps* (**pirinči-pij*) – «первый господин», *primus* – «первый» (**permeš*); *prem'er* – «первый господин»

(латинская калька предыдущего слова); **Ölim-pij* – «смерть господина» (тюрк.).

...Соперничеством Мягкого и Острого углов («барокко» и «готики»), породивших Прямой и Косой Крест, закладывались основы борьбы и сотрудничества Востока и Запада.

II

Египтяне знали ступенчатую пирамиду, возможно, заимствованную у шумеров вместе со знаком дома. Но им была известна и остроугольная пирамида, создавшая славу египетской архитектуре. Заимствуя шумерский иероглиф, аккадцы переводили название на древнесемитский язык. По-видимому, и египтяне пользовались этим приёмом. (Во всяком случае, и «дом», и «дверь» они называли своими словами.) Но было ли в египетском языке свое название такого необычного строения как пирамида, признанного одним из чудес света? Мир пользуется греческим словом неизвестной этимологии. В русском церковнославянском *пирамида*, в зап.-европейских языках: *pyramide* (фр.), *pyramide* (нем.).

...Пофантазируем. Иероглиф попадает в Древний Египет, где истолковывается как знак: а) Рождения Фараона («маленький Фараон и Мать»); б) Смерти Фараона («Фараон и Коршун»).

Знак читался двояко, но архитектурно выразился второй смысл. Скульптурно пытались передать значение «маленький Фараон под крыльями Коршуна». Таких скульптурных сюжетов довольно много в экспозициях Каирского археологического музея. Сюжет описан в литературе, посвященной древнеегипетскому изобразительному искусству. Название этого сюжета в Древнем Египте, очевидно, и было названием знака: *pero* – «фараон»; *mut* – 1) «мать», 2) «коршун» (др.-егип.). Консонантным письмом (иератическим) передавались только согласные: *prmt*.

Представим, что именно этот пришлый иероглиф был описан в словарях иератическим письмом, и греческие жрецы разных поколений пытались истолковать этот священный символ *prmt*.

Первые поняли – пирамида.

Вторые увидели миф. Гора смерти, которая уже была названа (*Olimp*). Знак огня, скользящий по склону. Человек–огонь прикован к скале. Скала это и знак коршуна (опущенные крылья). Контаминация всех этих толкований породила костяк сюжета о герое, который украл огонь на Олимпе и за это был прикован к скале, где коршун ему выклевывал печень. А звали бого-героя *Prmt*, прочли – *Прометей*.

Египтологи считают, что любую египетскую запись можно было читать в произвольной огласовке. Так, Гельб пишет, что «знак Дом (p-r) употреблялся для *par, per, āpr, epr, epra* и т.д.» (стр.85). И пояснял: «Если спросить, почему египетский язык и его семитские ответвления систематически опускают гласные на письме, то ответ совпадает с объяснением, обычно предлагаемым востоковедами, специалистами по семитологии. Египетский язык, как хорошо известно, относится к семитской группе языков в широком смысле этого слова, а одной из главных черт морфологии семитских языков является устойчивость согласных и непостоянство гласных.» (стр.84-85).

В.А.Истрин считает, что египтяне, читавшие текст, наверное, знали какой гласный произносился в том или ином слоге: «При чтении же египетских текстов пропущенные при письме гласные, конечно же, произносились.» (стр.268).

Египтологи объясняют, что в египетском языке согласные звуки имели особое грамматическое значение. Звуки эти, образуя четкий консонантный скелет египетских слов (например, *h-p-r* – «жук», *n-f-r* – «красивый», *p-r* – «дом») «выражают семантику слова, его основную сущность, ... Кроме того, гласные применялись по-разному в различных диалектах египетского языка.»¹⁴⁶ И далее: «алфавит, будучи лишенным гласных, отмечал лишь костяк слова, а не передавал огласовку, резко отличавшуюся в различных номовых диалектах»¹⁴⁷. Учитывая эти особенности, можно понять, что одна и та же запись *prmt* могла быть в разное время, разными интерпретаторами быть прочитана и как **per-o-mit* («фараон-мать», «фараон-коршун»), и как *piramit*, и как *prote-tey* («Проме-бог?»).

Кажется возможным, что фараона могли называть в разных диалектах Египта и *pero*, и *pira*, но едва ли слово «мать» имела бы столь различные огласовки как *mit* и *mit*. Скорее всего, перебой мог произойти в греческом письме, когда древнегреческая буква стала в византийское время читаться как *i*: *mut* (*mut* > *mit*).

... Древнетюркский алфавит сохранил в своем составе иероглиф , варианты которого стали проектами шумерской ступенчатой и египетской остроконечной пирамиды. Как в материальной культуре сохраняются другие воплощения этого знака – юрта и чум.

¹⁴⁶ В.В.Струве, История древнего Востока», М., 1941, стр.131.

¹⁴⁷ Там же, стр.231.

Тюркские солнца

Тюрки знали несколько названий солнца и, следовательно, почитали несколько иероглифических знаков, изображавших дневное светило. Форма одного из них дошла до нас в орхоно-енисейском алфавите. Другие восстанавливаются этимологически.

1. В орхоно-енисейском – **D** *jaj* – «солнце», «лук» (оружие). Эта половинка произошла от соединения «стрель» **I** - *j* и «луны» **J** *aj*. Такое название солнца – только в древнетюркском. В современных слово выступает в значении «лето» (половина года?). Например, *jaj* – «лето» (азерб.), *jaz* – «весна» (др.-уйгур.), *žaš* – «весна» (кирг.), *jaš* – «лето» (узб.), *žaz* – «лето» (каз.) и т.д. В древнекитайском **D** – «луна», «месяц», совр. название - *juj*. Похоже, в древнекитайском представлена первичная форма знака. Тюрки утратили точку. Благодаря др.-кит. иероглифу, восстановима праформа тюркского знака и механизм его развития:

J *u* – «луна»,
J *uj* > *aj* – 1) «*солнце», 2) «луна»,
D *juj* > *jaj* – «солнце».

Китайские грамматисты не согласились принимать заимствованный знак в этом значении, потому что у них уже был солнечный **☉**, и они вернули «половинке» семантику, более подходящую, на их взгляд.

Эти знаки создавались в Древней Передней Азии в эпоху, когда Основной Элемент назывался Словом *u* – «луна», «месяц». Точка еще не обрела лучистость, и название стрелы *j* не успело превратиться в *'j* > *dž* > *d'* > *d* (*t*). Иными словами, эта группа священных знаков создавалась или одновременно, или даже раньше шум. *ud* – «солнце». Но, несомненно, в культуре, где «месяц» еще не превратился в Угол.

2. В то же время или несколько позже в других прототюркских культурах возникают варианты этого иероглифа с «лучистой точкой». Они встречаются в шумерском письме. Основной элемент одного из них представляет собой замкнутый круг («полная луна»), у другого – угол («северный месяц»). Первая встреча «барокко» и «готики» в пределах одной культуры. Элементы и того, и другого знака назывались одинаково:

Основной («луна», «месяц») – *u*. Служебный (прямой и косой крест) – *d* (*t*).

а) $\oplus$ **ud* (*ut*) > *udu*(*utu*) – 1) «бог Солнца», 2) «Баран» (шум.),

б) $\triangleright \triangleright$ *ud* (*ut*) – 1) «солнце», «день», 2) «*огонь» (шум.).

Второе значение восстанавливается, благодаря производному *udun* (*utun*) – «очаг» (шум.) и сравнению с тюркскими *ud* (*ut, ot*) – «огонь», *udun* (*odun, utun, otyn*) – «дрова».

Остроугольный иероглиф в ином положении: ∇ *gud* – «бык», «крупный рогатый скот» (шум.). Тюркские языки сохранили закрытосложную форму и первичность семантики этого слова: *ud* (*ut, uj*) – 1) «Корова», 2) «Бык», 3) «крупный рогатый скот».

Первичность семантики объясняется тем, что солнечными животными считались Корова, Баран, Теленок, Вол – т.е. животные, относящиеся к категории «не Бык», ибо Бык был лунным тотемом. Но ассоциация, которую порождал знак Коровы – «рогатая голова», позволяла принимать его за символ Быка.

3. В состав тюркской общности вошло племя, которое привнесло название Основного Элемента – *uŋ* (предшествовавшее уже рассмотренному *u*).

Есть возможность восстановить утраченный знак солнца, вернее, два его варианта. Я допускаю, что Основной Элемент в них был еще в форме «приэкваториального месяца»: Ψ и «полной луны» Φ .

Название: *j-uŋ* $\left\{ \begin{array}{l} \text{joŋ – jaŋ} \\ \text{iun – jul – jur} \\ \text{jung – jug (jog, jag)} \end{array} \right.$

Знак был известен также индоевропейцам. В частности, протороманским племенам. Думаю, что римский бог солнцеворота Janus не случайно назывался Двуликим. Это был бог Равноденствия: черта делит круг года пополам. Славяне отмечали день Яна Купалы в ночь на 22 июня – когда заканчивалась одна половина года и начиналась вторая. И думаю, что фигура Ψ – это и цифра VI, и половина года – июнь. Этимология слов «июнь-июль» не обойдется без этого знака. Китайцы в квадратном письме превратили полумесяц в прямоугольник, сохранили название, но утратив первое значение, сочинили новое: $\boxplus$ *čžun* – «середина» (**j-un*).

Славяне видели Основной Элемент в знаке – круглый. Поэтому ночь Ивана Купалы начинается с костров и выноса колеса на

шесте. Название знака солнца превращалось в слова, развиваясь в диалектах тюркского праязыка: *jan* (**jaŋ*) – 1) «гори», 2) «сторона, бою», *jak* (**jank*) – 1) «жги» и 2) «сторона, бою», «щека». Закон NLR: *jan – jal – jar*. На этом этапе тюрки взаимодействуют с древними индийцами и другими индоевропейцами. Это сотрудничество оставляет следы в словарях. Сравним, др.-тюр. *jar* – «расколы (пополам), рассеки, расщепи», *jarma* – «раскол», *jaryt* – «половина», *jarty* – «половина», *jara* – «рана», *jaryk* – 1) «трещина, след разлома, яруга, овраг», 2) «яркий, ярюк». Черта в знаке солнца – это след деления (на две половины), раскола, разлома. Но и – яркости! Половинки описываются и более древним способом: **jar-jar* – «две половины». Отсюда идеи соперничества (*jaryš* – «состязание»), согласованности, соответствия, соразмерности (*jaraš* – «подходить одно другому, ладить друг с другом»), дружбы (*jar* – «друг»), любви (*jar-jar* – «жених и невеста», «любовники»).

Из древнеиндийского в это лексическое гнездо могут войти слова *jar-jar-a* – 1) «разломанный, разорванный, растерзанный, рассыпанный», 2) «гибнущий, разлагающийся», 3) «хрупкий», 4) «слабый, хилый». (Окончание *-a* придает слову м. род.) И менее экспрессивная форма: *jara* – «изношенность, дряблость, старость», *jariman* – «старость, смерть от старости».

Один и тот же знак, с одним названием, в двух культурных средах толкуется и участвует в производстве слов, различных по содержанию. Семантика выдает и психологическую разность, и степень отдаленности от первичных значений. В тюркских словах точнее и полнее описан знак (деление пополам, парность, светоносность). В древнеиндийских словах, произошедших от этого знака, «солнышко» не проглядывает, и, хотя отражения основного жеста (разбить, уничтожить) превалирует, есть и отзвук парности – *jāra* – «жених, любовник, сосед».

Напомним, что в тюркских языках иота развивается до *d(t)*¹⁴⁸. Например, в *d*-языках тюркской семьи: *d'agu* – «гореть», *d'ara* – «рана, трещина», *darak* – «оружие», *d'ar* – 1) «яр, обрыв», 2) «супруг, супруга; жених, невеста».

И явно пересекающиеся параллели в древнеиндийском: *dah* – «жги, сжигай», *dāra* – 1) «трещина, щель, линия раскола», 2) «жениться; брать в жень», *dāraka* – «раскалывающий, разбивающий». В эту группу напрашиваются и германские

¹⁴⁸ Хотя алтаисты считают, что «прототюркский *d*» предшествовал «прототюркскому *j*». См. «Языки мира (Тюркские языки)», РАН, Инст. Языкознания, Бишкек, 1997, стр.9.

термины «солярного цикла»: *dag* – «день» (нем.), *day* – «день» (англ.).

...Возможно знак понимался и как «шерсть» (ср. тюр. *jun* – «шерсть»), «грива» (ср. тюр. *jal* – «грива», др.-инд. *jal* – «грива»¹⁴⁹). Знак этот дошел до наших дней в гербе казахского племени жалайыр: . Обычно, название гербового знака и становилось именем племени. Я полагаю, некогда слились воедино два рода – имевшие одинаковые гербы, по существу – один. Но назвали его по-разному. Одни – *jal* – «грива», другие – *ajyr* – «вилы, трезубец». При объединении произошло объединение названий знака: ни один из родов не захотел поступиться своим привычным названием.

(**Aj ur* – «бей луну!») > *ajyr* – «вилы». Э.Севортян приводит и другие формы: *azyr* (хак.), *adyr* (тув.) – то же. Этимологии нет.)

4. Египетский знак *r* – «солнце» тоже отпечатался в тюркских словах. И по их форме мы можем восстановить названия этого великого иероглифа.

Зная цепь фонетического развития названия Основного Элемента (*ûn* > *ûl* > *ûr*) и точки-«раны» (*ha*; *a = j*), мы можем восстановить самые первые наименования сложного знака, содержащие один согласный – *r*: *j-ûr*; *ûr-j*. Общее название знака солища *'jur* вошло в словарь народов Средиземноморья в то время, когда именно «светлая точка» стала восприниматься как дневной свет («из чрева Луны»). И называли деталь отрицанием общего наименования сложного знака: **'jûr-no*. Думаю, так появилось ит. *giorno* – «день», ст.-фр. *journo* – то же.

...Славяне заимствуют этот знак у протороманцев вместе с названием. Они знают, что оно относится к точке. Всю сложную графему сравнивают с оком, а точку со зрачком. Цвет зрачка становится эталоном черного цвета, ибо и в синих, и в карих очах зрачок неизменно черен: **giorno* > *čorno* – 1) «*зрачок», 2) «черное».

...Тюрки тоже узрели око: **gior* > *gör* – «видь», «увидь» (тур., аз.), *kör* – то же (общетюрк.). Знание чередования *r/z* в тюркских языках позволяет сблизить с вышеприведенным словом и *göz*

¹⁴⁹ Все примеры древнеиндийских слов приведены из «Санскритско-русского словаря», М., 1978.

(*köz*) – «глаз» (общетюрк.). Тюрки использовали диалектные разновидности слов для того, чтобы избежать омонимизации. Из диалектов, где служебный элемент назывался *a*, в общетюркский поступило слово с внешней флексией отрицания: **gor-a kor-a* > *gara (kara)* – 1) «смотри», 2) «зрачок», 3) «черное». Общее название знака было перенесено на точку. (Ср. каз. *közimnin karasy* – «зрачок глаз моих» буквально – «черное глаз моих».)

...Вариант знака резко изменил значения названия. В тюркском *gior (gör), kior (kör)* – «могила».

В славянском назвали словом *giorno* точку: **žörno* > *zerno*. Значит в Основном Элементе увидели лунку, куда захоранивается семя. Это открытие не осталось тайной для протороманцев каким-то консонантным письмом название было передано одними согласными: *grn* > *grānum* – «зерно, ядро» (лат.), *grano* – «зерно (ит.)», *grain* (англ.), *gran* – «зернышко» (др.-ирл.), *kaurn* (гот.). Славянская линия: *žirnis* – «горошина» (лит.), *syrne* – «зерно» (др.-прус.), *kerno* – «ядро» (д.-в.-н.). [Фасмер находит в др.-инд. похожее консонантизмом слово *jīrnás* – «трухлявый, растертый, сморщенный, старый» и, полагая, что санскритские значения древнее всех остальных, предлагает считать европейские названия зерна, ядра, происходящими от древнеиндийского: «зерно..., первоначально «растертное». Ср. др.-инд. *jīrnas...*» (Ф., II, 95).]

А теперь, чтобы получить название другой детали сложного знака (Основного Элемента), создается антоним уже полученному наименованию точки: **grn-j(d)* > **grun-d(t)*. Ср. англ. *ground* – «почва, верхний слой земли». Тот, который подвергается вспахиванию. В остальных германских языках: *grund, grond, grunt*. Оксфордский словарь реконструирует индоевропейскую праформу: **ghṛmt*, опираясь на лит. *grimsti* – «погружаться», полагая, что грунтом называли мягкую (топкую) поверхность земли, которая размокала во время дождя¹⁵⁰.

...В общетюркский попадает диалектное название общего знака **j-or* > **jör'* > **jer'*, **er'*. Жрецы того тюркского племени не знают правила называния детали сложного знака созданием антислова. Они нарекают весь знак *er*, а точку - *er-te* – букв.

¹⁵⁰ «The Oxford Dictionary of english etymology», Oxford, at the clarendon press, 416.

«в (знаке) *er*». Круг – уже отрицая название точки: **er-te-n* – букв. «из (знака) *er*». Так, думаю, были получены слова: *erte* – «рано», «утро», *erten* – «завтра». Этот иероглиф использовался как знак времени, Точка обозначала нарождающееся, юное, малое солнце. И настоящее время. А Круг – отдаленное, будущее время. То, что «за утром» – «завтра».

II

...Диалект, который признал названием Основного Элемента **or*, точку в нем нарек тем же способом: *or-ta* – «в (знаке) *or*». Спор этих двух подходов обогатил язык тюрков словами: *orta* – «центр», «середина» (тур, каз.), *urta* (тат.), *orda* – «ханская ставка, дворец» (каз.), *urda* (тат.). Последнее слово показывает, что знак подсказал архитектурный план, по которому создавались ставки в поле, на привале (кочевники выстраивали из кибиток на колесах круг, в центре которого устанавливался шатер хана). По такому же плану – город столичный с ханским дворцом в центре.

В средние века - *Altyn Orda* – «Золотой Дворец», так величали столицу Западной империи тюрко-монголов. Поздний перевод на русский неточен: «Золотая Орда». Это – полукалька, где русское слово «орда» выступает в позднейшем переносном смысле – «беспорядочная толпа кочевников». В средние века термин сей имел иное наполнение. Каждый русский князь, получив удел, ехал в Орду, чтобы получить ханский ярлык (указ) о вступлении во власть. «Орда» тогда значило – «Столица метрополии».

...Грекам был, мне кажется, известен иероглиф Круг с точкой. Тогда в культурах осознается понятие «центр», «золотая середина» - олицетворение истинности, справедливости. «*К орта относятся, по всей вероятности, и далеко отошедшие значения <...> тув. «правильный», «верный».*» (Э.Севортян, I, 474). Без этой справки не представляется возможным этимологизировать основу греческих: *δρθος* – «справедливый, правильный, истинный», *ορθως* – «правильно», *ορθοδοξος* – «правоверный», *ορθοδοξια* – «православие» (т.е. «правоверие»).

Но и вариант «перечеркнутый месяц» приходит к грекам с тем же названием: *'or*, *'orta*, *'orda* «в (знаке) *or*». Греки получили наименование линии, соединяющей две точки окружности – *χορδα*. И третий случай: *orta*. Кто-то для греков называет Служебный Элемент («отверстие») отрицанием общего наименования сложного знака: **a-orta* > *αорта*.

...В германском и славянском получает распространение Крут с точкой и названием *erte* – «середина». Оно стало базой позднего **hert* – утратившего в германском конечный гласный – «маленькое > короткое» (*gert* – нем.). Соотв. славянское **kōrt* > *kort*, *krot*-, *korot*- – основы прилагательного *кроткий*, *краткий*, *короткий* и глагола *кרותи* (*укроти*, *сократи*). Эти слова должны входить в лексическое гнездо при создании этимологии славянских *сердце*, *середина*, *среда* и герм. *herts* – «сердце».

...С индоевропейским, отрицающим постфиксом: ☉ 'er, точка - 'erne > *gerne* > *zerne* > **zrene*, **zenne*. Эта линия развития добавила в славянский словарь основу глагола: **zer-i* > *zri*. И слова *зрение*, *зеница* (ока).

...Тюрки осваивают и вариант иероглифа ☺ *er*. Их в тот период интересует – как назвать Основной Элемент. Они используют аффиксальное отрицание: *j-er*. Возможно, так и было создано слово *jer*, *'jer*, *gjer*, *džer*, *žer*, *d'er* – «земля» (тюрк.). Близкое протороманскому **ter* > **tehra* > *terra* – «земля».

Германцы применили формант отрицания в постпозиции: **er-d'(t')* – «земля». Оксфордский словарь приводит примеры форм из германских языков: *erthe*, *ertha*, *erda*, *jorth*, *earth*. И восстанавливает общегерм. **erthō*. Индоевропейской праформы нет: нет соответствий в других языках семьи. Полагаю, что слово образовывалось в Древней Передней Азии, где оно было заимствовано древними семитами: 'erth – «земля».

III

Я столь подробно говорю об этом знаке Солнца потому, что он стал поистине мировым. Отметился не только в древнеегипетской письменности III-II тысячелетия до н.э., но и докатился до берега Тихого океана: ☉ - «солнце» (др.-кит.), ☼ *ʔe*, *ʔi* – «солнце» (кит.).

Китайское название знака солнца, ставшее словом, подтверждает версию о том, что египетский иероглиф или хотя бы его деталь назывались открытосложно **re* (*rd*). Значит, косвенно аргументируется структурная правильность греческого произношения египетского слова – *ra*.

Нам уже встречались случаи применения в письменности Древнего Египта способа переворота – переворачивался знак и переворачивалось его название. (В случае *tun* – *nut*, например.) Переворот изображения со времен петроглифики означал отрицание, смерть и был функционально равен действию копья-стрелы. То есть,

переворот знака = черте (копью, стреле) = точке (ране). Графически перевернуть круг (Луну) невозможно. Отрицать ее можно только чертой или точкой. Название ее отрицается аффиксально (прибавлением названия черты-точки, внутренней флексией или переворотом слова).

○ *ûr*, ⊙ 1) *j-ûr*, *ûr-j*; 2) *a-ûr*, *ûr-a*; 3) *ir*, *er*; 4) *rû*.

Итак, выбираем из этого перечня «египетское» произведение:

⊙ *rû* (*ro*, *ra*) – «солнце».

В Двуречье эти знаки использовали, наверное, воплощая их на земле в «города». Один из первых городов на земле – это шумерский Ур. Он, наверное, был еще без центра, которым позже станет дворец властителя-лугала. Пока город – это только ограда или ров. Не тогда ли возникло тюркское слово – *ur* (*or*) – «ров»?

[Вариант ☾ *ûr* прибавляет значению новый смысл – «лунка», «ямка». Этот иероглиф пригодится для этимологии основы славянских глаголов *орати* – «пахать» и **орити* > **орыть* > *рыть* и тюркского *ory* – «жни серпом», *orak* – «серп».

Мы его будем рассматривать и в развитии: ☾ ☽ ☾ **ar-ha* > *arca*. И здесь видно равенство грамматических способов: убить знак можно, зачеркнув его или перевернув. Не восстановив иероглиф, не поймешь образования значений омонимично звучащих слов: *arca* – «свод, дуга, купол» (греч.), *arca* – 1) «ковчег», 2) «закрытый ящик, шкатулка, ларец» (лат.). Чтобы избежать омонимизации, римляне воспользовались переразложением: увидев в последнем гласном окончание ж.р., они создают слово в мужском роде, которому присваивают второе значение: *arcus* – «арка, свод, дуга, изгиб».

(Этот способ – использование родовых окончаний в указанных целях – часто применялся латинскими словотворцами. Это надо знать этимологу.)

И знак с вертикальной чертой мог истолковаться как схематическое изображение части скелета – лопатки и позвоночника: *arca* – «спина» (тюрк.).]

Город с центром – это Урук. Второй более крупный город Шумера. Генезис слова: **ur-j* > *ury* > *uryk* > *uruk*. В тюрко-огузских: *uruk*, *uryk* – 1) «племя, род», 2) «семя, семена». Второе значение могло появиться при толковании варианта ☾ **ur-j*. В тюрко-кипчакских: **ur-a* > *urpa*, *urta* – «поколение, потомство» («*род?»), *ru* – «племя». Тюрки в тот период еще не знают, как грамматически назвать Точку или Окружность. Они используют описательный метод – «в (знаке) *ûr*». Но полученные слова ныне имеют скорее геометрическое и архитектурное значения (*orda*, *urda* – «дворец», «ханская ставка», *orta*, *urta* – «центр»). Если Круг с Точкой – общество «с царем в голове», то центр это не только дворец, но и символ самого правителя.

Индоевропейцы продвинулись дальше в таком понимании точки: *ra*. Точка: 1) **ra-j*, 2) **re*. Мы находим похожие слова в ит. *re* – «король», *real'* – «королевский» (лат. *rex* – «король» – более развитая форма), в ст.-фр. *roj* – «король», *rojal'* – «королевский». В др.-инд. *raj* – «король». С показателем м.р. *raja*. Произносилось – *padжа*. В семитских: **roj* – «глава» (в араб. *roš*, в араб. *rajs*, финик. *reš*).

[Очевидно соответствие внешнефлективной формы и внутрифлективной. Такое же соответствие ощущаем в тюр. *ara* – «смотри», *kör'* – «видь, смотри», греч. *fara-o* (**para-o*) – «фараон», др.-егип. *per-o* – «фараон», араб. *alla'* – «бог», др.-сем. *el* – «бог».]

...Тюрки часто переносили общее название сложного знака на любую деталь – на точку (черту) или на круг. Поэтому *uruk* – 1) «племя» («Круг»), 2) «семя» («Точка»); *er* – 1) общее название знака; 2) «муж, *господин» («Точка»).

Золотой Телец

Точка в круге, осознаваясь как Маленькое солнце, внесла существенную поправку в «иконь». Идолы, посвященные солнцу, делались в виде сверкающего металлического диска с отверстием в центре. Применяется для этой цели благородный металл, который не ржавеет, не меняет цвета и сияет, если его хорошо отполировать. Так как металл употребляется только для изделий, посвященных солярной тематике, название солнечного знака переходит на него: **aur*.

Активное участие в его освоении принимают протороманцы и протокипчаки. Их сотрудничество отражается в словарях и грамматиках как тюркских, так и романских.

  aur.

Ср. *aur* – «золото» (молд., рум.), *or* (**ōr*) – «золото» (фр.), *aurum* (лат.), *oro* (**ōrum*) – «золото» (ит., исп.). В тюркских это древнейшее слово вытесняется следующим по времени термином. А прежнее остается в словаре, как прилагательное со значением, выражающим главную характеристику самого тяжелого из металлов: *aur* – «тяжелое» (каз., ног., ккалп., балк., кар.), *ōr* (кирг.), *ūr* (алт.), *ār* (хак., гаг.), *ahyr* (тур., аз.). В некоторых тюркских языках сохраняется еще семантика – «драгоценное», «дорогое» (др.-тюр., тур., азерб., тув., якут.). И во всех тюркских присутствует, как я полагаю, одно из первых переносных предметных значений, порожденных «дырявым» знаком – «рана», «болезнь», «боль». Ведь отверстие – это «след копья».

С омонимичностью пытались справиться, используя диалектизмы. Так, киргизское *ōr* – удерживает два смысла «тяжелое» и

«болеть». Первый утерян, но «подобран» казахами: *or* – «золотой (масть коня)».

Кипчаки, придя с берегов Средиземного моря, привнесли в языки тюркской общности название этого металла, сохранив в своих диалектах форму первого термина.

Из романской группы интерес представляют молдавский и румынский, содержащие в своих словарях протороманские формы не только лексем, но и формантов. Например, во французском предлог *de* – «из» (ит. *di*) образуют прилагательные: *de or* > *d'or* – «золотой» (букв. «из золота»). Итальянское: *di oro* – то же. Праформа предлога **din* (*den*) – «из» сохраняется в молдавском: *din aur* – «золотой» («из золота»).

Мы говорили раньше, что романские предлоги сопоставимы с тюркскими суффиксами. И этот предлог имеет явное родство с тюркским *-din* (*-den*) – «из» (после мягких основ), *-dan* – «из» (после «твердых»).

В романских нет выраженной двурядности как в тюркских, и потому универсально используется любой формант, в данном случае мягкий. Но и твердому находится место в языке. В итальянском предлог *da* (**dan*) выражает отложительный падеж (*da Roma* – «из Рима»), а мягкий вариант, как уже говорилось, участвует в образовании прилагательных и родительного падежа.

В каком-то из Средиземноморских Диалектов древности, где дифтонг развивался в долгий, возникает конструкция **din ār* – «золотой». Этнос – носитель этого Диалекта, культурно достаточно активный, чтобы распространить свой культ Золотого Тельца (золотые монеты – идола Солнца) по всему Средиземноморью. Именно в языках этого региона утнездится название монеты и денежной единицы – *динар*. (Этимологии этого слова пока нет в официальной науке.)

Очевидно, что Диалект-распространитель не был романским, иначе бы он узнал предлог и не влил его в состав слова. Форма монеты – «динар с отверстием» – описана в литературе и представлена в коллекциях нумизматов.

...Распространилась культура золотого диска с отверстием и в тюркскую среду, где название знака подверглось сингармонизации: **dinar* > **diñar*, **diñer*. На каком этапе носовой ларингализуется? Скорее всего, это явление вторичное.

Знак толкуется – Луна и Звезда. Самая яркая из звезд, достойная изображаться рядом с Луной. Вечерняя звезда Венера. Возможно, переносное значение названия Венеры – «вечер» – сохранилось в каких-то языках.

Общее название знака переносится на деталь («Точка»). Шумерская гармония гласных довершает перестройку вокализма: *diñer*

> *dinir* > *dingir*. Я думаю, так знак «концентрические круги» получил шумерское название: ☉ *dingir* – «божество», «Венера».

Значит, было три этапа развития слова:

1. *din aur* > *din ār* – «золотой» - протороманский;
2. *dinār* > *diŋer* – прототюркский;
3. *diŋer* > *dingir* – шумерский.

Тюрки во время последнего этапа освоения этого знака обретаются в Древней Передней Азии, где, должно быть, общаются с семитскими племенами. Никто так не владел искусством внутренней флексии, как семитские словотворцы. Их школа чувствуется в механизме развития вокализма рассматриваемого слова. Если **diŋār* – общее название знака, перенесенное на точку – «звезду», то **dāŋir* – должно было назвать внешний круг.

И нам открывается другая правда – тюркские жрецы-грамматисты увидели в бывшем знаке солнца два элемента: круг – «небо», точка (отверстие) – «светило». Какое? Может быть, Венера. Здесь это неважно, главное, что в тюркских появляется *tāŋri* – «небо», «бог» (др-тюр.), *tāŋir*, *teŋir* – «бог» (общетюрк.). (В современном казахском слово входит в состав билингвы: *alla-tāŋri*. Даже ислам не смог окончательно вытравить воспоминание о древнейшей религии тюрков – тенгрианстве.)

Уже не отдельные светила – Луна, Солнце, Венера – но их вместилище НЕБО – становится богом – и родителем, и домом богов, что в философии многобожия позволяло примирять сторонников различных культов.

II

И пока в Святой Земле знак золотой «монеты» порождает веры, в северной Евразии продолжает развиваться тема золота как материальной ценности.

В языке тех, кто продвигает эту тему, формант **-den* – «из» применяется постфиксально. Но существительное **ōr* произносится еще (или уже) «картаво»: **ōl*. Думаю, что это были германцы: в их языках **ōl-den* – «золотой». Ср. *golden* (англ.), *gulden* (голл.). Переразложение: *gold* – «золото» (общегерм.). Именно в германских языках палатальный *l'* смягчает и звуки первого слога: **gōl'd*. Что способствует «разжижению» звонкого гортанного в славянских: **žolt*. Появляется прилагательное *жёлт*, *жёлтый* – отражающее внешнюю характеристику (цвет) металла. Хотя это не главное качество золота: и медь, и бронза, и латунь – желтые. Поэтому это слово не будет выражать основной смысл. Он достается диалектной форме: **zolto* – «злото, злато, золото».

В романский язык из того же лексического гнезда попадает *soldi* – «деньги».

...Если бы название золотой монеты попало в тюркские языки, то формант выравнивал бы качество звуков по первому слогу. Я думаю, что исходным существительным в том диалекте, из которого распространилось второе название драгоценного металла, было **āl*, которое, возможно, осталось в словарях словом *āl* – «алый». (Может быть – попытка передать цвет золота? Ведь и славяне, «опомнившись», назвали его не желтым, а червонным, то есть – алым.)

Таким образом: **āl-din (-tin)* должно было превратиться в *altyn* – 1) «золотой, 2) «золото» (в большинстве тюрк. яз.). Оригинальны *altin* (узб.), *āltin* (тур.диал.), *aldyn* (тув.), *altun* (др.-тюр.). Слово распространилось в монг. *altan* – «золотой» с переразложением *alt, olt* – «золото» (потому что *-n* – суффикс прилагательного). И далее, в тунгусо-маньчжурские, где этим словом называют различные металлы: *алтама*, *алдума* – «золотой», «медный», «жестяной» (звенк.), *alta (arta)* – «цинку», «жесть» (удин.)

В тюркологии принято считать: «*altun* происходит от ким. *tuŋ, toŋ* – «медь», с тюркским эпитетом *āl, al* – «красное»¹⁵¹. Но восстановив связи тюркского слова с европейскими названиями первого из металлов, мы будем не столь уверены в такой этимологии. Даже более того, наша версия может пригодиться для выяснения генезиса и арабского *lātūn* – «желтая медь» (откуда русское – *латунь*) и кит. *tuŋ, toŋ* – «медь».

Я не случайно назвал золото – первым металлом. Только золото встречается в самородном виде, и потому оно оказалось доступней меди и железа. Как и всякое открытие, золото, вероятно, явилось человеку случайно. Кто-то заметил, что под большим костром, разведенном в сухом русле реки, расплавился камень. Потом, остыв, лужица отвердела. Попытка расколоть ее другим камнем привела к тому, что плоский «камень» стал еще плосче. Сейчас мы скажем – поддался ковке.

Солнце-дитя

В одну и ту же эпоху человечество одновременно исповедует несколько истин. Культ Солнца, культ Венеры, культ Неба – все они порождены толкованиями знака «убитая Луна» > «не Луна» – первого солярного знака. Наибольшее количество религий было вызвано к жизни толкованиями Точки – «пятна на Солнце». Мы рассмотрели

¹⁵¹ Э.Севортян «Этимологический словарь тюркского языка», I, стр.142

некоторые из них. От самого первого – «рана» (прачеловечество) до последнего «звезда-Венера» (Шумер). Но между этими полюсами было и – «маленькое Солнце» («Солнце-дитя», «Юное Солнце»), которое контаминировалось с земным – «господин», что позволило обожествить вождей, верховных жрецов, признав их маленькими земными солнцами – детьми Большого. На них были перенесены названия маленьких солнц.

...Нам известно как называли священнослужителей в Иудее – *rabin* (**ra-ben*), *rebi*. Слово это поддается анализу, если согласиться, что древним евреям были ведомы египетский знак солнца и его название – *ra*, что, вероятно, могло быть узнано и во времена «египетского плена», из которого евреев сорок лет выводил Моисей. Тогда вторая составляющая слова вполне согласуется с семитским *ben* (*bin*, *ibn*) – «сын». «Солнце-сын» > «Солнца сын»? Такой семантический переход был вполне возможен. Упоминался также вариант древнесемитский: **iš-Ra-el* – «Бог Маленький Ра».

II

Одновременно с семитскими определениями Сияющей точки и в других языках Средиземноморья могли возникнуть подобные выражения возникшей традиции.

Население египетских областей (номов) было, по-видимому, не моноязычно. Можно ожидать – знак Солнца назывался не только *Ra*. Есть основания предполагать, что было известно и аффиксальным способом созданное наименование того же иероглифа. Жрецы племени, назвавшие этот знак **J-or* > *Gjor* > *Gör*, не смогли переразложить название на составные части, когда потребовалось выделить из него имя Служебного Элемента. А потребовалось это, по-видимому, когда точка была заменена чертой-стрелой ☉ ☿ Ψ.

Черта в данном контексте означала – «маленькое Солнце с лучом». И это «Юное Солнце», символ возрождения, победы Прямого (которое в то время уже символизировало все светлое, честное, доброе) над Кривым (символом зла, лжи и темных сил), надо было назвать. Использовали общее наименование *Gior'* (*Gör'*) и отрицательный аффикс – *j*, который в одном диалекте применялся в препозиции: **J-Gör'*, в другом – в постпозиции: *Gör'-j* > *Gör'-j*.

В древнем Египте возникает культ Гора-сына («Горамладенца»). Он – всепобеждающий герой. С малых лет. В середине I в до н.э. египетские скульпторы его изображают уже взрослым парнем в латах на коне. Привстав на стременах, он копьем отвесно поражает дракона, извивающегося у ног коня. Так был художественно интерпретирован знак – «южный месяц, пересеченный вертикальной

чертой». В эпоху солнцепоклонничества «месяц» («луна») становится символом «неправды», «змея», «кривды», прямое, как луч света, копьё – знаком истинной правды и веры. Герой был настолько популярен в Древнем мире, что даже первохристиане вынуждены были его признать «своим» и канонизировать. Имя его: *Gior-j* > *Gior-gi* (*Žior-ži*). Варианты: *Jur-j*, *J-gör* > *E-gör*. В русском христианстве собрались имена героя-змееборца: *Георгий*, *Юрий*, *Егор*, *Игорь*... Знак Ψ *Gior-gi* греками был понят как символ земледелия: «лунка и тычковая соха-копье земледельца». Отсюда: *Γεωργος* («Георгос») – «земледелец» (греч.). Но знак толковался и как символ скотоводства – «рога и стрекало». Русские крестьяне называли Георгия «загонщиком скота» или даже «скотным богом» (см. «Мифологический словарь», М., 1991, стр.196).

III

В середине I тысячелетия до н.э. появляется буквенное письмо. Египет завоеван Римом. (Но раньше на век или два этруски познали египетскую культуру.) Имя Героя пишется на постаментах статуй, воздвигнутых в его честь. И тогда происходит первая орфографическая ошибка, получившая продолжение. В западногреческом письме, от которого произошли этруское и латинское, курсивное $\perp$ (*i*) совпало формой с $\perp$ (*l*). *Gör-gi* прочлось **Gör-gl*. Мягкому губному гласному в греческом, этруском и латинском алфавитах не нашлось адекватного выражения и его передают естественным мягким: **Ger-gl'* > *Ger-kl'*.

...Как в материале выразить графему со значением «Юное Солнце», «Солнце-дитя», т.е. «утро»? Этрусский умелец нашел решение. Сияющий бронзовый диск – это «Солнце», острым инструментом нарисован младенец – «дитя». Форма предмета – диск с рукояткой – воплощала знак солнца с лучом. Овеществленная метафора понималась: «Солнце-дитя» > «утро» или даже «Дитя Солнца», если считать таковым Луч, исходящий от светила. Рядом с младенцем жрец-художник начертал этрускими буквами название сюжета: **HE hKLE** – *Gerkle*.

Комбинаторским способом этрускологи прочли *Ger-kle* = «Гер-сын». И поняли как намек на египетского «Гора-сына». Именно младенца, потому что героем с копьём он станет, когда копьё пронзит не полную луну, а полумесяц. Несомненно родство этруского имени с римским *Ger-cul(es)*. Это уже взрослый всепобеждающий «Гор-сын». В огласовке консонантной группы – *kl-* применился латинский уменьшительный суффикс *-ul*, *-cul*. Греки по-своему вокализуют консонантную группу: *Ger-akl(es)*. Первый подвиг Геракл совершил в младенчестве. Ему в люльку подбросили чудовищных змей, которых он

задушил. Этот подвиг не включен в число двенадцати. Но он самый важный, ибо напрямую связан с копьем, убивающим Змея. (Змей в виде люльки. Контаминация двух значений, если не трех: сложный знак мог толковаться и как «рука».)

Видимо, и тюркские мифотворцы принимали участие в освоении образа всепобеждающего Гора-сына. Имя главного героя огузских эпосов - *Gör-ogly*. Начало сюжета подсказано толкованием лексического смысла имени: *Gör* – 1) «видь; увидь», 2) «могила» (огузское). Авторы эпоса выбрали второй вариант: младенца находят в свежевырытой могиле и дают ему имя *Gör-ogly* – «Сын могиль». Какой открывается простор для литературных фантазий таким зачином!

Солнце-отец

В дневнеегипетских легендах солярного цикла меня привлекают два имени, несомненно связанные изначально какой-то сюжетной линией. Ее не трудно расшифровать. Одно мы только что рассмотрели *Hr-ʾj* («Гор-сын» - «Юное Солнце», «Солнце-дитя»).

Второе *Hr-ʾt* («*Гор-отец») или теперь мы понимаем – «Старое Солнце», «Солнце-отец».

Некогда легенда эта пришла в Египет извне, вместе с каким-то из пришлых этносов, но, несомненно, успевшим повластвовать в государстве Нила, иначе бы его миф не прижился в общенациональной, общегосударственной культуре.

Hr-ʾt каждый вечер спускается под землю, где протекает большая темная река, и борется с водяным змеем Апопом (*ʾP-ʾp*) и погибает. Вот и весь сюжет. За ним, вероятно, следовала вторая часть – каждое утро юный герой *Hr-ʾj* побеждает водяного змея.

Так образно интерпретировали поэты III тысячелетия до н.э. феномен Умирания Старого Солнца (закат, наступление ночи) и феномен возрождения его в образе Юного Солнца (восход и наступление утра). Сюжет этот, скорее всего, изображался когда-то графическими символами, обозначавшими Закат (солнце опустилось в воду) и Восход (солнце поднялось над водой). Если воду изображала волнистая линия, то понятно совмещение двух толкований этого знака: 1) вода, 2) змея. В результате рождается третье синкретичное решение – водяная змея.

Такой сюжет мог родиться в культуре какого-то островного племени, которое каждый вечер видело, как солнце опускается в воду и каждое утро – поднимается из воды, тем самым, побеждая «водяную змею». В Египте легенда распалась на два самостоятельных мифа, казалось бы, ничем не связанных. Гор-сын зажил своей жизнью, полной

опасных встреч с водяными драконами (крокодилами), которых юный герой побеждал без устали. Гор-отец с таким же постоянством боролся с гидрой, но без всякой надежды на успех. Поэтому этот пессимистический образ, символ фатализма, не приобретет такой популярность у египтян, какая досталась Гору-сыну. Юный герой-победитель стал международно известен. Этруски, римляне, греки, тюрки признали его своим эпическим героем – Гер-кле, Геркулес, Геракл, Георг-оглы. Он пережил языческих богов и был принят в христианские святые: Георгий – победитель Змея.

Гор-отец не был принят ни в одну из средиземноморских культур, кроме тюркской, которая сохранила память об обоих, хотя и здесь сыну досталось больше восхищения и любви. На эпосе Георг-оглы воспитывались сотни поколений тюрков-огузов. Дед Гор-кут (Кор-кыт) известен как остаточный символ культа Предков, хранитель их мудрости. Легенду о нем сохранили казахи, жившие на берегах Сыр-Дарьи. Она стоит того, чтобы ее привести. В ней сохранены основные черты египетского сюжета о Заходящем Солнца, ужаленном водяной Змеей. Тот же фатализм, ожидание неизбежного заката. Почувствовав приближение старости, Коркыт решил искать бессмертия. (Уйти на край земли, чтобы смерть его не нашла.) Оседлав сказочную верблюдицу Жель-Майя, он отправился в путь. Достигнув края земли, старик увидел людей, которые рыли яму. «Кому копаете могилу?» - спросил старец. «Деду Коркыту» - был ответ. Он повернул Жель-Майя в другую сторону. Побывал на всех «четырех краях света» и всюду повторялась та же сцена. «Кому?...» «Деду Коркыту.» И Коркут возвращается к Сыр-Дарье. Здесь он стелет ковер на поверхности воды и, сидя на ковре, играет на кобызе. День и ночь продолжает играть: пока звучит его мелодия, смерть не смеет к нему приблизиться. И, лишь когда он, изнуренный вздремнул на миг, смерть, приняв образ водяной змеи, ужалила его, и он умер.

(Эта народная легенда, записанная в XIX веке Ч.Валихановым и А.Диваевым, живет и поныне. Существует и музыкальная пьеса для кобызы «Коркыт-кюй», комментируя которую, казахский музыковед и композитор, профессор Ахмет Жубанов пересказывал эту легенду в книге «Струны столетий», стр.230-231.)

Сколько тысячелетий живет этот египетский миф о Старом Солнце, сохраненный кочевниками! И сюжет, и имя героя уцелели.

Зеркало

Этруски не были моноязыки. Римские писатели, говоря об этрусках, называли их собирательно – «Двенадцать племен Этрурии».

Полагаю, что автор столь развернутого термина имел ввиду федерацию городов-государств западной Италии, населенную многоязыким населением, пользующимся одним алфавитом, похожим на западногреческий. Я допускаю такую возможность. Это объясняет, почему поиски этрусского языка не дали результатов. В надписях следовало искать не этрусский язык, а этрусские языки. Среди которых был и латинский – язык населения города-государства *Lati* (ныне итальянская область *Lazi* с городом *Latina*). Латины вышли из федерации, расширили свою территорию, захватили небольшой еще город Рим (*Roma, Urba*), построенный другими этрусками, сделали его своей столицей, и началась – история Рима.

Мы должны попробовать привыкнуть к мысли, что были разные этруски: этруски-латины, этруски-германцы, этруски-будущие балты, этруски-тюрки, этруски-албанцы. (В основе албанского народа – крупное племя *tosca*. Их самоназвание почти буквально совпадает с одним из двух латинских названий этрусков: *tusci* – «этруски». Второе вошло из диалекта, где перед стыком согласных появляется протетический гласный *e*: *tursca* – первое название этрусков, ставшее известным древнеиталийцам (сабинам). В диалектах слово видоизменилось: *tussca* > *tusca* – в результате «итальянского рефлекса», превращающего стык согласных в долгий согласный. И в диалекте, где действовал закон метатезы плавного, происходит перестановка: *tursca* > *trusca*. Вот здесь и возникнет – *etrusca*. (Протетический *e* появляется в начале слова перед стыком согласных в испанском, французском. Ср. лат. *scripo* – «пишу», фр. *ecriver* – «писатель», лат. *studentus*, исп. *estudentas*.)

...Торговый и культурный обмен, видимо происходивший между городами-государствами, способствовал и распространению предметов материальной культуры. Возможно, сияющие бронзовые диски с надписью *Gerkle* из одного города-государства (возможно, населенного германцами: *kle* – «маленький», «дитя» – похоже на нем. *klein* – «маленький») попадает в руки умельцев из другого этрусского города, где не поклоняются таким «иконам», и надпись принимают за название предмета. Это изделие становится предметом торговли. Его размножают бронзовых вещей мастера. Сияющую, отражающую поверхность используют уже не в духовных, а в бытовых целях. И название уже в славянском произношении наносится на предмет разновидностью этрусского письма. Так вместе с предметом распространяется его название: *SEPKLE* > *SPEKLE*. В том, первом славянском алфавите, похожем на западно-греческий, была буква *S*, которая выражала звук «з» (и твердый, и мягкий). Она дойдет до кириллицы буквой «зело»/«*зло».

В славянских языках сохранится и превращение *ge > ze*: («на бреге» > «на брезе»).

Бронзовые зеркала с надписью попадают в город-государство латинов, где существует уже латинская разновидность этрусского алфавита, несколько отличающаяся от греческого. Например, буква **S** – это уже не «зз», а «эс», а буква **P** – не «эр», а «пэ». Они повторяют надпись этрусско-славянскую, но прочитывают ее иначе: **SPEKLE* В русской транскрипции: *СПЕКЛЕ. В славянских языках происходит достройка слова. Последний слог подгоняется под орудийный суффикс, который образует от глаголов названия орудий-предметов с определенными функциями: *метла, весло, кресло, шило, мыло, стрела, седло, стрикало*... Думаю, так появилось *SPEKALO* – зрекало, зеркало.

Латиняне также в процессе освоения слова дооформляют его, исправляя «ошибочное» *a*, заменяя окончание своим суффиксом среднего рода: *SPEKulum* – «зеркало» (лат.). Теперь, когда и у славян, и у латинян прояснились структуры «формантами» (у славян – орудийный суффикс и ср. род, у латинян – уменьшительный суффикс и ср. род), переразложение продолжилось. Выделяется в обеих средах общий корень *SPEK-*, от которого производят похожие слова: лат. *specio* – «глядеть», *speciēs* – «зрение», *specto* – «смотреть»...

В эту поразительную согласованность и диссонанс одновременно трудно поверить. Но в условиях соревнования греческого и латинского алфавитов на пяточке юго-запада Апеннинского полуострова, такие исторические ошибки были неизбежны. Латинская ошибка продолжилась в немецком *spiegel* – «зеркало».

Параллельно развивалась в славянском группа производных от *SPEK* – *зыркать, зеркать* – «шнырять глазами» (рус. диал.), *зрак, зрачок, призрак, зоркий, зерцать* и т.д.

Можно допустить, что первые бронзовые зеркала обходились еще только изображением точки вместо младенца. И названиями или в форме *Ger* – общее имя знака, или *Ger-kle* – название точки. Поэтому первыми значениями могли быть: *zer* (ставшее основой глагола **zer-i > zri* – «смотри»). И удивительно сохранившееся в словенском: *zrkalo* – «зрачок» (точка?), *zrak* – «солнечный луч» (черта?).

...Мне проще было бы принять за истину версию Словарей. Статья, посвященная этимологии слова «зеркало» у Фасмера занимает пять строк. Приводятся формы из славянских языков и вывод: «Вероятно, калька лат. *speculum*; см. Шрадер-Неринг, 2, 422» (Ф., II, 95).

Эта весьма неуверенная попытка объяснения имеет мощную поддержку такого психологического фактора как И.К.С. – согласно сознанию, веками воспитанному формировавшимися «историко-

культурными соображениями», славянское всегда будет стоять после латинского. Но мы договорились, данные лингвистического анализа считать важнее И.К.С. Попробовать, испытать такой подход. Этому эксперименту посвящена моя работа. Если бы сопоставлялись только лат. *speculum* и слав. *зрекало* (в древнерусской записи *SPEKALO*), и то потребовалось бы объяснение, почему зрительно совпадают буквенные формы этих двух слов из разных языков и разных письменностей? Почему корни *SPEC* и *SPEK* – и смыслы их буквально совпадают. Можно ли и это явление посчитать калькированием? Почему не попытаться объяснить это «письменным чередованием» – результатом несовпадения значений букв латинских и кириллически-греческих, внешне похожих? Это было бы самым исчерпывающе точным ответом, снимающим всякие домыслы о «калькировании». В подтверждении можно было найти и другие примеры такого греко-римского «письменного чередования» звуков даже в русском языке: *зрей* и *сней* имеют одно значение и когда-то одну кириллическую запись *SPEI*, которая прочлась и «по-латински».

Но, даже согласившись с тем, что такие совпадения возможны, все равно легче предположить, что это славяне искаженно прочли «по-гречески» латинские слова в каких-то словарях раннего средневековья. Скажем, в IX веке, когда Кирилл только-только изобрел кириллицу и ввел букву «зело».

Однако теперь надо справиться и с этрусским фактором, с надписью на этруском «зеркале» - *Herkle*. В славянском языке слово это может превратиться в **zerkle* и только в славянском произойдет метатеза плавного: **zrekle*. И уже в этой форме, но в записи протокириллической **SPEKLE* этрусское имя Юного Солнца уже в новом значении, как название бытового предмета, попадает в молодой латинский язык. Таким образом, делаю вывод: протославяне, по данным археологии языка, являлись производителями первых бронзовых зеркал в Этрусской федерации.

...Я впервые написал об этом в «АзиЯ».

Б.А.Рыбаков, кажется, единственный в ту пору академик-археолог, нашел аргумент, опровергающий мою версию. На упоминавшемся обсуждении в Академии Наук он заявил, что в «славянских могилах зеркал не найдено. Ни бронзовых, никаких!» Но там, где он копал (на нынешних территориях расселения славян) – вероятнее всего, следов раннеславянских культур еще и не было.

Последнее солнце

В большинстве современных тюркских языков понятия «солнце» и «день» выражаются одним словом: *kün* (*kin*, *kön*, *gün*) и только в огузских иначе: *gün* – «день», *güneş* – «солнце» (тур.), *gündəş* (азерб., туркм.).

Несомненно, слово с консонантизмом **k-n* появилось еще в Диалектах прототюркской общности, то есть, на наш взгляд, не позже IV-III тысячелетия до н.э. И хотя в отдельных тюркских Диалектах бытовали другие названия светила (о которых говорилось выше), **k-n* набирало силу, распространялось, вытесняя прежние. В иных тюркских языках в какие-то времена могли синхронно существовать два, а то три имени Солнца, настолько сильны были племенные традиции, что и при скрещении, слиянии этносов имя божественного светила не сразу уступало поле пришедшему. Поле сознания. Но, даже уступая, прежнее название сохраняло за собой одно из ближайших переносных значений или совсем новое, подсказанное перетолкованием знака. Такова судьба слова *ud* (*ut*, *ot*) – «огонь», некогда и «*солнце», что подтверждается шум. *ud* (*ut*) – «солнце» и «*огонь», что, в свою очередь, аргументируется производными: *udun* – «очаг» (шум.), *udun* (*utun*, *otun*) – «дрова» (тюрк.). Такова судьба общетюркского *aj* – «Луна», «Месяц» (*Солнце) и произведенного от него *jaj* – «солнце» (др.-тюрк.), в современных языках выступающего уже в значениях «лето», «весна», «год».

В иных ситуациях происходило спаривание прежнего и нового (билингва), когда новый термин пояснялся старым. К таким отношу относительно недавно возникший термин *alla-tānri* – «бог» (где соединились араб. *alla* – «бог» и исконно тюркское *tānri* – «бог»).

Возможно, в более ранние времена также слились племенные названия солнца *'ud* и *aj*, создав монолитное *xudaj* – «бог», получившее большую прописку в иранском, нежели в тюркских языках (иранской этимологии нет).

Все приведенные примеры объединяет одно – знаки Солнца, названиями которых они, по-видимому, являлись, содержали Основной Элемент *ʔ* – «*Луна» и Служебный – Точка, Черта, Крест – *j* (*d'*) – «стрела». Это позволяет их причислять к терминам шумерской эпохи.

К тому же периоду, протянувшемуся, по меньшей мере, два тысячелетия, следует отнести традицию Основного Элемента *ʔn*.

II

Полагаю, что у тюрков и индоевропейцев этот знак Солнца был общим. Он содержал Основной Элемент (возможно, Круг или Полукруг, Угол) **ʔn*, однако «открытый» гортанным протезом **hʔn* – 1)

«Бык», 2) «Луна». В индоевропейских и тюркских носовой рано утратил ларингальность и протетический превратился в глухой гортанный: **kūn*.

Служебный Элемент, скорее всего, назывался – *j* – «стрела», «рана от стрелы» (в тюркской среде), *ha* (*a*) – «копье», «рана от копья» в индоевропейской. Рассмотрим пока этимологию тюркского слова. Названия Служебного Элемента использованы как внутренние флексии: **kjūn* > *kōn*, *kūn* (*gūn*), *kin* – «солнце» и «день» (общетюркское). В огузских значения разведены: *gūn* – «день», *gūneš*, *gūnāš* – «солнце». В др.-уйг. *kūnāš* – «солнце».

Второе обязательное значение («не Бык») выразилось формой с иным размещением внутренней флексии относительно корневого гласного: **kūjn* > *kojn* (*kujn*) – 1) «баран», 2) «корова». В словарях сохранились: *koiyn* – «баран» (огуз.) > *koj* (*kuj*) – «баран» (кипч.). К этой группе, думаю, причислить *kajyn*, *kadyn*, *katyn* – 1) «супруга хана» (др.-тюрк.), 2) «супруга; баба» (общетюрк.). (Если Бык = Муж, Вождь, то антизнак – Корова = Супруга Вождя.) Лучше сохранилось слово в германском «архиве»: *queen* (транск. *kwiin*) – «королева» (англ.). (Чуть позже мы дойдем до этимологии и другого английского слова: *king* – «король». Допускаю заранее, что праформа этого титульного термина была **kjun* > *kūn* > *kin*. То есть, титулы «король» и «королева» отличались местом внутренней флексии. Если это отголосок древней традиции, то она должна была оставить следы и в тюркских языках. Вероятно, *kūn* в прототюркских имело и второй смысл – «властитель». Но первое значение победило. (Как в протоанглийском – второе.)

Все эти культурные процессы происходили, вероятно, еще в ареалах совместного обитания тюрков и германцев, возможно, в Древней Передней или Малой Азии.

Зеленое солнце

Оттуда уходят на поиски Родины солнца предки майя, инков и ацтеков. Они донесли искомый нами знак и его названия до берегов Тихого океана. И – далее. Тур Хиердал собственным опытом доказал, что судна, сделанные из плотных вязанок тростника, способны выдержать длительные морские переходы. Его «Тигрис» пересек Атлантический океан за 52 суток. Он полагал, что этим путем от берегов Африки мореплаватели Старого света еще во времена финикийские способны были на утлых судах добираться до Америки.

Академик Окладников считал, что эскимосы перешли на Аляску по перешейку, соединяющему Азию и Америку. 15 тысяч лет назад этот перешеек был разрушен землетрясением и образовался

пролив, который в XIX веке называли Беринговым. Оказавшиеся на Аляске племена палеазиатцев позже распространились на юг и постепенно дошли до Огненной Земли – самой южной оконечности субконтинента.

Но, вероятнее всего, процесс заселения Северной и Южной Америк был значительно сложнее. Культурные и расовые характеристики североамериканских «индейцев» и народов Крайнего севера Евразии совпадают и потому, что схожи условия обитания, но и в результате несомненных межэтнических связей, которые могли осуществляться и в «послеперешеечные» эпохи: перебраться через пролив можно было и в зимнее время по льдам, и в летнее на лодках. О связях по водным дорогам северных «индейцев» и южных свидетельствует, в частности, и общность терминологическая: *kajuk* – «лодка» (эск.), *kajak* – «лодка, судно» (майя).

Случайно ли попал в лексикон «индейцев» термин тюркского образования: *kajak*, *kajuk* – «лодка»? Полная этимология: ☾ *aj* – «луна», «месяц». Переносные значения: 1) «след ноги», 2) «чаша», 3) «ладья».

На предметы, похожие на священный знак, переносилось название знака в уменьшительной форме: *-ak*, *-ik* – суффиксы уменьшительности в тюркских языках: *ajak* – 1) «нога», 2) «чаша» (каз.). Поздние диалектные варианты: *adak*, *atak* – «нога» (сарыг-уйгур., др.-тюрк.).

Другое индейское название лодки *пирога* известно в Старом свете с XIX века. Оно, как и *ураган* – «шторм, тайфун», пришло из языка южноамериканских индейцев Карибского бассейна в книгах первых американских писателей. *Ураган* этимологизируется, благодаря тюркским языкам: *ura* – «заверни, закрути», *uragan* – «закручивающийся» (тюрк.). Вероятно, описание спиралевидного знака вихря. Слово родственно нескольким тюркским терминам, оставшимся в Евразии: *buran*, *buraan* – «буран», «буря» (*bur* – «поверни», «поворот», *bura* – «сверли», «крути», *buran*, *burhan*, *purgan* – «сверлящий, крутящий»). Отсюда и русское слово – *пурга*.

Все эти природные воплощения спиралевидной графемы пришлось познать мореплавателям, переплывавшим Тихий океан на тростниковых каяках и пирогах. Не в один раз и не один век отважные мореходы предпринимали эти попытки с берегов материка Юго-восточной Азии и с островов Филиппинского и Индонезийского архипелагов, освоенных ранее. В индонезийском языке есть термины, собравшиеся из диалектов. И все они описывают знак, похожий на вышеприведенный: *perahu* – «лодка» (*пурога?*), *perigi* – «колодец», *piring* – «миска, тарелка».

Видимо, этим путем уходили предки американских индейцев дальше на восток, чтобы найти землю, где родится Солнце. Сегодня и школьник начальных классов посмеется над такими затеями, но тогда люди не знали, что Земля – это шар. Они верили, что она похожа на плоское блюдо, тарелку!.. А потом, чаще всего, оказывалось, что это – лодка, стремительно наполняющаяся водой. Каюк.

II

Майя поклонялись чужому знаку Солнца. В созданном ими иероглифе Основной Элемент назывался бы их словом *U* – «Луна». Но в том, которому они поклонялись, Основной Элемент, скорее всего, был

**uŋ* > **kūŋ*: это заметно по названию светила в диалектах майя: *kiŋ, king, kin* – «Солнце».

Сравнение с тюркским материалом позволяет восстановить праформу «индейского» имени: **kūŋ*. В отличие от тюрков диалекты майя сохранили сложный носо-небно-гортанный согласный (*ŋ*), его более простую носо-гортанную ступени (*ng*), нисходящую к простому носовому (*n*).

Но зато в диалектных формах тюркского слова предстала картина развития его вокализма: *kön – kūn – kin*.

Совмещение этих двух пластов – евразийских и американских данных – позволяет восстановить подлинное звучание инкского названия солнца: в дошедших до нас источниках это – *kon*, мы отныне имеем право предположить – **kön*. Испанские информаторы не могли бы адекватно передать «искусственный мягкий» средствами латинского алфавита. Так же как и мягкость гласного в числительном *oš* – «три» (майя), которое теперь согласуется с тюркским *ös'* (*uš, öč, üč, iç*) – «три». Аккадские словари пытались изобразить необычный для древнесемитского слуха и письма звук в шумерском числительном в одном случае «естественным мягким»: *eš* – «три» (шум.). В другом случае, попросту превращая его в твердый: *iš* – «три» в составе сложного *iš-i* – «тридцать».

...О том, что майя и инки восприняли этот знак, его название и сам культ Юного Солнца у прототюрков свидетельствуют некоторые убедительные доказательства.

Первое уже приведено – название солнца. Второе – имя верховного божества: *Jaš kin* – «Юное (новое) Солнце» (майя). Этот термин-фразеологизм содержит в качестве определения прилагательное, буквальное соответствие которому есть только в древнетюркском. А это уже третье доказательство: *jaš* – 1) «юное (новое)», 2) «зеленое» (майя), *jaš* – 1) «юное», 2) «зеленое» (др.-тюрк.).

Тройное совпадение форм и значений слов – это три степени защиты от случайности.

Более того, тюркский словарь позволяет понять семантический переход «юное (новое)» – «зеленое»: *jaš* – входит в группу слов, обозначающих весну; ср. *jaš* – «весна» (кирг.), *jaz* – «весна» (др.-уйг.). Весна это – «первая зелень», «новая зелень» в северных широтах Евразии. Именно там слово обрело переносное значение – «зеленое», т.е. весеннее. В Южной Америке в Гватемале, где обитали майя, – крае вечной зелени, такого семантического развития (весна = зелень) не произошло бы.

[В тюркских языках не удержался термин **jas kün* возможно потому, что о культе Юного Солнца давно забыли. Но о том, что такое сочетание имело место, а в некоторых языках – в инверсионной форме **kün jaš*, свидетельствуют, на мой взгляд, др.-уйг. *kündäš* – «солнце», и огузские: *günaš* (азерб.), *güneš* (тур.). Определение, оказавшись после определяемого, утратило со временем лексическое значение. Морфологическая разность огузских слов, обозначающих «день» (*gün*) и «солнце», (*gündäš*), объясняет нам как интерпретировался тюрко-америндский иероглиф: Точку с лучами («сияющую точку») посчитали солнцем предки огузов, а Круг – небом. Общее название знака Неба с Солнцем (*gün, kün, kin*) стало обозначать День, Светлое время суток.]

...Возможно, в составе племен майя, инков и ацтеков в великом океанском кочевье и участвовали некоторые тюркские роды. О том, что разные тюркские диалекты оставили свои следы в религиозной терминологии америндов (так ныне называют в литературе «американских индейцев») говорит форма инкского *kon* – «солнце», отличающегося вокализмом от майайского, а также имя верховного божества инков, прославленного Туром Хиердалом: *Kon-tiki* – «Солнцедитя».

Термин *tek* – «род», «народ» представлен во многих языках америндов. Он узнается в этнонимах – ацтек, сапотек, агуатек, хакальтек, хуастек, чикомукельтек, оспантек и др.

Среди тюркских языков слово *tek* в значении «род» сегодня встречается, пожалуй, только в кипчакских. В древнетюркском уже – только производное: *tekin, tegin, takin* – «принц». В титульном имени хана: *Kül-tegin* (**Kün-tegin?*).

В состав 1000 слов пратюркского языка авторы СИГТЯ «Лексика» не включили *tek*. Оно может стать 1001-м. Участие его в америндских языках во фразеологизме с тюркизмом **kön*, может говорить о том, что прототюрки его произносили достаточно регулярно. Сегодняшние казахи, говоря *tek* – «происхождение», «род», «порода», *tekti* – «родовитый», не замечают возраста этого слова. Казахи башкиров

называют *es-tek*, ханты-мансийцев уральские тюрки нарекли *ös-täk* (по-русски – *остяк*). Не хочу сходу выяснять генезис этих этнонимов-кличек, но, думаю, в состав их, несомненно, входило слово *tek (tāk)* – «род», имеющее связь с древнегреческим *tek* – 1) «дитя», 2) «потомство, поколение».

Начальный опыт сопоставительного рассмотрения тюрко-америндских лексических материалов показывает перспективность этого направления компаративистики. Неслучайные лексические совпадения говорят о «культурном родстве» языков, генетически весьма отдаленных друг от друга. Культурное родство имело место вследствие общего религиозного культа поклонения Юному Солнцу (Солнцу-дитя), проводниками которого, судя по терминологии, были тюрки. Эта неизвестная, забытая человечеством религия обладала столь мощным идеологическим потенциалом, что оказалась способной питать энергией дух десятков поколений этносов, ушедших из Средиземноморья и Древней Передней Азии в III-II тысячелетиях до н.э. на восток, на поиски земли обетованной – Родины Солнца.

Основная масса тюркских племен осталась в Евразии. Какая-то часть, возможно, растворилась в островных этносах Юго-Восточной Азии, убедивших себя, что достигли Родины Солнца, какая-то часть, возможно, достигла островов Полинезии, а кто-то, наверное, ступил и на берега Утреннего Континента.

Поэтому для тюркологов-компаративистов представляют интерес языки островов Юго-Восточной Азии, Тихого океана и америндские.

Дитя Луны

Жрецы майя были основоположниками и проводниками другого толкования иероглифа Солнца. Точка в круге ими понималась иначе. Сам сложный знак не содержал «лучей», а, если развивался, то только в концентрические круги, и назывался по-другому. Их адептами являлись, по-моему, люди племени, осевшего на крупном острове *Palau*, что в несколько сот миль восточнее Филиппинского архипелага. Туда летают самолеты из США и стран Азии: туризм. Людей привлекает особая достопримечательность – «монеты острова *Palau*», так на выставке фотографий в этнографическом музее Вашингтона назывались громадные каменные диски диаметром в два с лишним метра с отверстием в центре, украшающие различные районы острова. Они лежат плашмя на земле, чтобы Солнце видело свой знак и оберегало этот остров, имя которому, вероятно, и дал солнечный иероглиф. Знак был путеводным ориентиром, картой той обетованной земли, за

которую и приняли отчаявшиеся мореплаватели этот клочок земли в безбрежном океане.

Население острова, вероятней всего, и не знает смысла слова *Palau*. Я нахожу его в разных местах Евразии. Это название северной оконечности острова Сардиния в Средиземном море, острова в Тихом океане, в Мексике. Как вехи на маршруте от Египта до Америки.

Индонезийцы истолковали знак *Palau*, наверное, как «остров в море». Не так ли появилось в их языке слово *pulau* – «остров»? Осознав это значение, предки индонезийцев, вероятно, сочли, что достигли цели и осели на каком-то острове архипелага, откуда потом расселились по другим островам.

...Структура знака и его название напоминает священные иероглифы древнего Средиземноморья – «круг с точкой» и «круг с чертой-лучом», которые назывались **Per-û(n)* и **Para-o(n)* и были символами не только богов-громовержцев *Perun* и *Percun(as)*, но и знаками земного бога египтян: *pero* – «фараон» (др.-егип.), *farao* – «фараон» (др.-греч.). Египтяне писали это, скорее всего, заимствованное слово, используя сходно звучащие иероглифы. Им важно было передать звучание его, а не образный лексический смысл, который им, думаю, был неведом. Они применили иероглифы «дом» (*per*, *p-r*) и «большой» (*o*).

...Слово это, я думаю, было сконструировано в каком-то семитском языке, в котором было слово *per* – «сын». [В араб. *ber* – «сын», восходящее, согласно закону NLR, к **ben* – «баран», «малый рогатый». (Звукоподражательное слово из общечеловеческого праязыка.) Переносные значения – «маленький», «дитя», «сын». Наиболее представлено в семитских: *ben* – «сын» (др.-евр.), *bin*, *ibn* – (араб.). Утрачена переходная форма **bel* (*bil*), развитие которой нами предполагается в языках Средиземноморья – греческая основа *fil* – «потомство», «поколение», лат. **fil* – «дитя», основа слов со значениями «сын» и «дочь».]

Зная, что в древнейшей письменности Древнего Мира, в шумерской, Основной Элемент знака Солнца назывался *U*, и, скорее всего, когда-то значил «Луна», попытаемся восстановить первую семантику фразеологического термина **ber-û*, *per-û* = *baar-û*, *paar-û* = *bara-û*, *para-û* – «Сын Луны», «Дитя Луны». Вероятно, и так табуизировано называли Юное Солнце. Хотя можно увидеть в этом имени намек на звезду, Венеру – ей более подходит этот титул, тем более, что она тоже утром оказывается на востоке, как утренняя звезда. Но мог ли знак Венеры увести народы на восток? Едва ли. Однако двусмысленность названия священного иероглифа, вероятно,

способствовала тому, что возобладало тюркское более ясное понимание точки в круге – юное, восходящее Солнце в небесном круге. Не отверстие, но сияющая точка с лучами. С восемью лучами – число переднеазиатской Венеры, но преобразованной в солнышко.

...Семитскому *ber* – «сын» («*баран») находим соответствие в славянском **bara(n)* – «баран». (Внутренняя флексия = внешней.) Др.-иран. *bara* – «ягненок», «баран» родственно др.-сем. *mara* – «теленку», «детеныш». О том, что эта структура анализируется в виде **mar-a*, **mar-ha* – говорит и тюркское *marka* – «годовалый ягненок» и особенно шумерское слово, в котором аффикс вынесен в препозицию: *amar* – «теленку», «детеныш» (**a-mar*).

В эту группу закономерно входит др.-инд. *pala* – «малое, незначительное; капля» согласующиеся со слав. *мало*, *малый* и тюрк. *bala*, *pala*, *mala* – «ребенок, дитя».

В др.-инд. есть еще похожее слово *bāla* – 1) «детеныш», 2) «мальчик, подросток», 3) «юный, молодой», 4) «только что взошедший (о солнце)»¹⁵². Девочку называли *bāli*: *-a* окончание м.р., *-i* – женского. В языках, где нет родовых окончаний, это слово выступало бы в виде **bāl*. Внешняя флексия использована как внутренняя. Так, думаю, произошло и *paal* – 1) «дитя», 2) «отверстие», «дырка» (мая).

В языке майя сохраняется это удивительное сокровище, которое помогает нам понять секрет имени острова *Palau* и связь его с дырявыми каменными дисками. Если учесть, что *paal* = *pala* – «дитя», то название *Palau* семантически равно термину-фразеологизму, уцелевшему в языке майя, *paalu* – буквально «дитя Луны», «дыра Луны». Переносно – «юный месяц», «новолуние»¹⁵³.

Когда создавалось слово *paal*, жрецы майя видели «пробитую луну». И называли этим словом вначале Юное Солнце. Но, повторяю, двусмысленность знака заставила их сменить его на более понятный тюркский иероглиф с «лучами».

...Мечтаю поучаствовать в экспедиции «Первое Великое переселение народов», которая прошла бы по маршруту: Египет – Передняя Азия – Индия – Индонезия – Филиппины – о.Палау – Перу...

Почему Перу? Потому что *Pala-u* (**Para-u*) = *Per-u*. Тот же знак – «Дитя Луны». Почитатели его оказались упорнее: они дошли до Америки. И дали открытой ими земле имя своего путеводного знака – *Peru*.

¹⁵² «Санскритско-русский словарь», М., 1978, стр.165.

¹⁵³ Ю.В.Кнорзов «Письменность индейцев майя», М-Л, 1963, стр.195.

...О том, что названия этого знака стали именами божественными в Древней Передней Азии, напоминает *Baalu*, *Balu* – общесемитский бог, владыка вселенной. Пересмысление знака и роли Точки в нем делают ее символом бога, уже без участия Основного Элемента. Имя бога употребляется уже без элемента *и*. Просто – *Baal* (общесем.) или *Bel* (аккад.) – «владыка», «бог».

[Еще группа примеров, подтверждающих соответствие внешней флексии внутренней: 1) *bal-a* = *baal*. Флексия отрицания (которая может быть и внутренней, и внешней) соответствует внутренней флексии – смягчению корневого гласного: 2) *bala*, *baal* = *bel*; *para-u*; *pala-u* = *per-u* – «Дитя Луны» > «Бог Луна, Владыка Луна > Бог, Владыка».

Эти модели помогают находить лексическую пару почти каждому слову, произошедшему от названия солнечного знака или его деталей. Например, встречая ит. *re* – «король» (лат. гех.), предполагаешь пару с внешней флексией, и она рядом: *roj* (ст.-фр.), *raj* (др.-инд.), *roš* (арам.). Или **aur* – «золото» (протором.) анализируется: **a-ur*. Предполагается мягкая пара **er*, которая обнаруживается в перс. **ger*, *zer* – «золото».

В границах семьи индоевропейской: *aus* – «из» (нем.) соответствует слав.-балт. *is*, *iz* – «из», латинско-греческому ларингализированному *ex* – «из».

В тюркских: *gara* – «смотри» (**gor-a*), *gör* – «видь».

Межсемейные: *ola* – «гора» (монг.), **ora* – «гора» (слав.) близкородственны тюрк. *ör'* – «возвышенность».

Весь этот набор соответствий мы найдем при сравнительном рассмотрении тюркского и индоевропейских названий солнца.]

Нами понят механизм словообразования, поэтому, анализируя индоевропейские названия дневного светила, не трудно объяснить их различия и восстановить праформы. Их было несколько. Но сначала, как принято, рассмотрим этимологии, существующие в индоевропеистике.

В Словаре Фасмера приводятся все славянские формы (др.-рус. *сьльнце*, болг. *сьльце*, серб.-хорв. *сунце*, словен. *solnce*, чеш. *slunce*, слвц. *slnce*, пол. *słońce* и т.д.) «Праслав. **сьльнце* – уменьшительное образование от **сьльнь*... родственно лит. *saulė* – «солнце», лтш. *saīle*, др.-прус. *saule*, др.-инд. *svar-*, вед. *suar*, род.п. *sūras* – «солнце, свет, небо», *sūras*, *suryas* – «солнце», авест. *hvar*□ – «солнце, солнечный свет», гот. *sauil* – «солнце», кимр. *haul*, лат. *sōl*, греч. *ἥλιος*, алб. *hyll*, *yll* – «звезда» (**sūl*), далее сюда же гот. *sunno*, д.-в.-н. *sunna* – «солнце». Древняя и.-е. основа на -*l*; -*n*. См. Френкель...» И далее ссылки на десяток авторов (Ф., III, 711). Обобщена литература, существующая в индоевропеистике по этому вопросу. Существенно, что об основах на -*l* и на -*n* говорится, как о разных. Тогда еще закон NLR не был восстановлен. А он объясняет естественное развитие носового в плавные: **k-n* > *s-n* > *s-l* > *s-r*.

В новейшем прошлогоднем издании «Оксфордского словаря английской этимологии» в качестве вариантов индоевропейской основы названия солнца представляют слоги **si* и **sai*, а носовой и плавный согласные, по мнению оксфордских специалистов, являются «формативами» непонятного назначения¹⁵⁴.

Метод Полной этимологии не допускает в составе слова ничем не мотивированных изменений гласных и согласных, не говоря уже о «формативах».

Наша этимология основывается на допущении, что последний знак солнца у тюрков и индоевропейцев был общим («крут с лучистой точкой») и Основной Элемент назывался одинаково - **kūn*, но Служебный – по-разному.

Формы индоевропейских названий светила говорят об этнической пестроте праиндоевропейского сообщества. Об этом свидетельствует, прежде всего, существование по меньшей мере трех праформ. Если тюрки называли Служебный Элемент только *j*, которое стало внутренней флексией, то индоевропейцы отрицали «Луну» тремя способами: 1) «копье» - *ha(a)*; 2) отрицание - *no*; 3) умлаут – грамматическое изменение качества звука.

¹⁵⁴ « The Oksford dictionari of english etimology », стр.885.

○ *sûn* > *sûl* > *sûr*;

⊕ I. *s^aun* (*su^an*) > *s^aul*, *su^al* > *s^aur*; *su^ar*.

Далее: **sôn*, *sûn* > *sôl*, *sûl* > *sôr*, *sûr*.

В этой группе – германские, балтские, латинское, индийские названия. В современных германских долгий упростился: *sun* – «солнце» (англ.).

II. *sûn-no* > *sûl-no* > *sûr-no*.

В этой группе – германские и славянские. Последние внесли разнообразие: кроме приведенных форм, которые узнаются, например, в составе русских сложных слов *солнопёк*, *солноворот*, есть и с другой формой отрицания: **sol-nest'*, уже в праславянском развившееся в **sol-nets'*, и обретенное протетический гласный *solntse* – «солнце».

III. Особняком стоит древнегреческое *hêlios*, корневой гласный, в котором, скорее всего, искусственно смягчен по типу **haul* = **hel*.

Послесловие к главе

Краткие выводы:

- I. Тюрки, индоевропейцы и будущие америнды в III тысячелетии до н.э. обитали в одних ареалах Древнего мира – в Египте, в Древней Передней или Малой Азии. И поклонялись в то время богу Солнца, которого описательно называли «Солнце-дитя» или иносказательно «дитя Луны». Тюрки и индоевропейцы почитали знак ⊕. Название Основного Элемента было общим – **kûŋ* (**ûŋ*), но имена Служебного – отличались. В пратюркском *-*j*, но в праиндоевропейских диалектах применялось несколько других наименований Служебного Элемента: 1) внутренняя флексия – *a*, 2) отрицающие аффиксы *-no*, *-nest'*...
- II. Название солнечного знака *kôn* (*kûn*, *kin*) распространилось во всех тюркских языках, вытеснив постепенно все другие племенные наименования солнца. Это был, по-видимому, термин какой-то религии, единой для пратюркского сообщества, и теперь мы знаем, что это был культ Юного Солнца, который и увел тюрков культуры-*j* на Восток. (Кипчаки, язык коих характеризуют признаки культуры-*au*, были охвачены идеологией этого культа, надо полагать, позже.) И влияние культа Юного Солнца было настолько мощным, что распространилось в культуры майя, инков,

которые во времена Великого кочевья на Восток заменили свой идол Юного Солнца ☉, названный описательно *Baal-u*, *Bel-u*, *Pala-u* (*Para-u*), *Per-u* - «Дитя Луны» (и еще сохраняющий оттенок Лунопоклонничества), на тюркский, в котором Лучистая точка обозначала «солнце» = «маленькое солнце», а круг (квадратизированный) – «небо». Прежний культ майя оставил следы в культурах племен, давших имя священного знака ☉ острову в Тихом океане (*Palau*) и открытому крайневосточному материку – *Peru*. Сейчас – это название страны на западном побережье того материка. Иными словами, я думаю, что одним из первых обобщающих имен субконтинента, ныне известного под названием Южная Америка, было *Peru*.

Вхождение в историю

Новый этап развития языкознания, я думаю, будет ознаменован обновлением терминологии и понятийного аппарата. Классическое определение языкового родства говорит об общности нескольких языков, проявляемой в лексике и грамматике. «Корневые морфемы и аффиксы находятся в строго определенных соответствиях, отражающих регулярный характер звуковых преобразований материального фонда, происходящего из общего источника – праязыка. Такие языки составляют семью». С этим определением трудно поспорить. Некоторые морфологические схемы создавались после разделения праобщности и потому иные форманты могут различаться. (Например, инфинитив образуется в тюркских языках довольно поздно, о чем свидетельствует крайняя непохожесть суффиксов, не возводимых к общей праформе.) Семьями можно назвать тюркские, славянские, балтские (и др.) группы языков, к которым, безусловно, применимо определение «генетически родственные».

Строго говоря, все пять тысяч языков и диалектов планеты – большая Семья: все мы – потомки «Адама и Евы», тех первых Человеков, которые произошли сотни тысяч лет назад в приэкваториальных районах Африки, и потом это Первое Племя, умножаясь, делясь на рои-роды, продвигалось на север Африки в Средиземноморье, а оттуда в Переднюю Азию, в Малую и далее – повсюду. Это глобальное семейство, точнее – «народ языков» - состоит ныне из десятков близкородственных семей (славянские, тюркские, германские, семитские, угро-финские и т.д.) и макрогрупп, отдаленно родственных (индоевропейская, семито-хамитская, алтайская и т.д.), к которым, на мой взгляд, уже не применимо слово Семья. Лучше обходиться термином **макрогруппа**. Отдаленное родство свидетельствует об относительно давних контактах, чаще всего культурных. Придание индоевропейской макрогруппе статуса Семьи понуждает обязательно реконструировать общее даже там, где его не было. Статус макрогруппы позволяет более спокойно относиться к идее праформ и не тратить усилия на воссоздание «праиндоевропейского языка», «праалтайского» и др. [При ближайшем рассмотрении окажется, что тот тонкий пласт лексики и грамматических средств в санскрите, принимаемый за наследие «праиндоевропейского», похож на материалы древнеиталийского диалекта: им были исполнены тексты *san-scritto* («священное писание» - ит.), распространенного брахманами – последователями римского учения о верховном божестве *Deūs-piter* («Бог-отец») > *Diavus-pitar* (др.-инд.).]

Создаваемые в древности племенные, государственно-религиозные союзы способствовали проникающему излучению энергии

языка-доминанта на соседние. Так повлияла латынь на языки католической Европы, некоторые из которых, географически наиболее близкие к Риму, попросту стали романскими (т.е. «римскими») и ныне собраны в романскую семью вместе с латынью. Этот случай доказывает, что понятие «генетическое родство» не всегда может свидетельствовать об отдаленной праязыковой общности. Часто праязык бытует синхронно, рядом. Как латынь рядом с итальянским.

Эти явления в той или иной мере присущи всем другим «семьям» и «макрогруппам». Учет этого фактора придаст сравнительному языкознанию большую серьезность. В частности, тюркологии.

II

Судьба разводила ветви тюркского древа порой далеко друг от друга. Ветер времени, ломая, вырывал некоторые ветви, относил в соседние кроны, другие сближал, сплетая, а то и прививая друг к другу, чтобы вдруг снова развести в противоположные стороны. В таких ситуациях перманентного перекрещивания и динамического соседства происходил взаимообмен лексическими и грамматическими накоплениями не только с тюркскими наречиями. Поэтому все тюркские языки являют собой в разной степени смешанные типы: орузо-карлукские, огузо-кипчакские, кипчако-булгарские, карлуко-кипчакские, кипчако-алтайские и т.д. (Алтайскими я называю тюркские языки Алтая.)

Но кроме тюркского материала в синтезе участвовали иноязычные субстраты и суперстраты – монгольские, китайские, тунгусо-маньчжурские, иранские, арабские и т.д.

[Например, казахский язык сохраняет пракипчакский капитал в фонетике (**au*) и в морфологии (-**a* > -**va* > *ba*; -*pa*; -*ta* – аффикс отглагольного имени существительного).

Огузо-карлукский вклад (*j* в амлауте) испытывает фонетическую перестройку – открытие слога гортанным протезом (**j* > *gj* > *ʒ*). О древности этого явления свидетельствуют тюркизмы в других языках, которые заимствовали и огузо-карлукские формы, и кипчакские. Например, *jaryk* – «ярок» буквально повторилось в славянских *ярок*, *яркий*, казахское *žaryk* – «ярок», в славянском – *жарок*. Правда, кипчацкому варианту придали другую семантику – одну из двух главных характеристик солнца.

Тюркизмы в древнеиндийском имеют совершенно определенный характер: *jāla* – «грива» (транскр. – *джала*). Окончание -*a* показывает муж. род. Праформа **jal* согласуется с кипч. *ʔal* – «грива» (ср. каз. *жал*, кир. *джал* и т.д.). То же и *jārā* – 1) «жених, 2) «любовник» (др.-инд.) согласуется с кипч. *ʔar* – 1) «жених», «невеста», 2) «супруг,

супруга», 3) «любовник, любовница» (ср. каз. *жар*, кир. *джар* и т.д.). В тюркских языках не было принято грамматическое обозначение рода.

В словаре и грамматике кипчакских языков ощущается вклад языков Алтая, булгарских, славянских, германских, монгольских, иранских... Сейчас выявляются следы древнейших контактов с латинским, мертвыми языками Средиземноморья и Древней Передней Азии...]

По степени сохранности первичного (после распада пратюркской общности) состояния языковые группы внутри тюркской семьи обобщенно называем – огузские, карлукские, кипчакские и др.

Возраст семьи тюркских языков и отдельных ее ветвей следует определять с учетом данных сравнительного языкознания, не ограничиваясь результатами рассмотрения взаимосвязей в пределах лишь «Саяно-Алтайского региона».

III

...В советской науке история тюркских языков представлялась весьма краткой. Это видно по генеалогической схеме, которую составил А.М.Щербак еще в 1970 г.¹⁵⁵ Она четко впечаталась в сознание современной тюркологии и пока ни на штрих не изменилась.

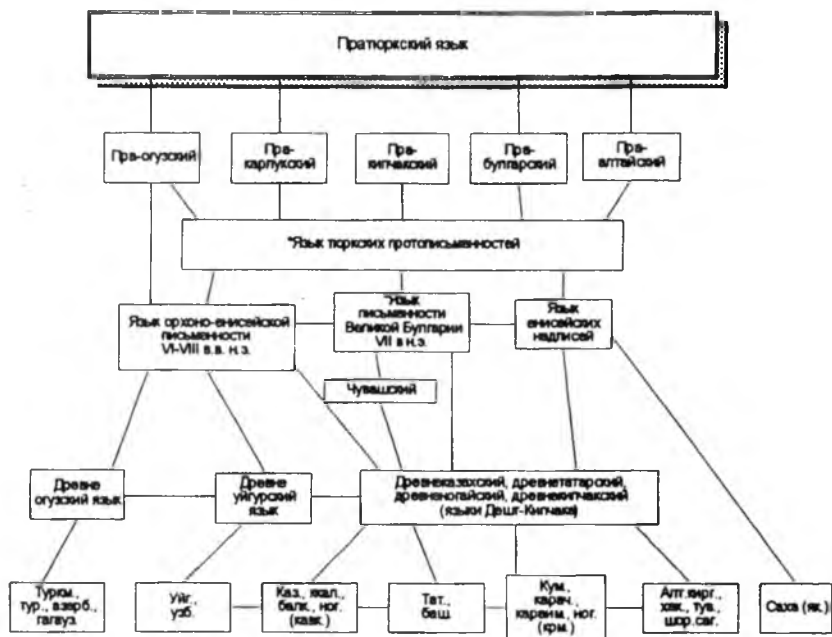
По этой схеме «древнекиргизский» (его потомки – современные языки Алтая и киргизский) вытекает прямо из праязыка, минует языки текстов Орхоно-Енисея, «проваливается» до средневековья, не задерживаясь в письменности.

Кипчакские и булгарские языки вообще не отмечены в генеалогии. Подразумевается, что они появились в средневековье от древнеогузских или от древнеуйгуро-карлукских.

¹⁵⁵ А.М.Щербак, Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. М., 1970 стр.132

Предложенная схема развития тюркских языков может быть относительно верна только в одной части: «язык орхонских и енисейских надписей» > «древнеогузский и уйгуро-карлукский языки».

Более точная схема мне представляется (в самых общих чертах) такой.

Эта схема отражает связи всех тюркских языков между собой (надо понимать – разной интенсивности в различные эпохи) и выделяет, по меньшей мере, пять пра-Диалектов, выветвившихся из Праязыка. Все они имели образные письменности в доистории, когда языки только формировались как устная письменность. Каждое слово, созданное в те времена, было сначала названием письменного знака-первоиероглифа. И когда устная письменность (система устных знаков), созданная за тысячелетия, перестала нуждаться в графической поддержке, «самоопределилась» в качестве самостоятельного средства передачи информации, стало возможно обходиться без изобразительного письма. Тогда и забываются первобытные письменности, особенно в тех обществах, которые в борьбе за жизнь

отдалились от остального мира в непроходимые леса, горы, пустыни, острова. Письменность возобновлялась, если этнос вовлекался в полноценные экономические, политические и культурные взаимоотношения с другими, то есть, иначе говоря, обретал государственность.

IV

Историю тюркских народов принято начинать в первые века н.э. Тогда к доистории тюрков следует отнести все то, что происходило с ними до рождения Христа. А происходило многое – возникал при участии тюркских мыслителей культ Восходящего Солнца, который способствовал распространению Юного Человечества на Восток; рождалась письменность...

Другое толкование Сияющей Точки, побуждало поклонников Вечерней звезды двигаться из Двуречья на запад, на поиски родины Венеры. (Это – будущие европейцы. И вместе с ними некоторые тюркские этносы – пракипчаки.)

...Изобретение стремян по значению для развития цивилизации можно сравнить с такими изобретениями как – четырехтактный двигатель. Лошадь стала средством быстрого, массового передвижения. Появился новый род войск – конница. Оружие стало легче (сабли вместо мечей); возникла одежда всадника (штаны, сапоги на высоких каблуках, чтобы ноги хорошо держались в стремях и чтобы стремя не натирало). Пустыня Гоби – место, где водились дикие лошади, где они были впервые приручены 3 тысячи лет назад. И только 2 тысячи годов тому появились стремяна. Самые древние – в Центральной Азии.

Начиналась торговля Китая с Римом, в которой принимают участие всаднические народы. Две империи, Срединная и Римская, олицетворяли собой Восток и Запад. Новая ткань (кит. *si* – «шелк», *sidi* – «шелковое») караванами доставлялась до Андалузии. От восточных границ Римской империи (от Черного моря) караваны сопровождали готские отряды. В готском (древнегерманском) языке отложилось китайское название товара, но прилагательное стало существительным: *sidi* – «шелк» (гот.). Они и передали испанцам это слово: *sede* – «шелк» (исп.). Работа по сопровождению и охране караванов была постоянной, поэтому готы расселились вдоль всей трассы от Крыма до Андалузии. (Остготы и вестготы.)

Тюрки заменили в китайском прилагательном суффикс на свой: *sidi* > *silik* – 1) «*шелковое», 2) «красивое, прекрасное». В др.-тюркском слово уже живет только переносным смыслом, став постоянным эпитетом во фразеологизме *silik kyz* – «прекрасная (красивая) девица». (Как русское – «красная девица».)

Тюрки доводили караваны с шелком до Северо-Западной Европы, где в языках и отложилась тюркская норма: *silk* – «шелк» (англ.) и др.

Выявляется причина распространения тюрков от Монгольских степей до Европы – Срединная империя платила товарами тюркам за охрану значительного отрезка Великого Шелкового Пути. Вместо того, чтобы бесконечно воевать с кочевниками, Срединная империя сделала их своими служащими – *šin* (*šin*). Если посмотреть на карту расселения тюрков, они расположились вдоль основных маршрутов Великого Шелкового Пути. Это перемещение тюркских племен стало причиной великого переселения народов на Запад. Этносы, сдвинутые тюрками со своих мест, в свою очередь, сдвигали западней живущие народы, а те – других, следующих. В период «гуннского нашествия» III–VI в.в. Европа напоминала бесконечно тасуемую колоду карт, из которой то вылетали отдельные листы, то добавлялись новые. И крах Римской империи приходится на эти времена. В тогдашнем противостоянии Востока и Запада победила Срединная. Но ей не дано было воспользоваться плодами этой победы. Помешал новый пассионарный взрыв кочевого Востока. Возникла тюрко-монгольская империя. XIII век. В титульных именах императоров (каганов) закодирована программа завоевания мира. Первому кагану (родовое имя Темучин < *Темур-чин – «Железный человек», «Кузнец») при возведении на престол дается имя Чингис-хан (Шынгыс)¹⁵⁶ – «хан Востока». Мир состоял тогда из двух половин – восточной и западной. Чингис-хан выполнил свою задачу – покорил восточные страны – Китай, Среднюю Азию, Иран, Индию. Самому талантливому из его потомков Саин-хану при возведении на престол было дано титульное имя – Бату-хан, т.е. «хан Запада» (тюрк.). Ему было завещано довершить дело, начатое великим дедом. Он покорил Русь, Кавказ, Малую Азию, разбил объединенное рыцарство Европы при Грюнвальде, но до Последнего моря (Атлантики) его всадники дойти не успели. Гуюк-хан (дядя Саин-хана) затеял переворот в Орде, и войска повернули. Так неэпически завершилась еще одна древняя попытка объединить мир в одну страну, в одну великую империю.

На пороге новой эпохи глобализации по иному осмысливается опыт былых, прежних. Особенно это важно для народов, не знающих свое прошлое. Не чувствуя своих корней, древо жизни этноса превращается в голый, сухой столб, без коры и кроны, которая являет собой зеркальное отражение корневой системы. Чем беднее корни, тем худосочней листва и ветви. Чахлые, редкие плоды не успевают вызреть

¹⁵⁶ Тюркское *čygyš* (*šygyš*) – «восход» < *čyngyš* (**šyngyš*)

и дать полноценные семена. У народов, не успевших осознать глубину своего прошлого, нет будущего.

V

Если мы хотим придать импульс развитию сравнительной тюркологии (тюркославистики, тюрко-европеистики и пр.), необходима государственная поддержка научных учреждений гуманитарного профиля – обеспечить грантами темы сравнительной тюркологии, включить их в планы работ академических институтов, университетских кафедр.

В первую очередь освоить такие скромные темы-задания:

1) выявить тюркизмы (явные, неувиденные и «невидимые») в языках «евразийских соседей» - в индоевропейских, угро-финских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, семитских... И в мертвых языках Древней Передней Азии, Египта, Малой Азии.

Выделить среди них отглагольные имена существительные, образованные по древнейшим морфологическим схемам: «императив + *j*» (огузо-карлукск.), «императив + *a ; wa ; ba ; pa ; ta*» (кипчак.)

Проделав даже эту часть работы, мы увидим в обнаруженных материалах отражение той великой роли, которую исполняли прототюркские и древнетюркские этносы в общепланетарном цивилизационном процессе. Такая лингвистика поможет становлению философии, культурологи, а нашей исторической науке – более квалифицированно и масштабно осваивать древность, не стесняясь нарушать границы региона нынешнего обитания. Надо ли говорить, как необходима такая работа для воспитания новых поколений в новом веке. Теперь нашей науке для этого не требуется разрешения «Центра». Казахстан способен и сам стать центром научной мысли, основав и развив школу нового языкознания. («Когда не имеешь других достоинств и скромность ни к чему!») Об этой школе мы когда-то (еще в начале 60-х) взахлеб говорили с профессором Ха-Ха. Так друзья звали Хайруллу Хабибуловича Махмудова, первого тюркослависта, которого я знал, руководителя моей аспирантской штудии. Азартного, горячего, блестящего специалиста. Однако он был сыном своего времени. И даже слишком. Прочитав мою диссертацию «Тюркизмы в «Слове о полку Игореве», Ха-Ха достал платок, вытер вспотевшее лицо и сказал:

«Убери критику Лихачева. Убери все, что написал про книгу Рыбакова. Они академики, а ты кто? Не защитишься.»

«Тогда буду нападать. Сами говорили – лучшая форма защиты!»

«Но не диссертации.»

«Истины!»

В юности мы верили в высокие слова. Впрочем, и сейчас верю.

U>>C123>I4V頁
W中Y A

«Сабий садлагъа...», или Поговорим снова о наших языках

Я читаю текст, написанный на балкарском языке (странно, почему на балкарском? Ведь нет балкарского языка, нет карачаевского языка, а есть единый карачаево-балкарский язык, но так в оригинале); мое мышление работает, подчиняясь коду именно этого языка. Вот, например: «Малкъар тилден...» Тут все ясно и понятно («С балкарского языка» или «По балкарскому языку»), ибо мое языковое мышление легко «катится» вперед, используя код данного языка. Читаю дальше: «сабий садлагъа». «Сабий» - это понятно: или «дитя», или «детский». Прочитав «садлагъа» я, естественно, ищу смысл этого слова сначала по коду балкарского языка, так как передо мною текст на этом языке. Но никакого результата: нет в балкарском языке слова с корнем «сад».

Установив это, мое мышление, подобно операционному блоку компьютера, быстро начинает искать слова с корнем «сад» уже в лексиконе других, мне известных языков и находит его по коду русского языка: да, это ведь русское слово «сад», но с балкарской флексией! Получается: «детским садам» (или «для детских садов»). Итак, трудность понимания («дешифровки») преодолена. Работа мышления длилась в течение очень малой доли секунды; но ведь все-таки был с б о й ! Его могло бы и не быть, если бы в балкарском тексте стояло то слово, которое и должно стоять: «бахчалагъа», «сабий бахчалагъа».

(Пример взят из книги: Таукенланы Р.М. Малкъар тилден сабий садлагъа «Сабийлик» деген программа. В книге приведен и перевод данного названия: «Программа «Детство» для воспитателей детских садов по балкарскому языку»).

1.

В начале шестидесятых годов у меня была приятная поездка в Казань вместе с группой видных ученых, среди которых оказались и знаменитости (в том числе ныне покойный Николай Александрович Баскаков, замечательный тюрколог). Посылала нас туда Академия наук с задачей внимательно посмотреть, как работают татарские ученые в одном из академических звеньев – в Институте истории, языка и литературы Казанского филиала. Нас интересовали изданные и неизданные труды, текущая работа, планы на будущее. Лично я был в восторге от такой счастливой возможности, которая довольно неожиданно выпала на мою долю - на долю всего лишь аспиранта Института мировой литературы имени А.М. Горького Академии Наук.

Теперь, спустя много лет, не все подробности нашего увлекательного похода из Москвы в Казань я могу вспомнить, но в памяти до сих пор сидит, как старая пуля, фраза, сказанная в Москве одним из тех, кто снаряжал в путь нашу экспедицию. Накануне этой поездки он пригласил нас к себе в большой, с длинным столом, кабинет для беседы. Завершая ее, он выпалил так:

- Вообще постарайтесь приблизить их к нашей идеологии!

Что бы мог значить такой любопытный наказ высокопоставленного, интеллигентного, довольно симпатичного, с мягким говорком человека? И что тут важнее, какое слово – «приблизить» или «идеология»?

Я был тогда молод, наивен и, возможно, порывист. Стараясь акцентировать общее внимание на абсурдности только что прозвучавшей фразы, я подал с места реплику в виде вопроса:

- Скажите, а разве у них другая идеология?

Признаться, очень стало мне обидно за своих земляков. Уж они-то в большинстве своем были ортодоксами тогдашней идеологии, в отличие, например, от некоторых москвичей. Наверно, потому и вырвался у меня этот довольно дерзкий вопрос.

Немая сцена была весьма короткой. Слегка смутившийся оратор вежливо извинился. Иначе и быть не могло. Нет, это уже было бы слишком, если бы руководящий работник центра, к тому же имеющий дело с наукой, с академическими проблемами, стал бы всерьез утверждать, что там, в автономной республике, существует другая идеология. Но данная оговорка, – это поняли присутствовавшие, – отнюдь не совсем была случайной; как говорится, не на голом месте возникла.

Тогда в чем же дело? Скорее всего дело в том, что, как ни крути, существовала некая грань, отделяющая чиновного человека центра от курируемой республики. Эта грань – языковая граница. У ответственного лица, если он не знает ни языка, ни культуры этой республики, невольно возникают вопросы, близкие к подозрению: мол, что они там пишут на своем языке? Не нарушают ли чистоты нашей идеологии? Не пытаются ли замкнуться в своем национальном мирке?

Чтобы без труда убедиться в противном, опять-таки надо знать «национальный язык» и своими глазами читать и видеть то, что относится к делу. А сведения из вторых рук – плохая замена! Не то, не то! Вот и получается, что из-за так называемого национального языка возникают большие неудобства – прежде всего, для сановников многонационального государства. Как было бы просто, будь один язык! Это по их разумению, конечно.

А неудобства, как говорят шутники, для того и существуют, чтобы от них избавляться. Так и случилось. Как свидетельствует наша

история, от «национальных» языков стали медленно избавляться. Именно от «национальных», подчеркиваю, языков, а не от французского, английского, немецкого, итальянского. Изучение их, западных, сделали доступным в любом культурном центре, где есть хотя бы педагогический институт. А свои родные языки – языки родных осин и песчаных барханов – увы, не удостоились этой чести: в центре страны, как известно, не было такого вуза, где бы обучали студентов языкам народов СССР.

2.

Турки Анатолии раньше многих других тюркских народов вступили в языковой контакт с Европой, заимствуя слова главным образом из французского и итальянского языков, позднее – из английского. Заимствование шло через высшие, образованные слои турецкого общества, но далее слова попадали в общенациональный оборот, и тут-то наступал интереснейший момент в развитии языкового контакта: слова в гуще народа «перетирались» в соответствии с особенностями принимающего языка, обретая новое обличие, меняя свою огласовку – одним словом, все делалось так, чтобы удобно было туркам произносить заимствованное слово. Подчеркну: это вполне естественный способ освоения и присвоения (!) иноязычной лексики. Французское слово *foire* (ярмарка, базар) на турецкой почве превратилось в *fuvar*, вместо французского *toilette* (туалет) получилось *tuvalet*, вместо *biscuit* (печенье) – *bisküvi*, вместо *laboratoire* (лаборатория) – *laboratuvar*; и это все потому, что в процессе заимствования язык избегает двух гласных подряд (дифтонгов).

Вся эта процедура и понятна, и естественна. Принимающий язык отнюдь не искажает и не портит чужих слов, а видоизменяет их, приспособляя к своей самобытной фонетической среде и т.д. В Казахстане, например, еще до революции народная стихия, встретившись с тяжелым варварским словом «канцелярия», откусила и выкинула вторую половину этого слова, сохранив только корень в виде «ке□се». А после революции именно в такой усеченной форме слово вошло и в литературный язык. Вот вам прекрасный образец творческой мощи народного языкотворчества! Нация сама вправе решать, какое слово и в какой форме ей необходимо! Мой казахский друг - писатель и мастер переводчик Ислам Жарылгапов, ныне покойный, гордился тем, что вместо русского слова «мороженое» предложил употреблять «балм□здак» (то есть «сладколед»), и вскоре это слово, распространилось по всей республике, стало принадлежать литературному языку. А вот в России «сладколед» А.С. Шишкова, увы, не привился: русские выбрали слово «мороженое», хотя по смыслу

точнее «сладколед». Ничего уж тут не попишешь, против воли народа не пойдешь!

К сожалению, естественные права народа (нации) на языковое творчество и самобытность частенько оспаривались некомпетентными, не сведущими в данном деле чинушами — как в центре, так и в национальных республиках, так как языковую сферу они рассматривали сквозь призму политики и идеологии.

Каждый татарин и башкир обыкновенно произносит русские слова «колхоз» и «совхоз» как «калхуз» и «савхуз»; это и дало в свое время основания татарскому писателю Нурихану Фаттаху выступить с предложением писать такого рода слова в соответствии с произношением. Это было в конце пятидесятых годов. Какая же тут поднялась буча! Официальная реакция была резко отрицательной: не позволим, не дадим исказить русские слова! Но речь-то шла не об искажении иноязычной лексики, а о защите *прав* своего языка! Увы, свой язык защищать, видимо, не полагалось!

Сегодня в Татарстане пишут «урыс» вместо «рус», и никому это не причиняет вреда. Небо на землю не упало, уважения к русскому народу не убавилось!

3.

Наши чиновные люди и обслуживавшие их прописные теоретики были неутомимы в борьбе со всем тем, что в языке естественно, что идет от Бога. Вот и языки были поделены в хрущевское время на различные категории: одним предписывалось долгое существование, другие объявлялись жизнеспособными лишь на определенный период, а третьи вовсе подлежали тихому умерщвлению в качестве бесперспективных.

И вдруг ситуация резко переменялась еще в период перестройки. После того, как бывшие союзные республики обрели статус суверенных государств, а автономные тоже стали рангом повыше, возникли реальные возможности для подлинной заботы о развитии родного языка, национальных языков.

Как же распорядились в наших республиках, в частности тюркоязычных, неожиданно свалившейся с неба свободой? Разумно ли поступили? Ведь прежде чем становиться на новые рельсы, следовало осмыслить создавшуюся ситуацию, понять, что именно утрачено в прежних условиях известного небрежения к национальному (родному) языку?

Полностью идеальных условий развития не бывает ни для местных языков, ни даже для языков мирового значения. Хотя английский язык широко распространился по всей планете, у этой победы есть и негативные последствия (появление вариантов данного

языка в Индии, Египте и т.д.). Что касается наших «национальных» языков, у меня язык не повернулся бы назвать сносными те условия, в которые они были поставлены в силу многих и достаточно сложных причин. Ненормальность положения особенно остро ощущали писатели, мастера слова. Когда один киргизский поэт много лет тому назад прочел мне на родном языке свое стихотворение «Кыргыз тили кимге керек?» («Кому он нужен, киргизский язык?»), я был поражен: сколько боли, сколько страданий и душевных мук за свой униженный родной язык, исключенный из многих сфер человеческой деятельности. Недавно, будучи в Бишкеке, я снова встретился с автором глубоко тронувшего мое сердце стихотворения. Поэт снова, теперь по моей просьбе, прочел знакомые строки, но уже без горечи, без прежних пессимистических нот, ибо в Кыргызстане появилась и реализуется надежда на возрождение национального языка.

Думаю, что самое важное для развития и совершенствования любого национального языка – это возможность разностороннего развития, возможность существовать и совершенствоваться с охватом всех сфер умственной и физической деятельности человека. Именно этой разносторонности не хватало даже крупным тюркским языкам. Не получили у них должного развития и совершенствования, иногда попросту оставаясь в зачаточном состоянии:

а) язык науки (за исключением литературоведения), ибо подавляющее большинство научных работ создавалось на русском языке и преподавание научных дисциплин в вузах осуществлялось также на русском; следует, однако, сказать спасибо средней школе и учреждениям образования за то, что написание или перевод учебников все-таки в какой-то степени стимулировали появление и развитие научной терминологии на родном языке;

б) язык официальной переписки, деловой язык (за исключением судопроизводства), ибо очень редко, да и то в глубинках, делопроизводство велось на родном языке. Кстати, работавшие в высших сферах способны были составлять свои вердикты и доклады лишь на русском языке, - уже потом, задним числом, речи и выступления этих государственных мужей переводились на родной язык;

в) язык дипломатии и международных связей, ибо не было развитых дипломатических отношений с зарубежными странами (даже у союзных республик). А те документы, которые в переводе на национальный язык публиковались на страницах своей республиканской печати, существенно не могли способствовать пополнению дипломатической и общественно-политической лексики. Среди тюркских народов развитой дипломатический язык выработан

только у турок — и понятно, почему: них была и есть своя государственность.

Наши же отечественные тюркские языки, будучи вольно или невольно вытесненными из многих важных сфер человеческой деятельности, лишались нормальных условий существования. Свободно они себя чувствовали лишь у родных очагов, на рынке, в деревнях и кишлаках. Огромную роль в сохранении национального (тюркского) языка, в поддержании его нормального пульса сыграли национальная литература и культура — прежде всего, конечно, писатели, литература в целом. Кроме того, свою лепту внесли в это дело радио, телевидение и кино.

Тут надо подчеркнуть один существенный момент. В XX веке развитие литератур во всем мире шло бок о бок с кинематографом. Они своими поисками и обретениями заметно обогащали друг друга, о чем свидетельствуют многочисленные признания деятелей литературы и кино. Эта нерасторжимая связь наложила свой отпечаток на всю литературу последних десятилетий (достаточно сослаться на опыт Чингиза Айтматова). Есть и другая грань проблемы: именно киноискусство вынесло на поверхность глубинные пласты национальных языков, диалектов, жаргонов и тем самым повлияло на языковую практику миллионов людей. К сожалению, это мощнейшее средство, то есть кинематограф, не работало, да и сейчас еще не работает, в пользу таких тюркских языков, как татарский, башкирский, тувинский, каракалпакский, кумыкский, балкарский и т.д. — по той причине, что в автономных республиках не было художественных студий и, следовательно, не создавались художественные кинофильмы на этих языках, — разве только документальные.

Десятилетиями художественный перевод с зарубежных языков на тюркские у нас осуществлялся без контакта с подлинниками (то есть, через язык-посредник), и бог знает, сколько возможностей для обогащения наших тюркских языков было упущено именно по этой причине! Только в конце XX — в начале XXI века у нас стали появляться переводчики на тюркские языки, способные переводить непосредственно с оригиналов зарубежную классику и современную мировую литературу. Правда, их пока мало, но все-таки отрадно, что они уже есть.

Моя знакомая англичанка, переводчица Айвор Фогарти осенью 1991 года побывала на переводческой конференции в Ташкенте и затем в своей заметке, опубликованной в журнале «Professional Translator and Interpreter», отметила, что у нас не развит язык рекламы и язык эротики. Все это действительно так: рекламы нам не требовалось, а эротика была вне признания; правда, эти отмеченные гостьей из Лондона потери —

отнюдь не самые страшные, но ведь и малые потери влияют на общую картину!

4.

Как же нам быть теперь, когда, судя по всему, наступил новый этап, и когда, осознав прошлое, надо догонять тех, кто ушел далеко вперед?

Полную картину первых и последующих шагов, первых реальных действий едва ли кто может нам представить – все рассыпано по отдельным государствам и республикам. Подробной информацией мог бы еще обладать лингвистический научный центр тюркских народов, но такового, как известно, пока нет.

Данные, которыми я хочу поделиться, почерпнуты мною главным образом из прессы на тюркских языках.

Идея возвращения к латинскому алфавиту лежала на поверхности – отсюда и оперативность в данном вопросе (правда, далеко не у всех). Уже издано много книг на основе латинской графики в Азербайджане (там графика почти полностью совпадает с турецкой), Туркменистане и Узбекистане. Эти три государства стали пионерами в деле реализации латинской графики. Однако ни у кого не было стремления координировать свои решения. Например, в Узбекистане отказались от латинской буквы «*ş*»,

звучащей как «ш», и пошли по пути англичан: один звук обозначили двумя буквами: «*sh*». Для буквы «ч» был выбран опять-таки английский вариант: «*ch*». Разрыв с тюркской традицией очевиден...

В Татарстане, приучая читателей к латинской графике, публикуют фрагменты из текстов на латинице на страницах журналов и специально подготовленных брошюр.

Но возвращение утерянного или, как говорят, подъем затонувших сокровищ, грозит превратиться в очередную, неумело и поспешно прокручиваемую кампанию. Тем, кто еще не выработал свою латинскую графику, но намеревается сделать это, следовало бы скоординировать свои действия так, чтобы одинаковые звуки передавались одинаковыми начертаниями букв в разных тюркских языках. Иначе говоря, варианты реализуемых алфавитов должны работать на взаимопонимание и культурное единение тюрков, чтобы родственные народы понимали друг друга.

Кое-что уже сделано для разработки научно-технической терминологии на тюркских языках. Вузы Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Татарстана, Башкортостана начали издавать на родном языке труды по математике, физике, медицине и другим отраслям знаний. Но это только начало. Работы тут непочатый край!

Оживилась и лексикографическая работа. Тому свидетельством, например, трехтомный толковый словарь карачаево-балкарского языка «Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѣзлюгю», ряд терминологических словарей на татарском, башкирском, якутском (саха) и др. языках.

Радоваться бы всему этому, но...

Нужен решительный рывок вперед. Сделали же в свое время такой шаг, подняв языковую проблему на государственный уровень, турки, создав авторитетное и компетентное «Общество турецкого языка» ('Türk dili kurumu'), благодаря которому в развитии турецкого языка и произошли громадные перемены (проблемам «языковой революции» в Турции – «Dil devrimi» - я намерен посвятить следующую свою статью). Такого типа общества нужны и нам во всех тюркоязычных республиках. Но этого мало: так как наши языки рассыпаны по регионам, нам нужен был бы крупный объединяющий научный центр. Иначе каждый будет изобретать велосипед, и мы не избавимся от провинциальности в своей работе.

В свое время турецкие филологи из «Общества турецкого языка» придумали очень удобное средство. Так как турецкий язык – типично агглютинативный, иногда бывает трудно разобраться, где корень слова, а где «приклеенная» флексия, особенно в именах собственных. Ученые предложили отделять корень от окончания с помощью апострофа. Очень просто и очень удобно. По-турецки «он из Москвы» будет так: "o Moskova'dan".

Кажется, время не работает в пользу культурного и языкового единения: каждый тюркский народ, к сожалению, стремится уединиться в своей собственной обители. Но у меня лично – другое настроение. Я вижу, как много могли бы дать друг другу наши тюркские языки, хотя бы в области взаимообогащения своей лексики. Упомянутое мною «Общество турецкого языка» в свое время активно использовало опыт словообразования в тюркских языках Сибири, а мы по этому золоту ходим и ленимся его поднять! А какие хорошие слова-неологизмы ввели в обиход в Казахстане!

Оказывается, еще в начале 90-х годов Чингиз Айтматов поделился своими мыслями о тюркских языках с журналом «Sesler» («Голоса»), который издавался в Македонии. Это очень любопытное интервью, но оно не было замечено. Чингиз Айтматов сказал, что мечтает о том, чтобы у тюркских народов был один литературный язык, на котором они могли бы общаться – наподобие единого арабского литературного языка в условиях существования многих его вариантов. Это не такая уж утопия, как может показаться. Я лично считаю эту идею вполне разумной и достижимой на практике.

Каждый язык, независимо от количества его носителей, – достояние человечества и одновременно показатель возможностей человеческого разума и интеллекта. Поэтому каждый язык ценен и уникален.

«Берегите и развивайте наши языки!» – этим призывом я и завершаю свои беглые заметки, посвященные дорогим мне тюркским языкам. Не засоряйте их, будьте пуристами в добром значении этого слова – не пишите «сабий садлагъ».

БОЛЬШИЕ ПРОБЛЕМЫ «МАЛОГО» НАРОДА*

(летопись балкарского
национально-освободительного движения)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Память людская явление удивительное и уникальное. Будучи одним из важнейших и даже неотъемлемо обязательных свидетельств физического здоровья человека она же, одновременно, является и наиглавнейшим показателем его морального здоровья, и в первую очередь уровня его нравственности. Наверное, поэтому память одних столь глубока и долговечна, так как эта категория людей предельно четко осознает, что без прошлого нет будущего, у других же она проявляет себя словно куртизанка, готовая влезть в постель убийцы лишь бы тот помахал кошелеком.

Моральное здоровье (состояние нравственности) общества в целом, а, следовательно, не только его сегодняшний уровень достижений, но и все его будущее, во многом зависит от степени доминирования в нем той или иной категории этих людей. Причем доминирование это может быть не только численным, но и социально-иерархическим.

То есть всего лишь кучка подлецов «не помнящих родства», оказавшаяся у власти и «забывшая» свой день вчерашний, может нанести обществу такой урон, который не в состоянии нанести целая вражеская армия.

Мы, к сожалению, в данном случае не исключение, а, скорее всего, печальное подтверждение сказанному.

Спросите сегодня у любого балкарского чиновника от сельского до парламентского и правительственного уровня, либо представителя, насквозь прогнившей и развращенной властью части так называемой балкарской интеллигенции, которая до сих пор и всерьез считает себя цветом нации: «Каково реальное положение репрессированного балкарского народа после его неоднократной и законодательной

* Объем представленного нам материала 1310 журнальных страниц. Мы намерены опубликовать его в трех номерах журнала «Ас-Алан». Конечно, было бы лучше, если его издать отдельно, как в свое время мы издали 3-томник «Так это было». К сожалению, в настоящее время мы не располагаем такой возможностью и вынуждены историю балкарского национально-демократического движения растянуть по времени и по томам нашего, редко выходящего журнала «Ас-Алан».

Редколлегия

реабилитации в течение последнего полувека?!» Что такое Государственный Совет Балкарии или предшествовавший ему Национальный Совет балкарского народа? Что такое «Тёре», «Женщины Балкарии», «Совет старейшин Балкарии»? Когда, как и при каких обстоятельствах возникли эти структуры балкарского национально-демократического движения и чего они добиваются?!

Будьте уверены, дорогой читатель!

Ни один из них не посмеет вслух сказать Вам правды о том, что:

- несмотря на множество законодательных актов реабилитационного характера, принятых за несколько десятилетий высшими органами власти СССР и РФ, репрессированный балкарский народ по-прежнему остается политически бесправным, доведен до крайней нищеты, и беспрестанно подвергается территориальному разграблению;

- уже четырнадцать лет существующее балкарское национально-демократическое движение зародилось не как «балкарский национал-экстремизм и бандитизм, угрожающий югу России» (в чем постоянно пытается убедить общественность и органы федеральной власти высшее руководство Кабардино-Балкарии), а как объективная неизбежность и более того, как реальная составляющая молодой российской демократии 80-х годов, о чем свидетельствует массовое участие в этом движении всего балкарского депутатского корпуса тех лет, начиная от уровня депутатов сельских Советов до депутатов ВС СССР;

- полная, то есть политическая, экономическая и территориальная реабилитация репрессированных народов, в т.ч. и балкарского, гарантирована не только целым рядом законодательных актов СССР, но и соответствующим Законом Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г., а потому не может и не должна быть поставлена под сомнение, а тем более игнорирована, на всей территории РФ, кем бы то ни было;

- идея образования самостоятельной балкарской автономии в качестве прямого субъекта Российской Федерации (как единственно реальной формы самосохранения этого народа) и, даже, первое официальное провозглашение Республики Балкария принадлежит не горстке «национал хулиганов» как это пытаются сегодня преподнести местные власти, а самой, что ни есть, легитимной и полномочной конференции народных избранников – депутатов всех уровней балкарской национальности, от 19 августа 1990 года;

- еще раньше (за год вперед) с подобной инициативой выступила кабардинская интеллигенция, обратившаяся к Пленуму ЦК КПСС с просьбой о предоставлении возможности государственного переустройства КБАССР и возвращении к положению 1921 года, то

есть о восстановлении самостоятельной автономии кабардинского народа:

- вскоре, после проведения (17.11.91 г.) полномочного съезда балкарского народа, а 29.12.91 г. и его общенационального референдума, 12.01.92 г., состоялся аналогичный съезд кабардинского народа на котором присутствовал весь цвет адыгской национальной интеллигенции, начиная от бывшего первого секретаря ОК КПСС – Т. Мальбахова до будущего Министра юстиции РФ - Ю.Калмыкова и зарубежных гостей, вплоть до главного идеолога МЧА Фатхи Раджаба, а председательствовал на этом съезде не кто иной, как В. Коков:

- этот съезд принял постановления о воссоздании Кабардинской Республики, создании республиканской гвардии и Конгресса кабардинского народа, чьи (вскоре обманутые властью в своих лучших надеждах) представители, осенью того же года, захватили республиканский телецентр и подвергли многодневной осаде Дом Советов, то есть официальную резиденцию своего бывшего председателя, ставшего президентом Кабардино-Балкарии, при полном неучастии в выборах одного из двух субъектов образующих эту республику – балкарского народа;

- как бы то ни было это обоюдное и добровольное провозглашение самостоятельных национальных автономий как балкарским, так и кабардинским народами, было не массовым сумасшествием с их стороны, а ясным пониманием всей обманчивости и даже взрывоопасности создавшейся ситуации. Более того, это было верой в зарождающуюся российскую демократию и их отчаянной попыткой, наконец-таки, мирным и законным способом вырваться из этого 70 летнего насильственно-«братского» плена, чтобы, как и подобает в цивилизованном мире, жить в дальнейшем не в политической коммуналке, а в собственных домах, добрыми соседями и равноправными народами России, чему жестко противостояла местная партхоз элита, десятилетиями привыкшая грабить столь удобную и обезличенную двойную республику, при малейшей для себя опасности умело манипулируя «национальным вопросом», вплоть до искусственного создания межнациональной напряженности и «успешного ее погашения», да еще и с попутным обретением у официальной Москвы славы "кавказских миротворцев"!

Но, увы и ах! Ничего этого они Вам конечно не скажут, как не скажут ни о трагическом случае в Яникое (1991 г.), вокруг которого с ведома и при явном участии бывшего ВС КБАССР раскручивалась широкомасштабная межнациональная провокация, ни о массовых поджогах хозяйств в «Новой Балкарии» (1992 г.). Не расскажут Вам и том, как власти КБР оценили автоматчиками участников очередного

мирного, траурного митинга балкарского народа (1994 г.) и даже пытались выставить против митингующих БТРы. И уж, естественно, постараются не упомянуть ни о трагических событиях в Нижнем Чегеме (1996 г.), ни о вооруженном погроме ОМОНОм МВД КБР общественно-политического центра балкарского народа (1996 г.) с последующими массовыми допросами делегатов съезда и возбуждением многочисленных уголовных дел на лидеров балкарского национального движения...

Спросите у (бывших) двадцати депутатов ВС КБССР – балкарцев, почему (и за какие индульгенции?) за исключением, к его чести, Т. Ульбашева и еще двух-трех человек, все они, в том числе и члены Национального Совета, категорически отказались сложить свои мандаты несмотря на решения безусловно легитимного и полномочного съезда балкарского народа, и его общенационального референдума, тем самым искусственно и сознательно загнав в политический и правовой тупик уже решенный вопрос об образовании Республики Балкария?

Почему из 11 балкарцев-депутатов Парламента КБР (созыва 1993 г.), семеро открыто голосовали категорически против восстановления противозаконно ликвидированных районов Балкарии, выступая тем самым не только против реабилитации собственного репрессированного народа, но и против Закона РФ от 26.04.91 г.?!

Почему эти же депутаты лично развозившие по балкарским сельским Советам заранее заготовленные в парламенте письма с единым текстом, так называемого «Обращения балкарского народа к Президенту, Парламенту и Правительству КБР», путем лжеопросов и референдумов сорвали не только восстановление балкарских районов, но и «дружно» проголосовали за республиканскую конституцию, которая окончательно лишила балкарский народ гарантированной ему правосубъектности, и даже собственного имени?!..

Стыдно. более того, страшно в этом признаваться, но сегодня стало совершенно очевидным то, что балкарский народ переживший в 1920-1940 гг. периоды своего массового уничтожения и территориального разграбления режимами Б.Калмыкова и З.Кумехова и, наконец-таки, казалось бы, вырвавшийся к началу 90-х годов, даже из тисков 30 летнего социально-экономического геноцида режима Т.Мальбахова, в течение последних двенадцати лет оказался заложником не каких-то темных и могущественных сил, а всего лишь у десятка «прикормленных и прирученных» местной властью, так называемых балкарских депутатов.

Дело в том, что для восстановления законных прав балкарского народа, т.е. его полной (политической, экономической и территориальной) реабилитации в соответствии с Законом РФ «О реабилитации репрессированных народов» было бы вполне достаточно

одного единственного официального заявления этого десятка людей, именующих себя балкарскими депутатами, о сложении (или приостановлении) ими своих депутатских полномочий до окончательного и законодательного разрешения этой проблемы. При наличии подобного Заявления так называемого балкарского депутатского корпуса, учитывая его численный и этнический состав (в котором десяток балкарцев заседают всего лишь формально, т.е. благодаря только своей национальной принадлежности, практически не влияя на ход событий, т.к. они не являются ни депутатами от балкарского народа ни депутатами от Балкарии), Парламент КБР мог бы самостоятельно разрешить эту проблему без участия единого «балкарского депутата» и в течение одного месяца, самым цивилизованным (правовым) методом.

Ни вмешательства федерального Центра (который, наверняка, только был бы благодарен высшему руководству КБР за разумную и успешную реализацию Закона) ни, тем более, вмешательства нескольких десятков разномастных и потомственно-холоуствующих при любой власти балкарских чиновников и "интеллигентов" тут бы не потребовалось, т.к. речь идет о восстановлении поправленных конституционных прав репрессированного народа в полном соответствии имеющемуся Федеральному Закону...

Но, увы! Глядя на то как дело дошло уже до того, что официальный представитель В.Кокова (гаранта наших прав и свобод!) сегодня пытается доказать на судебном процессе, что, поголовно депортированный по национальному признаку и наполовину уничтоженный в резервациях, балкарский народ не подвергался геноциду, и «балкарские депутаты» в течении всех этих лет не только равнодушно взирают, но и по большей части прямо способствуют принятию сомнительных законодательных актов явно противоречащих федеральному законодательству и откровенно направленных на окончательное лишение балкарского народа всех его политических, экономических и территориальных прав, можно сказать, что каждый «балкарский» депутатский мандат стал для его обладателя дороже жизни целого народа, благодаря которому и обретен этот мандат!

Именно поэтому, сегодня, балкарцы хотят знать, в чем заключается вина балкарского народа перед так называемыми балкарскими депутатами, делегатами, интеллигентами и прочей номенклатурой, десятилетиями паразитирующими на теле собственного народа, и во имя личного благополучия, торгующими его национальными интересами и свободой?! Знает ли кто-нибудь из этих штатных и вечных «слуг народа», хотя бы о том, что в первую очередь благодаря их многолетней деятельности «во благо народа», нынешнее социально-

экономическое положение этого самого народа, еще четыре года назад, было оценено участниками специальной научной экспедиции организованной Институтом им. Миклухо-Маклая (руководитель С. Червонная) как национальное бедствие!!!

Ну, а если кто-то из них не согласен или сомневается в этих выводах, то пусть задастся хотя бы парой вопросов:

Кто из них в состоянии и готов ответить перед народом за бывшую гордость всего СССР, а ныне разграбленный, затопленный и разваливающийся г. Тырныауз, или за те, «всех опережающими темпами реабилитированные», но почему-то все нищающие балкарские села, где при массовой безработице процветают алкоголизм и наркомания, а школьные классы состоят из 2-3 учеников?!

И, наконец. Кто из них конкретно и по какому праву передает кому-то наше национальное достояние – земли – с их уникальными богатствами?!..

Но нет, дорогой читатель! Ни на один из этих вопросов ни один балкарский чиновник не ответит.

Вам с умилением будут рассказывать о чем угодно, в том числе и как всегда о «надоях молока и темпах вывозки навоза» с давно уже разграбленных колхозных ферм, о том, как «весело и вольготно» живет балкарскому народу в «единой и неделимой, братской и райской» Кабардино-Балкарии, под мудрым руководством единственного и незаменимого ее руководителя», но не ответят ни на один из поставленных вами вопросов.

На все эти и многие другие вопросы подробно ответит настоящий номер журнала, для которого мы не стали готовить каких бы то ни было специальных материалов аналитического характера, а решили преподнести Вам, почти забытую, десятилетнюю хронику событий, в ее первозданном виде.

Поэтому за исключением небольшого ряда (заимствованных из других СМИ) документов, подтверждающих вышесказанное нами, единственным и главным источником предлагаемого материала станет полный тираж (сборник) нашей первой и независимой народной газеты «Тёре» и одиннадцать (до сих пор выпущенных) номеров независимой общественно-политической газеты РФ – «Балкария». Мы полагаем, что подобное преподнесение информации даст возможность нашему читателю самому сделать правильные выводы о том: «Кто есть кто?!», «Кому что нужно?!» и «Каким путем идти в свое будущее?!». А оно у нас есть!!!

Расул Джаппуев

РЕЗОЛЮЦИЯ

конференции народных депутатов балкарской национальности, представленных во всех уровнях Советов народных депутатов КБАССР, в Верховном Совете РСФСР, на Съезде народных депутатов СССР.

19 августа 1990 г.

г.Нальчик.

По вопросу о Государственном суверенитете Кабардино-Балкарской АССР

Конференция отмечает, что развитие перестроечных процессов в нашей стране наряду с решением вопросов глубоких преобразований в экономике и в связи с ними в первую очередь направлено на ликвидацию деформаций в государственном устройстве, создание союза суверенных государств. В этом контексте следует рассматривать и процессы, происходящие по всей стране, связанные с принятием Декларации о государственном суверенитете союзных и автономных республик.

Появилась возможность и для народа Кабарды и Балкарии решить вопрос о самоопределении в той формуле, какую они сочтут для себя наиболее приемлемой. Реализация государственного суверенитета КБАССР приведет к изменению во всех сферах общественно-политической жизни нашей республики. Все это налагает на нас особую ответственность и требует того, чтобы вопрос о государственном суверенитете КБАССР был решен без излишней поспешности, с трезвой оценкой и учетом существующих реалий, при конструктивном и деловом обсуждении всех принципиальных вопросов, которые будут положены в основу Декларации.

Сложность реализации суверенитета КБАССР связана в первую очередь с тем, что республика изначально была образована двумя национально-территориальными субъектами – Кабардинской и Балкарской; и носителями суверенитета должны быть народы Кабарды и Балкарии. К сожалению, реальность сегодняшнего дня такова, что в результате политики, направленной на искусственное стирание граней между нациями, их ускоренное слияние, на сегодняшний день мы имеем деформированный тип государственного устройства, где субъекты образующие республику – Кабарда и Балкария – фактически существуют номинально: и в связи с этим в настоящее время о кабардинской и балкарской нациях приходится говорить лишь условно.

17 августа 1922 года Кабарда и Балкария на основании Декрета ВЦИК от 16 января 1922 года образовали единую Кабардино-Балкарскую автономную область. Данный союз можно квалифицировать как

объединение двух национально-территориальных единиц на федеративных началах, так как условия объединения основывались на том, что как Балкария, так и Кабарда сохраняли свою самостоятельность, а объединенный облисполком был образован на паритетных началах. Однако в результате сталинской национальной политики в 1934 году Кабарда и Балкария как национально-территориальные единицы фактически перестали существовать.

8 марта 1944 года балкарский народ был выселен в республики Средней Азии и Казахстан. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 года Кабардино-Балкарская АССР была переименована в Кабардинскую АССР. В результате геноцида половина балкарского народа, в первые годы после депортации, погибла от голода и болезней, а балкарский народ лишен своей государственности и территории. Последствием сталинского антиконституционного акта является и отсталость в экономическом и социально-культурном развитии горных районов республики в настоящее время.

Восстановление автономии Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года «о преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую», к сожалению, не повлекло за собой фактического восстановления прежних прав и экономических возможностей балкарского народа. Деформации в национальной политике, попытки сдержать рост национального самосознания народов, лишение их права на полное и свободное самоопределение нанесли в некоторых случаях непоправимый урон дружбе и братству народов, населяющих СССР. Вместе с тем, в эти же годы, развивались тесные экономические, социальные и культурные взаимоотношения между всеми республиками и регионами страны.

Вместе с тем, и в этой связи, реализацию государственного суверенитета республиками рассматривать как полную экономическую и политическую самоизоляцию было бы ошибочно. Также ошибочно связывать возможность или невозможность государственного суверенитета с экономической взаимозависимостью территорий или количеством населения и размером территорий, иначе теряет смысл провозглашение законного права наций на самоопределение. Вершителем своей судьбы должен быть сам народ.

Без реализации права на самоопределение кабардинской и балкарской нациями и суверенитета Кабарды и Балкарии говорить о возможности реализации суверенитета Кабардино-Балкарской республики в целом – это значит предаваться иллюзиям.

Созданием препятствий для свободного самоопределения наций является грубейшим нарушением норм международного права, в частности, Международного пакта о гражданских и политических правах, который вступил в силу для СССР 23 марта 1976 года. Такие

действия противоречат также логике и духу современных международных и правовых отношений. Без преобразования существующего национально-государственного устройства КБАССР с решением вопроса о суверенитете как Кабарды, так и Балкарии рассмотрение вопроса о государственном суверенитете Кабардино-Балкарской АССР в целом неприемлемо.

На основании изложенного,

Конференция постановляет:

1. Признать, что при существующем национально-государственном устройстве КБАССР рассмотрение вопроса о государственном суверенитете КБАССР в целом неприемлемо.

2. Предложить Верховному Совету КБАССР, Верховному Совету РСФСР до рассмотрения вопроса о государственном суверенитете КБАССР к 1 ноября 1990 года решить вопрос об образовании суверенных национально-государственных единиц – Кабарды и Балкарии.

3. Считать целесообразным рассмотрение вопроса о преобразовании Кабардино-Балкарской АССР в суверенное Федеративное государство в составе РСФСР и Союза ССР, действующего на основе договора между двумя национально-государственными образованиями – Кабардой и Балкарией самостоятельными, равноправными субъектами республики, за каждым из которых сохраняется право на самоопределение.

4. Решение Конференции направить в адрес Верховного Совета КБАССР, Верховного Совета РСФСР, Верховного Совета Союза ССР.

5. Поручить Рабочему президиуму конференции совместно с Правлением общественной организации Тёре (Балкарский Форум) осуществить контроль за реализацией настоящего постановления.

Настоящая резолюция принята единогласно на Конференции 19 августа 1990 года.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА КБАССР
О ПРОВЕДЕНИИ СЪЕЗДА БАЛКАРСКОГО НАРОДА**

**Къэбэрдей-Балъкъэр АССР-м и
Верховнэ Советым и Президиумым и
УНАФЭ**

**Къабарты-Малкъар АССР-ни
Баш Советини Президиумуну
БЕГИМИ**

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Президиума Верховного Совета
Кабардино-Балкарской АССР**

О проведении съезда балкарского народа

В связи с обращением конференции народных депутатов балкарской национальности, с просьбой о разрешении проведения съезда балкарского народа Президиум Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР постановляет:

Разрешить провести съезд балкарского народа.

Первый заместитель
Председателя Верховного Совета
Кабардино-Балкарской АССР

3. Чабдаров

Город Нальчик,
22 сентября 1990 года.

№272-ХII.

ТЁРЕ (БАЛКАРСКИЙ ФОРУМ) №1 (1).

Ноябрь 1990 года.

**Республиканский полиграфический комбинат
имени Революции 1905 года.**

АТЛАННГАН СЕЗ.

Бисмилляхий!

Аллах, сен жол бер, онг бер! Атым абынмай, таш сынмай барырча...

Ата-бабаларыбыз, жолгъа атлана туруп, алай айтып чыгып болгъандыла. Жолну атланган сёзю, алгъышы болады. Биз да, ата-бабаларыбызны сёзлерин жюрегибизде къатлай, жолгъа чыгъабыз. Ахшы умутубуз бла чыгъабыз. Халкъны бир затына жарар эсек деп. Барлыкъ жолубуз - халкъды. Аны жарсыларыдыла. Аны сагъышыды.

Аллах, сен жол бер, онг бер!

Бу кюн сайын тюрлене тургъан дуняда хар бирибиз кеси къайгъылы болуп, ёз ауарабызны ёрге, тёрге ётдюрюге кюрешсек, халкъ къайгъысын а эшик артында олтуртуп - миллетибизни жашау сыры ёчюллюкдю. Тилибизге, динибизге, Туугъан жерибизге да суурукъбуз.

Динибизге сууугъаныбыз хакъды.

Тилибизни даражасы къалай жюрюгенин кёребиз.

Ата журтубуз... Аны кыйынлы халын билмеген кимди!

Халкъыбызны онгу сыйырылып тургъанын да!..

Уллу иште айып жокъду. Сыйыбызны кёзбау сёзге алдырмайкъ. Алданмайкъ. Алдатмайкъ. Халкъны, кертини аллында барыбыз да тенгбиз. Ол акъылгъа сыйынсакъ - жангылгъаннга ташада угъай - туурада, терс ызы тутханны кесине - халкъ кёзюнде айтсакъ, оюм этерге, тюзелирге, эслеп атларгъа юйренирикбиз.

Таулула не заманда да тыш адамгъа хурмет этгендиле. Ол бурундан келген адетибизди. Тилине, динине кёре бир адамны да учуз этмегендиле. «Буслийман, гяур деп кюрешмейик, аманнга, игиге юлешмейик», - деп, аны Кязим-хажи да осуят этип кетгенди.

Барыбыз да дуняда жашаргъа деп туугъанбыз. Хар инсан да къууаныргъа, умут этерге, умутуна жетерге сюеди. Кимни да насыплы этерик - аны таза ниетиди. халал къол къыйыныды, мангылай териди. Хар кимни да тыпыр ташы болады, - къудретге, адамлагъа жюрек жылыуун сакълап тургъан. Хар кимни да кёлюнде сыйлы тёрю болады, - жюрегине къысыб жашагъан. Ол - аны туугъан жериди, анасыны ауазыды, ата сёзюдю.

Кёп кыйынлык сынагъан къарачай-малкъар халкъыбыз, бушууну ачылыгъын, къууанчы татыуун да иги билген таулула, иншаллах, оюму, асыллы сёз айталлыкдыла. Къум, юзmez тюзледе кёп адамын, кёп ахшы умутун тас этгенде да, халкъыбыз адамлык къачын, сыйын, намысын тас этмей, анга кир къондурмай, бет жоймай къайтханды. Не уллу намысха-сыйгъа да тийишли эди, кёрген кыйынлыклары, тёзген акъылы-эси ючюн! Алай ол бюгюн да баш эркинлигин табалмай жашайды.

Аллай-аллай «ишчиклери» халкъланы ол айтхан игилигине келтиралмагъаны ючюн, къыралыбыз тобагъа къайта тургъан заманды.

Халкъланы сёзге-даулашха къалдырмай, жер, мюлк, оноу эркинлигибизни да ызына къайтарьп, къарачай-малкъар халкъына, аллай-аллай башха халкълагъа сынатхан кыйынлыклары ючюн да, власт, оноучуларыбыз, дунягъа ачыкъ этип, аладан кечгинлик тилерге тийишлидиле. Ол зат бизден да бегирек властны кесине керекди: ол аны адамлык даражасын белгилеген шарт боллукъду!

«Тёре» миллетле арасында тюзлюк, тенглик, ырахатлык болур ючюн юреширикди.

Кертиди «Тёреге» дери да халкъыбыз басма сёзсюз болмагъанды, ол 13 жылны айтмасакъ. Алай ол басма сёз халкъ ауазы туюл эдя. Нек дегенде, «Ары!» деселе - Ары! «Бери!» деселе - Бери, бурулуп тургъанды. Бурулмагъанны уа бойнун буруп... Не амал, ол алай эди.

Ол, терс-тюз эсе да, «башындан» келген бир оноугъа, бир буйрукъгъа бойсунганды. Халкъны атындан бир ызы бардыргъанды, халкъны жарсыуун истерге да кюсемей. Истер амалы, жангылып тюзюн айтыр онгу да болмай. Не медет, не медет, ол алай эди. Эдими?..

«Тёре» - халкъ ауазы, азат сезю болурма деп умут этеди.

Мураты - жел ургъан жанына къарамай, - тюзюн, кертисин айтыргъады.

Бюгюн халкъыбызгъа кереги – БИРИГИУЛЮКДЮ!

Алайды да, «иесиз къалгъан сюрюуча, къоркъа-юрке жашамай», бир акъылгъа тизилип, отубузну ышырайыкъ. Белибизни къаты къысайыкъ. Халкъ къопхан ишден артха тартынмай, бирден тутайыкъ. Халкъ сюегенин киши аудармаз.

ДОГОВОР от 17.09.1990 года № 27/05.

АППСО Каббалтпроектстрой в лице председателя Совета правления тов. Поповича В.И., действующего на основании решения Совета правления № 13 от 18.07.90 г. и Устава, именуемый в дальнейшем «Продавец», и общественная организация Тёре (Балкарский Форум) в лице председателя тов. Зукаева З. Ш., действующего на основании

Устава, именуемый в дальнейшем «Покупатель», заключили настоящий договор о нижеследующем:

1. «Продавец» обязуется передать Дворец строителей в собственность «Покупателя».

2. «Покупатель» обязуется принять Дворец строителей и уплатить за него остаточную стоимость в размере 2,8 млн. руб.

3. «Покупатель» обязуется, по мере необходимости, предоставлять «Продавцу» в аренду надлежащее помещение во Дворце строителей для проведения мероприятий, с оплатой в установленном порядке.

4. Расчёты по настоящему договору производятся путём предварительной оплаты.

5. Срок действия договора установить до 2000 года. Реквизиты сторон;

АППСО Каббалкпроектстрой - 360000. г. Нальчик, пр. Ленина, 57. расчётный счет № 248015 Промстройбанка г. Нальчика.

Общественная организация Тёре - текущий счёт №1700109 жилсоцбанка г. Нальчика.

Подписи: В. И. ПОПОВИЧ.

З. Ш. ЗУКАЕВ.

ХУРМЕТЛИ ЖАМАУАТ!

Халкъыбызны жырлары, тепсеулери, жарыкълыкъгъа талпыныуу къуш-къанат жаш тёлубюзню хунери, итйиниюу да артыгъы бла бола тургъанлай, «Жокъду!» дегенни айтып, «Балкария» къырал ансамблини къалай «тынчлыкъ» бла унагъанларын билесиз. Аты, хаты ючюн къалай къазауат этгенлерин да.

Бу иш, Аллахха шукур, «башында» бир къауумла умут этгенча болмай, халкъ айтханча, болду! Алай, оночуланы «ахшылыгъындан», «Балкария» бюгюн да жерсизди.

Бу биз басмалагъан Келишим - сатыу-алыу, къол тутушуу да тамамлыкъ этмей, биягъыла энтда да къатыдыла, бекдиле! Ай, бу законлу эркинлигибиз - бу юй тынчлыкъ бла келсин бизге!

Халкъыбызны он бармагъыны къыйынына, халал мангылай терине сатып алабыз десекдамы жумушамазла?! Аны да халкъны кесине жюк этмей, «Балкарияны» къайгъысын кёрюрге боюнларында эди. Кёрмейдиле. Кётюрейик бу жюкню да... Ангылагъаннга, ол да бир шартды, шагъатды...

Миллетибизге, адет-тёре, намыс-сый деген иниет хазнабызгъа, адамлыкъ къудуретибизге бир отжагъа кереги баямды, - жаш тёлубюз, тилибиз, кюнубюз бузулуп кетмей, аны жылыууна къысылып ёсерча.

Алайды да, Хурметли Жамауат! Огъурлу аталарыбыз, аналарыбыз кыйын кюн билеклик этген. къарындашларыбыз, эгечлерибыз, аналарыбыз кыйын Отжагъаларына термиле ол анда кыйрылгъанларыбызны эсгерейик да, Къайсынны эсгермеси сюеллик жерде халкъ жюрегин жылытырыкъ отжагъаны къурайыкъ. Бу ишни къуаргъа борчлу кюллукъчулагъа артыкъ бек ышанмагъандан, инсан, эл, жамауат тизмесин башлайбыз: ШАУАЛАНЫ Чылыуну кызы Миналдан - 100 сом, ГЕККИЛАНЫ Магомет Баттал улу - 100 сом, ТАУМЫРЗАЛАНЫ Далхат Мухаммат улу - 100 сом. ЖАНКИШИЛАНЫ Ибрагим Хусей улу - 100 сом, ТОЛГЪУРЛАНЫ Зейтун Хамит улу - 100 сом, ЁЛМЕЗЛАНЫ Мурадин Муса улу - 100 сом, БЕГИЙЛАНЫ Абдуллах Мыстафа улу - 100 сом.

*КБАССР, г. Нальчик, жилищоцбанк,
счёт № 1700109 Народная
общественная организация ТЁРЕ*

ЗОКАЛАНЫ Зейтун:

Тёренни газети чыгып башлагъаны бла байламлы, алгъыш сёз айтып, аны бла чекленип къалыргъа да боллукъ эди. Алай бюгюнлюкде, жюрек жарсыуубуз асыры кепден, миллет кыйгъыла баш кётюрюрге кыймагъанлары себепли, бир кюнню да оздурмай, не амал бла да оноубузну этерге керекбиз. Аллахха шукур, энди халкъ бла кенгешир онгубуз барды.

Зокаланы Зейтун Шохайиы жашы-алгъынныгы ишинден аппаратны гынттысын кётюралмай кетген эди, серле бла жарашалмай. Миллет жарсыуулары тегерегине халкъны бирикдирирге эрттеден кюрешеди.

Керти сёзю, таукеллиги, миллет жарсыулагъа арсарсыз киришгени бла халкъны ыразылыгъын алады. Тёренни жамауат кеси айыргъан таматасыды

«Нальчик» турбазаны директоруду. Тынч-ырахат турур онгу бар эди...

ФЕДЕРАЦИЯ – ТЮЗЛЮК, ТЕНГЛИК ЖОЛУДУ.

ХАЛКЪЫБЫЗ дунягъа айтхылыкъ ишчи халкъ, кыйралыбыз хазнасы сыйыннгысыз кыйрал бола тургъанлай, оночуларыбызны башсызлыкъларыны хатасындан, уллу кыйтлыкъ тузагъына тюшгенбиз! Бу палахдан кытулур ючюн, жашау жоругъубузну тюрленниирге керек болгъанды. Сёз кыйралны халкъ мюлкюн базар багъалагъа, жерин, артыкъ уллу болмагъан заводларын, ууакъ мюлклерин энчи-энчи

адамланы кьолларына бериуню юсюнден барады. Совет республикала, автономияла – суверенитетге (баш эркинликге), башхача айтханда, энчи кьырал эркинликге чыгъадыла. Мюлк жюрютюу жаны бла эркин багъалагъа кечедиле. Биз да ол ишге хазырланьргъа керекбиз.

Къабарты-Малкъар баш эркинлик алыргъа хазырланганы себепли, Тёре жарашдыргъан Декларацияны ёзеге да басмаланнганды. Алай ол ишни юсюнден кёп тюрюл хапарла, таурухла, бу ишге заран келтирген сёзле чыгъадыла. Сёз нени юсюнден баргъанын ангыламай, бир-бир адамла ажашып турадыла. Башхала уа, бек иги билип, ангылап да тургъанлай, ётюрюк, алдау хапарла чыгъарадыла.

Аппаратны адамлары бизни малкъар халкъгъа эркинлик, законда жазылгъаныча тенглик берилмесин деп, аллай ниетни нек тутханларын ким да ангылайды, - ала оюла тургъан системаны - кьыраллыкны эски ызын сакълайдыла. Ансыз алагъа жашау жокъду, аллай адамла кеси кыйынлары бла жашаргъа юйренмегендиле.

Аллай къуллукъчула Къабарты-Малкъаргъа, төречиле айтханча федератив (тенглик халда) оноу этилген республиканы къабыл кермейдиле. Аны кьой, анга киштикни отха тартханча къарайдыла. Нек дегенде, федератив республика къуар ючюн жангы айырыула бардырыгъа керекди, ол депутатланы уа малкъар халкъ да кеси арасындан кеси айырыгъа тюшерикди, миллет-жер округла къурап. Къуллукълагъа жангы къуллукъчула салыныргъа тюшериклиле. Кеси кишилигине базынмагъан адам а аллай сынаулары ётерге таукел болалмайды. Аны оюмуна кёре, тауда буудан эсе, кьолда кьоян ахшыды деп, тынгылауну басып турады. Тынгылауну басып турса уа! Жашыртын да, ачыкъдан сюелип да, жалгъан бла, тил бла ол оюмгъа къажау туруп, халкъны терсине бурургъа, Тёреге ёч ётерге кюрешедиле. Малкъар халкъбызгъа бир сатлыкъ ырысхыгъача къарайдыла, халкъ къул-къарауаш болуп тургъанын эслерине да алмай. Тенгликни алыргъа, башха халкъла бла тенг даражада, тенг намысда жашарча ётерге, бу жолча онг табылмазлыгъын биле тургъанлай, кеси гыржынларына халкъ къбынын алышадыла.

Бир-бир совхоз директорла, колхоз председателле, ёре къуллукъчула: Бизге не жерле керекдиле? Къайдады бизни жерибиз?», - деп, сёз нени юсюнден баргъанын ангыламагъанча этедиле.

Тау эллени менме деген жашлары, кеси журтларын, юйлерин, колхозларын кьуюп, тюзлеге жайылып, башха, киши колхозларына жалчылыкъгъа кирип тургъанларын, бир-бир адамларыбыз а малкъар халкъны, кёчюрюлгюнчю, кеси жерлерине саналгъан, ата-бабаларындан къалгъан кышлыкъларында бла жайлыкъларында кимге эсе да бирге мал ёсдюргенлерин, бичен ишлегенлерин, къул-къарауаш жумушла бла кечиннгенлерин уста биледиле. Ол болумну эслемегенча этип, не Аллахха, не адамгъа ушамагъан, былхымсыз сёзлени жаядыла. Сёз

ючюн, төречиле Къабарты бла Малкъарны арасында чекле салыргъа умут этедиле дейдиле.

Райкомлада, райисполкомлада ишлегенле, колхоз, совхоз башчыла – «биз жер дау этсек, бизге тюзледе берилген, мирзеу сепген жерлерибизни сыйырып къоярыкъдыла, аласыз къалай баш тутарыкъбыз»? - деп, кёзбау жияу этедиле. Аллай сёзлеге киши алдатмасын, нек дегенде, таулула ёзенледе будай себип, аны къырал ындырлагъа ташыгъандан башха, юйлерине не мирзеу элтмейдиле, не артыкъ ахча алмайдыла.

Малкъарлыла бусагъатда ёзенледе 10.5 минг гектар жер туталыла. Тюзюн айтханда уа, алгъындан эсе бизге шендю берилип тургъан жерни «артыгъы», 3.5 минг гектарды. Биз кёчюрюлгюнчю Прохладна районода Къурей деген жерде, РСФСР-ни бегими бла къырал фонддан берилип, бизни 7 минг гектаргъа жууукъ жерибиз болгъанды. Андан сора да бир затны ангылатыргъа сюе эдим: кечгенден сора малкъар халкъны жерин комиссия Акт бла Къабартыгъа бергенди. Ол къагъытла сакъланадыла. Анда уа ненча гектар сюрдю, ненча гектар биченлик, ненча гектар юй бахча жерле, къышлыкъ - жайлыкъ - бары да жазылыпды. Билирге сюйгенлеге айтайым - 500 минг гектардан аслам жерибиз болгъанды, шендю уа, айтыуларына кёре, 150 мингге жете гектар жерибиз барды. Да сора, юйюгюзге игилик, ол кёзбау жияу этгенле, сиз керти да халкъыгъызны, жамауатыгъызны сюе эсегиз, аны ючюн жарсый эсегиз 3.5 минг гектарны сыйырлыкъдыла деп, аны жияуун этмей, 350 минг гектар жерни жияуун этсегиз а!

Быллай хапарлагъа тынгыласанг, сейир-тамаша этерчады: къырал властла, кесибибизни къабарты-малкъар башыларыбыз да алагъа бойсунуп, законла бла буйрукъла чыгъарып, малкъар халкъны сыйырылып тургъан жерин къайтарыргъа керекди деп, аны юсюнден газетле басмалап, битеу дуниягъа белгили этедиле. - зарауатлыкъ сынагъан халкъны политика, экономика эм маданият жаны бла тенглигин, эркинлигин, аны бла бирге уа 1944 жылгъа дери болгъан жерин кесине. къайтарыргъа керекди деп алай айтадыла, аны къой, къуру айтыу бла чекленип къалмай, КъМАССР-ны Баш Советини бегими бла комиссия къуралып ол да ишлей тургъанлай, бу «угъай» деген неди?!

Жерлерибизни кесибибизге къайтарыуну къырал законлугъа санай эсе, ол Аллахха, адамгъа да тийишли иш эсе, кесигизни миллет мюлкюгюз къолугъузгъа къайтса дурусду деп, закон алай айта эсе, кимге керекди бу аман хапарны жайыу? Мен, кеси жеримде политика жаны бла къалгъан халкълагъа тенг болуп, кеси къол къыйыным бла жашаргъа сюеме дегенликге, биреуню кёлюне нек тиерге керекди?!

Ётюрюклени жайгъанла барындан да бек къабарты элдеде жашагъан адамларыбызны къозутадыла. Ой, жер чек дау этсек, сизни тургъан

жеригизден кыстаган этерикдиле, кыстаган бла да кыймай, туйген, ёлтюрген окъуна этерикдиле деп, эртте кыргызылыланы «адам ашаучула келедиле» деп кюркютханча, эсде - бусда болмаган адамланы дыгылларына катылып турадыла. Айхай да, аллай таурухлагъа тынгылаганна да тезюмю чексиз туйюлдю. Жыйырма-отуз жылдан бери кыраган мюлкюнгю кыюп кетерге, аны юсюне да сыртынга кызык тийдирирге айтсала - алай хычыуун кёрюнмез. Алай нек? не зат ючюн? не терслигим барды? - деп аны юсюнден сагыш этерге керекли. Аллай хапарла абызыратмаз ючюн республикабызны башчылары ишни болушун ангылатырга борчлу эдиле. «Жамауат, кыйгы этме, катыш элдеде турганлагъа бир адам, бир сёз айтырга эркинлиги жокъду, нек дегенде, сиз тууган жеригизге кыйтып келген кезиуде, законсуз кёчгюнчюлюкге тюшген малкяр халкыны эллерин, районларын жангыдан ишлер ючюн РСФСР-ны буйругу бла кёп миллион сом ахча, кырулуш керекле, техника, башха ырысхы берилген эди. Ол санда школла, больницала, клубла, библиотекала, тюкенле, почта ёлюмле, жолла ишлерге деп да кёп тюрлю ырысхы берилген эди, алай ол кезиуге Кыбарты-Малкярны башчылары ол ырысхыны малкяр халкыны кесине бермей, кыйры эсе да башха затлагъа кыратханлары себепли, сизни уа, малкярлыланы, кеси жеригизге барырга кыймай, эл тубюне жайганлары себепли кечгинлик тилейбиз, шёндю турган жерлеригизде уа сизге бир адамны да тырман этер сылтауу жокъду деп, кырганырга керек эдиле. Ол заманда ёпюрюк хапарла жана барган отха челек бла суу кыйганча ёчюлюр эдиле.

Ол себепден эки миллет арасында кыйгы чыгарга боллукъду деген хапарланы тохтатырга керекди. Дуня жаратылганлы малкяр халк кыбартылыла бла бир юйюр кибик алай жашап келгенди. Сёз ючюн, хар тёртюнчю малкярлы кыбарты бла эт жуууклукъ жюрютеди. Жангы юйюрле партияны обкомуну бюросуну буйругу бла кыралмаганларына, Аллах, санга шукур!

Жерлерибиз, арбазларыбыз, мал сюрюулерибиз, мюлкюбюз, хазнабыз энчи болганлыкыга, кyonшу жашауубуз бирге болганды. Бир бирге хыны сёлешиуню окъуна бизге дери келген тёлөле айыпха санагандыла. Аны себепли мындан ары да, мюлкюбюз энчи болганлыкыга, бютюн да ариу жашау этерге керекбиз. Тёре жарашдырган Декларацияда аллай оноу этиллик кыраллык низамны юсюнден айтылады.

Жерлерибизни кесибизге кыйтарыуну дагыда бир маганасы барды. Ол да неди десегиз, жерни чынтты иеси болса, табийгъатны бузмай, халек этмей, кюйдюрмей, малтамай, ёмюрлеге дери хайырлы сакъларга боллукъду. Бусагъатда малкяр халкыны жеринде, «туризм», «лесхоз», «лесничество», «охотхозяйство» дегенча мюлкле ие болуп, малкяр халкыга бир капек файда келтирмейдиле - заран келтиредиле.

Къабарты бла Малкъар республикагъа кырал эркинлик берир ючюн деп жарашдырылгъан Декларацияны проектин сюзер акъылда, ол Декларацияны оноуун этер мурат бла Тёре малкъар халкъны съездин бардырыгъа умут этгенди. Аны бардырыр кюнюн да белгилеген эдик - 29-чу сентябрь. Съездге элледен делегатла айырылгъандыла. Алай, сагъыш этип, съездни бираз артдаракъ бардырыгъа деп, аллай оюмгъа келгенбиз. Нек дегенде, бир жаны бла мындан алгъаракъда, 19-чу августда, малкъар халкъны депутатларыны конференциясында алыннган Резолюциясына Къабарты-Малкъарны Баш Совети жууап этмегенди. Ол алай эсе уа, келигиз, кесибизни депутатларыбызны намысларын тюшюрмейик дегенбиз. Экинчи жанындан а - хар ыйыкъ сайын тюрлене баргъан кыраллыкъ жашауну кёрюп, аны тергеуге алып, бизни Баш Советибиз, алайсыз онг болмазын ангылап, ол биз тилеген, биз кюсеген федератив республиканы кеси аллына къурап къоярмы деп да сакълайбыз.

Тенглигибиз законлу чекге чыкъса, башха жарсыуларыбызны юсюнден къайгырыгъа да тынч боллукъду. Кёчгюнчюлюкню хатасыдан тас болгъан ырысхыбыз, мюлкюбюзню багъасы тёленирге керекди. Мындан алгъаракълада битеу халкъыбызгъа законсуз тазир салынып, «почта бла переводла алгъансыз» деп, ахча жыйгъандыла. Ол да иелерине къайтыргъа керекди. Кеси жерибизге Къайтханыбыздан сора, бизге деп берилген хазна къайры кетгенин ачыкъларгъа да керекбиз. Аллай жумушла кёпдюле. Халкъгъа бу ишлени ангылатыула партияны аппараты бла тенг болалмазлыгыбызны билебиз. Нек дегенде, обкомну бла райкомланы къолларында кючлю сауут барды: газетле, радио, телевидение, хакъ алып ишлеген мингле бла адамлары. Башындан буйрукъ берилгенлей, ала не жумушну да этерге хазырдыла. Тёрени уа аллай кючю жокъду - не улоуу, не ахчасы. Биз тыяннган - кеси ишлерин къоймай айланнган бир къауум адамды. Биз айтхан сёзню халкъ тюз ангылар деп, жангыз анга базынабыз, - сизге.

(продолжение следует)

Содержание

Приветствие Олжаса Сулейменова.....	3
Приветствие Мухтара Шаханова.....	4
Чингиз Айтматов, Мухтар Шаханов.	
Опасный фетиш Чингисхана.....	5
Улданай Бахтикиреева.	
К вопросам: о роли интеллектуала в современном обществе и функции художественного образа в историческом процессе.....	23
Встречи с Чингизом Айтматовым.....	41
Рамазан Джуккаев.....	46
Магомет Евлоев. Моя Ингушетия.....	49
Султан Катанчиев. Александр Невский – правнук половецкого (кипчакского) хана Котяна.....	52
Ефим Кабаченко. Ислам Карачайлы.....	72
Ибрахим Шаманов. Ислам Карачайлы (Хубиев).....	79
С. Д. Мастепанов. Воспоминания об Исламе Карачайлы.....	81
Марьям Яндиева. Между Сциллой и Харибдой.....	83
Оюс Айшаев. Историк Бабаев и его монография «К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов».....	141
Билал Лайпанов. Новые стихи.....	171
Светлана Червонная.	
Каменная летопись Тюрко – Мусульманской культуры.....	188
Российский Гуманитарный Научный Фонд (РГНФ) против Исмаила Гаспринского.....	223
Светлана Червонная.	
К итогам международной конференции «Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока».....	225
Олжас Сулейменов. Тюрки в доистории.....	249
Виль Ганиев.	
«Сабий садлагъа...», или Поговорим снова о наших языках.....	548
Большие проблемы малого народа (летопись Балкарского национально-освободительного движения)...	557

Ответственные за выпуск:

**Б.Лайпанов,
А.Тоторкулов**

Оригинал-макет подготовлен
культурно-просветительским центром
«Ас-Алан»

Издание осуществлено при поддержке
**Демократической организации «Джамагъат»,
Союза карачаевских писателей и
Карачаево-балкарской общины г. Москвы**

Компьютерный набор **М.Лайпанова**
Обложка, фотографии **А.Кустов**
Компьютерная верстка **Б. Дмитриев**
Перевод текстов **А. Лайпанов**

Подписано в печать с оригинал-макета 20.10.2002г.

Формат 60x88 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л.36. Уч.- изд. л.30,75. Тираж 5000 экз.
Заказ № 1996 . Цена договорная.

Лицензия ЛРН 062945
от 26 августа 1998 г.
Свидетельство ПИ №77-1101
от 15 ноября 1999г.

ISBN 5-87553-037-5

Книжное издательство "Мир дому твоему".
г. Люберцы, 115-й квартал, Юбилейная - 5а

Отпечатано в Орехово-Зуевской типографии:
г. Орехово-Зуево, Моск. обл., ул. Дзержинского, д. 1

AS-ALAN

Kültür, Sanat, Bilim ve Arashtırma Dergisi

Sahibi ve Yazı İşleri Müdürü
Bilal Laypan

Yazı kurulu

**Uldanay Bahtikireyeva, Rasul Cappu, Aslan Atabiy,
Yasar Totorkul, Yılmaz Nevruz, Enver Toka,
Haci-Murat Hubey, Maryam Yandieva, Adam Malsagov**

Danışma Kurulu

**Mustafa Dommaycı, Atilla Şimşek, Abdullah Yücesan,
Yaşar Kalafat, Sema Çotça, Murat Botaş, Riza Dağlı,
Eza Laypan, Öztekin Korkmaz, Cengiz Çagar, Abat Ali, Azret
Aliy Keçeruk, Ramazan Cukka, Zubeiyr Korkmaz, Bahautdin
Etez, Nur-Magomet Laypan, Rades Kuliyy,
Boris Korkmaz, Kazbek Bostan, Soltan Hubiy,
Boris Laypan, Aliy Şidak, Alan Laypan**

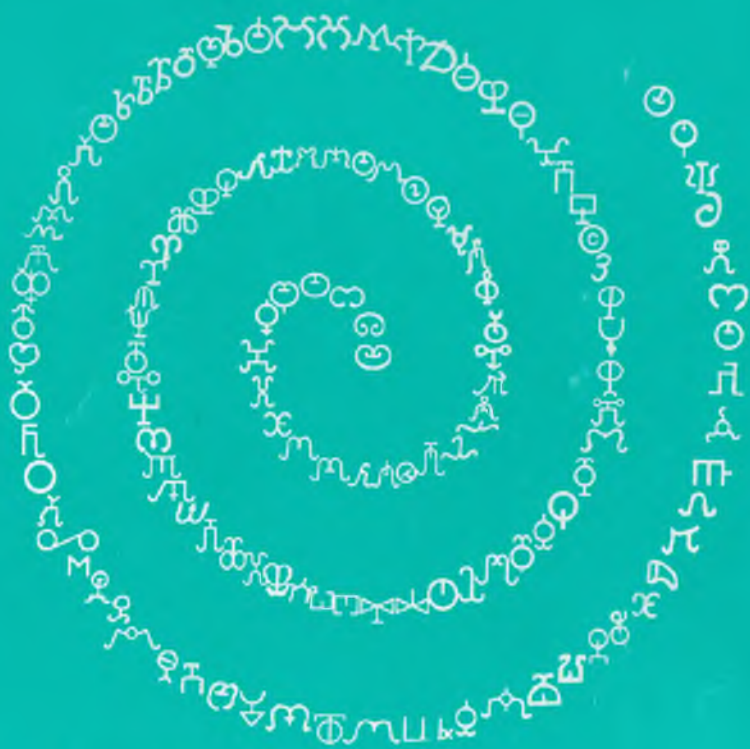
Haberleşme Adresi:

109518, Russia, Moscow,

Grayvoronovskaya, 21-110

E-mail: bilallaypan@mtu-net.ru

Tel/fax (095)177-99-20

3(8) 2002